ЩУКИНСКІЙ СБОРНИКЪ.

ВЫПУСКЪ ВТОРОЙ.

МОСКВА
ТОВАРИЩЕСТВО ТИПОГРАФІИ А. И. МАМОНТОВА
Леонтьевскій пер., домъ № 5
1903

LIBRARY OF THE
UNIVERSITY OF ILLINOIS
AT URBANA-CHAMPAIGN
q947
Sh293sh
v.2

NOTICE: **Return or renew all Library Materials! The *Minimum* Fee for each Lost Book is $50.00.**

The person charging this material is responsible for its return to the library from which it was withdrawn on or before the **Latest Date** stamped below.

Theft, mutilation, and underlining of books are reasons for disciplinary action and may result in dismissal from the University.
To renew call Telephone Center, 333-8400

UNIVERSITY OF ILLINOIS LIBRARY AT URBANA-CHAMPAIGN

JUL 16 1991

JUN 2 0 1991

JUN 20 2010

L161—O-1096

Щукинскій сборникъ. Выпускъ первый Въ малый листъ, V+448 стр. Москва. 1902. **Товарищ. типогр.** А. И. Мамонтова. (Напечатано 200 экз.)

ЩУКИНСКІЙ СБОРНИКЪ.

ВЫПУСКЪ ВТОРОЙ.

МОСКВА
ТОВАРИЩЕСТВО ТИПОГРАФІИ А. И. МАМОНТОВА
Леонтьевскій пер., домъ № 5
1903

Напечатано двѣсти экземпляровъ.

9 947
Sh 273 v.2

О времени обѣдовъ, ужиновъ и съѣздовъ въ Москвѣ, съ 1792 по 1844 годъ 1
Воспоминанія Макарова о кн. Дмитріи Владиміровичѣ Голицынѣ. 8
Записки о Кавказѣ, писанныя Н. Беклемишевымъ въ Оренбургѣ, въ 1849 году. . . 20
Письма кн. М. С. Воронцова барону А. Е. Врангелю, 1845-1854 гг. 90
Письма С. Сафонова барону А. Е. Врангелю, 1848 и 1850 гг. 126
Письма кн. А. И. Барятинскаго барону А. Е. Врангелю, 1853, 1857 и 1859 гг. . . . 128
Замѣтка о Д. П. Трощинскомъ, 22 февраля 1830 года 131
Изъ записокъ Ф. Толля. 137
Два письма Н. П. Щепкина, 1855 года 154
Дневникъ мичмана Владиміра Романова, 1814 года. 157
Жизнеописаніе коллежскаго ассессора П. И. Гусева, имъ самимъ писанное. 163
Дорожныя записки, 1797 года. 216
Письма В. Титовой Шишкинымъ, 1794-1796 гг. 228
Письмо кн. И. Голицына С. П. Шишкину 230
Два письма Т. Борноволокова С. П. Шишкину, 19 и 26 іюня 1787 года. 231
Два письма И. Ястребцова П. С. Шишкину, 30 іюля и 29 октября 1804 года 233
Письма А. Кирѣевскаго П. С. Шишкину, 1809 и 1810 гг. 236
Письма Александра Максимовича Княжевича П. С. Шишкину, 1816, 1818, 1819 и 1820 гг. 241
Письмо В. Ханыкова П. С. Шишкину, 26 іюня 1823 года 253
Письмо С. Толбудина П. С. Шишкину. . . . . —
Письмо гр. К. Гудовича П. С. Шишкину, 5 января 1826 года. 254
Письмо Малышева П. С. Шишкину 256
Письмо изъ Дерпта, отъ 13 ноября 1844 года 257
Письмо Е. Кологривовой П. Н. Шишкиной, 27 января 1825 года 258
Письмо Ив. и Алекс. Дмитріевыхъ И. П. Бекетову. 259
Замѣтка о чугунныхъ дорогахъ въ Россіи. 263
Копія съ мнѣнія кн. П. Волконскаго о желѣзной дорогѣ, 13 января 1842 года . . . 264
Письмо графа Бенкендорфа Н. И. Кусову, 18 января 1842 года. 266
Мнѣніе кн. П. Волконскаго о дарованіи свободы помѣщичьимъ крестьянамъ. . . . . —
Собственноручная записка Ив. Мих. Снегирева. 267
Письмо Василія Васильевича Варгина, 9 іюня 1838 года. 268
Письмо Ксенофонта Полеваго В. В. Варгину, 6 октября 1850 года 271
Замѣтка о В. В. Варгинѣ, 14 января 1859 года 273
Взысканіе съ лицъ, не устроивавшихъ иллюминаціи въ царскіе дни, въ Архангельскѣ, 1794 года. 275
Пасквильныя табакерки въ Петербургѣ, 1743 года 277
Пасквильное письмо, 1793 года. 279
Отношеніе гр. Салтыкова въ моск. управу благочинія, 23 марта 1803 года 280

О запрещенныхъ книгахъ въ 1825 году . . . . . —
Копія съ опредѣленія пермской межевой конторы, 29 сентября 1831 года 281
Копія съ указа имп. Александра I министру духовныхъ дѣлъ, 25 апрѣля 1824 года. 284
Копія съ замѣчаній митрополита Серафима на книгу г-жи Гіонъ. 285
Копія съ отношенія Магницкаго митрополиту Серафиму, 24 мая 1824 года 287
Два отношенія спб. митрополита Исидора спб. гражданск. губернатору Скарятину, 1864 года. 288
Письмо кн. А. Шаховскаго 291
Прошеніе О. Сенковскаго предсѣдателю спб. цензурнаго комитета, 14 іюля 1855 года. 292
Секретное отношеніе статсъ-секретаря Суковкина Н. А. Муханову, 14 декабря 1858 года. 294
Списокъ періодическихъ изданій (декабрь 1858 г.) 296
Изъ цензурной старины (1829—1851 гг.) 302
Записка И. Лажечникова 360
Два циркуляра моск. оберъ-полиціймейстера, 1869 года. . . . . —
Письмо голландскаго короля Вильгельма вел. княг. Аннѣ Ѳедоровнѣ, 12 іюня 1820 года. 361
Письма вел. кн. Константина Павловича академику Пужанъ, 1826, 1828, 1829 и 1830 гг. 362
Три письма Дарсэ академику Пужанъ, 15 и 19 мая и 29 октября 1829 года 367
Копія съ письма импер. Александра I, 15 ноября 1815 года 369
Копія съ рапорта Алексѣя Петровича Ермолова импер. Александру I, 12 марта 1817 года. 370
Замѣтка о графахъ Шереметевыхъ пономаря Алексѣя Иванова. 371
Письмо Александра Семеновича Шишкова родителямъ. 372
Письмо А. Казначеева, 26 января 1829 года 374
Письмо княгини Софіи Александровны Мадатовой, 20 февраля 1829 года 375
Письмо изъ Бобруйской крѣпости, 28 мая 1831 года. 376
Письмо Е. Головина барону А. Е. Врангелю, 3 августа 1839 года. 377
Письмо П. Иванова, 12 января 1861 года 378
Описаніе свадьбы (рукопись XVIII вѣка) 382
Памятная книжка поручика лейбъ-гвардіи Семеновскаго полка, Александра Алексѣевича Благово, 1739 и 1740 гг. 385
Отрывки изъ воспоминаній Бекетова 455
Копія съ циркулярнаго предписанія министра внутр. дѣлъ графа Перовскаго, 15 апрѣля 1849 года. 490
Разсказъ современника о кончинѣ императрицы Елизаветы Алексѣевны. (Черновая рукопись.) 491
Разсказъ современника о кончинѣ императрицы Елизаветы Алексѣевны 492
Церемоніалъ выноса тѣла императрицы Елизаветы Алексѣевны въ Бѣлевѣ. (Рукопись 1826 года.) 494
Два письма Н. Аделунга графинѣ Ю. Ѳ. Барановой, 22 сентября 1849 г. и 20 марта 1850 года 496
Отрывки изъ дневника Н. Гилярова 498
Опечатки.

О времени обѣдовъ, ужиновъ и съѣздовъ въ Москвѣ, съ 1792 по 1844 годъ.

Положительное время Публичныхъ и Частныхъ Обѣдовъ, Ужиновъ и всякихъ съѣздовъ, съ отмѣтками, при томъ, также, и кое какихъ обыкновеній въ Москвѣ, начиная съ 1792 по настоящій 1844-й годъ, то есть: въ теченіе одного Пятидесяти-лѣтія съ годомъ.

Выборки изъ домашнихъ моихъ Записокъ.

Предисловіе къ этой Статьѣ.

Наше древнее Русское Утро; а съ нимъ и бодрствованіе житейское, точно, также, какъ и у всѣхъ первобытныхъ людей, начиналось по Господнему устроенію—на дняхъ весны и лѣта восходомъ солнца смотря по тому жъ минутами, или часами раньше, или позднѣе — размѣръ этотъ падалъ и на осень и на зиму; но уже безъ солнышка, а при лучинѣ, при ночникѣ, при свѣчкѣ (когда ее выдумали). Отцы наши пробуждались отъ сна и тутъ, также, по лѣтнему да по весеннему—такъ было; но, тоже, почти еще и нынѣче въ поведенціи у нашихъ крестьянъ не близкихъ къ большимъ городамъ, а особенно къ столицамъ. Лѣтнія и вешнія ночи у нихъ начинаются, какъ разъ, по закатѣ солнца, тутъ всѣ они тотчасъ ужинаютъ, что Богъ послалъ, читаютъ молитву и ложатся. Осенью и зимою, въ ровень, размѣру вешняго и лѣтняго времяни, до положительнаго часа на молитву, ужинъ и сонъ, тѣ же крестьянѣ наши продолжаютъ бѣсѣды свои домашними и со сторонними посидѣлками; но все это въ ровень и въ ровень одному и тому же опредѣленно положительно ращитанному на то часу, замѣченному вѣками, по згару лучинъ, свѣчи, ночника — конечно бываютъ, здѣсь же, и ошибки въ минутахъ, въ секундахъ; но это уже самая ничтожность!

Досидѣть до первыхъ пѣтуховъ, то есть за полночь почиталось у предковъ нашихъ неприличіемъ и, вотъ при мнѣ уже, старые Москвичи временъ Императрицъ Анны и Елисаветы, изъ которыхъ я имѣлъ счастіе еще застать нѣкоторыхъ, какъ бы въ упрекъ, иному изъ насъ замѣчали: „что это у васъ за манира усиживать до пѣтуховъ; Господь Богъ далъ день, Господь Богъ пожаловалъ и ночь—всему время, душой береги плоть, а плотью сохраняй душу.“

Нашествіе Полское первое обернуло, кое кого изъ нашихъ на западъ—этотъ оборотъ жизни проявилъ у насъ подстрѣлы (удары, параличи) до того времяни случавшіеся, между русью въ великой рѣдкости, равно, какъ и другіе возродившіеся отъ перемѣра времяни въ насъ болезни—угодно докажу то многими фактами—но всѣ это послѣ, когда нибудь, теперь приступлю только къ одной описи, моего собственнаго прошлаго пятидесятилѣтія съ годомъ—понимается, по его отношенію только въ мѣркѣ времяни, въ московскомъ житейскаго быту нашемъ:

Въ 1792 году на званый обѣдъ къ Главнокомандующему Москвою Генералъ-Аншефу Князю Александру Александровичу Прозоровскому съѣзжались къ двумъ часамъ пополудни*). Благородное Собраніе открывалось въ свой положенный день, для съѣзда Членовъ, пополудни въ седмь часовъ. **) Первый ужинъ этого Собранія готовъ былъ въ десять часовъ, второй неопредѣленно, для заигравшихся и для затанцевавшихся, въ половинѣ одиннадцатаго и въ половинѣ двѣнадцатаго часа. За полночь въ два часа уже ни души не оставалось въ Собраніи! Многіе разъѣзжались, тотчасъ, послѣ второго ужина. Боялись (какъ будто бы) извѣстнаго тогда упрека (на этотъ случай) „что ужъ онъ за человѣкъ сидитъ себѣ въ клубѣ до отстоя.“

Военные являлись на службы въ шестомъ часу, Гражданскія чины въ восемь и безъ отлагательствъ открывали Присутствія, а въ часъ, пополудни, слѣдую Регламенту прекращали всѣ свои сужденія. Такимъ образомъ они весьма рѣдко возвращались къ себѣ домой, позднѣе второго часа, военные же бывали въ квартирахъ уже въ двѣнадцатомъ часу и даже полчасика, или часъ, что называется могли вздохнуть препорядочно.

Частныя вечера всѣ вообще начинались въ седмь часовъ. Кто пріѣзжалъ на нихъ часовъ въ девять, или въ десять, хозяинъ тотчасъ спрашивалъ: „а что такъ поздо?“ Отвѣтъ бывалъ: „театръ или консертъ, задѣржалъ, кареты не дождался!“ Послѣ всѣхъ подобныхъ вечеровъ, нѣкоторыя изъ нашихъ дамъ и дѣвицъ (слѣдуя тону своего времяни чтобъ показать, какъ пріѣхали поздо)

*) По Календарной запискѣ отца моего, Конной Гвардіи Офицера, тутъ имъ записано: „21 Апреля обѣдъ у князя Прозоровскаго, быть въ формѣ къ двумъ часамъ непремѣнно“. М.

**) Записка В. В. Ключарева къ Ив. Андр. Молчанову: „могу у васъ быть до седмаго часа, а въ седмь часовъ, начнется балъ въ клубѣ, то всѣмъ извѣстно“. М.

изволили засыпатся до одиннадцати часовъ утра; но такія были на виду, на перечетъ и про нихъ лѣнивый не говорилъ: „модница, прежде одиннадцати часовъ не встанетъ—не успѣетъ умыться, да и прямо за столъ—хозяйка!“

Вообще всѣ Московское купечество, въ то же время, вело жизнь Патріархальную: полдень, неизмѣнно бывалъ у него временемъ обѣда, девятой часъ вечера положительнымъ для ужина и послѣ, сію же минуту, отхожденіе ко сну. Въ лѣтнія большія дни почиталось даже и у нѣкоторыхъ дворянъ стыдомъ при огнѣ ужинать! Такимъ образомъ, тутъ еще размѣръ времяни естественной, родной природѣ человѣческой продолжался, съ тѣмъ же вмѣстѣ и здоровьѣ этихъ людей стояло на одной и той же точкѣ былой крѣпости человѣческой—за то ужъ послѣдователи за непрестанными измѣненіями привычекъ жизни начинали сильно чувствовать не то и не то въ себѣ — главнѣйшее: начали усиливатся разслабленія телѣсныя — участились образцы Аглинской болезни въ младенцахъ!...

Французской языкъ, въ кругу высшаго Дворянства, особенно, между дамами, былъ уже гораздо употребительнѣе своего Отечественнаго, кругъ средняго Дворянства же старался, въ этомъ случаѣ, всячески не отставать отъ высшаго, всѣ выучивались говорить по-французски очень скоро. Но, вотъ что тутъ было точкою съ запятою *) — прононсія! Дамы смѣялись той или тому въ глаза, кто произносилъ не такъ, какъ бы слѣдовало, какое бы то ни было французское слово, и въ слѣдствіе того многіе знали и понимали книжный французской языкъ въ совершенствѣ; но говорить на немъ или совсемъ боялись, или говорили, да только при нуждѣ и то съ перемѣсью родного руссизма. Дѣло ихъ и тутъ бывало въ положеніи нехорошемъ; по крайнѣй мѣрѣ эта перемѣсь французскаго съ русскаго давала уже знать о нихъ, что они не лазивши въ дальнюю предосудительную бы, по ихъ произношенію болтовню, всетаки хотя что нибудь да понимаютъ на языкѣ нашего Кузнецкаго моста. Тогда французскимъ учителямъ, глядя, по ихъ прононсіи плачивали отъ одной тысячи до седми на ассигнаціи.

Не дворянской классъ народа все еще совершенно не заботился о языкѣ французскомъ, въ прононсію котораго, согласно тогдашней философіи, вкрадывалась какая то гнуслявость **) тутъ носъ работалъ съ языкомъ вмѣстѣ и потому-то наша чернь, невѣсткѣ на отмѣстку, за прононсію, въ упрекъ за какую нибудь безтолковую болтовню, нерѣдко еще и теперь говоритъ: „нагнусилъ какъ французъ, а безъ толку!“ Нѣмѣцкой языкъ, о введеніи котораго, для пользы

*) О чудесахъ прононсіи есть весьма любопытное письмо въ Сынѣ Отечества 1813 года, № XLIX-й стрн: 138. часть X-я. М.

**) Смотр. вышеупомянутой же № Сынъ Отечества 1813 года. М.

наукъ мыслительныхъ, какъ видно старался самъ Петръ Великій никогда не имѣлъ у насъ такого успѣха, какъ французскій и нѣмцы наши, какъ только могли, скорехонько научались объяснится порусски, нѣкоторые же французы живучи въ Москвѣ и по тридцати лѣтъ не хотѣли понимать ни одного нашего слова.

Черезъ седмь лѣтъ послѣ 1792, то есть въ 1799 году у Главнокомандующаго Москвою Генералъ-Фельдмаршала Графа Ивана Петровича Салтыкова, гдѣ я очень часто обѣдавалъ, обыкновенный и званый обѣдъ бывалъ въ три часа, ужина запросто не бывало. Вечеръ у Графа начинался въ седмомъ часу, какъ званый, такъ и частный; но первой всегда имѣлъ то отличіе отъ послѣдняго, что онъ кончался легкимъ ужиномъ часу во второмъ за полночь, а иногда и ранѣе.

Въ публичныя собранія, въ это время, съѣзжались уже нѣсколько по позднѣе противу прежняго; но ужинъ и въ сихъ собраніяхъ начинался еще не позднѣе одиннадцати часовъ. Во второмъ часу за полночь, почти всѣ собранія бывали пусты, а ровно два часа конецъ всему. Частныя вечера и балы имѣли себѣ примѣромъ вечера и балы Главнокомандующаго. Очевидно, что переборка жившихъ у насъ французовъ, во дни ихъ жаркихъ революцій и потомъ строгое преслѣдованіе измѣнчивой роскоши въ кратковремянное государствованіе Императора Павла много повредили укорененію у насъ французскаго языка и непрестанному разнообразію ростковъ французскихъ же модъ? Даже еще и Екатерина Великая обращала свое вниманіе на щегольскую роскошь и въ пресѣченіе ея учредила для нашихъ дамъ мундиры по губерніямъ; но не настояла на томъ и мундиры эти скоро изчезли! Зато ужъ, какъ помянулъ выше — моды наши потряслись преисправно – благороднымъ кавалерамъ для всякаго ихъ выѣзда указанъ былъ мундиръ непремѣнно: военнымъ — военный, а гражданскимъ статной, или гражданской, сообразно того вѣдомства гдѣ они служили, или той губерніи, въ которой они имѣли за собою имѣнія, или жили. Всѣ прочіе не чиновные, или не имѣющіе права на мундиръ люди, не смѣли носить ничего другого кромѣ форменнаго нѣмѣцкаго кафтана со стоячимъ воротникомъ трехугольной шляпы, сюртука однобортнаго безъ запашки пола на полу и ботфортовъ, или и сапогъ обыкновенныхъ; но безъ вырѣзокъ и кисточекъ. Положеніе это оставалось неизмѣннымъ при всегда напудреной головѣ, косѣ и букляхъ. Шляпы же круглыя, фраки и сюртуки съ запахами и воротниками отложными были запрещены; а жилеты замѣнены камзолами. Мудрый монархъ замѣтилъ, что на послѣднія запрещенныя имъ прихоти въ одѣждѣ, мода всегда имѣла сильнѣйшее вліяніе и тѣмъ только кормила роскошь, да злодѣевъ-ростовщиковъ!

Со всемъ тѣмъ еще, по изгнаніи Екатериною изъ Кузнецкихъ магазиновъ

евреевъ (1794) французы-эмигранты-торговцы ихъ замѣнившіе *) не переставали работать своимъ усладительнымъ вліяніемъ на щеголей и особенно на щеголихъ московскихъ французская сѣтка вывязавалась для нихъ безконечною, то въ новыхъ оборотахъ словъ самаго языка французскаго, то въ ежеминутной измѣнчивости бантиковъ, узелковъ, пуговокъ, булавочикъ, швовъ, даже ниточекъ и проч. и проч. Нерѣдко многіе дворянѣ наши только по рекомендаціи этихъ торгашей, принимали къ себѣ и учителей и учительницъ (мусьевъ и мадамовъ, какъ тогда ихъ называли) которыя по воскресеньямъ и другимъ праздникамъ, возили поручаемыхъ имъ дѣтей, для лучшей практики въ пропонсіи къ французскимъ торгашамъ въ гости на чай, на кофе. Имянитые и богатые русскіе купцы, для своихъ дѣтей, также, начали брать къ себѣ французовъ, или отдавать дѣтей въ пансіоны, но многіе еще изъ купцевъ же смѣшивали французской языкъ съ нѣмѣцкимъ и обучая сына, или дочь по французски, говаривали: „чего, чего мнѣ стоитъ одного нѣмца дѣржать, слава Господу Богу хоть недаромъ, сталъ читать, да писать и Ванюша нашъ по-нѣмѣцки!“ Какъ не посмотри, а съ этой стороны, видимо всѣ житейскія дѣла наши сильно клонились на западную стать, роскошь такъ насъ и обдавала; но съ тѣмъ же вмѣстѣ многіе достаточные московскіе прихожане, продолжали, по старинѣ, учреждать и содѣржать при своихъ приходахъ богадѣльни, размѣщали туда просящихъ, безпріютныхъ, сторожили сажаемыхъ за долги и недоимки въ тюрьмы старцевъ и старшинъ семейства. Кредитъ добродѣтели продолжался, впрочемъ, извѣстнымъ расточителямъ помощи всегда мало дѣлавали, говоря: „его посадишъ, а съ нимъ же и душу свяжешъ и не увидишъ, какъ она матушка сама нырнетъ въ преисподнюю, хорошо дать, а худо брать, давай, да смотри на конецъ!“

Въ 1807 году къ Главнокомандующему Москвою Генералъ отъ Инфантеріи Тимофѣю Ивановичу Тутолмину, начали съѣзжатся на его вечера и балы отъ девяти до десяти часовъ, записные же щеголи, по нынѣшнему львы, туда же являлись и въ одиннадцать; но это, иногда, замѣчалось имъ хозяиномъ съ неудовольствіемъ, ибо ужинъ отъ 12 часовъ, положительно существовавшій, какъ мы видѣли, передвинулся только къ двумъ часамъ за полночь. За столъ, приготовленный чемъ нибудь и для кого нибудь не по вкусу угостителей всегда бранивали, также, какъ и нынѣче; и о томъ всегда около недѣли шла поговорка, особенно, между нѣкоторою молодежью, если она не удовлетворялась, какъ бы ей хотѣлось шампанскимъ.

Обѣдъ господской, на положенныхъ дняхъ, почти вездѣ начался въ три

*) Въ числѣ ихъ я припоминаю: Аме, Арманъ, Венсенъ, Моро, Пенсмаль, Шалме, Шеню и проч. и проч. М.

часа, а кое гдѣ и въ три часа съ половиною; но Канцлеръ Графъ Остерманъ, Графъ Орловъ, Князь С. Ѳ. Голицинъ и у многихъ другихъ и такихъ отсрочекъ не дѣлали. Князь Сергій Ѳедоровичь Голицинъ, не дожидался даже и дѣтей, когда они не собрались къ обѣду въ урочной часъ; но приборъ на столѣ для нихъ стаивалъ. Этотъ размѣръ времяни продолжался ровнешенько до 1812 года и потомъ колебательно, въ томъ, или другомъ до 1825 года. Всякому доброму направленію, въ своемъ родномъ, по крайнѣй мѣрѣ, между людьми, не слишкомъ далеко улѣтевшими на вѣтрахъ французскихъ, весьма много способствовалъ благородный С. Н. Глинка, издатель Русскаго Вѣстника; но послѣ него стали эпиграмировать. Впрочемъ эпиграмировали и другихъ, сами львы и львицы наши безпрестанно попадались и попадаются то въ пасквильные стихи, то въ такіе же прозаическіе замѣтки—таково ужъ непремѣнное требованіе западныхъ....

По теченію сказанныхъ предъ симъ годовъ, изъ любопытства забѣжавъ, иногда, на Кузнецкой мостъ во французскіе магазины, я все еще слышалъ, какъ возвратившаяся, будто бы только, а можетъ быть и въ самомъ дѣлѣ изъ Парижа, какая нибудь мадамъ Арманъ, или Лебуръ, на вопросъ своей покупщицы: что и какъ въ Парижѣ, расказавала, Богъ знаетъ какія (говоря простонародно) турусы на колесахъ, поправляла въ прононсіи, представляла въ примѣръ обѣды Лафита, всякихъ посланниковъ, генераловъ, самаго Наполеона, изъ коихъ, конечно только немногихъ удавалось ей видать, да и то издали!

По послѣдствію прононсія гнусливая начала измѣнятся и тутъ стали уже дѣржатся чего-то средняго между горловымъ и гнусовымъ, а самъ вообще французской языкъ замѣтно еще, отъ уроковъ 1812 года, шатался.

Съ 1831 года обѣдъ почти вообще перешелъ на четыре часа, ужинъ въ иныхъ домахъ, запросто, какъ и нынѣче оставался до полуночи, въ другихъ онъ совсемъ измѣнился, замѣняясь чаемъ; на балахъ, если гдѣ бываетъ ужинъ положительно для него третій часъ. Въ публичныхъ мѣстахъ тотже ужинъ располагается отъ двѣнадцати до двухъ часовъ. Вечеровые съѣзды вездѣ до возможности позды, стыдно пріѣхать куда бы то ни было, ранѣе полночи, стыдно сказать, что я обѣдалъ, тамъ-то, ранѣе четырехъ часовъ.

Съ 1812 года по настоящіе дни можно опредѣлить названія двумъ эпохамъ—нашей домашней жизни, до 1830 у насъ проявлялись эпохи перемѣнъ въ слѣдствіе нашествія на Москву двунадесяти языковъ, съ 1831 продолжается эпоха холерная!

Во все это время московскіе люди самыхъ среднихъ круговъ поддѣрживали жизнь отцевскую и не обѣдавали позднѣе двухъ, не ужинавали позднѣе часу ихъ съѣзды вечеровые начинались отъ седми до девяти часовъ... Но нынѣче и у нихъ публичный съѣздъ, всюду отъ одиннадцати до полуночи; ужинъ,

гдѣ онъ есть идетъ съ бѣдными холодными придумками; но за то съ фалангами бутылокъ—время его: два и три часа, обѣдъ почти вездѣ въ четыре; а позднѣе въ пять!.. И вотъ процѣнтъ распредѣленія нашего Московскаго времяни, положился, также, какъ и на западѣ противу законнаго установленія вѣками—наше время смѣшалось—мы мерзнемъ и оттого только не надѣваемъ шубы, что на западѣ еще тепло!... Цѣль западныхъ наѣздниковъ къ намъ: усвоить насъ себѣ и по своему, приведены почти къ рѣшительному исполненію!..

Нашъ судья, еще положительно открываетъ свое присутствіе въ восемь часовъ; но, иногда, при случаѣ, какихъ нибудь торговъ, не дождется нужныхъ съемщиковъ подряда прежде второго часа за-полдень, просители являются законно въ часъ; но обстоятельства сношеній съ людми, еще, по размѣру времяни, неготовыми, и тутъ невидимо время измѣняютъ! Купецъ, почти увѣренъ, что до перваго часу къ нему не набѣжитъ ни одинъ хорошій закупщикъ! Одна форма воиновъ идетъ еще во времени законно. У всѣхъ другихъ есть время и нѣтъ времяни, особенно же, при нашихъ короткихъ осеннихъ и зимнихъ дняхъ.

Въ тысяча седмьсотъ девяностыхъ годахъ, извѣстныя тогда доктора Гр. Павл. Тимченко, Иванъ Дороф. Гилдебрантъ, Берковичь, Іог. Генр. Янищъ и многіе другіе единогласно проповѣдовали, что и три часа за полдень, въ регулярной жизни, для обѣда нѣсколько поздны; а четырехъ часовъ, въ отношеніи къ здоровью, они почти ужасались! Ужинъ тяжелый во всякое время былъ гонимъ этими же медиками. *) Докторъ М. Х. Пекенъ и Фрезъ уже во времена Императора Павла, хотя нѣсколько и облегчали своимъ потворствомъ обычай обѣдать поздо; но соглашаясь съ Керестуріемъ и Франціею, почти всѣ возставали противу замѣна дней ночами!

Если кому нескучно будетъ, тотъ, послѣ всѣхъ этихъ моихъ замѣтокъ, согласится, навѣрное, пересмотреть книги Пекена: О сохраненіи здравія жизни; три части, вторымъ изданіемъ напечатанныя въ Москвѣ 1812 года, ихъ можно имѣть рублей за тридцать. А съ тѣмъ же вмѣстѣ нехудо, также, взглянуть и на другія, того же времяни, подобныя же медицинскія наставленія.

Штаб. лѣкарь Христіянъ Габерлей, пользовавшійся въ Москвѣ, также, медицинскою извѣстностію, почти при моихъ глазахъ, какъ медикъ моего отца, безпрестанно дѣлалъ свои замѣтки на неаккуратность расположенія нашего времяни и славно поддѣржалъ жизнь дѣйствительнаго тайнаго совѣтника Петра Никитича Кожина (моего родственника) умершаго въ глубочайшей старости. Да

*) Все это взято изъ наставленія И. Д. Гилдебранта, присланнаго къ дяди моему Лебѣдянскому помѣщику подполковнику Ил. Влад. Писареву. М.

и самъ онъ Габерлей, будучи человѣкомъ совершенно разрушеннымъ, одними добрыми правилами поддѣржалъ себя слишкомъ за шестидесятилѣтіе!

Впрочемъ примѣры очень позднихъ обѣдовъ у насъ въ Москвѣ и до 1812 года уже были, банкиръ Ровандъ, имѣвшій у себя опредѣленные дни для обѣдовъ садился за столъ съ своими гостями въ пять часовъ и сиживалъ въ этой бѣсѣдѣ до осми; но однакожъ самъ же онъ и многіе агличане бывавшіе тогда въ Москвѣ, (изъ нихъ называю памятныхъ мнѣ: лорда Бюргара, капитановъ Керъ-Портера, Алтерсона, Келлесаля) являлись на обѣды къ графамъ Орлову-Чесменскому и Остерману, къ князю Дашкову и ко многимъ другимъ московскимъ боярамъ въ три часа; у меня, иногда, они также обѣдавали въ такое же время.

Мадамъ Сталь, будучи въ Москвѣ обыкновенно завтракала въ Галлереѣ на Тверскомъ бульварѣ, это бывало въ два часа, мнѣ тутъ случилось быть раза два вмѣстѣ.

Кавалеръ Ле-Лорнь, или Де-Лорнь, соглядатый Наполеоновъ слушая съ нами лекціи Страхова, Политковскаго, Цвѣтаева, Мерзлякова, готовъ былъ на обѣдъ и ужинъ во всякое время; напротивъ того генералъ Гарданъ, кратковременно бывшій въ Москвѣ, домахъ въ трехъ, куда онъ былъ приглашенъ заставлялъ ждать себя до пяти часовъ и живучи въ гостинницѣ Коппо и Лейба (домъ Кожина) сколько мнѣ извѣстно завтракалъ очень скудно!

Макаровъ.

Воспоминанія Макарова о кн. Дмитріи Владиміровичѣ Голицынѣ.

Еще воспоминаніе о князѣ Дмитріѣ Владиміровичѣ Голицынѣ.
(Записка частная.)

Я не коротко зналъ князя Дмитрія Владиміровича и потому не могу столько же, какъ и другіе, хорошо его знавшіе, говорить о немъ; но я жилъ въ его время, видалъ его, имѣлъ даже замѣчательный для меня случай бѣсѣдовать съ нимъ и вотъ этого уже, кажется, довольно, чтобъ и мнѣ принести ему какую нибудь лепту моихъ воспоминаній, можетъ быть, современемъ, также для чего нибудь потребную, какъ въ исторіи жизни незабвеннаго Главнокомандующаго Москвою, такъ и въ исторіи самой Москвы ему современной.

Въ началѣ настоящаго столѣтія я бывалъ очень часто у князя Сергѣя Ѳе-

доровича Голицина *) у баронесы Натальи Михайловны Строгоновой **) у Василія Петровича Салтыкова ***) и у другихъ многихъ родственниковъ мачихи моей (изъ фамиліи Нееловыхъ). Тутъ я встрѣчалъ князя Бориса Владиміровича Голицина и брата его князя Дмитрія Владиміровича, еще полнаго цвѣтомъ жизни и столько же всегда любезнаго и обходительнаго, какимъ уже и недавно его знала вся Москва! Какъ юношѣ, отъ природы дикому, застѣнчивому, занятому только мечтами поэтическими и романтическими, къ несчастію весьма несподручными свѣту мнѣ трудно, очень трудно было получить какое нибудь сближеніе съ княземъ; но, однакоже, съ той самой поры я началъ уже почитать его въ числѣ лицъ мнѣ извѣстныхъ и кланятся ему, какъ моему знакомому. За то уже къ князю Борису Владиміровичу, къ которому частехонько собирались Мерзляковъ, Кокошкинъ, Глинка и многія другія литературныя наши извѣстности, я тоже являлся, какъ будто бы литтераторъ и тутъ опять видалъ князя Дмитрія Владиміровича, но все, для себя собственно, по прежнему изъ-за стѣнки! И вотъ уже послѣ 1828 года, по службѣ моей при сенаторѣ Дурасовѣ, по дѣламъ холеры и по дѣламъ Обществъ Испытателей Природы и Человѣколюбиваго, я былъ нѣсколько съ княземъ ближе, и даже имѣлъ съ нимъ личныя мои свиданія, по первому, какъ съ призидентомъ, а по послѣднему въ словѣ и замолвкѣ о бѣдныхъ. Не буду говорить о томъ, что въ первыхъ нашихъ собраніяхъ, особенно въ приватныхъ у почтеннаго нашего вице призидента Общества Григорія Ивановича Фишера фонъ Валдгдеймъ, князь бывалъ незабвеннымъ, тутъ его глубокія познанія въ наукѣ природы развертовались вполнѣ! Сколько опытовъ, сколько богатыхъ примѣровъ, имъ знаемыхъ, принадлѣжащихъ собственно великой наукѣ! Мы бывали всѣ въ слуху! По другому отдѣлу, хочу говорить о филантропіи — перлъ благороднаго сердца человѣческаго. Онъ же князь, непрестанно озабочиваясь о помощѣ бѣднымъ, а главное объ истребленіи въ Москвѣ бродящей нищеты, неоднократно совѣтовалъ о томъ со многими и особенно съ извѣстнымъ основателемъ Московскаго Попечительнаго Коммитета, примѣрнымъ въ своихъ дѣлахъ благотворнымъ Александромъ Ивановичемъ Бахметевымъ и наконецъ въ 1838 году (если на этотъ разъ не измѣняетъ мнѣ память) по предложенію, мы члены филантропіи всѣ уже были собраны въ Арбатской домъ Коммитетской, мѣсто тогдашнихъ нашихъ засѣданій. Дѣло шло о томъ, какимъ бы образовать Коммитетъ еще къ лучшему на

*) Генералъ отъ Инфантеріи, бояринъ московскій, домъ его былъ подлѣ самыхъ Арбатскихъ воротъ. М.

**) Рожденная княжна Бѣлосельская, мать благодѣтельствовавшаго мнѣ барона Александра Сергѣевича Строгонова. М.

***) Тайный совѣтникъ, бояринъ хлѣбосолъ, женатъ былъ на сестрѣ баронесы Строгоновой. Балы и театры его, въ свое время, гремѣли въ Москвѣ. Домъ его на Тверской, нынѣ купца Логинова. М.

помощъ бѣднаго человѣчества. Говорили очень много, разсматривали уставы и постановленія другихъ многихъ филантропическихъ обществъ, между прочими и я, съ моей стороны предложилъ нѣкоторыя мои замѣтки о нашемъ одномъ и томъ же предмѣтѣ „спасать отъ бѣдности и помогать бѣднымъ“. Князю понравились сказанныя мною замѣтки и онъ просилъ меня привести ихъ къ нему, когда только найду, для того, удобное время. Я не замѣдлилъ; но какъ вѣчно неладящій съ формами, кажется, исполнилъ, тогда, мою желаюмую обязанность совсемъ невпопадъ, не распрося ни о чемъ, и не посовѣтовавшись ни съ кѣмъ я пріѣхалъ къ князю въ одно изъ тѣхъ утръ, когда онъ былъ занятъ множествомъ дѣлъ. Со всѣмъ тѣмъ по данному, предварительному приказу о мнѣ, меня къ нему допустили и князь принялъ меня весьма благосклонно, внимательно слушалъ всѣ мои изложенія о бѣдныхъ собственно по ввѣренной Коммитетомъ мнѣ Городской части и наконецъ сказалъ, что ему бы весьма пріятно было, еслибъ я всѣ мои замѣтки оставилъ у него, примолвивъ съ тѣмъ же, что тутъ есть очень много любопытнаго, о чемъ еще не совсемъ хорошо зналъ онъ. Далѣе мы говорили многое объ одномъ и томъ же предмѣтѣ и наконецъ довершили, что лучшее и самое надежное средство избавится нищихъ, должно, какъ можно прилѣжнѣе изыскивать всѣ средства къ предупрежденію не только нищеты; но даже и намѣковъ къ первоначальной бѣдности. Я слушалъ князя не только со вниманіемъ; но даже съ жадностію. Наконецъ онъ показавалъ мнѣ множество книгъ, писанныхъ именно только въ пособіе бѣдныхъ и бѣдности и сколько я замѣтилъ здѣсь, уже раждалась основная мысль въ немъ учредить Коммитетъ собственно для призора просящихъ милостыню (который, какъ извѣстно послѣ, и учрежденъ имъ); но не слитымъ съ Коммитетомъ Человѣколюбиваго Общества, чего князю, сколько я могъ постигнуть, желалось. Имѣя при себѣ съ прочими бумагами и статью о нищихъ помѣщенную въ Іюньской книжкѣ журнала „Пантеонъ Славныхъ Россійскихъ Мужей“, изданномъ 1816 года въ С.П.Бургѣ: я просилъ дозволенія прочесть ее и князь согласился. Для любопытныхъ, худо знакомыхъ со всѣмъ нашимъ прошлымъ, вотъ она:

„Двѣ противныя склонности, говоритъ авторъ статьи, владѣютъ человѣ„комъ любовь къ жизни и любовь къ праздности.

„Тамъ, гдѣ люди могутъ удовлетворять и той и другой, поимянованной „склонности, тамъ общество гражданъ питаетъ тунеядцевъ, тамъ люди живутъ „на щетъ другъ друга и уже ни одинъ изъ нихъ ни къ чему не полезенъ.

„Мудрое правленіе должно истреблять бродягъ и нищихъ, только тутъ оно „можетъ пользоватся людьми и возбуждать въ нихъ трудолюбіе — единствен„ный источникъ множить благо народа и богатство государственное — привычка „къ трудамъ неоспоримо уменьшаетъ даже и число преступленій!“

„Мысли извѣстныя, замѣтилъ князь, все это говорено не одну тысячу разъ; но гдѣ же тутъ способъ, какъ истреблять нищету — нашъ предмѣтъ?“ еще замѣтилъ онъ же улыбнувшись.

„Способъ легкой и простой!“ продолжалъ я въ моемъ чтеніи „способъ уже „испытанный въ Гамбургѣ и въ соединенныхъ областяхъ; онъ достоинъ бла„годѣтельнаго правленія, обязаннаго принимать всѣ спасительныя мѣры для „поддержанія морали и политики.“

„Прекрасно, но гдѣ жъ способъ?“

„Вотъ онъ, продолжалъ опять я: десять, или двѣнадцать старѣйшинъ се„мействъ, разумѣю людей именитыхъ и богатыхъ, здѣсь, легко могутъ посвя„тить себя благу общественному, требованіе наградъ зато внѣ ихъ принадлѣж„ности, изъ одной только признательности и любви къ согражданамъ, они бе„рутъ на себя попеченіе о бѣдныхъ и такимъ образомъ составляютъ собою „коммитетъ благотворительный. Предсѣдатель избирается изъ среды ихъ же и „смѣняется по истеченіи года.“

„Съ этимъ я согласенъ, сказалъ князь, каждый членъ опредѣлившій себя на дѣло добра, для него и для другихъ долженъ испытаваться не по одной собственной частности; но годовой срокъ для предсѣдателя ничтоженъ.“

Далѣе мы читали, что попечители о бѣдныхъ въ каждой части города должны имѣть особыхъ смотрителей, по числу улицъ, что и смотрители эти обязаны служить безкорыстно, что всякое земное вознагражденіе тускнитъ подвигъ добраго дѣла и что если только пожелаетъ правительство, то во всякомъ государствѣ найдется множество людей желающихъ посвятить и себя и всю жизнь свою именно только добродѣтели. Трудящимся во благо и одно почтительное вниманіе къ нимъ отечества награда небесная! Затѣмъ слѣдовали способы распорядительные, князь все слушалъ со вниманіемъ; но замѣчалъ, что тутъ еще много для насъ неготоваго и даже мечтательнаго. Здѣсь доложили ему о какомъ то дѣлѣ и я съ нимъ растался со словомъ и еще бывать у него. Такъ бы и должно быть; но я, какъ дикарь никогда не дѣйствующій безъ толчка и особыхъ понужденій не умѣлъ воспользоватся даннымъ мнѣ правомъ и не посѣщалъ уже князя, тѣмъ болѣе, что болезнь и обстоятельства службы вскорѣ, послѣ того, меня задѣржали, а послѣ уже по обыкновенію моему я остался за стѣною.

Читанная мною князю статья моя о бѣдныхъ по моей Городской части, у меня еще нигдѣ не была заявленною, теперь отыскавъ ее, вмѣстѣ съ лестными для меня воспоминаніями о бѣсѣдѣ моей съ княземъ Дмитріемъ Владиміровичемъ, у котораго однакожъ оставлена копія этой статьи, я рѣшаюсь ее обнародовать. Въ дѣлахъ филантропіи по Москвѣ не будетъ ли она на что нибудь полезною, а тѣмъ болѣе, что въ ней все офиссіялно!

Вотъ что я написалъ и прочелъ князю о моихъ бѣдныхъ:

„Десять лѣтъ, да именно десять лѣтъ я управляю бѣдными, въ одной изъ „главныхъ и богатѣйшихъ частей Москвы, начало этаго управленія мнѣ довѣрено Попечительнымъ Коммитетомъ съ 1828 года и, кажется, въ Майѣ, или въ Іюнѣ мѣсяцѣ, хорошенько не упомню!.. Но въ десять лѣтъ моего правленія бѣдностью, можетъ быть, къ моему стыду, а я никакъ не допытался до всѣхъ дѣленій, раздѣленій и подраздѣленій въ повѣренной мнѣ нищетѣ. Наука дознавать убожество человѣческое, наука мудреная, въ ней столько извилинъ, простыхъ и кафимскихъ узловъ и всякихъ недоразумѣній, что и не съ моей головой служащей бѣдности только по охотѣ, не по наряду, никакъ не доберешся той истинны, которую бы знать хотѣлось, на моемъ мѣстѣ, и всякому доброму человѣку. Тутъ требуется волшебство, ворожба догадливыя, опытность, на разборъ сердецъ, универсальная и ко всему этому какая-то необыкновенная ловкость подробно изучать то на что пошелъ, за что взялся! Привычный нищій Протей; онъ въ одно и то же время то жалокъ, то отвратителенъ: къ нему на помощъ, иногда, влечетъ одно наше братство по человѣчеству, одно общее съ нимъ человѣчество; онъ нашъ содушникъ; но въ ту же минуту, при другой встрѣчѣ, пороки, этого же самаго нашего содушника, невольно заставляютъ, вамъ же, дѣлать необыкновенно высокія скачки то вкось, то впрямь!.. Не вѣрите? Такъ посмотрите же, что я раскажу еще въ добавокъ мною начатому:

„Въ царствѣ бѣдныхъ есть бѣдняки неопытные, еще едва, едва пристигнутые бѣдностію, еще несмятые въ ея ужасной челюсти и вотъ ужъ для этихъто бѣдныхъ спасеніе нуждно немедленное — читайте далѣе, здѣсь, будутъ передъ вами примѣры всѣхъ нашихъ бѣдственныхъ возможностей:

„Вотъ дворянинъ; онъ жертва суетныхъ приличій свѣта, при своемъ „маломъ“ несоразмѣрный послѣдователь за большимъ, суетныя приличія слѣпили его и наконецъ убили! Вотъ купецъ жертва тѣхъ же ослѣпленій въ ращетахъ! Вотъ ихъ невинныя сироты, какое ихъ множество: малютка на малюткѣ. Вчера они всѣ еще были вмѣстѣ съ вами въ одной и той же бѣсѣдѣ, но и нынѣче они еще не въ тюрьмѣ, не подъ окномъ вашимъ; да за то ужъ очень скоро, можетъ быть, завтра же, самое страшное утро настанетъ въ ихъ жизни! Бога ради поддержите ихъ, посмотрите какая глубокая пропасть предъ ними; они разнемогаются бѣдностью, спѣшите лѣчить ихъ!.. Но такіе несчастливцы, доколѣ они, вмѣстѣ съ нами, дышатъ свѣтомъ Божіимъ, они еще никѣмъ не постигнуты; они еще не просятъ васъ, и для непостигнутыхъ нами, для непросящихъ насъ нѣтъ и милостей, такимъ великимъ бѣднякамъ мы не предлагаемъ и способовъ къ ихъ спасенію: „они не просятъ!“ Мы люди ждемъ къ своей помощи одной только бѣдности и растленной развратомъ во всей полнотѣ его силъ, мы допускаемъ ростовщика ненаказаннаго доглодать бѣдняка и, когда уже

является предъ глаза наши не человѣкъ бѣдный, а уже одинъ скелетъ этого бѣднаго человѣка, вотъ тогда только наше человѣчество рѣшается съ нимъ дѣйствовать человѣчески и то не такъ, какъ должно; а хладнокровно, копѣйками, кускомъ черстваго хлѣба и скорѣе всего словомъ: „Богъ подастъ!“ *)

„Есть бѣдняки уже нѣсколько ознакомившіеся съ пріятностію бѣдности; они уже научились обращать ее въ какое-то прибыльное для нихъ торжество, по крайнѣй мѣрѣ въ пріятное настоящему ихъ быту—это дѣти сорвавшіеся съ помочей человѣколюбиваго за ними надзора, это ученики забракованные въ утѣшительной школѣ надежды; они выдерживаютъ, теперь, экзаменъ, у страшнаго профессора, которой преподаетъ науки: отчаяній и униженій. Для этихъ несчастливцевъ никакая умѣренная помощь невозможна — для нихъ требуется надзиратель съ необыкновенною строгостію и со средствами, которыя можетъ только дать одна сила законовъ, сила правительства, довѣрившая всѣ честности надзирателя, за этими бѣдными, по крайнѣй мѣрѣ, такъ научилъ меня десятилѣтній мой опытъ.“ **)

Возвращаюсь къ начатому прежде: управляя бѣдными Городской части, повѣренными мнѣ отъ Попечительнаго Коммитета, я узналъ по моей обязанности всѣ, я видѣлъ всѣ то о чемъ, теперь, расказаваю, можетъ быть публично и что, можетъ быть, по неловкости моей надзирать за бѣдностью, должно причитатся, мнѣ же, въ вину непростительную. Конечно, я готовъ себя оправдавать тѣмъ, что мои средства помогать бѣднымъ обыкновенно слишкомъ слабы: у меня нѣтъ мѣстъ, гдѣ бы я могъ пріютить всякаго рода бѣдность. Моя богатая, миліонная часть полна сокровищами; ***) но подъ моими руками нѣтъ ни богадѣльни, ни дома для странниковъ, ни училища, ни ремесленной съ мастерскою, въ которыя бы, безъ всякой платы я могъ самъ размѣщать моихъ малолѣтныхъ нищихъ; наконецъ посреди богачей огромныхъ я не умѣлъ еще наидти и богача посредственнаго, который бы подалъ мнѣ руку за бѣдныхъ и дѣйствовалъ бы для нихъ со мною за одно. Но это ли оправданія? Спрашивается: „безъ средствъ и способовъ: зачемъ же я вздумалъ пещись о бѣд-

*) При словѣ: „ростовщика ненаказаннаго“ князь Дмитрій Владиміровичъ спросилъ меня, „что я подъ этимъ разумѣю?“ Я отвѣчалъ, что тайныя здѣлки великихъ ростовщиковъ отъ 5-ти и до 20-ти копѣекъ на рубль въ мѣсяцъ, какъ тайна, остаются почти всегда внѣ законовъ и, потому-то именно, съ подобными средствами ростовщикъ рѣшительно ненаказуемый. Князь сказалъ мнѣ, что объ этомъ онъ уже знаетъ и будетъ говорить. Вскорѣ послѣ того появилось благодѣтельное учрежденіе для мелочныхъ залоговъ; но участь ростовщиковъ еще не рѣшилась. М.

**) „Прекрасно! сказалъ князь, вы повторяете мнѣ мысль, кажется напечатанную въ Пантеонѣ? Это что-то къ тому же идетъ; но вы сами попечитель и мы подумаемъ!“ М.

***) „Городская? замѣтилъ мнѣ съ улыбкою князь, а знаетъ ли кто, что вы попечитель ея бѣдности?“—„Никто, отвѣчалъ я, кромѣ части города.“—„Нуждно бы объ этомъ извѣстить и другихъ ея жителей,“ домолвилъ онъ. М.

ныхъ?“ Виноватъ: „я привыкъ къ моимъ бѣднымъ и привыкъ надѣятся, что хотя что нибудь и когда нибудь будетъ въ ихъ пользу по моему.“

Собственно пенсіонеровъ Попечительнаго Коммитета получающихъ отъ 4-х до 20 рублей монетою въ мѣсяцъ пенсіи у меня никогда не превышало двадцати семействъ (по Городской части); но и изъ этихъ, по моему мнѣнію, не всѣ бы должны были пользоватся опредѣленнымъ отъ Коммитета пенсіономъ, иные изъ нихъ достойны бы жить въ богадѣльняхъ, у другихъ, по ихъ желанію, должно бы отобрать дѣтей и размѣстить нѣкоторыхъ въ школы, другихъ въ мастерство. Но, Коммитетъ, имѣя достаточное число богадѣленъ, по возрастающему числу бѣдности, прибывающей въ столицы изъ губерній *) началъ въ своихъ богадѣльняхъ затруднятся мѣстами, притомъ же нѣкоторыхъ старухъ и старцевъ, привыкшихъ бродить, онъ не имѣетъ и правъ помѣщать въ богадѣльни, противъ ихъ воли! Встрѣчаясь съ нищимъ ползущимъ, валяющимся на грязи я останавливаюсь и молчу. **) Чтожъ принадлѣжитъ до дѣтей, которыя и выростая бродягами, нечувствительно умножаютъ классъ безпокровныхъ, то въ ихъ пользу ни самъ Коммитетъ, ни кто либо изъ членовъ его не имѣетъ никакихъ сношеній, по существу этаго дѣла, ни со школами для дѣтей, ни съ ремесленными заведеніями, которыя бы должны были принять участіе въ семъ важномъ дѣлѣ для человѣчества, оставленнаго безъ результата!... Но объ этомъ я уже упоминалъ В. С. ***)

Пристанища моихъ городскихъ бѣдныхъ обыкновенно составляютъ дома Г. Шипова ****) купца Варгина *****) Г-жи Сухопрудской ******) и нѣкоторые другіе болѣе, или менѣе, въ помѣщеніи своемъ значительные. Впрочемъ, въ Городской части, также, какъ и въ другихъ, гдѣ только есть подвалъ съ печкою и съ какимъ нибудь окномъ, тамъ уже навѣрное пристань нищему. Я находилъ ихъ даже въ подвалахъ подъ церьквами, подъ казенными зданіями и проч. *******) Квартиру въ подвалахъ обыкновенно снимаетъ кто нибудь одинъ изъ предпріимчивыхъ бѣдняковъ, онъ дѣлитъ ее математически на аршины и отдаетъ

---

*) Благодѣтельныя дѣйствія Коммитета о просящихъ милостыню приливъ этотъ уже достаточно остановили. М.

**) И всѣхъ подобныхъ ползущихъ и валяющихся, нынѣ по дѣятельности того же Коммитета вы уже почти не встрѣчаете. М.

***) „При Императорѣ Павлѣ, сказалъ князь, всѣхъ свободныхъ малолѣтныхъ бродягъ имѣли право брать въ кантонисты.“ Именно, отвѣтилъ я, мнѣ случилось читать это у родственника моего сенатора Кропотова, бывшаго прежде шефомъ Нашембурскаго Мушкетерскаго полка. М.

****) Г. Шиповъ имѣлъ въ Городской части два дома, одинъ у Варварскихъ воротъ другой въ Зарядьѣ.

*****) Нынѣче уже этотъ домъ принадлѣжитъ другому владѣльцу. М.

******) Тоже состоитъ за другимъ владѣльцемъ. М.

*******) Во время свирѣпствовавшей въ Москвѣ холеры, я сносился объ этомъ съ Оберъ-Полицемейстеромъ Мухановымъ и былъ обязанъ ему многими пособіями. М.

каждый аршинъ въ наемъ уже бѣднѣйшимъ его спекулантамъ, а эти также отдаютъ нанятое ими и еще бѣднѣйшимъ ихъ и вотъ, въ этой то послѣдней отдачѣ стоитъ каждое мѣстѣчко подвала, на которомъ кое какъ можетъ утѣснится человѣкъ, два рубля въ мѣсяцъ. Такимъ образомъ домъ расположенный нѣсколько пообширнѣе и одними своими подвалами приноситъ доходъ весьма значительный!

Всѣ двухрублевые бѣдняки въ шаговыхъ своихъ квартирахъ валяются по полу на лохмотьяхъ и въ лохмотьяхъ. Это первая картина ихъ ужаснаго положенія. Тутъ нѣтъ лица человѣческаго! В немъ они всѣ вообще бродятъ, иногда собираютъ тряпки, лоскутки, гвозди, подковы, всякіе обломки, черепки, стеклы и торгуютъ этимъ. Другіе не собирая трепья, гвоздей и проч. пускаются въ торгъ гнилыми яблоками, иногда переваренными, иногда сухими, моченымъ горохомъ, поджаренымъ макомъ и прочими подобными сластями, ласкающими вкусъ самыхъ бѣднѣйшихъ работниковъ и, такихъ же нищихъ, каковы и сами продавцы. Въ числѣ этаго же разряда бѣдняковъ, замѣчаю изъ нихъ предпочтительно мущинъ, предъ которыми не положите чего нибудь плохо и почаще свидѣтельствуйте свои карманы.

Но зато бѣдняки мои высшаго разряда, подряжаются стегать тульи для шляпъ и шапокъ, завертавать для кандитеровъ конфекты, разматавать всякую пряжу для фабрикъ, вязать чулки и носки, глядя по здоровью глазъ, то изъ шерсти, то изъ нитокъ, сшивать мѣха, мыть полы и проч. Стягатели шляпныя и шапочныя могутъ выручать въ недѣлю до трехъ рублей и болѣе, разматаватели пряжи почти столько же на человѣка, конфетчики берутъ плату съ пуда, поломойки, иногда, вдругъ, на три сестры, выручаютъ съ порядочной комнаты одинъ рубль серебромъ и не менѣе уже десяти рублей съ порядочной квартиры комнатъ въ пять, шесть. Со всѣмъ тѣмъ привычные бродяги, просящіе милостыню ежеминутно, особенно около торговыхъ мѣстъ, почитаютъ свой промыселъ самымъ выгоднымъ: они соблазняютъ даже и занимающихся дѣломъ. Что жъ можетъ быть этаго лучше: не дѣлая ничего добыть въ день отъ одного рубля до пяти и болѣе. Но къ сожалѣнію большая часть этихъ легкихъ сборовъ передается въ питейные дома — въ пропасть гдѣ всѣ нажитое нищимъ бродягою такъ легко гибнетъ непремѣнно! По моей части есть одинъ кабакъ, гдѣ всякое утро и въ каждый вечеръ вы увидите сборъ всѣхъ моихъ бродягъ— это мѣсто ихъ совѣщаній, ращетовъ, предположеній, часто мерзостей невообразимыхъ!

Калеки, дряхлые, больные дѣти и старцы, также даютъ способъ предпріимчивымъ нищимъ торговать собою и для себя: ихъ возятъ и водятъ нищіе здоровые, для убѣжденія добрыхъ даятелей на милостыню. Условія калеки, больнаго и дитяти со взрослымъ здоровымъ нищимъ бываютъ различны, ихъ

словесной контрактъ, иногда, заключается изъ пола, иногда, изъ четверти выручаемыхъ подаяній. Здоровые подрядчики возить и водить обыкновенно отличаются мастерствомъ убѣждать и весьма часто общитаваютъ больныхъ, калекъ и предпочтительно дѣтей. Впрочемъ и дѣти нищіе, привыкнувъ къ своей обязаности, нерѣдко обманаваютъ самихъ взрослыхъ здоровяковъ. Такіе сцены мнѣ нерѣдко случалось встрѣчать; но я тутъ былъ плохимъ судьею. Воронъ вороненку хотѣлъ выклюнуть глазъ; но тотъ и другой, по послѣдствію, съ цѣлыми глазами разлѣтелись въ разныя стороны и мальчикъ, обманувъ взрослаго, величался своею удачею, какъ отличный ученикъ золотою медалью. *)

Въ теченіе десятилѣтней моей службы при Попечительномъ Коммитетѣ, я принималъ почти ежегодно подъ мою росписку до ста пятидесяти, а иногда нѣсколько и болѣе прошеній подаваемыхъ изъ Городской части на Высочайшее имя о пособіяхъ въ бѣдности и въ нуждахъ. Подобныя прошенія повторялись при каждомъ всерадостномъ прибытіи Государя Императора, Государыни Императрицы, или кого либо изъ Ихъ Августѣйшей фамиліи въ Москву и потому число сихъ прошеній, въ теченіи года на одну мою часть приходитъ до 500, то есть въ бумагахъ, а не въ лицахъ, ибо, тутъ, одно и то же лице подаетъ по два и по три прошенія вдругъ.

Сначала я назидалъ за этимъ дѣломъ весьма ревностно, я бѣсѣдовалъ съ этими бѣдными просителями, хлопоталъ о нихъ у начальства и сколько возмогъ однихъ пристроивалъ въ богадѣльни, другихъ поддѣрживалъ пенсіонами Коммитета; но, въ послѣдствіи, угадавая въ большой части всѣхъ сихъ просителей, всегда однѣ и тѣ же лица, я замѣтилъ въ манерѣ ихъ подачи ремесло получить, какъ нибудь и сколько нибудь денегъ безъ труда, и потому я облегчилъ себя въ изслѣдованіяхъ о достоинствѣ и качествѣ моихъ бѣдныхъ. Просить у Царя милости, требовать отъ Царицы крова: у нихъ вошло въ обычай... Нашлись спекуланты, которые умѣя хоть какъ нибудь писать, начали моихъ бѣдныхъ подбивать непремѣнно къ подачѣ прошеній о пособіи имъ на бѣдность. Въ этомъ и спекулантъ и проситель заключаютъ условіе, получить писцу изъ пособія половину, треть, или четвертую долю; но нѣкоторые изъ просящихъ и безусловно выдаютъ своему писцу отъ 40 до 80 копѣекъ за каждое прошеніе и такимъ уже образомъ спекулантъ-писецъ всегда получаетъ, съ каждаго десятка писемъ отъ четырехъ до осми рублей навѣрное. Нищіе вѣрятъ этимъ писцамъ, какъ ворожеямъ, по ихъ пророчеству; они уже знаютъ, къ которому времяни имъ нужно будетъ заготовлять просительныя письма и эти письма, на

---

*) „А ваше бы дѣло слѣдовать за этимъ — вы попечитель?“ говорилъ князь. „Но не заявленой въ моихъ силахъ.“ Отвѣчалъ я. Князь сказалъ, что современемъ этому будетъ совсемъ другой видъ. М.

всякой случай, тотчасъ написаны: на нихъ только стоитъ выставлять: годъ, мѣсяцъ и число. *)

Писаря бѣдныхъ принадлѣжатъ, также, къ разряду людей бродящихъ; но они, въ кругу своемъ, играютъ еще старинную ролю съ приписью подъячихъ, чиновные изъ нихъ, пользуясь правами по рангу, большею частію стоятъ около присудственныхъ мѣстъ и предлагаютъ услуги желающимъ свидѣтельствовать дѣловыя бумаги, какъ-то духовныя завѣщанія, купчія, заемныя письма и проч. Другіе менѣе смѣлые и нечиновные, ораторствуютъ о дѣлахъ и пишутъ, какъ сказано, здѣсь и въ примѣчаніи, между своею братьею: между народомъ нисшаго класса.

По долгу попечителя о бѣдныхъ я увѣщевалъ ихъ оставить такія вредныя спекулаціи; но одинъ изъ нихъ, главнѣйшій писака прошеній, Коллежскій Секретарь Владиміровъ **) (недавно умершій) со слезами говорилъ мнѣ, что писаніе прошеній о пособіяхъ его единственный способъ жить. Почти тоже говорили и говорятъ другіе писцы одного съ нимъ ремесла; до свидѣтелей же, стоящихъ около судебныхъ мѣстъ, у меня не доходило дѣла; они не просятъ!

Владиміровъ, какъ старожилъ между нищими, былъ великимъ знатокомъ всѣхъ бѣдныхъ обстоятельствъ; онъ мнѣ часто расказавалъ многія прелюбопытныя черты изъ ихъ жизни и за это я всегда угощалъ Владимірова ерофеичемъ! Всѣ прошенія о пособіяхъ, сочиняемыя моимъ Коллежскимъ Секретаремъ писавались на одну стать, вездѣ одною манерою; а именно почти такими словами: „жила была я (имрекъ) или жилъ былъ я (имярекъ) и наконецъ преклонился къ такому предмѣту, что не имѣю даже и дневнаго пропитанія.“ Я переводилъ слово *жилъ* на слово *пилъ* и веселый Владиміровъ замѣчалъ мнѣ, что и въ томъ нѣтъ худого—лѣчите, сударь, пьяницу и спасете его. ***)

Нѣкоторые изъ просящихъ, какъ напримѣръ одинъ отставной ковалеристъ, вѣчно ѣдитъ изъ Москвы для приведенія въ порядокъ дѣлъ своего раздѣла съ братомъ и съ сестрою, ему помогаютъ; но онъ и получивъ пособіе опять бродитъ по Москвѣ, до случая, еще собрать, что нибудь, къ новому таковому же неисполнимому выѣзду. Ковалеристъ этотъ, въ его сущности, человѣкъ самый жалкій, сначала ушибенный, не знаю какимъ-то случаемъ, онъ не могъ

---

*) Изъ числа этихъ же писцевъ, такъ называемые подбойщики, принадлѣжатъ къ особому разряду; они хлопочатъ по всякимъ щетамъ, роспискамъ и даже по словеснымъ показаніямъ совершенно уже не документальнымъ, договоръ ихъ идетъ изъ получки изъ трети за расходами; но такимъ образомъ прокармливая себя, большею частію другихъ завлекаютъ въ явную потерю и проигрышъ дѣла. М.

**) „Не былъ ли онъ писмоводителемъ при Генералъ-Губернаторѣ Заборовскомъ?“ вдругъ спросилъ меня князь —„Былъ“ отвѣчалъ я.—„Мнѣ онъ извѣстенъ“, домолвилъ онъ. М.

***) Князь очень смѣялся этому. Я доказалъ ему мою справедливость бывшими при мнѣ подлинниками прошеній. М.

служить и думалъ, что на покоѣ, въ отставкѣ, и при небольшомъ состояніи найдетъ для себя что нибудь вѣрное; но братъ его родный, запутанный дѣлами и взысканіями представилъ къ обеспеченію и продажѣ общее нераздѣльное имѣніе и вотъ всѣ продано съ молотка и мой ковалеръ воспитанный какъ боярынъ, теперь нищій, бродяга—его пристань въ домахъ Варгина, Сухопрудской и Шипова!

Другая просящая себѣ пособій это вѣчно помолвленная съ женихомъ и уже готовая подъ вѣнецъ Колмычка, она не проситъ; но требуетъ себѣ приданаго и, какъ скоро получитъ въ томъ какое либо пособіе, тутже, растается съ своимъ идіальнымъ женихомъ и опять у нее та же просба о приданомъ — она опять уже намѣривается вступить въ бракъ, по прежнему съ идіаломъ! — Комедія!

Есть бѣдные, которые стекаются въ Москву только для того, что Москва, по ихъ воображенію, безданно и безпошлинно даетъ всѣмъ и каждому жалованьѣ. Такъ они понимаютъ всѣ благотворныя дѣйствія нашей филантропіи. Въ Москвѣ думаютъ они, получай рубли, да и живи спустя рукава, какъ хочешъ! Но мало ли что можно сказать о нашей бѣдности—всего не перескажешъ!

Впрочемъ, удавалось мнѣ помогать и настоящечестнымъ бѣднякамъ. Однажды рано утромъ явилась ко мнѣ вдова извѣстнаго литтератора, спасеніе всей славы жизни ея зависѣло отъ ничтожной помощи. Тихо я представилъ ее Коммитету и маленькая сумма, тотчасъ, спасла ее! Въ другой разъ престарелая Т. . . помѣщица, изгнанная за долги изъ послѣдняго пристанища, привезена была въ Москву своимъ же добрымъ крестьяниномъ больная, дряхлая въ телегѣ! Я сказалъ о ней и помѣщица дожила свой вѣкъ опять въ своемъ помѣстьѣ! Кому неизвѣстенъ нѣкто N. N. наимяновавъ его, я назову одну изъ общественныхъ необходимостей прошлаго вѣка. „Я три дня не ѣлъ сказалъ онъ мнѣ, я погибну, иду умирать.“ Вотъ и объ немъ шепнулъ Комитету, ему помогли и послѣ онъ еще послужилъ отечеству, по мѣрѣ силъ своихъ съ пользою.

Свѣтъ въ квартирахъ моихъ бѣдныхъ, тоже, составляетъ, по ихъ жизни, статью важную. Жизнь у окна, или подъ окномъ, роскошъ въ нищетѣ и, потому одно окно подвала дѣлится не для одного, а для двухъ и даже для трехъ семействъ. Вотъ это какимъ образомъ: самый низъ окна, только кое какъ, освѣщаетъ живущаго подъ нимъ, другой свѣтъ ярчѣе проходитъ на палати висящія въ полу окнѣ (на нихъ также живутъ) а надъ палатями дѣлается, тоже, какая-то примостка и вотъ на ней тоже сидитъ человѣкъ, пользующійся свѣтомъ уже чрезъ подножную для него скважину! Я лазилъ и туда и сюда, съ помощію подставныхъ лѣстницъ, нерѣдко худыхъ, весьма опасныхъ! Нѣтъ словъ о воздухѣ этихъ жилищъ, нѣтъ словъ о многомъ!... Странно, однакожъ, что и во время холеры, въ этихъ жилищахъ не было большой смертности.

Есть еще у меня бѣдныя женщины, которыя промышляютъ сватовствомъ, одну изъ такихъ я всегда находилъ въ подвалѣ подъ однимъ извѣстнымъ зданіемъ и однажды я увидѣлъ ее во всемъ блескѣ ея промысла: штофъ вина стоялъ на столѣ ее, черствый хлѣбъ и что то вонючее, тутже, лѣжало на закуску. Женихъ ужасный, невѣста растерзанная, растрепанная, еще ужаснѣйшая жениха; они сидѣли за столомъ и поднося мнѣ чарку зеленаго, просили у меня и помощи и какой-то защиты. „Я благородная, я дочь капитана!“ говорила красавица. Я ушелъ отъ этихъ людей.

Въ числѣ непривычныхъ къ нищетѣ, мнѣ встрѣтилась однажды моя старая знакомка — было время, когда мы съ нею бывали въ лучшихъ домахъ, прыгали на однихъ и тѣхъ же паркетахъ.... Она меня узнала и сказала мнѣ по французски, чтобъ я не говорилъ о ней ея товарищамъ: дворяне и купцы первые несчастливцы въ кругу нищихъ, товарищи бьютъ ихъ ужасною укоризною: „не умѣлъ жить!“ Я позабылъ самъ себя, всматриваясь въ несчастную, это была N. N.

Утомленный переходами, переѣздами и другими хлопотами 1812 года я остановился отдохнуть въ ***. Богатый, гостепріимный тамошній откупщикъ знакомый мнѣ, какъ бояринъ и по Петербургу и по Москвѣ задалъ намъ праздникъ! Всегда памятнымъ осталось это торжество мнѣ! Лѣтъ черезъ двадцать послѣ того, я встрѣтилъ нашего радушнаго гостепріимца въ одномъ изъ Мясницкихъ переулковъ, кажется, неподалеко отъ памятника боярину Матвѣеву— тихо, неловко напомнилъ онъ мнѣ о милостынѣ!... Прошли еще года бѣднякъ умеръ и похороненъ на сумму собранную для похоронъ его однимъ благодѣтельнымъ заведеніемъ.—„Кого это несутъ?“ спросилъ я.—„Генерала N. N.“ мнѣ отвѣчали....

Не имѣя силъ систематически поддѣржать трудолюбіе многихъ бѣдняковъ, я желалъ бы, чтобъ Коммитетъ, или кто другой обратилъ, именно на это трудолюбіе свое особое вниманіе.

Прибери всѣхъ калекъ и устрой всѣхъ престарелыхъ по богадѣльнямъ, оставь подъ особымъ надзоромъ всѣхъ трудящихся надъ тульями, мѣхами, конфектами и наконецъ, какъ можно старайся раздавать малолѣтныхъ бѣдняковъ въ ученьѣ, приличное съ ихъ родомъ, и вотъ нѣтъ бѣдныхъ въ моей Городской части! Такъ я думалъ и думаю; но едва ли это исполнимо!

Приходскія богадѣльни, заводимыя у насъ издревле, едва ли не самое первое удобство для своихъ приходскихъ несчастливцевъ. Такъ устроивали патріархи и цари наши и мысль эта была богатая мысль. Подъ кровомъ своей родной церкви жизнь роднаго несчастливца близко понятна и своимъ пастыремъ и своимъ роднымъ сосѣдомъ, тутъ онъ между своими свой. Малый и великій братъ готовъ ему и на праздникъ и на будень — чемъ Господь Богъ

послалъ. Для странниковъ бывали особые пристанища временные, отъ сюда забредшій немощной опять передавался своей отчизнѣ — къ олтарю своего храма!

Милостиво все это выслушалъ отъ меня покойный князь Дмитрій Владиміровичъ, все это оставилъ у себя — дружески и меня оставилъ; но другихъ такихъ минутъ у меня съ нимъ уже больше не было!

Макаровъ.

Членъ Попечительнаго Коммитета.

Записки о Кавказѣ, писанныя Н. Беклемишевымъ въ Оренбургѣ, въ 1849 году.

Мое назначеніе начальникомъ Центра.

Въ то время когда Генералъ Хмонинъ умеръ отъ холеры, въ 1847 году, я былъ совершенно счастливъ своею службою, потому что пользовался полною довѣренностью главнокомандующаго. Начальникомъ Центра по смерти Хмонина былъ назначенъ, какъ старшій изъ насъ, приказомъ генерала Завадовскаго, полковникъ Ильинскій. Князь Эристовъ добивался еще при жизни покойника этого мѣста всевозможными уловками, которыя могъ понять и усмотрѣть лишь тотъ, кто находился тогда въ кругу ихъ, и кто смотритъ на азіатъ глазомъ безпристрастнымъ, подобно мнѣ. Полковникъ Бельгардъ полагалъ навѣрное замѣнить Хмонина, потому что жилъ въ Нальчикѣ и занимался кабардинскимъ языкомъ. Цѣлый мѣсяцъ управлялъ Ильинскій Центромъ, когда получилъ я приказъ о вступленіи въ эту должность. Можете вообразить, что тогда происходило въ сердцѣ у Бельгарда, у Эристова и въ особенности у Ильинскаго, старшаго меня шестью годами въ чинѣ и внезапно изъ начальника сдѣлавшагося моимъ подчиненнымъ. Но онъ, какъ всѣхъ умнѣе, хитрѣе и благовоспитаннѣе, скрылъ свою досаду и оказывалъ мнѣ всегда строжайшую учтивость и подчиненность. Но при удобномъ случаѣ не упустилъ минуты, чтобъ противъ меня закинуть словечко. У него въ станицѣ, гдѣ онъ самъ живетъ, хищники угнали, безъ выстрѣла, семьдесятъ лошадей. Когда я былъ уже въ немилости, онъ нашелъ случай доложить г-у Коцебу, что это произошло отъ того, что съ тѣхъ поръ, какъ я тутъ начальствую, хищническія партіи будто бы безнаказанно наводняютъ Кабарду. Этому слѣпо повѣрилъ г. Коцебу. Генералъ Нестеровъ тоже былъ недоволенъ моимъ назначеніемъ, находя меня слишкомъ молодымъ и принимая участіе въ оскорбленіи, принесенномъ чрезъ

это Ильинскому. Онъ не преминулъ, когда я впалъ въ немилость, доложить князю, что у Ильинскаго угналъ табунъ одинъ кабардинскій абрекъ, о которомъ онъ мнѣ писалъ, чтобы его простить. Клянусь вамъ честью, никогда я подобной бумаги не получалъ, и что тогда, и даже долго послѣ того, никому не было извѣстно имя хищника. Несмотря на то, что я не имѣлъ бы никакого права этого абрека возвратить, г. Коцебу принялъ рѣчи г. Нестерова и мнѣ сдѣлалъ за это замѣчаніе. Когда Хмонинъ умеръ, Магометъ Мирза Анзаровъ съ 40 человѣками прошелъ чрезъ Малую Кабарду безъ всякаго опасенія и жилъ 15 дней въ Большой Кабардѣ, переѣзжая изъ аула въ аулъ и приводя народъ къ присягѣ на общее возстаніе, которое назначалось 15-го сентября: тогда онъ обѣщалъ самъ съ небольшею партіею появиться въ Кабардѣ. Въ это время кабардинцы воздвигли памятникъ въ честь абрека, убитаго Хмонинымъ въ пятнадцати верстахъ отъ Нальчика. Покойный генералъ не успѣлъ привести въ исполненіе конфирмацію надъ 4 абреками, содержащимися въ Нальчикѣ. Ильинскій не рѣшился этого исполнить, опасаясь волненій. Князь Атажукинъ прибылъ изъ Дагестанскаго отряда и преувеличенными разсказами о неудачахъ Герчебильскаго штурма воспламенялъ умы кабардинцевъ и готовилъ ихъ принять Анзарова. Вотъ положеніе, въ какомъ я принялъ управленіе Кабардою. Очевидно, что Бельгардъ, Эристовъ, Ильинскій и Нестеровъ съ нѣкоторымъ удовольствіемъ видѣли затрудненія, встрѣчаемыя мною при вступленіи въ новую должность. Но будучи одушевленъ поощреніемъ князя, несмотря на угнетавшую меня уже тогда болѣзнь (я только что вышелъ изъ желчной горячки и страдалъ лихорадкою),—я принялся за дѣло съ усердіемъ и самоотверженіемъ, въ первыхъ числахъ сентября. Пятнадцатаго назначилъ казнь, для того чтобы въ этотъ день имѣть въ сборѣ всѣхъ главныхъ кабардинцевъ и сколько можно болѣе войска. Преступниковъ повѣсилъ. Въ этотъ самый день Магометъ Анзаровъ, шедшій по своему обѣщанію въ Кабарду, разбитъ полковникомъ Гросманномъ на Оссѣ. Вскорѣ пришло извѣстіе о взятіи Салты. Я выпросилъ у князя М. С. позволеніе предать забвенію эту новую измѣну кабардинцевъ, присягнувшихъ принять Анзарова. Все успокоилось. На мѣсто мое командовать Вольскими казаками былъ назначенъ султанъ Кази-Гирей. Не зная его, я радовался, но вскорѣ увидѣлъ, что онъ есть орудіе Адиль-Гирея и князя Эристова противъ меня. Вотъ положеніе, въ какомъ я началъ управленіе Центромъ. Кабарда ожидала только удобной минуты для возстанія, а помощники, которые меня окружали, были к. Гирей, к. Эристовъ, Ильинскій, Нестеровъ и полковникъ Бельгардъ, всѣ возненавидѣвшіе меня съ минуты моего назначенія. Я смѣло надѣялся на поддержку со стороны начальства, но жестоко ошибся. Все противъ меня поднялось, и въ начальникахъ моихъ я не нашелъ никакой опоры. Г. Коцебу ни во что не вникалъ, а слушалъ

все, что ему говорилъ Адиль-Гирей. Г. Завадовскій все видѣлъ и зналъ, но не захотѣлъ спорить съ княземъ Воронцовымъ. Его сіятельство получалъ со всѣхъ сторонъ ложные на меня доносы — всѣмъ имъ повѣрилъ и, не спрашивая моего оправданія, приказалъ мнѣ искать другой службы.

Несогласія съ княземъ Эристовымъ.

Изъ всѣхъ моихъ враговъ самый необузданный былъ князь Эристовъ; онъ скоро началъ дѣйствовать открыто противъ меня; прочіе молчали. Съ первыхъ дней моего вступленія, онъ старался вліяніемъ своимъ ослабить вѣсъ мой въ Кабардѣ, обращая народъ къ себѣ. Для этого онъ выдавалъ себя за покровителя всѣхъ угнетенныхъ мною; твердо увѣрялъ кабардинцевъ, что скоро князь его назначитъ на мое мѣсто; сталъ вмѣшиваться во всѣ дѣла Большой Кабарды. Около Пятигорска посланный отъ меня офицеръ поймалъ на хищничествѣ партію изъ кабардинцевъ; въ перестрѣлкѣ ранилъ одного и убилъ лошадь; у казаковъ убита лошадь и раненъ казакъ. Предводитель партіи оказался братъ Анзарова. Онъ бѣжалъ прямо къ Эристову, который его принялъ къ себѣ на квартиру и сталъ за него ходатайствовать, вмѣсто того чтобъ его выдать, какъ слѣдовало бы русскому полковнику. Раненаго, на арбѣ, перевезли чрезъ Терекъ, въ Малую Кабарду. При тѣхъ обстоятельствахъ, въ которыхъ я находился, я не хотѣлъ въ чужомъ округѣ дѣйствовать силою, и потому обратился къ князю Эристову, какъ къ начальнику Малой Кабарды, указывая ему даже на саклю, гдѣ принятъ былъ раненый. Онъ самымъ наглымъ образомъ его отстоялъ и не выдалъ мнѣ. Я въ представленіи своемъ помѣстилъ ходатайство к. Эристова, и вмѣсто того чтобъ Анзарова повѣсить и отнять у него имѣніе, а семейство переселить на Донъ, какъ это сдѣлано было за нѣсколько дней предъ тѣмъ съ повѣшенными мною абреками, его, не лишая имѣнія, не трогая семейства, сослали просто въ г. Пермь на жительство. Этимъ князь Эристовъ не былъ доволенъ, выдавая себя за человѣка, нѣжно любящаго Кабарду. Онъ во всеуслышаніе, въ кругу азіатъ, возставалъ противъ моей жестокости и говорилъ, что за первый разъ я долженъ былъ ограничиться арестомъ. Въ сентябрѣ 1847-го года одинъ кабардинецъ, сдѣлавши въ Кабардѣ разбой, ушелъ съ Магометъ Мирзою Анзаровымъ, и объявленъ абрекомъ; к. Эристовъ, безъ вѣдома моего, выпросилъ ему прощеніе и водворилъ въ свой аулъ, на прежнее жительство, въ Большую Кабарду; я объ этомъ узналъ чрезъ три мѣсяца, по жалобѣ ограбленныхъ имъ сосѣдей при побѣгѣ. Вскорѣ послѣ того, другаго абрека, Большой же Кабарды, котораго я преслѣдовалъ по закону, к. Эристовъ принялъ подъ покровительство и отдалъ на поруки моему же подчиненному Анзарову, безъ увѣдомленія даже меня объ этомъ, и водворилъ попрежнему

на жительство въ свой аулъ, подначальникомъ. Случайно узнавъ объ этомъ, мѣсяца чрезъ четыре позже, я хотѣлъ этого абрека схватить, но онъ бѣжалъ къ к. Эристову, который его водворилъ въ Малую Кабарду. Я жаловался г. Завадовскому,—онъ предписалъ князю Эристову абрека немедленно выдать, но князь Эристовъ отвѣтилъ, что хотя онъ и получилъ отъ командующаго войскомъ такое предписаніе, но входитъ объ этомъ съ особымъ представленіемъ прямо отъ себя, къ князю Михаилу Семеновичу. Вообразите торжество Эристова, когда главнокомандующій утверждаетъ его рѣшеніе, за которое по настоящему его слѣдовало бы сто разъ отдать самого подъ судъ. Мнѣ нужно было схватить одного кабардинца; я посылаю по обыкновенному порядку предписаніе начальнику ближайшаго поста о томъ, чтобъ онъ съ посланнымъ моимъ офицеромъ немедленно выслалъ команду казаковъ; постъ былъ Горскаго полка, коимъ командовалъ князь Эристовъ, и состоялъ потому подъ прямымъ моимъ начальствомъ. Князю Эристову случилось быть на посту, когда пришло мое предписаніе; онъ моего офицера отослалъ, запретивъ просто начальнику поста выслать по моему приказанію команду, и уѣхалъ самъ, даже не увѣдомляя меня о томъ Полагая это давно исполненнымъ, я былъ крайне удивленъ, узнавъ чрезъ нѣсколько дней, что мой офицеръ возвратился, не исполнивъ моего предписанія, потому что князь Эристовъ, коему слѣдовало, какъ подчиненному, наблюсти за исполненіемъ онаго, запретилъ постовому начальнику слушаться меня, единственно для того, чтобъ показать кабардинцамъ свое первенство надо мною и свой вѣсъ въ Тифлисѣ. Князь Эристовъ устроилъ школу въ Екатериноградѣ для дѣтей Большой Кабарды, управляемой мною, а не имъ; безъ всякаго сношенія со мною и мимо всѣхъ своихъ начальниковъ отправился въ Тифлисъ и отъ главнокомандующаго привезъ предписаніе мнѣ, изъ суммъ Большой Кабарды выдать ему на это деньги. Одна тяжба между жителемъ Большой Кабарды и жителемъ Малой была рѣшена въ кабардинскомъ судѣ. Князь Эристовъ пишетъ ко мнѣ оффиціально, что какъ жители Малой Кабарды не могутъ вѣрить справедливости рѣшенія, положеннаго въ Большой Кабардѣ, то онъ требуетъ, чтобы кабардинскій эфендій съ двумя судьями выѣхали къ нему и въ присутствіи его перерѣшили бъ дѣло. Въ бумагахъ, въ частныхъ сношеніяхъ, вездѣ, гдѣ только онъ могъ, князь Эристовъ не упускалъ случая мнѣ выказать свою ненависть. Я избѣгалъ проѣзда чрезъ Екатериноградъ, потому что боялся, чтобы пошлыя грубости князя Эристова не заставили меня выдти изъ границъ приличія. Безпрестанно агенты его разъѣзжали по моимъ ауламъ и увѣряли народъ, что меня смѣнитъ князь Эристовъ. Это заставляло многихъ обращаться къ нему, избѣгая меня. За подобные поступки извѣстный Каргановъ былъ сосланъ въ ссылку на 10 лѣтъ, но его дѣйствія противъ дѣйствій к. Эристова весьма слабы и невинны. Не могъ я оставаться равнодушнымъ къ таковымъ

продѣлкамъ. Не хотѣлъ прямо дѣйствовать рапортами. Писалъ къ Завадовскому, къ г. Коцебу, къ княгинѣ, дабы по крайней мѣрѣ князь Воронцовъ о моемъ положеніи узналъ. Его сіятельство поручить изволилъ Завадовскому помирить насъ. По Кабардѣ разнесся слухъ, что князь вмѣстѣ съ симъ писалъ успокоительное письмо князю Эристову, въ коемъ онъ его убѣждаетъ не печалиться несогласіемъ со мною и увѣряетъ, что его въ обиду мнѣ не дастъ. Были мы оба съ Эристовымъ вызваны въ с. Червленную, гдѣ тогда находился и самъ главнокомандующій. Въ квартирѣ у г. Коцебу при г. Завадовскомъ насъ съ Эристовымъ заставили объясниться; результатъ этого засѣданія былъ тотъ, что меня нашли вполнѣ правымъ, Эристова кругомъ виноватымъ, и онъ обѣщался никогда не вмѣшиваться въ дѣла Большой Кабарды. До свѣдѣнія князя Воронцова подробностей не доведено, а только г. Завадовскій доложилъ его сіятельству, что я съ Эристовымъ помирился. Между тѣмъ князь Эристовъ и султанъ Адиль-Гирей увѣрили главнокомандующаго, что я мнительнаго характера и вѣрю всякимъ сплетнямъ, которыя до меня доходятъ, и что князь Эристовъ всегда ко мнѣ былъ исполненъ большимъ уваженіемъ и привязанностью, и чрезвычайно любезенъ и обходителенъ во всѣхъ сношеніяхъ со мною. Хотя я былъ весьма недоволенъ рѣшеніемъ генераловъ, разбиравшихъ нынѣ дѣло, и хотѣлъ все высказать главнокомандующему, но пожалѣлъ князя при его занятіяхъ, и полагаясь на справедливость и безпристрастную защиту двухъ ближайшихъ моихъ начальниковъ, которые сами вполнѣ оцѣнили чистоту моихъ дѣйствій, и сами предо мною удивлялись поступкамъ князя Эристова, я князю Воронцову на вопросъ его: кончены ли ваши несогласія, — отвѣчалъ: кончены. Другой бы на моемъ мѣстѣ потребовалъ суда и остался бы въ выигрышѣ; я увлекся неумѣстнымъ самоотверженіемъ и проигралъ тогда. Князь Михаилъ Семеновичъ изволилъ мнѣ сказать, что онъ мною совершенно доволенъ, и далъ мнѣ честное слово, что въ помышленіи у него нѣтъ назначить Эристова на мое мѣсто, что это совершенно невозможно. Въ тотъ же день Эристовъ былъ назначенъ въ отрядъ на Аргунь. Не прошло двухъ мѣсяцевъ, онъ тамъ же получилъ Владиміра на шею и тамъ же былъ назначенъ на мѣсто меня начальникомъ Центра.

Исторія казака, который меня хотѣлъ убить.

Въ 1847-мъ году, когда я командовалъ бригадою казаковъ на Минеральныхъ Водахъ, меня ранилъ казакъ изъ числа полтавскихъ пересельцевъ. Этотъ человѣкъ былъ — что называется въ народѣ — порченый. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, когда еще не поступилъ онъ въ казаки, ему было забрили лобъ въ рекрутскомъ присутствіи. Тогда съ нимъ сдѣлался припадокъ этой порчи, и

онъ не принятъ въ рекруты. Потомъ семейство его поступило въ казаки. Три года прошло имъ льготныхъ по переселенію, и этому Ивану Гриневу приходилось по лѣтамъ его поступить въ строй; я его и зачислилъ къ поступленію на службу съ 1-го января 1847 года. Это было въ іюнѣ 1846 года. Странное это происшествіе случилось слѣдующимъ образомъ, и я считаю случай этотъ однимъ изъ лучшихъ поступковъ моей жизни. Княгиня В. была въ Кисловодскѣ. Я возвращался отъ нея поздно вечеромъ; было темно; въ воротахъ у меня стоялъ человѣкъ; я окликнулся, онъ не отозвался. Привыкшій на Кавказѣ къ осторожности, я крикнулъ казаковъ и еще разъ спросилъ: „кто это?“—„Мы,“ отвѣчалъ хохолъ. И въ это время выбѣжавшіе казаки со свѣчами освѣтили вооруженнаго человѣка, котораго я видѣлъ въ первый разъ. Неуклюжій видъ его и странный разговоръ возбудили смѣхъ во всѣхъ присутствующихъ. Изъ словъ его едва я разобралъ то, что у него съ поля увели двухъ быковъ, и что онъ подозрѣніе имѣетъ на какого то бабуковскаго казака. Я его сильно побранилъ зато, что, вопреки безпрерывныхъ подтвержденій, онъ ночевалъ въ полѣ безъ оружія, и сказалъ: „ступай въ Ессентуки—завтра поутру я самъ тамъ буду и сдѣлаю распоряженіе объ отысканіи твоихъ быковъ.“ Когда онъ ушелъ, мнѣ казаки объяснили, что онъ сумасшедшій, по ихнему выраженію порченый. На другой день поутру поѣхалъ я въ Ессентуки, по обыкновенію моему на телѣгѣ тройкой, безъ конвоя, съ кучеромъ. На козлахъ сидѣлъ у меня мальчишка цыганъ; у меня на колѣняхъ лежало заряженное двухствольное ружье, за поясомъ былъ пистолетъ и кромѣ того на мнѣ былъ кинжалъ и шашка. Ѣхалъ я шибко. Верстъ семь не доѣзжая до Ессентуковъ, обогналъ я ѣхавшаго въ дрожкахъ пятигорскаго аптекаря и возлѣ него кантониста верхомъ. Къ нимъ привязался Гриневъ и навелъ на нихъ безоруженныхъ страхъ несвязными рѣчами и ужасной наружностью своей. Когда я мимо проскакалъ, онъ отъ нихъ отсталъ, бросился за мною и закричалъ. Не подозрѣвая ни малѣйшей опасности, я остановилъ ямщика и самъ подозвалъ Гринева. Онъ, подъѣхавъ ко мнѣ, выхватилъ шашку и поднесъ ее ко мнѣ близко. Взглянувъ на страшную рожу его и вспомнивъ, что онъ сумасшедшій, я было схватился за ружье, но мгновенно устыдился этимъ страхомъ и мыслію, что мой подчиненный можетъ меня ударить. Я оставилъ ружье. — „Вы вчера меня бранили, что нѣтъ у меня хорошаго ружья,“ закричалъ Гриневъ. — „Хорошо, я отвѣтилъ, ступай въ Ессентуки.“ Какъ будто показывая мнѣ шашку, Гриневъ приблизился ко мнѣ говоря: „вотъ какова моя шашка,“ и въ то же мгновеніе ударилъ меня по шеѣ. Какое то непостижимое счастье спасло меня. Я успѣлъ опрокинуть тѣло въ сторону, шинель и мохнатая шапка защитили голову и шею, но конецъ шашки близъ эфеса перерѣзалъ мнѣ совсѣмъ три кости на лѣвой рукѣ и разсѣкъ палецъ на правой рукѣ. Провидѣніе и тутъ спасло мою жизнь, бывшую на волоскѣ отъ

смерти, - жилы уцѣлѣли. Шашка была такъ востра, что перерѣзавши кости не раздробила ихъ, и близость эфеса вовсе уничтожила размахъ. Видя, что дѣло не шуточное, я было схватился за ружье и тутъ только увидѣлъ, что я раненъ. Руки не повиновались. Я крикнулъ: „пошелъ!“ — мы понеслись. Ударивъ шашкою разъ, Гриневъ въ азартѣ хотѣлъ еще рубить и докончить меня, но его лошадь не могла довольно близко подвинуться къ скачущей телѣгѣ, и онъ въ запальчивости забылъ, что у него было заряженное ружье за плечами.— „Дай Боже доскакати и дорубити,“ твердилъ онъ надо мною, сидящимъ обезоруженнымъ въ телѣгѣ. Въ ту минуту, когда мы поскакали, какъ будто изъ земли выскочилъ казакъ Хлѣбниковъ. Онъ заскакалъ впередъ Гринева, уперъ ему винтовку въ грудь и хотѣлъ стрѣлять. Я увидѣлъ себя чуднымъ образомъ спасеннымъ. „Стой, не стрѣляй! крикнулъ я,—онъ сумасшедшій.“ Гриневъ остался живъ. Я приказалъ Хлѣбникову скакать возлѣ меня, держа на прицѣлѣ Гринева, который въ запальчивости ничего не видалъ. Мы такимъ образомъ неслись до станицы. Тройка была лихая, Гриневъ отсталъ на нѣсколько саженъ. Я влетѣлъ въ станицу, мальчишка цыганъ съ удивительнымъ самоотверженіемъ и присутствіемъ духа соскочилъ съ телѣги и успѣлъ замахнуть ворота передъ Гриневымъ, который съ раскачки упалъ. На него бросились случившіеся тутъ казаки, обезоружили и связали. Врядъ ли какой нибудь начальникъ къ своимъ подчиненнымъ можетъ привязаться болѣе того, какъ я былъ привязанъ къ моимъ казакамъ. Но съ этой минуты я Хлѣбникова и въ особенности мальчишку цыгана полюбилъ такъ, какъ дай Богъ, чтобъ я любилъ роднаго моего сына. Нашлись мерзавцы, которые этому святому чувству дали самый гнусный видъ. И нашлось много людей, которые имъ повѣрили.

Смѣло и безъ хвастовства скажу, что немногіе на моемъ мѣстѣ поступали бы такъ великодушно съ Гриневымъ. Въ минуту, гдѣ смерть передъ носомъ, когда уже разъ почувствовалъ себя раненымъ, и второй разъ убійца замахнулся, во всякомъ бы застыло состраданіе, и чувство самосохраненія взяло бы перевѣсъ въ эту минуту, почти никто бы не остановилъ Хлѣбникова, а напротивъ, всякій закричалъ бы: „стрѣляй!“ Поступокъ этотъ даже на умъ сумасшедшаго сдѣлалъ впечатлѣніе. Гринева посадили связаннаго на гауптвахту. Перевязавъ рану, я отправился къ нему и съ любопытствомъ распрашивалъ о причинѣ его злости на меня, котораго онъ вчера видѣлъ въ первый разъ. Съ видомъ какого то фанатика и твердымъ голосомъ Гриневъ, отдавая справедливость моему великодушію, говорилъ: „васъ Богъ спасъ! Одинъ Богъ сдѣлалъ то, что я самъ не замѣтилъ, какъ вскакалъ въ станицу. Видя, что не убилъ васъ съ перваго маху, мнѣ слѣдовало повернуть въ горы, и поминай какъ звали. Я знаю, что меня теперь ожидаетъ. Но пусть хоть сейчасъ меня привяжутъ къ столбу и станутъ разстрѣливать, я не боюсь этого. Но я боюсь уме-

реть безъ вашего прощенія. Я васъ безвинно обидѣлъ.“ Слыша это, я сталъ его увѣрять, что я вовсе на него не сержусь, и убѣдительно просилъ объяснить, за что онъ меня хотѣлъ убить. Но съ того времени отъ Гринева, кромѣ несвязныхъ рѣчей, никто ничего не могъ добиться. Узнавъ, что Гриневъ сынъ церковнаго старосты Георгіевской станицы, котораго я зналъ за весьма умнаго старика, я немедленно за нимъ послалъ и убѣждалъ его успокоиться и не думать, чтобъ я за этотъ случай могъ питать къ нему злобу. До этого времени я никогда не видывалъ его семейства, хотя враги приписывали поступокъ Гринева ревности за жену, за сестру, и впослѣдствіе, какъ увидите, придумали еще гнуснѣе причину. Теперь я хорошо не припомню, но мнѣ кажется, что я ѣздилъ къ семейству и уговаривалъ ихъ не думать, чтобъ я къ нимъ питалъ злобу. Въ такомъ случаѣ клянусь вамъ, что это было единственный разъ, когда я видѣлъ этихъ женщинъ, и поэтому вовсе не могу ихъ себѣ припомнить. Происшествіе это было въ іюнѣ. Зимою я ѣздилъ въ отпускъ. Возвратился въ апрѣлѣ 1847 года. Въ 1-е января того года поступили на службу молодые казаки, достигшіе 20-ти лѣтъ, въ томъ числѣ младшій сынъ Гринева, братъ преступника, Ѳедоръ, казачекъ прекрасной наружности. Видя, что я его приблизилъ къ себѣ, единственно для того, чтобы еще болѣе убѣдить семейство въ томъ, что я весьма далекъ отъ злобы къ нему. Внутреннее сознаніе въ высокомъ поведеніи моемъ въ отношеніи Гринева льстило моему самолюбію; я находилъ какое то безотчетное наслажденіе осыпать молодаго Гринева ласками, и о немъ имѣлъ ту же попечительность, какъ объ молодомъ цыганѣ, спасшемъ мнѣ жизнь; я сдѣлался не начальникомъ, а воспитателемъ этихъ двухъ юношей; я находилъ какое то душевное наслажденіе въ родственныхъ попеченіяхъ о Ѳедорѣ Гриневѣ. Никто такъ много не ѣздилъ по своему кордону, какъ я, никто чаще не ночевалъ въ полѣ, въ аулахъ, въ лѣсахъ, какъ я, и въ этихъ постоянныхъ разъѣздахъ я бралъ съ собою всегда Гринева. Подобные разъѣзды на Кавказѣ всегда сопряжены съ опасностью; я находилъ какое то, непонятное для душъ низкихъ, наслажденіе ввѣрять ему жизнь мою во время этихъ ночлеговъ. Онъ былъ постоянный мой тѣлохранитель, — онъ, котораго братъ судился за меня и ежедневно ожидалъ казни. Сто разъ онъ могъ меня убить, не подвергая себя ни малѣйшему подозрѣнію. До того времени, когда Ѳедоръ Гриневъ поступилъ ко мнѣ въ домъ, онъ занимался въ канцеляріи станицы. Это дало мнѣ случай его видѣть, я очень помню, два раза, но не у себя на квартирѣ. Это обстоятельство я прошу васъ замѣтить; оно впослѣдствіе намъ будетъ нужно для окончанія моихъ разсказовъ.

Слишкомъ годъ продолжалось слѣдствіе и судъ надъ Гриневымъ. Его признали по суду умалишеннымъ и сослали въ Астрахань, въ домъ сумасшедшихъ. Чувствуя себя такъ чистымъ совѣстью въ этомъ дѣлѣ, какъ только мо-

жно быть чистымъ, я ожидалъ развязки этого суда съ совершеннымъ хладнокровіемъ и спокойнымъ духомъ. Когда я былъ назначенъ начальникомъ Центра, я разстался съ Ѳедоромъ Гриневымъ, но и по сіе время люблю его душою, какъ лихаго и прекраснаго казака и молодаго человѣка, о которомъ я имѣлъ такое, могу сказать, родственное попеченіе. Онъ чувствовалъ и понималъ всю красоту моего поведенія. Не знаю, люди, которымъ послѣ попалъ онъ въ руки, не сумѣли ль испортить все, что было въ немъ хорошее. Воспоминаніе объ этомъ обстоятельствѣ всегда для меня будетъ пріятно, потому что въ жизнь мою едва ли случится поступить лучше.

Переселеніе абазинцевъ.

Послѣ вторженія Шамиля въ Кабарду въ 1846 году, князь Михаилъ Семеновичъ изволилъ рѣшить: всѣ аулы Анзаровыхъ съ большой военно-грузинской дороги перевесть внутрь Большой Кабарды. За всѣ земли, отошедшія подъ Владикавказскій полкъ, государь императоръ изволилъ пожаловать кабардинцамъ значительную сумму денегъ. Дабы опредѣлить, куда именно переселить Анзаровыхъ и кому изъ кабардинцевъ сколько слѣдуетъ денегъ, былъ по высочайшему повелѣнію назначенъ комитетъ подъ предсѣдательствомъ начальника Центра. Покойный предмѣстникъ мой положительно хотѣлъ съ наступленіемъ зимы оставить ....., и потому умышленно медлилъ рѣшеніемъ обоихъ вопросовъ этихъ, сильно волновавшихъ Кабарду. Это дѣло въ особенности занимало Батыръ-Бека-Тамбіева по слѣдующимъ обстоятельствамъ. Въ смутахъ 1846 года самое дѣятельное участіе принималъ Мугамедъ Мирза и поручикъ Кучукъ Анзаровъ. За двѣ недѣли до вторженія Шамиля въ Кабарду, Хату Анзаровъ, нынѣшній полковникъ, былъ дома, и Мугамедъ Мирза передалъ на имя его все свое имѣніе, такъ что когда его объявили абрекомъ, нечего было конфисковать. Мугамедъ Мирза такимъ образомъ ничего не потерялъ, ибо даже и бывать въ своемъ имѣніи онъ продолжалъ безъ всякаго затрудненія, по содѣйствію князя Эристова, который, вопреки всѣхъ убѣжденій Хмонина и генерала Завадовскаго, тогда же получилъ управленіе Малой Кабардой. Едва князь Эристовъ былъ назначенъ начальникомъ Центра, какъ это управленіе опять присоединено къ управленію Центра. Мугамедъ Мирза свободно и часто ѣзжалъ чрезъ Малую Кабарду въ Большую Кабарду. Хмонинъ, Фрейтагъ, Нестеровъ, Ильинскій, я— доводили объ этомъ до свѣдѣнія князя Михаила Семеновича, но его сіятельство вѣрилъ одному Адиль-Гирею и князю Эристову, который былъ осыпаемъ наградами. Батыръ-Бекъ-Тамбіевъ по уму своему есть одно изъ самыхъ значительныхъ лицъ въ Кабардѣ; съ малолѣтства находясь въ кругу русскихъ чиновниковъ, онъ привыкъ къ дѣламъ и получилъ большой навыкъ къ интри-

гамъ. Изворотливость и алчность азіатскаго характера вполнѣ развились на томъ поприщѣ, которое онъ себѣ составилъ, вкравшись въ довѣренность начальства. Онъ себѣ пріобрѣлъ значительное состояніе, обирая безъ совѣсти кабардинцевъ, у которыхъ были какія нибудь тяжбы въ судѣ, или желающихъ что либо получить отъ начальства. Происхожденіе его не узденское. Отецъ его вольноотпущенникъ, но чинъ подполковника, накраденное богатство и въ особенности довѣренность начальства даютъ ему большой вѣсъ въ Кабардѣ. Изъ высочайше пожалованныхъ кабардинцамъ за земли денегъ, Батыръ-Бекъ не имѣлъ права ни на одну копѣйку, надѣялся получить большую часть. Для этого онъ составилъ партію изъ нѣсколькихъ кабардинскихъ князей, которые подъ присягою увѣряли комитетъ, что притязанія Тамбіева справедливы. Хату Анзаровъ, который не имѣлъ своей земли, не имѣлъ тоже никакого права на вознагражденіе за землю. Батыръ-Бекъ выдалъ за него родную сестру свою, и они стали дѣйствовать вмѣстѣ. Подавали докладныя записки во всѣ стороны. Они рѣшились у Анзаровыхъ, живущихъ по рѣкамъ Шекеру и Лескену, отнять земли. Эти Анзаровы принадлежатъ совершенно другой фамиліи и вообще вели себя довольно преданно нашему правительству. Я зналъ давно всѣ козни Батыръ-Бека и Хату Анзарова и въ мнѣніи моемъ по комитету, въ коемъ я сдѣлался предсѣдателемъ, совершенно ихъ лишилъ всякаго участія въ раздаваемыхъ деньгахъ, и Хату, какъ человѣку, въ предательскомъ расположеніи коего я былъ твердо убѣжденъ, я предназначилъ землю, отдаленную отъ Терека и лежащую подъ непосредственнымъ наблюденіемъ нашихъ крѣпостей, но принадлежащую князьямъ Атажукинымъ. Вотъ причина ненависти ко мнѣ Батыръ-Бека-Тамбіева и всѣхъ его козней противъ меня. Съ самаго вступленія моего въ должность начальника Центра, главнокомандующій лично и нѣсколько разъ чрезъ начальника штаба мнѣ изъявлялъ желаніе, чтобъ съ наступленіемъ весны переселеніе это непремѣнно было совершено. Когда я приступилъ къ этому дѣлу, по всей Кабардѣ поднялся ропотъ. Анзаровы съ Лескена и Шекера не хотѣли покидать своихъ родовыхъ земель; другіе кабардинцы не хотѣли ихъ принять на свои земли; Хату не хотѣлъ сходить съ мѣста. Всѣ Анзаровы постоянно прибѣгали къ князю Эристову за совѣтами, и онъ, какъ будто соболѣзнуя о нихъ, приписывалъ всѣ эти распоряженія моимъ выдумкамъ и безпрестанно толкающихся у него кабардинцевъ увѣрялъ, что за эти притѣсненія князь Воронцовъ меня смѣнитъ и назначитъ его. Почти навѣрное могу подозрѣвать, что онъ ихъ подбивалъ къ неповиновенію. Батыръ-Бекъ поддерживалъ Хату, потому что ему хотѣлось завладѣть землями другихъ Анзаровыхъ и получить деньги, которыхъ я его лишалъ. Всѣ Анзаровы присягнули ни подъ какимъ предлогомъ съ мѣстъ своихъ не сходить и, ежели бы употреблена была противъ нихъ сила, твердо стоять за свои родовые аулы, драться до послѣдней край-

ности. Это было весною, въ апрѣлѣ; тогда я изнемогалъ отъ лихорадокъ и горячекъ, совершенно погубившихъ мое здоровье, но несмотря на это, усердіе мое къ службѣ и мечта, что главнокомандующій знаетъ и оцѣнитъ мои труды, поддерживали меня. Несмотря на мою болѣзнь, я недѣли двѣ постоянно ѣздилъ изъ аула въ аулъ, уговаривалъ, увѣщевалъ Анзаровыхъ покоряться волѣ начальства, ѣздилъ въ Ставрополь, во Владикавказъ, все по этому дѣлу. Анзаровы были непреклонны. Генералъ Коцебу писалъ ко мнѣ, что князь разрѣшаетъ употребить силу. Генералъ Завадовскій, къ которому я собственно затѣмъ ѣздилъ въ Ставрополь, видя крайнюю необходимость, разрѣшилъ мнѣ дѣйствовать войсками. Возвратясь въ Кабарду, я въ самый свѣтлый праздникъ пріѣхалъ, для совѣщанія по предполагаемому движенію войскъ, къ генералу Нестерову, во Владикавказъ, въ совершенномъ изнеможеніи отъ болѣзни, и пролежалъ въ жестокихъ страданіяхъ двое сутокъ. Истощивъ всѣ средства увѣщеваній и понуждаемый письмами начальника штаба, я рѣшился двинуть войска. Едва движеніе это началось, какъ Анзаровы покорились. Я остановилъ войска. Анзаровы сами начали переселеніе, которое совершили въ трое сутокъ. Тогда я распустилъ войска и, въ совершенномъ восторгѣ отъ благополучнаго окончанія этого, уже полтора года тянувшагося, дѣла, немедленно увѣдомилъ о томъ начальника штаба. Генералъ Коцебу отъ имени князя Воронцова осыпалъ меня благодареніями и похвалами. Я вѣрилъ словамъ этимъ, и кто же на моемъ мѣстѣ усомнился бы въ нихъ? Я былъ вполнѣ увѣренъ, что щедрая рука князя Воронцова, осыпающая подчиненныхъ его наградами, раскроется и для меня, уже три года ничего не получавшаго. Я молчалъ, и потому не просилъ наградъ, что я вполнѣ чувствовалъ себя достойнымъ ихъ. Но Боже мой! какъ я ошибался!

Исторія кабардинки Фати.

Однажды въ Нальчикѣ является ко мнѣ одна молодая кабардинка, подъ названіемъ Фати Клишева, и объясняетъ слѣдующую исторію, прося моего пособія, какъ мѣстнаго начальника. Она была отдана замужъ за Кубань. Мужъ съ нею развелся и отослалъ къ матери. Въ то время при начальникѣ Центра, князѣ Голицынѣ, находился переводчикъ изъ Горскаго казачьяго полка – Калабековъ. Какъ то ему удалось обмануть ее и мать, и выдавъ себя за мусульманина, онъ женился на ней по обряду магометанской церкви. Настали въ Кабардѣ смуты въ 1846 году, и Калабековъ лишился своего мѣста. Тогда онъ объявилъ Клишевымъ, что онъ христіанинъ, что имѣетъ въ Моздокѣ жену и дѣтей, и бросилъ бѣдную Фати съ малолѣтнимъ сыномъ. Она сдѣлалась предметомъ общаго смѣха и презрѣнія въ кругу кабардинскихъ князей и узденей. На нее смотрѣли какъ на полурусскую, потому что имѣла сына отъ русскаго.

Никто не хотѣлъ взять этого ребенка на воспитаніе. Были фанатики, которые грозились его убить.. Братья хотѣли ее продать въ отдаленные горные аулы въ холопки. Я принялъ живое участіе въ дѣлѣ Фати. Убѣдилъ Калабекова принять сына, и сознаюсь въ томъ, что самъ имѣлъ эту женщину. Желая ее совершенно успокоить, я старался ей найти приличную партію. Тогда султанъ Кази-Гирей только что былъ назначенъ командовать бригадою казаковъ. Я, нисколько не подозрѣвая его въ недоброжелательствѣ ко мнѣ, обратился къ нему, какъ къ доброму товарищу, и пишу къ нему, что я имѣлъ связи съ такой то женщиной, и потому я бы желалъ ее защитить отъ всякаго гоненія, и спрашиваю его, нѣтъ ли у него изъ его узденей или подчиненныхъ какого нибудь бѣднаго молодаго человѣка, котораго можно бы предложить въ женихи Фати, что въ такомъ случаѣ я за нею даю приданое, и онъ не имѣетъ нужды платить калыма. Кази-Гирей, получивъ это письмо, вмѣсто того чтобы оправдать довѣріе товарища, усмотрѣлъ въ этомъ обстоятельствѣ только одно орудіе противъ меня. Съ письмомъ этимъ онъ скачетъ къ князю Эристову въ Екатериноградъ, гдѣ тогда проѣзжалъ султанъ Адиль-Гирей, выписываетъ туда Батыръ-Бека-Тамбіева, и въ общемъ совѣщаніи положили съ Адиль-Гиреемъ послать объ этомъ извѣстіе къ князю Воронцову въ Тифлисъ, представивъ дѣло въ такомъ видѣ, которое могло бы наиболѣе главнокомандующаго на меня прогнѣвать. Они писали, что будто бы, пользуясь званіемъ начальника и зная, что покорность кабардинцевъ къ русскому правительству помѣшаетъ имъ поднять руку на меня, я насильно увезъ одну кабардинскую княжну и изнасильничалъ ее; что будто бы цѣлая Кабарда, оскорбленная этимъ поступкомъ, ожидаетъ справедливой защиты отъ князя Воронцова. Кази-Гирей взялся эту басню распустить съ азіатскими прикрасами по всѣмъ своимъ ауламъ и за Кубань. Сочинивъ прошеніе отъ имени всѣхъ жителей Кабарды къ князю Воронцову, они отправили Батыръ-Бека-Тамбіева по всѣмъ ауламъ собирать подписи и рукоприкладство. Съ трудомъ убѣдили они нѣсколько незначущихъ людей подписаться, но никто изъ кабардинцевъ, нѣсколько значительнѣе, не рѣшился подписать эту ложь, даже и тѣ, которые были мною недовольны, напримѣръ, маіоръ Шардановъ;—его я задѣлъ за самую слабую для азіата струну, лишивъ его всѣхъ денегъ, которыя онъ ложными своими показаніями надѣялся получить отъ комитета за земли, отошедшія подъ Владикавказскій полкъ. Онъ Батыръ-Беку отвѣтилъ: „неравно на слово князь Воронцовъ не повѣритъ, и Беклемишевъ по слѣдствію обвинитъ насъ во лжи, тогда мы пропадемъ.“ Полковникъ хаджи Атажукинъ рѣшительно отказался говоря, что: „если бъ Беклемишевъ дѣйствительно оскорбилъ нашу вѣру и обычаи, то я, по званію хаджи и старшаго князя въ Кабардѣ, обязанъ бы жаловаться, но такъ какъ никто изъ русскихъ нашихъ начальниковъ болѣе Беклемишева не оказывалъ

намъ уваженія и не поддерживалъ нашихъ обычаевъ, то я не рѣшаюсь подтвердить такую ложь своей печатью.“ Такимъ образомъ, отъ кабардинцевъ прошеніе къ князю Воронцову не пошло. Но изъ за Кубани къ генералу Завадовскому пріѣхалъ закубанецъ и будто бы оттуда принесъ ему извѣстіе о насильствѣ, угнетеніяхъ, оскорбленіяхъ вѣры и обычаевъ въ Кабардѣ начальникомъ Центра. Эта хитрость увѣнчалась полнымъ успѣхомъ. Изъ всѣхъ кабардинцевъ генералъ Завадовскій болѣе всѣхъ, по несчастію для края, вѣрилъ Батыръ-Беку. Онъ его и выписалъ въ Ставрополь для распросовъ по этому дѣлу. Этого то добивались всѣ заговорщики мои. Можете себѣ вообразить, какъ радъ былъ Тамбіевъ такому случаю, и что онъ напѣлъ генералу Завадовскому. Между тѣмъ въ Тифлисѣ султанъ Адиль-Гирей принялся горячо дѣйствовать. Не знаю, какъ они подсунули главнокомандующему одного чиновника изъ пограничной коммиссіи, котораго только за двѣ недѣли передъ тѣмъ князь приказалъ было совсѣмъ выгнать изъ службы за мерзости и взятки, нѣкоего Кодзакова. Не могу себѣ объяснить, какъ они умудрились черезъ нѣсколько дней послѣ того этого человѣка ввести въ такую довѣренность къ князю Михаилу Семеновичу, что его сіятельство изволилъ его послать секретно разузнать въ Кабардѣ подробности извѣстія, дошедшаго до него, о томъ, что я увезъ насильно кабардинскую княжну. Кромѣ этого князь этому пролазу поручилъ донести, какъ я управляю Центромъ, и какъ генералъ Ковалевскій управляетъ правымъ флангомъ; поручалъ ему даже проѣхать къ немирнымъ абазинцамъ и войти съ ними въ переговоры объ окончаніи непріязненныхъ дѣйствій и о замиреніи съ Россіей. Кодзакова я знаю съ малолѣтства. Онъ абазинецъ, родился въ Кабардѣ и воспитывался у одной изъ моихъ тетокъ въ Москвѣ. Она ему завѣщала много денегъ. Онъ весьма неглупый парень, но крещеный, вовсе не знаетъ кабардинскаго языка, поэтому всѣ родные отъ него отшатнулись. Такъ какъ онъ съ трудомъ могъ себѣ найти мѣсто въ Тифлисѣ, то въ Кабардѣ онъ не только не имѣлъ никакого вѣса, но даже вообще былъ презираемъ и нелюбимъ. Около князя Михаила Семеновича составился кругъ умныхъ и хитрыхъ, но вовсе неблагонамѣренныхъ азіатъ, которые, дѣйствуя заодно, надѣялись, вкравшись въ довѣренность князя, много сдѣлать вреда Россіи; именно: султанъ Адиль-Гирей, муса Кундуковъ, тагаурецъ Дудеровъ, султанъ Кази-Гирей и князь Эристовъ. Послѣдній, всѣхъ хитрѣе, дѣйствовалъ уклончивѣе всѣхъ. Всѣхъ отчаяннѣе, моложе и болѣе ободренный случаемъ и обстоятельствами былъ Адиль-Гирей. Они въ Кодзаковѣ усмотрѣли полезное орудіе. Вѣра и обѣщанное богатство служили ему прикрытіемъ для дѣйствія въ пользу исламизма и для корысти. Онъ увидѣлъ возможность изъ презрѣннаго нищаго вдругъ сдѣлаться уважаемымъ и богатымъ, и не имѣя ни вѣры, ни отечества, онъ съ восторгомъ принялся служить усиливающейся противу-русской партіи

при князѣ Воронцовѣ. Надо сознаться, что нужно быть такимъ опытнымъ интриганомъ какъ Адиль-Гирей, чтобы, несмотря на гнѣвъ и предубѣжденіе князя Михаила Семеновича противъ Кодзакова, довести дѣло до того, что главнокомандующій призвалъ его къ себѣ въ кабинетъ и самъ лично поручилъ секретное донесеніе, о которомъ я сказалъ выше. Въ то время у главнокомандующаго было на разсмотрѣніи дѣло о томъ, что абазинцы, живущіе въ Кабардѣ, (изъ коихъ родомъ Кодзаковъ) просили дозволенія переселиться на рѣку Куму. Этимъ обстоятельствомъ не упустилъ воспользоваться Кодзаковъ. Впередъ себя онъ послалъ извѣстіе о своемъ пріѣздѣ, о той довѣренности, какою онъ пользуется у главнокомандующаго, о вліяніи, которое слово его можетъ имѣть на переселеніе абазинцевъ и на дѣла въ Кабардѣ. Князь Эристовъ и Тамбіевъ съ своей стороны распустили нужные объ немъ слухи. Надо долго жить между азіатцами, чтобы повѣрить разсказамъ глупой надменности азіатца, когда его судьба внезапно возвышаетъ, что такъ часто случается на востокѣ. Этого самаго Кодзакова, на котораго за нѣсколько недѣль передъ тѣмъ совершенно никто не смотрѣлъ въ Кабардѣ, теперь вездѣ ждутъ съ нетерпѣніемъ; далеко за ауломъ, на холмахъ, выставляютъ конныхъ часовыхъ, чтобы издали извѣстить объ его приближеніи; выѣзжаютъ ему навстрѣчу, и онъ съ надменностью азіатскаго выскочки торжественно въѣзжаетъ въ Кабарду и съ многочисленной свитой, съѣзжающейся со всѣхъ ауловъ, прибываетъ въ Нальчикъ судить по порученію князя меня за угнетеніе кабардинцевъ и за тайную связь мою съ кабардинкою. Надо знать азіатцевъ, чтобы повѣрить тому нахальству, съ которымъ Кодзаковъ пришелъ ко мнѣ, предъявилъ мнѣ порученіе князя Воронцова и потребовалъ отъ меня для спросовъ полъ-Кабарды. Съ недѣлю этотъ инквизиторъ жилъ въ Нальчикѣ, и около его квартиры отъ зари до зари толпился народъ.Ославъ донесеніе о дѣлѣ Фати, онъ отправился въ Кисловодскій кордонъ, дабы обревизовать эту часть моего управленія и подробно послать о немъ донесеніе къ князю. Все это дѣлалъ онъ съ такимъ нахальствомъ, которому трудно повѣрить. Написавъ большое донесеніе, онъ всегда требовалъ, чтобы это донесеніе о найденныхъ имъ злоупотребленіяхъ (которое онъ имѣлъ всѣ средства отправлять иначе) я самъ съ нарочнымъ отсылалъ къ начальнику штаба г. Коцебу. Въ своемъ мѣстѣ я буду говорить объ этихъ донесеніяхъ; теперь возвратимся къ дѣлу о кабардинкѣ. Вслѣдъ за Кодзаковымъ пріѣзжаетъ изъ Тифлиса султанъ Адиль-Гирей. Этотъ хитрый татаринъ, снѣдаемый фанатической ненавистью ко всему русскому и не имѣвшій прежде никакого значенія на Кавказѣ, сумѣлъ вкрасться въ довѣренность главнокомандующаго дотого, что уже нѣсколько разъ былъ посылаемъ имъ къ закубанскимъ племенамъ. Тамъ, обманывая князя, онъ сумѣлъ увѣрить всѣхъ азіатъ Кавказа въ значеніи своемъ. Ему приписывали всѣ снисхожденія, всѣ

милости, которыми князь Михаилъ Семеновичъ всегда такъ щедръ съ туземцами. Въ особенности ему приписывали повелѣніе, изданное княземъ, о возвращеніи закубанскимъ князьямъ всѣхъ бѣжавшихъ отъ нихъ въ теченіи десяти лѣтъ холоповъ, объявленныхъ вольными людьми и подданными Россіи. Это сдѣлало имя его извѣстнымъ по всѣмъ горамъ. Въ то время одно важное обстоятельство давало ему въ глазахъ азіатъ невыразимое значеніе. Князь Михаилъ Семеновичъ изволилъ посылать его къ Шамилю съ переговорами. Онъ только что возвращался оттуда. Живя въ самомъ сердцѣ Кавказа и еще болѣе по страсти моей къ разъѣздамъ, нежели по обязанности, постоянно таскаясь изъ аула въ аулъ и часто дѣлая поѣздки въ самые горные аулы, я всегда зналъ, какіе толки преимущественно занимаютъ народъ. Такимъ образомъ я узналъ о любопытной поѣздкѣ Адиль-Гирея къ Шамилю. Вся Кабарда обрадовалась, когда пронеслись слухи о скоромъ прибытіи его. Въ самыхъ отдаленныхъ аулахъ стекались усердные мусульмане, чтобы видѣть этого заступника и надежду ихъ упадающей вѣры. Надо было видѣть фанатизмъ, съ которымъ народъ встрѣчалъ Адиль-Гирея, называлъ его царемъ своимъ и осыпалъ вопросами о Шамилѣ. Султанъ на эти вопросы обыкновенно отвѣчалъ вздохами, слезами и восклицалъ: „геній! геній! не человѣкъ!“ Онъ объявилъ, что присланъ главнокомандующимъ для того, чтобы разслѣдовать связи мои съ кабардинкой. Остановился у меня. По требованію его я созвалъ къ нему почти всѣхъ кабардинцевъ, имѣющихъ какое либо значеніе въ народѣ. Этотъ почетъ не былъ такъ разителенъ, какъ почести, отдаваемыя Кодзакову, потому что Адиль-Гирей есть адъютантъ главнокомандующаго. Вмѣсто того чтобы ограничиться разслѣдованіемъ о моихъ связяхъ съ Фати, онъ разсказами своими о Шамилѣ, о силѣ своей, о вѣрѣ, привелъ многихъ въ такой восторгъ, что обстоятельство, весьма еще немногимъ извѣстное и совершенно ничтожное, сдѣлалось предметомъ общихъ толковъ и сужденій во всей Кабардѣ. Многіе, послѣ его увлекающихъ разсказовъ, готовились убить несчастную эту женщину, срамили все семейство, братья не находили мѣста отъ упрековъ; ихъ всѣ подговаривали убить сестру, но они не знали о моей связи съ нею и не рѣшались по однимъ толкамъ на такое преступленіе. Послѣ Адиль-Гирея былъ присланъ маіоръ Кундуковъ тоже съ порученіемъ разслѣдовать дѣло Фати. Онъ себя велъ очень скромно, умно, безъ глупой азіатской надменности, но не упустилъ случая всѣмъ дать почувствовать, съ какимъ важнымъ порученіемъ онъ былъ посылаемъ къ Шамилю вмѣстѣ съ Адиль-Гиреемъ. На вопросъ, зачѣмъ именно, — онъ отвѣчалъ: „это останется вѣчной тайной между мной, Адиль-Гиреемъ, Шамилемъ и княземъ Воронцовымъ.“ Фати смѣло отговаривалась отъ всего. Она не знала, что я самъ все высказалъ неосторожною довѣренностью моею къ Кази-Гирею. Видя, что дѣло это, въ сущности пустое, принима-

етъ такой образъ, зная, что съ деньгами все можно сдѣлать въ Азіи, и твердо увѣренный въ томъ вліяніи, которое я умѣлъ себѣ пріобрѣсти у бабуковцевъ, я поѣхалъ къ нимъ въ аулъ. Въ одну ночь я набралъ нѣсколькихъ жениховъ и на разсвѣтѣ увезъ ихъ съ собою въ Кабарду и послалъ ихъ къ Фати на выборъ. Она выбрала одного—Паштова. Я далъ много денегъ. Составили по ихъ обрядамъ свадьбу весьма пышную; праздникъ продолжался дней десять у нихъ въ аулѣ. Потомъ два брата поѣхали провожать сестру въ Бабуковскій аулъ, и тамъ на весь аулъ былъ праздникъ и пиръ цѣлыхъ двѣ недѣли. Такой неожиданный переворотъ былъ жестокій ударъ для всѣхъ моихъ враговъ,— они были въ отчаяніи. Между тѣмъ семейство Клишевыхъ видѣло во мнѣ своего благодѣтеля. Посрамленная сестра вышла замужъ за уважаемаго узденя и за молодца. Братья вышли изъ стыда, давно ихъ угнетавшаго. Конечно, ни одинъ русскій въ черкесскомъ семействѣ не можетъ быть такъ любимъ и такъ обласканъ, какъ я былъ обласканъ въ семействѣ Клишевыхъ. Когда я уѣзжалъ изъ Кавказа, когда былъ въ немилости, и когда всѣ русскіе отъ меня отшатнулись какъ отъ чумнаго, тогда еще меня старуха-мать, сестра и братъ Фати провожали съ такимъ участіемъ, которое мнѣ у азіатъ не случалось видѣть и къ азіату. Кажется, во всемъ этомъ ничего нѣтъ такого, которое бы стоило гнѣва на меня князя Воронцова;—однакоже увидите далѣе, какъ сумѣли злость и коварство изъ этого обстоятельства извлечь оружіе, чтобы очернить меня въ мнѣніи князя, и какъ легко его свѣтлость повѣрилъ гнусной сказкѣ, упрямо отвергая хорошую истину.

Потрудитесь прочесть прилагаемую здѣсь переписку мою съ начальникомъ штаба объ этомъ обстоятельствѣ. Изъ письма его превосходительства можно заключить, что главнокомандующій изволилъ вполнѣ остаться довольнымъ моимъ объясненіемъ, и что дѣло это тѣмъ и кончится. Такъ думалъ я, кто же бы на моемъ мѣстѣ усомнился? Я тѣмъ болѣе успокоился, что имѣлъ счастіе долго послѣ того въ Червленной отъ князя Михаила Семеновича слышать похвалы и одобренія моей службѣ. Но очень скоро послѣ этихъ лестныхъ словъ, по волѣ его свѣтлости, я долженъ былъ уступить мое мѣсто князю Эристову. Боже мой! какъ я жестоко ошибался, когда, слыша лестныя похвалы князя Михаила Семеновича, я, душевно торжествуя, былъ убѣжденъ въ томъ, что князь обо мнѣ отличнаго мнѣнія. Впрочемъ, при томъ сильномъ разстройствѣ, въ какомъ было тогда мое здоровье, при той сильной борьбѣ, которую я долженъ былъ выдерживать съ многочисленными моими врагами, одно это заблужденіе мое, воспламеняя во мнѣ отчаянное и какое то восторженное усердіе къ службѣ, въ состояніи было поддержать мои физическія силы, по крайней мѣрѣ до пріѣзда его сіятельства въ Кисловодскъ.

Послѣдствія свадьбы Фати.

Пустая въ сущности своей связь моя съ Фати сдѣлалась звѣздой, руководящей враговъ моихъ. Всю надежду свою на мою погибель они основывали на этомъ обстоятельствѣ; увѣренные въ успѣхѣ, они не могли выдержать характера и въ избыткѣ восторга своего уже провозгласили свое торжество. Кази-Гирей, Хуціевъ, Сусловъ въ Пятигорскѣ, к. Эристовъ въ Екатериноградѣ, на свадьбѣ у маіора Шилинга, всему обществу разсказывалъ подробности составленной ими исторіи и въ порывахъ неумѣстной радости своей восклицалъ: „уже теперь то онъ, я надѣюсь, не останется на своемъ мѣстѣ!“ Можете себѣ вообразить, какой ударъ для нихъ была вѣсть о свадьбѣ Фати и хорошей для меня развязкѣ этого дѣла. Видя жертву, уходящую изъ рукъ ихъ, они въ бѣшенствѣ метались во всѣ стороны. Князь Эристовъ, человѣкъ гордости и надменности, неприступный для всякаго подчиненнаго, не знаю какимъ образомъ, заманилъ къ себѣ на квартиру брата Паштова, Каирбека, и въ избыткѣ злости сталъ его упрекать всѣми убѣжденіями, доступными для мусульманскаго сердца, въ намѣреніи брата осквернить себя бракомъ съ полу-христіанкой; истощивъ всѣ возможныя убѣжденія, чтобы Каирбекъ, пока еще не поздно, помѣшалъ браку, наконецъ сказалъ: „она не мусульманка, но русская б...!“ Кровь закипѣла въ пылкомъ Каирбекѣ. Этотъ юноша, давно извѣстный мнѣ своимъ восторженнымъ характеромъ, остановилъ его, сказавъ: „князь! она невѣста моего брата!“—и вышелъ. Кази-Гирей придумалъ слѣдующее. По обычаю края, Фати поѣхали провожать въ Бабуковскій аулъ два ея брата со многими товарищами, взявъ для этого отъ меня на выѣздъ изъ Кабарды билеты. Пиры свадебные въ аулѣ продолжались десять дней. Въ это время, такъ какъ обыкновенно черкесы пьютъ много бузы, всегда бываютъ ссоры и драки. Кази-Гирей окружилъ моихъ кабардинцевъ своими агентами, но я, предвидя это, предупредилъ ихъ и хозяевъ. Все обошлось благополучно, стали разъѣзжаться. Станичный начальникъ, офицеръ, выгнанный Ильинскимъ изъ полка, отрѣшенный мною отъ должности за гадости и поэтому собственно назначенный въ эту должность Кази-Гиреемъ, — по порученію его слѣдилъ за ними какъ воронъ. Билетъ былъ написанъ на семь человѣкъ. Кабардинцы послѣ долгихъ увеселеній отправились домой. Братъ Фати остался на нѣсколько минутъ съ нею, прося товарищей, у коихъ былъ общій билетъ, ѣхать шагомъ, а самъ намѣревался ихъ догнать на нѣсколькихъ верстахъ. Слѣдя за всякимъ шагомъ ихъ, станичный начальникъ далъ товарищамъ Клишева отъѣхать отъ аула и тогда бросился на брата Фати и, связавъ его какъ безпаспортнаго человѣка, посадилъ въ арестантскую. Напрасно этотъ бѣдный кабардинецъ ссылался на двухъ Паштовыхъ, на сестру, на цѣлое общество

аула, которое онъ же угощалъ цѣлыхъ двѣ недѣли, въ извѣстность самого станичнаго начальника, — его продержали подъ сильнымъ карауломъ цѣлую недѣлю и потомъ выпустили. Разумѣется, этотъ несчастный молодой человѣкъ явился ко мнѣ съ жалобой и требовалъ удовлетворенія. Кази-Гирей очень понималъ, что связи мои съ Фати помѣшаютъ мнѣ вступиться за Клишева. Паштовъ послѣ свадьбы просилъ у Кази-Гирея позволенія отправиться въ Кабарду купить себѣ холоповъ: султанъ придумывалъ всевозможныя причины, чтобы не дозволять ему эту поѣздку; строжайше запретилъ кому бы то ни было изъ бабуковцевъ ѣздить въ Кабарду. Паштовъ обратился ко мнѣ съ просьбой о ходатайствѣ у Кази-Гирея. Нѣсколько разъ я просилъ султана дозволить Паштову пріѣхать ко мнѣ въ Нальчикъ;—онъ, не имѣя причинъ отказать въ этой просьбѣ, приказалъ Паштову пріѣхать къ себѣ въ Ессентуки за билетомъ, а станичному начальнику запретилъ бабуковцевъ изъ аула выпускать безъ билета отъ себя и не приказалъ таковаго выдавать Паштову. Получивъ отъ Паштова о томъ свѣдѣнія, я наконецъ писалъ къ султану письмо, въ которомъ описывалъ выходку станичнаго начальника, и просилъ отпустить ко мнѣ Паштова. Султанъ, пожираемый злобой и досадой, искалъ придирки, чтобы имѣть возможность на меня жаловаться, подстрекаемый Хуціевымъ, который скоро понялъ его за человѣка глупаго. Разсказавъ всѣмъ своимъ знакомымъ, что онъ вынужденъ ѣхать ко мнѣ объясниться за сдѣланную ему обиду, пріѣхалъ въ Нальчикъ совершенно по товарищески, остановился у меня, жилъ трое сутокъ не говоря о дѣлѣ, и наконецъ передъ отъѣздомъ сталъ говорить о томъ, что я напрасно обвинялъ станичнаго начальника, что у Клишева билета не было, что онъ, принимая живое участіе въ подчиненныхъ своихъ, лично оскорбляется невиннымъ обвиненіемъ своего офицера. Чувствуя, что я связанъ вмѣшательствомъ въ это дѣло женщины, по несчастію, мнѣ не чуждой, онъ горячо настаивалъ на обидѣ, причиненной ему моимъ письмомъ. Вполнѣ понимая его цѣль, я его просилъ прекратить разговоръ о предметѣ, для меня слишкомъ непріятномъ, и сказалъ ему: „вы находите для себя обиднымъ письмо мое, хотя вы не можете доказать, чтобъ оно было написано неучтиво, несмотря на то, что вы мнѣ отвѣчали непозволительно дерзко; но коль скоро дѣло идетъ, какъ вы говорите, о письмѣ моемъ то я прошу васъ извинить меня въ томъ, что вы въ этомъ письмѣ нашли для себя обиднымъ, а дабы еще болѣе васъ удовлетворить, то я сейчасъ при свидѣтеляхъ повторю мое извиненіе;“— и позвавъ изъ сосѣдней комнаты находившихся тамъ офицеровъ, говорю имъ: „господа! султанъ отъ меня получилъ письмо, которымъ онъ недоволенъ; вамъ не нужно знать, что въ немъ написано, но при васъ я прошу у него извиненія въ томъ, что могло быть въ этомъ письмѣ для него непріятнаго.“ Затѣмъ я прошу султана оставить объ этомъ дѣлѣ разговоръ, слишкомъ для меня

непріятный. Кази-Гирей бросается ко мнѣ въ объятія и, разыгрывая патетическую сцену, пресмѣшную, увѣряетъ меня въ своей любви и преданности ко мнѣ. Черезъ нѣсколько дней, въ Георгіевскѣ мы встрѣчаемся на ярмаркѣ. Туда пріѣхалъ братъ Фати. Кази-Гирей мнѣ докладываетъ, что Клишевъ сейчасъ схваченъ на воровствѣ двухъ лошадей. Я отвѣчаю, что „ежели такъ, то прикажите его арестовать.“ Что же оказывается?— Клишевъ ночевалъ у сестры, а лошадь свою пустилъ на ночь въ станичный табунъ; на другой день утромъ отправился за ней; подходя къ табуну, увидалъ двухъ лошадей, отшатившихся отъ табуна; онъ ихъ заворотилъ и загналъ въ табунъ; въ это время его взяли и представили султану. Продержавъ бѣднаго Клишева цѣлую недѣлю на гауптвахтѣ, его выпустили потому, что невозможно даже было найти, къ чему придраться, чтобы изъ такого чистаго дѣла вывести что либо въ его обвиненіе. Привыкши къ этимъ гадостямъ и вполнѣ понимая Кази-Гирея, я былъ такъ остороженъ, что не говорилъ объ этомъ дѣлѣ ни слова, рѣшившись все это на словахъ доложить князю Михаилу Семеновичу, въ полной довѣренности коего я не сомнѣвался послѣ лестныхъ похвалъ, коими онъ меня постоянно такъ ободрялъ.

Къ сожалѣнію моему, я не всѣ сохранилъ письма султана Кази-Гирея, но тѣ, которыя остались, стоитъ прочесть, чтобы постигнуть, до какой степени дерзокъ и невѣжливъ этотъ татаринъ, баловень счастья, надменный и глупый. Я прилагаю съ нихъ здѣсь копіи.

Переселеніе абазинцевъ.

Не стану вамъ излагать, въ чемъ состоитъ вопросъ переселенія абазинцевъ, жившихъ въ Кабардѣ, но попрошу васъ прочесть письма мои объ этомъ къ г. Завадовскому. Тогда Николай Степановичъ былъ въ отрядѣ въ Чечнѣ съ княземъ Воронцовымъ. Этими письмами я имѣлъ въ виду вынудить его заговорить о томъ, что дѣлается въ Центрѣ. Ему все было извѣстно, но онъ, видя сильную поддержку Гиреевъ въ главнокомандующемъ, ни во что не входилъ, и я, покинутый въ Нальчикѣ совершенно на съѣденіе цѣлой стаѣ интригановъ и враговъ своихъ, не могъ добиться, чтобъ кто нибудь изъ людей значительныхъ въ краѣ заговорилъ въ пользу мою. Никто изъ начальниковъ не пріѣзжалъ ко мнѣ. Разъ только былъ присланъ генералъ Полтининъ инспектировать Кубанскій егерскій полкъ. Его привезли размертвецки пьянаго и увезли еще пьянѣе. Это не помѣшало ему написать на меня много гадостей. Между тѣмъ козни, происки и клеветы коварнымъ образомъ воздвигали непроницаемую завѣсу надо мною передъ главнокомандующимъ. Партія, противъ меня составленная, сдѣлалась столь сильна и многочисленна, что вездѣ противъ меня

дѣятельно дѣйствовали. Руль этой интриги взялъ въ руки Адиль-Гирей. Счастіе и успѣхъ на поприщѣ измѣны Россіи и обмана князя Воронцова давали ему непостижимую дерзость, и ловкій, изворотливый умъ его удивлялъ самыхъ опытныхъ азіатовъ разнообразіемъ изобрѣтаемыхъ имъ уловокъ и происковъ. Его давно ожидали въ Пятигорскъ. Заговорщики противъ меня боялись пріѣзда княгини Воронцовой: они страшились, чтобы ея свѣтлый умъ не проникъ ихъ пошлыя и грубыя продѣлки, и чтобъ она не успѣла частнымъ письмомъ къ князю раскрыть всю эту мерзость. Они вытребовали Адиль-Гирея въ Пятигорскъ. Пріѣздъ его былъ торжественный. Къ нему въ Пятигорскъ стекались толпами съ разныхъ сторонъ азіатцы. Онъ сзывалъ подъ свое покровительство всѣхъ, которые себя считали сколько нибудь обиженными мною. Я имѣлъ много бурнаго на замѣчаніи объ одномъ к. Атажукѣ Атажукинѣ. Онъ его совершенно успокоилъ и принялъ подъ свое покровительство. Повелъ козни противъ дяди Атажуки, полковника хаджи Атажукина. Отъ Кабарды до квартиры Адиль-Гирея дорога день и ночь оживлялась вереницею его лазутчиковъ и агентовъ, цѣлыми толпами съ охотою предающихся столь любимому занятію своему, интригамъ и кознямъ. Въ одинъ день на к. Атажукина было написано четырнадцать просьбъ, одна глупѣе другой, той же рукой. Въ свое время я опишу подробно дѣйствіе султана Адиль-Гирея. Теперь я долженъ еще сказать нѣсколько словъ объ женщинѣ, которую заставили играть довольно значительную роль въ интригѣ противъ меня.

Сомнительная преданность Гиреевъ.

Я долженъ здѣсь описать вамъ случай, который поселилъ во мнѣ недовѣрчивость къ султанамъ Гиреямъ. Въ 1847 году, когда я командовалъ 6-ю бригадою казаковъ, узналъ, что въ аулѣ у султана Аманъ-Гирея на Кушѣ, близъ Желѣзноводска, появился какой то проповѣдникъ, къ которому всякую пятницу стекается множество слушателей со всѣхъ концовъ Кавказа. Народу стекается въ теченіи сутокъ до 4000 человѣкъ, и слава объ этомъ проповѣдникѣ скоро разгласилась по самымъ отдаленнымъ горнымъ племенамъ. Шихъ этотъ, какъ его называли азіаты, проповѣдывалъ какую то новую секту. Вскорѣ появилась въ аулѣ на берегу рѣки обширная мечеть, несравненно болѣе всѣхъ выстроенныхъ въ томъ краю. Въ обрывистомъ берегу выкопаны были могилы, въ которыя съ трудомъ могъ влѣзать человѣкъ. Тамъ постились 40 дней ученики Шиха, выползая только разъ въ сутки ночью прямо въ мечеть. Тотъ, кто могъ выдержать такую пытку, признавался праведнымъ и посвящался въ тайны ученія Шиха. Этотъ Шихъ за нѣсколько мѣсяцевъ передъ тѣмъ появился въ Бабуковскомъ аулѣ, въ видѣ нищаго, съ товарищемъ и совершалъ обрѣзаніе

по закону мусульманскому. Вскорѣ этотъ нищій отъ множества приношеній сдѣлался богатымъ человѣкомъ. Ему купили жену, за которую заплатили калымъ неизвѣстные будто бы люди 3000 руб. ассигнаціями.

На огромныхъ сборищахъ, стекающихся всякую пятницу въ аулы Гирея, появлялись часто лезгины и дагестанцы. Я нѣсколько разъ сообщалъ объ этомъ покойному генералу Хмонину, который наконецъ, получивши отъ своихъ лазутчиковъ свѣдѣніе, что къ этому Шиху пересылаются письма отъ Шамиля разрѣшилъ мнѣ обыскать его. Несмотря на то, что онъ успѣлъ, безъ сомнѣнія, сжечь въ каминѣ самыя нужныя бумаги, я захватилъ всѣ рукописи, въ числѣ коихъ попался присяжный листъ, къ которому Шихъ приводилъ къ присягѣ мучениковъ, выдерживавшихъ 40-ка дневное испытаніе въ могилѣ. Проповѣдника рѣшено было схватить и выслать за границу. Оказалось, что онъ выходецъ изъ Арзерума, въ прямыхъ сношеніяхъ съ Шамилемъ, и что проповѣдывалъ чистый мюрюдизмъ въ нагайскомъ народѣ. Султаны вышли изъ этого дѣла не только чисты, чуть не святы, но съ тѣхъ поръ, признаюсь вамъ, я болѣе нежели когда либо сталъ сомнѣваться въ ихъ искренней преданности Россіи. Другой случай, заставившій меня усомниться даже въ личной преданности Адиль-Гирея къ князю Михаилу Семеновичу, былъ слѣдующій. Въ полной довѣренности къ этому молодому человѣку, князь Воронцовъ неоднократно посылалъ его за Кубань съ порученіями къ закубанскимъ племенамъ. Вы вѣроятно помните, что однажды, возвращаясь отъ абазековъ, онъ вывелъ оттуда къ главнокомандующему депутацію, которая имѣла цѣлью будто бы окончательное примиреніе абазековъ съ Россіей. Депутаты абазекскіе были привезены въ Тифлисъ. Ихъ князь Воронцовъ осыпалъ подарками. Впослѣдствіе оказалось, что вовсе абазеки не намѣревались замириться, и что они никогда изъ среды себя не высылали депутатовъ, что старикъ, котораго Адиль-Гирей привезъ въ Тифлисъ, былъ ни кто иной какъ его италыкъ, которому онъ хотѣлъ доставить подарки; очевидно, что султанъ очень могъ сообразить всѣ непріятности, которымъ онъ этой выходкой подвергалъ главнокомандующаго. Третій случай былъ слѣдующій. Гиреи, въ особенности Кази-Гирей, настаивали, чтобы именно ему, Кази-Гирею, было поручено выдвинуться за Лабу ауломъ, дабы тѣмъ имѣть полезное вліяніе на закубанскія немирныя племена. Проэктъ этотъ Гиреи расписали самыми завлекательными красками. Впредь до окончательнаго утвержденія онаго, Кази-Гирей выхлопоталъ себѣ какое то таинственное порученіе на Лабѣ, по которому ему отпущено было примѣрно много денегъ и много подарковъ, — часовъ и тому подобныхъ. Результатъ оказался такой, что ничего онъ не достигъ изъ всего предположеннаго въ пользу правительства, а отчета въ деньгахъ никто впослѣдствіе не могъ добиться. Часы какъ то окончательно сдѣлались его собственностью.

Цыганка.

Я долженъ здѣсь сказать нѣсколько словъ о цыганкѣ, которую злость враговъ моихъ ухитрилась включить въ число безчисленныхъ обвиненій, разомъ разразившихся надо мною. Кто на Кавказскихъ Минеральныхъ Водахъ не знаетъ цыганки Маріулки? Это молодая женщина, пріятной наружности, оригинальностью своею, а въ особенности тѣмъ, что она цыганка, обыкновенно привлекаетъ къ себѣ взоры всѣхъ посѣтителей Минеральныхъ Водъ. Всѣмъ извѣстно впрочемъ, что она довольно легкаго поведенія, равно какъ и другія ея подруги. Это не препятствуетъ ей ежедневно бывать у многихъ посѣтителей, потому что мы, люди русскіе, привыкли къ себѣ принимать цыганъ. Маріулка часто появляется въ холостыхъ обществахъ въ видѣ артистки. Я, признаюсь вамъ, люблю цыганъ и очень покровительствовалъ имъ вообще на Кавказѣ. Частью, хорошее съ ними обращеніе, частью, жадность къ деньгамъ и подаркамъ, заставляла ихъ всегда около меня толпиться. Когда меня назначили въ Нальчикъ, они и туда ко мнѣ пріѣзжали. Такимъ образомъ, Маріула нѣсколько разъ посѣщала меня въ Нальчикѣ, куда пріѣзжала съ мужемъ. Онъ нѣсколько разъ оставлялъ ее гостить у меня довольно долго. Въ Нальчикѣ я велъ жизнь очень уединенную; никогда у меня не собирались гости, кромѣ двухъ разъ въ цѣлый годъ, по особому приглашенію. Въ комнатахъ всегда толпились азіаты, для которыхъ я имѣлъ открытый домъ; они у меня часто во множествѣ гостили, ѣли, ночевали, и всѣмъ это очень нравилось. Обыкновенно я обѣдалъ одинъ, и когда гостила Маріулка, она со мною раздѣляла мою холостую трапезу. Случалось, что два офицера, самые близкіе ко мнѣ, воинскій начальникъ крѣпости и квартирующій со мною адъютантъ моего управленія, — обѣдали со мною, когда была у меня Маріулка, и она садилась съ нами. Случалось этой цыганкѣ ѣздить верхомъ на моихъ лошадяхъ по Кабардѣ; случалось мнѣ, въ безпрерывныхъ поѣздкахъ моихъ, встрѣчаться съ нею, и тогда она подсосѣдивалась къ общему поѣзду, безъ малѣйшаго удивленія съ чьей либо стороны, потому что этихъ цыганокъ, въ особенности Маріулку, всѣ привыкли видѣть на этой степени фамильярства въ офицерскихъ обществахъ; но несмотря на это, встрѣтившись съ нею въ лѣсу или далеко въ полѣ, я ни разу себѣ не позволилъ съ нею подъѣхать къ крѣпости и появиться съ нею на улицѣ Нальчика. Она была всѣхъ цыганокъ красивѣе, всѣхъ щеголеватѣе, конечно оттого, что больше получала подарковъ за свои любезности, въ томъ числѣ и отъ меня. Всякій могъ почти навѣрное думать, что я эту женщину имѣлъ, собственно потому, — что кто же ее не имѣлъ?

Дѣйствіе Кодзакова.

Ославъ чрезъ меня къ г. Коцебу донесеніе о дѣлѣ кабардинки Клишевой, Кодзаковъ отправился въ Ессентуки къ с. Кази-Гирею. Тамъ вмѣстѣ они составляли донесеніе о положеніи края, объ угнетеніи народа, о страшныхъ злоупотребленіяхъ, допущенныхъ мною, о неумѣстномъ стѣсненіи моемъ абазинцевъ, въ переселеніи ихъ, о неистовомъ гоненіи, которое терпятъ отъ меня азіаты; приводили нѣсколько примѣровъ тому оскорбленію, которому ежедневно подвергаются азіаты отъ казачьихъ офицеровъ. Въ донесеніи этомъ они доказывали, что мѣстное начальство дѣлаетъ все, что возможно, для того чтобы ожесточить народъ противъ правительства, и что ежели народъ терпитъ, то это надо приписать одной непоколебимой преданности его государю. Мнѣ удалось прочесть нѣсколько листовъ этого удивительнаго донесенія, и чѣмъ рѣзче было оно написано, тѣмъ болѣе я вполнѣ увѣрялся въ томъ, что князь Михаилъ Семеновичъ, зная меня лично, зная хорошо настоящее положеніе этого обрусѣвшаго уголка Кавказа, будетъ смѣяться и прикажетъ Кодзакову сказать, что онъ дуракъ. Нельзя, читавши это донесеніе, не удивляться изобрѣтательности ума азіата, поставленнаго внезапно изъ совершенной тьмы въ такое положеніе, какъ былъ поставленъ Кодзаковъ, и не изумляться тому, что князь Михаилъ Семеновичъ, читая подобные ужасы, не приказалъ провѣрить истину словъ этого сочиненія, а все принялъ за истину.

Кази-Гирей.

Когда Кази-Гирей былъ назначенъ командовать 6-ю бригадою, я его почти не зналъ, но радовался его назначенію, полагая найти въ немъ усерднаго помощника и вѣрнаго товарища. Вполнѣ увѣренный въ эти добродѣтели его и желая сколь можно съ нимъ сблизиться, я первый къ нему написалъ письмо самое дружеское; не знаю, сохранилъ ли онъ его, но, къ сожалѣнію моему, я писалъ экспромптомъ, безъ черновой. Помню, что я высказывалъ ему радость имѣть его товарищемъ, просилъ безъ меня подробно осмотрѣть бригаду, которую отъ меня принималъ, увѣрялъ его, что ежели онъ въ ней найдетъ что нибудь дурное, то это потому, что я этого дурнаго не зналъ, а не потому, чтобъ умышленно его терпѣлъ, и вызывался въ такомъ случаѣ все по указанію его исправить; наконецъ, просилъ его быть со мною на ты, такъ какъ я былъ далекъ отъ всякой злобы къ нему, отъ всякой глупой спѣси. Съ перваго вступленія своего, Кази-Гирей вполнѣ обнаружилъ свой характеръ и свое коварное недоброжелательство. Въ то самое время, когда онъ отвѣчалъ мнѣ самымъ сладкимъ письмомъ на мое дружеское воззваніе къ нему, онъ дѣйство-

валъ во вредъ мнѣ, и увлекаясь личнымъ недоброжелательствомъ ко мнѣ, неистовствовалъ надъ несчастною бригадою, попавшеюся ему въ жертву. На всякомъ шагу онъ изыскивалъ случай оскорблять меня какими нибудь мелочами, изыскивалъ самыя утонченныя стѣсненія для казаковъ, болѣе другихъ мною отличенныхъ, старался уничтожить многія учрежденія мои по бригадѣ; въ обращеніи со мною въ сношеніяхъ по службѣ рѣзко оказывалъ обдуманное неуваженіе и даже дерзость. Неимовѣрно дерзко обнаруживая свои враждебныя къ Россіи чувства, онъ страшно тѣснилъ и ожесточалъ бабуковцевъ, распускалъ по дальнимъ горнымъ племенамъ самые нелѣпые слухи, съ цѣлью уничтожить ихъ довѣріе ко мнѣ и къ правительству. Съ перваго дня вступленія своего, онъ напалъ на Бабуковскую станицу. Эта станица, составляющая отдѣльный нарядъ, какъ вамъ извѣстно, выставляетъ въ 6-ю бригаду одну сотню, имѣющую особыя права. Въ мое командованіе бригадою, я считалъ полезнымъ для правительства, сколько возможно, этотъ народъ ласкать и, въ поощреніе преданности его Россіи, оказывать всевозможное вниманіе и покровительство. Сотня же Бабуковская была дѣйствительно превосходна лошадьми, вооруженіемъ и молодечествомъ людей. Кази-Гирей, какъ вы видѣли изъ письма моего къ г. Завадовскому, сталъ тѣснить бабуковцевъ, дабы тѣмъ наказать ихъ за преданность ихъ и тѣмъ себя возвысить въ мнѣніи прочихъ азіатъ. Съ первыхъ дней прибытія своего, онъ, находя будто бы эту сотню распущенною моимъ слабымъ командованіемъ и желая будто бы водворить потерянный порядокъ службы, разогналъ всю сотню по дальнимъ постамъ, раздробивъ ее такимъ образомъ, чтобы въ числѣ цѣлой русской команды находился одинъ или два бабуковца. Очевидно, что такимъ образомъ эти несчастные, безъ своей артели, въ совершенную противность вѣры ихъ и обычаямъ, должны были жить и ѣсть съ христіанами. Я много хлопоталъ и съ трудомъ достигъ того, чтобы прикомандированныхъ бабуковцевъ наряжать ихъ такъ, чтобы хотя малыми артелями давать имъ возможность соблюдать всѣ правила ихъ вѣры и обычаевъ. Притомъ я оттого избѣгалъ одного бабуковца надолго засылать на дальній постъ, занятый русскими казаками, что онъ въ такомъ случаѣ начнетъ тосковать о своемъ аулѣ и своихъ товарищахъ, и ему опротивитъ служба. Все это постигая болѣе нежели всякій другой, Кази-Гирей съ намѣреніемъ очень явнымъ распредѣлилъ ихъ на такіе посты, которые находились верстъ за сто отъ ихъ станицы, и въ другомъ полку. Обыкновенно казаки смѣняются чрезъ двѣ недѣли. Онъ ихъ продержалъ почти полгода въ удаленіи отъ домовъ, доводя до совершеннаго отчаянія, преувеличеннаго дерзкими насмѣшками туземцевъ, которые за это хвалили султана. Не знаю, кто, добросовѣстно вникнувъ въ эту мѣру, могъ въ ней усмотрѣть средства ввести въ этой сотнѣ потерянную строгость службы и надлежащій духъ дисциплины и, какъ выражался султанъ, подтя-

нуть ихъ. Ежели бы дѣйствительно его цѣль была такова, то слѣдовало бы ему эту сотню держать въ сборѣ и у себя надъ глазами.

По правиламъ службы никто изъ начальниковъ, безъ разрѣшенія государя или его намѣстника на Кавказѣ, не имѣетъ права налагать подати или сборы съ общества. Кази-Гирей приказалъ со всѣхъ бабуковцевъ, служащихъ и неслужащихъ, взыскать по 1 руб. серебромъ на постройку какихъ то зданій; кромѣ того, уговорилъ ихъ пожертвовать строевой лѣсъ на воздвиженіе мечети, обратилъ этотъ лѣсъ, къ общему негодованію всѣхъ бабуковцевъ, на зданіе для служебныхъ надобностей. Подъ видомъ прекращенія грабежей, онъ запретилъ изъ станицы выпускать безъ билета жителей. Билетъ этотъ станичный начальникъ всѣми мѣрами задерживалъ. Въ Лоовомъ аулѣ былъ приставомъ нѣкто Павловскій; онъ его призналъ слишкомъ грубымъ въ обращеніи съ азіатами (тамъ всѣ абазинцы) и поэтому назначилъ начальникомъ Бабуковской станицы. Ежели бы бабуковцу представилась надобность выѣхать изъ расположенія полка въ сосѣдніе аулы или въ Кабарду, онъ долженъ былъ явиться въ бригадный штабъ въ Ессентуки за билетомъ отъ султана, и дабы въ Ессентуки ѣхать, велѣно было чрезъ станичнаго начальника предварительно испрашивать на то разрѣшеніе, и получивши оное, не иначе изъ станицы выѣзжать, какъ по билету станичнаго начальника. Такая недовѣрчивость, такое явное оскорбленіе самолюбія всего народа погружали его въ горе и отчаяніе. Кругомъ враги ихъ, а въ особенности кабардинцы, торжествовали. Когда Кази-Гирей бывалъ въ Георгіевскѣ, онъ всегда избѣгалъ станицы Бабуковской и никогда въ нее не въѣзжалъ, говоря, что онъ на бабуковцевъ сердится за дурную ихъ службу. Сосѣдніе же аулы говорили, что ему, какъ правовѣрному, нельзя не показать своего презрѣнія къ такимъ мусульманамъ, которые сдѣлались полурусскими.

Между станицами Бабуковской и Георгіевской земля не размежевана. Кази-Гирей приказалъ провести черту черезъ выгонъ совершенно подъ станицею бабуковцевъ; едва протянули эту межу, какъ бабуковскій теленокъ перешелъ черезъ нее. Несмотря на то, что уздени бабуковскіе не наказываются тѣлесно, и что уздень за теленка готовъ былъ, во избѣжаніе срама, заплатить выкупъ, Кази-Гирей приказалъ станичному начальнику, георгіевскому русскому уряднику, узденя бабуковскаго высѣчь. Этою мѣрою поношенія бабуковскаго узденства восхищалась вся Кабарда, и съ восторгомъ разсказывали это обстоятельство въ дальнихъ горахъ, благословляя Кази-Гирея за то, что караетъ отступниковъ отъ вѣры мусульманской. Всѣ эти дѣйствія Кази-Гирея хорошо понималъ покойный атаманъ, но будучи тогда не въ милости у князя Михаила Семеновича, онъ заискивалъ въ султанахъ. Генералъ Завадовскій не хотѣлъ вмѣшиваться, дабы не прогнѣвалась на него княгиня. Всѣ эти дѣйствія Кази-Гирей сообщалъ Адиль-Гирею, который находилъ средства въ разсказахъ своихъ давать

имъ видъ безпристрастія къ азіатцамъ, и всѣ эти выходки съ наглостью неимовѣрною, облекая въ самый прекрасный цвѣтъ, Кази-Гирей въ письмахъ своихъ передавалъ въ Петербургъ Муравьеву, который не замѣчалъ, что надъ нимъ смѣются. Наконецъ Кази-Гирей довершилъ свои гоненія на бабуковцевъ выходкой, которая вполнѣ обнаруживаетъ всю утонченную изворотливость его ума, полнаго довѣрія въ свою дерзость, и самое злобное для правительства намѣреніе. Въ 6-ю бригаду шла значительная партія малороссійскихъ переселенцевъ. Кази-Гирей со всѣхъ постовъ спускаетъ бабуковцевъ, собираетъ всю сотню въ дома, и пріѣзжая въ с. Георгіевскую, послалъ къ бабуковцамъ своихъ довѣренныхъ предложить имъ, чтобы они пожертвовали для переселенцевъ весь свой паекъ за цѣлую треть. Легко себѣ вообразить, какое тогда произошло волненіе въ сотнѣ, и безъ того уже обозленной и изнуренной дальними и долговременными откомандировками и поголовнымъ сборомъ, о которыхъ я выше говорилъ. Они проклинали этихъ переселенцевъ и ни за что на свѣтѣ не хотѣли согласиться на такое пожертвованіе, вовсе ненужное для малороссіянъ, которые шли на щедрыхъ пайкахъ казенныхъ, и обременительное для нихъ. Вся ночь у нихъ прошла въ несогласіяхъ и спорахъ съ клевретами султана. Они положили ему поутру единогласно сказать, что они на это несогласны. Поутру Кази-Гирей приказалъ въ полѣ выстроить сотню; самъ сѣлъ на лошадь, чего не случалось во все время его командованія, и зная намѣреніе бабуковцевъ, подъѣхавъ къ нимъ, поблагодарилъ за пожертвованіе провіанта и, не давая возможности отвѣтить, быстро ускакалъ въ Георгіевскъ. Бѣдные бабуковцы не получили за эту треть своего провіанта. Вы можете себѣ вообразить, какъ эти азіаты проклинали этихъ новыхъ русскихъ, занимающихъ земли ихъ отцовъ и предковъ, и какой получила ударъ ихъ пре́данность къ правительству и дружба съ русскими. Немедленно написалъ султанъ объ этомъ къ Адиль-Гирею для доклада главнокомандующему, княгинѣ и генералу Коцебу. На Кази-Гирея посыпались благодаренія и похвалы за то, что онъ сумѣлъ до такой степени сблизить азіатъ съ русскими. Въ письмѣ къ Муравьеву онъ, описывая это происшествіе совершенно по своему, выставляетъ себя человѣкомъ, который, движимый одною преданностью правительству и желаніемъ принять христіанскую вѣру, терпитъ много оттого, что его не понимаютъ. „Многіе теперь, пишетъ онъ, мною недовольны, но я надѣюсь, что скоро меня оцѣнятъ.“ Муравьевъ, въ восхищеніи отъ высокаго характера Кази-Гирея, сообщалъ письма эти старухѣ Потемкиной, и вдвоемъ они прославляли русскій патріотизмъ Кази-Гирея, котораго они вовсе не знали, и который въ душѣ своей надъ ними смѣялся.

Письма мои къ генералу Завадовскому вамъ объяснятъ, въ чемъ состоитъ вопросъ переселенія абазинцевъ изъ Кабарды на Куму. Здѣсь я только разскажу

вамъ, какъ Кази-Гирей въ этомъ дѣлѣ дѣйствовалъ. Мѣсто, назначенное абазинцамъ на Кумѣ, было такъ всѣмъ извѣстно и такъ ясно опредѣлено въ предписаніяхъ, что невозможно было найти въ этомъ отношеніи никакой неясности. Изъ прилагаемой карты вы усмотрите, что абазинцамъ изъ Кабарды путь лежалъ по маршруту кордонными землями влѣво отъ Кисловодска. Каково было мое удивленіе, когда, спустя почти два мѣсяца послѣ выхода ихъ изъ Кабарды, я узнаю, что они стоятъ на Бугунтѣ; я пишу къ Кази-Гирею, предписывая ему строжайше ихъ оттуда немедленно прогнать. Онъ отправился въ свой аулъ на Кубань (слѣдственно, черезъ ихъ новое поселеніе) и далъ предписаніе подполковнику Иловайскому абазинцевъ согнать. Иловайскій мнѣ доноситъ, что они не слушаются. Я посылаю на Кубань Кази-Гирею повторительное предписаніе. Онъ возвращается въ Ессентуки опять чрезъ Абазинскій аулъ и посылаетъ въ Бургустанъ предписаніе маіору Мистулову, чтобы онъ ихъ съ Бугунты перевелъ на Куму. Мистулову они объявляютъ, что не сойдутъ добровольно. Объ этомъ мнѣ доноситъ Кази-Гирей. Я, не имѣя возможности лично пріѣхать на Бугунту, въ третій разъ предписываю Кази-Гирею отправиться самому, и такъ какъ онъ самъ позволилъ абазинцамъ поселиться на Бугунтѣ, то возлагаю всю отвѣтственность на него. Онъ мнѣ доноситъ, что ему абазинцы объявили, что рѣшительно съ этого мѣста добровольно не сойдутъ и готовы до послѣдней крайности защищаться. Какъ можно эти дѣйствія иначе считать какъ не измѣною или тѣмъ, что султанъ Кази-Гирей съ абазинцевъ взялъ большую взятку? Въ то время, какъ я получилъ послѣднее донесеніе, я былъ задержанъ на военно-грузинской дорогѣ важными дѣлами въ Дигоріи и еще неоконченнымъ переселеніемъ Анзаровыхъ. Третье донесеніе Кази-Гирея было писано уже при Адиль-Гиреѣ, только что пріѣхавшемъ на Воды изъ Чечни. Адиль-Гирей понялъ, что присутствіе его, ободряя абазинцевъ, подстрекаемыхъ не только имъ и Кази-Гиреемъ, но и многими другими, помѣшаетъ мнѣ явиться лично на Бугунту;—одного меня не послушаютъ; двинуть роту во время курса на Бугунту почти невозможно — напугаешь всѣхъ посѣтителей, и притомъ Адиль-Гирей имѣлъ въ виду, ежели бы я рѣшился двинуть войско противъ абазинцевъ, уговорить ихъ немедленно повиноваться. Тогда онъ намѣревался доложить князю, что я для того двинулъ войско и увѣрялъ, что абазинцы не хотятъ повиноваться, чтобы себя выказать. Такъ это было съ переселеніями Анзаровыхъ. Поэтому я вызвалъ убѣжденіями моими генерала Завадовскаго въ Кабарду и уже съ нимъ отправился въ Кисловодскъ, куда съ Бугунты были вызваны абазинцы. Они при первомъ словѣ генерала Завадовскаго согласились сняться съ казацкихъ земель и отправиться на указанное имъ мѣсто. Очевидно, что Кази-Гирей въ глазахъ ихъ былъ совершенно правъ; онъ имъ дозволилъ занять эти мѣста, отстаивалъ ихъ сколько могъ, и теперь, когда Завадовскій самъ

говоритъ, что непремѣнно надо съ Бугунты сняться, Кази-Гирей ничего не можетъ сдѣлать. Какой бы другой бригадный командиръ дерзнулъ на станичныя земли пустить аулъ, дать имъ казачій лѣсъ, на пастбище пустить десятки тысячъ овецъ, скота и лошадей?—Все это не только безъ вѣдома начальства, но даже вопреки всѣхъ распоряженій и предписаній начальства! Его нашли совершенно въ этомъ дѣлѣ правымъ, а виноватымъ меня. Нельзя не согласиться, что ежели бы Кази-Гирей дѣйствовалъ дѣйствительно строже съ единовѣрцами, нежели съ христіанами, для того чтобы доказать свое безпристрастіе къ русскимъ, и то, что онъ не потворствуетъ азіатцамъ, такъ, какъ дѣйствовалъ онъ съ бабуковцами,—то конечно никогда бы абазинскіе аулы не очутились на Бугунтѣ. Нельзя не замѣтить, что изъ всѣхъ азіатъ онъ тѣснилъ всѣми возможными мѣрами однихъ бабуковцевъ, болѣе, безспорно, всѣхъ прочихъ преданныхъ нашему правительству, въ то самое время, когда дѣлалъ неслыханныя послабленія абазинцамъ, и когда допускалъ кабардинцевъ запахать и засѣять землю за Майкою. Съ русскими онъ обращался, по моему мнѣнію, очень дурно, а казаки по довѣренности ко мнѣ вездѣ меня встрѣчали жалобами на его дѣйствія. Такимъ образомъ я узналъ многое; напримѣръ: въ станицу Бургустанскую были назначены сто семей переселенцевъ. Надо было увеличить объемъ станицы; она стоитъ въ открытомъ полѣ кругомъ; всѣ стороны свободны. Онъ ее увеличилъ къ сторонѣ кладбища и на свѣжихъ могилахъ указалъ новыя мѣста для пришельцевъ. Каково это было видѣть живымъ казакамъ бургустанскимъ! Но въ Кабардѣ и въ горахъ торжествовали этимъ поруганіемъ надъ кладбищемъ. Въ станицѣ Ессентуцкой тоже плакали казачьи семейства. Въ Горячеводской я устроилъ школу, которая было пошла очень хорошо. Князь Михаилъ Семеновичъ изволилъ быть въ этой школѣ и даже очень ею заняться и поощрить это заведеніе подарками. Маіоръ Хуціевъ хотѣлъ квартировать въ томъ домѣ, въ которомъ я школу эту устроилъ. Ему это не удалось. Однимъ изъ первыхъ распоряженій Кази-Гирея было училище это перенести въ Ессентуки и занять для этого постоемъ нѣсколько тѣсныхъ казачьихъ домовъ. Скоро школа эта почти вовсе уничтожилась. Въ домъ же, который я занялъ школою, онъ вздумалъ помѣстить госпиталь для прокаженныхъ. Въ станицѣ Георгіевской онъ позарился на одну молодую цыганку, и не успѣвая въ предложеніяхъ своихъ, посадилъ мужа въ тюрьму и держалъ въ кандалахъ, стращая Сибирью до тѣхъ поръ, пока жена не согласилась удовлетворить его страсть; тогда онъ тотчасъ приказалъ освободить мужа. Всѣхъ казаковъ, которыхъ я отличалъ, онъ явно терзалъ, придираясь къ бездѣлицамъ, для того чтобъ ихъ нещадно сѣчь; напримѣръ: одинъ урядникъ, Кулаковъ, дѣйствительно отличный, былъ мною представленъ въ офицеры. Онъ его позвалъ. Урядникъ, говоря съ нимъ, согналъ муху съ носа рукою. Онъ воспользовался этимъ случаемъ, бросился

его бить и потомъ приказалъ немедленно ему дать триста розогъ, повторяя „я у васъ выбью эту беклемишевщину!“ Прошу васъ прочесть письмо мое къ генералу Гогелю; изъ онаго вы увидите, что онъ сдѣлалъ съ урядникомъ Андреевымъ, котораго вы знаете, и изъ этого письма видно то положеніе, въ какомъ я былъ въ то время. (Приложеніе № 6.)

Ко всѣмъ этимъ дѣйствіямъ по управленію бригадою, гдѣ Кази-Гирей не занимался вовсе дѣлами службы, а все время свое, цѣлые дни и цѣлыя ночи напролетъ сидѣлъ за картами съ Сусловымъ и Хуціевымъ и отрывался отъ нихъ только лишь для того, чтобы напасть на какого нибудь несчастнаго казака, котораго онъ полагалъ особенно преданнымъ мнѣ, чтобъ, изыскивая какую нибудь къ нему придирку, изобрѣсти мелочное и злобное азіатское преслѣдованіе; иногда же онъ охотно отъ картъ или отъ бутылки отрывался только лишь для того, чтобъ побить или высѣчь какого нибудь несчастнаго. Недѣли по три не видавъ ни одной бумаги, онъ обыкновенно уѣзжалъ на нѣсколько дней въ свой аулъ, поручая въ свое отсутствіе командованіе бригадою маіору Полозову, который въ это время, работая какъ каторжный, спускалъ накопившіяся горы бумагъ и давалъ Кази-Гирею возможность, возвратясь въ бригаду, опять недѣли на три поиграть въ карты, попить съ товарищами и нѣжиться въ объятіяхъ дѣвки, вывезенной имъ изъ Хоперскаго полка, для которой Ессентукскіе офицеры должны были составлять ассамблеи, чтобы не попасть въ опалу. Что же касается до Кисловодскаго кордона, то, съ самаго назначенія его начальникомъ онаго до минуты моего отъѣзда съ Кавказа, онъ ни разу не объѣхалъ своихъ постовъ, и о передовой линіи подъ снѣгами Эльбруса зналъ только по наслышкѣ. Въ годъ командованія его кордономъ, угнано хищниками изъ бригады множество лошадей, увезены мальчишки, дѣвки, убиты казаки, все это безъ малѣйшаго физическаго безпокойства со стороны кордоннаго начальника, который ни разу и не садился на лошадь. При мнѣ, Богъ миловалъ, ни разу этого не случалось, потому что я рѣдко слѣзалъ съ лошади, постоянно разъѣзжалъ по своему кордону. Я находилъ эту лѣнь непростительнымъ нерадѣніемъ къ службѣ. Меня находили за это несправедливымъ, пристрастнымъ, капризнымъ и притѣснительнымъ. Всѣ эти происшествія, за которыя вѣроятно всякій русскій попалъ бы подъ судъ, для него не имѣли ни малѣйшей тѣни непріятности и даже нѣкоторымъ образомъ послужили къ его возвышенію.

Краткій обзоръ моей службы въ Центрѣ.

Въ 1845 году, по милости князя Михаила Семеновича, былъ я назначенъ командиромъ 6-й бригады казаковъ. Никакое назначеніе въ свѣтѣ не могло болѣе согласоваться съ моимъ желаніемъ и моимъ характеромъ. Скоро я душою

пристрастился къ моимъ казакамъ, и знаю, что я былъ ими любимъ. Бабуковцы ни одного русскаго начальника такъ не уважали и не любили, какъ меня. Скоро сдѣлалось очень явно взаимное довѣріе и привязанность, укоренившаяся между мною и моими казаками. Скоро удалось мнѣ пріобрѣсти довѣріе сосѣднихъ азіатъ, такъ что когда я былъ назначенъ управлять Центромъ, то уже въ горахъ и степныхъ аулахъ Кумскихъ я былъ знакомъ. Это для меня было очень важно. Не знаю, можно ли быть болѣе восторженному отъ своей службы, какъ я былъ въ то время. Я велъ жизнь совершенно сходную съ моими желаніями и мыслями. Часть моя шла успѣшно. Князь Воронцовъ довѣренностію своею возжигалъ во мнѣ усердіе къ службѣ до фанатизма. Съ назначеніемъ въ Нальчикъ я сталъ получать большое содержаніе; все оно шло на службу. Не заводилъ я себѣ ничего прихотливаго, но вездѣ изыскивалъ возможность сдѣлать что либо въ пользу жителей Центра и жаждалъ случая чѣмъ нибудь заслужить одобреніе князя Воронцова. Вотъ какія чувства заставляли меня употреблять всѣ мои деньги на школы, на сады, на водопроводы, на дороги по такимъ отдаленнымъ ущельямъ, которыя кромѣ меня никто изъ начальниковъ не посѣщалъ,— несчастныя поѣздки въ самыя отдаленныя горныя племена. Я обратилъ особенное вниманіе на аманатовъ изъ горскихъ племенъ, содержащихся въ Нальчикѣ до меня какъ арестанты; устроилъ я для этихъ мальчиковъ хорошее помѣщеніе, бѣлье, одежду, всевозможныя забавы; всегда для нихъ былъ открытъ мой домъ, и я радовался, видя, что эти бѣдныя дѣти стали ко мнѣ ходить во всякое время дня, какъ къ своему родному. Часто я ихъ по вечерамъ собиралъ къ себѣ, угощалъ лакомствами; они играли, плясали и веселились. Вѣсть объ этомъ скоро распространилась въ горахъ, и родители съ любопытствомъ пріѣзжали любоваться на житье дѣтей, о коихъ они привыкли соболѣзновать, какъ объ жертвахъ политическихъ. Этотъ счастливый результатъ кололъ глаза моимъ врагамъ, и вы увидите впослѣдствіе, какъ это доброе дѣло они сумѣли облечь въ адскія и гнуснѣйшія краски, сообразныя съ собственными ихъ понятіями. Я находилъ удовольствіе и пользу появляться въ аулахъ съ конвоемъ отборныхъ наѣздниковъ изъ казаковъ; чтобы доставить имъ возможность предъ азіатами блестѣть, я имъ дарилъ одежду, сбрую, лошадей, съ удовольствіемъ видѣлъ желаемые плоды отъ всѣхъ этихъ стараній и съ полною самонадѣянностью ожидалъ прибытія главнокомандующаго, будучи вполнѣ увѣренъ, что онъ меня осыплетъ похвалами. Все могло меня завлечь въ такую лестную упоительную мечту. Въ годъ я привелъ въ исполненіе нѣсколько весьма важныхъ дѣлъ по управленію Центромъ, безъ насилія. Никогда русскаго такъ не любили, какъ меня любили кабардинцы. Въ горныхъ племенахъ я пріобрѣлъ еще болѣе привязанности и довѣрія. Русскіе казаки были мнѣ совершенно преданы. Общество офицеровъ и чиновниковъ, живущихъ въ к. Нальчикѣ, ежедневно изъ-

являло мнѣ величайшее вниманіе и расположеніе и было вообще довольно мною. Я зналъ, что противъ меня составляются козни, но я съ совершенно спокойнымъ духомъ, съ чистою совѣстью и съ тою нравственною силою, которую даетъ чувство хорошаго дѣла, ожидалъ прибытія князя Воронцова, въ слѣпой увѣренности, что всѣ эти козни разсѣятся немедленно.

Давно уже, какъ по милостивому расположенію ко мнѣ князя Михаила Семеновича и княгини Воронцовой, такъ и по вліянію, которое я пріобрѣталъ въ народѣ по всей окрестности, я сдѣлался ненавистенъ пылкимъ предводителямъ національной партіи—князю Эристову и султану Адиль-Гирею. Имъ давно нужно было въ Нальчикѣ имѣть не русскаго душою: они втерли мнѣ въ помощники вѣрнаго своего сподвижника Кази-Гирея, человѣка, ненавидящаго Россію, злаго, надменнаго и глупаго, которымъ бы руководили, какъ хотѣли. Оба умные, предпріимчивые и опытные интриганы, они хитро обдумывали планъ дѣйствій, осторожно слѣдовали своимъ предначертаніямъ; и годъ, который они провоевали со мною, можетъ служить образцомъ самымъ глубоко-обдуманнымъ кознямъ. Зная характеръ Воронцова и хорошо зная положеніе края, они составили связь между Тифлисомъ, гдѣ предводителемъ ихъ былъ Адиль-Гирей, Пятигорскомъ—всегдашнимъ средоточіемъ сплетенъ, толковъ и пересудовъ, Екатериноградомъ, гдѣ князь Эристовъ дѣйствовалъ неутомимо. Съ самаго начала вступленія моего въ должность начальника Центра, я встрѣтилъ неповиновеніе и признаки такого неуваженія ко мнѣ, какъ къ начальнику, которые никакимъ образомъ я не могъ оставить безъ вниманія со стороны командира линейнаго баталіона въ Георгіевскѣ. Князь Эристовъ изысканно показывалъ неприличное невниманіе къ начальнику несоблюденіемъ всѣхъ тѣхъ наружныхъ признаковъ, которые приняты въ службѣ; Кази-Гирей, по примѣру его, изощрялся въ подобныхъ мелочахъ. Видя злое намѣреніе, приведенное въ систему дѣйствій со стороны этихъ господъ, и къ тому же по собственному моему характеру будучи вовсе не тщеславенъ, я не высказывалъ, что замѣчаю всѣ эти штуки. Цѣль этихъ товарищей была заставить меня жаловаться, чтобъ Адиль-Гирею можно было доложить князю Воронцову, что я тщеславлюсь, горжусь и требую непостижимыхъ почестей и угожденій: они знали, что такой порокъ былъ бы совершенно противенъ образу мыслей князя Воронцова. Дабы не давать ему повода изощрять свои способности въ этомъ родѣ обхожденія со мною, я всевозможно старался избѣгать всякихъ встрѣчъ, рапортовъ, представленій и тому подобное, не могъ однакожъ не высказать въ письмахъ къ генералу Коцебу слишкомъ непозволительныхъ выходокъ командира линейнаго Георгіевскаго баталіона; вы увидите, можно ли было терпѣть что либо подобное, прочитавъ нижеслѣдующее письмо мое къ начальнику главнаго штаба. Хотя я по осторожности моей не

вдавался въ сѣти Адиль-Гирея и его сообщниковъ, никогда имъ не указывалъ на неумѣстность ихъ поведенія, зная, что они именно на подобное замѣчаніе напрашивались, но, несмотря на это, они въ Тифлисѣ кричали, что „Беклемишевъ требуетъ съ насъ петербургской службы со всѣми утонченностями, сопряженными съ службою гвардейскою.“ Это они повторяли въ Тифлисѣ и въ отрядѣ при к. Воздвиженской, въ Кисловодскѣ, такъ что даже эти самыя выраженія я слышалъ отъ генерала Коцебу и княгини Воронцовой. Дабы вполнѣ оцѣнить духъ неповиновенія и непостижимой дерзости баталіона Сулиновскаго, я долженъ вамъ разсказать происшествіе, случившееся со мною, которое едва ли имѣетъ подобное себѣ въ лѣтописяхъ военной службы регулярныхъ войскъ. Я командовалъ въ то время 6-ю бригадою казаковъ и Кисловодскимъ кордономъ. Г. Георгіевскъ окруженъ казачьими станицами и казачьими лѣсами. Жители города терпятъ большой недостатокъ въ топливѣ, казачьи лѣса охраняются казачьими лѣсничими. Часто до меня доходили жалобы, что цѣлыя команды, вторгаясь силою въ эти дачи, отнимаютъ у казаковъ лѣсъ вооруженною рукою, и часто дѣло доходитъ до драки. Всѣ мои отзывы объ этомъ къ начальникамъ командъ, квартирующихъ въ Георгіевскѣ, оставались безъ отвѣтовъ. Однажды, пріѣхавъ въ Георгіевскъ, я освѣдомился, что сильная команда рубитъ лѣсъ въ казачьихъ дачахъ. Я надѣлъ мундиръ съ эполетами, и съ двумя казаками поѣхалъ къ выѣзду изъ лѣса. Въ верстѣ отъ города я встрѣчаю телѣгъ около 40 съ сильнымъ конвоемъ пѣхоты. Я сталъ ихъ останавливать. Была зима. Люди были въ полушубкахъ и бараньихъ шапкахъ. Желая узнать, какимъ командамъ они принадлежатъ, я сталъ вызывать унтеръ-офицера; но вмѣсто повиновенія, солдаты закричали на остановившіяся подводы: „что задумались! врозь!“ Подводы съ лѣсомъ бросились во всѣ стороны, меня окружили солдаты съ дубинами, въ шапкахъ, съ трубками въ зубахъ! Напрасно я имъ указывалъ на полковничьи эполеты, называлъ себя. „Когда бъ ты былъ полковникъ и кордонный начальникъ, говорили они, подступая съ дубинами, ты бъ не разбойничалъ по большимъ дорогамъ!“ Видя, что они выходятъ вовсе изъ границъ, я послалъ одного казака дать знать о происходящемъ воинскому начальнику и приказалъ ему немедленно выслать роту ко мнѣ въ помощь; между тѣмъ, выхвативъ изъ толпы самаго дерзкаго изъ солдатъ и приказавъ казаку схватить за воротъ другаго, мы ихъ оттащили въ сторону, и такимъ образомъ, не выпуская изъ рукъ этихъ двухъ буяновъ, которые продолжали ругаться, не выпуская трубки изо рта, мнѣ удалось задержать 8 подводъ. Рота стояла у входа въ городъ. Офицеръ объявилъ мнѣ, что оба солдата принадлежатъ его ротѣ; я ему отдалъ ихъ подъ караулъ, равно какъ и 8 подводъ съ лѣсомъ. Въ тотъ день проѣзжали изъ Тифлиса командующій войсками и наказный атаманъ; я имъ разсказалъ о случившемся. Дрова велѣно отдать ка-

UNIVERSITY OF ILLINOIS LIBRARY AT URBANA-CHAMPAIGN

закамъ, мнѣ велѣно подать рапортъ. Началось слѣдствіе, продолжалось годъ. Люди во всемъ сознались: въ томъ, что, по приказанію своихъ начальниковъ, вооруженная команда ходила въ казачій лѣсъ, гдѣ побили лѣсовщиковъ, что ругали меня, подходили съ дубинами и съ трубками ко мнѣ подъ носъ. Чѣмъ же кончилось все это дѣло!—Двухъ буяновъ, отданныхъ мною старшимъ начальникамъ мѣстнымъ подъ строгій караулъ, воинскій начальникъ черезъ два дня выпустилъ подъ тѣмъ предлогомъ, что мало людей для содержанія караула. Одинъ изъ нихъ въ теченіи года бѣжалъ, а другаго, сознавшагося въ буйствѣ, въ неповиновеніи, въ дерзости противъ начальника, велѣно было наказать передъ ротою 25 розгами. 8 подводъ съ дровами, отданныя подъ караулъ, неизвѣстно куда дѣвались, и воинскій начальникъ оправдался тѣмъ, что ежели бъ я ихъ къ нему тогда привезъ на дворъ, то онъ бы за нихъ отвѣчалъ. Казаки, раненые въ лѣсу, вылѣчились, и я же остался въ дуракахъ. Теперь потрудитесь пробѣжать приложенное здѣсь письмо (прилож. № 7.), и вы конечно сознаетесь, что я не могъ молчать о подобномъ безначаліи вовсе не потому, чтобъ я хотѣлъ съ педантизмомъ вводить на Кавказѣ утонченныя мелочи гвардейской службы.

Я сказалъ выше, что за нѣсколько времени до пріѣзда главнокомандующаго на Воды, въ 1848 году изъ Чеченскаго отряда прибылъ подъ предлогомъ болѣзни Кази-Гирей и ободрилъ появленіемъ своимъ упадающій духъ партіи, запутавшейся въ козняхъ и гадостяхъ. Его выписали въ Пятигорскъ, для того чтобы совершенно противъ меня возстановить княгиню Воронцову безчисленными лживыми разсказами. Я встрѣтилъ княгиню во Владикавказѣ. Она была такъ же внимательна ко мнѣ, такъ же обходительна, какъ прежде. Въ Екатериноградѣ я получилъ извѣстіе, что генералъ Завадовскій, наконецъ убѣжденный моими письмами, ѣдетъ ко мнѣ въ Нальчикъ по порученію главнокомандующаго. Княгиня поѣхала одна въ Пятигорскъ, я остался сопровождать Николая Степановича въ Кабарду. Кромѣ трехъ писемъ, кои вы уже читали выше, я еще сообщалъ командующему войсками подробно о дѣйствіяхъ Кази-Гирея въ дѣлѣ о переселеніи абазинцевъ и окончательно ему переслалъ всю возгорѣвшуюся по этому предмету между нами переписку. Главнокомандующій уполномочивалъ его немедленно удалить Кази-Гирея отъ должности, ежели онъ его найдетъ виноватымъ, и меня представить къ утвержденію въ должности, ежели одобритъ мои дѣйствія по управленію Центромъ.

Генералъ Завадовскій въ абардѣ.

Командующій войсками пробылъ трое сутокъ въ Кабардѣ. Въ это время онъ ночевалъ въ аулахъ и былъ окруженъ народомъ. Онъ самъ удивился

той привязанности ко мнѣ, которую замѣтилъ во всѣхъ сословіяхъ. Вездѣ онъ слышалъ благодаренія и похвалы мнѣ. Дѣйствіями моими по разнымъ отраслямъ управленія онъ остался совершенно довольнымъ. Тутъ онъ имѣлъ случай говорить съ матерью Фати Клишевой. Съ намѣреніемъ онъ ее распрашивалъ, не обижаю ли я ихъ. Она ему отвѣтила, что меня считаетъ благодѣтелемъ, посланнымъ ей отъ Бога для того, чтобы спасти ея несчастную дочь. Прибывъ въ Кисловодскъ, онъ вызвалъ туда старшинъ абазинскихъ и объявилъ имъ, что они должны немедленно, оставя Бугунту, перейти на указанное имъ мѣсто на Кумѣ. Абазинцы, разумѣется по совѣту султана Кази-Гирея, объявили, что они немедленно исполнятъ это приказаніе, и на слѣдующій же день снялись. Султанъ въ глазахъ ихъ остался правъ невозможностью ихъ болѣе поддерживать. Окончивъ это дѣло, генералъ Завадовскій призвалъ насъ обоихъ въ кабинетъ и сталъ Кази-Гирею выговаривать за поведеніе его. Султанъ съ дерзостью и нахальствомъ, возможнымъ лишь азіату, сталъ его увѣрять, что во всемъ этомъ дѣлѣ онъ ничѣмъ не виноватъ, что ежели я его хотѣлъ погубить, то это собственно по личной злобѣ на него за то, что онъ не хотѣлъ мнѣ потворствовать въ дѣлахъ, слишкомъ противныхъ службѣ и слишкомъ черныхъ. Я попросилъ генерала приказать ему объясниться. Кази-Гирей объявилъ, что онъ имѣетъ доказательства, которыя предъявитъ лишь при слѣдствіи. (Я, представляя переписку съ Гиреемъ объ абазинцахъ, просилъ строжайшаго слѣдствія.) Тутъ сталъ Кази-Гирей высокопарными словами доказывать свои благородныя чувства и перешелъ наконецъ къ моимъ несправедливымъ нападкамъ на него. Генералъ его не останавливалъ, онъ сталъ говорить просто дерзости мнѣ въ глаза. Видя это, я удалился. Генералъ Завадовскій, насквозь проникая Адиля и Кази-Гирея, и давно уже привыкшій къ азіатамъ, былъ удивленъ однакоже непостижимою дерзостью всѣхъ этихъ неистовствъ. Онъ изъ Пятигорска къ князю Воронцову послалъ донесеніе, въ коемъ, отмѣнно выхваляя меня, излагалъ необходимость Кази-Гирея отрѣшить отъ командованія бригадою. Въ разговорахъ съ княгинею онъ выхвалялъ все видѣнное имъ въ Кабардѣ и объявилъ о необходимости, въ какой онъ находится, удалить Кази-Гирея. Пробывъ трое сутокъ въ Кисловодскѣ, генералъ Завадовскій уѣхалъ въ Ставрополь, съ намѣреніемъ черезъ нѣсколько дней выѣхать навстрѣчу къ главнокомандующему, о скоромъ прибытіи коего тогда получено было извѣстіе. Я ожидалъ прибытія князя Воронцова съ полною увѣренностью на чистоту моихъ дѣйствій и моей совѣсти. Гиреи чувствовали, что ежели они въ эту рѣшительную для нихъ минуту не восторжествуютъ надо мною, то всѣ ихъ продѣлки обнаружатся, и не только всѣ предположенія и коварныя козни ихъ могутъ рушиться, но и сами они могутъ погибнуть. Они рѣшились, не останавливаясь ни предъ какимъ средствомъ, дѣйствовать съ безотчетностью отчаянія.

Козни кипятъ. Княгиня Воронцова на Водахъ.

Когда княгиня Воронцова изъ Екатеринограда поѣхала въ Пятигорскъ, я, оставаясь съ генераломъ Завадовскимъ, предвидѣлъ, что ее Гиреи закидаютъ жалобами на меня. Дѣйствительно, они прибѣгли подъ ея защиту, какъ обиженные и угнетенные неистовыми моими притѣсненіями. Адиль-Гирей съ жаромъ описывалъ княгинѣ страданія Кази-Гирея, все приписывалъ капризному и мнительному моему характеру, увѣрилъ княгиню, что я противъ Кази-Гирея стараюсь поднять казаковъ, и наконецъ, какъ будто вынужденный огорченіемъ, рѣшился высказать княгинѣ всѣ неистовства, которымъ я предаюсь. Всѣ обстоятельства, о коихъ я выше упоминалъ, онъ облекъ въ самыя гнусныя краски, увѣрилъ княгиню, что всѣ азіаты отъ меня въ отчаяніи, потому что я оскорбилъ ихъ нравы и обычаи, что генералъ Завадовскій солгалъ ея сіятельству, когда увѣрялъ, что въ Кабардѣ онъ ничего не видалъ кромѣ хорошаго и ничего не слыхалъ кромѣ совершеннаго удовольствія отъ кабардинцевъ. Адиль-Гирей увѣрилъ княгиню, что я, пользуясь уваженіемъ начальника, силою вторгнулся въ домъ одного кабардинскаго князя и насильно увезъ княжну; что ежели меня тогда не убили, то это надо приписать только одной скромности народа и преданности его къ правительству; что и русскіе всѣ, живущіе въ Нальчикѣ, оскорблены мною тѣмъ, что они люди семейные и не могутъ ни ходить по улицамъ, ни ѣздить по окрестностямъ съ ихъ женами безъ увѣренности встрѣтить меня съ цыганкою, которая живетъ у меня на содержаніи и играетъ роль барыни. Съ непостижимою дерзостью увѣрялъ Адиль-Гирей, что все сопротивленіе Анзаровыхъ есть одинъ вымыселъ мой, что никогда не бывало ничего подобнаго, что это все я выдумалъ для того только, чтобы похвастаться своею дѣятельностью и распорядительностью передъ княземъ; что сопротивленіе абазинцевъ есть такой же вымыселъ мой, что никогда они не оказывали ни малѣйшаго неповиновенія, что недоразумѣніе, по которому они стали не на назначенномъ для нихъ мѣстѣ, произошло собственно отъ меня, потому что я имъ мѣста не указывалъ; что я всю эту исторію выдумалъ собственно для того, чтобы подвести подъ гнѣвъ главнокомандующаго невиннаго Кази-Гирея, на котораго я питалъ злобу за невниманіе, оказанное моей любовницѣ. Онъ увѣрялъ, что я по врожденной мнѣ кичливости требую отъ Кази-Гирея непостижимой точности въ мелочахъ службы, съ совершенно неисполнимымъ на Кавказѣ педантизмомъ петербургской службы что всѣ мои неудовольствія на сослуживцевъ происходятъ лишь оттого, что они при всемъ желаніи не могутъ удовлетворять всѣмъ этимъ прихотямъ неумѣстной моей гордости. Дабы подтвердить эти слова, онъ, изощряясь во всевозможныхъ мелкихъ неучтивостяхъ, которыя бы дѣйствительно меня оскорбили отъ всякаго другаго, и если бы я не видѣлъ

въ нихъ обдуманной системы,—напримѣръ, не кланялся мнѣ, дерзко отвѣчалъ, бросалъ глупо-презрительные взгляды, съ умысломъ наводилъ при мнѣ разговоръ о предметахъ, обсужденныхъ мною, и съ нахальствомъ и самой пошлой дерзостью опровергая мое мнѣніе, дабы, выведя меня изъ систематическаго моего терпѣнія, заставить что нибудь рѣзкое сказать. Урядникъ Андреевъ, котораго вы знаете, будучи съ женою своею всегда обласканъ ея сіятельствомъ, вынужденный терзаніями султана, рѣшился прибѣгнуть подъ покровительство княгини и просилъ ея ходатайства объ отправленіи его на какую бы ни было дальнюю службу, лишь бы вырваться изъ рукъ тирана. Султаны до такой степени предубѣдили княгиню, что она легко изволила повѣрить тому, что это я настроилъ Андреева жаловаться на Кази-Гирея. Дабы изыскать себѣ подпору внѣ службы и вовсе отклонить всякое подозрѣніе въ дѣйствіяхъ измѣнническихъ, Адиль-Гирей и послѣдователь его Кази-Гирей давно уже прикинулись проникнутыми истиной христіанскаго ученія. Адиль-Гирей съ хитростью и притворствомъ, которое ему никогда не измѣняло, давно уже сталъ передъ княгиней притворяться и съ терпѣніемъ, свойственнымъ лишь азіату, наводилъ разговоръ на вѣру и постоянно его поддерживалъ, какъ будто находя душевное упоеніе вникать въ тайны ученія христіанскаго, читалъ притворно книги духовныя, сочиненія Муравьева, и тому подобное. Княгиня, при всей рѣзкой проницательности своей, увлеклась притворствомъ Адиль-Гирея. Такую же комедію разыгрывалъ Кази-Гирей. Дѣйствуя тайно самымъ враждебнымъ образомъ для Россіи, онъ вошелъ съ Муравьевымъ въ таинственную и замысловатую переписку о предметахъ, касающихся вѣры, сталъ дѣятельно хлопотать объ воздвиженіи церкви въ Павловской станицѣ, во имя Андрея Первозваннаго, и поручилъ Муравьеву на сооруженіе этого храма собирать деньги. Муравьевъ, слѣпо вдаваясь въ этотъ обманъ, былъ въ восторгѣ, по всему Петербургу провозглашалъ новую побѣду своихъ увлекательныхъ проповѣдей и по просьбѣ Кази-Гирея горячо ходатайствовалъ объ немъ у кавказскаго начальства. Татаринъ, съ первыхъ дней назначенія своего, сталъ просить о прибавкѣ содержанія и со свойственнымъ ему нахальствомъ требовалъ содержанія бригаднаго командира вдобавокъ къ получаемому имъ окладу по гвардейскому полуэскадрону. Азіатская алчность не выдержала и приличія; но Муравьевъ, въ восхищеніи отъ своего ученика, молился и хлопоталъ за него. Старуха Татьяна Борисовна Потемкина, душевно радуясь этому успѣху ученія Христова, превозносила до небесъ высокія чувства и поэтическіе характеры Гиреевъ. Они въ душѣ смѣялись и, радуясь густотѣ тумана, которымъ имъ удалось задернуть настоящія ихъ дѣйствія, точили ножъ на Россію со злостью фанатизма и предавали своего благодѣтеля князя Воронцова. Кази-Гирей, слѣдуя руководству Адиля, со мною принялъ ту же систему мелкихъ, постоянно повторяемыхъ и обдуманныхъ неучтивостей, на

которыя притворно и упрямо я не обращалъ вниманія. Но такъ какъ азіатъ этотъ ко всѣмъ порокамъ азіата соединяетъ еще большую глупость, то онъ въ восторгѣ отъ своихъ успѣховъ увлекался до смѣшнаго. Напримѣръ, я, будучи еще тогда его начальникомъ, очень часто посылалъ во всѣ стороны нарочныхъ; онъ не приказывалъ имъ давать лошадей; на мое имя шелъ конвертъ чрезъ его штабъ-квартиру, онъ его приказалъ принести къ себѣ и вскрылъ. (Это видно изъ письма къ Г. Гогелю.) Тогда съѣздъ на Минеральныхъ Водахъ былъ очень многочисленъ. Гиреи трубили свою славу на всѣхъ собраніяхъ, на всѣхъ гуляньяхъ и разсказывали всѣмъ пріѣзжающимъ ужасы, прямой развратъ, мои притѣсненія, мои несправедливости. Безъ всякаго зазрѣнія совѣсти они не находили довольно часовъ во дню, чтобъ разсказывать и выдумывать про меня самыя нелѣпыя, самыя непостижимыя неистовства. Наконецъ, интрига эта по милости Гиреевъ сдѣлалась предметомъ общихъ толковъ, общихъ разговоровъ на Водахъ. Такимъ образомъ, дѣйствуя около княгини, Гиреи изыскивали всевозможныя мелочи, изъ которыхъ можно бы имъ было что нибудь извлечь для обвиненія меня передъ княземъ. Но къ огорченію ихъ, казаки, и русскіе и бабуковцы, были чрезвычайно довольны мною и ненавидѣли Кази - Гирея. Изъ кабардинцевъ всѣ усилія ихъ, чтобъ заставить кого нибудь на меня жаловаться, оставались тщетными: въ горахъ мною были чрезвычайно довольны. Оставалось одно средство — лгать. За этимъ дѣло не стало. Князь Воронцовъ, будучи тогда въ чеченскомъ отрядѣ, получалъ на меня доносъ за доносомъ. Агентомъ въ отрядѣ былъ человѣкъ, болѣе всѣхъ заинтересованный моей немилостью, потому что во что бы ни стало хотѣлъ занять мое мѣсто, — именно, князь Эристовъ. Всякій доносъ, доходящій до главнокомандующаго, былъ ему извѣстенъ, и онъ, съ хитростью азіата наводя ловко объ этомъ предметѣ разговоръ, дѣятельно и зло наполнялъ незамѣтно клевету своими замѣчаніями. Впослѣдствіе самыя его слова были мнѣ высказываемы самимъ княземъ и начальникомъ штаба. Напримѣръ, изъ письма моего къ генералу Завадовскому вы видѣли, что я посадилъ двухъ князей кабардинскихъ на гаубтвахту за то, что они, будучи мною посланы, какъ экзекуторы, засеквестровать воловъ у одного кабардинца, вмѣсто того чтобы ихъ привести ко мнѣ, угнали къ себѣ въ отдаленные хутора; до тѣхъ поръ я не могъ ихъ добиться, покуда не арестовалъ самихъ князей. Князь Эристовъ нашелъ случай въ разговорахъ представить обстоятельство это въ видѣ лихаго набѣга, который эти князья изъ удальства себѣ позволили, и говорилъ, что я не знаю духъ черкесовъ и потому совсѣмъ не съ настоящей точки смотрю на это. Начальникъ штаба мнѣ именно эти самыя слова высказалъ при свиданіи со мною въ Екатериноградѣ. Цѣлыхъ три мѣсяца князь Эристовъ въ отрядѣ напѣвалъ главнокомандующему, что я невыносимо подозрительнаго характера, самъ ничего не видавъ, всему слѣпо

вѣрю, по первому слову доносчика; онъ увѣрялъ, что никогда Анзаровы не оказывали ни малѣйшаго неповиновенія, что мнѣ налгали, и что я всему слѣпо сейчасъ же повѣрилъ и принялъ за истину, не давая себѣ даже труда хорошо всмотрѣться въ дѣло. „Такимъ образомъ, увѣрялъ онъ, вѣроятно ничего нѣтъ подобнаго тому, что полагаетъ Беклемишевъ въ дѣлѣ абазинцевъ, ему наговорили, онъ и повѣрилъ.“ Тутъ подошли одно за однимъ нелѣпыя донесенія Кодзакова, которыя право до такой степени лживы и нахальны, что ихъ смѣшно читать. Кромѣ этого, Гиреи съ маіоромъ Хуціевымъ, давно уже кипящимъ злобою на меня, послали князю слѣдующій гнуснѣйшій доносъ. Припоминая его сіятельству исторію казака Гринева, который хотѣлъ меня два года передъ тѣмъ убить, они увѣряли князя, что причина злобы на меня Гринева заключалась въ томъ, что я, будучи пристрастенъ къ мужеложству, хотѣлъ однажды изнасильничать брата этого Гринева, казачка весьма красивой наружности. (Вы знаете истину этого происшествія изъ описанія моего выше.) Другимъ доносомъ князя извѣщали, что я, будучи преданъ мужеложству, для того ласкаю аманатовъ въ Нальчикѣ, что я ихъ употребляю въ свою пользу, какъ турецкій сановникъ. Третьимъ доносомъ извѣщали князя о томъ, что я изнасильничалъ какого то кабардинца и какого то молодаго князя. Такимъ образомъ, дружно и единогласно дѣйствуя на Водахъ и въ Чеченскомъ отрядѣ, враги мои успѣли поколебать ту довѣренность, которую князь Воронцовъ ко мнѣ имѣлъ, и очернили меня во мнѣніи его и княгини. Я не удивлялся, что подобная гнусность могла блеснуть злобному уму Адиль-Гирея, когда припоминалъ, что онъ до такой степени преданъ этому пороку, что служа въ Петергофѣ по красивой наружности своей развращеннымъ людямъ, онъ былъ за это еще весьма недавно, по личному повелѣнію государя, передъ цѣлымъ лагеремъ высѣченъ и сосланъ въ баталіонъ военныхъ кантонистовъ. Прибывъ въ Пятигорскъ съ генераломъ Завадовскимъ, я увидѣлъ рѣзкую перемѣну въ обращеніи со мною княгини. Она, которая постоянно со мною обращалась вовсе не какъ супруга моего начальника, а, могу сказать, какъ мать или близкая родственница,—вдругъ приняла со мною тонъ холодной учтивости, и съ первыхъ минутъ эта женщина, идеалъ свѣтской ловкости и привычки, рѣзко дала мнѣ почувствовать, что отнынѣ впредь она во мнѣ видитъ человѣка, недостойнаго такого обращенія, и человѣка, съ которымъ она вынуждена себя держать осторожно, чтобы я не забывалъ разстояніе, насъ раздѣляющее. Я предвидѣлъ, что Гиреи употребятъ всевозможное стараніе, чтобы повредить мнѣ во мнѣніи княгини. Съ первыхъ минутъ я понялъ, что азіатская злоба не остановилась ни предъ какой ложью, ни предъ какой чернѣйшей клеветой, чтобъ только лишить меня хорошаго мнѣнія и покровительства княгини и даже озлобить ее противъ меня. Бывшій до сего времяни обласканъ княземъ и княгиней, какъ никѣмъ на свѣтѣ не былъ обласканъ,

сдѣлавшійся, я смѣю сказать, почти домашнимъ человѣкомъ у этого вельможи, я былъ внезапно исключенъ изъ круга приближенныхъ. Меня приглашали только къ большимъ обѣдамъ, а потомъ и вовсе перестали приглашать къ столу. Все это замѣчали съ жадностью враги мои, и съ каждымъ днемъ прибавлялась ихъ дерзость. Сначала я было хотѣлъ навести княгиню на разговоръ, который бы мнѣ могъ дать случай объясниться. Однажды мнѣ было представился этотъ случай. Княгиня стала мнѣ говорить о томъ, какъ ее огорчаютъ несогласія, возродившіяся между мною и Кази-Гиреемъ. Я видѣлъ, что она истинно этимъ огорчена. Она со слезами на глазахъ говорила:

„Mon Dieu! mon pauvre mari! Est-il donc dit qu'il sera toujours seul, au milieu de tant de peine. Jamais je n'aurais cru que vous, sur qui mon mari a tant compté, vous puissiez ainsi vous jouer de sa confiance!“ — Каково мнѣ было слушать этотъ упрекъ. Я отвѣчалъ: „De grace, madame la princesse, veuillez croire que vous êtes mal informée. Il n'est rien de tout ce qu'on vous a dit sur moi. Mon Dieu, il est bien dur à moi de vous entendre parler ainsi!“ — „Quoi! N'avez vous pas fait mousser l'affaire des Amprofs, qui à tant tracassé mon mari. N'avez vous pas présenté la désobeissance des Abazintsi sous un jour épouventable? Eh bien! Il n'en est rien cependant, et tant cela pour vous venger sur ce pauvre Kazi-Guirey. Jamais je ne vous aurais cru capable d'une pareille conduite, comment est-il possible de se laisser emporter par sa haîne au point de ne pas voir et de ne pas aprécier tout ce qu'il y a de beau, de grand, de superbe dans ce noble caractere.“

Я хотѣлъ было доказать княгинѣ, до какой степени она ошибается. Она не дала мнѣ говорить сказавъ:

„Ne vous justifiez pas. Je sais tout ce que Kazi-Guirey vous a dit devant le general Zavadovsky. Il a eu raison. Je vous le répète, je ne vous aurais jamais cru capable d'une pareille conduite, et surtout d'une vengeance aussi peu digne. Ce noble Kasi-Guirey, encore là, poussé à bout par les chagrins que vous lui causez, ne s'est-il pas conduit comme un chevalier. Voyant que vous lui en voulez injustement, n'est-il pas venu lui-même chez vous à Naltchik pour s'expliquer. Alors vous lui avez promis d'abandonner cette persécution déplacée. Mon Dieu! Et pour quelle cause! Toutes vos prétentions se sont-elles pas basées sur un amour-propre, une vanité inconcevable! Vous exigez de tout une adulation, et un concours, à vos caprices les plus inpardonables, qui leur répugne! Ne mettez vous pas maintenant, toute la brigade contre ce pauvre Kazi-Guirey? Les plaintes d'Andréef, n'est ce pas votre dictée? Avez vous pu trouver dans tout ce que fait Kazi-Guirey autre chose qu'une infatigable activité, un zêle exemplaire, y a-t-il un homme plus honnête, plus probe, plus loyal que lui? Mon Dieu, mon pauvre mari! Point de tranquillité nulle part!“

Видя, что султаны уже слишкомъ много наговорили княгинѣ, и что нѣтъ

никакой возможности ее разувѣрить, я удалился со скорбью въ душѣ, но съ полною надеждою на скорое прибытіе князя. Совѣсть моя была чиста, я слѣпо надѣялся на справедливость главнокомандующаго и не сомнѣвался въ томъ, что онъ, скоро увидѣвъ всю гнусность партіи, составившейся противъ меня, призоветъ меня и, немедленно обнаруживъ всю гадость этихъ неистовыхъ крамолъ, уничтожитъ моихъ враговъ, выказавши на свѣтъ всю чистоту моей службы.

Тогда я предпринялъ трудную и любопытную поѣздку около Эльбруса, съ троякою цѣлью. Вопервыхъ, хотѣлъ на время удалиться отъ общаго сборища на Минеральныхъ Водахъ. Вовторыхъ, Гиреи, изыскивая всевозможныя средства, чтобы повредить мнѣ, и огорчаясь тому хорошему вліянію и той довѣренности, которую я пріобрѣлъ въ горахъ, распускали дѣятельно слухи о томъ, что я, будучи по мѣсту своему удаленъ отъ частыхъ дѣлъ съ непріятелемъ и слѣдственно лишенъ случая часто отличаться и получать награжденія, распускаю слухи, что они, то есть дальнія горныя племена, намѣрены будто бы отложиться, и подъ этимъ предлогомъ я будто бы собираю отрядъ, чтобы сдѣлать на нихъ набѣгъ. Я хотѣлъ лично удостовѣриться въ справедливости этихъ слуховъ, какъ я дѣлывалъ всегда, и потому рѣшился лично появиться въ этихъ отдаленныхъ и почти неизвѣстныхъ аулахъ. Кто повѣритъ, что дѣйствительно коварство и злость Гиреевъ не остановились и передъ этимъ злымъ вымысломъ. Появленіе мое въ этихъ аулахъ мирнымъ путешественникомъ, вовсе безъ конвоя, произвело самое счастливое впечатлѣніе. Народъ радовался и окружалъ меня, изъявляя чистосердечное удовольствіе, видя, что всѣ страшные толки, между ними распространенные, были ложь. Вездѣ съ удивленіемъ мнѣ разсказывали о тѣхъ же напугавшихъ ихъ слухахъ, вездѣ съ восхищеніемъ убѣждались въ несправедливости ихъ. То же самое я нашелъ и въ Дигоріи, куда тоже я самъ отправился, для того чтобы провѣрить слова моихъ лазутчиковъ. Третья причина, по которой я предпринялъ такую поѣздку, была та, что здоровье мое совершенно разстроилось отъ постоянныхъ лихорадокъ и разлитія желчи. Огорченіе, въ которое меня ввергли слова и обращеніе княгини Воронцовой, требовали непремѣннаго усиленнаго развлеченія и сильной физической дѣятельности. Безъ этого грусть и постоянныя новыя досады, огорченія и неудовольствія неминуемо породили бы во мнѣ желчную горячку, и я бы можетъ быть не пережилъ этихъ тяжкихъ дней моей жизни.

Письмо княгини Воронцовой.

Едва я воротился въ Кисловодскъ, какъ получено было извѣстіе о скоромъ пріѣздѣ главнокомандующаго. Я поѣхалъ его встрѣчать въ Екатерино-

градъ. Подходила минута, рѣшительная для Кази-Гирея. Съ уничтоженіемъ его открывался весь этотъ заговоръ, и слѣдовательно попадали подъ гнѣвъ князя самые усердные слуги противу-русской партіи въ краю. Хитрый Адиль-Гирей вполнѣ понималъ свое положеніе, онъ рѣшился дѣйствовать отчаянно (il jouait gros jeu). Гиреи прибѣгнули опять къ княгинѣ: описали ей жалкое положеніе Кази-Гирея, увѣряли, что генералъ Завадовскій, вполнѣ видя меня виноватымъ, оттого только меня поддерживаетъ и выхваляетъ князю, что по простотѣ своей онъ полагаетъ, что князь и княгиня во мнѣ принимаютъ особенное участіе, что онъ, будучи связанъ желаніемъ угодить имъ, рѣшился погубить Кази-Гирея, который непремѣнно погибнетъ, ежели княгиня не напишетъ слово въ его огражденіе. Княгиня рѣшилась написать письмо, съ которымъ поскакалъ Кази-Гирей въ Екатериноградъ, и оттуда оно отправлено къ князю, который получилъ его, не доѣзжая Моздока за Терекомъ. Въ этомъ письмѣ княгиня изъявляетъ сожалѣніе о томъ, что я, въ которомъ они оба принимали такое участіе, такъ дурно оправдалъ довѣренность ихъ: никому нѣтъ отъ меня житья, ни русскимъ, ни азіатамъ. Тутъ она описываетъ, какъ я насильно увезъ кабардинскую княжну, какъ заставляю цыганку играть роль барыни, какъ угнетаю Кази-Гирея за то, что онъ не потворствуетъ моимъ порочнымъ страстямъ, какъ сочинилъ исторію неповиновенія Анзаровыхъ, до какой степени я солгалъ, нагло говоря о неповиновеніи абазинцевъ и объ участіи въ этомъ Кази-Гирея, и такъ далѣе, подробно излагая князю всѣ неистовства, въ которыхъ ее увѣрили Гиреи. Письмо это рѣшило судьбу мою. Я съ покойнымъ духомъ и чистою совѣстью ожидалъ князя въ Екатеринодарѣ, въ полной надеждѣ на справедливый и безпристрастный судъ его.

Пріѣздъ главнокомандующаго въ Екатеринодаръ.

Въ Екатеринодарѣ всѣ мѣстные начальники съѣхались у дома полковаго командира и ожидали прибытія главнокомандующаго. Князь Воронцовъ, которому въ свѣтѣ нѣтъ подобнаго человѣка для обходительности и пріятности въ обращеніи съ младшими, котораго всѣ на Кавказѣ привыкли видѣть привѣтливо принимающаго всякаго простолюдина, подошелъ ко всѣмъ съ обыкновенною внимательностью, со всѣми помѣнялся нѣсколькими словами, подалъ почти каждому руку. Принявъ отъ меня рапортъ, онъ холодно поздоровался и послѣ того не говорилъ со мною. Больно было мнѣ видѣть и въ князѣ такую перемѣну ко мнѣ! Я надѣялся еще, что меня князь и начальникъ главнаго штаба призовутъ, станутъ распрашивать, и тогда же твердо былъ увѣренъ, что я бы убѣдилъ ихъ въ заблужденіи ихъ. Но начальникъ штаба, такъ какъ уже было рѣшено главнокомандующимъ меня смѣнить княземъ Эристовымъ, не

входилъ со мною въ лишніе разговоры, а въ краткихъ словахъ высказалъ главные пункты моего обвиненія. „Вы слишкомъ подозрительнаго и легковѣрнаго характера, (говорилъ генералъ Коцебу) вы вѣрите всему, что вамъ разсказываютъ окружающіе васъ. Все представляете главнокомандующему въ черномъ видѣ. Съ тѣхъ поръ какъ вы въ Нальчикѣ, нѣтъ проѣзда по большой дорогѣ отъ непріятельскихъ партій. (Слова Ильинскаго, сказанныя въ оправданіе свое въ томъ, что у него безъ выстрѣла изъ станицы угнали 70 лошадей.) Ежели бы послушались совѣта генерала Нестерова, когда онъ вамъ предлагалъ простить бѣднаго абрека, онъ бы не угналъ у Ильинскаго лошадей.“ Я теперь еще готовъ присягнуть, что никогда мнѣ подобнаго ничего Нестеровъ не предлагалъ, и что совершенно не было извѣстно, кто именно угналъ этихъ лошадей. Въ той же станицѣ живетъ кордонный начальникъ, у него кордонный штабъ, двѣ сотни въ сборѣ, онъ остался совершенно правъ. Я жилъ за 100 верстъ, — я былъ виноватъ. Его произвели въ генералы, а меня заставили оставить Кавказъ. Напрасно я было пытался сказать что нибудь въ мое оправданіе, было уже поздно. Эристову приказано было уже ѣхать принять отъ меня должность. Я умолялъ генерала Коцебу, по крайней мѣрѣ, осчастливить меня строжайшимъ слѣдствіемъ о томъ, почему абазинскіе аулы стоятъ на Бугунтѣ. По случаю немедленнаго своего отъѣзда въ Тифлисъ, Павелъ Евстафьевичъ обѣщалъ доложить это настояніе мое главнокомандующему чрезъ генерала Вольфа. Скоро послѣ того Николай Ивановичъ, выходя отъ князя Воронцова, говоритъ мнѣ: „князь поручилъ мнѣ передать вамъ, что ежели вы непремѣнно этого желаете, то онъ сейчасъ назначитъ слѣдствіе, но будетъ ли вамъ это пріятно, оффиціально выводить исторію этой женщины.“ Ясно мнѣ было видно изъ этихъ словъ отголосокъ письма княгини. Конечно, подумалъ я, очень непріятно для меня въ слѣдствіе вмѣшать исторію Фати, и вѣроятно цыганки, хотя это слѣдствіе выказало бы всѣ гадости Кази-Гирея, но дѣйствительно для меня было бы пріятнѣе всѣ эти гадости раскрыть князю безъ оффиціальной огласки. Я сообразилъ, что въ Пятигорскъ долженъ пріѣхать г. Завадовскій, который все знаетъ, и тогда, подумалъ я, результатъ его словъ будетъ тотъ же, что слѣдствіе. Я г-лу Вольфу не далъ никакого отвѣта и не настоялъ о производствѣ слѣдствія. Это была величайшая ошибка въ моей жизни! Въ Пятигорскъ пріѣхалъ я наканунѣ князя Воронцова. Выходя изъ экипажа, его сіятельство пошелъ къ караулу и къ собравшимся пріѣзжимъ и къ народу, съ обыкновенною его увлекательною привѣтливостью; со мною же не здоровался, даже не кивнулъ мнѣ головою. Генералъ Завадовскій, вполнѣ оцѣнивая всю важность своего присутствія въ Пятигорскѣ, принялъ къ руководству слѣдующее разсужденіе. За нѣсколько дней до того главнокомандующій послалъ его изъ Чеченскаго отряда, какъ старшаго по себѣ генерала, осмотрѣть положеніе дѣлъ въ Центрѣ, вмѣнивъ въ

обязанность строжайшимъ образомъ вникнуть во всѣ мои распоряженія и въ особенности въ причины неудовольствій, возникшихъ между мною и Кази-Гиреемъ. Князь Михаилъ Семеновичъ его уполномочилъ, ежели бы онъ это нашелъ нужнымъ, убѣдясь въ недобросовѣстныхъ поступкахъ Кази-Гирея, немедленно его отрѣшить отъ должности, а меня представить къ утвержденію въ занимаемой мною должности. Видя ясно всю истину, генералъ Завадовскій, какъ придворный человѣкъ, сообразилъ, что на него прогнѣвается княгиня Воронцова, ежели онъ погубитъ Кази-Гирея, и можетъ быть опасался противъ самого себя имѣть при дворѣ главнокомандующаго сильную партію Гиреевъ, озлобленныхъ противъ него. Между тѣмъ не могъ же онъ дѣйствовать противъ чести, совѣсти и даже службы. Онъ сдѣлалъ главнокомандующему совѣстливое донесеніе, въ которомъ описывалъ меня самыми лестными для меня красками и указывалъ на совершенную вину Кази-Гирея; княгинѣ на словахъ доложилъ, до какой степени онъ меня признавалъ справедливымъ, во всемъ правымъ и полезнымъ на моемъ мѣстѣ, и осторожно высказалъ, что онъ предвидѣлъ необходимость Кази-Гирею дать другое назначеніе. Послѣ этого онъ себя считалъ совершенно правымъ и чистымъ, какъ передъ своей совѣстью и свѣтомъ, такъ и по строгимъ правиламъ службы, и представилъ все рѣшить самому князю. Онъ изъ Ставрополя выѣхалъ для того, чтобы представиться его сіятельству въ Пятигорскѣ, но на полдорогѣ занемогъ, воротился въ Ставрополь и послалъ къ князю Воронцову адъютанта съ изъявленіемъ своего сожалѣнія о томъ, что внезапная болѣзнь его вынудила воротиться. Тогда я понялъ, что моя участь рѣшена. Гиреи, ожидавшіе этой развязки съ нетерпѣніемъ еще живѣйшимъ, нежели я, потому что они могли погибнуть страшно, (ils jouaient gros jeu)—внѣ себя отъ восхищенія при появленіи адъютанта г. Завадовскаго, вмигъ обняли все положеніе этого дѣла, и въ упоеніи отъ восторга своего торжества забывая всякое приличіе, всякую осторожность, какъ болѣе имъ ненужную, не знали предѣловъ изъявленію своей радости. Эту счастливую вѣсть Кази-Гирей получилъ на дорогѣ изъ Екатериноградa къ с. Марьевской. Внѣ себя отъ восторга онъ кричалъ: „Беклемишевъ убитъ! Кто теперь за него!“ спрашивалъ: „чьи вы? мои или Беклемишевскіе?“ провозгласилъ тосты, и тутъ же явилось шампанское, роспитое въ честь торжества партіи моихъ враговъ. Кто не знаетъ азіатъ, тотъ не можетъ себѣ вообразить и никогда не повѣритъ описанію смѣшно надменныхъ и нахальныхъ ужимокъ и кривляній Гиреевъ въ Пятигорскѣ въ этотъ день. Никакой актеръ-буффъ въ самой утрированной роли не можетъ придумать тѣхъ продѣлокъ, тѣхъ взглядовъ, тѣхъ замашекъ, которымъ тогда предавались Адиль-Гирей и сотрудникъ его Кази-Гирей. Непривычные къ тому пріѣзжіе посѣтители на эту комедію смотрѣли и не вѣрили глазамъ своимъ. За обѣдомъ въ день своего пріѣзда главнокомандующій поручилъ генералу

Вольфу посовѣтовать мнѣ искать себѣ другаго назначенія. Я съ поѣздки на Эльбрусъ возвратился за недѣлю до пріѣзда его сіятельства. Хотя я и надѣялся на судъ князя Воронцова, но огорченія и непріятности возвратили мнѣ болѣзнь. Лихорадка и разлитіе желчи въ нѣсколько дней совершенно меня разстроили. Пользовавшіе меня медики, истощивъ въ теченіи полутора года самыя сильныя средства лѣченія, совѣтовали мнѣ, для того чтобы остаться живымъ, скорѣе уѣхать хоть на время съ Кавказа, въ отпускъ, дабы въ другомъ климатѣ успокоиться душевно, потому что уже средства медицины были для меня недѣйствительны. Чѣмъ пламеннѣе и безмѣрнѣе было мое усердіе къ службѣ, чѣмъ безпредѣльнѣе была моя личная преданность князю Михаилу Семеновичу, тѣмъ болѣе было для меня тяжко и невыносимо то, что со мною случилось. Неожиданная перемѣна ко мнѣ, которую я внезапно увидѣлъ въ главнокомандующемъ, и крутой оборотъ, который принимало мое дѣло, такъ меня поразили, что я долженъ сознаться въ томъ, что я упалъ духомъ, увидавъ адъютанта генерала Завадовскаго. Я покинулъ всякую мысль объ оправдываніи, о слѣдствіи; мнѣ стало тяжко, душно въ кругу того, что мнѣ напоминало мою службу въ этихъ мѣстахъ. Во мнѣ загорѣлось одно желаніе: бѣжать съ Кавказа во что бы то ни стало. Я видѣлъ въ одномъ этомъ мою жизнь и единственное спасеніе отъ вѣрной смерти. Когда генералъ Вольфъ передалъ мнѣ слова князя Воронцова, отвѣтъ уже у меня былъ готовъ.

Облекая самое жестокое для подчиненнаго рѣшеніе въ формы, сколь возможно, пріятныя, князь Воронцовъ поручилъ генералу Вольфу объявить мнѣ, что онъ впрочемъ согласенъ мнѣ дать другое назначеніе въ его корпусѣ, которое бы я пожелалъ. Я рѣшительно просилъ Николая Ивановича исходатайствовать у князя увольненіе въ отпускъ въ Варшаву и Петербургъ, съ тѣмъ чтобы по окончаніи онаго я поступилъ въ образцовый полкъ и потомъ получилъ кавалерійскій полкъ въ дѣйствующей арміи. Генералъ Вольфъ совѣтовалъ мнѣ просить назначеніе въ Кавказскомъ корпусѣ, но я ему отвѣтилъ, что я боюсь и впредь тѣхъ же крамолъ и той же клеветы, которыя теперь меня губили. Въ то время почти навѣрное можно было предвидѣть войну въ Европѣ. Я надѣялся въ головѣ полка доказать, что у меня бьется сердце и кровь кипитъ отъ чувствъ далеко не столь гнусныхъ, какъ тѣ, которыя мнѣ приписывали Гиреи. Я просилъ сохраненія содержанія, князь въ этомъ отказалъ мнѣ, давъ единовременное пособіе, и уволивъ меня на четыре мѣсяца въ отпускъ, приказалъ сдать должность князю Эристову. Дня три пробылъ князь въ Кисловодскѣ. Я старался, сколько могъ, укрываться отъ любопытныхъ посѣтителей Минеральныхъ Водъ, коихъ всѣхъ шумная эта исторія, разглашаемая султанами и приверженцами ихъ, очень занимала, какъ la nouvelle du jour. Я никогда не былъ алченъ къ наградамъ, и пока служилъ на Кавказѣ, считая высшею наградою для себя

довѣріе, которымъ меня приводилъ въ совершенный энтузіазмъ князь Михаилъ Семеновичъ. Я и не обращалъ вниманія на то, что, занимая значительные посты, и въ сравненіи съ товарищами, я никакихъ наградъ не получалъ въ теченіи трехъ лѣтъ. Мнѣ г. Завадовскій обѣщалъ Анну на шею. Тогда я почувствовалъ, что этотъ крестъ для меня совершенно необходимъ для сохраненія того признака, что я безъ непріятностей по службѣ оставилъ Кавказъ. Князь Воронцовъ далъ мнѣ письмо къ фельдмаршалу Паскевичу и военному министру, въ коихъ свидѣтельствовалъ о хорошей моей службѣ и ходатайствовалъ о назначеніи меня командиромъ полка въ дѣйствующую армію. Ежедневно были у князя, по обыкновенію, большіе обѣды, на которые я не получалъ приглашенія, хотя по вечерамъ, встрѣчая меня, князь обыкновенно спрашивалъ, отчего я не приходилъ къ столу. Никогда для меня честь быть приглашеннымъ къ его обѣду не была болѣе лестна, потому что всѣ съ жадностью замѣчали эти признаки немилости, и враги мои торжествовали. Меня одолѣвала скорбь, и я считалъ минуты, которыя оставалось пробыть въ этомъ краю, для меня до того времени столь привѣтливомъ и вдругъ такъ измѣнившемся ко мнѣ. Здоровье мое меня начинало пугать. Хотя я былъ главный мѣстный начальникъ, меня ни о чемъ не спрашивали, князь со мною не говорилъ, княгиня тоже. Очень немногіе изъ пріятелей моихъ рѣшались посѣщать меня. Наконецъ, въ день отъѣзда князя Воронцова, рано поутру мнѣ велѣно было явиться къ его сіятельству. Князь и тутъ меня обласкалъ: увѣрялъ, что онъ противъ меня ничего не имѣетъ, и предлагалъ мнѣ полкъ. Я благодарилъ его сіятельство за лестныя его слова, за всѣ милости, оказанныя мнѣ въ теченіи моей службы на Кавказѣ, и доложилъ, что я, не приготовившись командовать пѣхотнымъ полкомъ, считаю безчестнымъ принять часть, въ которой не имѣю твердыхъ познаній. „Это бы значило, сказалъ я, желать пользоваться доходами и преимуществами полковаго командира, предоставивъ управленіе частью своимъ подчиненнымъ.“ Отъ князя пошелъ я проститься съ княгиней. Благодарилъ я отъ чистаго сердца эту незабвенную для меня женщину за все добро, которое она мнѣ сдѣлала. Я ей много обязанъ былъ до послѣднихъ дней. Зло же, которое она мнѣ сдѣлала, она его не постигала, и меня она хорошо не зная, ошиблась. Я помнилъ тогда сдѣланное мнѣ добро и никогда его не забуду. Въ Ессентукахъ у Кази-Гирея былъ приготовленъ завтракъ. Тутъ я въ послѣдній разъ простился съ княземъ, который еще разъ обласкалъ меня и еще разъ предложилъ полкъ. Я едва былъ въ состояніи говорить отъ волненія. Богъ одинъ знаетъ то, что у меня тогда происходило въ сердцѣ. Все здѣсь соединялось для того, чтобы для меня минуты эти были памятны. На этой квартирѣ я такъ безотчетно былъ счастливъ милостивымъ довѣріемъ князя, вниманіемъ и ласками княгини. Тутъ стеклось все общество, составляющее кругъ князя Во-

ронцова, въ которомъ еще такъ недавно я былъ такъ хорошо принятъ, и которое такъ внезапно меня отвергло. Тутъ стеклось народонаселеніе любимыхъ мною казаковъ, которымъ я такъ охотно посвятилъ было всю мою жизнь, съ которыми я разставался навсегда. Я зналъ, что въ этой толпѣ почти всѣ соболѣзнуютъ обо мнѣ и смотрятъ на меня съ участіемъ. Не помню, что я тогда именно сказалъ князю на его милостивыя слова: сердце у меня разрывалось, я почти не въ силахъ былъ говорить. Мнѣ помнится, что я еще благодарилъ князя, какъ могъ, что молилъ Бога дать мнѣ когда нибудь случай въ глазахъ его умереть въ рядахъ его солдатъ, дабы доказать ему мою охоту служить съ нимъ и мою преданность ему. Князь уѣхалъ. Я помню, что я тогда, какъ въ чаду, скрываясь отъ толпы казаковъ, ихъ женъ и дѣтей, бросился въ первый домъ казачій и въ немъ заперся. Вскорѣ послѣ того, отправясь въ Нальчикъ, я сдалъ должность торжествующему надменному врагу моему, к. Эристову. Много въ эти дни я вытерпѣлъ душевныхъ терзаній, пока не вырвался изъ Нальчика. Князь Эристовъ не могъ, при всемъ навыкѣ своемъ, хитрить, скрывать своей кичливой гордости; утѣшенная надменность его вырывалась въ порывахъ, едва для меня выносимыхъ. Верхомъ, одинъ, какъ изгнанникъ, я выѣхалъ изъ этого Нальчика, гдѣ за нѣсколько недѣль передъ тѣмъ я занималъ положеніе самое видное, самое пышное, самое блестящее, какое въ моемъ чинѣ занимать только можно. Никто не посмѣлъ изъ жителей крѣпости гласно проститься со мною и проводить меня, опасаясь азіатскаго мщенія князя Эристова. Весьма немногіе друзья дерзнули ожидать меня въ нѣсколькихъ верстахъ отъ крѣпости. Мы обнялись. Я бросился въ повозку и ускакалъ. Не могу умолчать о томъ, что на пути до Ставрополя я много встрѣчалъ отъ казаковъ и даже отъ азіатъ изъявленій самаго живаго участія ко мнѣ. Эти ласки въ такое время такъ глубоко врѣзались въ сердце мое, что оно прежде превратится въ прахъ, нежели слѣды ихъ изгладятся.

Меня пожирала болѣзнь; я чувствовалъ ея возрастаніе. Я ужасался своего положенія и какъ будто видѣлъ спасеніе свое въ томъ, чтобы достигнуть скорѣе другой страны. Я спѣшилъ въ путешествіи своемъ, сколько силы позволяли, но скоро избытокъ огорченія и страданія душевныя взяли верхъ надъ силами тѣлесными. Я пріѣхалъ въ Новочеркасскъ совершенно больной, едва вошелъ въ гостинницу, какъ со мною сдѣлался бредъ и жестокая горячка. Дня четыре я былъ безнадежно боленъ, но Богъ меня и тутъ не покинулъ. Донской атаманъ, узнавъ о моемъ отчаянномъ положеніи, прислалъ своего доктора, и его благодѣтельною заботливостью я обязанъ жизнью. Едва могъ я вставать съ постели, какъ, убѣгая отъ всѣхъ воспоминаній, раздиравшихъ мою душу, и страшась отъ нихъ опять не слечь, я, могу сказать, едва живой, поѣхалъ далѣе. Въ Воронежѣ, на мое счастіе, случился одинъ изъ моихъ знакомыхъ: князь

Барятинскій, полтавскій помѣщикъ. Видя меня въ такомъ положеніи, онъ мнѣ предложилъ погостить у него въ деревнѣ. Опасаясь самъ себя, чувствуя свою слабость, въ позднее время года, безъ хорошаго экипажа, почти безъ денегъ, безъ прислуги (со мною былъ одинъ мальчишка цыганъ), — я смотрѣлъ на Барятинскаго, какъ на своего спасителя, и отправился съ нимъ, въ полтавское его имѣніе. Радушіе его и очаровательной его жены скоро меня возстановили; я сталъ забывать Кавказъ, и проживъ у нихъ недѣли три, совершенно здоровый, отправился въ Варшаву. Фельдмаршалъ принялъ меня милостиво. Но все благодѣтельное дѣйствіе, которое я ожидалъ отъ чрезвычайно лестнаго обо мнѣ письма к. Воронцова, было уничтожено слѣдующимъ обстоятельствомъ. Вышелъ приказъ по Кавказскому корпусу, коимъ князь Воронцовъ изъявляетъ благодарность свою г. Завадовскому и всѣмъ его помощникамъ поименно, въ томъ числѣ моимъ подчиненнымъ. Въ этомъ приказѣ обо мнѣ ни слова. Далѣе въ томъ приказѣ сказано, что на мѣсто мое назначается князь Эристовъ. Тутъ я постигъ, какъ былъ бы для меня важенъ обѣщанный мнѣ крестъ на шею, о которомъ князя Михайла Семеновича генералъ Завадовскій вѣроятно и не просилъ. Этотъ крестъ, при извѣстной щедрости князя въ наградахъ, былъ для меня необходимъ для доказательства, что я оставилъ Кавказъ не по непріятностямъ. Хотя мнѣ этого не высказано, но я очень чувствовалъ, что фельдмаршалъ въ Варшавѣ и военный министръ въ Петербургѣ поняли, что князь Михаилъ Семеновичъ, недовольный моею службою, выгналъ меня изъ своего корпуса за какія нибудь гадости и снабдилъ меня письмами для того только, чтобы меня оставили безъ преслѣдованія. Въ Петербургѣ судьба готовила мнѣ новое испытаніе. Я нашелъ отца моего, старика 80-лѣтняго, уже нѣсколько лѣтъ почти не встающаго съ болѣзненнаго одра, въ крайней нуждѣ. Онъ живетъ однимъ пенсіономъ въ 2800 руб. ассигнаціями, въ старомъ загородномъ домѣ, составившемъ почти исключительно приданое моей сестрѣ. Поступилъ я въ образцовый полкъ, такъ какъ князь Михаилъ Семеновичъ отказалъ мнѣ въ просьбѣ оставить при мнѣ содержаніе, а я, состоя по кавалеріи, не занималъ никакой штатной должности; то мнѣ въ полку не могли дать никакого содержанія. Можно себѣ вообразить, какова была моя нужда. Несмотря на весьма скромную жизнь мою, я надѣлалъ много долговъ дорогою, для меня весьма значительныхъ. Въ Петербургѣ, гдѣ у меня много родныхъ, много знакомыхъ, много товарищей, каково было мнѣ появляться изгнанникомъ, осрамленнымъ, опороченнымъ молвою, меня предупредившею, въ крайней нуждѣ, даже терпящимъ голодъ отъ безденежья. Я жилъ почти безвыѣздно въ Павловскѣ, въ образцовомъ полку, и сколько могъ, скрывался отъ свѣта. На это была еще другая причина. Никто въ Петербургѣ не зналъ обстоятельно, почему именно я оставилъ Кавказъ, но многихъ это чрезвычайно занимало. Вскорѣ послѣ меня

прибылъ въ Петербургъ Адиль-Гирей; этотъ баловень счастья пріѣхалъ въ столицу для того, чтобы вполнѣ насладиться своимъ положеніемъ въ свѣтѣ, своею привлекательною наружностью, блестящимъ мундиромъ, своими средствами, и спѣшилъ извлечь изъ всего этого возможную пользу для будущаго, какъ временщикъ, который чувствуетъ всю шаткость своего величія. Появляясь вездѣ въ обществахъ самаго высокаго круга, на гуляньяхъ и въ театрахъ, онъ вездѣ разглашалъ о моихъ неистовствахъ на Кавказѣ, о справедливомъ гнѣвѣ на меня главнокомандующаго, и разумѣется, все это прикрашалъ ложью, съ нахальствомъ, свойственнымъ пылкому азіату въ чаду побѣды. Кромѣ того, въ военномъ министерствѣ ходило по рукамъ письмо съ Кавказа, въ которомъ говорили, что князь Михаилъ Семеновичъ меня съ Кавказа выгналъ за то, что я въ 1846 году хотѣлъ изнасильничать молодаго казака Гринева. Это письмо, какъ я по крайней мѣрѣ слышалъ, было написано Сусловымъ. Четыре мѣсяца продолжалось для меня такое тяжкое положеніе въ Павловскѣ въ образцовомъ полку. Наконецъ мнѣ предложили мѣсто командующаго Башкиро-Мещерянскимъ войскомъ. Хотя это назначеніе удаляло меня отъ войны и строевой службы, составлявшихъ всегда любимую цѣль моей жизни, но я принялъ эту должность съ восхищеніемъ, потому что она становила меня опять въ рядъ штабъ-офицеровъ, хорошо служившихъ Государю, и выводила меня изъ той страшной нужды, въ которой я находился. Теперь я доволенъ, обезпеченъ содержаніемъ и продолжаю службу въ Башкиріи съ тѣмъ же усердіемъ, съ какимъ готовился командовать гусарскимъ полкомъ въ Венгріи; но совершенно спокоенъ духомъ я буду только лишь тогда, когда увѣрюсь, что князю Воронцову сдѣлались извѣстны всѣ обстоятельства, лишившія меня того расположенія, того довѣрія ко мнѣ его сіятельства, которыя, подстрекая въ высшей степени мое самолюбіе, приводили меня въ состояніе столь безотчетнаго и восторженнаго усердія къ службѣ, что я не страшился никакихъ препятствій, никакихъ опасностей, встрѣчаемыхъ мною, и съ совершенною радостью приносилъ на службу тѣ способности, какія только имѣлъ, не щадилъ ни здоровья, ни жизнь свою, не цѣнилъ ничего; для меня было дорого на свѣтѣ только одно: довѣріе князя Воронцова.

Г. Оренбургъ. 1849 года.

Приложенія.

Ваше Превосходительство
Павелъ Астафьевичъ!

Спѣшу донести вашему превосходительству, что аулы Анзаровскіе съ Лескена и Шекера всѣ снялись съ мѣстъ своихъ и устраиваются на новыхъ мѣ-

стахъ. Съ ними продолжались толки до тѣхъ поръ, пока я не сталъ стягивать войска и Балкарскую милицію. Тогда они въ двое сутокъ подняли все свое имущество, свалили всѣ сакли и дѣятельно приступили къ перевозкѣ всего на новыя мѣста, прося о томъ, чтобы не доводить ихъ до стыда и не допускать до нихъ войска. Самые упрямые явились ко мнѣ, увѣряя, что все это промедленіе въ исполненіи приказанія начальства произошло отъ неразумѣнія и наговора неблагонамѣренныхъ людей. Аулъ Хату Анзарова изъявляетъ совершенную готовность къ безпрекословному переселенію. Я насчетъ его ожидаю отъ генерала Завадовскаго предписанія. Его превосходительство первоначально не изволилъ согласиться на то, чтобъ аулъ этотъ былъ переведенъ на Малку, на мѣсто аула Трамова, потому что ему предполагалось отвести подъ хлѣбопашество мѣсто за Малкою. Его превосходительство, соглашаясь съ мнѣніемъ полковника Петрусевича, полагалъ Хату Анзарова перевесть на одно изъ упраздненныхъ мѣстъ по Лескену. Теперь я получилъ разрѣшеніе съ Малка снести аулы Абазинскіе на Куму, почему я снова прошу его превосходительство дозволить аулъ Хату поселить на то мѣсто, на которомъ стоялъ аулъ Трамова. Такимъ образомъ вполнѣ была бы достигнута цѣль переселенія Анзаровыхъ и удаленіе ихъ отъ Терека. На дняхъ я долженъ получить окончательное рѣшеніе, но въ переселеніи этого аула не встрѣтится никакого сопротивленія. Такимъ образомъ рѣшено спокойно дѣло, тянувшееся такъ долго, и когда его сіятельство князь Михаилъ Семеновичъ пожалуетъ въ Кабарду, то онъ не только не будетъ въ непріятной необходимости дѣлать выговоры туземцамъ, но напротивъ, можетъ имъ оказать милостивое удовольствіе за послушаніе ихъ, какъ будто не зная о происходившемъ. Даже есть двое изъ Анзаровыхъ, которыхъ я убѣдилъ подать примѣръ переселенія, обѣщая имъ при пріѣздѣ князя довести о томъ до свѣдѣнія его сіятельства. Смиреніе Анзаровыхъ водворило здѣсь совершенную тишину и спокойствіе. Всѣ аулы заняты однимъ этимъ обстоятельствомъ, и надо только желать, чтобы всегда оставалось такъ, какъ оно находится въ эту минуту.

Я вынужденнымъ нахожусь еще разъ ваше превосходительство безпокоить о дѣлѣ, касающемся повидимому лично до меня, но въ сущности до службы. Вѣрьте, что мнѣ трудно рѣшиться отрывать васъ отъ занятій для сплетней, но ежели изволите прочитать письмо это сами, изволите увидѣть, что я не могъ не написать вамъ этого.

Вашему превосходительству извѣстно, что назначеніе мое на мѣсто, мною занимаемое, весьма многимъ не нравится. Многіе видятъ въ этомъ ясный признакъ довѣренности ко мнѣ князя Михаила Семеновича, и поэтому рѣшились всѣми средствами стараться лишить меня оной. Буду говорить безъ обиняковъ. Дѣйствія князя Эристова ясно доказываютъ желаніе его запутать ходъ моего

управленія Кабардою. Могъ бы я доказать вашему превосходительству враждебныя противъ меня дѣйствія и съ другой стороны, но уже совѣстно обременять васъ разсказами мелочныхъ анекдотовъ. У меня былъ Кодзаковъ и говорилъ, что князь интересуется знать подробности о дѣлѣ одной кабардинской женщины, которая, въ поруганіе будто бы обычаямъ народнымъ, была со мною въ связи. Это доказываетъ мнѣ, что враги мои, не находя ничего дурнаго въ въ службѣ моей и слѣдя за всякимъ шагомъ моимъ, сумѣли вывести на свѣтъ обстоятельство совершенно мелочное и которое не должно бы быть извѣстнымъ никому. Несмотря на всевозможныя ухищренія, чтобы изъ простаго и бездѣльнаго случая раздуть по всему народу общее негодованіе, имъ это не удалось. Я даже подозрѣваю, что князю доложено, что даже сопротивленіе Анзаровыхъ есть послѣдствіе общаго негодованія на меня кабардинцевъ, за наруганіе надъ ихъ обычаями. Я давно зналъ о томъ, что объ этомъ обстоятельствѣ писано въ Тифлисъ, для доклада его сіятельству, Кази-Гиреемъ къ Адиль-Гирею и княземъ Эристовымъ къ своимъ роднымъ. Итакъ прошу великодушно ваше превосходительство извинить меня, что смѣю васъ утруждать подобнымъ разсказомъ, но вотъ истинная правда, извольте сами судить, до какой степени я правъ или виноватъ, и до какой степени низки тѣ, которые употребляютъ подобное оружіе, и такую гадость облекая въ формы важныя, рѣшаются занимать этимъ его сіятельство, и до какой степени эти люди искренно преданы Россіи и успѣхамъ нашего правительства въ здѣшнемъ краѣ.

На р. Аргудонѣ есть семейство узденей Клишевыхъ, состоящее изъ вдовы, двухъ ея дочерей и двухъ сыновей. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ одна изъ этихъ дочерей была выдана замужъ за Кубань. Скоро мужъ ее за дурное поведеніе отослалъ назадъ къ матери. При князѣ Голицынѣ былъ переводчикомъ Моздокскаго полка казакъ Калабековъ, изъ крещеныхъ осетинъ. Пользуясь довѣренностью князя Голицына и дружбою съ Магометъ Мирзой Анзаровымъ и нѣкоторыми князьями, Калабековъ увѣрилъ мать и дочь, что онъ мусульманинъ, и по обряду мусульманскому обвѣнчался съ Клишевой, которая была въ разводѣ съ мужемъ, — имѣлъ отъ нея сына и полтора года жилъ съ нею. Когда послѣ смутъ въ Кабардѣ онъ былъ, по приказанію князя Михаила Семеновича, возвращенъ въ полкъ, тогда, забравши все пріобрѣтенное имъ въ Кабардѣ имѣніе, онъ объявилъ женѣ, что онъ христіанинъ и женатый, и бросилъ ее. Съ тѣхъ поръ начались отъ всей Кабарды гоненія на эту женщину и все ея семейство, упрекали въ преступной связи съ христіаниномъ. Одинъ разъ ко мнѣ въ Нальчикъ пріѣхали эти двѣ женщины, мать и дочь, и просили, какъ мѣстнаго начальника, войти въ положеніе дочери и помочь ей спасти сына отъ преслѣдованія кабардинцевъ. Она мнѣ говорила, что ей не даютъ проходу по ауламъ, что постоянно грозятъ убить сына, какъ рожденнаго

отъ христіанина, что она сочтетъ за милость, ежели я найду средство принудить Калабекова принять его, что тогда она, успокоенная насчетъ сына, готова съ твердостью перенести все, что ей готовитъ судьба. Я писалъ оффиціально Калабекову, который мнѣ отвѣтилъ, что съ радостью приметъ мальчика, признавая его за своего сына, ежели онъ будетъ къ нему доставленъ въ домъ, но что самъ за нимъ боится пріѣхать въ Кабарду. Между тѣмъ мать Клишевой имѣла дѣло въ кабардинскомъ судѣ. Пока судъ рѣшалъ это дѣло, что продолжалось почти мѣсяцъ, обѣ женщины жили въ вольномъ аулѣ и весьма часто являлись ко мнѣ, но гласно, при всѣхъ азіатахъ. Вдовы и старухи имѣютъ право сами всюду ходить по своимъ дѣламъ, и въ этомъ никто ничего противнаго обычаямъ не находитъ. По окончаніи дѣла, они отправились въ свой аулъ. Когда я сообщилъ Клишевой отвѣтъ Калабекова, она меня просила окончить начатое дѣло и дать ей способъ сына отвезть въ Моздокъ къ Калабекову. Я это устроилъ слѣдующимъ образомъ: далъ ей денегъ, на которыя она наняла пару лошадей въ саняхъ, женщину для сопровожденія себя въ вольномъ аулѣ и одного кабардинца изъ вольнаго аула. Я тогда отправился въ Грозную, и потому Клишева просила меня позволить моему переводчику, моздокскому жителю, сопутствовать ей и помочь устроить дѣла въ Моздокѣ. На это я согласился. Она выѣхала 6 дней послѣ меня изъ Кабарды, завезла сына къ Калабекову и отправилась за Терекъ, противъ станицы Голюгаевской, къ князю Кагерману Алхасову, коего жена ей родственница. Тогда я давно уже былъ въ Грозной. Въ это то время и было написано прошеніе къ князю Михаилу Семеновичу о томъ, что я увезъ кабардинскую женщину въ Грозную. Впослѣдствіе кабардинцы узнали, что я отъ Червленной, гдѣ встрѣтилъ князя Муртазали Бекичева изъ с. Юрта, съ нимъ доѣхалъ безъ оказіи въ с. Юртъ, а на другой день тотъ же князь ѣхалъ съ 50 чеченцами въ Грозную, и я съ нимъ доѣхалъ безъ оказіи въ Грозную; когда выѣзжалъ изъ Грозной, случилось быть въ Грозной тому же князю Бекичеву со многими чеченцами; онъ ѣхалъ съ нами, и я былъ въ саняхъ съ сестрою моею, которая, проводивъ меня до ст. Юрта, возвратилась съ тою оказіей при нихъ въ Грозную. Я остановился въ Голюгаѣ. Клишева знала объ этомъ и, распростившись съ княгиней Кагермановой, съ нанятыми ею женщиной и кабардинцемъ отправилась домой. Сознаюсь чистосердечно, что она пріѣхала ко мнѣ на квартиру, и что я съ ней имѣлъ свиданіе. Кабардинца съ лошадьми она отпустила. На другой день, съ наступленіемъ ночи, безъ конвоя, на двухъ почтовыхъ тройкахъ, я вмѣстѣ съ нею прибылъ въ Павлодольскую, откуда ее съ женщиной и моимъ переводчикомъ отправилъ въ Екатериноградъ, днемъ, прямо къ князю Эристову. Когда смерклось, я опять отправился, съѣхался съ Клишевой въ карантинѣ и опять на почтовыхъ, совершенно никѣмъ незамѣченный, доставилъ ее въ аулъ матери на Аргудонь, близъ

ст. Александровской. Семейство ее приняло, изъявляя мнѣ радушную благодарность. Этихъ подробностей никто въ Кабардѣ не знаетъ и не можетъ доказать. Но я вашему превосходительству разсказываю со всею откровенностью, ничего не желая отъ васъ скрывать.

Тутъ я увидѣлъ, что по всей Кабардѣ многіе стараются изъ этого обстоятельства вывести общее негодованіе. Все семейство Клишевыхъ еще болѣе, нежели прежде, сдѣлалось предметомъ общей ненависти, и бѣдную женщину эту такъ напугали, что она дѣйствительно боялась за жизнь свою; но такъ какъ никто не могъ доказать связи ея со мною, то все ограничивалось однѣми угрозами. Я ей совѣтовалъ найти себѣ жениха и обѣщалъ въ такомъ случаѣ помочь, сколько могу, деньгами. Между тѣмъ Атажукинъ, дабы ее успокоить, и не видя ничего во всемъ дѣлѣ этомъ противнаго обычаямъ народнымъ, принялъ ее къ себѣ въ домъ, гдѣ она прожила недѣли двѣ. Скоро все ея семейство обратилось ко мнѣ съ просьбою, чтобы я позволилъ моему переводчику на ней жениться; она сама этого желала. Но я рѣшительно не позволилъ, оттого что онъ христіанинъ, и я былъ увѣренъ, что найдутся люди, которые скажутъ, что эту женщину я насильно обратилъ въ христіанки. Одинъ бабуковскій казакъ, бѣдный молодой человѣкъ, лично мнѣ извѣстный, сосватался. Я имъ далъ тысячу рублей серебромъ; но такъ какъ я не имѣю такого капитала, то я имъ обѣщалъ всякую треть давать по двѣсти цѣлковыхъ, пока не выплачу всей суммы, а на первый случай далъ двѣсти рублей серебромъ и 150 руб. серебромъ на свадьбу, кромѣ того, что могъ, изъ мелочей, какъ то: лошадь, платья и тому подобное. Тогда Клишева отъ Атажукина переѣхала въ домъ матери. Во всемъ аулѣ былъ по случаю этой свадьбы праздникъ, продолжавшійся около недѣли. Потомъ ее братья перевезли въ Бабуковскую станицу къ жениху, и тамъ праздникъ продолжался около мѣсяца. Теперь и эта женщина, и этотъ казакъ, и все семейство Клишевыхъ считаютъ меня своимъ благодѣтелемъ. Всѣ очень счастливы, и братья, которые прежде пошаливали, такъ что боялись въѣзжать въ крѣпость, теперь постоянно у меня толпятся въ квартирѣ и всячески стараются изъявить мнѣ благодарность свою. Одинъ изъ нихъ женатъ на Шардановой дочери, слѣдовательно, онъ бы на меня смѣло косился, ежели бы былъ недоволенъ. Въ Кабардѣ давно умолкли объ этомъ и толки. Нельзя себѣ вообразить, чего ни придумывали гнуснаго и злобнаго всѣ тѣ, которые огорчались хорошему обороту этого дѣла. Я не смѣю употребить во зло терпѣнія вашего и потому ограничусь тѣмъ, что осмѣлюсь вашему превосходительству доложить, что въ этомъ дѣлѣ обнаружились самымъ злонамѣреннымъ образомъ лица, которыхъ я всегда считалъ какъ за русскихъ. Не оправдываю себя, но полагаю, что тутъ нѣтъ съ моей стороны ничего весьма дурнаго. Ежели я себѣ позволилъ свиданіе съ женщиной, я конечно согрѣшилъ

передъ церковью, но прикрылъ грѣхъ этотъ всѣми приличіями свѣта, и ежели бы не злоба людей, то никто не обращалъ бы на это вниманія, и я не могу надивиться дерзости, подобное дѣло доводить до свѣдѣнія князя Михаила Семеновича. Я имѣю честь вашему превосходительству быть извѣстнымъ почти съ самаго начала моей службы. Вашему превосходительству хорошо извѣстны мое состояніе и домашнія обстоятельства. Вы изволите знать то рвеніе, съ коимъ я принялся за настоящую мою должность; изволите вполнѣ оцѣнивать, до какой степени я польщенъ и счастливъ этимъ назначеніемъ. Поэтому излишне было бы мнѣ исчислять вашему превосходительству все, что бы я потерялъ, ежели бы имѣлъ несчастіе содѣлаться неугоднымъ его сіятельству. Но ежели бы это несчастіе меня постигло, то я долгомъ сочту немедленно удалиться, и увѣряю васъ, что не унесу съ собою никакого другаго чувства, кромѣ глубокой признательности за то милостивое покровительство и вниманіе, которымъ я посіе время пользовался отъ самого князя и отъ вашего превосходительства, и котораго я лишусь чрезъ ничтожную и грязную интригу завистниковъ и фанатиковъ. Я лишусь мѣста, но совѣсть меня не упрекнетъ, потому что намѣренія мои чисты были, и служба моя чиста и усердна въ пользу Русскаго Государя такъ, какъ дай Богъ, чтобы она была у всѣхъ мусульманъ и туземцевъ, которые получаютъ здѣсь мѣста нѣкоторой важности.

Когда мнѣ Кодзаковъ сталъ говорить о неудовольствіи князя, я въ первую минуту хотѣлъ написать все къ его сіятельству, но не посмѣлъ, и увѣренъ, что ваше превосходительство изволите на себя принять трудъ, все это дѣло въ настоящемъ его видѣ изложить передъ его сіятельствомъ.

Милостивый Государь
Николай Петровичъ!

Вы насъ истинно обрадовали извѣстіемъ о переселеніи ауловъ Анзаровыхъ, и г. главнокомандующій поручилъ мнѣ изъявить вамъ искреннюю признательность свою за благоразуміе ваше и твердость, которыя дѣло это привели къ желаемому концу. Когда его сіятельство будетъ въ Кабардѣ, то вы представьте ему тѣхъ лицъ, которыхъ вы считаете достойными поощренія. Что касается до аула Анзарова, то куда бы Николай Степановитъ ни рѣшилъ переселить его, но переселить непремѣнно надобно еще въ настоящую весну.

Обращаясь затѣмъ къ дѣлу о женщинѣ, я могу вамъ сказать, что Кодзаковъ не понялъ князя Михаила Семеновича, если онъ сказалъ вамъ, что онъ недоволенъ вами. Его сіятельство сегодня еще сказалъ мнѣ, что онъ всегда смотрѣлъ на это дѣло, какъ на совершенно постороннее для службы, и всегда былъ увѣренъ, что вы не сдѣлали и не сдѣлаете ничего такого, которое бы

могло дать кабардинцамъ поводъ жаловаться на нарушеніе религіозныхъ и народныхъ обычаевъ. Подробное описаніе ваше всей этой исторіи еще болѣе убѣдило господина главнокомандующаго въ пустотѣ ея.

Затѣмъ надѣюсь, что вы совершенно успокоитесь и не обратите уже вниманія на всѣ интриги, которыя, какъ вы полагаете, васъ окружаютъ.

Мы выѣзжаемъ 22 числа черезъ Шемаху и Темиръ-Ханъ-Шуру на линію.

Прощайте и не забывайте искренно преданнаго вамъ

Павла Коцебу.

Вы конечно уже знаете, что нашего Роберта Карловича фельдмаршалъ требуетъ въ Варшаву въ генералъ-квартермистры.

19 Апрѣля 1848 года.

Тифлисъ.

Ваше Превосходительство
Николай Степановичъ!

Долго не рѣшался я приняться за это письмо, опасаясь прослыть кляузникомъ и человѣкомъ, увлекающимся однѣми сплетнями. Но наконецъ рѣшаюсь подвергнуться скорѣй гнѣву начальства и выговорамъ, нежели молчать въ дѣлѣ, которое мнѣ кажется слишкомъ опаснымъ для нашего правительства. Не стану объяснять вашему превосходительству мелкія дѣйствія, нить коихъ возбуждаетъ мое подозрѣніе на нѣкоторыя лица. Это было бы лишь повтореніе разбирательствъ, подобныхъ тѣмъ, которыя состоялись въ Червленной между мною и княземъ Эристовымъ. Я бы молчалъ, ежели бы видѣлъ, что лично я не нравлюсь. Но день ото дня я убѣждаюсь въ томъ, что дѣло тутъ не о моей особѣ, но объ Россіи. Я избранъ лишь орудіемъ, и козни нѣсколькихъ лицъ хитро облечены въ наружность сплетенъ и недоразумѣній. До чего ни коснитесь, все объясняется будто бы недоразумѣніемъ и довѣрчивостью моею къ наушникамъ. Молчу о многомъ, доложу вашему превосходительству только о двухъ предметахъ, теперь исключительно занимающихъ здѣсь всѣ умы. Въ этомъ я вижу сѣмена безконечныхъ неудовольствій, съ умысломъ развиваемыхъ людьми, коихъ цѣль есть поселить и поддержать въ туземцахъ недовѣріе и ненависть противъ нашего правительства. Я говорю о переселеніи абазинцевъ и отмежеваніи кабардинцамъ земли за Малкою. Не хочу на себя взять какое либо опредѣлить мнѣніе собственно о султанѣ Кази-Гиреѣ, но долженъ прежде всего вашему превосходительству сказать, что мечта султана есть та, чтобы всѣ абазинскіе аулы соединить въ одинъ огромный аулъ и все это подчинить фамиліи Гиреевъ. Онъ сначала предполагаетъ ихъ подчинить Маматъ-Гирею-Лоову и составить такимъ образомъ между нашей границей и непокорными племенами

сильное народонаселеніе подъ непосредственною властью его фамиліи. Цѣль его въ этомъ случаѣ есть, какъ онъ объясняетъ, польза Россіи.

Ваше превосходительство изволите знать, что кабардинскіе абазинцы получили послѣ безконечныхъ домогательствъ разрѣшеніе переселиться на Куму выше Ахандуковскаго поста. 5 Апрѣля было имъ это мною объявлено оффиціально на сборѣ всѣхъ абазинскихъ узденей, и немедленно они приступили къ переселенію. 8 Апрѣля я предписывалъ султану лично имъ указать мѣсто для селенія во избѣжаніе какого нибудь недоразумѣнія. Теперь абазинцы эти очутились на Бугунтѣ, гдѣ построили себѣ балаганы, и по сіе время, ровно два мѣсяца послѣ моего предписанія, султанъ имъ мѣста не показывалъ. Бугунта есть земля, принадлежащая станицамъ Ессентукской и Кисловодской (между станицами Бекешевской, Ессентукской и Кисловодской, верстахъ въ 35 отъ того мѣста, гдѣ имъ велѣно селиться). У казаковъ вытоптаны табунами, стадами и атарами сѣнокосныя мѣста. Султанъ приписываетъ эти безпорядки моимъ распоряженіямъ. Казаки злятся на татаръ. Абазинцы, ставшіе самовольно на Бугунтѣ и занявшіе по приказанію султана р. Дарію своими табунами и овцами, вопіютъ противъ моихъ неистовыхъ притѣсненій, которыя заключаются въ томъ, что, узнавъ объ этомъ дѣлѣ, я строго предписалъ ихъ съ Бугунты выгнать.

Около Бекешевской станицы есть аулъ Лоовъ изъ племени абазинскаго. Онъ имѣетъ клочекъ земли, совершенно окруженный землями казачьими; но этотъ клочекъ примыкаетъ къ р. Дарьѣ, гдѣ Кази - Гирей держитъ табуны и стада абазинцевъ, а Дарья примыкаетъ къ Бугунтѣ, гдѣ они стали будто бы балаганами временно. На дняхъ я получилъ отъ Кази-Гирея бумагу, въ которой онъ пишетъ, что усматривая изъ моихъ распоряженій, что Лоовъ аулъ соединится въ одинъ съ переселяющимися абазинцами, то онъ хочетъ передать управленіе этимъ ауломъ приставу Мистулову, которому поручены переселяющіеся абазинцы. Я ему отвѣтилъ, что никогда я не имѣлъ въ предметѣ соединить эти два управленія, и потому прошу его оставить управленіе Лоовымъ ауломъ попрежнему въ вѣдѣніи особаго пристава. Многіе изъ абазинцевъ теперь не хотятъ переселяться на Куму. Не хочу назвать кто именно, но есть здѣсь люди, которые дѣятельно распускаютъ слухи, что переселеніе это я затѣялъ, изыскивая случай притѣснять туземцевъ, что имъ была обѣщана земля Ессентукской станицы на Бугунтѣ. Въ дальнѣйшія подробности этого дѣла я не вхожу, чтобъ не показаться человѣкомъ, легко приходящимъ въ страхъ отъ сплетней и всему вѣрящимъ. Другой предметъ есть споръ о землѣ за Малкою. Онъ состоитъ въ слѣдующемъ. Генералъ Ермоловъ, очистивши все пространство, занимаемое нынѣ 6 бригадой казаковъ, всѣ кабардинскіе аулы перегналъ за Малку, предоставивъ имъ подъ пастбища пользоваться кордонною землею,

незанятою станицами на лѣвомъ берегу Малки. Въ 1845 году депутатамъ, ѣздившимъ отъ кабардинцевъ въ Петербургъ, объявлено въ знакъ особаго благоволенія государя къ народу кабардинскому, что его величество имъ жалуетъ участокъ земли по лѣвому берегу р. Малки, ограничивающійся чертою отъ соляныхъ озеръ до Извѣстнаго Брода. Это объявлено въ изданномъ тогда положеніи о линейномъ казачьемъ войскѣ. Съ тѣхъ поръ кабардинцы постоянно самовольно занимаютъ земли по рѣчкамъ Золкѣ и Этокѣ гораздо ниже высочайше утвержденной черты. Всякій годъ они запахиваютъ земли у станицъ и основываютъ свои притязанія на примѣрахъ предыдущаго года. Въ прошломъ году нашлись люди, которые подбили народъ кабардинскій требовать земли, занимаемыя станицами 6 бригады, какъ собственность, неправильно у нихъ отнимаемую. Члены суда изготовили объ этомъ прошеніе главнокомандующему, и переселеніе это было сочинено въ судѣ маіоромъ Давыдовскимъ. Я просилъ ваше превосходительство предписать офицеру генеральнаго штаба проѣхать по этой чертѣ, дабы никто на будущее время не могъ отговариваться незнаніемъ границы. Ваше превосходительство изволили предписать коммиссіи надѣленія землею казаковъ выкомандировать чиновника для нарѣзки этой черты. Землемѣръ Ларіоновъ прибылъ по этому случаю въ станицу Горячеводскую. Тогда никакія приказанія, никакія убѣжденія съ моей стороны не въ силахъ были заставить кабардинцевъ выслать къ Ларіонову нужныхъ людей со стороны ихъ. Судъ употребилъ всевозможныя ухищренія, и даже у меня были по этому случаю весьма горячія пренія въ судѣ. Окончательно я настоялъ, чтобы два князя, Касаевъ и Дукшукинъ, и народный депутатъ съ двумя узденями явились къ Ларіонову, и далъ имъ денегъ на покупку уголья и найма подводъ и плуговъ для нарѣзки, ибо они рѣшительно отказались отъ себя все это выставить. Я кабардинцамъ предоставлялъ право просить главнокомандующаго о возвращеніи имъ земли, отданной станицамъ 6 бригады. Они прибыли къ Ларіонову, на нарѣзку рѣшительно отказались, предлагали только по чертѣ проѣхаться. Ларіоновъ, разумѣется, не согласился на прогулку, ни къ чему не ведущую, по чертѣ, давно всѣмъ извѣстной. Такъ этотъ вопросъ не конченъ, но изъ этого дѣла раздули общее негодованіе по всей Кабардѣ; вопіютъ во всѣхъ аулахъ, что я ихъ землю отдаю казакамъ. Но повторяю, мое лице здѣсь есть только орудіе. Главная цѣль есть раздражить народъ, сколько можно, противъ правительства, увѣряя его, что постоянно изобрѣтаются для него новыя притѣсненія. Нѣсколько разъ я имѣлъ честь докладывать наказному атаману, что всѣ эти споры можно было прекратить слѣдующимъ образомъ. Въ высочайше утвержденномъ положеніи сказано, что должны быть поставлены новыя станицы на Павловскомъ посту, на Извѣстномъ Бродѣ и на Карамыкѣ. Вмѣсто того чтобы начать со станицы Павловской, слѣдовало начать съ Извѣстноброд-

ской. А такъ какъ на самомъ Извѣстномъ Бродѣ хрящъ неудобный для станицы, а по той же чертѣ, въ 10 верстахъ, на Золкѣ отличнѣйшая земля, то на этомъ пунктѣ слѣдовало заложить станицу, и тогда была бы исполнена высочайшая воля, и замолкли бы всѣ притязанія кабардинцевъ на станичныя земли, и не развилась бы мысль о тяжбѣ за оныя, которая по настоящему направленію умовъ Богъ знаетъ чѣмъ кончится. Теперь, коль скоро уже приступили къ Павловской станицѣ, остается просить ваше превосходительство, по крайней мѣрѣ на будущій годъ, вмѣсто станицы на Карамыкѣ, гдѣ адскій климатъ, вовсе нѣтъ лѣса и гнилая вода, поселить прежде станицу Извѣстнобродскую и на томъ мѣстѣ, гдѣ я предлагалъ. Тутъ выполняется цѣль и воля государя. Станица селится въ самомъ прекраснѣйшемъ климатѣ, на хорошей ключевой водѣ, недалеко отъ лѣса, на самой границѣ казачьей земли, на полдорогѣ отъ Малки до Пятигорска. Кабардинцы готовятъ просьбу объ этой землѣ главнокомандующему; но это насильственное со стороны ихъ завоеваніе земли въ связи съ завоеваніемъ Бугунты абазинцами, и смѣю увѣрить васъ, что этотъ предметъ весьма серьезный, который можетъ кончиться весьма дурно. Для ясности я прилагаю чертежекъ. Въ настоящихъ неудовольствіяхъ въ Кабардѣ я виню много князя Атажуку Атажукина, который ведетъ себя весьма сомнительно, и маіора князя Касаева. Я рѣшился оттого теперь все это писать къ вашему превосходительству, что нѣкто Кодзаковъ объ этомъ вѣроятно теперь уже пишетъ къ начальнику главнаго штаба. Поэтому я спѣшу вашему превосходительству представить эти два вопроса въ настоящемъ ихъ видѣ, ибо я не знаю, что объ этомъ пишетъ Кодзаковъ. Тому назадъ 20 лѣтъ, тетка моя Хомякова, бывши на Водахъ, вывезла въ Москву мальчишку абазинца съ Малки, воспитала его, окрестила, и теперь этотъ перекрещенный абазинецъ опредѣляетъ степень преданности нашей Россіи природныхъ русскихъ дворянъ—генерала Ковалевскаго и меня. Онъ уже два мѣсяца здѣсь живетъ по предписанію начальства и вѣроятно пишетъ очень дѣльно, ибо подобное порученіе не дали бы человѣку, весьма молодому, неиспытанному въ опытности и благонамѣренности; но я не знаю, такъ ли онъ эти предметы видитъ, какъ я. Еще разъ повторяю вашему превосходительству, что пріѣздъ вашъ въ Нальчикъ совершенно необходимъ, ибо со дня на день запутываются и пріобрѣтаютъ важность многіе вопросы, которые вы бы изволили совершенно рѣшить въ нѣсколько минутъ. Изъ пустяковъ выходятъ важныя дѣла, которыя впослѣдствіе могутъ окончиться очень дурно. Всего невозможно мнѣ описать и всего невозможно вамъ рѣшить за глаза.

Съ глубочайшимъ почтеніемъ и совершенною преданностью имѣю честь быть
вашего превосходительства
покорнѣйшимъ слугой.
Подписалъ: Николай Беклемишевъ.

Іюня 1848 года.
Нальчикъ.

Ваше Превосходительство
Милостивый Государь
Николай Степановичъ!

Не смѣю еще доносить рапортомъ, но считаю долгомъ еще разъ доложить въ письмѣ, что здѣсь, то есть въ Центрѣ вообще, а въ Кабардѣ въ особенности, умы туземцевъ часъ отъ часу принимаютъ худшее направленіе. По чувству преданности моей къ долгу службы, я жду, какъ величайшаго блага, пріѣзда сюда вашего превосходительства или по крайней мѣрѣ отъ васъ довѣренной особы, которая, поживши здѣсь, могла бы убѣдиться въ истинѣ всего того, что я смѣю писать къ вамъ. Всмотрѣвшись ближе, я, какъ русскій, не могу безъ сокрушенія сердечнаго видѣть, что здѣсь тлѣетъ искра пожара, и со дня на день раздувается въ туземцахъ общее противъ насъ негодованіе. Не дай Богъ малѣйшей неудачи въ военныхъ дѣйствіяхъ нашихъ, или необходимости ослабить здѣсь войска, огонь этотъ можетъ страшно вспыхнуть. Нельзя себѣ вообразить, не всмотрѣвшись близко, какъ настойчиво и дѣятельно злонамѣренные люди приготовляютъ здѣсь народъ (я смѣло скажу) къ бунту. Со дня на день кабардинцы становятся наглѣе и болѣе дерзкими въ поступкахъ своихъ. Всѣ дѣйствія ихъ основаны на томъ, что они будто бы доведены до отчаянія безпрерывно усиливающимися притѣсненіями и несправедливостями русскаго правительства. Я имѣлъ честь довести до свѣдѣнія вашего превосходительства о томъ положеніи, въ какомъ находится дѣло о переселеніи абазинцевъ. Султанъ Кази-Гирей дозволилъ имъ занять Бугунту, куда они живо перенесли свои сакли и стали ауломъ. Я настоялъ, чтобы султанъ ихъ оттуда выгналъ на Куму, куда имъ разрѣшено поселиться. Хотя онъ мнѣ еще не доноситъ объ этомъ, но я слышу, что онъ уже приказалъ имъ оттуда сняться. Абазинцы съ Бугунты на Куму переселяются, но клянутъ меня и наше правительство, которое ихъ въ пухъ разоряетъ. Они увѣряютъ, что будто бы имъ была обѣщана земля на Бугунтѣ, гдѣ нѣкогда жили предки ихъ; что ежели бы они знали, что ихъ обманомъ поселятъ на Кумѣ, то они не вышли бы ни за что изъ Кабарды. Они говорятъ, что такими мѣрами неистовыхъ притѣсненій можно всякій народъ довести до отчаянія, и тогда уже ни за что нельзя отвѣчать. Это мнѣ, между прочимъ, говорилъ Кодзаковъ, тотъ самый, въ благонамѣренность котораго, повидимому, такъ вѣритъ высшее начальство. Между тѣмъ народъ кругомъ слышитъ вопли и упреки, а не всякій знаетъ сущность дѣла. Многіе изъ абазинцевъ, не желая болѣе выходить изъ Кабарды, видя, что не удалось имъ обмануть правительство, обращаются ко мнѣ съ просьбами о томъ, чтобы я имъ дозволилъ оставаться въ Кабардѣ. Я на это имъ отвѣтилъ, что не имѣю права, а все, что могу сдѣлать, это не выгонять ихъ силою изъ Кабарды до

пріѣзда князя Воронцова. Между тѣмъ, безпрерывно ихъ увѣряютъ, что я собираю отрядъ противъ нихъ. Султанъ Кази-Гирей однимъ весьма хитрымъ рапортомъ намекнулъ мнѣ на эту мѣру. Еще въ маѣ мѣсяцѣ онъ, пріютивъ вышедшихъ абазинцевъ на Бугунтѣ, просилъ меня выслать къ нему остальныхъ абазинцевъ будто бы потому, что безъ общаго ихъ сбора онъ не можетъ указать имъ мѣста на Кумѣ. Между тѣмъ, по всѣмъ ауламъ носятся слухи, что я силою ихъ изъ Кабарды выгналъ и выгоняю собственно для того, чтобы селить въ Кабардѣ русскія станицы. Насчетъ нарѣзки земли замолкаю, я имѣлъ честь довести до свѣдѣнія вашего превосходительства, что никакія убѣжденія, никакія приказанія не могли заставить кабардинцевъ принять извѣстную границу. Я писалъ къ землемѣру Ларіонову, чтобы онъ приступилъ къ нарѣзкѣ земли безъ кабардинцевъ, ежели они будутъ настаивать въ упрямствѣ своемъ. Отъ генерала Филипсона я получилъ предписаніе непремѣнно принудить кабардинцевъ выѣхать къ Ларіонову. Опять я собралъ судъ, и опять начались долгіе толки, пренія и убѣжденія; наконецъ опять я рѣшительно приказалъ депутату и двумъ князьямъ отправиться къ Ларіонову и принять границу. Три дня они спорили и наконецъ, вызвавъ въ судъ многихъ владѣльцевъ, сочинили рапортъ, къ которому всѣ приложили печати. Въ рапортѣ этомъ они рѣшительно отказываются отъ принятія границы подъ разными глупыми причинами. Въ этомъ дѣлѣ они всѣ упрекаютъ правительство въ вѣроломствѣ и притѣсненіи. Они между прочимъ просятъ позволенія немедленно отправить отъ себя депутацію къ князю Воронцову съ прошеніемъ, написаннымъ маіоромъ Давыдовскимъ, о которомъ я имѣлъ честь писать вашему превосходительству. Я имъ на это отвѣтилъ, что прошеніе это могутъ подать князю, когда его сіятельство изволитъ пожаловать въ Кабарду. Между тѣмъ, съ наступленіемъ весны я ихъ предупреждалъ, чтобъ они не переходили границы. Имъ было объявлено, что запаханное насильно на казачьей землѣ будетъ отдано въ пользу казаковъ. Билеты никому иначе не выдавались, какъ въ каждомъ билетѣ прописывалось условіе не переходить чрезъ извѣстную границу. Въ прошломъ году, когда они начали насильно запахивать землю станицы Марьевской, я немедленно возсталъ противъ этого и объ этомъ доносилъ покойному Хлюпину, который тогда, увлеченный убѣжденіями маіора Давыдовскаго, принималъ сторону кабардинцевъ. Я доносилъ о томъ наказному атаману, и наконецъ ваше превосходительство изволили рѣшить, чтобы за самовольную запашку земли у с. Марьевской кабардинцы уплатили станицѣ. По сіе время я не взыскивалъ этихъ денегъ, дабы сколь можно менѣе сердить кабардинцевъ. Теперь кабардинцы, съ открытія весны отказываясь отъ нарѣзки границы, выѣхали массами, плуговъ по 40 и болѣе, и запахали землю станичную. Я всю эту запашку отдалъ казакамъ. Ваше превосходительство изволите согласиться, что султанъ, зная объ важности этого

дѣла, обязанъ былъ принять всѣ мѣры, чтобы не дать кабардинцамъ пахать на казачьей землѣ. Конфискованіе запашки теперь опять возрождаетъ страшное негодованіе во всей Кабардѣ. По всѣмъ ауламъ распускаютъ дѣятельно слухи, что я всю кабардинскую землю отдаю казакамъ. Ежели бы такъ, какъ я докладывалъ наказному атаману, вмѣсто Павловской станицы была поставлена станица Извѣстнобродская, давно бы все это дѣло было окончено, и не было бы повода неблагонамѣреннымъ людямъ раздувать такое неудовольствіе въ народѣ. Этотъ самый Кодзаковъ мнѣ говорилъ съ видомъ отчаянія о непомѣрныхъ притѣсненіяхъ казаковъ, о томъ, что казаки у кабардинцевъ отнимаютъ ежегодно землю, что у нихъ ея слишкомъ много, и что всѣ эти мѣры притѣсненія туземцевъ могутъ, доведя народъ до отчаянія, произвести величайшіе безпорядки. Онъ мнѣ говорилъ, что онъ не можетъ еще надивиться необыкновенной покорности и кротости этого бѣднаго угнетеннаго народа. Многіе кабардинскіе князья, избалованные кроткимъ обращеніемъ правительства, совершенно выходятъ изъ повиновенія и позволяютъ себѣ грабежи и воровства. Часто я нахожусь вынужденнымъ взыскивать съ нихъ. Полагаю, что мѣра взысканія строгая, но впрочемъ почетная есть арестъ; я ихъ сажаю на гауптвахту, при этомъ соблюдая всю возможную учтивость. Призываю князя къ себѣ на квартиру, учтивыми словами представляю ему вину его и, какъ у офицера, прошу мнѣ отдать шашку и оружіе; самъ беру оное и вѣшаю въ залѣ подъ знаменемъ; потомъ, обращаясь къ виновному, говорю: „извольте слѣдовать за комендантомъ на гауптвахту.“ Случалось такъ, что на гауптвахту, гдѣ арестованный князь содержится въ офицерской комнатѣ, я ему посылалъ обѣдъ, чай, ужинъ, позволялъ имѣть свою прислугу. Недавно экзекуторъ князь Хамурзинъ и судья князь Данщукинъ украли у меня изъ числа взятыхъ въ штрафъ, но еще непроданныхъ съ аукціоннаго торга, пару воловъ, и были въ этомъ уличены. Я ихъ призывалъ, упрекалъ въ стыдномъ поступкѣ ихъ и приказалъ немедленно этихъ воловъ возвратить. Они спрятали ихъ за Малку. Нѣсколько разъ я повторялъ это приказаніе. Три недѣли не могъ дождаться выполненія онаго. Я ихъ обоихъ посадилъ на гауптвахту. Черезъ три дня представили ко мнѣ воловъ, и я ихъ выпустилъ. Князь Казіевъ уличенъ въ воровствѣ лошади у одного чеченца. По шаріату ему присуждено удовлетворить чеченца. Онъ три года этого бѣднаго горца тянулъ не уплачивая. Я его посадилъ на гауптвахту, и онъ его удовлетворилъ немедленно. Экзекуторъ князь Иналовъ былъ посланъ барантовать нѣсколько ауловъ. Я ему далъ своего переводчика и писаря. Онъ такъ много накралъ, что переводчику могъ подарить двухъ лошадей и 30 руб. серебромъ, а писарю лошадь съ богатой сбруей; самъ же хотѣлъ украсть шашку въ 100 руб. серебромъ. Узнавъ объ этомъ, я его позвалъ. Онъ во всемъ сознался. Я его за это посадилъ на гауптвахту на трое сутокъ, переводчика и писаря тоже поса-

дилъ за рѣшетку съ арестантами и возвратилъ всѣ эти подарки. На дняхъ партія абрековъ была замѣчена въ лѣсахъ Кабарды. Я послалъ князей Даншукина и Хамурзина въ преслѣдованіе. Они въ лѣсу собирались и принимали одинъ отъ другаго присягу въ томъ, что когда князь Воронцовъ будетъ въ Нальчикѣ, то жаловаться ему на меня, что я унижаю достоинство кабардинскаго князя, и доложить ему, что я ихъ обращеніемъ своимъ довелъ до отчаянія. Тотъ, кто отъ этой присяги откажется, долженъ заплатить штрафу 100 руб. серебромъ. Присягнувшихъ было около 100 человѣкъ.

Всѣ эти подробности уже нельзя назвать сплетнями. Ваше превосходительство лучше меня изволите усмотрѣть, къ чему все это можетъ повести. Сами изволите видѣть, какъ необходимо вамъ сюда пожаловать. Теперь еще все можно остановить и поправить немногими рѣшительными словами вашими; но чѣмъ далѣе откладывать окончаніе этихъ всѣхъ мелкихъ неудовольствій, тѣмъ труднѣе будетъ для васъ.

Пишу все это къ вашему превосходительству теперь, потому что, находясь въ главной квартирѣ, вамъ можно князя Воронцова и начальника штаба приготовить заблаговременно, зная эти главные предметы общаго неудовольствія; имъ уже будетъ извѣстно, какой пріемъ имъ дѣлать туземцамъ при свиданіи съ ними. Тогда въ нѣсколько минутъ мнѣ невозможно будетъ имъ всего разсказать.

Іюня 1848 года.

Ваше Превосходительство
Николай Степановичъ!

Я имѣлъ честь вашему превосходительству въ двухъ частныхъ письмахъ намекнуть на двусмысленное поведеніе султана Кази-Гирея. Сейчасъ я получилъ отъ него рапортъ, который вполнѣ обнаруживаетъ намѣренія его и подтверждаетъ все то, что я имѣлъ честь писать къ вашему превосходительству. Я прилагаю здѣсь копію какъ съ этого рапорта, такъ и съ отвѣта моего.

Всякій день дѣло это становится серьезнѣе. Теперь не останется другаго средства, какъ употребить войско. Но я вполнѣ постигаю, что собрать отрядъ теперь, во время курса, среди самыхъ минеральныхъ водъ, весьма затруднительно потому, что это напугаетъ всѣхъ посѣтителей и можетъ имѣть самый дурной отголосокъ внутрь Россіи. Собственно это обстоятельство меня связываетъ. Я не рѣшаюсь дѣйствовать силою, не испросивъ предварительно на это разрѣшенія вашего превосходительства. Теперь кажется ясно, что султанъ Кази-Гирей дѣйствуетъ совершенно во вредъ нашему правительству. Ежели вашему превосходительству невозможно самимъ пожаловать сюда, и все изволите полагать, что я увлекаюсь мнительностью своего характера, то умоляю васъ, извольте прислать довѣренную особу вникнуть въ это дѣло и доложить

о немъ вашему превосходительству, только чтобъ особа эта была не изъ туземцевъ. Я, къ сожалѣнію моему, долженъ сказать, что ежедневно болѣе и болѣе убѣждаюсь въ неблагонамѣренности султана Кази - Гирея, который дѣйствуетъ вовсе не какъ русскій патріотъ, но какъ заклятый врагъ Россіи, одушевленный всѣмъ фанатизмомъ мусульманина.

Еще я рѣшаюсь довести до свѣдѣнія вашего превосходительства обстоятельство весьма важное. Султанъ сильно сталъ тѣснить и нападать на бабуковскихъ казаковъ, угнетая ихъ всѣми возможными мѣрами. Онъ далъ поступкамъ своимъ тотъ видъ, что хочетъ этихъ казаковъ подтянуть, находя, что я ихъ распустилъ, и притомъ хочетъ показать свое безпристрастіе въ сравненіи ихъ съ русскими. Между тѣмъ, сами бабуковцы и всѣ туземцы понимаютъ это совершенно иначе. Всѣ говорятъ, что это одинъ аулъ мусульманскій, который служитъ казаками, что ихъ нельзя поэтому считать мусульманами, и что султанъ имъ это хочетъ дать на всякомъ шагу чувствовать. Онъ даже притворно объѣзжаетъ этотъ аулъ, и туземцы говорятъ, что онъ этимъ хочетъ доказать презрѣніе свое къ нимъ. Они приходятъ въ отчаяніе, и ваше превосходительство сами изволите видѣть, къ чему это можетъ повести. Самый выборъ сотеннаго командира рѣзко выказываетъ дурное намѣреніе султана. Нѣкто Павловскій, отрѣшенный изъ станичныхъ начальниковъ полковникомъ Ильинскимъ за воровство и гадости, еще теперь находящійся подъ слѣдствіемъ, отрѣшенный мною отъ командованія Ессентукской станицей за взятки, отрѣшенный имъ отъ командованія Лоовымъ ауломъ, что на Кумѣ, за слишкомъ дерзкое обращеніе съ азіатцами, — онъ этого человѣка сдѣлалъ начальникомъ Бабуковской сотни. Не было по сіе время примѣра, чтобы бабуковскаго казака тронули пальцемъ. Султанъ допустилъ русскаго урядника высѣчь бабуковскаго казака изъ узденей за то, что его теленокъ перешелъ черезъ черту выгона. Этотъ анекдотъ разсказываютъ по всей Кабардѣ. Я на Бабуковскій аулъ много надѣялся, но ежели султанъ обращеніемъ своимъ доведетъ ихъ до отчаянія, они могутъ первые подать сигналъ къ общему возстанію. Сдѣлайте милость, пошлите секретно узнать объ этомъ и провѣрить слова мои, только не туземца, потому что бабуковцы составляютъ предметъ ненависти всѣхъ туземцевъ.

Можетъ быть, всѣ мои разсказы покажутся вашему превосходительству преувеличенными, и вы изволите сказать, что я вижу все слишкомъ дурно; но я рѣшаюсь подвергнуться этому осужденію, нежели молчать предъ моимъ начальникомъ, и въ случаѣ смутъ поставить его въ такое положеніе, въ какое становятъ тѣ подчиненные, которые, желая заслуживать похвалы, скрываютъ истину отъ начальниковъ своихъ.

7-го Іюня 1848 года.

Ардонъ.

Ваше Превосходительство
Николай Степановичъ!

Вамъ угодно было знать о томъ, что будетъ происходить между мною и Кази-Гиреемъ по возвращеніи моемъ въ Кисловодскъ. Поэтому имѣю честь увѣдомить ваше превосходительство, что султанъ у меня былъ два раза, и вели мы разговоръ чисто служебный. Не было никакихъ объясненій. Онъ теперь находится въ Ессентукахъ. Тамъ былъ вчера обѣдъ прощальный для Хуціева отъ общества офицеровъ. Я сегодня выѣзжаю въ Карачай, оттуда въ Уруспій, а оттуда въ Нальчикъ. Болѣе подробностей писать вашему превосходительству не смѣю и ожидаю рѣшенія моей будущности отъ васъ.

Ваше Превосходительство
Николай Степановичъ!

Моя судьба рѣшена; я ѣду въ отпускъ въ Петербургъ и тамъ поступаю въ образцовый полкъ. Не нахожу словъ, чтобы выразить вамъ, до какой степени я признателенъ вашему превосходительству за все милостивое вниманіе ваше, коимъ я пользовался во все время служенія моего подъ вашимъ начальствомъ. Теперь беру смѣлость просить васъ вступиться за двухъ человѣкъ, которыхъ вся будущность испорчена собственно за то, что они были мнѣ преданы: маіоръ Полозовъ и хорунжій Кологривовъ, адъютантъ ввѣреннаго мнѣ управленія. Я знаю хорошо обоихъ и смѣло могу увѣрить ваше превосходительство, что способнѣе, добросовѣстнѣе, безкорыстнѣе и усерднѣе офицеровъ здѣсь у васъ нѣтъ. 1-го рѣшились погубить султаны Адиль и Кази Гиреи, и уже очернили его въ мнѣніи князя. Втораго погубитъ непремѣнно князь Эристовъ, который, я полагаю, будетъ назначенъ на мое мѣсто. Этихъ двухъ офицеровъ обидѣть и выгнать будетъ, право, грѣхъ, а ежели вы не изволите ихъ принять подъ свое покровительство, это непремѣнно будетъ. Атаманъ же за нихъ уже не заступится, потому что побоится султановъ. Еще долгъ службы заставляетъ меня предупредить ваше превосходительство, что торжество султановъ, уже ими разглашенное еще до нашего пріѣзда въ Пятигорскъ, навело такой страхъ на бабуковцевъ, что ежели вы не изволите очень близко посмотрѣть на это, то тамъ будутъ дѣлаться неистовыя притѣсненія и много праведнаго народа погибнетъ.

Генералъ-маіору Гогелю.

Ваше превосходительство изволили мнѣ отъ 18 Іюня за № 589 предписывать, согласно волѣ г. главнокомандующаго, представить къ наградѣ Волгскаго

полка урядника Андреева за отличіе, оказанное имъ 10 числа Мая мѣсяца. Не получая моего донесенія, отъ 18 Августа, вы изволили повторить мнѣ это предписаніе. Я не рѣшился рапортомъ оправдать себя и обнаружить гласно всю темноту этого дѣла, но предпочелъ лучше изложить въ письмѣ причины моего молчанія на предписанія ваши.

Вашему превосходительству, такъ какъ и всѣмъ здѣсь, извѣстно, что самыя гнуснѣйшія и пошлыя интриги заставили меня оставить службу на Кавказѣ. Одинъ изъ самыхъ злыхъ моихъ враговъ есть султанъ Кази-Гирей,—въ колыбели напитанный враждой ко всему русскому и человѣкъ, котораго ничто не остановитъ въ предпріятіяхъ его, когда дѣло коснется до того, чтобы копать яму подъ врагомъ. Я командовалъ бригадой волгскихъ казаковъ и знаю, что я вообще этими казаками любимъ. Вотъ причина, почему Кази-Гирей, вступивъ въ командованіе этою бригадою, облекая всѣ дѣйствія свои въ форму службы, и движимый личною ненавистью ко мнѣ, можетъ быть за то, что я природный русскій, сталъ тѣснить казаковъ и въ особенности тѣхъ изъ нихъ, которые мною были отличаемы чѣмъ нибудь. Не только казаки, но и офицеры, бывшіе со мною ближе, сдѣлались предметомъ притѣсненій и гоненій султана. Урядникъ Андреевъ былъ дѣйствительно постоянно мною отличаемъ, но Богъ свидѣтель тому, что причина этому отличію была ни что иное, какъ отличная служба Андреева, который соединялъ въ себѣ, что только отъ урядника можно желать: молодецъ собою, отличный наѣздникъ, самаго отличнаго поведенія, храбрый въ дѣлѣ, грамотный, и за всѣ эти достоинства онъ былъ постоянно отличаемъ генераломъ Гурко и наконецъ лично княземъ Воронцовымъ, при коемъ дѣлалъ двѣ экспедиціи. Вотъ уже болѣе двухъ лѣтъ, какъ онъ старшимъ урядникомъ въ сотнѣ. Едва султанъ Кази-Гирей принялъ бригаду, какъ начались на Андреева въ числѣ прочихъ гоненія; стали находить его дурнаго поведенія, неисправнымъ по службѣ, стали наказывать безпрерывно; раза три жестоко сѣкли, по нѣсколько мѣсяцевъ посылали въ другой полкъ служить за казака. Наконецъ, изыскивая самыя стѣснительныя наказанія въ то время, когда снѣгъ еще не сходилъ съ горъ, за два мѣсяца до занятія передовой Кисловодской линіи, и тогда когда всякій день дорогъ для хозяйства казака, султанъ послалъ его съ семью казаками стоять на горахъ, занимаемыхъ лѣтомъ передовой Кисловодской линіей. Тутъ ему судьба покровительствовала, онъ наткнулся на партію и отличился. Главнокомандующій, усматривая о его отличіи изъ военнаго журнала, приказать изволилъ его представить къ награжденію. Получивъ о томъ предписаніе вашего превосходительства, я потребовалъ отъ 6 бригады формуляръ Андреева. Прошелъ мѣсяцъ, султанъ не высылалъ онаго. Тогда полковникъ Алехинъ, въ отсутствіе мое, потребовалъ формуляръ этотъ прямо изъ полка. Полковникъ

командиръ маіоръ Чорба немедленно послалъ на имя мое при рапортѣ формуляръ Андреева въ Нальчикъ и аттестовалъ его отлично. Султанъ, который, повидимому, слѣдилъ за этимъ, послалъ на почту перехватить этотъ рапортъ и, по непостижимой дерзости, которую ему даютъ успѣхи его въ интригахъ, вскрылъ конвертъ и вынулъ формуляръ (объ этомъ я имѣю оффиціальный рапортъ отъ Чорбы). 7-го Іюля султанъ прислалъ формуляръ Андреева, подписанный имъ самимъ, въ коемъ онъ его аттестовалъ дурно. Чувствуя, что вся вина Андреева есть хорошее мое къ нему расположеніе, я медлилъ доносить вашему превосходительству, что этого урядника нельзя представить къ наградѣ, потому что формуляръ его запятнанъ, и полагалъ, что мое ходатайство вмѣсто добра могло бы ему болѣе повредить, потому что съ нѣкотораго времени не вѣрятъ всѣмъ моимъ представленіямъ, основаннымъ на самыхъ рѣзкихъ фактахъ, здѣшнему начальству, милостивымъ расположеніемъ коего я по сіе время пользовался, и которое еще весьма недавно признавало во мнѣ хорошія способности, хорошую нравственность и находило не совсѣмъ глупымъ человѣкомъ; — къ несчастію моему, теперь видятъ во мнѣ совершенно противное и признаютъ во мнѣ человѣка, занимающагося однѣми сплетнями и дѣйствующаго не своимъ взглядомъ и умомъ, а слушающаго и вѣрющаго лишь всякому наушнику. Я принимаю немилость начальства моего съ сокрушеннымъ сердцемъ и переношу ее со скорбью въ душѣ, утѣшаясь только одной мыслью, что совѣсть моя чиста предъ Богомъ и государемъ такъ, какъ дай Богъ, чтобы она была чиста у каждаго русскаго дворянина. Теперь вашему превосходительству извѣстно, почему я по сіе время не дѣлалъ представленія объ Андреевѣ. Меня отпустили какъ ненужнаго офицера, князь Эристовъ добился моего мѣста; но ежели изволите въ отсутствіи моемъ повторить предписаніе ваше, можетъ быть изволите получить формуляръ этого несчастнаго урядника, написанный добросовѣстно.

29 Августа 1848 года.

Нальчикъ.

Ваше Превосходительство
Павелъ Астафьевичъ!

Не нахожу словъ, чтобы благодарить ваше превосходительство за благосклонное письмо отъ 14 Февраля. Вѣрьте, что лестное вниманіе ваше и князя Михаила Семеновича ко мнѣ есть сильнѣйшій двигатель въ усердіи моемъ къ службѣ. Къ чему послужило бы это усердіе при затрудненіяхъ, мною встрѣчаемыхъ, ежели бы я не имѣлъ счастья пользоваться милостивымъ покровительствомъ вашего превосходительства. Я успѣлъ Анзаровыхъ остановить до выѣзда ихъ въ Тифлисъ и получилъ чрезъ командующаго войсками запрещеніе

впредь кабардинцевъ пускать въ Тифлисъ безъ предварительнаго разрѣшенія главнокомандующаго, что дало мнѣ теперь возможность имъ отказывать въ подобныхъ просьбахъ. Къ переселенію Анзаровыхъ я приступилъ. Собиралъ ихъ всѣхъ нѣсколько разъ къ себѣ и наконецъ въ судѣ, гдѣ окончательно объявилъ, что ежели они не будутъ переселяться, то я вынужденъ буду переселить ихъ силою. Много было преній и толковъ, и они обѣщались непремѣнно приступить къ переселенію немедленному. Я возложилъ наблюденіе за этимъ переселеніемъ на князей Мисостова и Хамурзина, ихъ владѣльцевъ. Переселеніе же ауловъ Селима и Хату Анзаровыхъ, по случаю отсутствія ихъ обоихъ, я возложилъ на родственника ихъ Батыръ-Бека Тамбіева. Несмотря на всѣ обѣщанія Анзаровыхъ, они по сіе время не приступаютъ къ переселенію. Ежедневно являются ко мнѣ депутаты отъ нихъ съ изложеніемъ новыхъ жалобъ на несправедливое будто бы въ этомъ дѣлѣ распоряженіе начальства и новыхъ препятствій къ переселенію. Нѣсколько разъ я имъ давалъ отсрочку, но 1-е Апрѣля назначилъ окончательнымъ срокомъ, и кажется, что необходимо будетъ устранить ихъ, подводя къ нимъ войска. Хотя въ Кабардѣ постоянно говорятъ, что они всѣ присягнули не сходить съ мѣстъ своихъ и драться до послѣдней крайности, но я почти навѣрное думаю, что появленіе войскъ заставитъ ихъ безъ сопротивленія переселиться. Я сейчасъ выѣзжаю въ Ставрополь, откуда полагаю возвратиться дня чрезъ четыре и тогда придвинуть къ аулу Тембота Анзарова на Лескенѣ изъ Ардона 1 баталіонъ Тенгинскій и два пѣшія гарнизонныя орудія чрезъ Ермоловскій просѣкъ, два конныя казачьи орудія изъ Уруха съ 2 сотнями линейныхъ казаковъ, одну роту и 1 сотню казаковъ изъ Нальчика. Мнѣ кажется, что видя такую массу войскъ, стягивающихся со всѣхъ сторонъ, они немедленно станутъ накладывать имущество на арбы. Я поставлю отрядъ верстахъ въ полутора отъ ауловъ, когда они вывезутъ все свое добро, я свалю сакли, но не полагаю даже нужнымъ предавать ихъ огню. Ежели бы, чего я не думаю, они рѣшились долѣе оказывать неповиновеніе, то я полагаю объявить вольность холопьямъ, которые немедленно выйдутъ. Тогда и предложить имъ вывесть женъ и дѣтей и послѣ этого уже открыть огонь изъ артиллеріи. Я долженъ доложить вашему превосходительству, что во всѣхъ переговорахъ съ Анзаровыми мнѣ много содѣйствовалъ Батыръ-Бекъ-Тамбіевъ. Вашему превосходительству извѣстно, что онъ подавалъ мнѣ рапортъ объ увольненіи его отъ должности судьи. Онъ, повидимому, полагалъ, что я его буду упрашивать оставаться. Но я предписалъ суду, согласно его желанію, избрать другаго на его мѣсто и распустилъ судъ на одинъ мѣсяцъ. Все это время Батыръ-Бекъ употребилъ на угощеніе князей и узденей его фамиліи (то есть фамиліи Мисостовыхъ), для того чтобы они просили меня его оставить въ судѣ, говоря, что достойнѣе его не находятъ; судъ объ

этомъ мнѣ донесъ рапортомъ, который я препроводилъ Батыръ-Беку въ доказательство того, что я исполнилъ его желаніе, и просилъ его донести мнѣ, остается ли онъ и засимъ въ прежнемъ намѣреніи. На это онъ отвѣтилъ, что желаетъ остаться въ судѣ. Теперь онъ очень хорошо себя ведетъ, усердно дѣйствуетъ въ мою пользу, и мы съ нимъ большіе друзья. О степени взаимной нашей довѣренности мы одни можемъ судить. Но все дѣйствуетъ хорошо, и болѣе этого нечего желать.

Я имѣлъ честь доводить до свѣдѣнія вашего превосходительства дѣйствія князя Эристова, клонящіяся къ тому, чтобы отнять у меня вѣсъ въ здѣшнемъ народѣ. Желалъ бы ошибаться, но, къ сожалѣнію, онъ поступаетъ такъ открыто, такъ дерзко, что много мнѣ портитъ. Въ прошломъ октябрѣ были пойманы въ Малой Кабардѣ два абрека изъ жителей Большой Кабарды. Князь Эристовъ отдалъ оружіе ихъ поимщикамъ, а имъ дозволилъ жить въ своихъ аулахъ на порукахъ у одного Анзарова, подъ секретъ отъ меня. Въ декабрѣ я узналъ объ этомъ, писалъ объ нихъ къ князю Эристову, онъ не отвѣчалъ. Я предписывалъ Анзарову мнѣ ихъ доставить; тотъ донесъ мнѣ, что онъ ихъ передалъ, по приказанію князя Эристова, приставу Малой Кабарды. Я опять пишу къ князю Эристову; онъ уѣхалъ въ Тифлисъ, и за отсутствіемъ его мнѣ отвѣтилъ подполковникъ Кулаковъ, что это дѣйствительно было сдѣлано по приказанію князя Эристова. Я сталъ требовать отъ Кулакова, чтобы онъ мнѣ этихъ людей представилъ, потому что я имѣю руководство, какъ поступать съ абреками, и спрашивалъ у князя Эристова, почему онъ не увѣдомляетъ меня о подобныхъ происшествіяхъ. На это онъ мнѣ отвѣчалъ, что, не состоя въ вѣдѣніи моемъ, такъ какъ начальникъ Малой Кабарды, онъ не считаетъ себя обязаннымъ отдавать мнѣ отчета въ томъ, что случается въ Малой Кабардѣ. Я донесъ объ этомъ генералу Завадовскому. Его превосходительство предписалъ князю Эристову немедленно абрековъ этихъ мнѣ представить. Тогда онъ ихъ отправилъ въ немирную Чечню и донесъ генералу Завадовскому, что они отправились для выкупа плѣннаго моздокскаго армянина и немедленно по возвращеніи будутъ доставлены. Вотъ уже мѣсяцъ, какъ одинъ изъ нихъ опять живетъ въ своемъ аулѣ въ Большой Кабардѣ, по приказанію князя Эристова, безъ вѣдома моего. Я его сталъ требовать отъ князя Эристова, на что онъ мнѣ доноситъ, что одинъ изъ нихъ еще не возвратился изъ Чечни, а другой выкупилъ одного казака Горскаго полка, почему онъ вошелъ съ представленіемъ прямо отъ себя къ командующему войсками о своевременномъ освобожденіи его отъ взысканія. На дняхъ я получилъ предписаніе его превосходительства о водвореніи абрека этого на жительство въ аулъ, для того чтобы азіаты вѣрили слову русскаго полковника.

Ваше превосходительство изволите согласиться, что князю Эристову не было

никакого слѣда вмѣшиваться въ это дѣло, и что онъ, обѣщавшись противозаконно, сдержалъ свое слово, а я, не отступая отъ правилъ службы, себя передъ кабардинцами скомпрометировалъ. Одинъ кабардинецъ Березговъ бѣжалъ и былъ объявленъ абрекомъ еще предмѣстникомъ моимъ. Одинъ изъ почетныхъ кабардинцевъ, явясь ко мнѣ, объявилъ, что Березговъ при побѣгѣ увелъ у него лошадь, и теперь живетъ безнаказанно въ Малой Кабардѣ. Я его пустилъ къ Березгову за лошадью. Кабардинецъ возвращается ко мнѣ съ отвѣтомъ, что Березговъ обѣщалъ ему привесть лошадь его изъ непокорной Чечни, на что хотѣлъ просить билетъ у князя Эристова. Тогда я пишу къ князю Эристову объ этомъ и предписываю Березгова доставить ко мнѣ и меня увѣдомить, почему онъ опять держитъ въ Малой Кабардѣ четыре мѣсяца абрека, не увѣдомляя меня объ этомъ. Князь Эристовъ отвѣчалъ, что онъ не обязанъ мнѣ отдавать отчета въ дѣйствіяхъ своихъ по Малой Кабардѣ, что ежели бы нашелъ нужнымъ послать Березгова въ Чечню, то пошлетъ, ни у кого не спрашивая на то разрѣшенія, что впрочемъ Березговъ изъявилъ желаніе поселиться въ Малой Кабардѣ. Я донесъ объ этомъ генералу Завадовскому. Теперь князь Эристовъ мнѣ доноситъ, что хотя по приказанію командующаго войсками генералъ Нестеровъ и предписываетъ ему Березгова представить ко мнѣ, но онъ вошелъ объ немъ съ особымъ представленіемъ къ генералу Завадовскому прямо отъ себя, о прощеніи Березгова, потому что онъ выкупилъ плѣннаго казака. Я еще не получилъ на это разрѣшенія, но Березгова имѣніе давно уже описано, и холопьямъ объявлена вольность. Ежели мнѣ велѣно будетъ опять этихъ холопей ему отдать, то ваше превосходительство сами изволите видѣть, до какой степени это уничтожитъ ко мнѣ довѣренность кабардинцевъ и усилитъ здѣсь увѣреніе, что во всѣхъ трудныхъ случаяхъ они должны обращаться мимо меня къ князю Эристову.

Я имѣлъ честь писать вашему превосходительству, что назначеніе мое многимъ здѣсь не нравится. Ежели бы недовольные ограничивались личнымъ негодованіемъ, тутъ не было бы бѣды, но, по несчастію, отъ этого терпитъ служба, какъ изволите усмотрѣть изъ слѣдующихъ случаевъ. Въ прошломъ сентябрѣ мѣсяцѣ я прибылъ въ г. Пятигорскъ, гдѣ была тогда княгиня Воронцова; оставался тамъ двое сутокъ. Никто изъ тѣхъ, которые обязаны ко мнѣ были явиться съ рапортами о состояніи частей своихъ, не показались мнѣ, ни командиръ полубаталіона линейнаго, ни командиры рабочей и инвалидной роты, ни смотритель госпиталя, и никто изъ управленія пятигорскаго коменданта. Выѣхавъ тогда изъ города, я просилъ полковника принца отношеніемъ предписать на будущее время всѣмъ начальникамъ частей, въ вѣдѣніи моемъ состоящимъ, въ случаѣ моего пріѣзда непремѣнно ко мнѣ являться съ рапортами. Съ тѣхъ поръ, избѣгая этихъ встрѣчъ, я проѣзжалъ черезъ Пятигорскъ всегда

ночью. На дняхъ я долженъ былъ инспектировать пятигорскій госпиталь, и предваривъ о своемъ пріѣздѣ, былъ встрѣченъ командиромъ казачьей бригады и Донскаго полка и смотрителемъ госпиталя; прибывъ въ городъ съ вечера, я тотчасъ увѣдомилъ о прибытіи своемъ комендантское управленіе, и окончивъ смотръ на другой день уже поздно вечеромъ, выѣхалъ, но не дождался никого изъ начальниковъ частей съ рапортами.

1-го Октября прошлаго года я сдѣлалъ распоряженіе о прикрытіи Георгіевской ярмарки, назначивъ два орудія и 80 человѣкъ линейнаго № 5 баталіона. Прибывъ на ярмарку, гдѣ войсками командовалъ подполковникъ Иловайскій, я былъ крайне встревоженъ, увидавъ орудія безъ прикрытія среди ярмарки. Иловайскій объяснилъ мнѣ, что къ нему изъ баталіона адъютантъ не явился, и на многократныя его требованія послѣдовалъ одинъ только отвѣтъ, что въ баталіонѣ нѣтъ людей. Желая выиграть время, покуда этотъ недостатокъ въ людяхъ объяснится, я послалъ нарочнаго въ ст. Горячеводскую, чтобы оттуда форсированнымъ маршемъ рота линейнаго № 5 баталіона прибыла въ Георгіевскъ, а вмѣсто нея изъ Ессентуковъ пришла бы рота Кубанскаго егерьскаго полка. Егеря пришли, а линейная рота не выступила. Въ то же время командиръ баталіона, подполковникъ Сулимовскій, прямо отъ себя просилъ командующаго войсками усилить Георгіевскій гарнизонъ одною ротою. Получивъ объ этомъ предписаніе отъ командующаго войсками, который представлялъ мнѣ назначеніе этой роты, я немедленно предписалъ ротѣ егерей, прибывшей изъ Ессентуковъ, оставаться въ Горячеводскѣ для содержанія карауловъ въ Пятигорскѣ, а линейной ротѣ приказалъ оставаться въ Георгіевскѣ. Черезъ двѣ недѣли я былъ крайне удивленъ, узнавъ, что линейный баталіонъ этого передвиженія не исполнилъ. Я повторилъ предписаніе ротѣ выступить изъ Горячеводской станицы, на что мнѣ ротный командиръ доноситъ рапортомъ, что подполковникъ Сулимовскій ему предписалъ не выступать. Прошло еще двѣ недѣли. Въ станицѣ столпились три роты. Несмотря на многократныя мои подтвержденія, Сулимовскій не вывелъ роты, не объясняя мнѣ даже причины такого ослушанія. Я возвратилъ егерей въ Ессентуки и донесъ формально объ этомъ генералу Завадовскому. Между тѣмъ Сулимовскій прямо отъ себя сдѣлалъ представленіе, и велѣно мнѣ, по случаю прибывшихъ изъ разныхъ мѣстъ въ Георгіевскъ людей, линейнаго баталіона оставить роты на прежнихъ мѣстахъ. Во время ярмарки я прожилъ трое сутокъ въ Георгіевскѣ и никого не могъ дождаться съ рапортами: ни воинскаго начальника, ни командира баталіона, ни даже его адъютанта или вѣстоваго отъ него. При выѣздѣ я за это сдѣлалъ выговоръ воинскому начальнику и подполковнику Сулимовскому въ приказѣ по Центру. На дняхъ я прибылъ въ Георгіевскъ для инспектированія госпиталя, наканунѣ предваривъ о прибытіи своемъ воинскаго начальника чрезъ

нарочнаго. Ко мнѣ явился плацъ-адъютантъ безъ рапорта, объяснивъ, что воинскій начальникъ боленъ. Я его послалъ къ подполковнику Сулимовскому съ приказаніемъ пожаловать ко мнѣ лично или прислать адъютанта своего и кромѣ того прислать ординарца и вѣстоваго. Подполковникъ Сулимовскій подписалъ строевой рапортъ и прославъ его съ штабсъ-капитаномъ своего баталіона, запрегъ лошадей и уѣхалъ въ Пятигорскъ въ моихъ глазахъ. Адъютантъ вмѣсто себя прислалъ другаго офицера. О всѣхъ этихъ безпорядкахъ я оффиціально доношу командующему войсками, и получивъ отъ его превосходительства разрѣшеніе, сейчасъ ѣду въ Ставрополь лично обо всемъ доложить.

Я утомляю ваше превосходительство подробностями, которыя походятъ на сплетни, но считаю долгомъ довести обо всемъ этомъ до свѣдѣнія вашего превосходительства. Рапортъ былъ бы можетъ быть непріятенъ вашему превосходительству, и было бы это отступленіемъ отъ порядка службы. Ваше превосходительство сами изволите согласиться, что усердіе мое ничего не значитъ среди господствующей здѣсь анархіи. Ежели начальству не угодно будетъ сильными мѣрами положить безпорядкамъ конецъ, то въ случаѣ несчастія весь отвѣтъ падетъ на меня, но я не о себѣ боюсь: совѣсть моя чиста; а я для приведенія всего въ порядокъ дѣлалъ все то, что умѣлъ. Малѣйшее возстаніе въ туземцахъ погубитъ весь край, потому что нѣтъ никакой возможности начальнику дѣйствовать успѣшно тамъ, гдѣ никто не хочетъ повиноваться, а ежели уже войска выйдутъ изъ повиновенія, то я не знаю, къ чему прибѣгнуть въ случаѣ крайности. Меня могутъ судить и справедливо на меня обрушить все дурное, я пропаду, но правительство этимъ ничего не выиграетъ, потому что тѣ же безпорядки будутъ продолжаться.

Милостивый Государь
Николай Петровичъ!

Я не отвѣчалъ вамъ чрезъ нарочнаго вашего, потому что имѣлъ въ виду скорый отъѣздъ въ Кабарду г. Кодзакова, съ которымъ посылаю это письмо. Съ особеннымъ нетерпѣніемъ ожидаю извѣстія о переселеніи ауловъ Анзаровскихъ. Дай Боже, чтобы вамъ не нужно было прибѣгнуть къ вооруженной силѣ и къ мѣрамъ строгости. Я надѣюсь съ вами, что, видя массу людей, кабардинцы опомнятся, и что все обойдется благополучно. Во всякомъ случаѣ намъ уступить невозможно.

Весьма радъ, что Батыръ-Бекъ сошелся съ вами по крайней мѣрѣ по наружности, болѣе требовать нельзя.

Все, что вы пишете насчетъ дѣйствій князя Эристова, крайне меня изумило. Я привыкъ видѣть въ немъ человѣка благонамѣреннаго и добросовѣст-

наго, и мнѣ весьма жаль, если долженъ буду перемѣнить свое мнѣніе. Что же касается до неповиновенія, встрѣченнаго вами въ командирѣ № 5 баталіона и въ Пятигорскѣ, то я не понимаю, какъ оно могло имѣть мѣсто, и конечно генералъ Завадовскій, узнавши объ этомъ, приметъ строжайшія мѣры, чтобы оно впредь не случилось, взыскавъ вмѣстѣ съ тѣмъ съ виновныхъ. Всѣ распоряженія по Центру должны идти чрезъ васъ, и если кто позволитъ себѣ дѣйствовать иначе, то онъ подвергнется строгой отвѣтственности; отъ васъ это зависитъ, вы начальникъ.

Г. Кодзаковъ ѣдетъ для свиданія съ отцомъ, передъ выѣздомъ сего послѣдняго въ Мекку; г. главнокомандующій воспользовался этимъ, чтобы дать Кодзакову порученіе дѣйствовать въ своемъ кругу на кабардинцевъ, такъ какъ молодой человѣкъ этотъ весьма хорошо видитъ вещи и притомъ весьма неглупый. Онъ можетъ быть полезенъ и вамъ, тѣмъ болѣе, что онъ уже и прежде былъ вамъ извѣстенъ, какъ онъ мнѣ сказалъ.

Желаю вамъ отъ души успѣха и здоровья; остаюсь навсегда преданный вамъ Павелъ Коцебу.

4-го Апрѣля 1848 года.

Тифлисъ.

Письма кн. М. С. Воронцова барону А. Е. Врангелю, 1845-1854 гг.

Конфиденціально.

Милостивый Государь,
Баронъ Александръ Евстафьевичъ,

Нѣсколько времени тому назадъ, исполняя желаніе Вашего Превосходительства, я перевелъ изъ Кубы Князя Тарханова-Моуравова уѣзднымъ начальникомъ въ Шемаху. Начальникъ Гражданскаго Управленія обьяснилъ мнѣ, что было бы полезно, для пользы службы, перевесть Г. Кулебякина изъ Карабаха въ Шемаху, а Князя Тарханова-Моуравова на его мѣсто.

Не давая предположенію этому никакого хода, я покорнѣйше прошу Васъ сообщить мнѣ по оному Ваше мнѣніе со всею откровенностію. Нужнымъ однакоже считаю присовокупить, что бывшій посланникъ нашъ въ Персіи Графъ Медемъ и Генеральный Консулъ въ Тавризѣ Г. Озеровъ, отзывались постоянно съ отличной стороны о Г. Кулебякинѣ и оставались довольны его сношеніями.

Это они сообщили лично сыну моему во время бытности его нынѣшнимъ лѣтомъ въ Тагеранѣ и Тавризѣ.

Примите увѣреніе въ совершенномъ моемъ почтеніи и преданности.

22 Декабря 1845. *К. М. Воронцовъ.*

Тифлисъ.

Тифлисъ 14 Февраля 1846.

Любезный Александръ Евстафьевичъ Вы увидите изъ оффиціяльныхъ бумагъ, что я вынужденнымъ нашелъ вслѣдствіе послѣднихъ безпорядковъ и убійствъ въ Нухѣ, отправить туда для принятія начальства какъ гражданскаго такъ и военнаго Полковника Князя Мухранскаго. Положеніе этого уѣзда и самаго города слишкомъ важно чтобы не приступить къ какой либо особой мѣрѣ; далѣе мы посмотримъ должно ли тамъ оставить уѣзднымъ начальникомъ Князя Мухранскаго или нѣтъ и куда можно будетъ помѣстить теперешняго уѣзднаго начальника г. Синожицкаго. По таковымъ же безпорядкамъ и грабительствамъ въ Ганжѣ, я посылаю туда управлять уѣздомъ Князя Илью Орбеліана, лично мнѣ извѣстнаго какъ достойнѣйшаго офицера и человѣка во всѣхъ отношеніяхъ. Колюбякинъ же который теперь здѣсь отправляется къ своему мѣсту въ Понедѣльникъ. Всѣ три эти уѣздные начальники здѣсь соглашаются насчетъ мѣръ, которыя единовременно принять должно для водворенія спокойствія и арестованія преступниковъ во всѣхъ трехъ уѣздахъ. Теперь позвольте мнѣ съ полною отровенностью и душевнымъ къ Вамъ уваженіемъ поговорить съ Вами насчетъ одного человѣка, служащаго при Васъ, насчетъ котораго общее всѣхъ мнѣніе самое дурное. Вы догадаетесь что я говорю о г. Штукинѣ. При свиданіи нашемъ въ Закаталѣ, Вы мнѣ сказали, что Вы въ немъ увѣрены; при Вашихъ правилахъ, благородствѣ и по уму Вашему, естьли бы Вы г. Штукина давно знали и нѣсколько лѣтъ съ нимъ служили я бы остался спокойнымъ и могъ бы думать что общіе о немъ слухи неосновательны, но Вы съ нимъ тогда еще были знакомы нѣсколько мѣсяцевъ, а вся Грузія и много здѣсь самыхъ почетныхъ людей знаютъ его давно и имѣютъ о немъ самое дурное мнѣніе. Бога ради остерегитесь и выберите себѣ въ Правителя Канцеляріи, чиновника болѣе надежнаго и болѣе достойнаго служить при Васъ. Я это говорю Вамъ какъ человѣкъ истинно Васъ любящій и истинно Васъ почитающій, можно будетъ пока найти для г. Штукина другое мѣсто гдѣ онъ не будетъ такъ вреденъ по важнѣйшимъ дѣламъ службы и отъ него будетъ зависѣть взять такое направленіе которое бы могло поправить его репутацію и обезпечить будущую его судьбу. Прошу Васъ убѣдительнѣйше быть увѣреннымъ что я пишу Вамъ сіе и по дружбѣ къ Вамъ и по непремѣнному долгу моему по

службѣ. Ввѣривъ мнѣ полную власть въ здѣшнемъ краѣ Государь требуетъ отъ меня полной отвѣтственности и по службѣ и морально за все что здѣсь дѣлается сколько отъ меня зависѣть можетъ. Я не могу въ семъ случаѣ безъ явнаго преступленія противъ долга моего не сказать Вамъ здѣсь все вышеизложенное и остаюсь въ полной надеждѣ что Вы отдавая справедливость моимъ чувствамъ, послѣдуете моему совѣту хотя до сихъ поръ Вы еще остаетесь въ прежнемъ насчетъ г. Штукина мнѣніи.

Прощайте любезный Александръ Евстафьевичъ съ истиннымъ и душевнымъ уваженіемъ остаюсь навсегда

Преданный Вамъ
М. Воронцовъ.

Любезнѣйшій Баронъ Александръ Евстафьевичъ,

Полученный съ послѣднею почтою отъ Васъ рапортъ, объ увольненіи Васъ вовсе отъ службы, меня очень потревожилъ. Я никакъ не могъ думать, чтобы Вы захотѣли оставить Вашу полезную службу и кажется, не имѣете къ тому никакого повода. Не думаю, чтобы въ сношеніяхъ моихъ съ Вами или распоряженіяхъ, Вы имѣли причины быть мною недовольны, а тѣмъ болѣе искать удаленія отъ занимаемаго Вами мѣста.

Можетъ быть, Вамъ непріятна была, посылка въ Шекинскій уѣздъ, Полковника Мухранскаго. Получая безпрестанно и со всѣхъ сторонъ донесенія и свѣдѣнія о разбояхъ и грабежахъ въ Шекинскомъ и Елизаветпольскомъ уѣздахъ, я долженъ былъ облегчить собственныя Ваши распоряженія и принять мѣры, которыя Вы при всемъ желаніи не имѣете средствъ сдѣлать. Въ Елизаветпольскій уѣздъ я послалъ князя Орбельяна, а въ Шекинскій Мухранскаго, и какъ Вы знаете, только на время и вѣроятно, не далѣе прибытія моего въ Шемаху. Въ этомъ распоряженіи не заключалось недовѣріе къ Вашему управленію, а напротивъ, желаніе Вамъ пособить.

По дѣлу, объ убійствѣ Баядерки Бани, я ничего отъ Васъ не скрывалъ и тотъ часъ сообщилъ Вамъ всѣ тѣ свѣдѣнія, которыя получилъ отъ жандармовъ. Получивъ первое донесеніе Ваше, по этому предмету, я тотчасъ разрѣшилъ Васъ, освободить Шарали Бека; но давая (что всякой долженъ сдѣлать на моемъ мѣстѣ) ходъ донесеніямъ жандармовъ, я не оставлю безъ вниманія, тѣхъ ихъ донесеній, которыя оказываются несправедливыми, и теперь же сообщаю Графу Орлову всю переписку по этому дѣлу.

О Секретарѣ Вашей Канцеляріи Штукинѣ, я сообщилъ Вамъ мое откровенное мнѣніе и вмѣстѣ съ тѣмъ, немедленно исполнилъ желаніе Ваше, о назначеніи его въ Кубу Уѣзднымъ Судьею.

Вотъ всѣ тѣ дѣла, которыя могли показаться для Васъ непріятными, но я откровенно долженъ сказать, что въ нихъ я не вижу ничего, что бы могло показать Вамъ какое либо съ моей стороны неудовольствіе или недовѣріе.

Если же дѣйствительно здоровье Ваше такъ разстроено, что Вы не можете продолжать службы, то я не могу объ этомъ душевно не жалѣть; но и здѣсь можно не оставляя службы, отдохнуть нѣсколько мѣсяцевъ и полѣчиться.

Если Вамъ нуженъ будетъ отпускъ, для поѣздки на воды или куда нибудь для отдохновенія, то я немедленно исполню Ваше желаніе и готовъ съ своей стороны, доставить Вамъ всѣ зависящія отъ меня средства, къ поправленію Вашего здоровья. Надѣюсь, любезнѣйшій Баронъ Александръ Евстафьевичъ, что Вы не лишите меня удовольствія, продолжать служить вмѣстѣ съ Вами. На Фоминой недѣлѣ, я располагаю отправиться изъ Тифлиса въ Шемаху. При личномъ свиданіи, мы больше объ этомъ поговоримъ, а между тѣмъ, примите увѣреніе душевнаго моего къ Вамъ почтенія и преданности.

Марта 1846 г. *К. М. Воронцовъ.*

Тифлисъ.

Тифлисъ 30 Марта 1846 г.

Письмо Ваше любезнѣйшій Александръ Евстафьевичъ отъ 22 сего марта, доставило мнѣ истинное удовольствіе. Очень радъ, что Вы убѣдились въ томъ, что я не переставалъ имѣть къ Вамъ то довѣріе, которое я Вамъ оказалъ, съ самаго вступленія Вашего въ должность Областнаго Начальника, и котораго я не могу не имѣть, къ человѣку мною уважаемому. Будьте увѣрены, что если я и встрѣтилъ бы что либо въ дѣйствіяхъ Вашихъ, несообразное съ моими мыслями, или съ тѣмъ направленіемъ которое я стараюсь дать дѣламъ, то я тотчасъ дамъ Вамъ знать о томъ, со всею откровенностію. Надѣюсь также, что изъ отвѣтовъ моихъ Генералъ маіору Прещееву и изъ послѣднихъ распоряженій на счетъ его квартированія Вы увидѣли, сколько я готовъ содѣйствовать къ исполненію Вашихъ желаній и къ доставленію средствъ, для успѣшнаго хода ввѣренныхъ Вамъ дѣлъ.

Надѣюсь въ скоромъ времени имѣть удовольствіе лично видѣть Васъ, а до того, вѣрьте почтенію и преданности съ коими остаюсь.

Преданный Вамъ М. Воронцовъ.

Тифлисъ 10 Іюня 1846.

Любезный Баронъ Александръ Астафьевичъ. Строки эти вручитъ Вамъ Архитекторъ Камбсаджи назначенный въ Шемаху. Поручаю его Вашему покрови-

тельству; онъ человѣкъ усердный, знающій и будетъ Вамъ весьма полезенъ; я увѣренъ, что Вы будете совершенно довольны такимъ пріобрѣтеніемъ.

Прощайте любезный Александръ Астафьевичъ, остаюсь навсегда

душевно Вамъ преданный

К. М. Воронцовъ.

*) Еще тысячу разъ благодарю васъ за всѣ ваши одолженія — дружескія ваши пріемы, я о темъ теперь разрешаю и представляю все возможное по представленіямъ и желаніямъ вашимъ.

Владикавказъ 2 Іюля 1846.

Любезный Александръ Евстафьевичъ. Я получилъ изъ Тифлиса копію съ рапорта Вашего къ Начальнику Гражданскаго Управленія и распоряженій Вашихъ по полученію рапорта исправляющаго должность Шекинскаго Уѣзднаго Начальника и записки отъ Полковника Куткашинскаго.— Очень жаль, что эти господа посылаютъ въ видѣ достовѣрныхъ извѣстій одни пустые слухи, которые должны даже по числамъ оказаться неправдоподобными. Когда Куткашинскій ждалъ Шамиля въ Нуху, Шамиль обозрѣвъ свои границы, уже былъ на возвратномъ пути домой и ничего не думалъ предпринять; между тѣмъ ненужнымъ собираніемъ милиціи, всегда производится дурное дѣйствіе и это увеличиваетъ въ народѣ важность предпріятія непріятеля, который самъ болѣе ожидаетъ отъ насъ атаки, нежели противъ насъ дѣйствовать, съ другой стороны Вамъ трудно не давать вѣры извѣстіямъ Вамъ присылаемымъ и не брать мѣры противъ неожиданныхъ покушеній, но для того есть одинъ способъ, это быть въ постоянныхъ сношеніяхъ съ начальниками отрядовъ и особливо съ княземъ Аргутинскимъ который ближе всего къ Вамъ; всегда акуратно знаетъ о движеніяхъ и намѣреніяхъ непріятеля и по своей позиціи около Кумуха, можетъ дѣйствовать въ тылъ всякому покушенію на наши границы и особливо на Нуху; я ему пишу чтобы онъ всегда Вамъ давалъ знать въ случаѣ чего либо важнаго и естьли нужно то съ нарочнымъ; я надѣюсь что теперь Вы уже получили настоящія извѣстія, и что Вы успокоили край и между прочимъ Бакинскій уѣздъ, куда также было написано что Шамиль идетъ на Мусульманскія провинціи.—Здѣсь у насъ слухи о сборахъ Шамиля въ большой Чечнѣ, и пока дѣло это не обьяснится я остался въ Владикавказѣ какъ въ центральномъ пунктѣ, для полученія извѣстій и дѣланія нужныхъ распоряженій. Я полагалъ что естьли есть сборы, то они не иначе бросятся какъ на Кумукскую плоскость. Въ малой Чечнѣ, до третьевошнаго дня, совершенно ничего не было; мы спокойно заняли мѣсто на правомъ берегу Фортанги, выбрали самую луч-

*) Писано рукой кн. М. С. Воронцова.

шую мѣстность для укрѣпленія и заложили оное и почти безъ выстрѣла. Оставивъ Генерала Лабинцова довершать начатое дѣло, я воротился сюда не встрѣтивъ ни одного непріятеля.

Прощайте любезный Александръ Евстафьевичъ. Надѣюсь что здоровіе Ваше держится хорошо; оно нужно для важной части края Вами управляемой. Покорнѣйше благодарю за трудъ, который Вы приняли на себя насчетъ лошади, и буду ожидать извѣстія о томъ отъ Колюбякина; покорнѣйше Васъ благодарю также за всѣ прочіе дружескіе труды Ваши для меня и для жены моей.

Остаюсь навсегда
Преданный Вамъ
К. М. Воронцовъ.

Кисловодскъ 17 Августа 1846.

Любезнѣйшій Баронъ Александръ Евстафьевичъ! Возвращаю Вамъ присланныя Вами мнѣ оффиціальныя предписанія Генерала Ладинскаго, насчетъ сбора милиціи. Видя по числамъ и времени, что Вы сдѣлали рѣшительное распоряженіе о сборѣ милиціи, по запискѣ полученной Вами отъ Куткашинскаго; я полагаю, что въ этомъ дѣлѣ вышло недоразумѣніе, которое теперь окончилось безъ всякихъ послѣдствій. По послѣднимъ извѣстіямъ, въ горахъ все довольно спокойно и можно надѣяться, что послѣ блистательнаго дѣла князя Аргутинскаго и подвига храбрыхъ тушинъ, Лезгинская Линія можетъ быть покойна, по крайней мѣрѣ на нѣкоторое время.

Надѣюсь, что здоровье Ваше хорошо и что Вы перенесли довольно сильныя бывшія жары.

Прощайте любезнѣйшій Баронъ Александръ Евстафьевичъ, остаюсь навсегда

Преданный вамъ
К. М. Воронцовъ.

*) Здѣсь у насъ все идетъ хорошо въ Малой Чечнѣ лутчія жители показываютъ толь сильную наклонность покориться и переселиться къ намъ что Шамиль нашолъ необходимымъ прислать доверенныхъ наибовъ съ Мюридами принуждать Чеченцовъ переходить въ горы и теперь для сего жгутъ у нихъ запасы и даже цѣлые аулы. Таковые мѣры ослабляя власть и согласіе у непріятеля нашего не могутъ кромѣ того быть постоянными и послѣдствія должны для насъ быть выгодными.

М. В.

*) Писано рукой кн. М. С. Воронцова.

24 Августа 1846 г. Кисловодскъ.

Любезнѣйшій Баронъ Александръ Евстафьевичъ! Вмѣстѣ съ симъ Вы получите отъ меня официальную бумагу, о преданіи суду бывшаго засѣдателя Орженикидзе и объ обращеніи вниманія на дѣйствія производившаго слѣдствіе засѣдателя Шекинскаго суда Чернецкаго. Сдѣлайте одолженіе обратите особенное Ваше вниманіе на это дѣло, о которомъ я неоднократно слышалъ при проѣздѣ моемъ чрезъ Шекинскій уѣздъ. Не знаю, довольны ли Вы службою Чернецкаго, но многіе изъ бѣковъ, мнѣ жаловались на пристрастныя его дѣйствія, въ особенности по дѣлу Орженикидзе. Прощайте любезнѣйшій Баронъ Александръ Евстафьевичъ! *Остаюсь навсегда*

Преданный вамъ
М. Воронцовъ.

Лагерь при укр. Ачхоѣ. 8 Октября 1846 г.

Любезный Баронъ Александръ Евстафьевичъ. Я получилъ увѣдомленіе отъ Князя Чернышева, что Государь Императоръ Всемилостивѣйше соизволилъ на увольненіе Ваше въ отпускъ за границу для излеченія болѣзни на шесть мѣсяцевъ, съ сохраненіемъ во время этого отпуска всего содержанія, нынѣ Вами получаемаго. Скажите мнѣ сдѣлайте милость, остаетесь ли Вы въ своемъ намѣреніи воспользоваться этимъ отпускомъ, но во всякомъ случаѣ позвольте мнѣ надѣяться, что отсутствіе Ваше будетъ непродолжительно и что по истеченіи срока Вы возвратитесь къ нынѣ занимаемому Вами мѣсту, гдѣ Вы уже успѣли сдѣлать столь много полезнаго, гдѣ пріобрѣли всеобщую любовь и уваженіе и на которомъ я не желалъ бы видѣть никого кромѣ Васъ.—Вмѣстѣ съ увѣдомленіемъ о Вашемъ отпускѣ, Князь Чернышевъ пишетъ мнѣ, что предварительно Государь желаетъ знать кому бы я полагалъ поручить управленіе Каспійскою областію.—По нахожденію въ вѣдѣніи Областнаго Начальника много военныхъ частей, лице это непремѣнно должно быть военнаго а не гражданскаго вѣдомства, а между тѣмъ нельзя назначить туда Полковника, по случаю занятія нѣкоторыхъ должностей въ области Статскими Совѣтниками; и потому я полагаю предложить принять эту должность Генералъ-Маіору Каханову знающему хорошо этотъ край,—и о томъ ему сегодня пишу; но по полученіи отъ него согласія, представлю Государю Императору на утвержденіе.

Прощайте любезный Александръ Евстафьевичъ, я все надѣюсь что Вы обрадуете меня извѣстіемъ, что по истеченіи 6-ти мѣсячнаго срока, Вы возвратитесь къ Вашему мѣсту; желаю отъ души, чтобъ здоровье Ваше совершенно поправилось, и прошу принять увѣреніе въ душевномъ моемъ уваженіи и преданности.

К. М. Воронцовъ.

Милостивый Государь,
Баронъ Александръ Евстафьевичъ.

Я получилъ письмо Ваше отъ 21-го Марта и вмѣстѣ съ тѣмъ прошеніе на Высочайшее имя объ увольненіи Васъ въ отставку.

Можете себѣ представить какъ мнѣ было прискорбно, получить извѣстіе о худомъ состояніи Вашего здоровья, требующемъ продолженія пребыванія Вашего за границею, съ другой стороны меня очень обрадовало желаніе Ваше продолжать по выздоровленіи службу Вашу со мною. Думаю, что Вы отправили ко мнѣ прошеніе объ отставкѣ прежде полученія моего письма, въ которомъ я просилъ Васъ возвратиться къ прежнему Вашему мѣсту, изъясняя, что мнѣ всегда будетъ пріятно служить съ Вами.

Основываясь на этомъ, я пріостановился отсылкою просьбы Вашей по принадлежности и поспѣшаю опять повторить душевное мое желаніе, чтобы Вы по выздоровленіи возвратились къ мѣсту Шемахинскаго Военнаго Губернатора. Если Вы имѣете нужду по совѣту докторовъ остаться еще нѣкоторое время за границею, то я покорнѣйше прошу Васъ, поспѣшить увѣдомить меня о томъ, дабы я тотъ часъ могъ ходатайствовать у Государя Императора о продолженіи Вамъ отпуска на извѣстное время съ сохраненіемъ окладовъ.

Примите увѣреніе въ совершенномъ моемъ почтеніи и преданности.

Апрѣля 1847 года. *К. М. Воронцовъ.*

Тифлисъ.

На оборотѣ письма:

A Son Excellence
Monsieur le Baron de Wrangel.
à Bopart sur le Rhin.

Тифлисъ 2 Апрѣля 1848.

Любезный Александръ Евстафьевичъ; письмо сіе отдастъ вамъ полковникъ Славичь, который отправляется къ вамъ по дѣлу дороги изъ Аксу въ Шемаху; дай Богъ чтобы его предположеніе удалось и чтобы моя надежда, о семъ, усилилась когда я пріѣду къ вамъ, т. е. 27 или 28 числа сего мѣсяца. Я еще вамъ напишу какъ скоро мы будемъ увѣрены объ отъѣздѣ и дамъ вамъ знать также, въ который день прибудутъ къ вамъ Княгиня съ Княземъ Бебутовымъ. Въ ожиданіи пріятнѣйшаго съ вами свиданія, остаюсь навсегда.

Преданный вамъ
М. Воронцовъ.

Воздвиженская 18 Іюля 1848 г.

Я долженъ тысячу разъ благодарить Васъ любезный Александръ Евстафьевичъ, за письмо Ваше отъ 23 Іюня, и вмѣстѣ съ тѣмъ просить у Васъ извиненія что немного поздно на оное отвѣчаю. Я оное получилъ въ самое у насъ горячее время по дѣламъ здѣшнимъ и Гергебильскимъ и нѣсколько дней оно было затеряно между другими бумагами; мнѣ тѣмъ болѣе досадно, что Вы отъ этого остались въ неизвѣстности какъ поступить съ Трухменскими лошадьми и могли думать что я ими не очень интересуюсь, тогда когда напротивъ того я уже три года съ жадностью желалъ имѣть Трухменскихъ жеребцовъ, и истинно обрадованъ что теперь двухъ имѣю.— Покорнѣйше благодарю Васъ за это хорошее извѣстіе и за Ваше объ нихъ попеченіе. Сдѣлайте милость препроводите ихъ съ вѣрными людьми по найму въ Тифлисъ, адресуя ихъ къ князю Бебутову, а ежели бы онъ былъ въ отсутствіи, то Полицмейстеру Подполковнику Шостаку; имъ объ этомъ сообщено и тотъ и другой немедленно удовлетворятъ по Вашему назначенію людей которые ихъ приведутъ и за хорошій приводъ сдѣлаютъ еще подарокъ. Васъ же покорнѣйше прошу заплатить все что должно Айвазову за выписку и за приводъ изъ Баки въ Шемаху.— Эту сумму также Вамъ заплатитъ князь Бебутовъ, котораго я прошу взять на это деньги у казначея Беляева, у котораго кромѣ казенныхъ лежатъ и мои собственныя деньги. —Сдѣлайте милость не жалѣйте ничего для благополучнаго ихъ привода въ Тифлисъ и чтобы на дорогу было все что нужно и все къ чему можетъ быть привыкли Трухменскіе лошади.—Дабы Вы получили это письмо скорѣе, посылаю оное съ оказіею 20 числа, и дупликатъ черезъ Шуру и Дербентъ. Я увѣренъ, что Вы были обрадованы полнымъ и скорымъ успѣхомъ нашихъ дѣйствій въ Гергебилѣ. — Князь Моисей Захаровичъ превосходно повелъ это дѣло и употребилъ такіе способы, что никакой гарнизонъ не могъ бы устоять; я увѣренъ былъ, что онъ Гергебиль возметъ, но не смѣлъ надѣятся, что это будетъ такъ скоро. — Результатъ этотъ во всѣхъ горахъ и здѣсь въ Чечнѣ славно намъ помогаетъ; у непріятеля вездѣ страхъ и уныніе, а у насъ руки развязаны для всего, что еще можемъ сдѣлать полезнаго, необходимо было только взятіе Гергебиля. Для меня собственно это тѣмъ болѣе пріятно, что я могу надѣяться наконецъ послѣ 3-хъ лѣтняго отсутствія, побывать нѣсколько времени на Южномъ берегу Крыма.—Въ первыхъ числахъ Августа начавъ что мнѣ покажется нужно въ Чечнѣ, я поручу отрядъ Генералъ-Маіору Нестерову и отправлюсь въ Кисловодскъ и на правой флангъ гдѣ я два года не былъ, а потомъ въ Крымъ.—Я надѣюсь видѣтся въ Екатериноградѣ или Пятигорскѣ съ княземъ Бебутовымъ и устрою съ нимъ все то что по гражданскому управленію онъ будетъ рѣшать прямо и что будетъ отсылать ко мнѣ. Прощайте любез-

ный Александръ Евстафьевичъ; Сафоновъ теперь у меня здѣсь и мы уже не разъ говорили объ Васъ и Вы можете понимать съ какими чувствами. Вѣрьте истинному моему почтенію и привязанности.

К. М. Воронцовъ.

Тифлисъ 22 января 1849.

Любезнѣйшій Баронъ Александръ Евстафьевичъ.

Пришедшая нѣсколько часовъ тому назадъ экстра почта доставила мнѣ пріятное извѣстіе о наградѣ Васъ орденомъ Св. Анны 1-й степени; отъ всего сердца поздравляю Васъ съ таковою Монаршею милостію вполнѣ Вами заслуженною и доказывающею вниманіе къ Вашей службѣ Государя Императора. Что касается до меня, то я душевно радъ, что имѣлъ случай вновь доказать Вамъ сколько я цѣню труды Ваши по управленію Шемахинскою губерніею и ту пользу, которую Вы приносите оной своею опытностію и трудами. Федоръ Евстафьевичъ Коцебу назначенъ на мѣсто Назорова Членомъ Совѣта и Управляющимъ Почтовою частію. Скажите ему объ этомъ и поздравьте отъ меня. Прощайте любезнѣйшій Баронъ Александръ Евстафьевичъ остаюсь навсегда

Преданный Вамъ
К. М. Воронцовъ.

Тифлисъ 22 Февраля 1849.

Отъ всей души благодарю Васъ любезный Александръ Евстафьевичь за письмо Ваше отъ 8-го Февраля и за столь хорошія извѣстія на счетъ Магометанскихъ школъ у Васъ въ Шемахѣ. Я былъ увѣренъ что это дѣло, сколько отъ Васъ зависитъ пойдетъ хорошо, такъ какъ и всѣ Ваши дѣла, но вмѣстѣ съ тѣмъ пріятно видѣть, какое живое и благородное участіе берутъ въ немъ главные лица мусульманскаго сословія, я Вамъ отвѣчаю оффиціально и благодарю прямо Измаилъ Бека и другихъ Вамъ помогающихъ, но въ этомъ партикулярномъ письмѣ прошу также изъявить имъ всю мою признательность. Я имѣю большія надежды на распространеніе мусульманскихъ школъ въ здѣшнемъ краѣ, какъ доказательство намѣреній моихъ и Русскаго Правительства въ ихъ пользу, а между тѣмъ знаніе русскаго языка дастъ имъ возможность служить съ пользою общему дѣлу и имѣть болѣе участія въ правительственныхъ должностяхъ. Я совершенно согласенъ на то чтобы торжественное открытіе сихъ школъ было сдѣлано при мнѣ ибо я надѣюсь непремѣнно быть въ Шемахѣ, а ежели бы это оказалось невозможнымъ то въ присутствіи князя Василія Осиповича, но между тѣмъ для выигрыванія времени какъ скоро все готово,

пусть учатся, и войдутъ въ полное дѣйствіе.—Жена моя съ большимъ удовольствіемъ получила письмо Ваше и сама будетъ Вамъ отвѣчать. — У насъ слава Богу все хорошо, Семенъ Михайловичь воротился изъ зимней экспедиціи, они рубили чеченскіе лѣса почти безъ сопротивленія и сынъ мой только недоволенъ что чеченцы не хотятъ драться, я съ своей стороны очень этому радуюсь; въ концѣ этой недѣли я ожидаю сюда Генерала Нестерова.

Самурзаканскія дѣла кончились хорошо и пріѣздъ туда князя Василія Осиповича имѣлъ всѣ результаты, которыхъ нельзя было ожидать ни отъ лишней горячности генерала Ѳелявскаго ни отъ лишней слабости генерала Гогенбаха; Леванъ Шервашидзе и другіе болѣе виновные тотчасъ явились съ повинною, а самъ владѣтель выѣхалъ на встрѣчу къ князю Бебутову и просилъ позволенія пріѣхать сюда на что я немедленно согласился. Прощайте любезный Александръ Евстафьевичъ обнимаю Васъ душевно и остаюсь навсегда

Преданный вамъ К. М. Воронцовъ.

Тифлисъ 16 Марта 1849.

Письмо ваше отъ 4-го Марта я получилъ любезный Александръ Евстафьевичъ, и спѣшу увѣдомить васъ что непремѣнное желаніе мое есть посѣтить Шемаху, и я надѣюсь исполнить оное по осмотрѣ Ленкорани; подробный маршрутъ мой вы получите, и я прошу васъ только увѣдомить меня гдѣ буду имѣть удовольствіе съ вами встрѣтится. У насъ въ Тифлисѣ теперь Геаръ-Ага и интригуетъ противъ князя Тарханова, все основано на сплетняхъ и на неудовольствіяхъ между него и Джафаръ Кули Агою, впротчемъ все это будетъ у васъ на разсмотрѣніи и во время бытности нашей въ Шушѣ надѣюсь что все это дѣло уладится.

Поѣздка ваша въ Нуху совѣршенно успокоиваетъ меня насчетъ безпорядковъ, о которыхъ вы мнѣ пишете, и я увѣренъ что вы уже приняли мѣры къ возстановленію спокойствія въ уѣздѣ. Княгиня вамъ усердно кланяется и отъ души благодаритъ васъ за все то что вы въ Шемахѣ дѣлаете по благотворительному заведенію, которымъ обязаны вашему попеченію. Прощайте любезный Александръ Евстафьевичъ обнимаю васъ отъ всей души и остаюсь навсегда

Весь вашъ

М. Воронцовъ.

Милостивый Государь,
Баронъ Александръ Евстафьевичъ.

Осмотрѣвъ, въ нынѣшнюю поѣздку мою, вмѣстѣ съ Вашимъ Превосходительствомъ, большую часть ввѣренной Вамъ губерніи, я имѣлъ новый случай

убѣдиться въ отличномъ исполненіи Вами Вашихъ обязанностей, и въ той особой попечительности, съ которой Вы, Милостивый Государь, вникая во всѣ подробности ввѣреннаго Вамъ Управленія и между прочими употребляя особенное повсемѣстно успѣшное стараніе на улучшеніе путей сообщеній и къ лучшему устройству почтовыхъ станцій черезъ отдачу ихъ, гдѣ возможно преимущественно въ руки русскихъ поселенцевъ, постоянно оправдывали, на важномъ мѣстѣ Вами занимаемомъ, довѣренность Государя Императора. Вы умѣли внушить всѣмъ служащимъ подъ начальствомъ Вашимъ чиновникамъ строгое исполненіе лежащихъ на нихъ обязанностей и Шемахинская губернія, подъ управленіемъ Вашимъ, приняла развитіе, которое обѣщаетъ ей осуществленіе благодѣтельныхъ намѣреній Августѣйшаго нашего Монарха, для всѣхъ частей Имперіи. Таковыя повсемѣстныя доказательства Вашего попеченія и дѣятельности Вашей, мнѣ радостно было замѣтить, и я считаю особенно пріятнымъ для себя долгомъ изъяснить Вамъ, Милостивый Государь, какъ я умѣю цѣнить труды Ваши, и черезъ посредство Ваше выразить какъ Уѣзднымъ Начальникамъ, такъ и всѣмъ чиновникамъ управленія Вашего искреннюю мою признательность за отличное исполненіе ими ихъ обязанностей. Я остаюсь въ полной увѣренности, что сія важная часть Высочайше ввѣреннаго мнѣ управленія и на будущее время будетъ получать развитіе всѣхъ отраслей общественнаго благосостоянія.

Примите увѣреніе въ совершенномъ моемъ почтеніи и преданности.

№ 33. *К. М. Воронцовъ.*

4 Мая 1849 г.

Шемаха.

Тифлисъ 17 Декабря 1849 г.

Покорнѣйше Васъ благодарю любезнѣйшій Баронъ Александръ Евстафьевичъ за письмо Ваше отъ 1 Декабря и за доставленныя Вами свѣдѣнія о положеніи вообще дѣлъ въ Шемахинской губерніи. Я бы очень желалъ, чтобы скорѣе былъ пойманъ извѣстный разбойникъ Бегбутъ, успѣвшій бѣжать изъ подъ стражи и чтобы по поимкѣ онъ немедленно получилъ строгое и примѣрное наказаніе.

По всѣмъ полученнымъ мною извѣстіямъ въ Самурскомъ округѣ и въ Верхнихъ Магалахъ, прилегающихъ къ Нухинскому уѣзду, все спокойно и тихо. Я надѣюсь, что послѣ неудачной попытки горцевъ на Кумухъ и Кутиши они оставятъ насъ по крайней мѣрѣ на нѣкоторое время въ покоѣ. Наступившая въ горахъ зима еще болѣе насъ обеспечитъ.

Я получилъ официальное донесеніе Ваше о безпорядкахъ и грабежахъ, дѣ-

лаемыхъ Шехсеванцами, кочующими на Муганской степи. Я въ полной мѣрѣ одобряю принятыя Вами по этому рѣшительныя мѣры, и въ случаѣ дальнѣйшихъ безпорядковъ и недостатка казаковъ, разрѣшаю Вамъ требовать пѣхоту,— между тѣмъ я отношусь къ посланнику нашему въ Персіи, о побужденіи съ его стороны Персидское правительство принять нужныя по сему мѣры.

Признаюсь, что меня не удивили сообщенныя Вами свѣдѣнія о томъ, что не въ одномъ изъ уѣздовъ Шемахинской губерніи не приведены еще въ извѣстность казенныя пастьбища, отдаваемыя въ оброчное содержаніе откупщикамъ, и что въ Карабахскомъ уѣздѣ откупщикъ въ продолженіи двухъ лѣтъ, не можетъ узнать: гдѣ находятся тѣ пастьбищныя мѣста, которыя отданы ему въ откупное содержаніе. Это служитъ яснымъ и самымъ лучшимъ доказательствомъ безполезности существованія Палатъ Государственныхъ Имуществъ. Дай Богъ, чтобы мы успѣли, дать этой части при новомъ образованіи оной, лучшее направленіе и порядокъ.

Надѣюсь, что Ваше здоровье хорошо. Прощайте, вѣрьте душевному моему къ Вамъ почтенію.

К. М. Воронцовъ.

Милостивый Государь
Баронъ Александръ Евстафьевичъ.

Съ истиннымъ удовольствіемъ получилъ я донесеніе Вашего Превосходительства о изъявленномъ жителями Ленкорана и Сальяна желаніи завести тамъ съ нѣкоторыми пожертвованіями съ своей стороны Мусульманскихъ училищъ на подобіе таковыхъ же устроенныхъ въ другихъ мѣстахъ края.

Зная сколько благосклонное участіе Вашего Превосходительства въ этомъ полезномъ дѣлѣ, способствовало къ склоненію жителей ввѣренной Вамъ губерніи принять участіе въ успѣхѣ его, я считаю пріятнымъ долгомъ выразить Вамъ при этомъ случаѣ искреннюю мою благодарность и надѣюсь на упроченіе этой полезной мѣры порученой просвѣщенной заботливости Вашей. По полученіи отъ Васъ увѣдомленія о времени предполагаемаго открытія этихъ школъ, я не замедлю доставить въ Ваше вѣдѣніе обычные по сему случаю подарки, теперь же согласно съ желаніемъ Вашимъ, я препровождаю къ Вамъ письмо на имя Маіора Хаджи Миръ Аббасъ Бека, въ которомъ благодарю его за сдѣланныя имъ по сему случаю пожертвованія. Что же касается до Миръ-Али Бека Талышханова и Мирзы Мамедъ-Али Сафіева, вызвавшихся принять постройку мебели для училища и преподаваніе тамъ Русскаго языка, то я покорнѣйше прошу Васъ принять на себя трудъ поблагодарить ихъ за это отъ моего имени и въ мѣстѣ съ симъ выразить мою искреннюю признательность

жителямъ Сальянскаго общества, изъявившимъ готовность завести и въ Сальянѣ таковую же школу.

Примите увѣреніе въ совершенномъ моемъ почтеніи.

31 Декабря 1849. *К. М. Воронцовъ.*

Тифлисъ.

Его Превству Барону А. Е.

Врангелю.

Любезнѣйшій Баронъ Александръ Евстафьевичъ.

Я имѣлъ удовольствіе получить письмо Ваше отъ 11 Января и очень радъ, что дѣла по Шемахинской губерніи идутъ вообще хорошо; конечно въ началѣ съ приведеніемъ въ дѣйствіе новаго учрежденія о Губернскихъ Правленіяхъ будетъ нѣсколько лишнихъ хлопотъ, но я увѣренъ, что въ послѣдствіи времени, дѣла пойдутъ вообще плавнѣе и гораздо покойнѣе для Губернатора, предоставивъ ему средство чаще объѣзжать губерніи.

Надѣюсь, что послѣ принятыхъ Вами въ Нухинскомъ уѣздѣ мѣръ, все будетъ тамъ покойно и не возобновятся происшествія прошедшаго года. Очень радъ, что устройство мусульманскихъ училищъ въ Ленкорани и Сальянахъ идетъ довольно успѣшно; меня только безпокоитъ то, что можетъ быть придется, подобно Дербентской губерніи, отпускать на содержаніе школъ довольно значительную сумму денегъ, которой я не имѣю въ распоряженіи. Что касается до оставленія въ Вашемъ распоряженіи землемѣровъ, до окончанія размежеванія земель, въ Шемахинскомъ уѣздѣ, то въ этомъ нѣтъ никакого затрудненія и я сдѣлаю объ этомъ нужное распоряженіе.

Съ истиннымъ огорченіемъ прочелъ я желаніе Ваше оставить занимаемое Вами мѣсто и состоять при Интендантствѣ Кавказскаго корпуса. Я уже нѣсколько разъ имѣлъ случай повторять Вамъ, что мнѣ трудно будетъ замѣнить Васъ человѣкомъ, который бы былъ такъ хорошо знакомъ съ краемъ, съ людьми, мѣстными обстоятельствами и былъ бы такъ полезенъ своею опытностію и взглядомъ на вещи. Если Вы дѣйствительно имѣете нужду въ пользованіи минеральными водами, то это можно устроить домашнимъ образомъ, и въ случаѣ желанія Вашего я готовъ сдѣлать все что нужно... Надѣюсь, что Вы не откажите на мое предложеніе и дѣйствительно усердную мою просьбу. Я здѣсь нахожусь на поприщѣ трудномъ, особенно въ мои лѣта. Что меня о сю пору поддерживаетъ, это то, что при благословеніи Божіемъ, главные мои помощники по частямъ какъ военной, такъ и гражданской, успѣваютъ вести дѣла даже лучше, нежели сколько можно было ожидать. Въ Васъ я бы потерялъ одного изъ самыхъ первыхъ, полезныхъ и вполнѣ благородныхъ помощниковъ, и хотя только нѣсколько лѣтъ съ Вами знакомъ, но Вы внушили

мнѣ не только полную довѣренность, но и совершенную любовь и дружбу, а потому и смѣю надѣяться, что Вы меня не опечалите отказомъ продолжать полезную Вашу службу, зная хорошо, что это было бы несчастіе для Шемахинской губерніи, гдѣ всѣ Васъ любятъ и уважаютъ и гдѣ Васъ замѣнить было бы не только трудно, но можно сказать невозможно.

Въ ожиданіи дружескаго отвѣта Вашего, прошу вѣрить дружескому истинному моему почтенію и привязанности.

21 Января 1850. *К. М. Воронцовъ.*

Тифлисъ.

Милостивый Государь
Баронъ Александръ Евстафьевичъ.

Въ качествѣ Президента новообразовавшагося здѣсь и Высочайше утвержденнаго Кавказскаго Общества Сельскаго Хозяйства, съ особеннымъ удовольствіемъ спѣшу извѣстить Ваше Превосходительство, что по предложенію моему, помянутое Общество считаетъ Васъ въ числѣ Дѣйствительныхъ своихъ Членовъ.

Уставъ Общества, по напечатаніи онаго, въ непродолжительномъ времени, имѣетъ быть къ Вамъ доставленъ, и Ваше Превосходительство конечно не откажете участвовать въ трудахъ и споспѣшествовать успѣхамъ Общества, обѣщающаго столь много пользы всему здѣшнему краю.

Примите при семъ случаѣ Милостивый Государь увѣреніе въ совершенномъ моемъ къ Вамъ почтеніи и преданности.

26 Апрѣля 1850 г. *К. М. Воронцовъ.*

Тифлисъ.

Кусары. 22-го Маія 1850.

Любезный Александръ Евстафьевичь. Я пользуюсь первою дневкою послѣ выѣзда изъ ввѣренной Вамъ губерніи чтобы написать Вамъ въ кратцѣ сколько я былъ обрадованъ всѣмъ что я въ оной видѣлъ. Вездѣ примѣтны результаты Вашего попеченія, вездѣ виденъ духъ который Вы умѣете вселить и между жителями и между лицами, которые управляютъ жителями. Мнѣ показалось что Смитенъ во всемъ исполняетъ желанія Ваши и дѣйствуетъ по Вашимъ намѣреніямъ во многихъ случаяхъ говоря о дѣлахъ онъ самъ просилъ меня ничего не рѣшать до Вашего возвращенія, потому что не зналъ точно Ваши намѣренія и что дѣла были такого рода что могли подождать.

Съ удовольствіемъ могу Вамъ сказать что мы всѣ были восхищены молоканскими станціями отъ Нухи до Шемахи, таковыхъ лошадей сбруи и ямщиковъ на Кавказѣ и за Кавказомъ никогда не было, я надѣюсь что они послужатъ

примѣромъ для всего края и этимъ мы одолжены Вамъ потому что Вы умѣли ободрить молоканъ и уничтожить монополію армянъ и другихъ прежнихъ почтъ содержателей. Станціонные дома также въ совершенной исправности и лутше нежели во всѣхъ другихъ мѣстахъ. Въ Шемахѣ много сдѣлано для улутшенія улицъ и городъ по видимому мало теряетъ отъ упраздненія палатъ, но главное удовольствіе было видѣть вездѣ почтеніе и привязанность къ Вамъ и благодарность всѣхъ жителей на Ваше попеченіе объ нихъ и за постоянную справедливость всѣхъ Вашихъ дѣйствій, это пріятно видѣть и должно служить Вамъ лутшею наградою. Я съ большимъ удовольствіемъ видѣлъ также оба мусульманскія училища въ Шемахѣ, успѣхи дѣтей можно сказать изумительны и дѣлаютъ много чести учителямъ и всѣмъ употребляемымъ при этомъ полезномъ дѣлѣ, въ Нухѣ я былъ при открытіи училища и дай Богъ чтобы оно пошло такъ какъ въ Шемахѣ, институтъ Св. Нины идетъ прекрасно и я съ крайнимъ удовольствіемъ рапортовалъ объ ономъ княгинѣ. Одна только непріятность у насъ тамъ, это безпрестанные разбои въ Нухинскомъ уѣздѣ, которые даже останавливаютъ торговлю и пугаютъ всѣхъ жителей, я знаю что Вы по этому послали Омаръ-Бека, но не знаю имѣетъ ли онъ довольно дѣятельности и энергіи чтобы сильно дѣйствовать противъ этого зла; я полагалъ бы что Ширъ Али Бекъ имѣетъ въ себѣ больше условій для выполненія такого дѣла и для поимки и истребленія разбойниковъ; я о семъ буду ожидать Вашего мнѣнія, впрочемъ разбойники въ Нухинскомъ уѣздѣ только что грабятъ а живутъ и приготавливаются къ грабежу или въ Самурскомъ округѣ или въ Верхнихъ Магалахъ Джари-Белоканскаго округа. По этому строгіе мѣры должны быть взяты здѣсь и мы этимъ теперь занимаемся съ кн. Моисеемъ Захаровичемъ. Изъ Шемахи мы выѣхали на . . . . . Агачь гдѣ встрѣтили Кн. Аргутинскаго и Гагарина. Мы завтре отправляемся черезъ Хахры въ Актое чтобы лутше узнать и распорядится по всѣмъ частямъ Самурскаго Округа для настоящей защиты Нухинскаго уѣзда и Лезгинской линіи. Прощайте любезный Александръ Евстафьевичь, желаю отъ всего сердца чтобы воды Вамъ сдѣлали добро и чтобы съ Божіею помощіею мнѣ Васъ тамъ найти совершенно здоровымъ, таковое подкрѣпленіе Вашего здоровья очень нужно для пользы ввѣренной Вамъ губерніи гдѣ многія дѣла безъ Васъ кончится не могутъ а между протчимъ и весьма важное дѣло Комиссіи о назначеніи сношеній и повинностей между Беками и ихъ подвластными, вѣрьте истинному моему къ Вамъ почтенію и привязанности.

К. М. Воронцовъ.

Тифлисъ 16 Маія 1851.

Любезный Александръ Евстафьевичъ давно мнѣ надобно было писать къ Вамъ и благодарить Васъ за письмо Ваше изъ Петербурга и особливо за увѣ-

ренія что Вы готовы и желаете опять возвратиться къ намъ на службу, а предпочтительно на службу боевую. Причина моей неаккуратности была кромѣ обыкновенныхъ и экстренныхъ дѣлъ по службѣ поѣздка двухнедѣльная на Лезгинскую линію, съ которой я воротился только на дняхъ; теперь я собираюсь ѣхать на Боржомскія воды, гдѣ останусь недѣль пять, а оттуда надѣюсь осмотрѣть оба фланга Кавказской линіи, строенія новыхъ послѣднихъ станицъ на Сунжѣ, а потомъ къ половинѣ Августа быть въ Алупкѣ и присутствовать на свадьбѣ Семена Михайловича, о чемъ Вы вѣрно отъ него самаго уже слышали. Теперь спѣшу до отъѣзда написать Вамъ нѣсколько словъ и увѣрить Васъ объ истинномъ удовольствіи всѣхъ насъ когда Вы къ намъ воротитесь а между тѣмъ спросить Васъ о Вашихъ намѣреніяхъ насчетъ рода и мѣста службы Вашей здѣсь. Она уже вполнѣ обезпечена состояніемъ Вашимъ при мнѣ, но такъ какъ можетъ быть откроются бригады въ разныхъ мѣстахъ края то мнѣ нужно знать Ваше о томъ желаніе. Напримѣръ бригада можетъ остаться вакантною, первая 20-й дивизіи въ Шурѣ подъ командою Князя Аргутинскаго: бригада самая боевая и отъ которой Генералъ Бельгардъ по причинамъ мнѣ неизвѣстнымъ, формально отказался. Напишите мнѣ откровенно не будетъ ли Вамъ непріятно быть въ Шурѣ, мѣсто не очень выгодное; съ другой стороны можетъ быть откроется вакантною бригада Гренадерская, ежели Князь Барятинскій останется на Кавказской линіи. Это назначеніе пріятнѣе по квартированію въ Тифлисѣ и Командиръ этой Бригады имѣя еще Стрѣлковый Баталіонъ, находится нѣкоторымъ образомъ на правахъ Дивизіоннаго Командира. На все это я бы хотѣлъ имѣть Ваши мысли, а дѣло рѣшится по обстоятельствамъ и когда Вы уже будете здѣсь. Пришлите мнѣ Вашъ отвѣтъ обыкновеннымъ порядкомъ въ Тифлисъ по экстра-почтѣ и онъ будетъ мнѣ тотчасъ доставленъ.

Прощайте любезный Александръ Евстафьевичъ, княгиня вамъ усердно кланяется и вѣрьте истинной моей къ Вамъ привязанности.

К. Воронцовъ.

Тифлисъ 16 Апрѣля 1852 г.

Я много предъ Вами виноватъ любезный Александръ Евстафьевичъ что такъ долго не отвѣчалъ на два письма Ваши; но Тархановъ Вамъ скажетъ что какъ будто нарочно у меня было много дѣлъ и притомъ у меня опять заболѣлъ правый глазъ и нѣсколько дней не могъ заниматься. Я радуюсь очень что Вы довольны всѣми дѣлами и распоряженіями найденными Вами въ ввѣренномъ Вамъ округѣ, желаю Вамъ отъ всего сердца всякаго успѣха и какъ можно меньше затрудненій; отъ меня какъ по военной такъ и по гражданской части все будетъ сдѣлано чтобы Вамъ помочь. Въ одномъ мы должны были теперь отка-

зать это на счетъ жительскихъ карауловъ по правому берегу Алазани, въ теперешнее время это совершенно невозможно, ибо бѣдные жители совершенно голодны, помощь ихъ на линіи была бы только номинальна, и даже они бы разбѣжались. Но я надѣюсь что Вы найдете возможность замѣнить жителей гораздо болѣе дѣйствительно отдѣленіемъ на тѣ же самыя мѣста гдѣ жители ничего не могли бы сдѣлать отъ полу сотни до сотни изъ Вашихъ Донскихъ казаковъ. Въ послѣдствіи же когда обстоятельства позволятъ жители будутъ къ Вамъ наряжены.

Подполковникъ кн. Тархановъ раскажетъ Вамъ обстоятельно что касается до Гаджи Мурата и какъ мы съ нимъ распорядились до пріѣзда сюда князя Аргутинскаго. Я сегодня ѣду на два дня въ Бѣлый Ключъ и буду назадъ сюда въ субботу. Прощайте любезный Александръ Евстафьевичъ поклонитесь отъ меня Кн. Мухранскому и Полк. Капгеру и вѣрьте истинной моей къ Вамъ привязанности.

К. Воронцовъ.

Любезный Баронъ Александръ Евстафьевичъ.

Изъ письма Вашего отъ 10-го Апрѣля, съ удовольствіемъ увидѣлъ я заботливость Вашу по всѣмъ частямъ ввѣреннаго Вамъ управленія. Относительно исправленія крышъ въ укр. Елисуйскомъ я буду ожидать соображенія Вашего и желаю чтобы исполненіе этого дѣла не было замѣдлено, ибо это предметъ существенной необходимости для обезпеченія здоровья войскъ.

Весьма пріятно мнѣ было читать одобрительный отзывъ Вашъ о Поручикѣ Гаджи-Агѣ и о мѣрахъ принимаемыхъ Джарцами къ сбору охотничьихъ командъ. Не сомнѣваюсь, что Вы успѣете вселить въ жителяхъ ту довѣренность къ начальству, которая столь облегчаетъ всѣ распоряженія.

Что касается до выдачи жителямъ еще 400 четвертей муки, то я не считаю это возможнымъ при теперешнемъ оскуденіи магазиновъ на Лезгинской линіи, о которомъ Вы сами говорите въ письмѣ Вашемъ. Хотя Генералъ-Интенданту и подтверждено о скорѣйшемъ доставленіи туда провіанта, но при настоящемъ неурожаѣ и затрудненіяхъ въ перевозкѣ муки, нельзя навѣрное расчитывать на своевременную доставку, и потому при всемъ желаніи помочь нуждающимся поселянамъ, я не могу согласится на выдачу имъ запаса, который необходимъ для довольствія войскъ, первый предметъ на который мы должны обратить вниманіе.

16 Апрѣля 1852 г. *Преданный Вамъ*
Тифлисъ. *К. М. Воронцовъ.*

Тифлисъ 29 апрѣля 1852-го года.

Любезный Александръ Евстафьевичъ. Я не успѣлъ по множеству дѣлъ благодарить Васъ еще за первое извѣстіе данное мнѣ Вами, въ письмѣ отъ 24-го объ истребленіи Хаджи Мурата, столь хорошо конченное, какъ Елисуйскую милицію, подъ начальствомъ Хаджи Аги, такъ и распоряженіями Карганова по Нухинскому уѣзду. Мы вчера узнали что съ Хаджи Муратомъ убито на мѣстѣ еще только два человѣка и что другіе два, то есть одинъ Нукеръ Хаджи Мурата а другой Аварскій выходецъ, пришедшій къ нему изъ Закаталы, пойманные живыми и привезены въ Нуху, гдѣ будутъ судимы военнымъ судомъ по полевому уложенію, и ежели все окажется, какъ теперь объ нихъ говорятъ, то я думаю придется Нукера повѣсить въ Нухѣ, а Аварскаго выходца въ Закаталѣ. Судъ долженъ производится въ Нухѣ, потому что тамъ было дѣйствіе и тамъ ближе свидѣтели.—Изъ Штаба Вамъ напишутъ о посылкѣ, коли нужно, членовъ для Коммисіи военнаго суда. Показанія этихъ двухъ арестантовъ будутъ весьма интересны, равно какъ и показанія тѣхъ людей свиты Хаджи Мурата, которые оставались въ Грозной, и для арестованія коихъ и привозу сюды, посланъ, по первому извѣстію Маіоръ Мансурадзевъ. Сдѣлайте милость, напишите мнѣ, какое дѣйствіе сдѣлало на Вашихъ жителей истребленіе Хаджи Мурата. Я надѣюсь что польза отъ этого будетъ большая по выходу, и ежели даже допустить, чему я никакъ не вѣрую что весь выходъ къ намъ Хаджи Мурата былъ фальшивый и по согласію съ Шамилемъ, то теперь мы должны еще болѣе радовается его неудачной попыткѣ и справедливому наказанію за такую измѣну, а Шамиль бы долженъ очень сожалѣть о томъ что потерялъ лучшаго и храбрѣйшаго своего помощника, не достигнувъ ни малѣйшаго результата. Увидимъ что будетъ съ людьми его оставшимися въ Грозной и что они скажутъ. Я Вамъ тогда о томъ напишу. Прощайте, любезный Александръ Евстафьевичъ и вѣрьте истинной моей къ Вамъ привязанности.

К. М. Воронцовъ.

Любезный Александръ Евстафьевичъ, не Вы а я противу Васъ виноватъ тѣмъ что по причинѣ заботъ за отъѣздомъ завтра изъ Тифлиса я самъ не писалъ къ Вамъ на счетъ прекрасныхъ Вашихъ дѣйствій по нашествію Даніель Бека; впрочемъ Капитанъ Астафіевъ сказалъ Вамъ на словахъ все что я хотѣлъ бы писать, а вчера я получилъ письмо отъ Князя Григорія по которому я вижу что этотъ истинно хорошій Вашъ сосѣдъ по первымъ слухамъ о движеніи Даніель Бека самъ распорядился объ отправленіи двухъ баталіоновъ въ Лучеку а коли нужно и далѣе для содѣйствія съ Вами. Я надѣюсь, что Даніель Бекъ въ Верхнихъ Магалахъ не удержится и также что Вы успѣете вы-

селить жителей оныхъ, больше сегодня Вамъ писать не могу ибо пропасть дѣла и приготовленій къ отъѣзду. По офиціальнымъ бумагамъ Вы увидите что мы дѣлаемъ все возможное по Вашему желанію. Прошу Васъ поклонится отъ меня Князю Мухранскому и полковнику Капгеру и остаюсь на всегда.

Преданный Вамъ
К. М. Воронцовъ.

Ст. Бѣлогорская 29-ое Мая 1852 г.

Любезный Александръ Евстафьевичъ. Спѣшу при первой возможности отвѣчать Вамъ хотя въ кратцѣ на письмо Ваше отъ 22-го Мая, полученное мною въ дорогѣ. Новая затѣя Даніель Бека была для меня совсѣмъ неожидана, съ самаго 45-го года онъ несколько разъ ко мнѣ адресовался съ предложеніями, но на мои отвѣты, которые особливо съ начала были и ласковы и для него выгодные, отвѣты посланные и прямо и черезъ тещу его ханьшу Нохзбике, онъ никогда ничего путнаго не отвѣчалъ, и наконецъ какъ Вы я думаю помните, онъ сдѣлалъ безразсудное предложеніе чтобы его пустить въ Мекку оставляя семейство его въ Дагестанѣ, слѣдовательно въ рукахъ Шамиля; съ тѣхъ поръ онъ выдалъ дочь свою за сына Шамиля и притомъ безпрестанно, хотя всегда неудачно старался намъ вредить попытками и нападеніями. Вѣрить ему невозможно, оставлять его въ Верхнихъ Магалахъ ни въ какомъ случаѣ также невозможно, но ежели онъ явится къ намъ съ семействомъ и семейство это будетъ у насъ въ рукахъ, то по моему мнѣнію можно бы ему простить, дать хорошее содержаніе и позволить ему жить, напримѣръ въ Крыму, между своими единовѣрными; на это врядъ ли онъ согласится, особливо имѣя дочь за сыномъ Шамиля, но ежели онъ хладнокровно подумаетъ объ своей будущности, то онъ долженъ бы согласится, ибо ему хорошаго конца въ горахъ не будетъ что бы не случилось съ Шамилемъ; гораздо лучше ему воспользоватся прощеніемъ и жить спокойно у насъ, тѣмъ болѣе что онъ еще не старъ и что можетъ быть черезъ нѣкоторое время, если онъ сѣбя будетъ вести какъ должно, онъ можетъ надѣятся что Государь возвратитъ ему и прежній его генералъ маіорскій чинъ. Во всемъ этомъ для насъ только та выгода, что отъ удаленія его изъ горъ будетъ спокойствіе въ Джаробѣлоканской области и что выходъ его изъ горъ отъ Шамиля будетъ имѣть для насъ выгодное моральное дѣйствіе. Все что я здѣсь пишу кромѣ послѣдняго пункта Вы можете ему сообщить ежели онъ точно пришлетъ къ Вамъ человѣка довѣреннаго и неопаснаго для насъ, и ежели онъ покажетъ дѣйствительно истинное желаніе перейти съ покорностію. Я буду съ нетерпеніемъ ждать обо всемъ этомъ отъ Васъ увѣдомленія.

На прочія пункты письма Вашего я немедленно буду отвѣчать Вамъ изъ Боржома, куда я надѣюсь прибыть сегодня къ обѣду, и будьте увѣрены, что я

постараюсь все возможное сдѣлать по Вашимъ желаніямъ. Прощайте, любезный Александръ Евстафьевичъ, снова и безпрестанно долженъ Васъ благодарить за всѣ Ваши дѣйствія и прекрасныя распоряженія, желаю Вамъ отъ всего сердца всякаго успѣха, здоровья и удовольствія. Вѣрте истинной моей къ Вамъ привязанности.

К. Воронцовъ.

Боржомъ 2-го Іюня 1852 г.

Любезный Александръ Евстафьевичъ. Спѣшу отвѣчать на второе письмо Ваше отъ 26-го Мая по дѣлу Даніель Бека. Послѣднее мое письмо показало Вамъ мое мнѣніе о немъ и объ его предложеніяхъ и я этого мнѣнія перемѣнить не могу; вѣрить ему ни въ чемъ невозможно и оставить его въ Цахурѣ или гдѣ нибудь въ Верхнихъ Магалахъ было бы съ нашей стороны безразсудно; ежели ему точно надоѣло и кажется безнадежно служить Шамилю пусть онъ явится къ намъ съ семействомъ; прощеніе я ему обѣщаю, равно какъ и спокойную и совершенно безбѣдную жизнь предпочтительно въ Крыму; болѣе сдѣлать невозможно, и ежели онъ хочетъ продолжать теперешнюю свою разбойничую жизнь и быть слугою Шамиля при общихъ непріязненныхъ къ нему чувствахъ, какъ онъ самъ признается, всѣхъ значущихъ людей въ Дагестанѣ, ему же хуже, вотъ все что я имѣю ему сказать.

Въ Верхнихъ Магалахъ онъ кажется удержаться не можетъ, особливо при сильномъ содѣйствіи предлагаемомъ Вамъ отъ Дагестанскаго отряда; посмотримъ еще что онъ скажетъ когда узнаетъ что по скорому и рѣшительному Вашему распоряженію сорокъ тысячъ барановъ Верхнихъ Магаловъ отправлены уже за Алазань и жители этихъ Магаловъ не только съ нимъ теперь не соединены но можетъ быть и никогда туда не воротятся. Ежели онъ со всѣмъ тѣмъ останется въ Цахурѣ или Кусурѣ, то Ваше движеніе и содѣйствіе отъ Князя Григорія Орбеліана, я надѣюсь, его оттуда прогонятъ, какъ бы его не подкрѣпляли молокососъ сынъ Шамиля и Аварцы которые впрочемъ были съ Даніель Бекомъ въ самыхъ худыхъ отношеніяхъ.

Всѣ Ваши распоряженія для защиты края въ теперешнемъ его положеніи суть самые лучшія и я особенно радуюсь и благодаренъ Вамъ за истребленіе важнаго разбойника Бурджи Кягая; я бы хотѣлъ знать не онъ ли тотъ славный Богарчи молочный братъ кажется Султану, который уже нѣсколько лѣтъ болѣе всѣхъ грабитъ и пугаетъ жителей Вашего округа. Я пишу Николаю Ивановичу Вольфу чтобы онъ послалъ Вамъ нѣсколько мусульманскихъ знаковъ отличія и прошу Васъ сдѣлать поскорѣе представленіе о болѣе отличившихся и особливо надобно наградить Джарцевъ за особенное ихъ усердіе; я такжу пишу Генералу Вольфу о томъ чтобы по желанію Вашему были награждены знаками от-

личія и нижніе чины изъ христіянъ которые отличились при прогнаніи Вами Даніель Султана изъ подъ Елиссу.

Надѣюсь скоро получить отъ Васъ дальнѣйшія извѣстія.—Князь Илья Орбеліановъ долженъ скоро быть съ Вами для направленія по Вашимъ повелѣніямъ храбрыхъ его гренадеръ, а со стороны Дагестанскаго отряда будетъ ли тамъ Манюкинъ или Волковъ, Вы найдете усердное и смѣлое содѣйствіе. Князь Григорій самъ бы хотѣлъ быть тутъ но я ему писалъ что ему кажется невозможно отлучится отъ границы и центра важнаго его начальства. Прощайте любезный Александръ Евстафьевичъ, обнимаю Васъ душевно, желаю всякихъ Вамъ успѣховъ и остаюсь навсегда.

Преданный Вамъ
К. М. Воронцовъ.

Боржомъ 6-го Іюня 1852.

Я получилъ вчера, любезный Александръ Евстафьевичъ, интересное письмо Ваше отъ 3-го Іюня, и съ крайнимъ любопытствомъ читалъ подробности разговора Даніель Бека съ Хаджи Мусою. Этотъ Хаджи Муса долженъ быть человѣкъ умный и кажется совершенно благонамѣренный. Теперь буду ожидать съ нетерпѣніемъ что Вы мнѣ скажете насчетъ дѣйствія на Даніель Бека моего перваго отвѣта, то есть, что я ему предлагаю полное прощеніе и честное и безбѣдное житье въ Крыму, но что объ Цахурѣ ему и думать невозможно. Что касается до Мекки то я со своей стороны расположенъ согласится пустить его туда, но не иначе какъ съ тѣмъ чтобы мать его и все его семейство перешли бы къ намъ вмѣстѣ съ нимъ, ибо оставленіе Даніель Бекомъ Дагестана можетъ для насъ быть выгоднымъ только тогда когда будетъ явно что онъ оставляетъ Дагестанъ и Шамиля навсегда. Въ этомъ то я думаю и главное затрудненіе, но это условіе для насъ необходимо и можетъ быть что вліяніе матери его къ тому его подвинетъ. Хаджи Муса говоритъ Вамъ что по его мнѣнію Даніель Бекъ согласится на Мекку какъ скоро узнаетъ что Цахура ему не дадимъ, но если мы согласимся на Мекку то это не иначе, какъ выше сказано, какъ съ условіемъ чтобы его мать и семейство, разумѣется кромѣ дочери которую онъ рѣшился выдать за сына Шамиля, не остались въ Дагестанѣ. Объявивъ это Хаджи Мусѣ, прошу Васъ меня увѣдомить что онъ Хаджи Муса самъ думаетъ насчетъ этого условія, то есть, согласится ли Даніель Бекъ на оное. Надобно чтобы они были очень увѣрены что болѣе мы сдѣлать не можемъ и что даже этого уже много ибо въ теченіе восьми лѣтъ онъ хотя безъуспѣшно, всегда старался и дѣйствовать и сильно и жестоко противъ насъ. Что касается до меня, то хотя Даніель Бекъ поступилъ со мною очень дурно я никогда ему вредить не намѣренъ и ради спокойствія края, готовъ его принять хорошо.

Онъ долженъ знать что я не обманщикъ и всегда готовъ скорѣе пропасть нежели обезчестить сѣдую свою голову обманомъ или ложью. Но съ другой стороны никогда не отступлю отъ требованія которое я считаю справедливымъ и ни мало не боюсь его покушеній на насъ и пустой его мысли что онъ можетъ удержатся въ нашихъ Верхнихъ Магалахъ. Мнѣ очень жаль что бѣдные жители такъ много страдали и будутъ еще страдать отъ него, но за это отвѣчать Богу будетъ самъ Даніель Бекъ, а не я, а что онъ не можетъ держатся въ пустыхъ и разоренныхъ Магалахъ я въ этомъ его увѣряю и ежели бы было нужно самъ готовъ собрать еще резервы и придти къ Вамъ на помощь чтобы съ нимъ кончить, но онъ самъ долженъ чувствовать что въ этомъ нужды не будетъ. Скажите также Хаджи Мусѣ что Даніель Бекъ ему говорилъ и повторялъ что его погубили у насъ его непріятели, и что онъ боится ихъ и для будущаго. Я бы хотѣлъ знать кто такіе эти его непріятели и что они могутъ противъ него дѣлать. Я полагаю что можетъ быть некоторые лицы поступали съ нимъ иногда не совсѣмъ такъ какъ бы должно, это было до моего сюда пріѣзда и я за это не долженъ отвѣчать, но теперь этого быть не можетъ и всѣ наши начальники и вообще всѣ Рускіе здѣсь примутъ его и будутъ съ нимъ обходится какъ нельзя лучше, какъ скоро онъ покорится намъ чистосердечно. Все это скажите слово въ слово Хаджи Мусѣ и Назырю, если онъ къ Вамъ отъ него будетъ, но особливо, скажите мнѣ что вамъ скажетъ на это все Хаджи Муса и будетъ ли онъ надѣятся послѣ всего что я здѣсь написалъ что Даніель Бекъ серьезно рѣшится на покорность.

Генералъ Вольфъ сообщитъ Вамъ мои примѣчанія на докладъ его мнѣ, по Вашимъ дѣламъ. Вы изъ этого увидите что я вполнѣ надѣюсь, что при сильной помощи отъ Князя Орбеліанова Вы предпримите сколь можно скорѣе движеніе въ горы и что Богъ Вамъ поможетъ выгнать отъ туда Даніель Бека ежели онъ посмѣетъ дождатся Вашей атаки; но я не могу и думать что главное движеніе Ваше или по крайней мѣрѣ Генерала Волкова должно быть непременно по левому берегу Самура изъ Лучека по хребту, выше Цакуръ, или между Цакуромъ и Кусуромъ. Тутъ неудачи кажется быть не можетъ и сверхъ того Даніель Бекъ при такомъ движеніи можетъ много потерпѣть, ежели же Вы пойдете чрезъ Курдуль на Гельмецъ то съ одной стороны Вы можете найдти большія препятствія и можетъ быть большую потерю людей при почти невозможномъ переходѣ Самура въ виду непріятеля, и при ужасномъ подъемѣ на Цахуръ со стороны Гельмеца. Ежели Вамъ нельзя будетъ идти прямо на Дженикъ или Килялы, то конечно Вашему отряду лучшая дорога на Курдуль и Гельмецъ и вы сдѣлаете сильную диверсію для Дагестанскаго отряда и можете сдѣлать или фальшивую атаку прямо или соединится съ Волковымъ для движенія вмѣстѣ съ нимъ изъ Лучека; но въ такомъ случаѣ Даніель Бекъ ежели

хочетъ можетъ уйдти безъ всякой потери, впрочемъ я Вамъ пишу это мнѣніе слишкомъ изъ далека чтобы оно было рѣшительное; Вы лучше можете разсудить объ этомъ на мѣстѣ и дѣлать то что Вы найдете лучшимъ. Я же совершенно на Васъ полагаюсь.

Изъ двухъ сообщниковъ Хаджи Мурата пойманыхъ послѣ его смерти и которые оба приговорены къ смертной казьни, одинъ уже повѣшенъ въ Нухѣ. На экзекуцію другого я еще не рѣшился потому что онъ поѣхалъ къ Хаджи Мурату изъ Джаръ и объ точной винѣ его я бы хотѣлъ еще имѣть отъ Васъ свѣденіе и Ваше объ этомъ мнѣніе. Карганову предписано послать его въ Закаталы и я буду ждать отъ Васъ всѣхъ подробностей объ немъ, объ его семействѣ, и о томъ что справедливо и полезно объ немъ рѣшить.

Прощайте любезный Александръ Евстафьевичъ, — вѣрьте истинной моей къ Вамъ привязанности.

К. М. Воронцовъ.

7-го іюня 1852 года Боржомъ.

Князь Тархановъ пріѣхалъ къ намъ сюда вчера вечеромъ съ двумя лезгинами по дѣлу Даніель Бека и привезъ мнѣ письмо Ваше любезный Александръ Евстафьевичъ отъ 3-го іюня. Признаюсь, я весьма сожалѣю, что Вы рѣшились прислать ко мнѣ посланнаго отъ Даніель Бека Назыра, не получивши отвѣтъ мой на первое Ваше письмо, или видя изъ этого отвѣта, ежели Вы оный получили, что я считаю совершенно невозможнымъ и безразсуднымъ принять мнимую покорность Даніель Бека, съ позволеніемъ ему жить въ нашихъ Верхнихъ Магалахъ, изъ которыхъ напротивъ того, надо рѣшительно и какъ можно скорѣе его выгнать. Но такъ какъ они сюда пріѣхали, то я ихъ принялъ хорошо и сегодня поутру имѣлъ съ ними длинный разговоръ, въ которомъ я имъ откровенно описалъ мое мнѣніе о Даніель Бекѣ,—невозможность принять его нынѣшнее предложеніе и что покамѣсть онъ не явится къ намъ со всѣмъ своимъ семействомъ, мы ему вѣрить не можемъ.

Князь Тархановъ разскажетъ Вамъ весь нашъ разговоръ и это послужитъ лучшимъ отвѣтомъ и на все то, что Вы мнѣ сами пишете.

Назыръ и Хаджи Муса, оба люди кажется дѣльные и сами не могли опровергнуть всѣ причины мною имъ выставленныя для непринятія предложенія ими мнѣ привезеннаго; обѣщались все пересказать Даніель Беку и Назыръ болѣе всего твердилъ сколько онъ совершенно увѣренъ въ искренности теперешняго намѣренія султана, а я къ своимъ доводамъ прибавилъ въ отвѣтъ, что положимъ что и я его искренности вѣрю, но я никакъ не могу вѣрить Шамилю и чтобы онъ позволилъ бы семейству Даніель Бека съ нимъ выдти. Его дѣло найти средство если онъ этого желаетъ вывезти свое семейство изъ Дагестана

и тогда жить гдѣ мы ему покажемъ или ѣхать въ Мекку, но что во всякомъ случаѣ въ Магалахъ ему жить нельзя и власти тамъ имѣть невозможно.

Пустое обѣщаніе жить тамъ какъ частный человѣкъ и вмѣстѣ съ тѣмъ отвѣчать что не будетъ уже тамъ качаговъ, есть само по себѣ противорѣчіе, доказывающее неискренность, ибо частный человѣкъ не можетъ имѣть ни власти ни способовъ противостоять качагамъ и направить жителей въ какую бы то ни было сторону.

Въ заключеніе я ему велѣлъ сказать: что будутъ отъ этого страдать тысячи семействъ его единовѣрцевъ, но за все это отвѣчать Богу долженъ не я, а онъ самъ Даніель Бекъ.

Я надѣюсь, что Вы, какъ скоро можно, сдѣлаете Ваше движеніе и выгоните всю эту сволочь изъ нашего края, а потомъ приступите рѣшительно къ выселенію жителей, начиная, какъ я полагаю, съ лѣвой стороны Самура и истребляя всѣ деревни этой части Верхняго Магала. Насчетъ мѣста куда можно будетъ переселить жителей, я пишу Генералу Вольфу и Князю Бебутову чтобы они вошли съ Вами объ этомъ въ сношеніе; между тѣмъ до Вашего движенія или до выхода произвольнаго Даніель Бека изъ нашихъ Магаловъ надобно удвоить всѣ осторожности. дабы онъ, видя неуспѣхъ его домогательства, не сдѣлалъ бы намъ какую нибудь пакость.

Буду обо всемъ этомъ нетерпѣливо ждать отъ Васъ увѣдомленія.

Прощайте любезный Александръ Евстафьевичъ. Остаюсь

Преданный Вамъ

К. М. Воронцовъ.

Боржомъ 9-го Іюля 1852 г.

Спѣшу отвѣчать Вамъ, любезный Александръ Евстафьевичъ, на два письма Ваши отъ 1-го и 3-го Іюля, благодарить Васъ за Ваше скорое и счастливое движеніе и поздравить Васъ съ хорошимъ окончаніемъ важнаго и для насъ необходимаго дѣла, прогнанія Даніель Бека изъ нашихъ Магаловъ. Я очень былъ радъ обо всемъ переговорить съ достойнымъ полковникомъ Капгеромъ хотя долженъ былъ его побранить за то что приѣхавъ въ Тифлисъ 4-го рано онъ приѣхалъ сюда только 7-го въ половинѣ дня и что по письмамъ и по приѣжджимъ изъ Тифлиса мы уже 5-го числа знали что онъ проѣхалъ въ Ходжоры, и что Цахуры Вами заняты. Казалось что все это дѣло для меня только оставалось секретомъ, что конечно не очень прилично. Конечно онъ долженъ былъ ѣхать въ Ходжоры съ бумагами на имя Вольфа, и зачемъ его Вольфъ задержалъ такъ долго не знаю, но Капгеръ не имѣлъ права везти въ Ходжоры письмо Ваше на мое имя, котораго Вольфъ распечатать не могъ и которое бы было у

меня здѣсь 5-го числа и тѣмъ бы не оставило меня въ неизвѣстности до 7-го о томъ что въ Тифлисѣ и здѣсь всѣ знали.

На счетъ подробностей и предположеній Вашихъ объ коихъ Генералъ Вольфъ прислалъ мнѣ полную записку съ его мнѣніемъ въ мѣстѣ съ бумагами Вашими, я отвѣчалъ подробною отъ сѣбя запиской, содержаніе которой будетъ Вамъ сообщено Генераломъ Вольфомъ. Съ сожаленіемъ долженъ повторить здѣсь крайнее мое удивленіе на счетъ обѣщанія Вами, для переселенія жителей, кромѣ провіанта натурой и будущихъ льготъ по 50-и рублей на семейство, — полагая 1000 семействъ на это одно надобно 50 тысячъ рублей, а если какъ говоритъ Капгеръ ихъ сочтется до двухъ тысячъ, то это выходитъ 100 тысячъ рублей. Не понимаю какъ этотъ огромный цыфръ Вамъ самимъ не представился и какъ Князь Тархановъ могъ Вамъ сказать что онъ отъ меня это слышалъ. Это просто невозможность, а между тѣмъ, Вы насъ поставили въ самое затруднительное и неприятное положеніе. Я никогда не считалъ на другое пожертвованіе въ этомъ дѣлѣ, кромѣ необходимаго провіанта, и обѣщанія льготъ на будущее время. Какъ изъ этого теперь выйдти я не знаю, но таковая сумма чисто невозможная, и одно средство есть, какъ я написалъ Вольфу, и по совѣщанію съ Капгеромъ, сдѣлать аккуратный росчетъ о томъ что почти необходимо и что мы найдемъ возможнымъ и тогда деньги но какъ можно меньше къ Вамъ пришлются, — провіантъ мы должны Вамъ послать, не смотря на всѣ затрудненія отъ Интенданства, въ слѣдствіе скудного теперь положенія всѣхъ нашихъ Магазиновъ. Признаюсь что не понимаю также распоряженія Ваши на счетъ барановъ которыхъ Вы съ перва такъ хорошо и распорядительно переправили на правый берегъ Алазани и въ мѣстѣ съ тѣмъ писали что Вы ихъ отправляете въ Елизабетпольскій уѣздъ; это была единственная мѣра и для спасенія большой части этихъ барановъ и для поддержанія нашего достоинства противъ тѣхъ которые отложившись отъ насъ, желали этихъ барановъ опять вогнать въ горы, но при этомъ Вамъ бы слѣдовало какъ я о томъ немедленно Вамъ и писалъ войти въ сношеніе съ гражданскимъ начальствомъ о помѣщеніи этихъ барановъ и пастуховъ, и особенно въ тотъ же день написать о томъ Елизабетпольскому Уѣздному Начальнику, который бы зналъ и умѣлъ куда ихъ помѣстить или куда ихъ направить. Сегодня Князь Мамука сюда пріѣхалъ и отвѣчалъ на мой вопросъ что онъ отъ Васъ ни одного слова не получилъ. Теперь не знаю сколько этихъ барановъ на плоскости пропало и безопасно ли то мѣсто куда Вы ихъ послали послѣ переправы обратно на лѣвый берегъ Алазани. На счетъ нового предположенія Даніель Бека я буду Вамъ отвѣчать особо и оффиціально, но во всякомъ случаѣ принять его одного безъ семейства невозможно и всетаки полагаю что Шамиль семейства его не отпуститъ. Какъ скоро же онъ явится къ намъ съ семействомъ, кромѣ одной только дочери

которая вышла за сына Шамиля, то я возьму на сѣбя дать ему пашпортъ въ Мекку, куда онъ можетъ ѣхать или одинъ или съ семействомъ. Не могу кончить этого письма не сказавъ Вамъ еще разъ сколько я отъ всей души отдаю полную справедливость дѣятельной рѣшительности и самоотверженію Вами показаннымъ во всемъ этомъ дѣлѣ. Ежели по некоторымъ статьямъ я не могу быть съ Вами согласенъ, это не мѣшаетъ мнѣ изъявить Вамъ душевную признательность за всѣ тѣ мѣры коимъ мы обязаны за хорошое окончаніе этого дѣла. Я не упущу все это и всѣ Ваши заслуги, ровно какъ и заслуги храбрыхъ и достойныхъ Вашихъ сподвижниковъ, на милостивое усмотреніе Государя Императора, буду ожидать подробныхъ Вашихъ рекомендацій и подкреплю все что мнѣ покажется возможнымъ. Прощайте любезный Александръ Евстафьевичъ и вѣрьте истинной моей къ Вамъ привязанности.

К. М. Воронцовъ.

9 Іюля 1852. № 154. Боржомъ.

Насчетъ пашпорта Даніель Беку, для слѣдованія въ Мекку прошу ему объявить, что пашпортъ я вышлю къ Вамъ и Вы ему передадите. Въ пашпортѣ будетъ оговорено, что Д. Беку дано право ѣхать въ Мекку съ семействомъ. И затѣмъ если онъ выйдетъ съ своею семьею, то мы укажемъ ему для жительства у насъ такое мѣсто, которое ему будетъ выгодно и пріятно, и дозволено будетъ ему ѣхать въ Мекку. Но если явится одинъ, то, надобно сказать правду, мы его задержимъ.

Его Прву Е. Б. А. *К. Воронцовъ.*

Врангелю.

16 Іюля Боржомъ. 1852 г.

Любезный Александръ Евстафьевичъ. Я былъ обрадованъ при возвращеніи сюда вчера поздо изъ Ахальциха и Ахалкалака письмомъ Вашимъ чрезъ К. Илью Орбельянова. Совершенный и столь благополучно конецъ Вашей экспедиціи есть дѣло важное: и по теперишнимъ нашимъ обстоятельствамъ и для будущаго. Я не сомнѣвался что Вы прогоните Даніель Бека, но никакъ не могъ быть увѣренъ, что дѣло переселенія, кончится такъ хорошо и легко. Всѣ подробности которыя я узналъ отъ К. Ильи, суть самыя удовлетворительныя и переселеніе, какъ Вы его теперь дѣлаете есть самое полѣзное, гораздо менѣе будетъ намъ стоить и особливо при постановленіи сильнаго населенія въ Сарубашѣ будетъ намъ полѣзно для защиты края и потребуетъ менѣе войскъ нежели всякая другая мѣра и для праваго фланга и для Нухинскаго уѣзда. Теперь не надо уже думать ни о Гельмецѣ ни о Курдулѣ. Когда я писалъ объ этомъ, я не зналъ то, что послѣ того сдѣлано, а напротивъ того по словамъ

П. Капгера, боялся, что не всѣ деревни добровольно переселятся. Теперь слава Богу все это кончено и нельзя лучше сдѣлать какъ то, что Вы сдѣлали.

Я буду ждать отъ Васъ представленія о всѣхъ тѣхъ которые Вамъ такъ хорошо и усердно помогали и долгомъ сочту все поднесть на Высочайшее разрѣшеніе. Я писалъ Г-лу Вольфу чтобы Вамъ послать еще тысячу рублей экстраорд. суммы и другую тысячу рублей собственно для Васъ. Насчетъ провіянта для переселяющихся, давно уже все сдѣлано и я Васъ прошу только быть какъ можно разборчивѣе для того, чтобы помощъ шла только истинно нуждающимся, а равно и въ употребленіи экстраорд. суммы — помня что у насъ денегъ весьма мало. Объ денежномъ пособіи я остаюсь при томъ же мнѣніи, что многимъ оно совсѣмъ не слѣдуетъ, а что тѣмъ которые истинно нуждаются, можно дать до 5 р. а только въ крайнихъ случаяхъ и по необходимости до 10-ти. Опять повторяю что я никогда не говорилъ о такой суммѣ какъ 50 р. и для таковой суммы, я не имѣю ни права ни денегъ, а когда мы говорили можетъ быть съ К. Тархановымъ о нуждѣ денежной помощи, то и надо еще и то помнить, что тогда дѣло шло о переселеніи въ дальнія мѣста и даже въ Эриванскую губернію. Теперь же эти жители переходятъ въ самые ближніе мѣста и большею частью даже въ такіе гдѣ у насъ есть болѣе или менѣе своя осѣдлость.

Г-лъ Вольфъ уже прислалъ мнѣ черновой приказъ и я велѣлъ дополнить гдѣ ни Вы ни кто изъ Вашихъ храбрыхъ сослуживцевъ не будутъ забыты.

К. Илья мнѣ говорилъ съ восхищеніемъ о его службѣ съ Вами и обо всѣхъ мѣрахъ Вами принятыхъ въ теченіи этой короткой но весьма полѣзной экспедиціи, которая намъ дала результатъ, котораго мы надѣялись получить два года тому назадъ, но не получили и съ тѣхъ поръ считали почти невозможнымъ, и во всякомъ случаѣ весьма затруднительнымъ.—К. Илья отправляется сегодня—поѣдетъ къ Г-лу Вольфу въ Годжоры, но это письмо пошлетъ къ Вамъ чрезъ Штабъ съ нарочнымъ. Полк. Капгеру прошу отъ меня поклонится и повторить, что я умѣю его цѣнить и что только виню за то, что онъ не прислалъ ко мнѣ съ нарочнымъ изъ Тифлиса письма Вашего на мое имя и тогда я не былъ бы три дня безъ извѣстія о томъ, что въ городѣ всѣ знали.

К. Илья мнѣ говорилъ отъ имени К. Мухранскаго насчетъ Кара-Али. Я совершенно согласенъ на употребленіе сыновей его на службу и на возвращеніе его къ намъ. О возвращеніи же его чина я напишу въ Петербургъ и это зависитъ отъ одного Государя. Для Даніель Бека посылаю чрезъ Штабъ паспортъ. Посмотримъ что изъ этаго будетъ, но я всетаки думаю что Шамиль семейство его не отпуститъ, а безъ семейства мы его не можемъ держать нигдѣ иначе, какъ подъ присмотромъ.

Прощайте любезный Александръ Евстафьевичъ — буду ждать дальнѣйшихъ

отъ Васъ извѣстій о ходѣ дѣлъ вообще. Я надѣюсь что теперь у насъ будетъ безопасно и въ центрѣ и на лѣвомъ флангѣ линіи, что это переселеніе сильно подѣйствуетъ на Джурмушъ и на другихъ Горцевъ и дастъ Вамъ болѣе способовъ прибавить караулы, партіи охотниковъ и разъѣзды на плоскости и по берегамъ Алазани. Хорошо бы было также болѣе очистить дорогу отъ лѣса по направленію отъ Муганло до Закаталъ и можетъ быть что новые переселенцы сами возьмутся очищать тамъ для себя пахатныя поля. Я отправляюсь отъ селѣ завтре и останусь въ Гаджорѣ близъ Тифлиса до первыхъ чиселъ августа.

Вѣрьте истинному моему къ Вамъ почтенію и привязанности.

К. М. Воронцовъ.

Дѣло съ Кара-Али можетъ быть Вы разсудите поручить К. Мухранскому. К. Тарханова сдѣлайте милость поблагодарите отъ меня за все что онъ дѣлаетъ подъ Вами. Онъ долженъ быть увѣренъ что я его не забуду.

М. В.

P. S. Князь Илья показывалъ мнѣ записку куда какая деревня изъ Верхнихъ Магаловъ переходитъ. Это распоряженіе мнѣ кажется самое лучшее и истинно меня радуетъ. Я надѣюсь что ничто не помѣшаетъ Вамъ это привести въ дѣйствіе. Еще онъ мнѣ сказалъ что важныя дѣла, которыя Вы имѣли на плечахъ и безпрестанныя военныя дѣйствія, помѣшали Вамъ и Князю Мухранскому, занятся какъ бы хотѣли построеніемъ церквей для выкрещенныхъ Енгилойцевъ. Теперь я надѣюсь что ничто Вамъ не помѣшаетъ занятся дѣятельно этимъ необходимымъ дѣломъ. Я боюсь что тутъ было недоразумѣніе когда татары протестовали противъ церкви въ д. Караганѣ и хотѣли строить тамъ мечеть, я отвѣчалъ что въ мечети надо повременить и что мнѣ надо сперва узнать отъ нихъ, почему они хотятъ строить мечеть теперь тамъ, гдѣ прежде мечети не имѣли, хотя число мусульманъ тамъ было болѣе, но насчетъ церкви, я сказалъ что надо приступить немедленно и всѣми возможными способами. Теперь вездѣ у Васъ на плоскости спокойно и не надо терять ни минуты, чтобы начать это построеніе. Правило наше всегда должно ободрять тѣхъ которые самопроизвольно крестились и также снабдить ихъ церквами для отправленія всѣхъ требъ христіянскихъ. Татаръ же ни въ чемъ не принуждать и не обижать и когда я объявилъ что въ Караганѣ построеніемъ новой мечети надо повременить и спросить о причинахъ сего новаго и ненужнаго построенія я вмѣстѣ съ тѣмъ объявилъ, что ихъ богослуженію ни въ чемъ и никогда не мѣшаю а теперь ежели имъ нужна помощь для какой мечети въ другомъ мѣстѣ, то я готовъ имъ послать немедленно нѣсколько сотъ рублей.

К. Воронцовъ.

16 Іюля.

Любезный Александръ Евстафьевичъ я получилъ Ваше письмо отъ 14 Іюля въ отвѣтъ на мое посланное съ П. Капгеромъ. Я Вамъ писалъ предъ симъ много и подробно въ письмѣ отправленномъ чрезъ К. Илью до Тифлиса.— Письмо это теперь вѣрно уже у Васъ.—Не имѣю ни минуты времени и буду отвѣчать на Ваше письмо отъ 14 числа, по пріѣздѣ въ Тифлисъ. Теперь спѣшу только снова душевно Васъ благодарить за всѣ полѣзныя дѣйствія Ваши и особливо за переселеніе. Все это свершилось такъ хорошо и скоро какъ нельзя было ожидать. Мѣста переселенія совершенно одобряю. Насчетъ Гельмеца и Курдула и думать не должно. Я писалъ Вамъ объ нихъ когда не зналъ то, что знаю теперь и когда мы не думали и П. Капгеръ не ожидалъ что будетъ такъ много переселяющихся на плоскость.

Прощайте любезный Александръ Евстафьевичъ, обнимаю Васъ отъ всего сердца и остаюсь навсегда

Преданный вамъ
К. Воронцовъ.

Коджоры 9 Августа 1852.

Князь Тархановъ вручилъ мнѣ любезный Александръ Евстафьевичъ письмо Ваше отъ 3-го числа за которое я Вамъ душевно благодаренъ. Съ большимъ удовольствіемъ разговаривалъ я съ Княземъ Тархановымъ обо всемъ что у Васъ было, и что теперь дѣлается, и съ крайнимъ удовольствіемъ также увидѣлъ я сколь чистосердечно Князь Тархановъ Вамъ преданъ и благодаренъ за Вашу къ нему довѣренность и за постоянно благосклонное Ваше съ нимъ обращеніе. Я болѣе и болѣе удостовѣрился какое прекрасное Вы сдѣлали дѣло этимъ переселеніемъ и какъ Вы умѣли, умными распоряженіями и ласковымъ съ ними обращеніемъ склонить все это народонаселеніе такъ скоро и такъ безпрепятственно оставить мѣста ими и предками занимаемыя и перейти на плоскость; это событіе важное и не можетъ не имѣть самыхъ лучшихъ для насъ послѣдствій.

Теперь поговорю я съ Вами о самомъ Князѣ Тархановѣ; надо знать что въ прошедшемъ году и когда онъ не имѣлъ опредѣленнаго назначенія, я хотѣлъ и онъ этого желалъ взять его съ собою въ Крымъ, но нѣкоторыя обстоятельства этому воспрепятствовали; теперь хотя такая поѣздка все таки была бы ему весьма пріятная, и я самъ бы этого весьма желалъ но онъ и не думаетъ возможнымъ оставить Васъ послѣ толикихъ знаковъ Вашей къ нему благосклонной довѣренности, а еще менѣе сдѣлать что нибудь не согласное съ Вашимъ желаніемъ. Я же подумавъ о семъ и считая что особливо по дѣлу переселенцевъ онъ еще можетъ быть Вамъ полезнымъ нахожу одну среднюю мѣру, ко-

торую и подвергаю на Ваше разсмотрѣніе. Я бы хотѣлъ чтобы Тархановъ остался бы еще у Васъ до первыхъ чиселъ Сентября, но чтобы около 7-го и 8-го того мѣсяца Вы бы его послали ко мнѣ курьеромъ съ подробнымъ донесеніемъ обо всемъ томъ, что до того у Васъ сдѣлается, и особливо подробно описали все что касается до быта и до поведенія вновь переселенныхъ изъ Горныхъ Магаловъ жителей, такъ и о всемъ происходящемъ около Елису и Сарубаши. Я очень радъ былъ слышать отъ Князя Тарханова, что Князь Григорій всегда готовый Вамъ помогать занялъ на время Гельмецъ; это совершенно обезпечиваетъ наше новое положеніе и для начала чрезвычайно полезно. Я Васъ прошу также послать ко мнѣ съ Княземъ Тархановымъ самое подробное свѣдѣніе на счетъ Ингилойцевъ, сколько ихъ перекрестилось, какъ идетъ построеніе для нихъ церьквей и вообще какъ это доброе дѣло подвигается. Между 25-мъ и 30-мъ Сентября я надѣюсь гдѣ нибудь представиться Государю Императору и я бы хотѣлъ тогда представить Его Величеству свѣжія и подробныя свѣдѣнія не только объ этихъ двухъ важныхъ статьяхъ, и о всемъ прочемъ. Ежели Тархановъ отъ Васъ поѣдетъ и 10-го Сентября то и тогда онъ совершенно успѣетъ къ нужному времени прямо въ Алупку съ курьерскою подорожною чрезъ Черноморію, Тамань и Керчь.

Представленія Ваши всѣ разсмотрѣны и пойдутъ къ Государю по экстрапочтѣ послѣ завтра въ понедѣльникъ съ тою только разницею, что желая подвинуть въ генеральскій чинъ не только Капгера, но и Князя Илью Орбеліянова, ибо хотя послѣдній не старый полковникъ но производство его будетъ полезно для службы, а съ другой стороны, не желая обидѣть нѣкоторыхъ полковниковъ старѣе даже Капгера, какъ то Ходзько и Славича, я прошу Государя чрезъ Военнаго Министра о производствѣ Капгера и Князя Орбеліянова въ Генералъ-Маіоры 6-го декабря, и надѣюсь что въ этомъ отказа не будетъ. Братъ Князя Ильи, Князь Григорій такимъ же образомъ былъ произведенъ въ 1848 году хотя только два года былъ полковникомъ, и польза такого производства скоро оказалась на дѣлѣ. Гораздо бы было труднѣе просить для Князя Ильи званія Флигель-Адъютанта ибо это назначеніе въ видѣ домашняго у самого Государя, и по Его собственному выбору рѣдко или почти никогда не представляется частными начальниками, а полученіе 3-го Владиміра непремѣнно бы помѣшало его производству 6-го Декабря которое я желаю больше можетъ быть для службы нежели для его самого. При этомъ случаѣ я долженъ Вамъ сказать что Князь Илья совершенно тронутъ и восхищенъ отличною Вашею объ немъ рекомендаціею и Вамъ вѣкъ за это будетъ благодаренъ. Онъ говоритъ что служить подъ Вашимъ начальствомъ всегда будетъ для него и лестно и пріятно, и я зная его съ давнихъ поръ, знаю что онъ это говоритъ совершенно чистосердечно. Я надѣюсь любезный Александръ Евстафьевичъ что Вы найдете спра-

ведливыми причины сей отмѣны въ Вашемъ представленіи и что Вы не будете за это мною недовольны.

Пожелавъ Вамъ добраго здоровья и во всемъ успѣховъ, остаюсь на всегда

истинно Вамъ преданный

К. М. Воронцовъ.

P. S. У насъ опять на дняхъ ограбили почту между Шанхоромъ и Елисаветполемъ и по свѣдѣніямъ о сію пору полученнымъ есть причины думать что ограбленіе это сдѣлано лезгинами; можетъ быть и не такъ но я во всякомъ случаѣ прошу Васъ сдѣлать милость всячески стараться узнать были ли это лезгины и ежели лезгины то какимъ путемъ и какимъ образомъ они могли воротиться въ Ваши предѣлы и можно ли найти тамъ ихъ слѣды и возможно ли будетъ ихъ схватить.

М. В.

Тифлисъ 22 ноября 1852.

Я давно хотѣлъ и долженъ былъ Вамъ писать, любезный Александръ Евстафьевичъ, тѣмъ болѣе, что было много за что Васъ благодарить; но съ перва нездоровіе, потомъ длинное и трудное путешествіе, а по пріѣздѣ сюда огромная куча дѣлъ, столь долго меня дожидающая, мнѣ въ томъ помѣшали. Оффиціально же, сношенія наши по Штабу и по Гражданской Части не останавливались, и я всегда дѣлалъ все что только отъ меня зависило для удовлетворенія всѣхъ Вашихъ требованій и желаній по службѣ. Командованіе Ваше въ этомъ году на Лезгинской линіи останется у Васъ всегда пріятнымъ и лестнымъ памятникомъ и отличныя Ваши дѣйствія постоянно были увѣнчаны полнымъ успѣхомъ. Возвращеніе Князя Аргутинского о которомъ однако мы еще не совсѣмъ оффиціально знаемъ, освобождая Князя Орбеліанова отъ Дагестана, освободитъ и Васъ отъ Закаталы, но я надѣюсь что Вы всегда будете имѣть въ виду опять при первомъ случаѣ не отказатся отъ военныхъ порученій, столь для Васъ сродныхъ, и въ которыхъ отъ Васъ всегда должно ожидать полезный и блистательный успѣхъ. Вы увидите вѣрно съ удовольствіемъ что по представленію Вашему, Полковникъ Капгеръ произведенъ въ Генералы; Государь это сдѣлалъ не дожидаясь даже 6-го Декабря. Астафьеву будетъ сдѣлано все что только можно чтобы его ободрить и полагаю что и Князь Григорій будетъ очень доволенъ такимъ его отраднымъ Квартирместромъ. Я надѣюсь въ скоромъ времени Васъ здѣсь видѣть между тѣмъ обнимаю Васъ душевно и остаюсь на всегда

Преданный Вамъ

К. М. Воронцовъ.

P. S. По всѣмъ бумагамъ отъ Васъ требующимъ отвѣты, всѣ разпоряженія сдѣланы изъ Штаба оффиціально, а здѣсь я скажу только два слова на счетъ карауловъ изъ жителей по правому берегу Алазани. Посты Вами показанные весьма хорошо выбраны и какъ Вы говорите, ежели жители на оныхъ будутъ служить исправно лезгинамъ будетъ весьма трудно дѣлать прорывы, но одно важное затрудненіе, тутъ есть климатъ въ лѣтнее время жители въ этотъ срокъ тамъ оставатся не могутъ а ежели бы и оставались то непременно перемрутъ, поэтому то необходимо сдѣлать какую нибудь перемѣну и объ этомъ мы теперь въ сношеніи съ гражданскимъ начальствомъ.

М. В.

Тифлисъ 3-го Декабря 1852.

Спѣшу отвѣчать, любезный Александръ Евстафьевичъ, на письмо Ваше отъ 27-го Ноября и радуюсь душевно что могъ сдѣлать Вамъ удовольствіе изъясьненіемъ всей моей признательности къ Вамъ за отличное Ваше служеніе и полезныя дѣйствія на посту временно Вами занятому на Лезгинской линіи. Будьте увѣрены что я вполнѣ ценю Ваши заслуги и всегда буду готовъ и радъ дать Вамъ случай оказывать новыя. Я увѣренъ что Вы также усердно будете продолжать Ваши старанія и полезныя усилія до пріѣзда Князя Орбеліанова, который оставитъ Шуру тотъ часъ по прибытіи Князя Моисея Захаровича. По этому самому, и такъ какъ возвращеніе Князя Орбеліанова можетъ быть весьма скоро, я полагаю что Вамъ лучше будетъ пріѣхать въ Тифлисъ по здачи должности и по объясьненію Вашихъ мыслей Князю Григорію. Я же всегда истинно радъ Васъ видѣть, узнать отъ Васъ лично Ваши мнѣнія и видѣтся съ Вами какъ можно чаще. И такъ до свиданія, любезный Александръ Евстафьевичъ, вѣрьте истинной моей къ Вамъ привязанности.

К. М. Воронцовъ.

Милостивый Государь
Баронъ Александръ Евстафьевичъ.

Прочитавъ съ истиннымъ удовольствіемъ въ представленномъ Вами журналѣ о пораженіи горцевъ на Аргунѣ 28 Августа, нашими храбрыми казаками, я спѣшу выразить Вамъ признательность мою и поручаю Вашему Превосходительству передать мою благодарность Генералъ-Маіору Бакланову за неутомимую дѣятельность его, а равно благодарить лицъ поименованныхъ въ донесеніи.

При этомъ случаѣ мнѣ особенно пріятно свидѣтельствовать Вашему Превосходительству сердечную благодарность за полную готовность къ высылкѣ на Турецкую границу 2-хъ баталіоновъ Егерскаго имени моего полка. Этимъ

Вы снова удостовѣрили меня въ томъ искреннемъ стремленіи къ добру и успѣху, которымъ всегда ознаменовывалась полѣзная и въ мірѣ и въ войнѣ служба Ваша.

Примите увѣреніе въ совершенномъ моемъ почтеніи и преданности.

№ 1082. *К. М. Воронцовъ.*

6 Сентября 1853 г.

Коджоры.

Тифлисъ 18-го октября 1853.

Любезный Александръ Евстафьевичъ. Вы вѣрно уже знаете, что по случаю болѣзни Князя Бебутова, К. А. И. Барятинскій отправился въ Александрополь, дабы не потерять единства въ командованіи и распоряженіяхъ по всей нашей границѣ, столь сильно теперь угрожаемой; впрочемъ К. Бебутовъ по милости Божьей и при хорошихъ медицинскихъ средствахъ, избавился отъ лихорадки и день ото дня поправляется и входитъ въ силы. Я надѣюсь что черезъ пять или шесть днѣй онъ будетъ въ состояніи отправится и тогда К. Барятинскій возвратится сюда. Я читалъ сегодня донесеніе Ваше о приготовленіяхъ Шамиля идти на Васъ и не могу противится намѣренію Вашему оставить еще на время у сѣбя баталіонъ Кабардинскаго полка, надѣясь что Кумыкская плоскость можетъ противустоять нападенію, имѣя достаточно кавалеріи и при помощи, когда нужно, нѣсколькихъ сотенъ, храбраго Г. М. Суслова, который назначенъ Княземъ Аргутинскимъ командовать въ Чирѣ Юртѣ и вѣрно самъ пожелаетъ прискакать на помощь Барону Николаи. Вы вѣрно вошли объ этомъ въ сношеніе съ Княземъ Аргутинскимъ и съ самимъ Сусловымъ. Что же касается до Большой Чечни то я въ полной мѣрѣ чувствую что мы Васъ ослабили двумя баталіонами, чего я и не смѣлъ требовать, но Вы сами написали что для оборонительнаго положенія, Вы находите сѣбя довольно сильнымъ. Я надѣюсь что третій баталіонъ Куринскій, который теперь замѣнитъ на Лезгинской линіи пять ротъ Тифлискихъ и Мингрельскихъ, скоро можетъ быть къ Вамъ спущенъ и надѣюсь также что скоро возможно будетъ отпустить во Владикавказъ баталіонъ Новогинскій,—между тѣмъ Вамъ остается только, какъ Вамъ писалъ К. Барятинскій взять къ себѣ три или четыре сотни Гребенского и Моздокского полковъ, дабы сильною кавалеріей, подъ начальствомъ Бакланова дать отпоръ Чеченцамъ и другимъ собраннымъ Шамилемъ, въ случаѣ ихъ къ Вамъ вторженія. Изъ половины Дагестана Шамиль немного соберетъ теперь охотниковъ,—большія потери ихъ въ Лезгинской экспедиціи и зима въ горахъ будутъ имъ большимъ препятствіемъ. Я также надѣюсь что К. Григорій Орбеліановъ скоро спуститъ, ежели еще не спустилъ къ намъ два баталіона гренадерской бригады теперь у него находящихся. Ежели бы только Богъ далъ намъ время

соединить эти два баталіона и два баталіона Князя Паскевича полка къ отряду на Арпачаѣ, недалеко отъ Александрополя, которымъ командуетъ, до пріѣзда Князя Бебутова К. Илья Орбеліановъ, или можетъ быть теперь К. Барятинскій, то съ такимъ отрядомъ, составленнымъ изъ такихъ войскъ, можно будетъ спокойно ожидать непріятеля и сказать ему милости просимъ, въ какой бы онъ силѣ не показался. Турки еще не начали военныхъ дѣйствій, хотя срокъ прежде ими назначенный прошелъ, но кажется должны скоро начать въ одно время на разные пункты. Я бы уже давно усилилъ главный нашъ отрядъ, ежели бы не оказалась необходимость оставить шесть баталіоновъ 13-ой дивизіи на Гурійской границѣ и около моря, на которыя мѣста весьма сильное ополченіе готовится изъ Батума. Мы во всякомъ случаѣ не ударимъ лицомъ въ грязь и будемъ защищатся, хотя съ начала и малыми силами, — но потомъ какъ соберемся, то дѣло будетъ легче и для насъ выгоднѣе. Молите Бога за насъ, такъ какъ мы молимся и за Васъ и просимъ для Васъ всякого роду успѣховъ и для Васъ лично хорошого здоровія. Жена моя Вамъ усердно кланяется и вмѣстѣ со мною и Графинею Шуазель молится Богу за Васъ и за всѣхъ Вашихъ храбрыхъ товарищей. Обнимаю Васъ душевно и остаюсь на всегда

преданный Вамъ
К. М. Воронцовъ.

Ставрополь 18-го Марта 1854-го года.

Любезный Александръ Евстафіевичъ. Я надѣюсь что Вы были увѣрены что я не уѣду изъ края безъ того чтобы не написать Вамъ нѣсколько словъ, простится съ Вами, хотя я надѣюсь не надолго и благодарить Васъ за все что Вы дѣлаете и за всѣ Ваши успѣхи на занимаемомъ Вами столь важномъ мѣстѣ. Г. Козловскій третьяго дни показалъ мнѣ рапортъ Вашъ о новомъ прекрасномъ дѣлѣ храбраго Бакланова. Надо признатся что онъ молодецъ и что Вы умѣете пользоватся имѣющеюся у Васъ кавалеріею, для наказанія враждебныхъ попытокъ. Потеря въ послѣднемъ дѣлѣ Чеченцевъ и навѣрное изъ нихъ самыхъ лучшихъ, должна быть для нихъ чувствительна; тѣмъ болѣе, что здѣсь они одни должны были дратся и не жертвовали въ свою пользу, какъ то бывало въ зимнихъ экспедиціяхъ несчастными Тавлинцами. Любопытно будетъ знать на что рѣшится Шамиль въ теперешнихъ обстоятельствахъ, — онъ долженъ что нибудь предпринять серьезное и исполнить долгъ свой Султану и Западнымъ Державамъ, которыя такъ несправедливо и смѣю думать безразсудно объявляютъ намъ войну изъ одной къ намъ злости и желанія и надежды сдѣлать намъ сильный вредъ, ибо что касается до Турціи, она больше пострадаетъ отъ всего этого и отъ требованій новыхъ своихъ союзниковъ, нежели когда нибудь могла бы потерпѣть отъ умѣренныхъ требованій нашего Государя.

Надѣюсь однако что Богъ поможетъ намъ въ правомъ дѣлѣ, что Шамилю ничто не удастся, потому что мы вездѣ сколько можно готовы и что предпріятія Англичанъ и Французовъ будутъ безъуспѣшны. Конечно въ такомъ положеніи, мы должны пожертвовать фортами береговой линіи, но снятіе оныхъ намъ никакого вреда не сдѣлаетъ. Гарнизоны шести изъ этихъ фортовъ уже отвезены благополучно и безъ всякой потери въ Новороссійскъ, — то же самое можетъ быть уже сдѣлано и на счетъ Геленджика, а ежели они сильнымъ флотомъ и десантомъ займутъ и Новороссійскъ и захотятъ идти въ передъ по Кубани и какъ они хвастаютъ для возстанія всѣхъ жителей, даже по ихъ мнѣнію и казаковъ и угрожать военно-грузинской дорогѣ, то по прекраснымъ распоряженіямъ Государя и сильномъ сборѣ порученномъ Генералу Хомутову можно надѣятся что они сильно за это заплотютъ. Викентій Михайловичъ прекрасно распоряжается здѣсь, для безопасности дороги и для защиты Карачая отъ Магометъ Эмина. Резервная дивизія прекрасно въ этомъ ему помогаетъ, а переходъ уже черезъ горы драгунской бригады и на дняхъ всей 18-ой дивизіи, дадутъ средство за Кавказомъ вездѣ показать зубы непріятелю, кто бы онъ ни былъ. Даже на слабомъ нашемъ правомъ флангѣ, гдѣ храбрый Князь Андрониковъ будетъ имѣть сильный отрядъ и въ случаѣ нужды, притянетъ къ сѣбѣ линейные баталіоны изъ Абхазіи. — Здѣсь сдѣлано съ нашей стороны все возможное, прочее зависитъ отъ Бога, который не оставитъ свою любимую Россію. Прощайте любезный Александръ Евстафьевичъ — ежели Вы мнѣ что нибудь напишите въ отвѣтъ на это письмо то прошу прислать письмо Ваше ко мнѣ здѣшнему почтмейстеру г-ну Мицупову, который будетъ знать какъ ко мнѣ доставить и два раза въ мѣсяцъ будетъ пользоватся курьеромъ отъѣзжающимъ 1-го и 15-го изъ Тифлиса въ Одессу и который будетъ оставлять письмы ко мнѣ въ Херсони у генерала Ильинского. Мы же сами отъѣзжаемъ отъ сели 30-го и ежели Богъ поможетъ надѣемся быть 8-го Апрѣля въ Херсони. Прошу Васъ обнять отъ моего имени храброго Бакланова и хотя я уже теперь на время неоффиціальный а партикулярный больной человѣкъ, прошу Васъ поздравить отъ меня и поблагодарить всѣхъ молодцевъ которые участвовали и по обыкновенію отличились въ послѣднихъ дѣлахъ. Княгиня Вамъ усердно кланяется, равно какъ и графиня Шуазель, обнимаю Васъ душевно и остаюсь на всегда

Преданный Вамъ

К. М. Воронцовъ.

Письма С. Сафонова барону А. Е. Врангелю, 1848 и 1850 гг.

Милостивый Государь
Баронъ Александръ Евстафьевичъ.

Третьяго дни, я имѣлъ удовольствіе получить письмо Вашего Превосходительства о нѣкоторыхъ лицахъ, представленныхъ Вами къ наградамъ, за дѣйствія во время вторженія Шамиля въ Самурскій Округъ. Вчера, представленіе Ваше отправлено къ Военному Министру въ подлинникѣ, съ просьбою Князя, испросить Высочайшее соизволеніе на испрашиваемыя Вами награды. Душевно желаю, чтобы общее желаніе наше исполнилось, а еще болѣе желаю, чтобы удостоилось утвержденія Государя Императора представленіе о наградѣ Васъ прямо орденомъ Св. Анны 1-й степени. Я не имѣю нужды Вамъ льстить, а потому смѣло могу говорить, что эта награда будетъ справедливымъ возмездіемъ Вашихъ неутомимыхъ трудовъ и благороднаго желанія добра и пользы, ввѣренной Вамъ губерніи.

Надѣюсь доложить Князю на будущей недѣлѣ всѣ сдѣланныя Вами представленія по Шемахинской губерніи. Вы конечно не будете пенять, если не всѣ они будутъ пущены въ ходъ. Нѣкоторые не подходятъ подъ установленныя правила и притомъ по недавно послѣдовавшему Высочайшему повелѣнію, намъ предоставлено право наравнѣ съ министерствами представлять въ годъ къ наградамъ по всѣмъ вѣдомствамъ и по всему краю 60 человѣкъ.

Представленіе объ Васъ отправлено вчера съ Адъютантомъ Князя Адиль-Гиреемъ; а потому разрѣшеніе должно послѣдовать въ скоромъ времени.

Князь мнѣ сказалъ, что мы будемъ имѣть удовольствіе въ скоромъ времени видѣть Васъ въ Тифлисѣ. Когда мнѣ удастся побывать въ Шемахѣ и тѣмъ исполнить давнишнее мое желаніе?

Вѣрьте постояннымъ чувствамъ душевнаго моего къ Вамъ почтенія и преданности.

5 Ноября 1848 г. *С. Сафоновъ.*

Тифлисъ.

Милостивый Государь
Баронъ Александръ Евстафьевичъ.

Съ душевнымъ удовольствіемъ поспѣшаю поздравить Ваше Превосходительство съ полученіемъ Монаршей награды, хотя не могу не жалѣть, что Государю угодно было сохранить постепенность и дать вмѣсто Анны, Станислава

1-й степени. По крайней мѣрѣ, Вы увидѣли изъ сдѣланнаго представленія все желаніе князя Михаила Семеновича доставить Вамъ высшую награду и то вниманіе, которое онъ имѣетъ къ Вашимъ трудамъ и заботамъ.

Г. Славичь привезъ намъ изъ Шемахи непріятное извѣстіе о Вашей болѣзни. Душевно желаю, чтобы Вы поскорѣе выздоровѣли и чтобы имѣли возможность скорѣе къ намъ пріѣхать.

Примите увѣреніе въ чувствахъ душевнаго моего къ Вамъ почтенія и преданности.

11 Декабря 1848 г. *С. Сафоновъ.*

Тифлисъ.

Милостивый Государь
Баронъ Александръ Евстафьевичъ

Ваше Превосходительство, отъ 25-го Января сего года испрашиваете разрѣшенія Князя Намѣстника, объ увольненіи Совѣтника Шемахинской Палаты Уголовнаго и Гражданскаго Суда Г. Надворнаго Совѣтника Люлина, въ четырехъ мѣсячный отпускъ къ Кавказскимъ Минеральнымъ водамъ, для излѣченія отъ болѣзни съ сохраненіемъ содержанія.

Прежде дачи хода представленію Вашему, я долгомъ считаю довѣсти до свѣденія Вашего, Милостивый Государь, что разрѣшеніе вопроса о сохраненіи при увольненіи Г. Люлина въ четырехъ мѣсячный отпускъ содержанія, зависитъ собственно отъ Высочайшей власти и если объ этомъ Князь Михаилъ Семеновичь будетъ писать въ С.Петербургъ, то за состоявшимися не разъ Высочайшими подтвержденіями о томъ: чтобы не входить съ представленіями ни о какихъ сверхъ смѣтныхъ денежныхъ выдачахъ, — какъ бы не получить отказа; въ отвращеніе чего я съ своей стороны полагаю: не лучше ли будетъ, если въ 1-х числахъ Мая дать Г. Люлину отпускъ къ Кавказскимъ Минеральнымъ водамъ на 29 дней, потомъ по окончаніи срока оному отсрочить по болѣзни еще на столько же, а тамъ наступятъ каникулярные мѣсяцы Іюль и Августъ, и такимъ образомъ Г. Люлинъ можетъ пользуясь въ продолженіи 4-х мѣсяцевъ водами, сохранить свое содержаніе по должности.

Ожидая по этому отзыва Вашего Превосходительства, имѣю честь покорнѣйше просить принять увѣреніе въ совершенномъ моемъ почтеніи и преданности.

11 Февраля 1850. *С. Сафоновъ.*

Тифлисъ.

Письма кн. А. И. Барятинскаго барону А. Е. Врангелю, 1853, 1857 и 1859 гг.

Милостивый Государь
Баронъ Александръ Евстафьевичъ.

Письмо Вашего Превосходительства, отъ 10 августа, я имѣлъ честь получить и докладывалъ Г. Главнокомандующему. Его Свѣтлость доволенъ сообщенными Вами свѣдѣніями о разныхъ предметахъ по лѣвому флангу.

Что же касается до работъ, отданныхъ мною на коммерческомъ правѣ, и которые производятся медленно, то отмѣнять Г. Главнокомандующій распоряженіе это, находитъ теперь неудобнымъ, коль скоро оно уже сдѣлано и допущено мною въ бытность начальникомъ лѣваго фланга. Впередъ будетъ это зависѣть отъ Васъ, отъ мѣръ, которыя Вы примете и отъ личнаго Вашего довѣрія къ лицамъ подвѣдомственнымъ Вамъ.

Всякая отмѣна въ то время, когда дѣло въ ходу, не полезна для успѣха работъ, и что главнѣе, люди на зиму могутъ остаться безъ помѣщенія, а строители несостоятельными. Въ сихъ видахъ Г. Главнокомандующій желаетъ, чтобы Ваше Превосходительство оставили это дѣло какъ оно есть.

По другимъ предметамъ письма буду имѣть честь отвѣчать Вамъ особо.

Примите увѣреніе въ совершенномъ моемъ почтеніи и преданности.

19-го августа 1853 г. *К. Барятинскій.*

Коджоры.

Тифлисъ. 24 октября 1857 *).

При нашемъ прощаніи въ Москвѣ оставили вы меня въ надеждѣ, многоуважаемый Баронъ Александръ Евстафьевичъ, что на первое открывающееся мѣсто соотвѣтственное и вашимъ заслугамъ и вашему положенію въ службѣ и въ свѣтѣ, я могу обратится къ вамъ съ приглашеніемъ возвратится въ край гдѣ ваша память и имя стоятъ въ полной чистотѣ и блескѣ. Пользуясь этимъ обещаніемъ я обращаюсь сегодня къ вамъ съ настоятельнымъ и убѣдительнѣйшимъ приглашеніемъ принять мѣсто Генералъ Губернатора Кутаискаго ежели только здоровье Кн. Гагарина не поправится, онъ получилъ, какъ доносятъ, смертельную рану и на важномъ мѣсте имъ занимаемомъ я долженъ во всякомъ случаѣ быть готовымъ къ замѣщенію его. Я пишу съ этимъ же

*) Все письмо писано рукой кн. А. И. Барятинскаго.

фельдъегеремъ къ Его Величеству и упоминаю о моемъ предложеніи къ вамъ прося въ случаѣ смерти Кн. Гагарина и вашего согласія о назначеніи вашемъ. Я не могу умолчать Баронъ Александръ Евстафьевичъ о томъ чувствѣ удовольствія и могу сказать радости, которыя даетъ мнѣ надежда опять служить съ вами и увѣренность обоюдныхъ нашихъ чувствъ другъ къ другу.

Жду съ нетерпеніемъ вашего отвѣта и прошу принять увѣреніе въ чувствахъ дружескаго уваженія.

Преданный Вамъ
К. Барятинскій.

Весьма жалѣю, почтеннѣйшій и многоуважаемый Баронъ Александръ Евстафьевичъ, что мы въ одномъ предметѣ совершенно различны въ мнѣніи — я говорю о назначеніи Штабъ-Офицеровъ въ полки единственно по изъявленіи согласія Полковыми Командирами. Но такъ какъ я командую Арміею и ввѣренные мнѣ войска должны одновременно управляться на основаніи моихъ убѣжденій, то долженъ Васъ просить принять ихъ безусловно къ руководству.— Ежели бы я согласился на Ваше предложеніе, то Штабъ-Офицеры, назначенные Вами въ полки, зависѣли бы гораздо болѣе отъ Васъ, нежели отъ Полковыхъ Командировъ, — отъ чего нарушился бы должный порядокъ и ослабилась бы военная дисциплина, на которой лежитъ благоустройство Арміи.

Вотъ, почтеннѣйшій Баронъ Александръ Евстафьевичъ, причины къ отказу моему на вторичную Вашу просьбу. Всегда сожалѣю отъ всего сердца, когда не могу исполнить Вашего желанія, но въ этомъ случаѣ правила мои положительны, что впрочемъ Вамъ извѣстно изъ многихъ разговоровъ нашихъ по этому предмету.—Не могу, однакоже, не согласиться съ Вами, чтобы дать Вамъ, какъ Вы это желаете, одного или двухъ Штабъ-Офицеровъ, по Вашему избранію, въ распоряженіе Ваше, дабы Вы могли достойно приготовить ихъ къ административнымъ должностямъ, и по этому разрѣшаю Вамъ, если имѣете кого въ виду, сдѣлать мнѣ представленіе о переименованіи его состоять при Арміи съ откомандированіемъ въ распоряженіе Ваше. Но я долженъ Васъ предупредить, что я рѣшаюсь на исключительную эту мѣру единственно изъ чувствъ моего личнаго уваженія и довѣрія къ Вамъ, и увѣренъ, что Вы почтите эти чувства самымъ отчетливымъ и осмотрительнымъ выборомъ.

То, что Вы говорите мнѣ въ письмѣ о Вашихъ Полковыхъ Командирахъ,— не называя, впрочемъ, никого по имени—меня весьма огорчаетъ. Не полагаю, чтобы нареканія Ваши могли бы падать на Радецкаго и Графа Эльстона, ибо первый назначенъ по Вашей просьбѣ, а второй—съ Вашего согласія (впрочемъ и онъ теперь замѣщается Тергукасовымъ, къ которому Вы имѣете полное довѣріе); остается Кононовичъ и Лисовскій, и ежели бы они точно не соотвѣт-

ствовали высокому званію Полковыхъ Командировъ, то вполнѣ отъ Васъ зависитъ представить ихъ къ смѣнѣ.

Прошу Васъ, почтеннѣйшій Баронъ Александръ Евстафьевичъ, принять увѣреніе въ чувствахъ истиннаго моего почтенія и преданности.

12-го февраля 1859 г. *К. Барятинскій.*

Тифлисъ.

Успѣшныя дѣйствія Ваши, почтеннѣйшій и многоуважаемый Баронъ Александръ Евстафьевичъ, душевно обрадовали меня. Благодарю Васъ много и много разъ за превосходныя Ваши распоряженія. Прошу также передать мою сердечную благодарность Генералу Ракусѣ за блистательное исполненіе Вами на него возложеннаго порученія. Этотъ истинно геройскій подвигъ ввѣренныхъ Вамъ войскъ одушевилъ весь Чеченскій отрядъ, жаждущій какъ можно скорѣй встрѣчи съ непріятелемъ. Сегодня полагаю займетъ онъ Тандо, откуда мнѣ представится возможность опредѣлить гдѣ переправиться чрезъ Койсу, — что исполнится послѣ разработки дороги нами пройденной.

Согласно Вашему желанію посылаю Вамъ, почтеннѣйшій Баронъ Александръ Евстафьевичъ, Георгіевскіе кресты: два офицерскихъ для Девеля и Тулеу, два золотыхъ, 50-ть обыкновенныхъ для нижнихъ чиновъ, 5-ть мусульманскихъ и 10-ть медалей за храбрость.

Когда мы встрѣтимся, то я предоставляю себѣ наградить лично, по Вашему представленію, наиболѣе отличившихся.

Я весьма одобряю порученіе Вами данное Генералу Манюкину и надѣюсь, что Богъ поможетъ Вамъ опять въ Вашихъ дѣйствіяхъ.

22-го Іюля 1859 года. Обнимаю Васъ дружески.

Главная Квартира *Сердечно Вамъ преданный*

при озерѣ Kesé-амъ *К. Барятинскій.*

(или Ретло).

Милостивый Государь
Баронъ Александръ Евстафьевичъ.

Изъ разговоровъ нашихъ въ Тифлисѣ Вы знаете, что за послѣднія славныя дѣйствія Ваши въ Дагестанѣ, я ходатайствовалъ у Государя Императора о производствѣ Васъ въ Генералы отъ Инфантеріи, а при увольненіи въ отпускъ просилъ оставить Вамъ полное содержаніе по послѣдней занимаемой должности. Но къ великому моему прискорбію желанія мои не вполнѣ осуществились: на первое представленіе до сихъ поръ еще не получено никакого извѣщенія, а по второму хотя и сохранено Вамъ содержаніе, но не въ томъ размѣрѣ какъ я предполагалъ. Понимая вполнѣ какъ непріятно должно было подѣйствовать на

Васъ извѣстіе о неудавшихся ожиданіяхъ, я долгомъ считаю успокоить Васъ, что въ бытность мою нынѣ въ Петербургѣ, я непремѣнно возобновлю оба означенныя дѣла и личнымъ моимъ ходатайствомъ постараюсь сдѣлать все, что только будетъ возможно въ Вашу пользу.

Не сомнѣваясь, что и внѣ края Васъ не перестаютъ интересовать настоящія Кавказскія событія, не могу не подѣлиться съ Вами пріятнымъ извѣстіемъ, полученнымъ на дняхъ отъ Генерала Филипсона. — Покореніе Дагестана не замедлило обнаружить свои послѣдствія и на Правомъ Крылѣ. Абадзехи съ Магомедъ-Аминомъ добровольно изъявили намъ покорность и тѣмъ, какъ кажется, подали примѣръ и прочимъ сосѣднимъ обществамъ. — Магомедъ-Аминъ скоро долженъ прибыть въ Тифлисъ и за тѣмъ я полагаю 10-го декабря выѣхать въ Петербургъ.

Примите, почтеннѣйшій Баронъ Александръ Евстафьевичъ, увѣреніе въ совершенномъ моемъ почтеніи и преданности.

4-го декабря 1859 г. *К. Барятинскій.*

Тифлисъ.

Замѣтка о Д. П. Трощинскомъ, 22 февраля 1830 года.

Нѣчто о покойномъ Д. Т. С. Д. П. Трощинскомъ.

Кончина Дѣйствительнаго Тайнаго Совѣтника Дмитрія Прокофьевича Трощинскаго*) подвинула одного изъ преданныхъ ему, какъ кажется, написать похвалу**) весьма недостаточную для него, какъ для мужа, который столько прославился въ отечествѣ нашемъ на поприщѣ дѣлъ гражданскихъ и былъ во все продолженіе долговременной службы своей прямымъ защитникомъ истины и настоящимъ патріотомъ! Добрые современники должны написать исторію жизни его и доказать, что сей человѣкъ, родившись въ бѣдномъ состояніи и безъ всякаго воспитанія, даже необходимаго для дворянина, достигъ чрезъ одни природные таланты свои первыхъ степеней и заслугами поставилъ себя на ряду съ лучшими вельможами Россіи.

Непріемля на себя званія ни біографа, ни панегириста, я лишаю себя чести писать должную похвалу сему славному мужу; осмѣливаюсь только сказать о нѣкоторыхъ дѣяніяхъ его въ сѣмейной жизни—и то не для униженія Трощин-

*) Въ прошломъ году (Февраля 26-го дня 1829).

**) Въ Апрѣлѣ мѣсяцѣ прошлаго года.

скаго,—слава его неувядаема,—но для того единственно, что свѣту любопытно знать подробности къ жизни вельможи относящіяся, дабы по соображеніи оныхъ, дать ему настоящую цѣну безъ лести и безъ ошибки. Я оставляю при семъ случаѣ въ сторонѣ личныя его слабости, которыя вреда никому не наносили; не стану также описывать страннаго во многомъ и упорнаго во всемъ характера его,—но упомяну только о двухъ предмѣтахъ жизни его въ бытность Трощинскаго, какъ онъ самъ говаривалъ, простымъ дворяниномъ на родинѣ своей въ Малороссіи; впрочемъ и сіи предмѣты изображу въ экскизѣ только, а доканчивать полную картину оныхъ я предоставляю на волю другихъ.

Д. П. Трощинскій происходитъ, какъ всѣмъ извѣстно, изъ малороссійскихъ дворянъ весьма недостаточнаго состоянія; неимѣвъ способовъ въ то время къ образованію, онъ началъ свою службу въ Малороссіи и безъ сумнѣнія закоснѣлъ бы въ ней, естьлибы щастіе неполюбило его; — Кочубей указалъ первый Трощинскому тропинку благополучія; князь Рѣпнинъ утвердилъ его на пути къ щастію, а Безбородко наконецъ основалъ всю славу его, подвинувъ шаги Трощинскаго къ первымъ степенямъ въ государствѣ и къ особенному вниманію, щедротамъ и благоволенію Императрицы Екатерины II-й.

Неоспоримо, что Трощинскій глубокимъ познаніемъ коренныхъ Россійскихъ законовъ, неутомимою дѣятельностію своею въ дѣлахъ гражданскихъ, вѣрностію къ Престолу, здравымъ и основательнымъ разсудкомъ, достоинъ былъ вниманія царствовавшихъ въ его время Вѣнценосцевъ, — и онъ достигъ бы еще высшаго, особенно въ щасливое царствованіе мудрой Монархини, естьлибы тогдашнія сѣмейныя дѣла его, бывшія и оставшіяся неизгладимымъ для него пятномъ, непоставили къ тому преграды. Я разумѣю здѣсь связь Трощинскаго съ одною женщиною, которая, вкравшись въ довѣренность умнаго сего министра, но слабаго человѣка и заставивъ его чрезъ обольщенія исполнять прихоти ея даже непозволенныя, положила камень преткновенія къ дальнѣйшимъ дарамъ фортуны и къ особенному вниманію благодѣтельствовавшей его Императрицы. Слѣпая любовь Трощинскаго къ сей женщинѣ непозволила ему видѣть всѣхъ низкихъ дѣлъ ея; а естьли и видѣлъ, то по преклонности его къ сему полу вообще и въ особенности къ ней, нехотѣлъ ни въ чемъ препятствовать и обуздывать ее до тѣхъ поръ, пока уже наконецъ самъ почувствовалъ бремя самовластія сей сирены и вынужденъ былъ удалить ее навсегда отъ себя.

Отъ сей женщины, которой произхожденіе, имя и фамилію считаю упоминать излишнимъ, имѣлъ Трощинскій дочь, вышедшую въ послѣдствіи времени, какъ извѣстно, за князя Хилкова. Противуположные характеры и образъ мыслей сихъ супруговъ, а болѣе еще неумѣніе старика Трощинскаго обуздать при самомъ началѣ пылкую молодость ихъ, были причиною разстройства между ими, продолжавшагося до самой смерти Хилковой. Осталась отъ нихъ Трощинскому

внучка—единственное, какъ онъ самъ говаривалъ, въ жизни его утѣшеніе. Но сія внучка, одаренная отъ природы пламеннымъ умомъ и добротою сердца, росла и выросла для того, кажется, чтобы по смерти Трощинскаго быть вѣчнымъ укоромъ праху его и доказать предъ цѣлымъ свѣтомъ, что понятіе чувствительности было чуждо для его сердца и что онъ нерожденъ былъ для сѣмейной жизни, а потому неумѣлъ цѣнить и прелестей ея. Трощинскій приучилъ съ младенчества побочную внучку сію думать о себѣ и весть себя какъ должно внучкѣ министра; восѣмнадцать лѣтъ называя ее предъ всѣми единственною своею отраслію, скрывалъ въ глубинѣ души своей, что онъ предъ кончиною отречется отъ внучки и дастъ ей названіе совершенно противуположное ожиданію всѣхъ, а болѣе чувствамъ молодой особы; и таковымъ сокровеннымъ намѣреніемъ своимъ онъ приблизилъ ее къ преждевременной могилѣ. Неблагоразумное, смѣю сказать, молчаніе Трощинскаго о неблагоразумномъ предпріятіи своемъ объявить въ духовной, что внучка его есть не внучка, а только дочь воспитанницы его княгини Хилковой, послужило для нещастной непредвидѣнною грозою, которой она безъ пріуготовленія немогла выдержать: прочли роковую духовную и сердце у нее окаменѣло; внучка Трощинскаго казалась всѣмъ равнодушною, но равнодушіе сіе произходило отъ оцѣпененія всѣхъ чувствъ и было для души ея рѣшительнымъ ударомъ; чрезъ нѣсколько мѣсяцовъ послѣ кончины дѣда своего, томясь превратностію положенія она умерла съ страданіемъ въ душѣ на рукахъ безутѣшнаго супруга своего*). Многіе приписываютъ и будутъ приписывать въ оправданіе Трощинскаго совершенно другія причины ея смерти; но совѣсть и безпристрастіе, которыя должны руководить благороднаго человѣка, будутъ говорить истину; да и самъ Трощинскій признался бы въ винѣ своей противъ нещастной Хилковой, естьлибы можно было возстать ему съ могилы. Я близокъ былъ къ сему дому, — зналъ сердце сей молодой особы совершенно,—зналъ ея образъ мыслей и характеръ, зналъ и то, сколько и сама она знала, что всѣ на нее смотрѣли и обходились, какъ съ дѣйствительною внучкою министра,—потому и обязанъ говорить истину со всею откровенностію и во всей наготѣ ея.

Какая же была причина, что Трощинскій внучку свою называлъ и признавалъ всегда за внучку, но отвергнулъ въ духовной?—Ничто другое, какъ незнаніе сердца человѣческаго и непривычка къ прямому сѣмейному щастію! Какіе были виды старика Тр. при отверженіи въ духовной внучки своей?—Неиные, какъ одна врожденная фамильная гордость, одинъ безмѣрный эгоизмъ, одинъ мнимый стоицизмъ и неимѣніе понятія о томъ, что чувствительность нѣжнаго и образованнаго сердца рѣдко можетъ перенесть равнодушно неожи-

*) Генералъ-маіоръ баронъ С. К. Остенъ-Сакенъ.

данное и внезапное, а тѣмъ болѣе относящееся до званія и чести! Наконецъ, что заставляло Трощинскаго скрывать восѣмнадцать лѣтъ предъ внучкою своею, что онъ при концѣ дней своихъ непризнаетъ ее за внучку?—Ничто иное какъ слабость его къ женскому полу, а болѣе еще боязнь потерять любовь прекрасной внучки своей!

Естьли Трощинскій, по желанію только показать собою примѣръ ненарушимости законовъ, незахотѣлъ утруждать Высочайшую власть на счетъ усыновленія сей отрасли своей безбрачнаго союза, то честь, умъ и добродѣтель, на которыхъ онъ повидимому основывалъ жизнь свою, требовали отъ него непремѣнно внушенія ей съ младенчества чуждости всякаго къ нему родства, дабы чрезъ сіе она пріуготовила себя къ той духовной и дала другой оборотъ мыслямъ своимъ и поведенію. Однимъ словомъ, поступокъ Трощинскаго противъ внучки своей никѣмъ и ничѣмъ неможетъ быть оправданъ, естьли только будутъ судить его по гласу совѣсти и безпристрастія; и я готовъ кричать противъ цѣлаго свѣта, что Трощинскій, сколько ниприписываютъ ему добраго, имѣлъ самое злое сердце и совѣсть самую чорную, естьли рѣшился отвергнуть собственную кровь свою и непризналъ за свою. Въ томъ человѣкѣ, который невнемлетъ вопіющей натурѣ, нѣтъ уже ни искры добра;—и самыя безсловесныя животныя не чуждаются дѣтей своихъ.

Окончивъ сію маленькую статью о нещастной Хилковой, по мужу Остенъ-Сакенъ, я упомяну о родственникахъ сего министра, составлявшихъ, какъ онъ самъ говаривалъ, одно его сѣмейство; равно упомяну и о томъ, что предъ кончиною своею онъ сдѣлалъ для нихъ. Предварительно обязанъ я сказать, что здѣсь обнаружится совершенная его несправедливость, уничтожающая, такъ сказать, то высокое мнѣніе о его добродѣтеляхъ, которое имѣли къ нему по ослѣпленію единственно и по чрезвычайному умѣнію сего вельможи выказывать оныя во всякомъ случаѣ.

Родственники сіи были: два племянника родные—дѣти родныхъ покойнаго Трощинскаго братьевъ и нѣсколько племянниковъ двоюродныхъ—дѣтей двоюроднаго его брата тоже Трощинскаго. Извѣстно всѣмъ, какъ и прежде я сказалъ, что Д. П. Трощинскій имѣлъ родителей въ Малороссіи весьма недостаточнаго состоянія,—слѣдственно и всѣ родственники его, какъ отъ одного сѣмейства происходящіе, были въ состояніи своемъ почти одинаковы. Судьба, или же собственная воля Трощинскаго непозволили имѣть ему прямыхъ по себѣ наслѣдниковъ, кромѣ помянутой побочной внучки княжны Хилковой,—почему и предположилъ онъ раздѣлить благопріобрѣтенное имѣніе свое, по большей части отъ щедротъ Монаршихъ полученное и состоявшее изъ нѣсколькихъ тысячь душъ, между всѣми родственниками своими такъ, чтобы родные и двоюродные видѣли въ немъ общаго ихъ отца, коему одному были бы

обязаны и щастіемъ своимъ и состояніемъ; всѣ находились въ полномъ на сіе упованіи: слова министра, прослывшаго справедливымъ и добродѣтельнымъ мужемъ, немогли никому казаться сомнительными, а особливо когда ласки и благотворенія, равно оказываемыя роднымъ и двоюроднымъ, поставили всѣхъ въ одномъ мнѣніи и думали, что Трощинскій, признавъ всѣхъ родственниковъ своихъ за одно сѣмейство, обезпечитъ судьбу каждаго изъ нихъ большимъ или меньшимъ состояніемъ, какъ справедливость того требовала;—такъ думали до самой той минуты, когда уже сей мужъ, приближаясь къ послѣдней пристани своей жизни, немогъ далѣе хранить тайны духовной и долженъ былъ наконецъ обнаружить въ сокровенности имъ хранимое столь долгое время: принесли духовную, тщательно имъ отъ всѣхъ хранимую, и по приказанію умирающаго читаютъ: такому-то родному племяннику моему А. Тр. благопріобрѣтенное имѣніе мое такое-то; такому-то Н. Тр. такое-то съ подробнымъ, какъ обыкновенно пишется, означеніемъ всѣхъ хозяйственныхъ статей въ тѣхъ имѣніяхъ существующихъ и прочее.—Читаютъ до конца духовную, но ни въ одномъ изъ 10-ти пунктовъ оной неупомянуто къ удивленію предстоявшихъ о двоюродныхъ его племянникахъ. Что это значитъ? молча всѣ спрашивали одинъ другаго. Что за причина? Неоскорбилъ ли его кто изъ тѣхъ племянниковъ, или же онъ тайно обезпечилъ ихъ состояніе?—Ничего неизвѣстно—и это служило странною загадкою для всѣхъ бывшихъ въ ту печальную минуту стороннихъ лицъ; однакожъ молчали и никто несмѣлъ говорить ни въ чью пользу; упомянуто только въ 9-мъ пунктѣ той духовной о родственникахъ,—но о какихъ?—тоже неизвѣстно;—конечно нѣтъ другихъ, сколько я знаю, кромѣ двоюродныхъ племянниковъ. Честь, справедливость и священный долгъ непремѣнно требовали отъ Трощинскаго наименовать каждаго изъ родственниковъ своихъ въ завѣщаніи и по мѣрѣ привязанности къ нимъ и возможности назначить всякому особое обезпеченіе для безнужнаго продолженія жизни ихъ; но естьли не хотѣлъ уже онъ по какимъ либо ему одному извѣстнымъ причинамъ упоминать объ нихъ въ духовной своей, а тѣмъ болѣе назначить каждому слѣдуемое по родству, то благоразумнѣе и больше сообразно съ совѣстію сдѣлалъ бы онъ, естьлибы къ симъ родственникамъ своимъ Трощинскій обнаружилъ прежде чуждость родства и нельстилъ ихъ надеждѣ увѣреніями, извѣстными даже и стороннимъ лицамъ, что они по смерти его будутъ состояніемъ довольны. Неужели то можетъ отнестись къ его уму и справедливости, что онъ въ вышесказанномъ 9-мъ пунктѣ своей духовной написалъ: „опредѣляю въ даръ и во вспоможеніе недостаточнымъ родственникамъ моимъ сумму, означенную въ прилагаемыхъ (разумѣется при духовной) двухъ росписяхъ подъ буквами А и Б.“ Но гдѣ же сіи росписи??? Добросовѣстный, во мнѣніи многихъ, мужъ сей непостыдился за нѣсколько часовъ до своей кончины сказать: „росписей сихъ

неуспѣлъ я сдѣлать, хотя и искренно желалъ,—но надѣюсь на добродушіе двухъ родныхъ племянниковъ моихъ, получающихъ отъ меня состояніе на нѣсколько милліоновъ рублей, что они сіе сдѣлаютъ.“ Таковое искреннее желаніе, неприведенное въ исполненіе, таковое низложеніе своего грѣха на двухъ племянниковъ, можетъ ли быть простительно Трощинскому и облегчительно для прочихъ родственниковъ его, оставленныхъ имъ безъ всякаго вспомоществованія? *) Неуспѣть въ нѣсколько лѣтъ написать нѣсколько строкъ для благосостоянія недалекихъ сердцу его людей,—отговорка слишкомъ неосновательная и даже неприличная министру, а особливо въ то время, когда духовная Трощинскимъ написана въ 1825 году, а онъ скончался въ прошломъ 1829 и возлагать на племянниковъ своихъ исправленіе столь предосудительной ошибки, не есть уже дѣло мужа, прослывшаго богатствомъ ума и добродѣтели; да и могъ ли предвидѣть Трощинскій, что два племянника его Трощинскіе, коимъ досталось все его состояніе, захотятъ обезпечить состояніе Трощинскихъ прочихъ? Могъ ли онъ, повторяю, полагаться на ихъ добродушіе, когда самъ его маскировалъ въ продолженіе цѣлой жизни своей и служилъ разительнымъ образцомъ эгоизма во всякомъ случаѣ? Естьлибы, напримѣръ: двоюродные племянники Трощинскаго, нечувствующіе за собою, сколько мнѣ и всѣмъ въ Малороссіи живущимъ извѣстно, никакой причины къ отдаленію ихъ отъ участія въ благотвореніи, сдѣланномъ для двухъ родныхъ его племянниковъ, вздумали добиваться себѣ удовлетворенія по тѣмъ росписямъ, кои были не сдѣланы по собственному признанію Трощинскаго, но только упомянуты въ духовной съ подтвержденіемъ еще, чтобы означенная въ оныхъ сумма была *всенепремѣнно* уплочена не далѣе двухъ первыхъ лѣтъ послѣ его кончины,—естьлибы, говорю, вздумали они сего добиваться,—то что жъ бы вышло изъ того? Безъ всякаго сомнѣнія неиное что, какъ судебныя мѣста, или кто другой, будучи въ совершенной невозможности разрѣшить таковую претензію сообразно съ ихъ желаніемъ, нашлись бы принужденными посовѣтовать имъ отправиться въ вѣчное жилище двоюроднаго дяди своего съ вопросомъ: какую именно хотѣлъ онъ по росписямъ назначить имъ сумму въ пособіе и сказалъ ли онъ по крайней мѣрѣ объ оной двумъ роднымъ своимъ племянникамъ, присудствовавшимъ тогда предъ смертнымъ одромъ его? Послѣ таковаго совѣта конечно они должны остаться въ безмолвіи съ чувствами однакожъ признательности къ покойнику и за то уже, что онъ вмѣсто имѣнія хотѣлъ назначить имъ какую-то отрицательную сумму, но и того *неуспѣлъ*, а предоставилъ, или лучше сказать, возложилъ на совѣсть и добро-

*) Естьли вѣрить слухамъ, что Д. П. Трощинскій одного только изъ племянниковъ своихъ двоюродныхъ наградилъ тайно, то это что-то странное и несообразное съ его тщеславнымъ характеромъ. Онъ недѣлалъ добра безъ того, чтобы всѣ невидѣли.

душіе тѣхъ родныхъ племянниковъ своихъ догадаться объ ней... Но покойный министръ Трощинскій забылъ, что догадки, касающіяся до денегъ, или вообще до состоянія, весьма мудреныя вещи въ нынѣшнемъ вѣкѣ!! Надобно слишкомъ много имѣть ума, чести и безкорыстія, чтобы разрѣшить безъ принужденія таковую задачу и надобно имѣть большую тонкость и гибкость въ соображеніи, чтобы безъ грѣха расчитать, какою суммою должно пожертвовать изъ пяти милліоновъ для оправданія добраго мнѣнія покойника насчетъ оной догадки?(!!!)

Вотъ что я хотѣлъ сказать о Дмитріѣ Прокофьевичѣ Трощинскомъ, скончавшемся на родинѣ своей въ Малороссіи. Миръ праху его! Но въ заключеніе повторяю, съ чистотою совѣсти, что онъ болѣе зла сдѣлалъ для своихъ родственниковъ, нежели добра; (разумѣется кромѣ двухъ) и всегда болѣе оказывалъ благотвореній для сторонніхъ, нежели для близкихъ своихъ: впрочемъ и сіе было не отъ чистаго сердца, а по видамъ: болѣе отъ тщеславія и гордости. Миръ праху его!!!

Кременчугъ.

Февраля 22 дня 1830 года.

Изъ записокъ Ф. Толля.

1850 годъ.

25 Января, около полуночи, мы подъѣзжали къ послѣдней станціи передъ Томскомъ. Холодъ, градусовъ въ 25 или больше, продолжался, но казался намъ ничѣмъ, въ сравненіи съ тѣмъ, что мы испытали подъѣзжая къ Тобольску. Впрочемъ, вообще, пресловутые сибирскіе морозы несравненно сноснѣе нашихъ петербургскихъ холодовъ, потому что совершенно сухи, между тѣмъ, какъ петербургскіе холода сопровождаются туманами.

Тобольское начальство распорядилось дать намъ очень хорошихъ жандармовъ. Сопровождавшій моего товарища ссылки, Львова, былъ ефрейторъ, между тѣмъ какъ мнѣ данъ былъ простой рядовой. Наши стражи, общимъ совѣтомъ, въ которомъ удостоили выслушать наше мнѣніе, рѣшили, что на послѣдней передъ Томскомъ станціи, снабженной всѣмъ необходимымъ для ночлега, мы останемся до утра, потому что, молъ, ночью или утромъ рано неудобно въѣзжать въ городъ, въ которомъ приходилось сдавать начальству одного изъ арестантовъ, а именно, меня.

На станціи отвели намъ особую комнату, чистую, просторную, послѣ продолжительной безустанной ѣзды показавшуюся намъ чуть не комфортабельною;

подали намъ самоваръ, яичницу и страшно соленую ветчину. Мы оба были молоды, не слишкомъ помяты жизнью... Утоленный аппетитъ, теплота комнаты, въ соединеніи съ мыслью, что намъ предстоитъ провести на этой станціи нѣсколько часовъ какой-то полусвободы, почти заставили насъ забыть, что мы арестанты, что на насъ тяжелыя кандалы, что люди, сопровождающіе насъ, какъ ни благосклонно смотрятъ на насъ — пока мы ведемъ себя по всѣмъ правиламъ арестантскаго благочинія, при первой попыткѣ съ нашей стороны — бѣжать или выйти изъ повиновенія, готовы, изъ служебнаго рвенія, убить насъ. Мы разговорились и даже расшутились. Львовъ предложилъ, для расправленія онѣмѣвшихъ членовъ, протанцовать польку. Осуществить его мысль въ кандалахъ было не совсѣмъ удобно, однако мы пустились, подпѣвая въ два голоса, между тѣмъ, какъ бряканье кандаловъ аккомпанировало намъ довольно складно, а главное, чрезвычайно характерно. Позже, черезъ мѣсяцъ, въ томъ серьезномъ настроеніи духа, въ которое погрузила привычка къ моему положенію и заводская обстановка, подобная забава показалась бы мнѣ неумѣстною. Но тутъ порывъ нашъ объясняется чувствомъ, исполнявшимъ насъ и имѣвшимъ много общаго съ чувствомъ свободы...

Свобода!.. хороша свобода — въ кандалахъ! воскликнутъ тѣ, которые никогда не испытывали перехода изъ тѣснаго изолированнаго заключенія въ какое бы ни было человѣческое общество, хоть бы оно было обществомъ жандармовъ и каторжниковъ, хоть бы заключеніе замѣнилось кандалами. Все въ мірѣ относительно, и чувство свободы относительнѣе многихъ другихъ вещей. То, что сегодня является намъ со всѣми аттрибутами свободы, дѣтямъ, а тѣмъ болѣе внукамъ нашимъ будетъ являться тяжелымъ рабствомъ, нестерпимымъ зломъ. Въ этомъ сказывается безконечная эластичность человѣческой природы и въ этомъ же заключается вѣчное побужденіе къ прогрессу. Безусловная свобода возможна только въ мысли, въ дѣйствительности человѣку доступно одно приближеніе къ ней.

Такъ какъ я одинъ подъѣзжалъ къ мѣсту своей ссылки, Львову же предстоялъ еще далекій путь отъ Томска до Иркутска и оттуда до завода, то мнѣ и хотѣлось приготовиться къ тому, что̀ меня ближайшимъ образомъ ожидало. Важнѣе всего было то — заставятъ ли меня еще разъ подвергнуться тѣмъ тяжелымъ формальностямъ обыска, которымъ подвергали въ Тобольскѣ. Когда на вопросъ мой объ этомъ жандармъ окончательно разубѣдилъ меня, тогда только я рѣшился посмотрѣть — сохранились-ли ассигнаціи, такъ искусно зашитые въ мой тулупъ услужливою старостихою тобольскихъ арестантокъ.

— Что, вы вѣрно большой мастеръ обыскивать?... сказалъ я, обращаясь къ старшему изъ жандармовъ.

— На томъ стоимъ-съ!.. отвѣчалъ онъ съ самодовольною улыбкою.

— Ну вотъ, продолжалъ я: въ этомъ тулупѣ у меня зашиты 39 рублей бумажками... Отыщите, если можете...

— Отчего не отыскать-съ?.. сказалъ жандармъ: на томъ стоимъ-съ! Только, въ самомъ ли дѣлѣ деньги зашиты въ тулупъ?

— Что они зашиты, въ этомъ ручаюсь... Но они могли потеряться дорогою...

— А кто зашивалъ-съ, смѣю спросить?

— Зашивала тобольская старостиха арестантокъ.

— Ну! коли она зашила, такъ деньги сохранны-съ.

— Почему?

— Да ужъ эти бабищи всяко тако дѣло до тонкости знаютъ... На то всю службу арестантскую происходятъ... Вѣдь въ старостихи ее даромъ не выберутъ... Видно, ужъ ухарь баба!..

Говоря эти слова, жандармъ быстро обшаривалъ мой тулупъ, перебирая всѣ швы и комкая каждую овчинку особо. Операція эта длилась всего около 5 минутъ: наконецъ онъ воскликнулъ:

— Денегъ тутотка нѣту! Голову даю на отсѣченіе, что нѣту... какъ вамъ угодно!

Какъ теперь соображаю — добрый человѣкъ этотъ, можетъ быть, и понявъ, что сдѣлаетъ мнѣ такимъ признаніемъ нѣкоторое удовольствіе, и притворился, что не находитъ денегъ, между тѣмъ какъ я, зная мѣсто, въ которое старостиха зашила ассигнаціи, тотчасъ нашелъ ихъ. Много подобныхъ чертъ рѣдкой деликатности чувства случалось мнѣ позже подмѣчать въ нашемъ простонародьѣ подъ грубою, невѣжественною, иногда даже жесткою и непривѣтливою внѣшностью. Но тогда я еще только начиналъ свою vita nuova, съ народомъ былъ знакомъ лишь на сословномъ разстояніи, и потому, не допуская малѣйшей тѣни сомнѣнія, что жандармъ серьозно не нашелъ денегъ, отъ души радовался этому ничтожному обстоятельству. Смѣясь показывалъ я мелко сложенныя бумажки своимъ стражамъ, которые притворно или откровенно дивились бѣсовской бабѣ, перехитрившей царскаго жандарма.

Спутникъ мой Львовъ, не одаренный моимъ желѣзнымъ сложеніемъ и имѣвшій меньше поводовъ къ безпокойству, (какъ я уже замѣтилъ, мѣсто его ссылки было еще за 2000 верстъ) давно уже крѣпко спалъ, тогда какъ я все еще ворочался на постели, нетерпѣливо ожидая сна. Безсонница дала мнѣ убѣдиться, — до какой степени стражи наши озабочены нашею сохранностью. Они спали только поперемѣнно, и когда я сталъ засыпать, оба бодрствовали, но ни слова не говорили между собою, вѣроятно, изъ опасенія помѣшать нашему сну. Чужая душа — потемки, а для насъ душа простолюдина — совершенный мракъ.

Мнѣ не удалось поспать и получаса, какъ уже старшій жандармъ разбудилъ насъ, говоря, что пора отправляться въ путь.

— Седьмой часъ... говорилъ онъ, съ гордостью посматривая на золотую луковицу, которую держалъ въ рукѣ: пока уберемся, чаю напьемся, лошадей запрягутъ, да что... будетъ семь, восьмой... значитъ, въ Томско прибудемъ около ½ десятаго... объ эвту пору губернаторъ ужъ встанетъ, и городничій, вѣрно у него съ лепортомъ... А тамъ еще пока бумаги мнѣ выправятъ, да и вы то, господа, проститесь промежъ собой... Оно и будетъ около вечера... Тогда пора ужъ намъ съ ними будетъ дальше отправляться... Катай, валяй!.. Вотъ оно что А то бы по мнѣ, — спите себѣ хоть до вечера! Ну! нельзя-съ! Служба — не дружба, не бабья ласка!.. Не такъ живи, какъ хочется, а какъ начальство велитъ... Да!..

Мы одѣлись, напились чаю и помчались. Небо было чисто, утренній морозъ довольно рѣзокъ, лошади бѣжали весело, дружно... Ямщики по очереди пѣли. Знаете, что̀ мнѣ, впослѣдствіе, часто приходило въ голову. Будучи еще чиновникомъ, я часто ѣзжалъ по Россіи, но рѣдко ямщики, безъ особыхъ поощреній, пускались пѣть для сокращенія пути. Тутъ же, когда мы ѣхали въ ссылку, всю дорогу, только пускаемся со станціи, ямщики какъ будто сговорились, запѣваютъ то одинъ, то другой. Не знаю, можетъ быть, это и самообольщеніе: но почему же не приписать этого усердія ямщиковъ желанію ихъ заставить насъ, хоть на минуту, забыться въ слушаніи безконечной, безконечно-грустной ямщичьей пѣсни.

Но всему есть конецъ, и конецъ томской станціи наступилъ для насъ прежде нежели мы успѣли порядкомъ прозябнуть. Быстро промчались мы по улицамъ чистаго, съ перваго взгляда, даже хорошенькаго городка, и остановились у стараго двухъэтажнаго дома, у подъѣзда котораго была будка, и стоялъ линейнаго батальона часовой. Почти въ одно съ нами время, у подъѣзда остановилась пара рысаковъ, и изъ щегольскихъ городскихъ санокъ выскочилъ мужчина, лѣтъ тридцати, въ шинели съ бобровымъ воротникомъ и въ гражданской каскѣ. Старшій жандармъ подошелъ къ подъѣзду въ одно время съ нимъ: они обмѣнялись нѣсколькими словами, и жандармъ возвратился къ моей повозкѣ.

— Пожалуйте къ губернатору! сказалъ онъ и сталъ помогать мнѣ вылѣзть изъ саней, операція, которая, по причинѣ кандаловъ и двухъ надѣтыхъ на мнѣ шубъ, совершалась мною не совсѣмъ быстро. Не зная, что̀ дальше ожидаетъ меня, и увижусь ли я еще со Львовымъ, я подошелъ къ повозкѣ, въ которой онъ лежалъ, и подалъ ему руку.

— Здѣсь, вѣрно, губернаторъ живетъ, сказалъ Львовъ: попросите у него позволенія отобѣдать намъ съ вами вмѣстѣ. Вѣдь это ему ничего не стоитъ... а мы всетаки еще наговорились бы на прощанье.

— Пожалуйте! произнесъ за моей спиной голосъ старшаго жандарма: губернаторъ дожидаются, да еще, пожалуй, какъ бы не выглянули въ окно... А

вамъ то говорить промежъ собою заказано начальствомъ... Да и тутъ, вишь, нехорошо: ротозѣи собираются...

Еще разъ пожавъ руку Львову, я пошелъ, побрякивая желѣзами, за жандармомъ, между тѣмъ какъ товарищъ его остался при Львовѣ.

Губернаторскій камердинеръ уже ждалъ насъ, и только что мы вошли въ переднюю, отправился доложить. Въ дверяхъ показался маленькій пожилой мужчинка, рыжій, невзрачный, въ золотыхъ очкахъ, въ горномъ сюртукѣ безъ эполетъ. Онъ какъ-то бокомъ, будто нехотя, взглянулъ на меня и сказалъ довольно мягкимъ голосомъ, пробѣгая поданную ему жандармомъ бумагу:

— Вы послѣдуете за господиномъ полицмейстеромъ, куда онъ васъ повезетъ!..

— Не позволите ли мнѣ, генералъ, сказалъ я нерѣшительно: пробыть сегодняшній день съ моимъ товарищемъ Львовымъ, который отправится дальше только подъ вечеръ...

— Съ этимъ также извольте обратиться къ г. полицмейстеру! отвѣчалъ старичокъ: я тутъ ничего не значу... захочетъ г. полицмейстеръ,—позволитъ... это его дѣло...

Онъ кивнулъ головою и скрылся, а на его мѣстѣ въ дверяхъ появился тотъ же 30-лѣтній здоровякъ, который встрѣтилъ насъ у губернаторскаго подъѣзда. Камердинеръ подалъ ему шинель, онъ надѣлъ каску и вышелъ: мы съ жандармомъ послѣдовали за нимъ.

— За мной! сказалъ полицмейстеръ жандармамъ, усаживаясь въ свои городскія санки.

Меня опять подсадили въ повозку, и мы отправились, едва поспѣвая слѣдомъ за полицмейстерскими рысаками. Проѣхавъ длинный каменный одноэтажный домъ, въ которомъ, какъ я послѣ узналъ, помѣщалась аптека и городская полиція, мы поворотили въ ворота, въ которыхъ уже скрылись сани полицмейстера. Насъ ввели въ грязныя сѣни, въ которыхъ толпилось нѣсколько крестьянъ и крестьянокъ, вѣроятно, просителей или арестантовъ, ожидающихъ наказанія. Вслѣдъ затѣмъ дверь отворилась, и на насъ пахнуло запахомъ гнили, пота и невыразимаго зловонія. Это была канцелярія.

— Подождите здѣсь! сказалъ довольно вѣжливо, но вмѣстѣ и повелительно, полицмейстеръ.

Я вспомнилъ слова губернатора и обратился къ нему съ просьбою—не разлучать насъ съ Львовымъ до тѣхъ поръ, пока его повезутъ дальше.

— Постараюсь, постараюсь! скороговоркою отвѣчалъ онъ, какъ будто не желая, чтобы писцы слышали нашъ разговоръ.

Затѣмъ онъ исчезъ; возвратившись онъ шепнулъ что-то жандармамъ, и старшій изъ нихъ сказалъ намъ:

— Пожалуйте!

И опять вступили мы въ сѣни и оттуда какимъ-то длиннымъ, темнымъ ходомъ пробрались въ довольно уютную, мило убранную комнату, по всему видимому, принадлежавшую холостому человѣку. Комната оказалась квартирою аптекаря, а, за отсутствіемъ его, въ ней жилъ управлявшій аптекою провизоръ Федоръ Ивановичъ Генкенъ, согласившійся по просьбѣ полицмейстера предоставить намъ на день свою квартиру.

Федоръ Ивановичъ принялъ насъ со сконфуженнымъ видомъ петербургскаго нѣмца, въ первый разъ въ жизни отступающаго на одну линію отъ своихъ ежедневныхъ привычекъ и удивляющагося собственному подвигу.

Впрочемъ, онъ былъ любезенъ, насколько дозволяло ему замѣшательство, предложилъ намъ курить, что не мѣшало ему все посматривать на жандармовъ, которые ни на минуту не уходили изъ комнаты и не спускали съ насъ глазъ. Повидимому, присутствіе этихъ людей безпокоило и самого полицмейстера, который наконецъ рѣшился сказать имъ, что они могутъ уйти, потому что онъ, полицмейстеръ, беретъ отвѣтственность за арестантовъ на себя, но получилъ отъ старшаго жандарма слѣдующій отвѣтъ:

— Не могимъ-съ, ваше высокоблагородіе!.. За вашего то вы отвѣчать вольны, ну а за нашего никто, окромѣ насъ, до самаго Иркута не могитъ отвѣтствовать!.. Такая дана инструкція... Вотъ что!..

Непривычный къ такимъ вольнымъ рѣчамъ отъ нижняго чина, лихой полицмейстеръ хотѣлъ было подѣйствовать на жандарма орлинымъ взглядомъ, но получилъ въ отвѣтъ такой же твердый, вопреки всякой субординаціи, взглядъ. Впрочемъ, настойчивость жандармовъ—оставаться при насъ длилась не болѣе часа: вѣроятно, они устали стоять у дверей, а потому отпросились сходить на рынокъ и исчезли часа на полтора. Не созданъ русскій человѣкъ на то, чтобъ быть тюремщикомъ.

Между тѣмъ, я выразилъ полицмейстеру, Василью Михайловичу Мобилеву, желаніе наше, если можно, отобѣдать вмѣстѣ на деньги, которыя у меня были.

— Тсъ! Что вы это говорите про деньги? отвѣчалъ полицмейстеръ: обѣдъ вамъ будетъ... объ этомъ не безпокойтесь... Конечно, не такой, къ какому вы, можетъ быть, въ Петербургѣ привыкли, а всетаки и не совсѣмъ дурной...

— А вина можно? спросилъ я: вѣдь намъ отрадно было бы распить еще бутылочку передъ разлукою...

— Какого вина хотите? спросилъ полицмейстеръ.

Я обратился къ Львову.

— Мнѣ все равно! сказалъ онъ: я ни въ какомъ винѣ толку не знаю!

— А я предпочитаю другимъ винамъ хорошее бургонское...

Полицмейстеръ вышелъ въ другую комнату. Въ эту минуту Львовъ подошелъ ко мнѣ и, сжимая мою руку, сказалъ:

— Знаете, только теперь, когда и съ вами надо разстаться, я чувствую, что сдѣлалъ непростительную глупость, не бѣжавъ за границу, пока по ошибкѣ сидѣлъ за меня другой Львовъ. Вѣдь я зналъ, что его взяли вмѣсто меня, и что скоро ошибка обнаружится...

— Чтожъ? развѣ у васъ не было средствъ для побѣга?

— И средства кое какія были... Да не знаю, какой то туманъ нашелъ на мою мысль... я жилъ эти двѣ недѣли (цѣлыя двѣ недѣли!) какою то смутною надеждою на что-то... Кругомъ всѣхъ забирали... На всѣхъ напалъ страхъ... Не знаю ужъ, не этотъ ли общій страхъ спарализировалъ мою рѣшимость...

Я сталъ распрашивать его объ этомъ времени, въ которое я ужъ сидѣлъ въ крѣпости. Мы ходили по комнатѣ, побрякивая кандалами, которыхъ вѣсъ дѣлалъ нашу походку неуклюжею и тяжелою. Болтовня наша переходила отъ предмета къ предмету: мы вспоминали родныхъ, знакомыхъ, враговъ и друзей. Мало знакомые до нашего заключенія, мы въ дорогѣ очень сблизились съ этою, вполнѣ симпатичною, нѣжною, даже нѣсколько женскою личностью. Съ тѣхъ поръ, судьба опять развела насъ, и кто знаетъ, встрѣтимся ли мы еще разъ въ жизни.

Принесли обѣдъ. Приглашая насъ къ нему, полицмейстеръ сказалъ:

— Извините, господа!.. Чѣмъ богаты, тѣмъ и рады!.. Въ Томскѣ нѣтъ хорошей гостинницы... Но жена моя просила васъ принять обѣдъ, изготовленный подъ ея надзоромъ... За неимѣніемъ же во всемъ городѣ бургонскаго, я предлагаю вамъ отъ себя бутылочку сноснаго хересу!..

— Которую вѣроятно не откажетесь распить вмѣстѣ съ нами? перебилъ Львовъ.

— Съ удовольствіемъ! отвѣчалъ любезный градоначальникъ.

Вскорѣ послѣ обѣда, едва начало смеркаться, жандармы стали торопить Львова отъѣздомъ. Дѣлать было нечего. Крѣпко обнялись мы съ Львовымъ, крѣпко пожали другъ другу руки и дали обѣщаніе, если можно, переписываться.

Когда я, въ сопровожденіи полицмейстера, вышелъ на крыльцо, у подъѣзда стояли щегольскія городскія санки, въ которыя Василій Михайловичъ пригласилъ меня сѣсть. Я съ удивленіемъ взглянулъ ему въ лицо.

— Да развѣ я не въ дорогу? въ недоумѣніи спросилъ я.

— Нѣтъ еще! отвѣчалъ полицмейстеръ: вы пробудете здѣсь до утра...

— Гдѣ же?

— Въ острогѣ... Садитесь!..

Я кое какъ влѣзъ въ сани, въ которыя рядомъ со мною сѣлъ полицмейстеръ. Конный казакъ сопровождалъ насъ на разстояніи нѣсколькихъ шаговъ. Мы помчались.

Дорога въ острогъ лежала черезъ весь городъ: намъ попадалось навстрѣчу много народу, кланявшагося полицмейстеру и съ удивленіемъ смотрѣвшаго на сидѣвшую рядомъ съ нимъ фигуру въ овчинномъ тулупѣ и въ мерлушечьей шапкѣ. О, Сибирь! Вѣроятно, ни въ какомъ другомъ городѣ обширной Россіи градоначальникъ не рѣшился бы пропарадировать такимъ образомъ съ человѣкомъ, назначеннымъ въ каторжную работу! За то въ Сибири каторжникъ тотъ же человѣкъ.

Въ острогѣ мнѣ отвели особую комнату рядомъ съ аптекою, потому что настоящая секретная была занята кѣмъ-то или чѣмъ-то. Я былъ измученъ событіями дня, разставаньемъ съ Львовымъ, неизвѣстностью: а тутъ еще караульный офицеръ копался въ моемъ чемоданѣ, отыскивая металлическихъ вещей, которыхъ въ немъ не было, между тѣмъ какъ полицмейстеръ крупными шагами мѣрялъ изъ угла въ уголъ комнату, а острожный смотритель, повидимому, изъ бурбоновъ, разставя ноги и выпуча глаза, слѣдилъ за розысками караульнаго офицера. Впрочемъ, повидимому, весь синклитъ моихъ стражей, по разнымъ побужденіямъ, спѣшилъ окончить эту тяжелую сцену: караульный офицеръ смотрѣлъ вещи весьма поверхностно, смотритель все покашливалъ и переминался съ ноги на ногу, а полиціймейстеръ даже довольно ясно выражалъ свою досаду на служебный формализмъ молодаго офицера. Поэтому, когда послѣдній кончилъ, всѣ трое вздохнули, какъ будто освободившись отъ чего-то непріятнаго, и полицмейстеръ сказалъ, обращаясь ко мнѣ:

— Вы останетесь здѣсь до утра: такъ угодно губернатору... Да, я думаю, и вы непрочь отъ того, чтобы отдохнуть на перепутьи къ мѣсту назначенія... Досвиданья же!..

Я благодарилъ его за позволеніе побыть съ Львовымъ.

— Вамъ, можетъ быть, будетъ скучно?.. сказалъ онъ, какъ будто не разслышавъ моихъ словъ, и потомъ прибавилъ, обращаясь къ смотрителю: вѣдь до ночи еще много времени... нѣтъ ли у васъ какой нибудь книжки для г. Толль?

— Есть-съ! отвѣчалъ смотритель, вытягиваясь и осклабляясь, впрочемъ въ предѣлахъ должнаго чинопочитанія: „Новоселье“ есть-съ, Василій Михайловичъ! Я сейчасъ принесу-съ!

Непрошенные гости ушли, и черезъ нѣсколько минутъ смотритель принесъ мнѣ томъ „Новоселья“ Смирдина, замасленный и зачитанный донельзя. Когда замокъ двери щелкнулъ вслѣдъ за нимъ, я какъ будто обрадовался своему одиночеству, которое еще тому мѣсяцъ находилъ столь тягостнымъ.

Но видно не суждено мнѣ было успокоиться въ этотъ вечеръ, ибо не прошло и получаса, какъ снова загремѣлъ замокъ моей двери. Вошелъ тотъ же караульный офицеръ, который обыскивалъ меня. Это меня взорвало.

— Неужели вы еще не окончили своего обыска? спросилъ я довольно рѣзкимъ тономъ.

— Напротивъ, кончилъ-съ! отвѣчалъ молодой человѣкъ, покраснѣвъ и въ замѣшательствѣ медленно подходя къ столу, на которомъ горѣла сальная свѣча и возлѣ котораго я сидѣлъ. Я вопросительно посмотрѣлъ ему въ лицо: онъ былъ еще очень молодъ и скорѣе похожъ на хорошенькую женщину, переряженную въ изодранный и выпачканный мундиръ линейнаго офицера, чѣмъ на дѣйствительнаго офицера.

— Я пришелъ, сказалъ онъ тономъ школьника, оправдывающагося въ вѣтреномъ поступкѣ: я пришелъ сюда, для того чтобы напомнить вамъ о себѣ.... я васъ видалъ въ корпусѣ... Вѣдь вы служили по военно-учебнымъ заведеніямъ?

Я подтвердилъ его слова и, со своей стороны, спросилъ:

— Въ какомъ же корпусѣ вы воспитывались?

— Въ дворянскомъ полку...

— Я не служилъ въ дворянскомъ полку, но бывалъ тамъ въ 46 году довольно часто...

— Да я васъ помню... Кромѣ меня, тутъ еще есть нашего корпуса—Соколовъ... Онъ васъ тоже помнитъ... Когда мы прочли о васъ въ газетахъ, мы такъ и ахнули... Вотъ судьба-то... Ужасно!..

Его голосъ и тонъ очень напоминали женщину. Звали его Бунинымъ. Впослѣдствіе я раза два бывалъ у него: образъ его жизни также имѣлъ много общаго съ женскимъ. Онъ былъ очень аккуратенъ, любилъ порядокъ и имѣлъ большое пристрастіе къ духамъ и помадѣ. Зеркало было главною мебелью въ его квартирѣ; маленькое складное зеркальце всюду сопровождало его въ карманѣ. А между тѣмъ, онъ впослѣдствіе умеръ смертью храбрыхъ подъ Севастополемъ...

Когда Бунинъ ушелъ, я началъ перелистывать „Новоселье“: оно не могло занять меня, потому что было знакомо мнѣ въ малѣйшихъ подробностяхъ, и вскорѣ я погрузился въ размышленія. О чемъ думалъ, или, лучше сказать, о чемъ не думалъ я въ эти нѣсколько часовъ, довольно трудно опредѣлить. Прошедшее и будущность представали передо мною первое съ отчетливостью панорамы, второе съ неопредѣленностью тяжелаго сна. Я повѣрялъ первое и отдавалъ себѣ отчетъ въ своихъ силахъ для перенесенія съ достоинствомъ втораго. На повѣрку оказывалось, что въ моемъ прошедшемъ было много лжи, много гримасы, внесенныхъ въ нее воспитаніемъ и окружающею средою. Въ будущемъ видѣлось больше суровой, прямой дѣйствительности, но она не пугала меня: цѣлая доля внутренняго человѣка оставалась нетронутою ложью, и эта доля должна была сдружить меня съ новымъ положеніемъ, въ которое я смотрѣлъ довольно довѣрчиво. Будущность доказала, что не напрасно я понадѣялся на

эту долю своихъ силъ: она то и вывезла меня тамъ, гдѣ гибли, старались или погрязали менѣе прямыя личности.

Часу въ одиннадцатомъ я собрался спать: вдругъ опять шорохъ у дверей, звонъ ключей и щелканье замка. Вошелъ полиціймейстеръ и за нимъ смотритель. Караульный офицеръ и съ нимъ нѣсколько солдатъ остановились у отворенныхъ дверей. Я, полуодѣтый, стоялъ у стола, заслоняя собою свѣчу.

— Къ крайнему моему прискорбію, началъ полицмейстеръ полуначальническимъ, полусвѣтскимъ тономъ: я долженъ вамъ объявить, г-нъ Толль, что губернаторъ непремѣнно требуетъ, чтобы вы были сегодня же отправлены въ заводъ... Сколько я ни старался о томъ, чтобы доставить вамъ возможность провести спокойную ночь, его превосходительство боится взять на себя эту отвѣтственность...

— Чтожъ? тѣмъ лучше!.. отвѣчалъ я: скорѣе къ цѣли, меньше лишнихъ думъ... А сколько до завода верстъ, г-нъ полицмейстеръ?

— Да считаютъ 67 верстъ... А впрочемъ никто не мѣрялъ ихъ... Можетъ быть и больше.

Я началъ одѣваться и черезъ десять минутъ уже былъ готовъ.

— Жандармы! крикнулъ полицмейстеръ въ двери.

Вошли два жандарма, которымъ я и былъ съ надлежащими формальностями сданъ. Мы вышли и сѣли въ повозку: одинъ изъ жандармовъ усѣлся возлѣ меня, другой на облучкѣ, возлѣ ямщика. На половинѣ дороги, на станціи, намъ дали двое саней, потому что тутъ дорога къ заводу суживалась, и приходилось ѣхать гусемъ. Ночь была великолѣпная: звѣзды сіяли на хрустальномъ небѣ; при свѣтѣ ихъ, снѣгъ переливался, какъ милліоны брильянтовъ. Морозъ былъ градусовъ около 30, но дышать было легко, и я не очень озябъ. Я всю дорогу думалъ о томъ, какъ меня встрѣтятъ и дадутъ ли хоть отдохнуть, или такъ тотчасъ и запрягутъ въ работу. Сильно занимало меня также—будетъ ли у меня особая комната и возможность, хоть ночью, читать, писать и размышлять. Мысль, что меня могутъ помѣстить въ общей арестантской, пугала меня. Я всегда былъ неспособенъ къ казарменной жизни, а теперь тѣмъ меньше чувствовалъ въ себѣ призваніе къ ней. Въ головѣ моей накопилось столько мыслей, которыя хотѣлось бы сформулировать самому себѣ; въ жизни моей было столько новыхъ фактовъ, которыхъ смыслъ еще не вполнѣ былъ разгаданъ мною. Притомъ мнѣ хотѣлось еще учиться, учиться и учиться... А тутъ!.. Я до того времени жилъ слишкомъ мало съ народомъ, а въ заводѣ пришлось бы жить съ подонками его!.. Это приводило меня, въ буквальномъ смыслѣ, въ содроганіе. Нравственное чувство мое возмущалось при мысли о томъ, что меня поставятъ на одну доску съ убійцами, ворами и мошенниками, меня, который никогда не убивалъ безъ нѣкотораго раскаянія мухи, даже въ шутку не укралъ

синей порошинки и инстинктивно избѣгалъ всякой тѣни подлости. Конечно, теперь я не былъ бы столь цѣломудренно-щекотливъ, потому что убѣдился, что за этою нравственной щекотливостью кроется большая доза слабости и несостоятельности. Но тогда я не зналъ жизни такъ, какъ знаю ее теперь.

Я въѣхалъ въ Керевскій винокуренный заводъ, въ который былъ назначенъ на два года въ каторжную работу, около 6 часа утра 27 Января: при въѣздѣ меня поразилъ въ немъ смѣшанный характеръ нѣкотораго казеннаго однообразія зданій съ очевидною случайностью въ ихъ размѣщеніи и съ совершеннымъ отсутствіемъ въ природѣ почти всякаго признака растительности. Жандармъ, ѣхавшій въ саняхъ со мною и вѣроятно уже прежде побывавшій въ заводѣ, весьма подробно отвѣчалъ на мои вопросы. Оказывалось, что зданія, построенныя при въѣздѣ въ заводъ, были дѣйствительно казенныя. Изъ нихъ первое налѣво былъ домъ лѣсничаго, второе направо заводская больница для рабочихъ и солдатъ. Невдалекѣ отъ больницы были плотницкая, столярная и токарная мастерскія въ одномъ зданіи; при поворотѣ главной улицы направо была арестантская, гдѣ ссыльные содержались сначала по прибытіи въ заводъ, и куда позже попадали за проступки, совершенные въ бытность въ заводѣ. Далѣе налѣво была казарма инвалидной команды, домъ командира ея, потомъ домъ лекаря, подальше—заводская контора, единственное присутственное мѣсто въ заводѣ, и наконецъ домъ смотрителя и хлѣбные амбары; направо — гауптвахта, раздѣленная отъ ряда избъ рабочихъ огромнымъ пустымъ пространствомъ, на которомъ предполагалось построить церковь. Гауптвахта и казарма рабочихъ были обращены заднимъ фасомъ къ горной рѣкѣ Керевѣ, на другомъ отлогомъ берегу которой возвышалось зданіе винокурни. По берегамъ рѣчки, въ разныхъ мѣстахъ лѣпились землянки, въ которыхъ жили рабочіе.

Внѣшняя дѣятельность завода еще спала, но въ землянкахъ, избахъ, на гауптвахтѣ и въ казармахъ, по всему видимому, уже проснулись: дымъ валилъ изъ трубъ и стлался по чистому, голубому небу, на которомъ еще кой-гдѣ не погасли звѣзды.

Мы подъѣхали къ конторѣ и поднялись въ нее по деревянному крыльцу съ форменнымъ навѣсомъ. Опрятная, даже отчасти красивая наружность конторы нисколько не соотвѣтствовала грязи и спертому воздуху, которые царствовали внутри. Старикъ сторожъ сидѣлъ передъ топившейся печью, отогрѣвая окоченѣвшія руки. Онъ едва оглянулся на звукъ шпоръ, сабель и кандаловъ, которыми сопровождалось наше появленіе: повидимому, слухъ его привыкъ къ этимъ звукамъ, какъ привыкаетъ слухъ младенца къ колыбельной пѣсни, или слухъ боевой лошади къ свисту пуль и грохоту огнестрѣльныхъ орудій. Приходъ нашъ также не удивилъ его: на то контора въ заводѣ, чтобы въ нее приходили люди въ кандалахъ и люди съ саблями. Онъ такъ же мало нашелъ

это страннымъ, какъ свѣтская женщина находитъ необыкновеннымъ обычные визиты своихъ знакомыхъ. Лѣниво въ половину повернулъ онъ голову и, взглянувъ на насъ въ полглаза, опять погрузился въ прежнее занятіе.

— Эй, старина! сказалъ старшій изъ сопровождавшихъ меня жандармовъ.

— Чаво вамъ? отозвался старикъ, не перемѣняя положенія.

— Смотритель гдѣ? продолжалъ жандармъ.

— Вѣстимо, гдѣ! спитъ...

— А писаря?

— Ну тоже спять...

— Поди-ка позови кого нибудь!..

— Придуть и сами...

— Какъ придутъ сами? Да намъ ждать нельзя...

— А нельзя, такъ мнѣ чтожъ?

— Говорятъ, поди позови старшаго писаря...

— Не пойду... не приказано отлучаться отселѣва!.. Придуть сами!..

Дѣлать было нечего: пришлось дожидаться. Впрочемъ ждали мы недолго: старшій писарь пришелъ и отперъ собственно контору, въ которой были стулья, между тѣмъ какъ въ комнатѣ, въ которой мы находились, мы принуждены были стоять.

Старшій писарь былъ высокій мужчина, недурной собой, стройный и съ нѣсколько воинственною осанкою. Ему могло быть лѣтъ подъ тридцать; онъ носилъ усы и брилъ бороду. Узнавъ, кто я, онъ рекомендовался мнѣ разжалованнымъ изъ юнкеровъ рабочимъ Соболевымъ.

— Вамъ долго придется ждать, сказалъ онъ: г. смотритель пріѣзжаетъ въ контору не раньше девятаго часа...

— Скажите, много еще въ заводѣ ссыльныхъ изъ дворянъ? спросилъ я.

— Есть! Вотъ тоже капитанъ гвардіи Аграженскій...

— За что онъ сосланъ?

— А не знаю-съ... Мы съ ними незнакомы...

— Какъ же такъ?.. Развѣ вы не вмѣстѣ живете?..

— Какъ можно-съ!.. Они живутъ на своей квартирѣ, я на своей...

Мы замолчали; жизнь заводская стала для меня загадочнѣе прежняго.

Соболевъ смотрѣлъ на меня какъ-то недовѣрчиво: я совершенно прекратилъ разговоръ, въ которомъ многое должно было оставаться для меня загадочнымъ, многое другое — неяснымъ. Я не могъ надѣяться на то, чтобы рабочій высказалъ мнѣ истину насчетъ смотрителя завода и прочаго начальства, и потому рѣшился лучше не распрашивать объ этомъ Соболева. Чему быть, того не миновать, а что будетъ, посмотримъ!..

Между тѣмъ одинъ за другимъ въ контору стали собираться прочіе писаря. Это, большею частью, были люди, чисто одѣтые по нѣмецки, не старые; нѣкоторые даже обнаруживали въ пріемахъ внѣшнее образованіе средняго круга. Впослѣдствіе оказалось, что писаря большею частью были изъ разжалованныхъ дворянъ, чиновниковъ, офицеровъ и грамотныхъ мѣщанъ, сосланныхъ за разныя уголовныя преступленія. Всѣ они раскланивались съ Соболевымъ, шептались съ нимъ, вѣроятно распрашивая обо мнѣ, потомъ, искоса осмотрѣвъ меня съ ногъ до головы, усаживались за столы, раскладывали бумаги и принимались болтать. Повидимому между всѣми ними не было ничего общаго, такъ же, какъ между чиновниками одного департамента, или отдѣленія. Они даже какъ будто не любили другъ друга, завидовали одинъ другому. Испорченныя натуры ихъ, какъ оказывалось изъ разговоровъ, и въ ссылкѣ не могли сбросить пороковъ того слоя общества, къ которому они принадлежали: то же хвастовство, искательство въ начальствѣ, зависть въ отношеніи товарищей, то же желаніе казаться не тѣмъ, что есть, хоть бы пришлось казаться хуже настоящаго. Дѣти ложной дѣйствительности, въ которой просторъ однимъ мелкимъ страстямъ и порокамъ, бѣдняки привыкли не удовлетворяться ею и искать исхода своему чувству въ расширеніи въ воображеніи размѣровъ этихъ страстей и пороковъ. Многіе изъ васъ, читатели, не помнятъ того времени, въ которое подобныя явленія были въ порядкѣ вещей. Всякій департаментъ, всякое общество было поприщемъ, на которомъ ежедневно Хлестаковы самыхъ разнообразныхъ размѣровъ и оттѣнковъ разыгрывали свои роли. Смѣшно сказать, даже въ заводской конторѣ, въ которой я сидѣлъ, были Хлестаковы... Точь въ точь департаментъ такой-то, или гостиная такого-то; разница была въ одномъ томъ, что здѣсь все кружилось около количества выпитыхъ штофовъ, сыгранныхъ туровъ въ носки и того, у кого ночевала въ эту ночь Аннушка рыжая или Палашка Зябликъ, а тамъ пили одно шампанское, играли въ англійскомъ клубѣ по большой и разсуждали о графинѣ такой-то, бѣжавшей съ французскимъ актеромъ такимъ-то...

Наконецъ часу въ половинѣ девятаго началось необыкновенное движеніе въ сѣняхъ конторскихъ; сторожъ всунулъ въ дверь сѣдую до желтизны голову и прошамкалъ:

— Г. смотритель!

Писаря смолкли и пристально занялись работою. Старшій жандармъ вышелъ за дверь, оправляя аммуницію, гремя саблей и шпорами; младшій жандармъ вытянулся въ струнку возлѣ меня.

Я сидѣлъ у стола, когда вошелъ смотритель, человѣкъ лѣтъ 30-ти съ небольшимъ, съ заплывшимъ краснымъ лицомъ и огромнымъ брюхомъ. Изъ-за спины его выглядывало еще нѣсколько лицъ, столь же неблагообразныхъ и

мало обѣщавшихъ. Это были члены заводской конторы, которой представителемъ былъ смотритель.

Изъ того, что вся эта компанія во всѣ глаза смотрѣла на меня, я заключилъ, что приходъ ея въ контору касается меня, и потому всталъ и подошелъ къ дверямъ. Смотритель не удостоилъ меня отвѣтомъ на мой вѣжливый поклонъ.

— Бывшій учитель русской словесности, Феликсъ Толль? произнесъ онъ тономъ вопроса, моргая заплывшими сѣрыми глазками и тыча въ меня пальцемъ.

— Да! отвѣчалъ я.

— Есть у тебя вещи? продолжалъ онъ спрашивать.

— Есть!

Я указалъ на чемоданъ, сакъ и другія вещи, сложенныя въ конторѣ.

— Хорошо! прорекъ смотритель и повернулся ко мнѣ спиной. Въ дверяхъ появился другой такой же толстякъ, потомъ третій и четвертый, очень похожіе на купцовъ мелкой руки. Всѣ эти лица, не произнося ни слова, смотрѣли на меня во всѣ глаза и исчезали такъ же, какъ и появлялись, безъ видимой причины и повода.

Убѣдясь, что болѣе спрашивать меня не намѣрены на первый случай, я отошелъ отъ дверей и сѣлъ на прежнее мѣсто.

— Какъ зовутъ смотрителя? спросилъ я у сидѣвшаго возлѣ меня Соболева.

— Николаемъ Осиповичемъ Скапиновичемъ, отвѣчалъ онъ.

— А прочіе кто такіе?

— Члены конторы... былъ отвѣтъ.

Начало заводской жизни поражало меня: безцеремонное обхожденіе смотрителя, глупыя рожи членовъ, ихъ насмѣшливо-печальные и вмѣстѣ нахальные взгляды—все это обѣщало мало хорошаго.

Я всегда былъ очень самолюбивъ, но въ моемъ тогдашнемъ самолюбіи было еще много чиновнической, сословной гордости. Какой-нибудь Скапиновичъ еще могъ обидѣть меня несоблюденіемъ какихъ-нибудь условныхъ формъ. Я надулся.

Черезъ четверть часа пришелъ старшій жандармъ, уходившій вслѣдъ за смотрителемъ и членами.

— Меня справили, ваше благородіе! сказалъ онъ, въ первый разъ употребляя въ разговорѣ со мною этотъ терминъ вѣжливости, вѣроятно съ тѣмъ, чтобы оставить во мнѣ не столь тягостное по себѣ воспоминаніе.

— Прощенья просимъ! продолжалъ онъ, кланяясь мнѣ съ расшаркиваньемъ: теперь ужъ не мы за васъ, сударь, отвѣчаемъ...

— Прощенья просимъ!.. отозвался другой жандармъ на подобіе эхо.

Въ эту минуту какой-то небритый человѣкъ въ казакинѣ, перетянутомъ кушакомъ, подошелъ ко мнѣ и сказалъ пришепетывая:

— Позжалуйте-съ къ господину смотрителю въ присутствіе-съ!

Я простился съ жандармами и вышелъ вслѣдъ за небритымъ господиномъ, который черезъ сѣни ввелъ меня въ такую же грязную, плохо освѣщенную и вонючую комнату, какъ и контора. Здѣсь за столомъ, покрытымъ зеленымъ сукномъ, сидѣли смотритель и члены конторы, встрѣтившіе меня попрежнему любопытными взглядами.

— Не знаешь ли ты—за что ты сосланъ? спросилъ первый.

— Хорошенько не знаю! отвѣчалъ я.

Господа члены переглянулись и засмѣялись.

— Ей! конвой! крикнулъ смотритель.

Вошли четыре солдата.

— Ступай, куда тебя поведутъ! присовокупилъ смотритель, тыча мнѣ пальцемъ въ солдатъ.

Солдаты взяли меня въ середину. Мы вышли изъ конторы. Я задыхался отъ злости, отъ негодованія, отъ возбужденнаго чувства оскорбленнаго человѣческаго достоинства. Въ моемъ нравственномъ мірѣ оборвалась какая-то струна: въ первый разъ въ жизни я стоялъ на собственныхъ ногахъ, безъ сословныхъ помочей, безъ чиновничьихъ гарантій, которыя до сихъ поръ всетаки болѣе или менѣе принимались за существующія приходившими со мною въ соприкосновеніе начальственными лицами. Отнынѣ я былъ ничѣмъ болѣе, какъ человѣкомъ: здѣсь, передъ этими господами, мое прошедшее не существовало... Я былъ тѣмъ, чѣмъ сдѣлалъ меня приговоръ, т. е. преступникомъ, отданнымъ во власть ихъ... Эта мысль гнела меня, потому что я еще далеко не привыкъ стоять на собственныхъ ногахъ. Помочи, гарантіи избаловали меня, нравственно атрофировали одну часть моего существа... Положеніе мое было для меня новинкою, которая озадачивала меня... Впрочемъ не могу сказать, чтобы я былъ совершенно обезкураженъ ею. Во мнѣ было слишкомъ много свѣжихъ силъ, чтобы поддаться первому гнету: внутри меня шевелилось сознаніе, что все это мелочи, передъ которыми не стоитъ въ смущеніи останавливаться. Тяжело ступалъ я ногами, на которыхъ болтались 9-ти фунтовыя кандалы, конвоируемый 4-мя инвалидами съ ружьями. Когда мы приблизились къ гауптвахтѣ, которая, какъ я сказалъ, находилась невдалекѣ отъ конторы, навстрѣчу намъ попался человѣкъ, лѣтъ 40 безъ малаго, съ огромными усами, въ свѣтлосѣрой офицерской шинели и тепломъ картузѣ. Онъ вѣжливо поклонился мнѣ, изъ чего я заключилъ, что есть и въ заводѣ люди, умѣющіе вѣжливо кланяться. Я, конечно, отвѣтилъ ему на поклонъ такъ же вѣжливо, но спросить у солдатъ о томъ—кто этотъ господинъ—не рѣшился, потому что изъ опыта зналъ, что не получу никакого отвѣта.

На гауптвахтѣ меня провели черезъ кордегардію, гдѣ находились солдаты,

и гдѣ стояла невыразимая вонь, въ арестантскую маленькую комнатку, которой три четверти были заняты грязными нарами, и которая скудно освѣщалась только однимъ, замерзшимъ сверху донизу, окномъ. На нарахъ уже лежали мои вещи.

Я снялъ енотовую шубу, которая оттянула мнѣ плечи, и постлавъ ее на палатяхъ, полѣзъ было на нихъ, чтобы немного отдохнуть, въ надеждѣ, что въ этотъ день меня оставятъ въ покоѣ, тѣмъ болѣе, что я слышалъ, какъ вслѣдъ за мною запирали замкомъ дверь. Но надеждѣ моей, повидимому, не суждено было сбыться: едва я протянулъ на шубѣ усталые члены, какъ въ дверномъ окошечкѣ, задѣланномъ рѣшеткой, и съ котораго я инстинктивно не спускалъ глазъ, показалось чье-то лицо. Вслѣдъ затѣмъ загремѣлъ замокъ моей двери, и вошелъ господинъ, попавшійся мнѣ на пути изъ конторы на гауптвахту. Я приподнялся и собрался слѣзть съ наръ, полагая, что это также какое-нибудь начальственное лицо. Но незнакомецъ очень любезно просилъ меня остаться въ моемъ прежнемъ положеніи и рекомендовался мнѣ товарищемъ ссылки Васильемъ Платоновичемъ Аграженскимъ.

— Вы говорите по французски? спросилъ онъ.

Я отвѣчалъ утвердительно и уже съ совершенно инымъ чувствомъ полѣзъ съ наръ. У насъ завязался одинъ изъ тѣхъ разговоровъ, которые, я думаю, ведутся европейцами, случайно встрѣтившимися гдѣ нибудь среди кабиловъ или ирокезовъ. Это былъ разговоръ не то чтобы дружескій, но и не бесѣда людей, вовсе чуждыхъ другъ другу. Въ немъ была струя искренности, даже родственнаго чувства, но это было не личное, а племенное или расовое родство. Мы были люди одного слоя общества, а потому поневолѣ были своими, по пословицѣ: свой своему поневолѣ братъ. Впрочемъ не одно это чувство увлекало меня въ бесѣдѣ: личность Аграженскаго съ перваго взгляда понравилась мнѣ. Въ немъ было что-то привѣтливое, располагающее, доброе. Неопытность моя выказалась тутъ съ блестящей стороны: я болталъ, какъ съ человѣкомъ давно знакомымъ.

— Который вамъ годъ? спросилъ между прочимъ мой собесѣдникъ.

— Двадцать семь лѣтъ! отвѣчалъ я.

— Неужели? воскликнулъ Аграженскій: а когда я васъ встрѣтилъ на улицѣ вы показались мнѣ чуть не пятидесятилѣтнимъ мужчиной...

— Немудрено! Вѣдь я человѣкъ съ вѣсомъ... Девятифунтовыя украшенія хоть кому придадутъ нѣкоторую степенность...

Мы засмѣялись.

Дверь опять растворилась: на этотъ разъ вошелъ офицеръ среднихъ лѣтъ.

— Командиръ заводской инвалидной команды, сказалъ Аграженскій, предупреждая меня о новомъ гостѣ.

Я опять полѣзъ съ наръ, на которыхъ было расположился съ позволенія Аграженскаго. Но командиръ не далъ мнѣ исполнить мое намѣреніе. Поклонившись мнѣ со всѣми пріемами ловкаго военнаго писаря, онъ ухватилъ меня за колѣни и самымъ нѣжнымъ голосомъ произнесъ

— Ради Бога, оставайтесь какъ есть... Не то я уйду, клянусь, уйду!..

И онъ оглянулся на дверь. Я пересталъ двигаться.

— Я пришелъ къ вамъ, продолжалъ командиръ, вовсе не съ тѣмъ, чтобы васъ безпокоить!.. Если бы я могъ думать, что потревожу васъ, ей-ей, не пришелъ бы... Да вотъ видите... жена прогнала... говоритъ: поди спроси: не угодно ли имъ горяченькаго бульонцу?.. Съ морозу то, знаете, оно здорово... Вы пожалуйста не сердитесь за это на насъ... Люди мы простые, неученые... Не взыщите! А право позвольте прислать вамъ бульонцу...

Я поблагодарилъ и конечно принялъ это предложеніе, высказанное съ такою патріархальною сердечностью.

Командиръ, котораго звали Иваномъ Степановичемъ Петровымъ, на минуту вышелъ въ кордегардію и вслѣдъ затѣмъ возвратившись, сѣлъ на нары и повелъ съ нами бесѣду. Оказалось, что онъ былъ изъ воспитанниковъ воспитательнаго дома, служилъ въ нижнихъ чинахъ въ гвардейскомъ саперномъ батальонѣ и чувствовалъ нѣкоторое благоговѣйное чинопочитаніе къ Аграженскому, который былъ разжалованъ изъ капитановъ гвардейскаго конногренадерскаго полка. Я еще буду имѣть случай возвратиться ко всѣмъ этимъ личностямъ, но замѣчу здѣсь только вскользь, что изо всѣхъ нихъ Петровъ вполнѣ очаровалъ меня тою деликатностью и тонкостью чувства, которая даже въ образованныхъ людяхъ встрѣчается далеко не всякій день.

Я едва успѣлъ съѣсть принесенный мнѣ отъ жены Петрова супъ, какъ въ арестантской появился господинъ среднихъ лѣтъ, маленькаго роста, сухопарый, въ партикулярномъ платьѣ.

— Я заводскій лѣкарь! сказалъ онъ.

Я слѣзъ съ наръ.

— Благодарю васъ, сказалъ я: я не боленъ.

— Но и нездоровы?

— У меня болитъ правая нога: мнѣ кажется, она даже опухла... Кольца кандаловъ слишкомъ тѣсны... двухъ чулокъ нельзя надѣть... Дорогой желѣзо настыло и вѣроятно простудило ногу...

— Надо будетъ осмотрѣть васъ... я скажу объ этомъ смотрителю! Досвиданья!..

Лѣкарь ушелъ; потомъ пришелъ смотритель, при появленіи котораго и Петровъ, и Аграженскій встали съ наръ. Впрочемъ смотритель только приказалъ перевести меня изъ этой арестантской въ другую, попросторнѣе, только еще холоднѣе.

Я двое сутокъ не спалъ, да и вообще съ мѣсяцъ уже не высыпался, какъ слѣдуетъ. Между тѣмъ отъ Агражанскаго принесли холщевый мѣшокъ, набитый сѣномъ... и я сталъ оглядываться на него весьма выразительно. Мои собесѣдники поняли эти взгляды и ушли, а я повалился на мѣшокъ и заснулъ сномъ молодости, здоровья и чистой совѣсти.

Таковъ былъ мой въѣздъ въ заводъ и первыя знакомства въ немъ. Два года и три мѣсяца суждено мнѣ было прожить въ немъ, много пришлось перенести тяжкаго и много испытать пріятныхъ минутъ, но первыя впечатлѣнія всегда самыя сильныя, и по нимъ то сложилось во мнѣ о немъ воспоминаніе, чрезвычайно смѣшанное, разнообразное, точно будто это былъ цѣлый новый міръ, открытый мною. Вслѣдствіе этого перваго впечатлѣнія, я принялся за изученіе завода, какъ туристъ изучаетъ незнакомую страну, и независимо отъ другихъ обстоятельствъ, болѣе или менѣе разнообразившихъ заводскій бытъ мой, уже поэтому самому не могъ скучать въ немъ. Я узналъ въ заводѣ жизнь, какъ она есть, и хотя это знакомство не улыбнулось мнѣ, однако не давало мнѣ скучать. И то было вовсе неожиданнымъ подаркомъ судьбы!

Ф. Толль.

Два письма Н. П. Щепкина, 1855 года.

Любезный Б...! Прости меня что я тебѣ давно не отвѣчалъ на письмо. Мнѣ хотѣлось прежде всего отыскать для тебя книги, которыхъ я искалъ, искалъ и не нашелъ. Наконецъ, благодаря библіотекѣ Фролова — я добылъ изъ нея Кретчмара и Ричардсона, которыхъ и посылаю тебѣ черезъ Евгенія, — береги только эти книги, потому что библіотека Фролова существуетъ пока для пріятелей, которые могутъ ею пользоваться, — но должны возвращать книги по минованіи въ нихъ надобности. Благодарю тебя за присылку перевода Европы— я взялъ его въ Воронежскую губернію для просмотрѣнія названій ботаническихъ и зоологическихъ, а послѣ доставлю Кетчеру. Присылай другъ любезный Азію на имя Евгенія. Я уже хлопочу въ типографіи и въ бумажныхъ магазинахъ. Что касается до предисловія Фогеля, то полагаю, что его переводить не нужно, что одобряетъ и Грановскій. Тѣмъ же болѣе, что предисловіе о значеніи книги Фогеля будетъ написано Грановскимъ. И такъ — не трудись переводить предисловія. Печатать книгу Фогеля я не думаю раньше конца Августа или начала Сентября. Изданіе мое, начинающееся Фогелемъ, будетъ продолжаться, какъ надѣюсь, очень продолжительное время; будетъ оно постомъ издаваться въ одинъ разъ принятомъ форматѣ и печататься одинъ разъ избран-

нымъ шрифтомъ. Что-то будетъ, а мнѣ кажется, что при извѣстномъ упорствѣ въ принятомъ дѣлѣ мы можемъ сдѣлать что нибудь полезное; и почемъ знать— дѣло это можетъ быть дойдетъ до книжной лавки, своей типографіи и проч. Тебѣ покажется что я фантазирую à la M-r Маниловъ—но долженъ тебѣ сказать, что фантазія отъ меня начинаетъ удаляться и я приступаю уже къ своему дѣлу очень осторожно, осмотрительно и пускаю въ ходъ небольшой капиталъ на первый разъ. Въ Москвѣ у насъ предпринимается слава Богу много изданій—дай Богъ имъ успѣха. Недавно пріѣхалъ Грановскій изъ Петербурга, гдѣ пробылъ недѣли полторы, онъ былъ нѣсколько разъ у Министра и между ними шли переговоры объ историческомъ учебникѣ, кончившіеся тѣмъ, что Грановскій съ удовольствіемъ вновь берется за учебникъ. Цензура вѣроятно будетъ посноснѣе. Новостей политическихъ почти нѣтъ,—извѣстія изъ Севастополя очень неопредѣленны, и потому ничего не могу тебѣ сказать вѣрнаго. Вотъ тебѣ новость не политическая: Грановскій къ общему удовольствію профессоровъ выбранъ единодушно деканомъ, а Шевыревъ получилъ только одинъ бѣлый шаръ, да и то, какъ я подозрѣваю, положилъ самъ Грановскій „изъ совѣсти“. Евгеній на счетъ прощенія отца своего очень сомнѣвается, потому что о прощеніи ни слуху ни духу: я подбиваю его лично просить императора о помилованіи больнаго и безвреднаго отца своего. Попытка не шутка а спросъ — не бѣда. Евгеній упирается, разумѣется не изъ упрямства,—а я бы право сдѣлалъ это. Ну! что будетъ — увидимъ. Всѣ наши здоровы и разъѣзжаются по деревнямъ и дачамъ—вотъ и я пишу тебѣ изъ Марокъ, деревни, принадлежащей Іосифу Станкевичу, куда вчера только прибылъ со всѣмъ своимъ семействомъ. Зёзя находится теперь отъ насъ верстахъ въ полутораста въ Г. Валуйкахъ, гдѣ уже съ мѣсяцъ проживаетъ, какъ депутатъ отъ дворянства, для пріемки сухарей, крупы и проч. Ты спрашиваешь: попалъ ли я въ ополченіе?— Не попалъ, любезнѣйшій! У насъ въ Москов. губер. отставныхъ офицеровъ очень много и жребій на меня не палъ. Больше тебѣ новаго нечего сказать, а потому до слѣдующаго письма. Прощай—жму тебѣ руку и жду отъ тебя продолженія перевода. Гдѣ ты проводишь лѣто? Прощай! Твой Н. Щепкинъ.
Марокъ 20-го Мая 1855-го года.

Любезный другъ Б. . . . . Благодарю тебя за рукопись и книги — не сердись что пишу объ этомъ такъ поздно. Посылка твоя пришла въ Москву въ такое тяжелое для всѣхъ насъ время, что у меня руки не подымались писать къ тебѣ. Вотъ и теперь при словѣ о Грановскомъ слезы меня душатъ, въ головѣ и сердцѣ тяжело и пусто и рука дрожитъ при словахъ Грановскій умеръ: мнѣ какъ-то страшно было написать эти слова—какъ будто я боялся, что онъ умретъ во второй разъ. Ахъ Б. . . . , Б. . . . ! Какое дѣло сдѣлалось! Кого

мы потеряли! Что же мы будемъ дѣлать теперь? Гдѣ наше живительное начало? Для меня теперь какъ будто все кончилось: вчера былъ молодъ—нынче старикъ, старикъ брюзгливый, хандрунъ — пора умирать. Въ хорошія времена при немъ было жить отрадно, въ тяжелыя—при немъ переносилось все мужественнѣе. А теперь? Къ кому же идти потолковать о своемъ горѣ? Такъ и хочется пойти къ Грановскому же. Получивши твою рукопись первая мысль была: да зачѣмъ же это теперь? Вѣдь Грановскаго нѣтъ уже! Такъ сильно было связано всякое хорошее дѣло, всякое полезное начинаніе съ именемъ Грановскаго. Вторая мысль была: такъ будемъ же въ память его, нашего чистаго и благороднаго наставника и друга продолжать хорошее дѣло, на которое онъ насъ благословилъ. Первую тетрадь твою онъ просматривалъ со мною въ деревнѣ Воронежской губерніи: вообще онъ остался твоимъ переводомъ очень доволенъ и измѣнилъ нѣсколько только словъ. Остальныхъ тетрадей онъ ждалъ и постоянно меня спрашивалъ: получилъ ли я ихъ? „Надо торопиться, говорилъ онъ мнѣ: а у меня уже есть для тебя еще книга, очень полезная и очень интересная. А предисловіе къ Фогелю я напишу непремѣнно — не забудь только привести книгу изъ деревни—мнѣ ее нужно еще просмотрѣть.“—Теперь Б. . . , когда его уже нѣтъ, исполни ты его желаніе и напиши предисловіе. Въ какомъ родѣ онъ самъ хотѣлъ написать предисловіе я могу тебѣ передать современемъ. Увѣдомь—увидимся ли нынѣшней зимой въ Москвѣ?—А какъ было пошло дѣло на ладъ: журналъ въ Москвѣ, историческій сборникъ, переводы, изданія Кольцова, магазинъ въ рукахъ Кетчера, наше съ тобой изданіе — и какъ это все радовало его, какъ онъ оживился, и какъ всѣ мы оживились. А впереди такъ много было, о чемъ при свиданіи—и вдругъ нежданно негаданно—нѣтъ его! Сегодня понедѣльникъ, а въ субботу будетъ сорокъ дней какъ его нѣтъ. Въ субботу сойдемся опять на его могилѣ потолковать объ немъ. Еслибы ты видѣлъ, какъ изъ разныхъ сторонъ Москвы въ завѣтные дни сходятся на его могилѣ студенты и другія лица, и какъ всѣ на этой могилѣ встрѣчаются какъ будто давно знакомые! Недѣли черезъ три послѣ смерти Грановскаго мы слышали какъ нѣкоторые изъ студентовъ говорили между собою, указывая на могилу: вотъ гдѣ теперь мы будемъ сходиться. И дѣйствительно мы узнали, что иногда явится на могилѣ человѣкъ 5 студентовъ, тихо потолкуютъ тамъ и разойдутся. Много есть такого, что бы хотѣлось передать тебѣ — но откладываю до свиданія. Изъ газетъ ты вѣроятно уже знаешь, какъ провожали Грановскаго, какъ дорогу отъ Университета до кладбища студенты усыпали цвѣтами, но въ газетахъ не могъ ты прочесть, какъ эта милая молодежь—студенты заливались слезами на могилѣ. А вѣдь это Б. . . . утѣшительно, что даже *нынѣшніе* студенты чувствовали, что они потеряли въ Грановскомъ надежду и опору отца къ дѣтямъ. Ты можетъ быть подумаешь, что студенты все были изъ Словеснаго

и Юридическаго факультетовъ—нѣтъ—до 200 человѣкъ было медиковъ и математиковъ. А какое мѣсто, Б. . . . , мы выбрали для него: на горкѣ, окруженной старыми деревьями — впереди Сокольничіи рощи, направо станція желѣзной дороги, а налѣво около него деревянные кресты бѣдныхъ людей. Мы между прочимъ постарались и занять мѣсто большое—будетъ для всѣхъ насъ. Конечно все равно, гдѣ бы не лежать, но мысль, что это не все равно для нашихъ пріятелей, остающихся въ живыхъ — поддерживаетъ во мнѣ желаніе лечь поближе къ Грановскому. Прости Б . . . . , что пишу къ тебѣ безсвязное письмо—я въ первый разъ берусь за перо послѣ смерти Грановскаго и до сихъ поръ мысли у меня въ разбродѣ — я просто братъ растерялся, и покуда не соберусь самъ съ собою—ни за что не отвѣчаю, ни за письма, ни за дѣла. Вездѣ скучно, вездѣ тошно — уѣхалъ бы куда нибудь! Да куда? Вездѣ пока скверно. Лизавета Богдановна которую вижу почти каждый день, живетъ все еще имъ, какъ живымъ человѣкомъ, и очень довольна если говорятъ объ немъ. Послѣдніе дни она очень кашляетъ. Ахъ Б. . . . . какъ пріятно-грустно смотрѣть на нее, на это *все*—что осталось намъ отъ Грановскаго — онъ такъ любилъ ее и такая связь была между ими, что глядя на нее, думаешь, вотъ-вотъ войдетъ Грановскій. Ну прощай — обнимаю тебя — будь здоровъ. Твой Н. Щепкинъ.

Дневникъ мичмана Владиміра Романова, 1814 года *).

2-го генваря. Началасъ корпусная Комисія, и я екзаменовался у флота лейтенанта у Корпусного Капитанъ-Порутчика Князя Сергея Алѣксандровича Шихматова, изъ Арифметики, Геометріи, Тригонометріи плоской и сферической, Навигаціи, Астрономіи, Еволюціи и Практики и былъ отмеченъ изо всего хорошо.

Изъ французскаго языка у надворнаго совѣтника и кавалера Ивана Антоновича Триполи и отмеченъ довольно хорошо. Изъ немецкаго у 8-го класса Петра Прокофьевича Белоусова и отмеченъ весьма хорошо.

Изъ Артиллеріи, у Лейтенанта Павла Петровича Максимова и отмеченъ весьма хорошо.

Изъ Фортофикаціи у надворнаго совѣтника и кавалера Кузма Михайловича Горбунова, и отмеченъ очень хорошо.

---

*) Писанъ на чистыхъ листахъ „Мѣсяцослова“ за 1814 годъ. На обложкѣ рукой автора дневника написано: „Изъ книгъ флота мичьмана Владиміра Романова 1814 года Маія 29-го числа. Кронштатъ“.

Изъ Исторіи у 8-го класса Василья Ивановича Соловьева, и отмеченъ довольно хорошо.

Изъ Исторіи у титулярнаго совѣтника Ананія Екимовича Воронина отмеченъ хорошо.

Изъ Россійской Словѣсности у 8-го класса Федора Васильевича Груздова отмеченъ хорошо.

Изъ Корабельной Архитектуры у 12 - го класса Алѣксея Ивановича Соколова отмеченъ д: хорошо.

Изъ Геодезіи у 7-го класса Прохора Андреича Суркова отм. д: хорошо.

Изъ Механики, Вышныхъ Вычесленій, Алгебры, Теоріи и Физики у флота лейтенанта и корпусного капитанъ - порутчика и кавалера Марко Филиповича Горковенко изрядно.

Изъ Закону Иримонахъ хорошо.

Со мной екзаменовался Головнинъ и Анучинъ у Шихматова.

Вызхода месяца начался флотской екзаменъ и я екзаменовался у капитанъ лейтенанта Павла Петровича Исакова и также былъ екзаментъ поповской, и получилъ отъ отца писмо и денги 700 р. на екопировку.

6-го февраля былъ главной екзаментъ.

21 - го вышли приказы въ мичьмана и я вышелъ 31-мъ и причислили къ 19 числу.

28-го былъ у тетки.

2-го марта. Нанилъ извощика въ Кронштатъ за 8 рублей.

3-го; въ 12 часу поутру поѣхалъ въ Кронштатъ; вечеромъ являлся къ ротному, къ флотскому начальнику и главному командиру, и сталъ на квартерѣ въ Галкиной средней улицѣ въ домѣ артиллеріи капитанъ - лейтенанши Марьи Михаловны Акунковой подъ № 64. Съ товарищемъ Михайла Яковлевычемъ Головнынымъ вмѣстѣ.

7-го; начали обучать Армейской Екзерциціи въ 10-мъ екипаже.

16-го; записанъ въ Клубъ т. е. Благородное собраніе на годъ 15 рублей, членомъ.

19-го; взошли наши и союзныи войска въ Парижъ подъ предводительствомъ Алѣксандра I-го; въ клубѣ давали концертъ на пасетъ - дамуръ и гармоники.

25 го; вступилъ первой разъ въ караулъ купецкою гавань.

29-го; разгавлевалисъ у вице-адмирала фонъ-Мольлера и Станицкаго.

30-го; обѣдали у Станицкаго.

2-го апрѣля; былъ въ театрѣ и приставляли Мещанинъ во дворянствѣ.

5-го; обѣдали у Станицкаго.

6-го; былъ въ театрѣ Сынъ Любви.

11-го; рожденіе брата Василия.

12-го; имянины его же; и былъ въ театрѣ Ненависть къ людямъ и раскаяніе.

20-го; перебралисъ съ квартерѣ и стали въ Арменіиновой улицѣ въ домѣ подъ-шкипера отставнаго Николая Ивановича.

27-го; поѣхалъ въ Петербургъ и сталъ у Ивана Яковлевича.

29-го; былъ у Наточеева.

1-го маія; пріѣхалъ въ Кронштатъ на катерѣ.

3-го; былъ въ театрѣ, Черной человѣкъ и Лиза приставляли.

9-го; шелъ снегъ.

10-го; былъ за городомъ фейверекъ объ взятіе Парижа.

21-го; стоялъ 3 дни въ караулѣ у Кронштатскихъ воротъ.

22-го; пришли изъ Ревеля 4 военныя корабли: Любекъ, Гамбургъ, Дрезденъ и Варшава подъ командою капитанъ-командора Дона.

23-го; пріѣзжалъ министръ.

26-го числа; Станицкой сказалъ что я назначенъ на галетъ.

27-го; Коробка сказалъ тоже.

26-го и 27-го былъ дождь.

29-го; хороша погода ясно мало облачно.

30-го числа; вышли приказы что я написанъ на галетъ.

Іюнъ месяцъ.

1-го числа; взялъ у своего начальника Ивана Ивановича Бутлера послужной, формулярной и кондутной списки моей службы и отсылку; и подалъ рапортъ Станицкому о квартерныхъ денгахъ.

2-го; являлся къ капитанъ-лейтенанту Трофиму Яковлевичу Семикину флагману галетъ и написалъ меня командиромъ на галетъ № 5 и сталъ ходить на вооруженіе онаго, и послалъ своего вестоваго Тита въ Питербургъ за вицъ-мундиромъ.

3-го; перебралисъ съ квартере и стали въ Песочной улицѣ, идя отъ рынку по левую руку первой домъ съ палесадникомъ, ходилъ въ клубъ читать газеты. Погода хороша съ просіяніемъ солнца. Ветеръ съ порывомъ.

4-го; погода хороша съ просіяніемъ солнца. Вестовой пріѣхалъ съ Петербурга и привезъ мой вицъ-мундиръ.

5-го; по утру былъ туманъ, потомъ онъ поднялся и пошолъ на S, сдѣлался маленкой дожикъ; потомъ погода разгуляласъ съ сіяніемъ и было оченъ жарко, къ вечеру здѣлаласъ туча съ громомъ и пошолъ дождь въ скоромъ времени пересталъ. Познакомилса съ капитанъ-лейтенантомъ и кавалеромъ Константиномъ Ивановичемъ Рыкордомъ и у него на Любеке и завтракалъ. И пріѣхалъ вестовой.

7-го; поѣхалъ Михайло Яковлевичъ въ Питербургъ.

8-го; здѣланъ ревизоромъ.

10-го; пріѣхалъ М. Я.

11-го; вытинулисъ на рейдъ изъ военной гавани 7 галетъ и яхта Голубка, и я перебрался на галетъ вечеромъ ѣздилъ къ Фонъ-Дезину и тамъ видалъ И. Ф. Афремова.

12-го; въ 3-м часу снялисъ съ якоря и пошли въ Питербургъ въ 1-м часу здали на якоръ послѣ приказали тинутся въ портъ, и служители въ казармы перебралисъ.

13-го; ходилъ въ корпусъ и на фрегатъ и тамъ обѣдалъ.

14-го; ходилъ къ Муравьеву.

16-го; ходилъ къ Григорію Яковлевичу и къ министру.

18-го; ходилъ къ Кузнецову.

19-го; былъ у Варвары Николаевны; къ министру и написалъ на ескадру.

21-го; ходилъ къ Муравьеву и получилъ отсылку въ К.

22-го; перевезъ свой екипажъ съ галета на пасежъ - ботъ Куропатку и здалъ галетъ Стромилову.

23-го; ходилъ поутру къ Наточееву, потомъ поѣхалъ въ Кронштатъ. Вѣтръ былъ противной и сидели на мели.

24-го; въ 3-емъ часу пріѣхали въ Кронштатъ, поутру пошолъ къ Мольлеру но онъ однакожъ встретилься мнѣ съ Коропкой и шли на депутатской смотръ. Вечеромъ получилъ отъ Баженова бумагу къ Сарычеву и вечеромъ поѣхалъ къ нему. Онъ меня написалъ на корабль 66-ти пушечной Всеволодъ.

25-го; перебрался на корабль.

28-го; былъ посланъ на берегъ за юнками вечеромъ вѣтръ здѣлался попутну и снялисъ съ якоря и пошли къ W и проходя Толбухинъ маякъ стали на якорь; былъ дожикъ.

29-го; снялисъ и пошли дальше проходили Красную Горку.

30-го; открылась Біорка и видна была Гора Сайкина.

1-го іюля; открылся островъ Сескаръ въ туманѣ на WTN.

5-го; взтретилась ескадра Кроуа идущея изъ Англіи съ десантомъ, состоящея изъ 4 к. 1 фр. 2 ф. Англинскихъ и несколко тран.

8-го числа, 2 часу поутру вскрылся маякъ Дагерортской, погода хороша съ просіяніемъ; вѣтръ свежій и кончали дальность своего похода не доходя острова Фаре, и поворотили назадъ, велено итти въ Ревель.

12; пришли въ Ревель вечеромъ.

13; привезли на корабль священника, и я ѣздилъ на берегъ въ Ревель, и прошло время весело.

14-го; ѣздилъ за водой на барказѣ на брегитовку.

15-го; ѣздилъ въ брегитовку на охоту я, П. С. Н. П. Б. Д. А. А. К. И. И. К. и были тамъ въ трактирѣ.

1-го сентября; провѣли время весело, вечеромъ была карточная игра играли Н. Б. П. были песилники.

2-го; былъ назначенъ на мелькихъ судахъ для отвозу десантныхъ войскъ на берегъ въ Рамбовъ и тамъ былъ въ трактире.

3-го; поутру съѣхалъ на берегъ зашолъ въ клубъ читалъ газеты и взялъ записку о квартере М. Я. и пошолъ къ нему и тамъ пробылъ весь день вечеромъ ужъ пріѣхалъ на корабль.

5-го; поутру начали тянутся въ гавань, седели подлѣ воротъ на мели, потомъ стенулисъ и вошли въ гавань.

7-го; стали разружатся.

8-го; перешолъ на квартеру къ М. Я. въ Чеботареву улицу въ домъ подъ № 143-мъ на правой рукѣ.

11-го; продалъ 5 анкероковъ Кампанейскаго рому за 500 рублей.

12-го; стоялъ на вахты и здѣлался боленъ.

15-го; отправился въ офицерской лазаретъ и вечеромъ не сталъ нечиго помнить. Былъ боленъ горячкой съ бредомъ и отчаивалисъ ужъ въ моей жизни и съ нашего корабля были больны Б. Н. Д. Г. Ш. Б. и почти вся половина команды все одной болезной.

18-го; съ сильнымъ N вѣтромъ пошолъ снегъ но скоро разстаивалъ что и произвело большую грязь.

20-го; пріѣхалъ ко мнѣ Иванъ и я сталъ приходить въ память.

28-го; былъ славной морозъ ночью такъ что по льду могли ходить.

10-го октября; сталъ ходить по лазарету.

14-го; М. Я. уѣхалъ в отпускъ.

17-го; ходилъ въ лазаретную баню.

25-го; первой разъ вышелъ изъ лазарету къ С.

27-го; былъ на лотареи у констапеля Кулакова.

31-го; также былъ на лотареи у Зеленина.

1-го ноября выписался изъ лазарета.

2-го; являлся капитанъ-командору екипажному начальнику Василью Романовичу Розе, и ходилъ къ Станицкому.

7-го; всталъ по команде на неделю в дежурство.

8-го; ходилъ вмѣсте съ Станицкимъ къ Коропкѣ. Обѣдалъ у С.

6-го; отправилъ писмо домой.

13-го; отправилъ писмо къ И. Я.

18-го; вступилъ въ караулъ въ военную гавань на 2 дни; за совѣтника стоялъ Кап. Леи. Константинъ Астафьевичъ Драко, подъ арестомъ находился

комиссаръ 9-го класса Николай Федоровичъ Пасенковъ и время провели очень весело.

20-го; сминился съ караула, вечеромъ ходилъ на лотарею къ ундеръ-лейтенанту Петру Николаевичу Зыкову.

22-го; вечеромъ шолъ б. снегъ.

23-го; подалъ въ канцелярію рапортъ къ Розе объ квартерныхъ денгахъ; маленкой морозъ.

24-го; сильной снегъ съ ветромъ и большая метелица.

25-го; морозъ; получилъ отъ командора ордеръ о сформированіе 1-ой роты.

26; обмеривалъ людей въ роты.

27; былъ смотръ инспекторской, осматривалъ контръ-адмиралъ Еліотъ и капитанъ 1-го ранга Повалишинъ.

28; вступилъ на нѣделю въ дѣжурство, и вышло въ приказахъ велено 1-ою роту здать лейтенанту Александру Ивановичу Ратчу а 3 отъ Л. Григорія Михайловича Мелникова принять.

29-е; былъ причислинъ для маневръ въ 18-ой екипажъ.

30-е; здалъ 1-ою роту. Разбило море.

3-го декабря; вечеромъ сильной дождь.

4-го погода теплая.

5-го; вечеромъ сильной дождь.

6-го; поутру маленкой морозъ.

7-го; поутру снегъ.

8-го; поутру сильной дождь, слякоть. Вечеромъ то снегъ то дождь.

9-го; морозъ.

10-го; сильной морозъ, ходилъ я въ 1-й разъ въ коферансъ-залъ.

11-го; б. морозъ.

12-го; былъ церковной парадъ и пріѣхалъ Сименъ, и получилъ писмо.

13-го; катались на буирѣ.

14-го; написалъ писмо въ Питеръ съ Сименомъ.

15-го; вышла резолюція на мое прошеніе, ходилъ въ канцелярію Г. командира.

16-го; уѣхалъ Салковъ.

22-го; пріѣхалъ изъ С.Питерб. Сальковъ.

23-го; ходилъ въ канцелярію Г. командира, въ казначейство объ квартерныхъ денгахъ, на почту; вечеромъ ходилъ на пробу въ театръ гдѣ приставляли рекрутской наборъ и разсееные. Погода м. снегъ.

24-го получилъ квартерныя денги.

25-го ходилъ поздравлять начальниковъ; обѣдалъ у С.

26-го; въступилъ на нѣдѣлю по екипажу въ дежурство.

Жизнеописаніе коллежскаго ассессора П. И. Гусева, имъ самимъ писанное.

Жизни-описаніе Коллежскаго Асессора
Петра Иванова
Гусева.

Строителя Дома Калужскаго Дворянскаго Собранія и Другихъ Зданій.
Рисовальнаго Учителя и коммисіонера Провіантскаго Штата.

Родившагося 1809-го Года Ноября 19-го дня. Въ имѣніи Калужской Губѣрніи Медынскаго Уѣзда въ селѣ Троицкомъ что на рѣчькѣ Вздынѣ и Шани въ имѣніи помѣщика Семена Антоновича Хлюстина.

Родословная моихъ предковъ
Гусевыхъ.

1-й Иванъ Васильевъ.
1853 умре 2-й Григорій Васильевъ.
1856 умре 3-й Гаврила Васильевъ.
4-й Констанъ Васильевъ.
} Родные братья.

У Ивана Васильева отъ 2-го брака Матрены Ивановой родившейся старшій сынъ Петръ Гусевъ.

У Ивана Гусева отъ 1-го брака дочь Марія.

Родъ отъ Ивана Гусева.

1-я отъ 1-го брака дочь Марія. Ея Б. Честякова.
2. отъ 2-го брака сынъ Петръ. Старшій въ родѣ.
3. — дочь Наталія. Кобанова.
4. — дочь Хіонія. Ея Бла. Нелюбова.
5. Младшій братъ Петра Александръ.

Мать моя.

1. Жена Ивана Матрена Ивановна. Родные братья
2. Жена Григорія Дарья Иван. Умре. и сестры
3. Жена Гаврилы Матрена Михайл. по матери.
4. Жена Констана Авдотья Трифоновна.

Въ ступленіе.

Родители мои были крепостнаго состоянія изъ дворовыхъ людей; жившіе въ селѣ Троицкомъ, служа помѣщику не въ нискомъ состояніи человѣка, но

бывъ сначала повѣреннымъ по дѣламъ отъ помѣщика, ему довѣряемымъ, живя въ разныхъ мѣстахъ россійской имперіи, лишась первой своей супруги отъ которой осталась у него малолѣтная дочь Марія. Родитель мой неся обязанности служебныя, и притомъ воспитывая при себѣ трехъ мѣньшихъ братьевъ двухъ сестръ и пристарелою мать, хлопоча и трудясь для таковаго обильнаго для него семейства, вынужденнымъ нашелся решится на второй бракъ, пріискавъ себѣ въ подруги въ имѣніи князей Волконскихъ въ селѣ Липицахъ Мещевскаго уѣзда у двороваго жъ человѣка Ивана Никитина Мещерикова *) дочь его Мещерикова Матрену Иванову. Совѣршивъ бракъ по обряду православной церкви. Отъ сего супружества былъ я ихъ законной любви первенецъ. Мать родившая меня бывъ еще въ слишкомъ молодыхъ лѣтахъ, разрѣшившись мною отъ бремени пернесла многія болѣзни при моемъ рождѣніи; родитель мой былъ въ это время въ отсудствіи, по рождѣніи я былъ въ скорѣ окрещенъ; отцемъ моимъ крестнымъ былъ старейшій священникъ онаго жъ села Троицкаго отецъ Мартинъ **). Матерію моею крестною была сестра моего родителя а мнѣ тетка Аграфена Васильевна по мужу Рахманова; родитель мой какъ всегда былъ занятой человѣкъ дѣлами: и правивъ обширными порученіями, конечьно имѣлъ и завистниковъ. Но родительницу по ея молодости лѣтъ не забывали ласками своими приближенные старушки къ нашему семейству; ласкали мать мою нянчили и меня. Итакъ возросъ я между ихъ ласкъ; случай постигшій всю Россію нашествіемъ Наполеона въ 1812-мъ году. Я имѣя еще такой возрастъ что не помню сего страшнаго года. Только по преданію былъ я отправленъ съ матерью моею и при родными въ Курскою Губѣрнію въ Хотмыжской уѣздъ въ с: Красною Яругу. Таковое имѣніе тоже принадлежало Хлюстину. Проживъ въ этомъ имѣніи до окончанія борьбы съ французомъ въ Россіи: возвратились мы всѣ на родину въ с: Троицкое; я тоже не помню и сего періода нашего возвращенія; по возвращеніи я также не помню какую должность занималъ мой родитель: но мѣсто жительства нашего было припомню что при бумажной фабрикѣ. Тутъ уже мой родитель имѣя чистой домикъ, какъ семьянинъ и управляющій фабрикою; семейство наше уже было въ трехъ детяхъ дочери Маріи меня и сестры моей родной Наталіи; съ сего времяни я уже начинаю припоминать свою жизнь; началомъ оной было то, что родитель мой

*) Сей старецъ былъ добродѣтельной жизни уважаемъ былъ своими помѣщиками; онъ занилъ какъ я помнить уже могъ должность старосты церковнаго до самой минуты потерянія зрѣнія и не могу сказать кемъ бы онъ не былъ уважаемъ по своему селу и вокругѣ. Много бы о семъ старцѣ и моихъ бабушекъ по матери моей говорить о ихъ ко мнѣ добродѣтеляхъ и любви но сія мала бы оказалась книга.

**) Отецъ Мартинъ—священникъ старыхъ временъ съ доброю душою уважаемъ всеми своими прихожанами.

приказалъ учить меня руской грамотѣ канторщику Егору Кареву, я учился съ моею сестрою Марьею и двумя какъ помню сиротами Яковомъ и Николаемъ Лавровами. Прорезвясь съ товарищами въ такомъ положеніи до 1815-го или 1816-го года какъ припомнить точьно не могу сего случая. При этомъ нужно сказать что родители меня любили и я былъ въ дѣтвѣ моемъ не лишенъ ласкъ какъ блискихъ родныхъ равно и стороннихъ людѣй но паче всѣхъ любилъ меня изъ дядьей моихъ Гаврила Васильевичь. Подъ надзоромъ его я и грамоти учился. Какъ онъ былъ при фабрикѣ въ канторѣ главной канторщикъ.

Въ такомъ состояніи моихъ лѣтъ протекло девять; но за всемъ симъ какъ могу припомнить что мы ученіемъ мало подвигались въ передъ кажется болѣе занимаяся между собою шалостями и играми; ибо при устройствѣ вновь обширнаго заведѣнія родителю было некогда нами заниматся а дядя имѣлъ еще столь молодые лѣта мало имѣлъ за нами надзора, протчіе только отъ насъ выманивали разные мѣлочьные подарки, темъ боліе, что мы съ сестрою имѣли боліе другихъ средствъ родители наши жили хотя и не слишкомъ во изобиліи но при порядочьномъ состояніи, отъ домашняго вождѣнія скота и птицы пользовались отъ онаго достаточьную суммую денегъ. Одѣваемы мы были нашими родителями лучше нашихъ товарищей; хотя присемъ и нужно бы было умолчать о слабости родителя моего, которой любя иногда съ друзьями раздѣлить хлебъ соль и притомъ не отрекался выпить за здоровье ихъ и лишнію чарку вотки но дѣла своего не забывая интереса господцкаго не теряя; но бывъ подъ часъ въ такомъ разѣ удара хмеля шумливъ нередко этимъ обѣспокоивая свое семейство, возводилъ съ сору съ моею матерью когда она его удерживала отъ излишнихъ напитковъ; и это не мѣшало быть ему всѣгда исправнымъ въ своемъ хозяйствѣ.

Переодъ другой жизни; припоминая горестный день Сошествія Святаго Духа 1816-го года. По случаю престольнаго праздника въ с: Троицкомъ, с вѣчера подъ сей праздникъ по фабрикѣ были всѣ работы окончены. На утро дня праздника убравшись по дому родительница моя поѣхала къ обѣдни съ моею матерью крестною, родитель мой тоже пошелъ съ братомъ Гаврилою къ обѣдни; мы были оставлены дома съ родною нашею бабушкою, *) я сестра Марья Наталья и родившееся сестра наша Хіонія качающіеся въ колыбѣли за которой бабушка ухаживала; при семъ случаѣ нужно упомянуть, что весь нашъ дворовой скотъ и дворовая птица были во дворъ загнаны; мы же дѣти съ протчими двоюродными братьями сестрами и сиротами Лавровыми по возрасту нашихъ лѣтъ играли въ разныя игры на улицѣ. Но въ это время родитель нашъ возвратился домой убоясь заходившей тучи дождевой пришедши въ комнаты дома

*) Мать родная моего батюшки имя ея Акулина Гавриловна.

раздѣлся и прилегъ въ имѣемомъ чуланѣ въ сеняхъ, гдѣ всѣ наши хранились пожитки; мы же какъ дѣти не замечая тучи продолжая играть въ мячекъ но наконецъ пошедшій дождь заставилъ насъ оставить наши игры и разойтись по своимъ домамъ; какъ я такъ и сестры мои пришли въ комнату, то какъ могу припомнить только что я успелъ сесть на стулъ какъ мелькнула сильная молнія и громъ разразился сильнымъ ударомъ надъ нашимъ домомъ, съ сильнымъ трескомъ, при этомъ я уже не могу ничего припомнить усидѣлъ ли я на стулѣ или нѣтъ, только бабушка наша при этомъ ударѣ сильно были испуганы, бросившись къ намъ начала насъ вонъ изъ комнаты выводить; въ это время мы узнали что домъ нашъ загорелся отъ молніи въ переднемъ углѣ, гдѣ стояла кіота съ святыми иконами: въ одно мгновѣніе домъ нашъ былъ объятъ пламенемъ огня въ это время рабочихъ рукъ не было темъ боліе что этотъ случай былъ въ окончаніи обѣдни но какъ село находилось на растояніи двухъ вѣрстъ то можно судить скоро ли могла быть подана помощь! Когда мать моя пріѣхавъ къ мѣсту пожара едва сама не бросилась въ пламень пологая въ испугѣ что мы сгорели но мы были спасены и отвѣдены какъ дѣти отъ мѣста пожара въ отдаленною часть строенія. Но домъ отца моего со всѣми пожитками и всемъ скотомъ былъ поглащенъ огнемъ, не имѣли никакой возможности что либо спасти, въ одно мгновѣніе мы всѣ были лишины всѣхъ средствъ къ хорошей жизни и остались мы всѣ въ томъ кто въ чемъ былъ. Отецъ мой и мать весьма были убиты симъ горемъ, но по милости доброй госпожи за заслуги отца моего были снабжены всѣмъ нужнымъ платьемъ и небольшими деньгами. Съ сего случая постигшаго насъ горя отецъ мой и его братьи и зять отца моего то есть мужъ матери моей крестной жившій также съ своимъ семействомъ въ другой половинѣ занимаемаго нами дома лишенный равно съ нами всякаго состоянія, но равно имѣющій обильное семейство, и съ сего дня востановляется ужасной безпорядокъ въ двухъ сихъ семействахъ матери и старики неутѣшно горюютъ, а отцы погорѣвшихъ семействъ отъ скуки и горя утешались темъ напиткомъ которой услаждаетъ у рускаго человѣка всякое горѣ. Долго ли или коротко оное продолжалось, только помню, что зять отца моего Рахмановъ по гневу госпожи былъ назначенъ съ своимъ семействомъ за нетрезвою жизнь къ ссылкѣ въ отдаленною вотчину въ с: Красною Яругу и я долженъ былъ простится съ любимымъ моимъ братомъ Иваномъ двоюроднымъ и его сестрою Пелагеею дѣтсва моего товарищами и родными; назначенъ былъ день ихъ отправленія всѣ родные собрались и мы ихъ проводили въ далекой путь съ изобиліемъ слезъ. Отецъ же мой оставался при настоящемъ делѣ исправляя свою обязанность ревностно хотя и не оставлялъ горькаго напитка, но былъ всѣгда въ своемъ делѣ исправнымъ слугою. И былъ подъ держиваемъ на своемъ местѣ благодѣтельствующимъ къ нашему семей-

ству главнымъ управляющимъ всѣмъ имѣніемъ дворовымъ человѣкомъ Алексѣемъ Дмитріевымъ Вѣтровымъ *) которой при лицѣ госпожи имѣлъ противъ другихъ вѣсъ и значеніе котораго отличала госпожа за достоинство ума и порядка по ея имѣніямъ, присемъ нелишнимъ будетъ сказать о семъ достойномъ человѣкѣ что онъ любя все наше семейство много потворствовалъ оному и темъ возвысилъ всѣхъ братьевъ отца моего до степѣни хорошихъ должностей, и въ послѣдствіи всѣгда былъ благодѣтелемъ нашего семейства; я постараюсь много привести словъ о немъ въ моей жизни.

Послѣ сего же нещастнаго случая я былъ увѣзенъ роднымъ моимъ дедомъ по матери въ село Липицы. Сей достойной старичекъ любилъ меня въ высшей степѣни совѣршенства всѣгда былъ одинаковъ ласками своими, также и бабушка меня любила; и сестра моей матери дѣвица Наталія **) принимала во мнѣ всѣгда живѣйшіе участіе словомъ меня эта семья любила не знаю за кроткой ли мой ндравъ или по любви къ моей матери: старались обо мнѣ и хлопотали. Учили грамоти гдѣ уже я читалъ Псалтырь но весьма онымъ я занимался ученіемъ лѣниво; видевъ мои малыя успѣхи дедушка упросилъ моего отца отъ дать меня учится грамоти въ г: Козельскъ. Отецъ мой согласился на оное съ уплатою въ годъ за ученіе и содержаніе то есть довольствовать пищею за 60 рублей асигнаціями на конецъ участь моя была симъ решена меня взялъ дедушка отъ ласкъ моихъ бабушекъ отвезъ въ городъ и здалъ какому то человѣку проживающиму въ городѣ Козельскѣ въ приходѣ Благовѣщенія занимавшему небольшую хибарку съ рускою печью, имѣя внутренность комнаты незавидную съ пергородкою чуланчика гдѣ помѣщалась сама хозяйка съ дочерью; самъ учитель занимался бошмачьнымъ мастерствомъ, такимъ образомъ всѣ семейство моего учителя состояло изъ трехъ лицъ и я былъ четвертой не помню изъ нихъ тепѣрь никого какъ изъ нихъ ково звали но дочь ихъ была Глафира. Дедушка простившись со мною оставилъ меня въ семъ семействѣ для науки купивъ мнѣ азбучьку съ асангиломъ и я началъ свое ученіе благополучьно, насъ учащихся въ сей избѣ было много всякъ изучалъ свой урокъ на голосъ для учителя было хорошо слушать того кто больше и сильней кричалъ наконецъ хозяйка дому сдѣлала меня зборьщикомъ ломтей хлебовъ и частію грошевыхъ калачей съ приходящихъ учениковъ и ученицъ, изъ сего выходила иногда непріятность большая кто приносилъ небольшой ломоть хлѣба тому дѣлались строгія выговоры отъ хозяйки, и когда я набравъ рѣшото хлеба и калачей здавалъ оное хозяйки въ чуланъ, за то я пользовался от нея для завтрака

*) Сей человѣкъ не имѣлъ подобія вида крепостнаго человѣка отличалъ себя предъ всеми ни гордостію а поступками благороднаго и знаменитаго человѣка, онъ былъ мнѣ примѣромъ въ послѣдствіи времени возраста моего; онъ любилъ меня за понятливость и образъ моего повѣденія.

**) 1859-го скончавшаяся въ дѣвицахъ на пути доброй жизни.

себѣ самымъ лучшимъ ломтемъ хлеба или частію гречишника и калача, смотря по прибыльному збору хлеба въ решето.

Итакъ продолжая я свое грамотное ученіе преуспѣвалъ однако выучивъ азбучьку продолжалъ учить Часовникъ и въ продолженіи сего времяни навѣщалъ меня изрѣтко мой дедушка и тетушка Наталія Ивановна балуя меня своими ласками покупали мнѣ при пріѣздѣ небольшіе лакомства; при семъ важномъ ученіи строго с насъ взыскивался порядокъ происходящій не отъ учителя но отъ возлѣ лежащей его трехъ хвостной плетки которая насъ весьма страшила и удерживала иногда въ настоящей десцеплинѣ; но за то нашимъ прилежаніемъ наполнина изба была такъ что в ней едва ли могъ что кто либо услышать отъ нашего усерднаго ученія; присемъ не могу объяснить притчины за что то я былъ отъ учительницы наказанъ розгою и довольно больно, только не могу именно припомнить за что она меня наказала болѣе я не былъ тутъ наказанъ ни за что. По окончаніи годичнаго курса ученія съ окончаніемъ Псалтыря, я былъ взятъ моимъ дѣдушкою въ с. Липицы, не знаю долго ли я пробылъ у нихъ еще времяни, но по прибытіи моемъ къ родителямъ моимъ я много уже встретилъ новизны родители мои жили уже въ хорошемъ домѣ три сестры мои уже были всѣ въ возрастѣ то есть были уже детьми на своихъ ногахъ; дядя мой любимой уже былъ женатъ и жилъ въ Троицкомъ селѣ съ молодою женою. Всѣ товарищи мои были опредѣлены къ мѣстамъ. Потомъ преждѣ сестру мою старшею Марію какъ говорится взяли къ госпоже въ домъ для обученія въ швейни о чемъ я чрезвычайно плакалъ темъ болѣе что я любилъ эту сестру моего дѣтства темъ болѣе что мы не были преучены щитатся между собою рознастью матерей.

Въ Троицкое пригласили изъ Калуги старичька колежскаго регистратора Ѳедора Ивановича но фамиліи его я не могу припомнить для обученія руской грамотѣ всѣхъ дворовыхъ мальчиковъ которыхъ довольное число нашлось и сія благодѣтельная мысль была Г. Вѣтрова которой имѣлъ много попеченія о состояніи своей госпожи и темъ въ здумалъ доставить образованныхъ слугъ наследникамъ своей госпожи; темъ болѣе что она имѣла трехъ детей, изъ коихъ старшая была дочь Настасія Семеновна средній сынъ Антонъ Семеновичь меньшой Семенъ Семеновичь оные дѣти остались отъ отца Семена Антоновича Хлюстина малолѣтными кончину ихъ родителя я не помню, но слыхалъ отъ моего отца что баринъ былъ добрый и любилъ моего родителя за услугу а темъ паче и всѣхъ нашихъ родныхъ. Не удаляюсь болѣе во описаніе рода Хлюстиныхъ; обращаюсь паче къ описанію моей жизни.

Когда собрано было довольно мальчиковъ для обученія грамотѣ въ школу Ѳедора Ивановича всякаго возраста дѣти мужеска пола, но я не былъ сначала включенъ въ число ихъ; въ послѣдствіи времяни хлопотала об ученіи

моемъ болiе мать моя но родитель мой мало обращалъ вниманiя къ намъ дѣтямъ по недосугамъ своимъ но по ходатайству моей матери я былъ въ ключенъ въ школу Ѳ. И. въ местѣ съ симъ отъ данъ я былъ на хлебы дяди моему Гавр. Васи. супруга его любила меня до крайности просто я былъ ея фаворитъ. Продолжая ученiе кажется эдва ли успевая в ономъ темъ болiе что нашъ Ѳ. И. эдва ли самъ зналъ хорошо грамоти; у его была супруга не могу упомнить какъ ее звали только очень помню что она любила часто по чарочки прохаживатся и Ѳедоръ Ивановичь часто своимъ козлинымъ голосомъ певалъ любимою . . . . . имъ придуманною песьню (Поѣхали мы на ловы на ловы) а далiе не знаю сей песни потому что я оной не изучалъ; старикъ любилъ въ праздничьной день ходить въ церковь къ обѣдни, принарѣдясъ въ свой сертукъ съ ясными пуговицами, и въ цѣркви любилъ дьячькамъ тонъ задавать; а постомъ прочесть за обвономъ это былъ вѣрхъ его желанiй на высокой козлиной голосъ съ трепетанiемъ гортаннымъ. И по выходѣ изъ цѣркви по обыкновенiю зайтти на чарку вотки къ управителю; а потомъ къ родителямъ любимыхъ его учениковъ разумѣется и гдѣ его болiе чествовали лишнiю чаркою водки. По отдаленности жилища моихъ родителей онъ иногда находилъ ихъ своимъ посещенiемъ только въ послѣ обѣденное время, родители мои его принимали щитая себя обязанными за ученiе ихъ сына; и при всякомъ угощенiи; иногда матушка моя на прощаніе съ нимъ вынимала своего рукодѣлiя платеничько браное просто заглядѣнье на кумачьные узоры; кои учителемъ моимъ принимались безъ отказа.

Далiе не припомню какъ распалась школа и по какому случаю нашего любѣзнаго учителя; только кажется по тому случаю что его ученiе никому не принесло пользы.

По оставленiи мною школы былъ я взятъ дядею моимъ Константиномъ въ контору сельской экономiи для обученiя меня рускому письму какъ дядя мой повсѣгда находился при канторѣ и былъ славенъ въ щетоводствѣ и чистописанiи которой обучалъ письму и малолетныхъ Г. Хлюстиныхъ. Подъ непосредственнымъ надзоромъ онаго моего дяди я обучался письму и былъ равенъ моимъ товарищамъ въ писанiи; но вместѣ при канторѣ съ моими дядьями былъ главной называемый канторщикъ Василiй Петровъ Кобановъ; человѣкъ кичливой и ненавистникъ дядiй моихъ онъ имѣлъ при себѣ въ канторѣ двухъ сыновей; старшаго Аѳонасiя младшего Сергея; Сергѣй былъ ровѣстникомъ; при семъ случаѣ упомяну что Кобановъ имѣлъ многочисленное семейство состоящее болiе изъ сыновей и большихъ шалуновъ и забiякъ и кичьливыхъ какъ ихъ отецъ. Два сына которые были въ канторѣ, весьма меня всѣгда обижали і я много отъ нихъ терпѣлъ горя. Темъ болiе они меня обижали, что многiя меня любили противъ ихъ, а подстрекало ихъ самолюбiе еще тѣмъ, какъ дядя

мой уча дѣтей госпожи они всѣгда мнѣ дарили свои платьи темъ и я возбуждалъ въ нихъ неудовольствія противъ себя: я продолжая мое ученіе въ селѣ былъ по воскрестнымъ днямъ отпущаемъ попросту домой; пробывъ дома и порезвясь кое съ какими товарищами долженъ былъ по вѣчеру отправлятся или утромъ опять къ ученію въ село. Однажды былъ случай матушка моя по вѣчеру накормя меня что было лучшемъ, и проводила меня по дорогѣ, я проводивъ мать далъ время ей уйтти, что то мнѣ въздумалось возвратится назадъ нейтти въ село а желалъ быть дома, чего со мной никогда не случалось; воротившись и боясь показатся въ домъ сталъ кое гдѣ прятатся; но прислужникъ отца моего увидѣлъ меня и привелъ къ матушкѣ матушка пожуривъ меня порядочьно уложила спать съ угрозою что я буду въ завтра утромъ отъ отца моего наказанъ розгами; вообразитѣ мой испугъ когда я чуть только проснулся то увидѣлъ близъ меня лежалъ пучекъ хорошихъ розгъ; стало быть угрозы моей матери должны быть исполнены надъ непослушнымъ сыномъ. Хотя и не желалъ я встать съ постѣли видѣвъ приближающуюся ко мнѣ грозу, но долженъ былъ исполненъ приговоръ моей матери; къ сему явился батюшка; вѣлелъ позвать двухъ столяровъ одново изъ нихъ звали Осипомъ Андрѣевымъ и Якова; которые явились тотъ часъ по призыву моего батюшки къ мѣсту моей казни; и Андрѣичь меня взялъ за руки и поднелъ какъ говорится на козла а Яковъ исполнилъ удары розгами сколько ему позволено было отъ батюшки по мѣрѣ моихъ лѣтъ. По окончаніи сей экзекуціи проводили меня съ запискою къ дяди и съ служителемъ моего батюшки. Этотъ случай можетъ быть отъ влекъ меня и отъ большихъ шалостей темъ я здѣлался боязливеѣ ко всемъ дѣцкимъ порокамъ. Продолжая ученіе какимъ то случаемъ я уже припомнить сего не могу однажды пришелъ дядя мой Константинъ въ кантору какъ припомнить могу это было послѣ обѣда спросилъ у меня тетрадь чистописанья началъ придиратся ко мнѣ преждѣ какою то бранью, потомъ сталъ меня бить по щекамъ; сей извѣргъ билъ меня жестоко такъ какъ я былъ еще дитя этотъ страхъ и побои жестоко подѣйствовали на организмъ мой къ жизни я съ сего часа здѣлался припадочьнымъ ребенкомъ на долгое время или до скончанія моей жизни. Одна добрая старушка деревѣнская меня избавила отъ сей болѣзни; за сіе ей всѣгда я желаю царства небѣснаго.

3-й періодъ моей жизни.

Этотъ случай былъ уже въ 20-хъ годахъ времяни; по случаю прибытія въ село Троицкое доставшехся четырехъ людѣй по какому то наслѣдству Хлюстинымъ; которые были всѣ музыканты одинъ изъ нихъ былъ превосходнейшій скрипачь Аѳонасій Аматовъ и гобоистъ Моисей Новиковъ Иванъ Агурцовъ и Андрей Сычевскій кои составляли музыкальной дуэтъ и изъ трехъ оныхъ

лицъ кромѣ Аматова составлялся хоръ пѣвчихъ, съ прибытіемъ сихъ артистовъ госпожа пожелала составить музыку и хоръ пѣвчихъ; для чего набирали мальчиковъ, въ ключивъ и меня въ число изъ бираемыхъ музыкантовъ. Родитель ни дядьи мои не имѣли силы возможности отъ стоять меня отъ сего выбора и я съ протчими моими товарищеми наряду попалъ въ число музыкантовъ и пѣвчискаго хора; тутъ въ первый разъ окопировали насъ въ казакины изъ некрашенаго чернаго сукна и на ноги дали намъ чулки и башмаки и по шабкѣ изъ синего сукна съ овчиннымъ околошемъ. Хотя я былъ и воспитанъ не для такаго платья но воли покорный сталъ в рѣду товарещей насъ съ начала испытавали кто на какомъ инструментѣ можетъ быть способней и на мою долю досталась скрипка съ товарищемъ Сергѣемъ Кобановымъ, потомъ испытали голоса, я былъ избранъ въ дишканты. Учителями моими были Аматовъ *) училъ на скрипки, а Моисей Васильевъ былъ регентъ всего пѣвчискаго хора. Началось наше ученіе по порядку дней и часовъ мы занимались усердно; но нужно при семъ случаѣ объяснить то, сколько насъ было избрано всего мальчиковъ шестнадцать но инструменты были раздѣлены попарно. Каждая пара играла на своемъ инструментѣ; характеръ нашихъ двухъ учителей не одинаковъ, Аматовъ какъ директоръ школы былъ снисходителенъ къ намъ, но учитель пенія былъ жестокаго характера которой насъ слишкомъ наказывалъ за неуспѣхъ въ пеніи. Но между темъ учасъ музыки и пенію, не забывали насъ употреблять въ саду для чистки цвѣтниковъ, иногда прохода и за грибами и такъ мы исполняя всѣ предмѣты безъ прикословно и со успѣхомъ достигали по музыкѣ; а по певчискому хору уже стали певать и въ храмѣ на крылосѣ; какъ помню въ одинъ день какой то праздничьной собрались мы въ церковь стали по порядку на крылосъ приѣхала госпожа съ своими дѣтьми и управляющій Вѣтровъ и весь прислужній чинъ началась литургія; и мы какъ пѣвчіи начали пѣть съ Господи помилуй сначала все шло хорошо; стали пѣть хирувимскою по заданному намъ тону, но дѣло наше не пошло хорошо учитель нашъ сталъ сердится и щолкать кое кого въ голову комартономъ темъ хуже еще насъ съ билъ съ толку мы всѣ стали мешатся въ голосахъ но кое какъ окончивъ херувимскою песнь продолжали даліе но все не влатъ темъ боліе что нашъ учитель насъ самъ сбивалъ своею строгостію. По окончаніи литургіи намъ объявлено было неудовольствіе госпожи что дурно обѣдню пѣли, нашъ учитель пѣнія получивъ такой выговоръ опредѣлилъ насъ всѣхъ наказать розгами. Мы по выслушаніи приговора пришли въ занимаемою музыкантскою комнату начался надъ нами судъ и расправа кто изъ старшихъ музыкантовъ кричалъ наказать ихъ кто защищалъ насъ но озлобленный нашъ регентъ не прощалъ насъ; двухъ

*) Дерижеръ Императорскаго Московскаго Театра и въ послѣдствіи Его Благор. Титулярной Совѣтникъ учитель музыки 1-й Московской Гимназіи.

или трехъ товарещей моихъ высекли я видѣвъ такое наказаніе трепѣталъ отъ страха но когда было провозглашено меня потребовали къ расправѣ; въ это самою минуту со мной сдѣлался оморокъ и я лѣжалъ безъ чувствъ на полу это повторилась дядина дѣрзость надо мною; стоявшіе близъ меня испугались сего случая и Аматовъ не далъ продолжать наказанія неистовому Моисею; я былъ отведенъ изъ сей школы въ домъ дяди моего Гаврилы Васильевича; и въ скорѣ я увидѣвъ лѣжащей въ постели предъ собою стоящаго злаго учителя своего Моисея спрашивающаго о моемъ здоровьи.

Въ продолженіе сего переодическаго музыкальнаго времени, въ селѣ Троицкомъ отъ дѣловалась вѣликолепная каменная церковь которая уже почти была совсемъ отдѣлана только еще безъ иконостасовъ. И мы однажды всемъ хоромъ въ ней пѣли для слуха резонанса съ хоръ какой будетъ слухъ въ самой церкви; въ это время писали живописцы стѣнную клѣевую живопись. Оные мастера были для сего выписаны изъ Москвы искусны были своего дѣла я доселѣ не вижу такой лучшей живописи стѣной а фреска; но сіи мастера лучшеи были и пьяницы. И наши наставники изъ ретко съ ними дѣлили хлебъ соль но за то ловко напивались кромѣ Аматова которой держалъ себя трезво и былъ всѣми любимъ и уважаемъ за его постоянство; и здѣсь моя родительница являетъ обо мнѣ заботы зазывая моихъ учителей въ домъ прося ихъ о мнѣ и горько горько плакавъ повсѣгда что я въ такой учести по заслугамъ родителя моего и моихъ дядей не слѣдовало бы мнѣ быть музыкантомъ; и должно при семъ припомнить что навѣрное услышено моленіе моей матери всѣмогущемъ Богомъ. По какому случаю госпожа отъѣзжала въ Москву со всемъ семействомъ забирала съ собою всѣхъ достойныхъ людѣй; и нужно было избрать и двухъ мальчиковъ въ услуженье ли или на другое на что, только палъ выборъ на меня и другаго товарища только не припомню его имя. И мы были на дорогу окапированы въ платье чернаго крашенаго сукна казакинъ и прот: а отъ родителей моихъ собранъ былъ сундучекъ съ бѣльемъ и протч. богажемъ; я уже отъ родителей былъ благословленъ на путь и получивъ отъ нихъ личное наставленіе какъ вѣсти себя въ чужой сторонѣ, пріѣхавъ въ Троицкое съ своимъ сундучькомъ готовый въ дорогу. Хлопоча во обозѣ гдѣ бы уложить мнѣ свой сундучокъ, какъ вдругъ дядя мой родной Гавр. Ва. объявляетъ мнѣ радость что я остаюсь дома а вмѣсто меня назначается Сергѣй Кобановъ, и тутъ были происки Кобанова отца меня отъ ставить дома а его сына взять; онъ пологалъ его сынъ будетъ избранъ на лучшее мѣсто но онъ ошибся въ ращетѣ на оное изъ послѣдствія можно будетъ замѣтить учесть его сына Сергѣя; а мнѣ оное оставленіе послужило къ большему благополучію моей жизни, что можно будетъ видѣть въ предъ идущемъ періодѣ моей жизни куда вѣло провидѣніе меня и къ какой благой жизни, на утѣшеніе всѣго моего рода.

4-й періодъ изъ моей жизни.

По распадѣніи аки вавилонскаго столпа ознаменовалось распадѣніе нашей музыкальной коппелы и пѣвчискаго хора присемъ нужно упомянуть что въ теченіи сего моего музыкальнаго періода дядьи мои Григорій и Константинъ женились стало быть сталъ жить всякой своимъ семействомъ и домомъ Константинъ былъ женатъ на племянницѣ родной Вѣтрова которой и преждѣ сего благосклоненъ былъ къ нашему семейству а тутъ паче когда здѣлался намъ роднымъ для насъ много дѣлалъ добра просто далъ всемъ мѣста хорошія отличилъ отъ протчихъ всемъ но нужно сказать и о семействахъ четырехъ братьевъ когда они собѣрутся во эдиною семью любо было посмотреть знатоки своего дѣла и хозяевы семейной жизни. Какъ было и не отличить такихъ слугъ которые дѣлали честь своей госпоже. Имѣть такихъ людѣй; но при всемъ этомъ старики любили подъ часъ и кутнуть хорошо было къ веселью много и приятелей и друзей; но все шло своимъ порядкомъ ни доносовъ ни клеветы не было въ кругу ихъ. Четыре брата-какъ четыре ясныхъ сокола украшали свои семейства сторожили бѣрегли все что имъ поручалось; въ сихъ то возродилось племя Гусева дѣлающіе честь своимъ старикамъ. Во времѣна отъ дыха старики бывали и въ кругу хорошихъ людѣй.

При постройки имѣлъ надзоръ домашній архитекторъ генерала Хлюстина крепостной человѣкъ сего господина; но какъ ему въ вѣренъ былъ храмъ, то онъ часто приѣзживалъ изъ имѣнія за 160-тъ вѣрстъ изъ села Любуни, для наблюдѣнія за ходомъ работъ въ приѣздъ его я любилъ быть съ нимъ и онъ меня крайнѣ любилъ, его имя Иванъ Антоновичь Каширинъ. *) Приѣздъ его всегда меня радовалъ за ласки его я любилъ его что онъ баловалъ меня; въ одно время заѣзжалъ онъ къ моему батюшки сталъ меня просить чтобы меня отдали къ нему в ученики но батюшка мой самовольно не могъ сего сдѣлать нужно было на оное испросить разрѣшеніе самой госпожи; родитель мой далъ слово хлопотать о мнѣ чтобы меня какъ только будетъ можно отъ дать в науку Каширину **) условясъ въ томъ до другаго приѣзда Каширина въ село Троицкое; родитель мой спросясь у Вѣтрова сталъ утруждать своею просьбою самою госпожу которая въ это время была въ Троицкомъ. Согласясь на просьбу моего родителя приказала меня отъ дать въ ученики Каширину съ платою за меня провизіею и дѣньгами по 200 рублей асигнаціями въ годъ уплачивать Каширину за меня; но только сътрогимъ приказаніемъ отцу моему чтобъ оные дѣньги

*) Въ послѣдствіи времѣни сей добрейшій человѣкъ лишился разсудка и долгое время былъ онымъ одержимъ и дни свои скончалъ въ такомъ положеніи.

**) Это былъ вѣликій художникъ но передать ученику не могъ хорошо своего искувства.

не заплатить даромъ, чтобъ я былъ полезенъ для госпожи въ будущіе время. Какъ бы то ни было разрѣшеніе получено с радостію моимъ родителемъ; по пріѣздѣ Каширина вторичьно къ намъ я былъ родителями моими врученъ ему Каширину въ ученики какъ помню это было послѣ обѣда въ осенніе время; я въ слезахъ оставя домъ моихъ родителей, любѣзныхъ сестръ и всѣхъ товарещей; сѣвъ въ повозку съ моимъ учителемъ. Это кажется было въ 1821-мъ году. Оставивъ кровъ родной помчала насъ тройка лихихъ лошадей; во всю дорогу я грустенъ и печаленъ былъ; проѣхавъ дня два въ дорогѣ, прибыли мы въ село Любунь. Учитель мой занималъ особые комнаты во флигелѣ съ отслужившимъ управляющимъ, въ это уже время почти слѣпымъ. Имѣнуемый старецъ назывался Иваномъ Григорьевичемъ Алтуховымъ. Теперь я въ новомъ жилище и въ новой сферѣ жизни моей; въ скорѣ я познакомился съ нѣкоторыми ребятишками которые музыканты однихъ лѣтъ скоро мы между собою и подружились; нужно присемъ сказать, что учитель мой имѣлъ родную сестру замужнею но къ нещастію ея мужъ былъ слѣпой человѣкъ но въ свое время былъ знаменитой фортопьянистъ, то есть музыкантъ; сестра учителя Анна Антоновна была женщина довольно простая но имела умъ здравой; она имѣла при себѣ малолѣтною дочь Елизавету; такъ они жили скромно и братъ ея а мой учитель имъ помогалъ и былъ у ней на хлебахъ, то посему и я былъ помещенъ къ ней же для довольствованія меня пищею, теперь я въ полнѣ помещенъ на жительство и на пищу. На другой день я началъ свое ученіе, то есть рисовать зрачьки глазъ въ трехъ линеичькахъ; въ послѣдствіи времени ознакомившись съ многими людьми старшими, началъ я съ товарищеми привыкать къ моему одиночеству въходилъ съ ними въ разные игры и такъ привыкнулъ. Почтенной старецъ Иванъ Григорьевичь *) утешалъ меня своими наставленіями и боліе учителя за мной имѣлъ надзоръ; тутъ нужно сказать о трудѣ моемъ что я долженъ былъ исполнить въ дѣнь; сначала утра я обязанъ былъ принѣсти воды для умыванія насъ было два мальчика одинъ служитель при старцѣ. Итакъ лежала на насъ обязанность убрать комнаты постѣли переслать а в зимніе время и печьки истопить; потомъ я занимался своею работою, во обѣденное время и ужинать я долженъ былъ ходить къ сестрѣ учителя; по крайней мѣрѣ до слободы была вѣрста и я малолѣтной долженъ былъ ходить для пропитанія себя въ хорошею и дурную погоду за столько разстоянія, в ночьное время боясь итти ужинать нерѣтко кое и гдѣ пропитаваясь и кое чемъ при застольной оставался довольнымъ иногда однимъ кускомъ хлеба. Привыкнувъ къ моей жизни велъ я себя хорошо; въ теченіи многаго времяни

*) Сей старецъ училъ меня быть прилежнымъ къ вѣрѣ мы съ нимъ не просыпали ни одной праздничьной утрени ни обѣдни; за то воздастъ Господь ему за доброе его дѣло боліе въ будущемъ вѣкѣ.

на меня никто учителю моему не жаловался не изъ товарещей моихъ а старшіе люди меня всѣ любили; паче всѣхъ меня любилъ добрѣйшій камердинеръ генерала Григорій Андрѣевичь и ключьникъ господцкаго подвала Романъ Алексѣевичь, которой иногда меня за услугу мою кое чемъ и баловалъ; какъ дитю чужаго. Много было времени въ разныхъ случаяхъ всего упомнить не могу.

А нужно сказать о характирѣ моего учителя и какъ я успѣвалъ въ моемъ ученіи; учитель мой имѣлъ характеръ строгой и человѣкъ немного говорливый; души былъ доброй въ трезвомъ состояніи но губительной напитокъ водки дѣлалъ его шумливымъ и привящевымъ; а это съ нимъ случалось очень нередко, онъ дѣлался взыскательнымъ въ то только время когда находила на его умъ нетрезвость, которая всѣ его достоинствы помрачала; но я и тутъ умелъ ужится по тихости моего ребячества нерѣтко я утиралъ въ тищи слезы свои; и при успокоеніи ночи забывалъ всѣ обиды мнѣ нанесенные въ день.

Отъ дыхомъ моимъ служило и то что очень нередко мой учитель отъ лучался къ мѣсту работъ въ разные села и мѣста оставляя меня съ старцемъ на произволъ судьбы; онъ иногда проживалъ въ техъ мѣстахъ по мѣсяцу и болѣе и я долженъ былъ заниматся одинъ своимъ ученіемъ; теперь посудитѣ какое ученіе мальчику одному придетъ въ голову, проводивъ учителя я имѣлъ полною свободу къ шалостямъ, какъ безъ надзорной мальчикъ. И такъ продолжая мое ученіе заброшенный далеко отъ родителей очень очень нередко я зашивалъ у бѣлья прорѣхи и подъ сапоги самъ подкидывалъ подметки чего нужда не дѣлаетъ (которой мальчикъ въ тяшкія труды брошенъ тотъ всему будетъ цѣну знать). И такъ я терпя всякою нужду и продолжая свое ученіе очень уже недурно я рисовалъ, потомъ началъ учится архитектурѣ то есть съ віньолы и далѣе; за всемъ недоглядомъ моего учителя за моимъ ученіемъ я въ теченіи трехъ лѣтъ много успѣлъ какъ въ рисованіи головокъ такъ и черченіи плановъ и фасовъ. Просто теорію я зналъ порядочьно но практики не было мнѣ въ строеніяхъ, по етому случаю я былъ плохой архитекторъ. Лѣта условія моего ученія окончелись и я былъ обрадованъ отпускомъ моимъ къ моимъ родителямъ, но послѣдніе мое испытаніе отъ учителя моего было горче всего, какъ онъ надо мной уродничалъ въ нетрезвомъ видѣ, наконецъ оставивъ все сдѣлалъ мнѣ наставленіе и далъ мнѣ рекомендательное отъ себя письмо о мнѣ личьно моей госпоже которое много способствовало моему благополучію; получивъ все что нужно на дорогу распростившись со всеми благодѣтелями моими и съ добрымъ моимъ старичькомъ слѣпымъ которой былъ грозою моему ребячеству, вѣсело я отправился въ путь на одинокой лошаденочьки съ трудолюбивымъ мужичькомъ. И я ленивою лошадку понуждалъ очень часто чтобъ скорей насъ вѣзла къ родимому краю потомъ перменивъ эту лошаденку въ селѣ Покровскомъ на пару хорошихъ лошадокъ съ хорошимъ

проводникомъ скоро я доѣхалъ и вѣсело подъ кровъ моего родителя которые приняли меня съ великою радостію и всѣ были ради и мои сестры и братьи и товарищи: я спѣшилъ всѣхъ видѣть всѣхъ узнать.

На утро нужно было мнѣ поѣхать съ батюшкой въ с. Троицкое явится къ госпоже облагодѣтельствовавшей столь меня: мы явились въ домъ госпожи я былъ чистенько одѣтъ; имѣя письмо въ своихъ рукахъ, какъ залогъ моего щастія. По докладу человѣкомъ госпожѣ о приходѣ нашемъ и во ожиданіи ея выхода къ намъ я трепеталъ отъ радости или по какому то страху. Госпожа не заставила себя долго ждать вышла къ намъ ея спокойное и кроткое лицо меня ободрило; я трепетно подалъ ей письмо, она вскрыла оное прочьла благодарила отца моего меня допустила къ своей рукѣ что этою милостію рѣдко кто отъ ея пользовался я подалъ рисунки моихъ занятій она была оными довольна и выразила что она не пожалѣетъ ничего чтобъ только я усовершенствовался въ архитектурѣ у хорошаго архитектора въ Москвѣ; о чемъ она будетъ просить своего брата похлопотать обо мнѣ. Поклонившись я доброй моей госпожѣ распростился съ ней какъ будто бы предчувствуя что ея болiе никогда не увижу. Сей доброй госпоже предъ стоялъ путь за границу, ибо оная имѣя одну дочь которая была сильно одержима болѣзнію такъ, что въ Россіи не могли ея излечить; а нужно теплыми водами ей пособить; передавъ въ опеку все имѣніе доброму своему брату графу Іянуарію Ивановичу Толстому; не забыла о мнѣ передать ему чтобъ онъ похлопоталъ отъ дать меня хорошему архитектору въ Москвѣ. Принявъ дальній путь мы остались всѣ на попеченіи графа; въ слѣдствіе сего времяни прошло около трехъ мѣсяцовъ я жилъ дома у своихъ родителей любимъ былъ всѣми и уже уважаемъ иногда и старшими; въ 1824-мъ году въ декабрѣ потребованъ я былъ въ Москву и много насъ было таковыхъ вытребовано для отъ дачи въ разные мастерства; собрали насъ въ путь и мы подъ надзоромъ обознаго Стѣпана Бойца отъ правились въ Москву. Достигши оной благополучьно, но не застали уже нашей доброй госпожи въ Москвѣ, она выѣхала изъ оной за границу съ тремя малолетными дѣтьми своими; взявъ съ собою въ прислугу дворовaго человѣка Захара Данилова Барышникова, малоросіянина Осипа и вдову Прасковью Ѳедорову Лапшину.

5-й періодъ моей жизни.

Прибывъ въ Москву тамъ уже жилъ мой любимый дядя Гаврила Васильевичь; при графѣ коммисіонеромъ и былъ имъ принятъ. По прошествіи нескольких дней мои товарищи были распредѣлены по хозяевымъ въ томъ числѣ былъ Лавровъ Николай отъ данъ къ Брауну въ живописцы; а Сергѣй Кобановъ былъ отъ данъ въ цырюльники съ товарищемъ Александрою. Далiе не выигралъ Кобановъ Сер. ничего какъ только цырюльника; я оставался при

моемъ дядѣ покудова приищутъ мнѣ учителя. Живя въ домѣ графа за общій людцкой столъ ходилъ обѣдать и ужинать, не стану распространятся о семъ столѣ я былъ всемъ доволенъ отъ дяди моего, но живя въ местѣ съ людьми незначущими для меня всѣгда несносными но дѣлать было нечего жилъ подъ одною котегоріею всѣхъ людѣй безъ различія; между темъ графъ поручилъ преискать мнѣ учителя жившему въ Москвѣ англичанину Фомѣ Яковлевичу Ивенсу; которой взялъ на себя трудъ пріискать мнѣ хорошаго учителя но время длилъ весьма долго: и я въ его квартиру съ Поварской на Со. долженъ былъ ходить почти каждой день навѣдовался о пріисканіи учителя но не тутъ то было мусье Ивенсъ все длилъ темъ болѣе что онъ имѣлъ характеръ медленной филосовъ ботаники и многихъ ученыхъ занятій у него было слѣдовательно ему было не до меня, а я долженъ былъ его навѣщать каждой день. И такъ протекло почти время до полугода. Наконецъ въ одинъ день онъ Ивенсъ объявилъ мнѣ, что пріискалъ мнѣ учителя архитектора Мѣльникова къ которому я долженъ явится съ планами моей работы. Онъ жилъ гдѣ то въ Подвѣскахъ. На другое утро я отыскавъ Г. Мельникова явился къ нему въ домъ это было утромъ не помню ни мѣсяца ни числа онаго событія; по докладѣ Г. Мельникову о приходѣ моемъ, меня позвали въ залу; тутъ въстретилъ меня Г. Мельниковъ: расмотревъ мои труды распросивъ гдѣ я обучался, темъ и кончилось мое представленіе къ Мельникову; не знаю почему Г. Мельниковъ не взялъ меня къ себѣ; должно полагать что дорого просилъ за ученіе и содѣржаніе меня столомъ. При всемъ томъ я долженъ былъ опять посещать мусье Ивенса; но ето время не столь было продолжительно потому что тутъ уже хлопоталъ за меня дядюшка мой. Въ одинъ день мнѣ было приказано пойтить въ Кремль и тамъ отыскать архитектора Евграфа Дмитріевича Г. Тюрина; по отысканіи мною его Тюрина я у него засталъ и мусье Ивенса, которой меня представилъ Г. Тюрину, тотъ спросилъ меня объ моемъ ученіи моихъ лѣтахъ. Тогда уже мнѣ было шестнадцать лѣтъ. Отъ пустивъ меня приказали мнѣ со всемъ явится къ нимъ моимъ богажемъ въ это время я былъ неинтересно окапированъ. Толстаго сукна на мнѣ былъ сертукъ. Г. Тюринъ потребовалъ чтобы я былъ одѣваемъ гораздо приличьней; меня окапировали въ нанковой сертукъ; потомъ сшили сертукъ изъ шленскаго домашняго сукна; стало быть я уже отличенъ былъ платьемъ отъ моихъ товарещей; дядинька представилъ меня къ Г. Тюрину при заключенномъ условіи съ графомъ что Г. Тюринъ меня принялъ на 5-ть лѣтъ съ платою въ годъ за меня по 300 рублей асигнаціями за ученіе и его Г. Тюрина столъ. А прот. все должно быть у меня отъ госпожи Хлюстиной. На сихъ кондиціяхъ я былъ принятъ въ число его учениковъ и оставленъ дядюшкою моимъ въ квартирѣ Г. Тюрина.

Съ сего часа и времяни Господь благословилъ жизнь мою на лучшее по-

прище; теперь опишу ндравъ и поступки моего благодѣтеля и учителя принявшаго меня подъ свое покровительство. Г. Тюринъ имѣлъ наружность благороднѣйшею красавицъ мущина въ полномъ смыслѣ, станъ его вѣличествѣнный наружность физіономіи имѣлъ открытою съ возвышеннымъ челомъ волосы на головѣ были у него какъ смоль черные небольшіе бакенбарды окоймняли его благородное лицо и темъ давали видъ ему еще вѣличественней; улыбка его всѣгда человѣка приводила въ восторгъ а паче ученика съ нимъ разговаривающаго. Г. Тюринъ былъ женатъ на дочерѣ генерала Бухвостова; имѣя сына и одну еще дочь малолѣтныхъ. Жена Г. Тюрина была тоже въ свою очередь пара своему мужу; но характеръ имѣла въспыльчивой въ прот. она на насъ не имѣла ровно никакаго вліянія; Г. Тюринъ имея въ то время званіе 3-го архитектора Кремлевской Экспедиціи Строеній чинъ Титулярнаго Совѣтника и коваллеръ Святыя Анны третьяго класса; имѣя за женою сорокъ душъ крестьянъ въ Ярославской губѣрніи; онъ былъ любимецъ председателя Экспедиціи князя Николая Борисовича Юсупова; какъ было и не любить такаго человѣка добраго и строгаго въ правилахъ своей жизни. Слѣдовательно Г. Тюринъ имѣлъ и свою крепостную прислугу но мы ученики Г. Тюрина не имѣли съ ними никакихъ отношеній темъ боліе что мы были на особомъ отъ нихъ столѣ и имѣли близъ кабинѣта свою класною комнату или нашу чертежною, въ которой располагались по своему слѣдовательно какъ имѣя все отъ дѣльное то намъ никакъ не дозволялось быть въ людцкой и мы не употреблялись у Г. Тюрина ни къ какой послугѣ домашней; боліе занимались своимъ дѣломъ и прислуга не должна никогда была къ намъ входить въ чертежною кромѣ по какой либо надомности по дѣлу.

Приступая къ дѣлу въ чертежной своей опишу моихъ товарещей съ коими я долженъ былъ продолжать свое ученіе. Старшій былъ ученикъ Иванъ Ивановъ Добрынинъ госпожи Разумовской; человѣкъ уже былъ съ хорошими свѣденіями; 2-й былъ ученикъ Савелей Григорьевъ Сумаковскій; князя Юсупова; 3-й Петръ Абрамовъ Петровъ, генерала Самарина ученикъ еще съ небольшимъ свѣденіемъ; 4-й Василій не припомню чьихъ господъ мальчикъ съ небольшими успѣхами; одно слово оные люди должны быть по всему моими товарищеми при вступленіи моемъ они уже были распредѣлены по работамъ для практическихъ свѣденій по Москвѣ. Слѣдовательно я и Василій были младшими учениками Г. Тюрина. Первымъ моимъ испытаніемъ было рисованіе я нарисовавъ головку старика въ небольшую вѣличину очень недурно исполнилъ оною работу. Боліе уже я и не рисовалъ никогда: прямо принялся за хорошію копировку плановъ и фасадовъ потомъ приучался къ съемки плановъ съ натуры коихъ я никогда не дѣлалъ преждѣ исполнивъ несколько таковыхъ съемковъ трудъ мой несколько облегчился; но не совсемъ еще въ полнѣ ни долгое время

затруднялъ мои понятіи въ ономъ: при наступленіи зимняго времени мы всѣ собрались въ нашу чертежною и дѣло пошло вѣсело мы занимались другъ отъ друга лучьшеми мыслями об ыскуствѣ нашихъ занятій. Г. Тюринъ изъ ретка что либо намъ толковалъ, для практики а занятіи наши были одинаковы; мы сами себѣ были слуги для себя все дѣлали что было нужно собирались за одинъ столъ и сами себѣ за онымъ служили кому что было нужно. Г. Тюринъ давалъ намъ столъ хотя небогатой но сытной состоящій всѣгда изъ двухъ блюдъ; а по воскреснымъ и праздничьнымъ днямъ пекли намъ каждому по хорошему пшеничьному пирогу; въ послѣдствіи времяни стали отпущать намъ и чай два раза въ день; когда мы уже стали большую пользу приносить на практикахъ своему учителю; и такъ шло время все благополучьно. Мы трудились иногда и для себя преобрѣтая иногда и для себя копѣйку какими нибудь услугами подрятчикамъ разныхъ работъ всемъ мы были снабжены, слѣдовательно и были довольны. Г. Тюринъ давалъ каждому изъ насъ дѣло дабы темъ дать способъ мальчику преобрѣсти что либо для себя; весьма не любилъ видѣть своего ученика безъ дѣла провожающаго время, и строго выговаривалъ за то если его приказаній ученикъ не исполнилъ и какъ было намъ не исполнять, отъ столь добрѣйшаго учителя происходящіи. Мы всѣгда имѣли право собравшись и время провѣсти въ гостинницѣ за чайнымъ столомъ. Онъ с насъ за это не взыскивалъ. И мы съ своей стороны не смѣли никогда явится къ нему какъ либо въ другомъ видѣ; иногда изъ старшихъ учениковъ Добрынинъ или Сумаковскій дерзнутъ выпить лишней стаканъ брашки; при замѣчаніи дѣлался имъ за это выговоръ; и такъ я чрезъ годъ уже сталъ равенъ съ моими товарищами. Мы всѣ жили дружно. Доставшеюся намъ копѣйку мы дѣлили поровну слѣдовательно все у насъ шло хорошо. И я еще имѣлъ на сторонѣ своей дядю Гавр. В. которой рѣдко выѣзжалъ изъ Москвы. Сей мой дядя былъ истиннымъ моимъ роднымъ не забывалъ меня никогда какъ только бывалъ въ Москвѣ, я каждой праздникъ былъ с нимъ вместѣ; онъ меня всѣгда ласкалъ и ласки были его ко мнѣ непритворные. Многихъ знакомыхъ я уже и самъ имѣлъ и находилъ время провѣсти хорошо и вѣсело; денегъ я хотя и не имѣлъ много но на нужду всѣгда былъ грошъ. Я употреблялъ свои деньги болѣе хотя малою окапировку себя; родители мои меня не забывали своими письмами, но деньгами не баловали ибо насъ уже было у родителей цѣлой пятокъ дѣтей, то имъ было на что дѣлить и въ это время батюшка мой былъ сильно боленъ; слѣдовательно и я былъ не долженъ с нихъ многаго спрашивать; однажды на другое лѣто моего житья въ Москвѣ, пріѣхалъ мой батюшка и матушка въ Москву проѣздомъ по обѣщанію къ Троицѣ Сергію на поклоненія святымъ мощамъ угоднику Сергію за облѣгченіе болѣзни; въ это время я уже въ полномъ смыслѣ былъ молодой человѣкъ и имѣлъ уже чемъ найти своихъ стариковъ; какъ теперь помню что

я ихъ угощалъ чаемъ и мѣдомъ въ завѣденіи у Никитцкихъ воротъ. Старичьки мои были очень рады что Господь меня благословилъ даромъ науки и любви всѣхъ знаемыхъ меня. Проводивъ ихъ изъ Москвы благополучьно, и самъ опять занялся своимъ дѣломъ; притомъ нужно сказать что и товарищи мои нѣкоторые любили меня. Тамъ былъ въ Москвѣ и братъ мой Иванъ Рахмановъ другъ моего дѣтства; мы и съ нимъ нередко вместѣ время проводили; и съ Николаемъ Лавровымъ боліе ни с кемъ изъ своихъ однодомцевъ не имѣлъ никакаго знакомства, хотя таковыхъ и много было темъ я избѣгалъ всякаго соотношенія с ними ибо Г. Тюринъ не любилъ чтобъ мы с кемъ заводили знакомство изъ худшаго класса людей онъ содержалъ насъ какъ облагороженныхъ людей наукою высшаго ума то слѣдовательно намъ запрещалось имѣть знакомства безъ разбора лицъ. На своей сторонѣ я имѣлъ еще хотя дальняго родственника жившаго въ Москвѣ Василія Алексѣевича Гончарова *) почтѣннаго лѣтами старичька а еще почтѣнней душевными добродѣтелями онъ былъ московской купецъ; я находилъ пріютъ и у него въ праздничьные дни онъ меня любилъ. И мы съ нимъ за чашкою чая нередко время проводили; старикъ былъ умный и набожный во всѣхъ дѣлахъ исправный съ свѣтлымъ умомъ. Вотъ я съ кемъ время дѣлилъ въ свободные часы и изучалъ мѣру жизни своей боліе практически нежели теоріею. Къ сему нужно упомянуть что мы у Г. Тюрина не изучали боліе ничего кромѣ архитектуры а въ послѣдствіи времяни по сему случаю много въ насъ оказалось по наукамъ и недостатковъ да слишкомъ было поздно возвратить потѣрянное невозможно. Въ 1825-мъ году я видѣлъ въ Москвѣ и въстрѣчалъ гробъ или тѣло Благословѣннаго Государя Императора Александра Павловича и провожалъ оной изъ Москвы; всю процѣсію онаго описать въ кратцѣ невозможно. Только скажу одно, что въ это время вся Москва была в унынiи какомъ то слишкомъ печальномъ. Мы въ это время преобрели себѣ деньжонокъ по случаю тому, что всякой желалъ имѣть рисунокъ котофалка построенной великолепно въ Архангельскомъ соборѣ и печальной колесницы на коей былъ въ Москву въ везенъ гробъ Благословѣннаго Государя; при ввозѣ тѣла Государя въ Москву былъ жестокой морозъ и день былъ немношко пасморенъ безъ всякаго вѣтра и ненастья; въ это время вся Москва какъ говорится была въ Кремлѣ.

Потомъ потекли опять дни единообразные въ занятіяхъ продолжая я свое ученіе благополучьно и живя съ своими товарищами хорошо занимался отъ нихъ собственно что было нужно для меня. Много кратно былъ при хорошихъ практикахъ преобрѣтая познаніе въ постройкахъ, въ местѣ съ симъ и преобре-

*) Этотъ человѣкъ другъ былъ всемъ моимъ роднымъ; это былъ братъ моей матери двоюродной; но былъ московской купецъ.

тая отъ добрыхъ подрятчиковъ за свои труды на нужду и копѣйку темъ излишне не бѣспокоилъ изъ денегъ и своихъ родителей заслуживая каждаго любовь; вотъ да будетъ извѣстно всѣмъ до какой стѣпѣни я заслуживалъ вниманіе добраго моего учителя: въ примѣръ другимъ моимъ товарищамъ. Блиско подходилъ день моего Ангела то есть 25-е Ноября; я придумалъ попросить моего учителя какъ говорится на пирогъ, собравъ въ этотъ день маленькой столикъ съ закусками просто запросто въ своей чертежной. Когда было все мною приправлено къ принятію дорогаго гостя то есть своего учителя при первой моей къ нему просьбѣ онъ въ этомъ мнѣ не отказалъ вышелъ изъ своего кабинѣта въ чертѣжною гдѣ была приготовлена закуска поздравилъ меня съ днемъ Ангела, выпивъ за здоровье мое маленькою рюмку сладкой водки и закусивъ пирога; присемъ и его супруга не отказалась въ зглянуть на мое угощеніе; учитель мнѣ подаривъ на имянины пять рублевъ асигнаціями; а для ученика въ то время были таковые деньги дороги а дороже денегъ было ихъ вниманіе. И такъ доколѣ я у нихъ жилъ это ежегодно было повторяемо.

Въ продолженіи нахожденія моего въ ученіи былъ я отъ пускаемъ и на родину; побывъ дома возвращался я всѣгда къ своему занятію въ Москву съ веселымъ духомъ. Тутъ уже я сталъ понимать значеніе архитектора противъ другихъ занятій моихъ однодомцевъ я всѣгда держалъ себя выше другихъ подъ надзоромъ моего дядюшки я не могъ излишне во что либо вдоватся ибо его наставленіи мнѣ всѣгда были лучшимъ урокомъ жизни моей; онъ нередко навѣщалъ меня и въ чертежной; гдѣ самъ Г. Тюринъ его нередко видалъ, темъ болѣе онъ имѣлъ права на всѣгда спрашивать Г. Тюрина о моихъ занятіяхъ что дядюшка ежегодно уплачивалъ за меня деньги Г. Тюрину и окапировалъ меня платьемъ. Графъ же меня неретко видалъ въ своемъ домѣ у дядюшки и личьно меня иногда дарилъ за представленіе ему моихъ трудовъ. Сей вѣликодушной графъ много въ послѣдствіи для меня дѣлалъ добра. Какъ видно будетъ изъ предыдущего описанія. Такъ продолжая я мои занятія у Г. Тюрина и исполняя на всѣгда его порученіи вточьности за что онъ меня и любилъ; *) наконецъ мои товарищи по ученію стали выбывать окончивъ срокъ ученія. Первый выбылъ Иванъ Добрынинъ, которой много дѣлалъ для меня добраго по наукѣ. Потомъ въ скорѣ выбылъ и Савелей Сумаковской; и етотъ товарищь былъ доброй для меня; но онъ оставался въ Москвѣ по паспорту отъ князя и жилъ по волѣ мы съ нимъ нередко видались какъ съ добрымъ товарищемъ. Потомъ выбылъ Петръ Петровъ и Василій; остался я одинъ у Г. Тюрина мнѣ нужно было еще у него прожить одному до полутора года; отъ сего времени я одинъ отвечалъ за всѣ что нужно было по постройкамъ дѣлалъ планы на-

*) Это видно будетъ изъ писемъ его ко мнѣ и аттестата приложенныхъ при сей книгѣ.

блюдалъ за работами; есть что трудно было одному но за то я имѣлъ случай присемъ многому особо занятся ибо я тутъ сталъ заниматся проэктами которыхъ я до сего времени за старшими моими товарищеми не дѣлалъ. Въ местѣ съ симъ отдѣлывалъ лучшія планы для строеній; въ эти полтора года я много преобрелъ познаній какъ теоретически такъ и въ практике строеній ибо было некому боліе заниматся кромѣ меня. Но въ это время и Г. Тюринъ меня никогда не оставлялъ своими совѣтами и давалъ способы иногда преобрести лишнею копѣйку за труды; въ промежутокъ онаго времени опекунъ графъ купилъ для себя имѣніе Тульской губѣрніи Адоевскаго уѣзда село Шатова, и насталъ годъ войны съ туркомъ 1829-й годъ. Изъ Парижа возвратились наслѣдники Хлюстины въ Россію для определенія въ военную службу какъ сыны принадлежащіи Россіи; они прямо приѣхали въ Москву къ своему дяди графу; Антонъ и Семенъ меньшой; старшій братъ былъ молодецъ собой но меньшой не такъ былъ виденъ собой. Сіи юные господа рождѣнные въ Россіи но воспитанные съ малолѣтства въ Париже получивъ высокое образованіе и старшій братъ былъ у меня и доступенъ но меньшой имѣлъ видъ суровой и надменный; побывавъ въ Москвѣ снарѣдясь въ походъ полнымъ запасомъ отправились съ дядей въ имѣніе. Поживъ в ономъ слишкомъ мало и не обративъ на имѣніе свое никакаго вниманія, въ вѣрили опять оное подъ надзоръ своему дяди графу потомъ отправились въ дальней путь къ тому мѣсту гдѣ сосредоточивались главные силы арміи нашей; они были опредѣлены въ С.Петерб. Конно Эгерскій полкъ. Нагрузивъ въ свои карманы денегъ и собрались какъ на пиръ съ полными восками всякаго домашняго скарба никакъ не думая о томъ что можетъ быть головы свои тамъ положутъ и скарбъ весь будетъ расхищенъ непріятелемъ но какъ бы не было молодые воины полные нѣги и богадства удалились отъ мѣста своей родины съ напудствіемъ дядюшкиныхъ молитвъ.

Между темъ время проходило и приближался срокъ пяти лѣтняго моего пребыванія въ ученіи, съ наступленіемъ вѣсны мнѣ былъ порученъ надзоръ за постройкою собственнаго дома Г. Тюрина въ которомъ я уже и жилъ для ближайшаго наблюдѣнія за работами; но близокъ былъ день моего срока; не допустя онаго графъ потребовалъ меня къ себѣ; и объявилъ мнѣ личьно что я ему нуженъ въ его имѣніи для постройки разныхъ домашнихъ строеній; и сказано было чтобъ я былъ готовъ къ отъѣзду въ с. Троицкое а отъ тудова буду отъ правленъ въ с. Шатово; и такъ распростившись съ моимъ добрымъ учителемъ и поблагодаривъ его за всѣ оказанные милости въ теченіи пребыванія моего подъ руководствомъ ихъ, скорой мой отъѣздъ по замѣчанію моему огорчилъ моего благодѣтеля и учителя; темъ боліе что у него не оставалось ни единаго ни личьнаго ученика ни помощника я всіо занималъ одинъ и помогалъ имъ во многомъ. Темъ боліе я зналъ весь смыслъ моего учителя; оста-

вивъ свою я квартиру съ великою радостію об окончаніи съ успѣхомъ моихъ трудныхъ лѣтъ ученическихъ; но не знавъ что меня ожидаетъ въ будущей моей свободѣ и быть самому себѣ руководителемъ.

Примѣчаніе. Добрый нашъ учитель не любилъ видѣть праздности въ своихъ ученикахъ и повсѣгда заставлялъ трудится надъ чемъ либо полезнымъ для нашей науки; и не терпѣлъ всякихъ вѣселостей отъ таво изъ насъ учащихся у нихъ не имѣлъ никто въ рукахъ какаго либо музыкальнаго инструмѣнта; и въ праздничные дни мы были свободны отъ занятій но безъ дозволенія не смѣлъ изъ насъ оставить квартиры, и отпущенный долженъ былъ явится въ свое время и въ своемъ видѣ; но были случаи которые не соблюдали иногда установленнаго порядка: являлись немного съ помраченнымъ разсудкомъ; за то на утро получали наранѣ строгой выговоръ отъ учителя, безъ особаго какаго либо наказанія; темъ болѣе мы любили своего наставника что онъ намъ высказывалъ правилы безъ всякаго шума а кротко и ясно разъяснялъ весь худой поступокъ провинившемуся. Прі обозрѣніи работъ тѣхъ гдѣ находился его ученикъ, всѣ съ ученикомъ обходился вѣжлево и отъ давалъ свои приказаніи не спѣша и ласково, присемъ я могу сказать что съ тѣхъ поръ не встрѣчаю подобныхъ сему знаменитому художнику во всѣхъ отношеніяхъ благородной ихъ жизни; я еще далѣе буду говорить о нихъ а теперь обращаюсь собственно къ моей жизни, грядущей съ моими лѣтами и возрастомъ.

Шестой періодъ моей жизни.

1829-й годъ вступленіе моей жизни въ эпоху отъ рождѣнія моего на 21-й годъ. Оставивъ священный градъ Москву какъ припомнить могу въ Іюлѣ первыхъ чиселъ; любѣзный мой путеводитель и благодѣтель дядюшка Гаврила Васильевичь проводилъ меня изъ колыбѣли наукъ въ далекой край гдѣ я долженъ на поприще жизни безъ руководителя самопроизвольно дѣйствовать по своему знанію въ предѣлѣ неограниченія.

Прибывъ въ с. Троицкое поживъ немного времени съ своими родными, потомъ съ графомъ и моимъ дядею отправились въ с. Шатово по прибытіи въ оное имѣніе графъ сдѣлалъ свое разпоряженіе на щетъ построикъ; я тамъ нашелъ уже знакомаго мнѣ человѣка Льва Яковлева которому графъ поручилъ управленіе имѣніемъ. Поживши графъ несколько времени уѣхалъ съ моимъ дядею опять въ Москву и такъ я приступилъ къ отдѣлки нужныхъ строеній; живъ вместѣ съ управляющимъ какъ онъ былъ человѣкъ безъ семейной какъ и я то мы жили хорошо между собою, дѣло шло своимъ порядкомъ строеніи стали воздвигатся я не щадилъ своихъ трудовъ приводилъ все въ надлежащій видъ и порядокъ.

Между темъ временемъ графъ бывалъ въ этомъ имѣніи нередко мнѣ было поручаемо отъ него много разныхъ дѣлъ. Я всѣгда оные исполнялъ вточьности. Графъ всѣгда былъ мною доволенъ за труды мои всѣгда отличалъ меня отъ всѣхъ за мои услуги, дарилъ свои платья я былъ уже окипированъ лучше другихъ. Между симъ времянемъ ѣздилъ я въ Малоросію въ Курскою губѣрнію въ имѣніе Хлюстиныхъ для съемки плановъ въ двухъ селахъ съ церквей исполнивъ это порученіе возвратился опять въ Шатово; между симъ времянемъ окончилась война Турецкая. Меньшой братъ Семенъ Хлюстинъ возвратился въ Росію, съ чиномъ небольшимъ но съ пустыми карманами и безъ всякой домашней рухляди. Братъ же его Антонъ Хлюстинъ положилъ свою доброю голову на поляхъ Турецкой земли. Семенъ Хлюстинъ поживъ въ Москвѣ покутивъ съ дядею графомъ Толстымъ Ѳедоромъ и дядею Іянуаріемъ Толстымъ не войдя ни в какое распоряженіе по имѣнію отправился опять за границу къ матере своей жившей въ это время въ Италіи. Я проживъ еще у графа въ имѣніи окончилъ все по постройкѣ; послѣднею моею заботою было перестроить храмъ каменный во имя Пресвятой Богородице Владимірской. *) Хотя оной и существовалъ но отъ времени обвѣтшалъ; графъ дозволилъ мнѣ оной возобновить; я приступилъ къ отдѣлки онаго, и съ Божіею помощею отъдѣлалъ оной хотя не богато но со вкусомъ и всеми принадлежностями коихъ много было недостаточьно; но по усердію графа церковная утварь была куплена дядею моимъ Г. В. въ Москвѣ которою онъ самъ и доставилъ въ Шатово подсвечьники, большое поникадило и много облаченіе для священника и сей храмъ совѣршенъ и освященъ малымъ освященіемъ въ 26-й день августа съ провозглашеніемъ многолѣтія графу какъ виновнику о благолѣпіи сей святынѣ а мнѣ какъ строителю сего святаго храма во имя Заступницѣ нашей; да будетъ сей день незабвенъ въ родѣ моемъ: отъ сего времени молитвамй Владычицѣ я сохраненъ отъ многихъ вражіихъ навѣтовъ для чести моего семейства и всего рода моего, получившаго отъ меня начало жизни, званія благороднаго наимѣнованія. Отъ сего времени я какъ бы былъ отличенъ всеми лицами отъ протчихъ моихъ товарещей и свѣрстниковъ. Я былъ возвышенъ на ту стѣпень заслугъ какъ бы изъ старшихъ моей фамиліи. По окончаніи всего моего дѣла въ Шатовѣ я долженъ былъ возвратится въ Троицкое гдѣ графъ имѣлъ свое пребываніе; при прощаніи въ Шатовѣ съ графомъ графъ подарилъ мнѣ много своего платья что сдѣлалось многимъ завидно. Простившись со всеми знакомыми и управляющимъ Львомъ Яковлевымъ, я возвратился въ Троицкое обласканный всеми близкими моему сердцу явился къ графу которой мнѣ подарилъ

*) Во оной церкви мною отысканной образъ Божіей Матери называемой Гребѣнской довольно замѣчательной иконописи и своей древности.

золотой имперіалъ за мои труды при словѣ извини любѣзной Петруша теперь болiе у меня денегъ нѣтъ; управляющій Троицкой Вѣтровъ меня принялъ очень вѣжливо какъ не принималъ и старшихъ меня и подарилъ мнѣ десять рублей асигнацію съ словомъ не сказывай никому Петруша. Въ то время мнѣ ласки были дороги а деньги для молодаго человѣка даримые за заслуги мои дороже всякаго блага въ мирѣ. Въ это время уже не было въ Троицкомъ дяди Григорія и дяди Константина первый уже вывѣзенъ давно изъ Троицкаго съ семействомъ въ Красною Яругу, вѣтеринаромъ при конномъ заводѣ; а Константинъ управляющимъ былъ въ имѣніи въ Мосальскомъ уѣздѣ. Слѣдовательно одни мой батюшка и Гавр. В. были въ Троицкомъ. Проживъ я несколько времени съ ними, построилъ въ Троицкомъ некоторые увѣселительные бѣсѣдки и домики. Потомъ нужно мнѣ было отправится опять въ Малоросію въ с. Крас. Яругу для построенія церквей въ двухъ имѣніяхъ принадлежащихъ Г-же Хлюстиной; принявъ нужные приказаніи отъ Г. Вѣтрова получивъ на дорогу отъ него деньги и бумаги нужные для моего проѣзда, снарядили мнѣ пару хорошихъ лошадей съ кучеромъ Яковомъ. И такъ собравшись въ путь получивъ отъ родителей благословѣніе съ Божію помощею отъправился въ дорогу. Это время было какъ теперь могу припомнить въ скорѣ послѣ первой холеры въ 1830-мъ году въ августѣ въ первыхъ числахъ. Въ это время сестра Наталія и Марія уже были замужемъ при родителяхъ оставалась сестра Фима и малолѣтной братъ мой Александръ.

Седмой періодъ моей жизни.

Первымъ моимъ предмѣтомъ было по дорогѣ заѣхать въ Орловской губѣрніи въ Кромскомъ уѣздѣ въ с. Тросну и это имѣніе было тоже Г-жи Хлюстиной для осмотра перестроивающейся старой деревянной церкви, по моему плану и фасаду; въ пути со мною слава Богу до сего сѣла не случилось никакого событія я достигъ онаго села благополучьно; здѣсь я нашелъ старика бурмистра Ивана Бушму которой былъ радъ видѣть ребенка котораго нянчилъ на своихъ рукахъ и вдругъ въ стретелось узнать въ этомъ дитѣ уже въ зрослаго молодаго человѣка и уважаемаго всѣми какъ отличьнаго человѣка предъ другими. Онъ встретилъ меня со слѣзами искренняго друга еще родителя моего. Пріосмотрѣ моемъ церковнаго строенія я былъ радъ что мои труды стали приносить пользу для человѣка и исполнители всѣхъ работъ не въ перьвый разъ уже встрѣчаютъ которые уже были подъ руководствомъ моимъ въ Троицкомъ и Шатовѣ, всякой изъ нихъ желалъ мнѣ чемъ либо похвалится изъ своей работы. Сей храмъ и понынѣ существуетъ; пробывъ въ ономъ селѣ сутки распростился съ старикомъ бурмистромъ которой на дорогу меня снабдилъ всемъ запасомъ, отъ правился по тракту чрезъ Курскъ въ село Красною Яругу при-

бывъ въ оною благополучьно; тамъ я нашелъ управляющимъ въ это время сослуживца и однодомца моему батюшки Алексѣя Ивановича Панкова; сей человѣкъ былъ подобенъ въ управленіи Г. Вѣтрову темъ боліе они походили одинъ на другаго въ управленіи имѣніемъ, что они долгое время служили вместѣ; Алексѣй Ивановичь меня принялъ подъ свое покровительство съ которымъ я жилъ въ одномъ домѣ и имѣлъ съ нимъ столъ и чай это было ему предписано отъ главной канторы о содѣржаніи моемъ; я нашелъ тутъ моихъ двухъ дядей. Дядю Рахманова его жены а моей матери крестной я уже не засталъ въ живыхъ равно и ихъ дочери Пелагеи которая въ малолѣтствѣ моемъ была моею любимою сестрою по кротости ея ндрава; при дядѣ Рахмановѣ была еще дочь Марія; которая нынѣ инокинею въ Борисовскомъ дѣвичьемъ монастырѣ въ имѣніи графа Шеремѣтьева. Кромѣ сестры Маріи были еще малолѣтныя Татьяна и Анюта, и сынъ его Василій слишкомъ малолѣтный былъ въ это время, но дядя уже Сергѣй Рахмановъ былъ слабъ здоровьемъ боліе кажется отъ горячаго напитка онъ страдалъ удушьемъ. Дядя же Григорій жилъ съ своимъ семействомъ весьма хорошо какъ говорится полнымъ домомъ, о семъ я буду еще говорить много въ описаніи моей жизни. Принимая въ свое распоряженіе первымъ дѣломъ моимъ было построить для управляющаго домъ, которой въ скоромъ времени былъ начатъ работы производились благополучьно я жилъ съ управляющимъ мирно и хорошо проводили время; многія тамъ люди были мнѣ уже давно знакомые по Троицкому или по Москвѣ, отъ вѣзенныя на жительство и мнѣ какъ человѣку одинокому въ жизни скучать было не о чемъ родители мои были всѣмъ обѣспечены. Такъ я и не думалъ много заботится о нихъ жилъ какъ было приличьно молодому человѣку жить. Между темъ нужно было приготовить для постройки церквей лѣсу; церкви предъ полагались перестроить при двухъ селахъ, въ с. Красной Яругѣ и с. Илькѣ. Прі обозрѣніи Ильковской церкви я познакомился сего села съ священникомъ отцемъ Иваномъ у котораго былъ въ домѣ. Семейство отца Ивана состояло изъ престарелаго его отца, жены отца Ивана Ольги и двухъ дочерей изъ коихъ старшая была Александра меньшая Ольга; отецъ Иванъ былъ по характеру и жизни доброй священникъ равно и его семейство было гостепріимно. Познакомясь отецъ Иванъ съ семействомъ дяди Григорія бывали нередко. Переѣзды другъ къ другу. Это село отъ стояло отъ мѣста жительства моего не боліе кажется семи вѣрстъ. Въ одинъ зимній день собрались мы съ д. Григоріемъ поѣхать къ отцу Ивану въ гости. Приказали заложить пару лошадей отправились была погода ясная хорошо доѣхали; по приѣздѣ къ отцу Ивану провели вѣсело и хорошо; дядя мой предложилъ не пожелаю ли я женится на дочери сего священника Александрѣ Иван. Разумѣется я изъявилъ на оное согласіе; дядя мой предложилъ священнику и передалъ мое желаніе; въ это

время не было ничего особѣннаго, какъ то согласія или совѣршеннаго отказа а такъ протекъ вѣчеръ вѣсело и шуткахъ на щетъ насъ то есть жениха и невѣсты. Какъ бы то ни было, какъ съ моей стороны равно и дочери священника съ сего дня между нами возродилось какое то глубокое уваженіе другъ къ другу; темъ боліе что она мнѣ ндравилась; равно и Александра Каплинская неравнодушна была въ своихъ чувствахъ ко мнѣ, я питалъ полною надѣжду что сей бракъ совѣршится между нами но дѣло приняло другой оборотъ; продолжая наше знакомство окончательнаго не было положено ничего, но мнѣ нужно было отправится въ Троицкое; я получивъ увѣреніе, что отецъ Александрининъ будетъ ко мнѣ писать въ Троицкое; я пріѣхавъ къ моимъ родителямъ объявилъ о семъ моемъ желаніи родители мои не противъ этаго были. Между тѣмъ дядя мой обѣщалъ писать ко мнѣ о ходѣ онаго дѣла; я ожидая долгое время отвѣтовъ того или другаго долгое время не было ни одного наконецъ получилъ письмо отъ дяди Григ. которой меня увѣдомилъ своимъ письмомъ. Въ семъ письмѣ изъясняетъ ко мнѣ дядя, что за Каплинскою Александру сватаится какой то приказной изъ Хотмыска и Каплинской согласенъ уже выдать дочь свою. Сіе письмо въ зволновало сильно мою душу. Я былъ внѣ себя отъ тоски и досады что былъ отвѣргнутъ отъ дома и боліе отъ милой дѣвушки; долго я страдалъ но писать я не рѣшался къ отцу Ивану, а ѣхать въ скорѣ было невозможно по дѣламъ. Въ протчемъ тепѣрь можно здраво разсудить что какой же отецъ пожелаетъ худшаго для своей дочери. Положимъ такъ что Александра желала быть за мной но она была еще почти дитя; но отецъ ея здраво разсудилъ какому отцу пріятно выдать дочь въ крепость; и это я въ послѣдствіи одобрилъ; а еще быть можетъ что Господь сего не свѣршилъ для будущаго моего благополучія что можно будетъ увидѣть изъ жизни моей; но скажу за всѣмъ симъ, что я долго страдалъ и тосковалъ, зная что я былъ любимъ дѣвицею Алексан. но это было не во власти ея. Потомъ вышелъ мнѣ случай опять быть въ Красной Яругѣ для установленія разныхъ машинъ. Я былъ уже тамъ какъ вдругъ въ лѣтній Іюньской день я былъ въ Воскресеніе какъ день свободной отъ занятій я вздумалъ пойтти на прудъ лежащей предъ домомъ поохотится с ружьемъ; походивъ около пруда убилъ дикою утку; боліе ничего не попалось. Возвращаюсь отъ толь какъ мнѣ сказали что пріѣхалъ баринъ Семенъ Семеновичь и въ местѣ с нимъ и Г. Вѣтровъ; подъ ходя къ дому уже многія видѣлись съ помѣщикомъ небывалымъ никогда въ здѣшнемъ имѣніи; въ томъ числѣ былъ и дядя мой Гаврила Васильевичь; многія въ стрѣтили меня съ словомъ, что я уже вольной я не могъ вѣрить сему; но въ это время дядя Григорій получилъ отъ барина вольною вышелъ мнѣ на встрѣчу поздравилъ меня свободнымъ. Потомъ я вошелъ въ свою комнату гдѣ былъ Г. Вѣтровъ и дядя подалъ мнѣ письмо отъ ба-

тюшки а Вѣтровъ поздравилъ меня съ свободою. Я его благодарилъ, распѣчатавъ батюшкино письмо удостовѣрился въ томъ что по желанію Г-жи Вѣры Ивановны мы сыномъ ея полными семействами отъ пущены на волю. И моя вольная уже была в рукахъ батюшки въ это время получилъ и Панковъ Алексѣй Ивановичь вольною. Мы всѣ какъ на отборъ изъ людѣй лучшія здѣлались въ одинъ день свободными; насъ всѣ поздравляли и мы были въ полномъ смыслѣ всѣ восхищены свободою до неимовѣрности; при сложеніи обязанности самой тяшкой кто не порадовался бы бывъ на моемъ местѣ. Послѣ прошествія торжествѣнныхъ минутъ, Г. Вѣтровъ доложилъ помѣщику о нахождѣніи моемъ при постройкахъ въ с. Красной Яругѣ; Г. Хлюстинъ пожелалъ меня видѣть; я представился ему онъ былъ въ этотъ разъ ко мнѣ благосклоненъ всталъ съ дивана и поклонился мнѣ спросилъ кто я и чемъ я занимаюсь при здѣшнемъ имѣніи я далъ ему отвѣтъ надлежащей по моему занятію. При послѣднемъ словѣ онъ мнѣ сказалъ, что я уже свободной и онъ желалъ бы чтобъ я остался у него служить я согласился болѣе не изъ денегъ но изъ благодарности за здѣланную имъ милость всему нашему роду: по выходѣ отъ него я узналъ дѣйствительно что всѣ и дядьи мои съ семействами получили свободу; какъ мнѣ было не согласится служить при такомъ вниманіи къ намъ помѣщика; темъ болѣе что батюшка мой оставался и дядьи мои при прежнихъ мѣстахъ или должностяхъ. Г. Хлюстинъ уѣхалъ а мнѣ нужно было еще достроить нѣкоторыя части машины продолжая оную работу; въ одно время въ самой день Варвары Христовой Мученицы тетка моя Дарья Ивановна подговорила меня ѣхать въ Илепъ къ обѣднѣ темъ болѣе что въ храмѣ былъ престольной праздникъ. Мы собрались съ ней какъ слѣдуетъ по праздничьному и уговорились что если Каплинской насъ послѣ обѣдни будетъ звать то не ходить къ нему въ домъ во отмщеніе за его бѣзнадѣжность къ намъ когда я предлагалъ руку его дочери; и въ это время дочь его Александра еще не была выдана за того человѣка которой былъ въ попыткѣ своей щастливѣй меня. Такъ и случилось, что мы отъ стоявъ обѣдню при выходѣ изъ оной были приглашены въ домъ самою Александрою Каплинскою но мы отказались отъ приглашенія ея, при всѣхъ усиленныхъ ея просьбахъ я хотя чрезъ большую силу но перемогъ не быть у нихъ въ домѣ и простившись съ сею дѣвушкою на всѣгда болѣе уже никогда не встрѣчался изъ ихъ дома ни с кемъ; весь союсъ дружбы былъ симъ послѣднимъ свиданіемъ съ семействомъ Каплинскаго прерванъ.

Окончивъ свои дѣла къ празднику Рождѣства Христова, собравшись въ путь простился я съ добрымъ управляющимъ г. Панковымъ, которой на дорогу мнѣ подарилъ серебряные часы и золотой имперіалъ полной за расположеніе мое къ нему; равно простился съ добрымъ моимъ дядею Григоріемъ и

со всеми знакомыми въ семъ селѣ. Болiе я уже не встрѣчалъ Г. Панкова онъ въ скорѣ какъ то умеръ уже не въ селѣ Красной Яругѣ а гдѣ то въ посторонемъ имѣнiи. Итакъ благополучьно я прибылъ въ Троицкое въ которомъ еще засталъ самого Г. Хлюстина; явившись къ нему и отъ давъ во всемъ отъ четъ оставался на нѣкоторое время у батюшки; потомъ видѣвъ что новой помѣщикъ сталъ имѣнiе по своему устраивать; я видѣвъ начало бѣспорядковъ первый оставилъ его имѣнiе бѣзъ его разрѣшенiя и удалился на жительство въ Калугу для преисканiя себѣ мѣста; когда Хлюстинъ о мнѣ спросилъ ему отвѣтили что я изъ Троицкаго давно удалился на жительство въ Калугу; злость Хлюстина была за таковой мой поступокъ неимовѣрна; но я уже въ полнѣ чувствовалъ себя отъ ига рабства свободнымъ вольной листъ бумаги въ моемъ карманѣ давалъ мнѣ полное право располагать по своему желанiю; присемъ можно сказать что Г. Хлюстинъ послѣ тужилъ много что сдѣлалъ насъ свободными и щастливыми но сего воротить уже было невозможно. Батюшка и всѣ протчiя еще оставались у него служить до благопрiятнаго времени; даже и Г. Вѣтровъ еще жилъ у него; я первый здѣлался вольнымъ. Отъ обладающаго своевольства въ нашемъ селѣ батюшка остался но на время; какъ тепѣрь помню что я выѣхалъ въ Калугу отъ батюшки никому изъ своихъ родныхъ не сказавъ куда я ѣду и выѣхалъ въ два часа ночи подъ самой день Космы и Домiана 1832-го года; приѣхавъ въ Калугу при восхождѣнiи солнушка, которое озарило благодатнымъ своимъ свѣтомъ послѣдней день скорби и проliяло на меня бѣзъ прiютнаго одинокаго свою теплотворною благодать; вѣсело я въѣзжалъ въ Калугу; здѣсь въ ночь какъ я ѣхалъ чудное свѣршалось в небѣ; Господь какъ бы озарялъ свѣтомъ мой путь; чудное явленiе было съ неба какъ бутто бы какъ говорится сыпалъ орѣхи такъ падали и перлетали малые звѣзды съ мѣста на мѣсто. И многiя явленiи были метеорологическiе съ неизъяснимымъ свѣтомъ и полосами съ грѣмящимъ звукомъ ниспадали съ неба въ видѣ огненнаго мѣча; было страшно таковое явленiе, при которомъ я почти въ ступилъ въ Калугу.

Осмой перiодъ моей жизни.

При первомъ въ ступленiи моемъ въ Калугу прiютъ на первой разъ мнѣ былъ готовъ у доводившагося племянника моему батюшкѣ Егора Ивановича Ненарокомова служащаго въ то время въ Калужской Казенной Палатѣ, имѣющаго чинъ Титулярнаго Совѣтника а когда я обучался грамотѣ въ Козельскѣ Г. Ненарокомовъ былъ причетникомъ при Богоявленской цѣркви. Но старшiй братъ его Василiй Ивановичь Ненарокомовъ уже и въ то время былъ чиновникомъ Казенной Палаты; темъ болiе они имѣли на службу полное право, что они были дѣти сельскаго священника. Слѣдовательно мы уже были несколько

связаны родствомъ съ людьми довольно свободными своимъ званіемъ. По дошедшимъ до меня слухамъ, что предокъ нашъ будто бы былъ вывѣзенъ изъ Польши малолѣтнымъ съ семействомъ во время польскихъ войнъ; но какъ здѣлался крепостнымъ мнѣ того неизвѣстно. Но батюшки моего родная тетка была замужемъ за какимъ то протоіереемъ Ненарокомовымъ. То слѣдовательно Г. Г. Ненарокомовы мнѣ доводились троюродные братья. И какъ они еще были въ молодыхъ лѣтахъ семинаристами то мой родитель ихъ не забывалъ чемъ только былъ въ состояніи, то помня благодѣяніи моего родителя Егоръ Ивановичь принялъ меня къ себѣ какъ роднаго на некоторое время. Въ это время уже у него жили дѣти дяди Константина, и мой меньшой братъ Александръ учившіеся въ Калужской гимназіи, и я на время до квартиры; знакомился съ нѣкоторыми лицами въ то время мнѣ нужными. Первымъ моимъ долгомъ было отъ числить себя отъ своего семейства потому что мы были въ писаны въ одной вольной съ родителемъ, я подалъ просьбу въ палату меня отъ числили отъ семейства и это мнѣ стоило дѣло до 50-ти рублей асигнаціями потомъ нужно было приписатся въ Калужское общество на это время я уже былъ знакомъ съ градцкимъ головою эта приписка мнѣ большаго труда не стоила, я былъ приписанъ въ общество, и такъ продолжая кое и гдѣ мои занятіи, довелъ меня случай попросить губѣрнскаго архитектора Г. Соколова не примутъ ли они меня къ себѣ въ помощники; тотъ былъ радъ сему случаю, началъ мнѣ давать отъ себя разные работы и порученіи, но не полагая за оные мои труды ничего; но между темъ я чрезъ оное посредство со многими познакомился купцами, началъ многія самъ работы занимать особѣнно многія меня узнали въ то время когда я достраивалъ колокольню Женъ Мироносицъ и домъ купца Богданова; но не оставляя и Г. Соколова въ это время я отъ него имелъ надзоръ за отдѣлкою дома губѣрнаторскаго, но батюшка мой уже жилъ со мной въ Калугѣ и я для него чрезъ моихъ знакомыхъ отыскалъ мѣсто у Г. Чешихина на фабрику управляющимъ съ полученіемъ жалованья годоваго по 1000 аси. перевезъ ихъ туда на жительство, съ сестрою Фишею которая еще была въ девицахъ а братишка Александръ жилъ со мной въ Калугѣ. И такъ я хлопоча о себѣ самомъ и о своихъ старикахъ, приведя все въ порядокъ, приписалъ старика съ меньшимъ его сыномъ въ мещанское общество въ г. Мещовскъ; потому я долженъ былъ за всѣмъ хлопотать что мой родитель уже отживъ молодые лѣта самъ уже не могъ о себѣ хлопотать, и темъ болiе что еще не отставалъ иногда кутнуть въ отсудствіе отъ дома. Эта самая жизнь моего родителя для меня весьма несносна, изъ опыта можетъ всякой видѣть что симъ разрушается щастіе цѣлаго семейства; но за всемъ темъ я удерживалъ и былъ уже полѣзенъ для моего семейства; въ скорѣ присватался женихъ за мою сестру Фишу служащій въ Козельскѣ Николай Нелюбовъ и мы

рѣшились выдать ее за него; такъ насъ Богъ благословилъ выдать ея хорошо, что мы большой нужды не видали при выдачѣ ея я все съ хлопоталъ что нужно было для ея; *) по выдачѣ въ замужство сестры старики мои остались одни брата мы отъ дали учится въ живописцы въ Козельскъ; я также въ Калугѣ живя одинъ кое какъ хлопоталъ о прожитіи своемъ трудился но труды мои не были такъ вознаграждаемы какъ бы слѣдовало. Въ одинъ благопріятной день Г. Соколовъ предложилъ мнѣ отправится въ деревню въ имѣніе Г. Чирикова Владимира Петровича для наблюдѣнія у Г. Чирикова за постройкою у него въ деревни дома довольно обширнаго. Я согласился на оное предложеніе; Г. Соколовъ въ 1-й разъ далъ мнѣ денегъ 70 рублей асигн. за всѣ труды мои сколько я для него трудился ибо онъ былъ на деньги скупъ а темъ болiе что они у него не водились; я собравшись въ дорогу, оставивъ квартиру за собою не думая что я могу долго пробыть у Г. Чирикова темъ болiе что самъ Г. Соколовъ можетъ занятся оною работою. Въ это же время у меня былъ ученикъ сынъ моего однодомца Захара Даниловича Барышникова, Иванъ Барышниковъ, которой преждѣ былъ ученикомъ живописи но ничего не успѣлъ въ семъ художествѣ. Нельзя сказать чтобъ я былъ въ это время образованнаго мира человѣкъ но постоянная моя жизнь многихъ привлекала ко мнѣ; къ случаю сказать можно что въ это время моей жизни въ Калугѣ предлагали мнѣ и невѣстъ, но какъ то все дѣло не клеилось въ мою пользу Богъ знаетъ почему. Оставивъ всѣхъ и всѣ мои пожитки въ Калугѣ отправился къ Г. Чирикову въ Тарускій уѣздъ въ сельцо Гурьево, чрезъ с. Ферзиково; гдѣ жилъ родной братъ Г. Чирикова Александръ Петровичъ Чириковъ къ которому было письмо у меня отъ Г. Соколова чтобъ дать мнѣ лошадей до деревни его брата; я пріѣхалъ вѣчеромъ изъ Калуги довольно поздно въ Ферзиково, но еще засталъ господъ неуженавшихъ, человѣкъ меня встрѣтилъ я отъ далъ ему письмо которое онъ подалъ своему господину, мнѣ дали въ домѣ комнату; потомъ приглашали меня к уженному своему столу я отъ сей чести отказался; темъ болiе что не знавъ совѣршенно никакихъ обычаевъ господцкихъ за ихъ столомъ, находясъ всѣгда отъ вышшаго круга въ почтительномъ положеніи, знавъ свое не знамѣнитое имя хотя я былъ и свободный человѣкъ но какъ то я всѣгда умѣлъ себя держать не зазнаваясь предъ тѣми лицами которые имѣли свое достоинство предо мною, зато меня всякой уважалъ и любилъ что я зналъ коротко свое положеніе. На утро я напившись чаю отправился въ Гурьево. Не доѣзжая онаго вѣрстъ шести встретилась на дорогѣ жена Г. Чирикова Анна Ивановна я не знавъ ихъ проѣхалъ мимо безъ остановки. Пріѣхавъ въ сумерки въ Гурьево не заставъ Г. Чирикова дома и исъ семейства его кромѣ

*) По смѣрти сестры моей остались двѣ дочери нещастливые своимъ отцомъ: 1-я Катерина 2 Клавдія.

его родной сестры Вѣры Петровны, которая оставалась дома хозяйкою. При приѣздѣ моемъ я долженъ былъ явится къ сей барышнѣ которая меня приняла въ домѣ расказавъ что братъ ея и невѣстка выѣхали въ гости недалеко; я отужинавъ вместѣ съ барышнею. Послѣ ужина мнѣ отвели въ маленькомъ флигельцѣ комнатку я расположился в оной легъ спать довольный своимъ положеніемъ на это время; утро также я провелъ съ сею доброю барышнею, и такъ я прожилъ дня три одинокій, потомъ приѣхалъ Г. Чириковъ со всемъ своимъ семействомъ я былъ ему отрекомендованъ отъ Г. Соколова какъ нельзя лучше, онъ меня чрезвычайно обласкалъ; просилъ меня занятся его постройкою дома; я принялъ на себя эту обязанность; а между темъ ожидая отъ Г. Чирикова какова либо особаго положенія нащетъ моего содѣржанія какъ было сказано въ письмѣ Соколова чтобъ дать мнѣ приличьное содѣржаніе; но Г. Чириковъ не спросивъ меня не о моемъ званій ниже о чемъ либо касавшемся до моего личьнаго имѣнованія; прямо пригласивъ меня за общій свой семейной столъ, безъ всякаго различія. Тутъ то я уже понелъ что нужно было много получить свѣцкаго образованія дабы быть принятымъ въ кругъ такова семейства; но я благодаря своей смѣтливости въ никнулъ на изученіе всѣхъ моихъ недостатковъ въ сматриваясь во всякое дѣло не спѣша и не принимая того на себя о чемъ еще совѣршенно не понималъ и тщательно замѣчая всѣ свои недостатки исправлялся какъ наивозможно въ скоромъ времени; однако всѣгда было мое желаніе скрыть личьно мое происхождѣніе собственно для того чтобъ тѣмъ не унизить себя противъ другихъ въ кругу тѣхъ лицъ съ которыми я находился рука обруку; а по наружному моему образованію и поступковъ моихъ я стоялъ выше другихъ изъ среды благородныхъ лицъ и темъ замаскировывалъ свое невинное наимѣнованіе. Г. Чириковъ въ непродолжительномъ времени меня такъ полюбилъ что я имъ въ каждомъ домѣ былъ отъ рекомендованъ съ лучшей стороны а у его въ домѣ какъ бы былъ почти его семьяниномъ; продолжая свои занятія по постройки дома, жилъ я приблагополучно въ семьѣ В. П. Еще прибавилась одна изъ барышенъ В. Иван. Мясоѣдова. При сихъ двухъ добрейшихъ Вѣр. Петр. и Варварѣ Иван. мнѣ было жить не скучьно я всѣгда ими былъ принятъ и обласканъ. Время проходило въ разныхъ постройкахъ. В. Петровичь ко мнѣ такъ былъ расположенъ что я вездѣ бывалъ съ ними въ разныхъ домахъ и принятъ всѣми безъ всякихъ различій. Въ одно время мнѣ нужно было съѣздить въ Калугу; мнѣ всѣ способы дали къ сему и Г. Чириковъ давъ мнѣ довольно денегъ такъ что я отроду столько у себя не имѣлъ. Съ правивъ въ Калугѣ что нужнаго было для меня, тутъ уже я къ Г. Соколову не пошелъ темъ боліе что уже постройка дома вся лѣжала на моей отвѣтственности; слѣдовательно я уже былъ самъ по себѣ производитель работы. По возвращеніи изъ Калугѣ въ Гурьево мнѣ

нужно было передать Вѣрѣ Петровнѣ покупки или письмы изъ Калуги мною привезенныя; при входѣ моемъ въ комнату В. П. попалась мнѣ навстрѣчу приѣзжавшая къ ней посторонняя барышня изъ дому господъ Плѣщеевыхъ. Я встрѣтивъ оною поклонившись прошелъ далiе, не обративъ особѣннаго внимания на приѣзжавшею барышню. Подалъ писмы по адрѣсу, болiе не ожидая ничего возвратился въ свои комнаты.

Чрезъ нѣсколько времяни по приѣздѣ моемъ изъ Калуги Г. Чириковъ познакомилъ меня въ домѣ съ Г. Христiановичемъ гдѣ я также встрѣтилъ Г-жу Плѣщееву съ тою барышнею встрѣтившиюся мнѣ у Вѣрѣ Петровнѣ. Посредствомъ дома Христiановича познакомился я съ Г. Плѣщеевымъ. Это семейство неподалеко имѣло свое имѣнiе отъ Гурьева вѣрсты полторы не болiе. Продолжая знакомство я нерѣдко посѣщалъ оной домъ обще съ кумою моею Варварою Ивановною Мясоѣдовою и Вѣрою Петровною, которыя въ послѣдствiи времени были ко мнѣ до чрезъ вычайности расположены. Въ домѣ Г. Плѣщеевыхъ я познакомился съ семействомъ Г. Дурновыхъ съ старшимъ братомъ Г. Дурновымъ Никитою Сергѣевичемъ и его сестрицами Аленою Серг. и Екатериною Сергѣевною, Екатерина Сергѣевна была младшея сестра; имѣла весьма шутливой характеръ. Словомъ въ какомъ бы я ни былъ домѣ меня благодаря Бога вездѣ принимали какъ семьянина.

Въ послѣдствiи времяни кума Варвара Ивановна при разговорѣ со мною предложила вопросъ мнѣ не пожелаю ли я женится на Елиза. Иван. той самой барышнѣ которою я въ стрѣтилъ въ первой разъ у Вѣрѣ Петровнѣ. Я на ея предложенiе былъ согласенъ и она приняла на себя обязанность о семъ переговорить съ Екатериною Дмитрiевною Плѣщеевою гдѣ жила Ели. Иван. Я ровно не знавъ ни рода ниже о чемъ либо когда узнавалъ о состоянiи барышни Ребровой; а щитая ея живущую у ГГ. Плѣщеевыхъ; бывалъ нерѣдко въ домѣ но мнѣ казалось всѣгда что я человѣкъ еще не готовой располагать собою а зависящей еще отъ времени и случая я хотя и былъ согласенъ съ мнѣнiемъ кумы моей но болiе желалъ неисполненiя сего. Однако кума моя перговорила о семъ съ Екат. Дмитрiевною, но какъ нужно было со стороны ихъ дать приличьное приданое Г-оже Ребровой но надѣятся оное получить только можно отъ Г. Плѣщеева но семейная жизнь Екатеринѣ Дмитрiевнѣ была незавидна то сiе и было отложено до благопрiятнаго случая; но мы всѣ не переставали быть знакомыми; нисколько каждой не былъ изъ насъ отъ даленъ симъ случаемъ. У Екатеринѣ Дмитрiевнѣ была родная ея тетка Екатерина Николаевна Байбирина которая не оставляла своей племянницы жила с нею безъ выѣздно; тоже старушка добрая но подъ часъ весьма гневливая но я успѣлъ и отъ сей старушки заслужить ея вниманiе до той стѣпени что она всѣгда меня принимала съ особѣнною енергiею вѣжливости ко мнѣ.

Но между темъ женился да не я; а Г. Дурновъ предложилъ руку Вѣрѣ Петровнѣ Чириковой и дѣло было улажено почти чрезъ посрѣдничество мое; въ послѣдствіи я буду еще о семъ семействѣ говорить въ предыдущей моей жизни. Этотъ случай былъ уже кажется въ 1834-мъ году вначалѣ было Святокъ.

Между темъ временемъ я болiе и болiе знакомился съ домами разныхъ помѣщиковъ чрезъ Г. Чирикова; работы болiе и болiе для меня стало находится, но у Г. Чирикова домъ совѣршенно не былъ мною оконченъ собственно потому что Г. Чириковъ остановилъ отъ дѣлку дома по неимѣнiю наличьныхъ денегъ; я разочтясъ добросовѣстно съ Владимеромъ Петровичемъ получивъ отъ него за труды мои причитающiюся сумму денегъ благополучьно отправясь въ Калугу но с тѣмъ что, когда я буду нуженъ по постройки дома Г. Чирикову то не оставлять его моими совѣтами; я распростившись съ добрыми всѣми моими знакомыми и доброю моею кумою и Вѣрою Петровною выѣхалъ изъ сельца Гурьева съ полною надѣждою что еще когда либо побываю въ семъ благородномъ домѣ и колыбѣли возрождѣнiя во мнѣ благородныхъ чувствъ; здѣсь я почерпнулъ практическое образованiе въ обращенiи съ благородными лицами, и мысль достигнуть мнѣ самому на степѣнь заслугъ; но дѣло трудное для человѣка добрался изъ низшаго происхождѣнiя. Но на все есть воля Всемогущаго нашего Бога; отъ сего дома здѣлалось мое желанiе непреодолимымъ какъ бы поступить въ государственною службу; но средство неодолимо и препятствiе къ сему непреоборимо. Одна моя надѣжда на Бога и на расположенiе добрыхъ моихъ знакомыхъ. Нужно было только приступить къ дѣлу узнавъ источьникъ изъ котораго только можно бы было почерпнуть начало.

Девятой перiодъ моей жизни.

По оставленiи сельца Гурьева прибылъ я въ Калугу, занялся своими дѣлами, по квартирѣ привелъ все въ порядокъ, сталъ заниматся частными постройками для снисканiя себѣ продовольствiя; хотя таковыхъ у меня и немного было занятiй, но я имѣлъ по крайней мѣрѣ бѣзбѣдное содѣржаніе для себя; въ это время Филипъ Ивановичь Христiановичь въ Калугѣ занималъ мѣсто прокурора; я къ нимъ хотя изрѣдка но хаживалъ. Ему понадобилась небольшая передѣлка въ квартирѣ его онъ мнѣ поручилъ оною издѣлать я оное порученiе его исполнилъ онъ остался мною доволенъ. Въ это время приѣхалъ ко мнѣ дядя Гавр. Васил. Онъ былъ еще въ Москвѣ знакомъ съ Г. Христiановичемъ, по дѣламъ бумажнымъ. Въ одинъ день мы были с нимъ вместѣ у Г. Христiановича; чрезъ знакомство и расположенiе къ моему дядѣ Г. Христiановичь болiе еще здѣлался ко мнѣ расположеннымъ. Въ послѣдствiи времени я объяснилъ Ф. Иван. мое намѣренiе поступить на службу; онъ по добротѣ души своей принялъ участiе во мнѣ; но мнѣ нужно было имѣть преждѣ всего увольн-

нительное свидѣтельство отъ градцкаго общества; я прибѣгнулъ о семъ съ моею просьбою къ градцкому главѣ Ивану Ивановичу Зюзину для котораго я занимался постройкою Одигитріевской цѣркви; для меня сіе увольненіе труда большаго не составило; Иванъ Ивановичь при подачѣ мною ему просьбы сдѣлалъ разпоряженіе уволить меня и освободить отъ всякаго денежнаго взноса в общество. Въ непродолжительномъ времени я получилъ отъ думы увольнительное свидѣтельство, для другихъ это стоило бы таковое свидѣтельство получить не мѣніе 300 р.

Выхлопотавъ увольнительное свидѣтельство, нужно еще было къ сему изъ хлопотать изъ духовной консисторіи метрическое свидѣтельство о рождѣніи и крещеніи моемъ. Тутъ также я нашелъ себѣ благодѣтеля протоіерея Алексѣя Ивановича Броліантова, которой былъ родной съ Егоромъ Ивановичемъ Ненарокомовымъ. И тутъ я не имѣлъ большихъ хлопотъ получить оное свидѣтельство, чрезъ сего моего благодѣтеля Але. Ива. Бро. коему я былъ въ жизни моей много обязанъ и въ послѣдствіи времени онъ былъ и духовнымъ моимъ отцомъ. Собравъ всѣ нужные бумаги явился я съ оными къ Г. Христіановичу. Во время бытности моей у его, пріѣхалъ къ нимъ съ визитомъ старичекъ благовидной наружности. Я не имѣлъ чести знать его преждѣ сего кто онъ и какую занимаетъ должность въ Г. Калугѣ. Послѣ обычныхъ вѣжливостей Г. Христіановичь обратился къ нимъ съ словомъ: вотъ Семенъ Ивановичь тотъ молодой человѣкъ о которомъ я васъ просилъ. Почтѣннейшій С. Ива. спросилъ меня не могу ли я занять должность приходцкаго учителя, я отвѣчалъ что таковой должности я занять не могу но при уѣздномъ какомъ либо училище могу занять должность учителя рисованія. На это онъ сказалъ темъ лучше а мнѣ нуженъ такой учитель въ Г. Боровскъ. Я благодарилъ ихъ за милостивое ко мнѣ вниманіе; послѣ сего свиданія онъ приказалъ мнѣ явится къ нему съ бумагами какія у меня есть. Теперь я узналъ сего почтѣннѣйшаго человѣка кто онъ такой былъ: это былъ Г. Директоръ Калужской Гимназіи Семенъ Ивановичь Яновской; въ послѣдствіи времени онъ боліе для меня здѣлалъ нежели чемъ я могъ имъ заслужить.

1835-й годъ.

До настоящаго узнанія Г. Директора я уже былъ знакомъ съ Г. Садовскимъ Г. А. И. Хоботовымъ и Петромъ Осиповичемъ. Когда я явился съ моими бумагами къ Г. Директору онъ принялъ отъ меня бумаги, и мнѣ сказалъ что они меня пошлютъ исправляющимъ должность учителя рисованія въ Г. Боровскъ безъ экзамена, а въ послѣдствіи времени я долженъ буду выдержать экзаменъ то есть нарисовать нѣсколько картинъ въ присудствіи Совѣта Гимназіи; что мнѣ и было необходимо для поправленія себя въ рисованіи ибо я

тутъ уже эту часть могъ и призабыть ибо я оставилъ ея какъ ненужную часть для меня: а теперь нужно было онымъ несколько и занятся; когда положено было такъ поступить то Г. Директоръ призвавъ писмоводителя Гимназіи Г. Немѣшаева приказалъ ему изготовить бумагу для отъ правленія моего въ Г. Боровскъ. При семъ мнѣ Г. Директоръ далъ всѣ нужные наставленіи по части учительской. Я благодарилъ ихъ за принятое ихъ участіе въ моемъ положеніи; отъ нихъ пошелъ я въ канцелярію и получилъ бумагу на имя Боровскаго Штатнаго Смотрителя Рихтера. Это было въ 1835-мъ году 5-го Мая. Хотя я былъ назначенъ и исправляющимъ должность учителя рисованія, но уже первой шагъ къ службѣ былъ сдѣланъ; а далiе зависело отъ воли Божіей. При полученіи бумагъ я пригласилъ къ себѣ въ квартиру добрыхъ моихъ друзей, Хоботова, Садовскаго, Немѣшаева и Петра Осипов. При семъ радостномъ для меня случаѣ выпилъ я съ друзьями бутылку горскаго *) хорошаго они поздравили меня со вступленіемъ на службу царскою. Я выпилъ за здоровье ихъ добрыхъ моихъ сотрудниковъ въ дѣлѣ моемъ и распростился съ ними какъ съ моими будущеми товарищами.

1835-й годъ.
Десятой періодъ моей жизни и вступленіе на службу учителя рисованія въ училище Г. Боровска.

При отъѣздѣ моемъ въ городъ Боровскъ простился я съ моими родителями которые остались покойными при фабрикѣ Чешихина; когда я пріѣхалъ въ Боровскъ былъ дѣнь воскресной слѣдовательно отъ класовъ для учителей былъ день свободный. Когда мнѣ нужно было явится къ штатному смотрителю училищъ; въ то время завѣдовалъ оными нѣкто Александръ Александровичь Рихтеръ—онъ занималъ квартиру въ домѣ училища. Первой мнѣ попалъ навстрѣчу будущей мой товарищь учитель математики Родіонъ Романовичь Лавровъ которой въ вѣлъ меня въ квартиру Рихтера и отърекомендовалъ меня ему какъ будущаго товарища. Г. Рихтеръ меня принялъ очень ласково; тѣмъ болiе что этотъ человѣкъ былъ отъ природы добръ до неимовѣрности и любилъ всѣхъ своихъ подчиненныхъ до высшей степѣни; онъ въ послѣдствіи времени былъ намъ ни начальникомъ но прекраснымъ товарищемъ. Я о немъ еще много буду говорить въ предъидущихъ статьяхъ моей жизни.

Мнѣ отвѣли квартиру въ домѣ занимаемомъ училищемъ. Темъ болiе что ограниченное жалованье учителю рисованія по штату состояло и 200 рублей

*) Когда я взялъ бутылку вина онаго раскупривать то здѣлался довольно замѣчательной случай, бутылку у меня розорвало въ рукахъ, такъ что отъ оной вѣрхнія ея часть упала изъ рукъ на полъ до четверти бутылки.

асигнаціями то слѣдовательно я долженъ былъ изыскивать какой либо способъ къ содѣржанію себя. Задача была немаловажная. Хотя я имѣлъ тутъ уже немного при себѣ но вѣлики ли мои были деньги которыми я долженъ былъ себя содѣржать. Г. Рихтеръ и его супруга Прасковь Фроловна тоже была женьщина добрая и некорыстолюбивая согласились меня принять къ себѣ на хлебы за ту сумму которою я получалъ по службѣ, слѣдовательно а о протчемъ я долженъ былъ самъ заботится ибо мнѣ отъ жалованья не оставалось уже ни однаго гроша. Въ скорѣ на мои недостатки Богъ послалъ открылись постройки у Г. Чирикова въ с. Ферзиковѣ; потомъ въ селѣ Бобыляхъ приглашенъ былъ я строить цѣрковь, вотъ на мое щастіе и пошла лишнія копѣичька ко мнѣ переваливатся. На нужды мои глядя Г. Рихтеръ давалъ мнѣ некоторою свободу отъ должности моей отлучатся. И такъ я проживъ въ Боровскѣ съ годъ благополучьно, со всеми лучшими домами въ Боровскѣ и внѣ онаго я былъ знакомъ и изъ товарищей моихъ я былъ принимаемъ лучше всѣхъ. Слѣдовательно мнѣ было и не в тягость себя содѣржать. Въ это время былъ въ Боровскѣ Г. Городничій полковникъ князь Тимофей Мартыновичь Гинглядъ которой имѣлъ семейство прекрасное и былъ благороднейшій души человѣкъ. Я и товарищь мой, учитель Петръ Васильевъ Подвязниковъ со мной всѣгда былъ вместѣ у князя. Едва ли проходилъ одинъ день чтобы мы не были у князя за свои. Но имея таковое знакомство приимущественно противъ товарищей мнѣ было жить спустя рукава.

Близъ Боровска жилъ богатой купецъ фабрикантъ какихъ мало въ Россіи Гаврила Алексѣевичь Занѣгинъ, которой имѣлъ сына Владимира Гавр. Этотъ молодой человѣкъ какъ и его батюшка былъ доброй души и я съ нимъ сошелся очень хорошо, также его батюшка меня полюбилъ и я много время с ними дѣлилъ а особенно съ Владимеромъ очень нѣредко время вѣсело проводили еще нашъ былъ милой товарищь Иванъ Ѳедоровичь Санинъ; я сихъ моихъ друзей не долженъ никогда забыть темъ болiе что время много протекло между нашимъ знакомствомъ но мы не имѣли между собою ни одной непріятности которая могла бы повѣсти къ разрыву нашей общей дружбы конечьно теперь время все уже изъ глаживаетъ изъ памяти что въ то время къ увѣселенію нашему могло служить и связь дружбы нашей была неограниченна до самаго моего отъ бытія изъ Боровска. Провождая время такимъ образомъ жизнь нечувствительно время протекало; при одномъ случіи былъ я вовлеченъ невольно въ сватовство. Въ далекой сторонѣ отъ Боровска въ Мосальскомъ уѣздѣ въ селѣ Понизовѣ предложили мнѣ въ невѣсты дочь управляющаго. Нужно мнѣ было туда проѣхать и посмотрѣть оную невѣсту; собиратся мнѣ долго было нечего, нанявъ пару лошадей взявъ рекомендательное письмо отъ Троицкаго священника отца Владимира къ священнику се: Понизова отъ пра-

вился я въ путь; но время было блиское къ распутицѣ весенней, дорога была къ поѣздкѣ весьма опасная но я решился ѣхать; много было препятствій въ дорогѣ отъ разлитія рѣчикъ небольшихъ, въ одной изъ оныхъ дѣйствительно чуть чуть не утонулъ но какъ я равно и кучеръ мой въ своемъ лѣгкомъ экипажѣ то есть въ розвальняхъ быстро пернеслись на своихъ лошадкахъ и Богъ спасъ насъ отъ погибѣли; пріѣхавъ въ Понизово отыскавъ священника явясь къ нему съ моимъ рекомендательнымъ письмомъ, которой очень радъ былъ моему пріѣзду; познакомившись съ его семействомъ на короткѣ. Темъ началось наше дѣло, что дали знать отцу невѣсты, что я пріѣхалъ, наутро пригласили насъ къ чаю мы явились съ отцомъ Михаиломъ въ домъ какъ съ сватомъ. Отецъ Михаилъ меня отрекомендовалъ отцу невѣсты меня приняли очень ласково, но мать невѣсты въ это время была очень нездорова и я ее очень мало видѣлъ; отецъ невѣсты былъ уже довольно пожилыхъ лѣтъ старикъ былъ съ разсудкомъ здравымъ. Со стороны отца Михаила было сказано зачемъ я пріѣхалъ при разговорѣ о делѣ время шло недолго; невѣста вышла къ намъ въ залу, по обоюдной рекомѣндаціи, дѣло ладилось въ хорошую сторону; невѣста была одѣта въ лучьшее платье имѣла видъ неглупой дѣвушки; въ разговорѣ очень вѣжливая; лицемъ очень пріятная средняго роста, волосы головы были свѣтлорусые; довольно занимательную имѣла наружность, и образованіе въ семейномъ быту получила хорошей хозяйки, какъ это видно было изъ ея домашнихъ распоряженій; мы были приглашены обѣдать, къ обѣду были еще нѣкоторыя лицы позваны; я не теряя времѣни заботился объ кончаніи между нами разныхъ условій; дѣло было улажено во всѣхъ отношеніяхъ но за болѣзнею матери невѣсты было отложено до благопріятнаго случая; тѣмъ наши переговоры и окончелись; условелись только вѣсти переписку о совѣршенномъ окончаніи; пообѣдавъ обще довольно сытно повѣселясь нащетъ другихъ и себя. При окончаніи вѣчерьняго чая я долженъ былъ съ добрымъ хозяиномъ простится и съ милою Людмилою Ивановною и со всѣми тутъ бывшими я отъ кланився всемъ имъ и за порогъ долженъ былъ вынѣсти полною надѣжду что когда время приблизится то этотъ домъ долженъ еще буду посетить. Съ полною увѣренностію я возвращался въ г. Боровскъ, что моя учесть должна быть скоро рѣшена. Простившись съ отцомъ Михаиломъ болѣе того какъ с другомъ отъ правился обратно при дурной погодѣ въ г. Боровскъ. Эта возвратная дорога много мнѣ сдѣлала труда добрался до Боровска. Проѣздной путь такъ сдѣлался дуренъ что я эдва могъ добрался до Боровска и то много просрочивъ времени моего отпуска: но по добротѣ своей Г. Рихтеръ не здѣлавъ мнѣ даже за оное и своего замѣчанія. Далѣе происходила переписка между мною и отца невѣсты и продолжалась кажется до трехъ мѣсяцовъ. Я видѣвъ ихъ какое то отъ клоненіе отъ условій нашихъ; наконецъ

прекратилъ совѣршенно съ ними переписку и темъ успокоилъ себя нащетъ себя и еще совѣршено самъ не знавъ буду ли я продолжать начатую мною службу или нѣтъ по тому случаю, что мнѣ нужно было для утверждѣнія въ званіи учителя рисованія приготовить рисунки въ Академію для полученія диплома на званіе учителя. Въ скорѣ была получена бумага Г. Рихтеромъ чтобъ я представилъ или явился въ Калужскою Гимназію для рисованія фигуръ на представленіе Академіи. Я явился въ Гимназію тамъ дали аригиналы для рисованія, чтобы я оными занялся; но учитель рисованія въ Гимназіи былъ мнѣ знакомой человѣкъ Петръ Ѳедоровичь Рѣшетниковъ выдавъ мнѣ аригиналы съ тѣмъ чтобъ я оные нарисовалъ въ Боровскѣ и прислалъ бы оные свои рисунки въ Гимназію темъ облегчилъ мой трудъ а болiе того сдѣлавъ онымъ мнѣ большую розвязь. Въ это время я только что опять самъ навыкалъ рисовать съ моими учениками. Присемъ можно сказать что Г. Рихтеръ былъ весьма свѣдущь въ рисованіи онъ мнѣ много содѣйствовалъ своими показаніями въ рисункахъ. Темъ болiе для меня было трудное выполненіе оныхъ рисунковъ, что я не зналъ мѣтоды Академической какъ должны быть исполнены рисунки: но благодаря моей смѣтливости я выполнилъ оные очень отчетливо, по окончаніи оныхъ Г. Рихтеръ представилъ оные къ Г. Директору, которые я самъ и доставилъ къ нему съ надлежащимъ засвидѣтельствованіемъ какое нужно было исполнить разными лицами: самая трудная мнѣ была задача въ томъ что эти свидѣтельствующіи лицы не всѣгда безъ приложеній другихъ видовъ не исполняютъ въ точьности своей обязанности.

Сдавъ я свои рисунки возвратился въ Г. Боровскъ для своихъ занятій; много кратно Г. Директоръ посещалъ Боровское училище и всѣгда оставался довольнымъ моими занятіями съ учениками.

По прошествіи онаго времени въ 1837 году уже получена была бумага чтобъ мнѣ явится въ Москву въ школу рисованія Графа Строгонова, которой въ это время управлялъ Московскимъ Учебнымъ Округомъ; то слѣдственно онъ имѣлъ право распоряжать нами по желанію своему; въ исполненіи сего требованія я не замѣдлилъ своими зборами изъ Боровска; какъ теперь это помню что была Сырная недѣля то я проводивъ первые дни оной недѣли въ Боровскѣ на послѣднихъ дняхъ собравшись въ путь нанялъ пару лошадей съ проводникомъ до Москвы написавъ къ своимъ роднымъ что я ѣду въ Москву. Простившись съ моимъ добрымъ начальникомъ Александромъ Александровичемъ Рихтеромъ и съ добрыми моими товарищами и друзьями выѣхалъ изъ Боровска оставивъ сей градъ мнѣ благодѣтельствующій темъ болiе я былъ тронутъ что многія приняли участіе въ провожаніи меня бывшій протоіерей Сергѣй Алексѣевичь онъ и учитель Закона Божія съ которымъ я былъ въ весьма хорошихъ отношеніяхъ просто онъ меня любилъ какъ сына, онъ благо-

словилъ меня на сей путь; къ большой моей признательности за доброе гостепріимство и радушіе Г.Г-мъ Боровичамъ должною надобно отъ дать справѣдливость и благодарность. Распростившись съ добрыми друзьями, унесла меня изъ объятій ихъ парочька лошадокъ по Московской дорогѣ. Это было въ 1837 Февр.

Одинадцатой періодъ моей жизни.
Въ ступленіе въ Москву въ школу Графа Строгонова.

По прибытіи моемъ въ Москву я остановился на подворьи въ тѣсномъ номеркѣ, по данной мнѣ бумаги на имя Графа Строганова: я долженъ былъ явится по надписи пакета личьно къ Графу. Но тутъ была весьма моя и Г. Рихтера ошибка; когда я отыскавъ квартиру Графа, мнѣ нужно бы явится въ его канцелярію но я не былъ въ этомъ предупрежденъ со стороны Рихтера; я явился прямо въ квартиру Графа по докладу Графу его швейцаромъ о приходѣ моемъ, былъ я позванъ личьно къ Графу въ кабинѣтъ, занимаемой имъ во второмъ этажѣ дома. Швейцаромъ я былъ введенъ приемною комнату Графа состоящею предъ его кабинѣтомъ гдѣ швейцаромъ и былъ оставленъ въ оной комнатѣ; по всему дому царствовала великая тишина; долго я ожидалъ выхода Графа изъ кабинѣта; но мѣжду темъ былъ во мнѣ невольной страхъ предъ стать предъ такаго знамѣнитаго особу а боліе тѣмъ, что я былъ не такъ свѣдущь еще по служебной части. Наконецъ слышу въ кабинетѣ тихія шаги подъ ходящія къ двѣри кабинѣта, и дверь предо мною отворилась въ оной показался самъ Графъ въ формѣнномъ сертукѣ и съ густыми генеральскими эполетами на плечахъ. Позвавъ тихо меня къ себѣ въ кабинѣтъ, спросилъ кто я принелъ отъ меня конвертъ и при этомъ сказалъ мнѣ что я не туда зашелъ но я зналъ дѣйствительно что это самой Графъ я объяснилъ ему что мнѣ было приказано прямо явится къ нимъ. Графъ видѣвъ мое замѣшательство что онъ меня своими словами слишкомъ сконфузилъ; потомъ ободривъ меня тѣмъ, чтобъ я явился въ завтрашней день въ школу о которой самъ расказалъ мнѣ гдѣ оною найтти; я отъ кланелся Графу и возвратился изъ сего дома какъ будто необитаемаго никѣмъ имѣнно; у Графа въ домѣ нѣтъ той толкотни въ лакѣяхъ какъ это водится у нашихъ бояръ у него же въ домѣ одинъ швейцаръ многихъ слугъ замѣняетъ.

По назначенію или приказанію Графа въ недѣлю поста я явился въ школу, состоящею у Красныхъ воротъ въ домѣ братьевъ Бутеноповъ; къ директору школы Г. Дитриху, которой уже былъ предъ уведомленъ изъ канцеляріи Графа, что учителя являющіися въ школу были бъ имъ принимаемы; когда явился въ школу уже нашолъ въ оной многихъ учителей изъ Калужской Губѣрніи и протчихъ губѣрній; Г. Дитрихъ сдѣлавъ распоряженіе по школѣ для занятій

учительскихъ; была отведѣна отъ дѣльная зала отъ ученическихъ залъ, куда и я былъ въ веденъ Г. Дитрихомъ. При первомъ началѣ выдали мнѣ рисунокъ съ котораго должно было снять копію въ видѣ пробы моего искусства въ рисованіи которая фигура служила указаніемъ успѣховъ по пробытіи годичьнаго срока въ школѣ; при посрѣдствіи професора Г. Сухихъ; по вступленіи въ школу большею заботою мнѣ и товарищамъ моимъ приискать квартиру со столомъ. Темъ боліе было намъ труда что наше жалованье не допущало къ роскоши. Мы тутъ стали получать жалованья вмѣсто двухъ сотъ рублей асигнаціями 500-ть асигнаціями которое намъ высылалось изъ училища того отъ котораго кто былъ командированъ; и мы оное получали съ большимъ затрудненіемъ, темъ боліе что Г.Г. штатные смотрители не заботелись высылать онаго въ свое время; а мы должны были чрезъ нихъ терпеть большія нужды: чрезъ что мы и не могли имѣть хорошаго стола и хорошей квартиры. Хотя канцелярія Графа о скорейшей высылкѣ денегъ и подъ тверждала Г.Г. штатнымъ смотрителямъ но они всѣгда опаздывали высылкою оныхъ денегъ и мы чрезъ то имѣли большую въ деньгахъ нужду, но я былъ богатіе моихъ товарищей имъ иногда помогалъ въ нуждахъ. Попривыкнувъ немного къ школьной жизни мы трудились всякъ для себя подъ надзоромъ Г. Дитриха и професора Г. Сухихъ; Г. Сухихъ былъ для насъ очень снисходителенъ во всехъ отношеніяхъ но Г. Дитрихъ какъ французъ обращался с нами ни какъ съ учителями а почти какъ съ учениками и его наглое обхожденіе нѣкоторые учители противъ его востали онъ на ихъ поступки жаловался Графу и Графъ пріѣхалъ къ намъ въ школу разобравъ дѣло и вызвавъ къ себѣ въ квартиру Г. Дитриха внушилъ ему Дитриху что мы не ученики школы, а учителя и каждой уже изъ насъ имѣлъ мѣсто положительное. Съ сего времени Г. Дитрихъ сталъ с нами обращатся вѣжливей и мы также съ своей стороны были готовы платить за вѣжливость вѣжливостію и у насъ въ залѣ нашего класса водворились миръ и тишина, самъ Графъ посещалъ свою школу нередко съ каждымъ пріѣздомъ былъ довольней нашими рисунками и благодарилъ насъ за успѣхи: тутъ я многихъ лицъ встречалъ довольно знаменитыхъ посещавшихъ школу изъ любопытства. Тутъ я видѣлъ знаменитаго человѣка своимъ просвѣщеніемъ министра Сергѣя Семеновича Уварова которой былъ весьма доволенъ заведѣніемъ. Чрезъ несколько дней во время нашихъ занятій пріѣхалъ помощникъ Графа Дмит. Павлов. Голохвастовъ съ Евграф. Дмитр. Тюринымъ, которой меня тутъ узналъ и рекомендовалъ Г. Голохвастову что былъ я его ученикъ, а мнѣ позволилъ при свободномъ случаѣ прійтти къ нимъ даже чтобъ я чаще къ нимъ ходилъ. Во время посещенія Москвы въ 1837 году около Августа или въ Августѣ мѣсяцѣ Государемъ Ник. Павлов. съ Наслѣдникомъ Его Высоч. Александромъ Николаевичемъ, по просьбѣ Графа Строго: Наслѣдникъ осчаст-

ливилъ своимъ посещеніемъ школу въ сопровождѣніи Г. Жуковскаго Графа Бѣкендорфа и своего флигель адьютанта; Графъ ихъ встрѣтилъ у подъѣзда какъ хозяинъ школы и въ велъ Его Высочество Наслѣдника въ первою нашу залу. При входѣ Его Высочества мы всѣ были при своихъ занятіяхъ только никто не занимался а ожидали входа; когда взошелъ Его Высочество мы отъ дали всѣ поклонъ на привѣтное его слово здрастуйтѣ, потомъ Графъ передалъ Его Высочеству, что мы учителя собраны для узнанія методы преподаванія въ рисованіи и эдинообразнаго способа въ семъ искуствѣ. По выслушаніи онаго, Его Высочество осматривалъ у некоторыхъ рисунки, и я не лишенъ былъ сего щастія я въ это время дѣлалъ архитектурною перспѣктиву которая уже почти подходила къ окончанію. Это его заняло что между рисовальщиками дѣлается архитектурной рисунокъ. Спросивъ Графа по француски, что должно быть изъ архитекторовъ; при осмотре рисунка Его Высочество одобривъ оной спросилъ меня изъ которой я губѣрніи; отвѣтъ мой былъ, что Калужской губѣрніи. По осмотрѣ всего достойнаго вниманія въ нашей залѣ Его Высочество выходя изъ нашей залы изволили остановится при двѣряхъ и мы услышали изъ устные его слова что Его Высочество очень доволенъ нашими занятіями и что мы посвятили себя для службы полезной для отечества и о семъ не проминетъ довѣсти Его Императорскому Величеству всемилостивейшему нашему Государю, поблагодаривъ насъ изволилъ выйтти изъ нашей залы въ залы учениковъ; по осмотрѣ всего заведѣнія Его Высочество изволили оставить школу и ощастливленныхъ насъ своимъ отеческимъ привѣтомъ.

Послѣ посещенія школы Его Высочествомъ въ оной не произошло ничего достопримѣчательнаго. Наступленіе зимы болѣе насъ заставило заниматся своимъ дѣломъ, что каждому изъ насъ приближался срокъ выпуска изъ школы; между товарищами водворились миръ и тишина а Г. Дитрихъ менѣе сталъ преслѣдовать. Въ теченіи Ноября месяца или раніе въ одно время нечаянно появившейся въ школѣ Госпожи Плещеевой человѣкъ спрашивалъ меня. Въ это время я былъ въ залѣ учениковъ, когда я вышелъ къ нему..... что его госпожа въ Москвѣ и желаетъ чтобъ я видѣлся с ними, или пришелъ бы къ нимъ въ домъ. Сама Г. Плещеева приѣзжала въ школу съ дѣвицею Е. И. собственно узнать что я въ Москвѣ ли или нѣтъ уже меня в оной; я человѣку сказалъ что я буду у нихъ въ домѣ какъ только мнѣ свободно будетъ. По прошествіи нѣкотораго времени я былъ въ домѣ Г-же Плѣщеевой; въ стретивъ тамъ Г. Дурновыхъ Алену Сергѣевну и Екатерину Сер. которыя такъ же меня пригласили къ себѣ въ домъ. Темъ болѣе я имѣя въ виду то что урожденная Чирикова Вѣра Петровна была въ ихъ семействѣ. И такъ мнѣ было пріятно имѣть сіи два дома въ своемъ знакомствѣ ибо я имея такое знакомство съ лучьшими домами изъ круга моихъ знакомыхъ навѣщая очень нѣредко въ

послѣдствіи времени я принятъ былъ в оныхъ за наилучшаго знакомаго. Тоже много кратно посещалъ нередко добраго моего учителя Евграфа Д. Г. Тюрина которой меня уже принималъ ни какъ ученика бѣднаго но съ собственнымъ своимъ радушіемъ. Темъ я себя и утѣшалъ въ тесномъ моемъ жилище что Господь для меня милосердъ наградилъ меня такими лицами не по заслугамъ моимъ.

Во время наступленія праздника Рождества Христова мы на некоторые дни были освобождены отъ школьныхъ нашихъ занятій. Воспользовавшись оными свободными днями я посвятилъ оные для посещенія моихъ знакомыхъ, въ одинъ вѣчеръ я отъ правился на Арбатъ въ домъ Г. Г. Дурновыхъ, въ коемъ заставъ всѣхъ дома; при началѣ вѣчерняго чая много шутили о женихахъ и невѣстахъ, между сего живаго и веселаго разговора именно Ек. Сер. въ другъ обратилась ко мнѣ с вопросомъ: что вы Петръ Ивановичь не женитесь; въ отвѣтъ отъ меня на ея вопросъ было сказано ей ищитѣ невѣсту, она мнѣ сказала что далеко искать вотъ вамъ невѣста Елизавета Ивановна что у Екат. Дм. Плещеевой. Я съ моей стороны хотя зналъ эту дѣвушку но не зналъ ея ниже что либо она имѣла за собою, но только я зналъ, что оная Ел. Ив. прекрасная дѣвушка но болiе ничего; шутя сказалъ я согласенъ взять Ел. Ив. чтобы они были свахою сами; на это я получилъ отъ Екат. Сер. согласiе только сказала что я завтри съ сестрою Екат. Дм. увижусь и поговорю об ономъ, и такъ условились чтобъ мнѣ въ вѣчеру опять у нихъ быть и пить чай а между темъ и отвѣтъ готовъ нащетъ сватовства; въ этотъ вѣчеръ я съ симъ добрымъ семействомъ простился до свиданія будущаго вѣчера. При наступленіи дня меня очень интересовало узнать, что будетъ сказано мнѣ въ вѣчернiе время въ домѣ Г. Дурновыхъ. При приходѣ моемъ къ нимъ въ домъ въ вѣчернiе время встретели меня всѣ съ восхищеніемъ и дали мнѣ наставленіе чтобъ я здѣлалъ вѣжливость поѣхалъ бы утромъ къ Г-же Плѣщеевой и попросилъ бы у нея руки девицѣ Елизав. Иван. темъ болiе нужно мнѣ было оное исполнить, что моя нынѣ Лиза у ней почти воспиталась; я простился съ моими добрыми знакомыми; отъ правился въ свою квартиру; на утро безъ большихъ зборовъ и разсуждѣній поѣхалъ я въ домъ Г. Плещеевой которая въ это время жила на Пятницкой улицѣ въ приходѣ Успѣнія что въ Казачьемъ за Москвою рѣкою. Приѣхавши въ домъ минута была критическая въ моемъ состояніи и положеніи всѣхъ дѣлъ; хотя я имѣлъ уже довольно и разсудка но невольно въ эти минуты человѣка постигаетъ какое то недоумѣніе и теряется человѣкъ въ несвязныхъ своихъ выраженіяхъ; но дѣло было одного мгновенія и мнѣ въ рукѣ Елизав. Иван. было не отказано отъ Г-жи Плещеевой равно получено было и слово отъ моей невѣсты; желаніе было исполнено давнишніе запавшее въ сердцѣ Г-жи Плещеевой которая желала чтобъ я былъ женатъ на ея любимой Елиза-

ветѣ Ивановнѣ, слѣдовательно мнѣ и думать было нечего об отказѣ со стороны ихъ. Слѣдовательно было и отъ кладовать нечего слишкомъ далеко окончательное образованіе или первою помолвку. Въ скорѣ послѣдовало и оное. Я преждѣ сего не разсудя о своемъ карманѣ или финансахъ которыхъ у меня очень ограниченное число оныхъ для такого важнаго дѣла, когда уже пиво было заварено то нужно было оное и окончить; я написалъ къ моему батюшкѣ о всемъ происшедшемъ со мною попросилъ ихъ благословѣніе на сей бракъ въ которомъ онѣ мнѣ не отказали, и въ прозьбѣ моей той что мнѣ были нужны деньги они мнѣ и оныхъ прислали 200 руб. асигнаціями. Да Г. Чириковъ прислалъ 50 рублей; слѣдовательно я исправился деньжонками сдѣлавъ на оные коя какія приличьные хотя немношко платья.

Положительно было соглашено день нашего образованія; которой день былъ назначенъ для онаго исполненія самый новый годъ 1838-го года по вѣчеру, съ приглашеніемъ родныхъ со стороны невѣсты у которой была матушка и братъ родной моей невѣсты, которыхъ я до сего дня не имѣлъ чести знать; но при семъ вечерѣ я былъ всемъ отъ рекомендованъ роднымъ и знакомымъ со стороны невѣсты; но я былъ одинокъ во всехъ случахъ моего щастія мои родные были далеко отъ Москвы. Пригласивъ въ домъ священника изъ Успѣнской цѣркви отца Ивана которой по чину православной цѣркви насъ благословилъ; также мы приняли благословѣніе святыми иконами отъ мамаши моей невѣсты и ея брата Павла Ивановича икону Благовѣщенія а отъ Екатеринѣ Дмитріевны святую икону Взысканія Погибшихъ принявъ благословѣніе, по долгу дружбы и родства я былъ не одинокъ темъ боліе что меня всѣ знали уже и любили. Родные невѣсты моей хотя были не въ большомъ количествѣ но добрые люди, приданое будущей жены моей состояло въ нужно самомъ необходимомъ да с моей стороны много онаго и не требовалось я надеясь на милость Божію думалъ только о томъ что мнѣ былъ совѣтъ доброй жены, въ чемъ я кажется и не ошибся; по совѣршеніи всего добраго и христіанскаго на первой разъ обряда, мы мирно провѣли вѣчеръ новаго года. Потомъ я заботился далiе о нужномъ написалъ къ моему дядюшкѣ чтобъ онъ прислалъ мнѣ денегъ сто рублей стало быть я уже щиталъ себя обѣспеченнымъ съ своей стороны. День свадьбы моей положенъ былъ какъ кто управится; свадьба моя щиталась на щетъ Г-жи Плещеевой темъ боліе что у меня за оною хлопотать было некому; по совѣршеніи всего нужно личьно просить Графа Строгонова о дозволеніи на бракъ; рѣшившись оное исполнить я не затруднился просьбою по ходатайству моего благодѣтеля бывшаго правителемъ канцеляріи Ивана Павловича Фаворскаго, которой доложилъ Графу о нуждѣ моей. Графъ чрезъ него приказалъ мнѣ личьно явится къ себѣ я явился къ Графу, которой боліе изъ шутокъ не разрѣшалъ на сей бракъ, потомъ поговоривъ со мной непродолжи-

тельное время приказалъ итти мнѣ въ канцелярію и просить Г. Фаворскаго чтобъ приказалъ написать свидѣтельство и принести оное какъ будетъ готово для подписи къ Графу; это было исполнено такъ скоро что я чрезъ часъ получилъ свидѣтельство подписанное самимъ Графомъ. А это было уже наканунѣ дня брака. Время было уже для меня слишкомъ мало для всѣхъ хлопотъ а еще темъ труднее для меня становилось денегъ у меня оставалось слишкомъ мало; а нужно еще допустить роскошь нанять пѣвчихъ которымъ слѣдовало заплатить въ то время 40 руб. асигн. нанять для себя и отца моего посаженаго пару лошадей въ лучшехъ саняхъ; потомъ для раздачи гостямъ сурпризныхъ коробочекъ съ конфектами, и заплатить священнику полуимперіалъ въ то время ходящій въ 22 руб. асигнація священнику тоже 22 р. за венчаніе за освѣщеніе цѣркви 22 рубли; дѣло было мое въ самомъ критическомъ положеніи. Чрезъ недостатокъ денегъ по ращету у меня отъ всего капитала оказывался еще недостатокъ но взять было негдѣ а дѣло решить было нужно. Ожидая присылки денегъ отъ дяди которой замедлилъ присылкою но во всемъ дѣло было слажено. Насталъ день брака, отцомъ моимъ посаженымъ былъ професоръ Андр. Якимовичь Сухихъ, матерью Вѣра Петровна Дурнова; собравъ какъ слѣдуетъ я въ своей квартирѣ сталъ сбирается къ вѣнцу пригласивъ изъ товарещей своихъ лучшихъ двухъ въ шафера. Одинъ изъ нихъ былъ Плонской а другаго не припомню фамиліи; только я оканчивалъ свой туалетъ къ вѣнцу какъ мнѣ сказали что отъ дяди моего кучеръ приѣхалъ я узналъ кучера дяди моего, которой мнѣ при письмѣ дядиномъ вручилъ сто руб. асиг. денегъ. Поблагодаривъ Бога за столь для меня нужное сокровище бѣзъ котораго я не былъ такъ вѣселъ въ этотъ священной для меня день. Собравшись и уладивъ все какъ должно, поѣхали мы всѣ къ матери Г-жи Дурновой; тамъ намъ сказали что невѣста къ вѣнцу готова мы прямо поѣхали въ церковь это было уже часу въ восьмомъ вѣчера. Подъѣздъ церкви былъ освѣщенъ плошками и этотъ день праздновался днемъ рождѣнія Его Высоч. Михаила Павловича слѣдовательно всѣ улицы какъ нарочьно для насъ были илюминованы плошками. Входя въ церковь певчіи уже были въ церкви и церковь также была освѣщена свѣчами въ большихъ паникадилахъ и поставными свѣчами прі иконахъ, и священной причетъ ожидалъ уже нашего приѣзда въ облаченіи; народа было въ церкви многое множество, въ Москвѣ это неудивительно. Мы немного ожидали невѣсту со всеми ея провожатыми, которыхъ было очень немало и всѣ были барышни и дамы одѣты вѣликолепно. Я въ стретилъ мою невѣсту при дверяхъ и подвелъ къ мѣсту назначенія обряда. Пѣвчіи пропели хорошо Гряди священникъ началъ обрядъ вѣнчанія. Благодаря Бога изъ насъ никто не былъ ничемъ смущенъ темъ боліе что какъ я такъ и невѣста моя желали быть другъ для друга; а я еще боліе былъ темъ доволенъ что невѣста моя не по-

казала той грусти при вѣнчаніи какъ другія при этомъ таинствѣ изливаютъ обиліе слезъ; обрядъ церковный былъ свѣршенъ, мы принявъ поздравленія отъ родныхъ и посетителей поблагодарили Господа силъ и пречистою Его Матерь за совѣршеніе нашихъ желаній. Изъ церкви были мы провождѣны іереемъ до дома со крестомъ. Это было такъ недалеко отъ церкви что только пройти поперекъ улицу, до квартиры Г-жи Плещеевой, гдѣ насъ въ стретила съ иконою добрая Екатерина Дмитріевна съ Андреемъ Осиповичемъ. За онымъ какъ и вездѣ это водится пили здоровье новобрачьныхъ въ слѣдъ за онымъ чай; потомъ гости осматривали нашу комнату приготовленною для насъ въ мѣзонинѣ, тутъ я въ первой разъ увиделъ только что было приготовлено для невѣсты приданаго, которое если было не пышно но со вкусомъ. Въ промежутокъ предъ ужиномъ гости занимались разными разговорами заменяя темъ музыку которой я по своимъ финансамъ не могъ приготовить. Но какъ видно было, что и безъ музыки всякъ былъ веселъ и доволенъ болiе радушіемъ хозяйки. По времѣни начался прекрасной ужинъ гости всѣ вообще вѣселились какъ наивозможно всѣ были внимательны одинъ къ одному. Прі окончаніи ужина гостямъ былъ поданъ подносъ съ разными сластями и съ коробками конфектъ, всякой выбиралъ для себя что хотелъ, всѣ были довольны и пріемомъ и угощеніемъ. Мы простились со всеми добрыми нашими гостями, и остались въ кругу своего семейства. Поубравшись послѣ такого хаоса, поблагодаривъ доброю Екатерину Дмитріевну и ея тетиньку которая также содѣйствовала къ нашему благополучію, отъ правились въ свои комнаты гдѣ кому слѣдовало быть. Новобрачьная моя жена преждѣ меня убралась въ свою комнату съ своими дѣвушками которыя по приходѣ моемъ оказались лишними и мы остались въ двоемъ съ дорогою моею Лизою, которою я желалъ давно видѣть близъ себя. И слава Богу желаніе мое исполнилось благополучьно, и неразрывно до сего дни живемъ приблагополучьно. Въ надлежащіе утро мы были съ визитомъ у моей тещи, гдѣ обѣдали. На другой день всемъ посетителямъ мы отъ дали визитъ, а у брата Павла Ивановича обѣдали и ужинали. Потомъ на третьи сутки были у зятя моей жены Александра Алексѣевича Борисова которой очень былъ радъ насъ видѣть въ своемъ домѣ. Онъ добрейшій былъ человѣкъ и жилъ очень недурно. Тутъ насъ окружали его дѣти Сеня и дочь Софія, которая нынѣ Г-жа Васильева а Сеня уже Семенъ Александровичь Борисовъ.

Прі окончаніи свадебнаго дѣла нужно было занятся экзаменомъ къ выпуску изъ школы; но слава Богу все шло въ порядкѣ экзаменъ я здалъ хорошо и Графъ меня назначилъ за отличіе не въ Боровскъ а прямо въ Калугу въ уѣздное училище. Когда мы окончели курсъ то Графъ желалъ намъ выдать личьно свидетельствы приказавъ намъ явится къ нему въ домъ. Мы исполнили

его приказаніе явились къ нему часу въ десятомъ утра насъ кончевшихъ курсъ было шесть человѣкъ. Графъ насъ принявъ въ своемъ кабинетѣ объявивъ намъ свое удовольствіе что мы вѣли себя хорошо въ его заведѣніи давъ наставленіе какъ продолжать нашу службу потомъ выдалъ намъ свидѣтельствы каждому своеручьно, мы всѣ поблагодарили Графа какъ благодетеля и попечителя искусствъ. Простившись съ нами Графъ при выходѣ нашемъ изъ его кабинѣта онъ сказалъ намъ если кому изъ насъ нужны деньги кромѣ подорожны то мы можемъ оныхъ взять у Г. Фаворскаго только съ темъ, что мы должны оные были возвратить изъ собственнаго жалованья. Темъ болѣе мы поблагодарили Графа что у насъ совѣршенно у всѣхъ были карманы пусты.

Въ канцеляріи насъ снабдили деньгами и подорожными; не знаю о прочихъ по скольку взяли у Г. Фаворскаго въ заимобразъ денегъ но я получилъ на свою долю отъ него 50 рублей асигнаціями. Г. Фаворской такъ былъ до насъ что не имѣю словъ выразить той благодарности сему добрейшему человѣку изъ смѣртныхъ сколько онъ дѣлалъ для насъ добра втеченіи нашего годичьнаго пребыванія въ Москвѣ. Выдавъ намъ деньги простился съ нами какъ другъ человѣчества; и мы поблагодаривъ его за всѣ попеченіи его о насъ грѣшныхъ вышли изъ канцеляріи съ напутствіемъ добрыхъ желаній на новомъ нашемъ попреще съ радостію каждой изъ насъ возвращался изъ сего святилища благодеяній.

Нельзя было не посѣтить любѣзной школы нашей матери наукъ съ благоговѣніемъ мы поблагодарили нашихъ наставниковъ а особѣнно нашего добраго профессора Іосифа Андрѣевича Сухихъ. Простившись съ оставшимися еще въ школѣ товарищами которымъ еще нужно было трудится послѣ насъ для достиженія таковаго жъ щастія каковымъ мы воспользовались чрезъ труды наши, которые помнются еще и до сего часа; оставивъ сей храмъ науки при желаніи нашимъ товарищамъ достигнуть той доброй славы которой мы удостоились. При прощаніи я съ своими товарищами не желая продлить оное каждой изъ насъ спѣшилъ оставить другъ друга дабы темъ ускорить свой отъѣздъ изъ Бѣлокаменной, пожелали другъ другу на попреще науки всякихъ успѣховъ темъ и окончелось наше знакомство, что каждой изъ насъ жить былъ долженъ въ отдаленной сторонѣ другъ отъ друга.

Мнѣ нужно было собрать многое въ дорогу: нанять лошадей для сундуковъ и для себя; и въ этомъ случаѣ мнѣ Господь помогъ. Дядя мой прислалъ съ товаромъ въ Москву изъ Троицкаго которые крестьяне взяли с меня очень недорого какъ имущество такъ и меня доставить въ Калугу. Наложивъ все это отъ правилъ въ передъ а сами для себя оставили пару лошадей въ саняхъ. Устроивши все нужно было еще мнѣ заплатить за мебѣль взятою на прокатъ, расплатившись за оное еще меньше осталось у меня денегъ на расходъ для

дороги; но Лиза мнѣ въ это время принесла два полуимперіала вотъ и все ея приданое взятое мною за женою. Но кабы то ни было, нужно было ѣхать; мы кажется около 20-го Марта собрались утромъ въ дорогу насъ проводила Екатерина Дмитріевна и всѣ родные разставаясь съ моею женою оставили мы ихъ въ большихъ слѣзахъ. При выѣздѣ нашемъ пошолъ большой снѣгъ знакъ нашего благополучія. Мы достигли Боровска гдѣ мнѣ нужно было взять нѣкоторые бумаги нужные и простится съ добрымъ моимъ начальникомъ Александромъ Александровичемъ Рихтеромъ и моими товарищами и сослуживцами. Въ Боровскѣ насъ приняли очень радушно, всѣ поздравляли меня съ молодою женою которою многія мои знакомые желали насъ видеть; погостивъ немного, мы отправились изъ Боровска къ дяди Гавр. Васи. въ Троицкое, куда приѣхали очень скоро; насъ родной дядя и тетушка приняли какъ нельзя лучше всѣ были такъ ради моему благополучію по службѣ а болѣе того встретить меня съ молодою женою которую всѣ весьма мои родные полюбили за кроткой характеръ мою Лизу: которой я самъ дорожилъ.

Распорядился я какъ намъ ѣхать въ Калугу; и мы поблагодаривъ дядюшку нашего и тетушку за доброй ихъ приветъ выѣхали изъ Троицкаго Марта 24-го числа 1838 года въ Калугу. Достигнувъ въ оною благополучьно надвѣчеръ въ самою вѣчерню, желали остановится у Г. Ненарокомова на некоторое время но у него не нашлось помѣщенія для насъ. Мы поѣхали къ жившимъ въ Калугѣ моимъ двоюроднымъ братьямъ дѣтямъ дяди моего Константина, которые дали намъ помѣщеніе до пріисканія мною для себя квартиры.

Двѣнадцатой періодъ моей жизни съ 29-го Марта 1838 года.

Пріискавъ себѣ маленькою квартирку переселились мы двое на оную отъ братьевъ моихъ с милою моею Лизою наняли себѣ работницу и стали хозяйничать по маленьку. Я явился къ Г. Директору которой былъ очень радъ что я его выборъ оправдалъ; приказалъ мнѣ явится къ смотрителю училища, къ которому я не замедлилъ притти. Это былъ нѣкто Ѳ. Я. Соколовъ которой въ скорѣ отъ сей должности былъ уволенъ.

Я началъ заниматся своею должностію съ учениками; при каждомъ посѣщеніи Г. Директоромъ училищь я получалъ благодарность за учениковъ моихъ. Прослужа несколько времѣни я утвержденъ министромъ Уваровымъ въ дѣйствительной службѣ. Со дня моего вступленія въ должность учителя то есть съ 5 мая 1835-го снисходя моему окладу жалованья Г. Директоръ мнѣ позволилъ занять квартиру въ домѣ училища. Это много облегчило къ жизни мои средства; хотя я и не имелъ большой нужды въ деньгахъ ибо я снискалъ себѣ многія работы по городу. И опять занялъ домы Г.Г. Чириковыхъ и по-

мѣщика Василія Федор. Маковѣева взялъ у него постройку дома. Тамъ же жилъ и Владимиръ Петр. Чириковъ и добрая Екатерина Дмитріевна Плещеева. Стало быть мнѣ и легко было себя съ женою содѣржать. По мииованіи года моего брака Богъ мнѣ даровалъ дочь первою Екатерину которою я любилъ до высшей степѣни возможности но Господь не далъ мнѣ ея видѣть и ею утешатся. Она умерла уже по прошествіи трехъ лѣтъ своей жизни; смерть ея была для меня весьма чувствительна похороня ея я похоронилъ вмѣстѣ с нею свое и здоровье.

Продолжая службу по выслугѣ учителемъ четырехъ лѣтъ былъ я награжденъ чиномъ 14-го класса; первой чинъ полученной мною обѣспечилъ всю мою будущую жизнь; я оной торжественно принелъ темъ болѣе что съ полученіемъ перваго чина вся ненавистная моя жизнь миновалась, которая только могла быть съ крыта моими благородными поступками предъ всѣми знаемыми меня. Дальнейшая моя учительская должность не представляетъ ничего интереснаго въ жизни моей; я болѣе себѣ преобреталъ средства къ жизни моей моими трудами архитекторскою частію темъ болѣе что я вместѣ съ моею должностью исправлялъ должность архитектора училищъ. По представленію Г. Директора за мои заслуги я получалъ два раза денежные награды по Высочайшему повеленію Государя Императора.

Далѣе Богъ меня награждалъ дѣтьми. Послѣ дочери Кати родился сынъ Николай; потомъ дочь Александра сынъ Михаилъ и сынъ Петръ нынѣ по благости Божіей живы для утешенія нашего.

Въ послѣдующемъ времени я получилъ чинъ губѣрнскаго секретаря. Прослужилъ учителемъ ровно четырнадцать лѣтъ бывъ все время въ чинѣ губѣрнскаго секретаря видѣвъ безъ полезность оной моей службы желалъ перменить оною но многія случаи были неудачьливы.

Въ одинъ день встретилъ я въ одномъ домѣ секретаря Провіантской Коммисіи Василія Алекс. Хаменкова которой между разговоромъ спросилъ меня не пожелаю ли я служить въ Коммисіи; я согласился и было дѣло улажено какъ наивозможно лучше. Доложено было о мнѣ Г. Управляющему Коммисіею Шульгину которой приказавъ мнѣ какъ наивозможно поскорей подать просьбу. Въ этомъ дѣлѣ мнѣ тоже помогъ приблагороднейшій человѣкъ докторъ Лука Ѳедоровичь Корчевской, которой бывъ навсѣгда моимъ благодѣтелемъ и спасителемъ въ моихъ болезняхъ. Просьба отъ меня была подана Его Превос. Шульгину; по представленію его департаментъ провіантской меня утвердилъ въ Калужскою Провіантскою Коммисію помощникомъ столоначальника; и я долженъ былъ оставить должность учителя и перейтти въ провіантской штатъ. Г. Директоръ училищь меня уволилъ изъ своего штата съ большимъ сожеленіемъ и я въ ступилъ въ провіантской штатъ не замедля.

Тринадцатой періодъ моей жизни 1849-й годъ 5-го мая.

При вступленіи въ должность помощника многія люди вредили мнѣ, и доброй нашъ начальникъ Шульгинъ былъ переведенъ въ Петербургъ а на мѣсто онаго поступилъ къ намъ въ Калугу управляющимъ комисіею полковникъ Александръ Осиповичь Россетъ, которой представилъ меня къ чину колежскаго секретаря и я оной чинъ получилъ не въ продолжительномъ времени; продолжая службу въ Коммисіи я уже по приглашенію губѣрнскаго предводителя дворянства его превосходительства Василія Дмитріевича Мѣщеринова былъ приглашенъ къ постройки дома Дворянскаго Собранія которое нынѣ служитъ украшеніемъ Г. Калуги. Я былъ уважаемъ Г. предводителемъ за мое усердіе и онъ цѣнилъ мое знаніе. Мнѣ было положено отъ дворянства въ годъ по 300 рублей серебромъ за мои труды; я начавъ оное строеніе и окончелъ оное съ честею строителя. Да служитъ оное въ воспоминаніе о мнѣ и предкамъ моимъ если Богу угодно меня оными благословить на долгія времена и лѣта. Многія зависники моего щастія мнѣ пріономъ строеніи вредили но я своею правотою и знаніемъ дѣла своего опровергалъ всѣ козни ставимыя противъ меня. Я боролся съ двумя моими врагами которыхъ имѣлъ и при коммисіи но доброй Александръ Осиповичь Россетъ все оное опровергъ представилъ меня помошникомъ къ дистанціонному смотрителю. А въ это время уже былъ въ Калугѣ дистанціоннымъ смотрителемъ благодѣтель мой первый Василій Алексѣевичь Хаменковъ. Враги мои тайные еще пуще воставали противъ меня но здѣлать было ничего невозможно, по случаю моему что я былъ узнанъ моимъ начальникомъ с хорошей стороны. Вопреки моимъ врагамъ Г. Россетъ меня отличилъ отъ всѣхъ и оказалъ мнѣ свою милость въ томъ, что поручилъ мнѣ въ его имѣніи перестроить домъ. Я изготовилъ для сего чертежи которые онъ одобрилъ; и пріотъѣздѣ уже больнымъ въ Москву поручилъ мнѣ въ полнѣ всю перестройку своего дома. Я началъ оною производить довольно успѣшно и уже многое при домѣ привелъ въ порядокъ. И ожидалъ еще большихъ милостей отъ Г. Россета за мои труды. И увѣренъ былъ въ томъ по письмамъ получаемымъ мною что Александръ Осиповичь не оставитъ меня многимъ. Но на дѣлѣ вышло не такъ. Судьбѣ угодно было отъ нять жизнь сего моего благодѣтеля и любимца нынѣ царствующаго Государя Александра Николаевича; внезапно я получилъ извѣщеніе что благодѣтель мой Александръ Осиповичь въ Москвѣ скончался; въ эту минуту надеждъ я пораженъ былъ сильно горестію моею и оплакалъ его память какъ дитя не плакалъ бы по своемъ родномъ отцѣ. Потеря Г. Россета для меня была очень чувствительна темъ болѣе что мои враги при новомъ начальникѣ могутъ опять восторжествовать

надо мною и опять отъ далить меня отъ начальника на долгое время. Что въ послѣдствіи мои мнѣніи на самомъ дѣлѣ и оправдались.

При вступленіи Г. Іевлева управляющимъ Коммисіею, хотя я и былъ помощникомъ но далеко былъ отъ даленъ благодѣтелями Г. Шир. и Мер. Штришков. но по рекомендаціи моего добраго Василія Алексѣевича я былъ нужнымъ человѣкомъ для Г. Іевлева нужно было отъ дать роднаго племянника сироту въ кадецкой корпусъ Александрійскій; этотъ жребій выпалъ на меня. Г. Іевлевъ поручилъ мнѣ представить онаго дитю въ Москву и въ корпусъ, я это порученіе исполнилъ какъ нельзя лучше. Тутъ и Г. Ширго. здѣлался ко мнѣ благосклоннымъ потому что ему понадобился я для постройки дома. При отъѣздѣ моемъ Г. Шир. поручилъ въ Москвѣ купить разные приборы для дома. Эти двѣ коммисіи я исполнилъ в точьности; когда я возвратился изъ Москвы и явился къ Г. Іевлеву, онъ меня благодарилъ за хорошей успѣхъ отъ дачи племянника и поздравилъ меня съ чиномъ *титулярнаго совѣтника*; слѣдовательно я и тутъ своими заслугами оправдалъ себя; семейство мое было радо сему случаю доставившему мнѣ быть полѣзнымъ для Г. Управляющаго. Но смерть сего добродѣтельнаго человѣка съ сего свѣта похитела. Дѣла моего добраго Василія Алексѣевича со вступленіемъ новаго управляющаго его превос. Василія Василь. Крюковскаго также измѣнились; Г. Хаменковъ переведенъ былъ управлять Динабурскою дистанціею, а вмѣсто его принялъ Калужскою дистанцію маіоръ Цорнъ къ которому я также поступилъ помощникомъ, продолжая и прі ономъ служеніе мое не улучшевалось состояніе дѣлъ моихъ. Въ етотъ промежутокъ времени я бросилъ постройку дома Ширгородцкаго, которой чрезъ сіе имелъ весьма большое нѣгодованіе но тихая моя жизнь не подавала врагамъ моимъ никакого случая повредить мнѣ по службѣ. Куда я не былъ командированъ все порученія я исполнялъ с точьностію, слѣдовательно не было возможности имъ повредить мнѣ. Потомъ Г. Цорнъ былъ удаленъ отъ должности; Коммисія мнѣ поручила управленіе Калужской дистанціи и я управлялъ оною ровно четыре мѣсяца до самаго закрытія Калужской провіантской Коммисіи, которое воспослѣдовало 1-го Іюня 1857 года; и я здалъ должность свою подполковнику Александре Германовичу Клегельссъ. Изъ помошниковъ я былъ назначенъ смотрителемъ магазина Курской губѣрніи въ Г. Корочу. Благодарность вѣличайшая его прев. генералъ оберъ провіант. мейстеру Петру Алексѣевичу Булгакову, что онъ разрушилъ весь диспотизмъ нашихъ правителей. Я всегда зналъ личьно моихъ враговъ но я ими боліе принебрегалъ въ полнѣ надѣясь на свою вѣрною и бѣзкорыстною службу или щиталъ быть противъ нихъ дѣрскимъ. За лучшіе средство это я употреблялъ потому что подлѣцы боятся противуречей.

Я получивъ прогонные деньги отправился къ своему мѣсту назначенія; простившись съ милымъ моимъ семействомъ и добрыми моими знакомыми

19-го Іюня 1857 года послѣ полудня прибывъ въ Г. Корочу 29-го Іюня принявъ магазинъ въ завѣдываніе свое 6-го Іюля 1857 года отъ смотрителя магазина Василія Яковлевича Іевлева.

Первымъ моимъ утѣшеніемъ въ Г. Корочѣ было то, по извѣщенію Г. Мамича, что я 19-го Мая 1857 года утвержденъ Государемъ Императоромъ въ чинѣ коллежскаго ассесора; воздавъ благодареніе Господу силъ за столь для меня сносылаемые милости, отслуживъ молебѣнъ въ Николаевской цѣркви чудотворному образу сего угодника Божія съ помощею его святыхъ молитвъ началъ управлять магазиномъ бѣзъ всякихъ выдумокъ и вотъ пять мѣсяцовъ моей тихой жизни въ Г. Корочѣ.

1857 года.

Сія книга кончена 10-го Ноября ровно въ четыре часа пополудни.

Подписалъ Коллежской Ассесоръ Гусевъ.

Родословная дѣтей моихъ на оборотѣ сей книги или листа.

Замѣтки посторонніи на жизнь мою.

При рождѣніи моемъ я былъ слабой ребенокъ какъ мнѣ это въ послѣдствіи времени передала моя матушка, я очень былъ крикливъ въ нѣкоторое время моя матушка огорчалась моимъ рождѣніемъ; что я очень ихъ своимъ крикомъ или плачемъ бѣзпокоилъ. Но одна старушка ея утѣшала своими словами, чтобы моя матушка много не бѣспокоилась; которая думала что я въ младѣнчествѣ скончаюсь; и эта добрая старушка всѣгда говорила: не плачь сынъ будетъ живъ и онъ тебѣ будетъ навсѣгда при старостѣ кормилецъ, съ приговоркою (тогда меня старуху Матренушка помянишъ).

Еще цыганка мнѣ однажды сказала при всѣгдашнемъ своемъ наборѣ словъ, что я буду изо всего рода первый; это оправдалось какъ старушкины слова моей матери такъ и цыганкины; я дѣйствительно сталъ своими заслугами первой, а моимъ старикамъ опорою при ихъ старости.

Родословная дѣтей отъ Коллежскаго Ассесора Петра Иванова Гусева и жены его Елизаветы Ивановой Гусевой урождѣнной Ребровой.

1-я Дочь Екатерина: умре.

2-й Сынъ Николай; старшій в родѣ.

3-й Сынъ Павелъ умре.

4. Дочь Александра.

5. Сынъ Михаилъ.

6. Дочь Екатерина умре.

7. Сынъ Петръ умре.

8. 2-й сынъ Петръ; меньшій братъ всѣмъ.

Особенные приключенiи моей жизни и спасенiе по волѣ Божiей.

Я два раза въ малолѣтствѣ моемъ отъ небрѣжности своей упадалъ въ воду. Одинъ разъ лѣтомъ оборвавшись съ строенiя невысокаго стоявшаго надъ водою, былъ спасенъ однимъ рабочимъ которой меня вытащилъ изъ воды. Во второй разъ провалился на тонкомъ льду съ санками и тутъ меня спасла женьщина только не припомню ея имя.

Еще чудное паденiе и спасенiе отъ смѣрти.

По порученiю Г. Тюрина я имѣлъ надзоръ за производствомъ постройки дома въ Москвѣ, на Знаменкѣ за вновь строющимся домомъ помѣщика Василiя Михайловича Коноплина. Когда домъ уже оконченъ почти былъ каменною кладкою; и я проходилъ по лѣсамъ третьяго этажа осматривая что нѣтли гдѣ либо по стѣнамъ осадки проходя по лицевому фасаду противъ нижней средней двери; только что вошелъ на средину доски какъ оная стала подо мной перевѣшиватся близъ меня не было ничего за что бъ я могъ ухватится паденiе мое было неизбѣжно; я въ полной памяти не теряя духа скользнулъ по доскѣ внизъ пролетевъ высокое пространство вертикально и на землю близъ тротуара сталъ на ноги но отъ сильнаго сотресенiя паденiя я на ногахъ не устоялъ упалъ низъ лицомъ къ землѣ и въ этотъ моментъ ударило меня лѣтящею за мною доской въ пояснику отъ котораго удара я здѣлался безъ чувствъ. Когда я опомнился то увидевъ надо мной стоящихъ генерала Аринкеевича которой жилъ въ домѣ Пашкова и видѣлъ мое паденiе и пришелъ освѣдомится о моей жизни; другое лицо былъ лѣкарь, частной приставъ и квартальной надзиратель; всѣ хлопотали о томъ чтобъ меня привѣсти въ чувство. Слава Богу что я съ горя не чувствовалъ никакой у себя боли но послѣ я долго страдалъ болью въ поясникѣ отъ ушиба доски; но это благодаря Бога миновалось безъ особаго послѣдствiя.

Копiи изъ писемъ моего учителя и аттестаты проч. лицъ.

1-е Копiя письма. получено 13 марта 1833.

Любѣзный Петруша.

Я очень радъ дать тебѣ Аттестатъ объ твоемъ ученiи и поведенiи, ты его находясь у меня заслуживаешъ; но я забылъ съ какого времяни и по какое ты у меня учился и гдѣ ты былъ при практикахъ, ты мнѣ подробно объ ономъ опиши я готовъ рекомендовать тебя и Николаю Федоровичу. Веди себя какъ преждѣ занимайся своимъ дѣломъ старайся пріобретать книги по части архитектуры и будешъ человѣкъ.

10 марта Твой учитель Евграфъ Тюринъ.

1833 года.

Москва.

2-е Копія. получено мая 21-го 1833.

Отъ души желаю тебѣ мой любезный успѣха, я давно бы прислалъ къ тебѣ сей Аттестатъ естлибъ не затерялъ твой адресъ, недавно оный нашолъ и тотчасъ къ тебѣ отправляю, увѣдомляй меня о твоихъ дѣлахъ и будь увѣренъ что я порадоюсь твоему щастію.

Евграфъ Тюринъ.

Аттестатъ.

1833-го Года мая 18 дня я нижеподписавшейся свидѣтельствую въ томъ что Петръ Ивановъ сынъ Гусевъ обучался у меня Гражданской Архитектурѣ въ теченіи пяти лѣтъ и прі отличьномъ повѣденіи оказывалъ какъ въ тіоріи такъ и въ практикѣ хорошія успѣхи, находясь при производствѣ строеній подъ руководствомъ моимъ какъ въ самой Москвѣ такъ и внѣ оной возложенною на него (обязанность) должность исполнялъ съ отличьнымъ стараніемъ во увѣреніе чего и подписуюсь. Московской Дворцовой Конторы Архитекторъ Коллежской Ассесоръ и ковалеръ Евграфъ Дмитріевъ сынъ Тюринъ.

С подлиннымъ вѣрно Коллежской Ассесоръ Гусевъ.

Аттестатъ.

1834-го года Октября 1 дня я нижеподписавшейся въ томъ что Петръ Ивановъ Гусевъ находится у меня съ 1832-го года и занимается Гражданскою Архитектурою, прі отличьномъ его повѣденіи оказываетъ какъ въ теоріи, такъ и въ практикѣ хорошіе успѣхи и находится при производствѣ строеній поручаемыхъ отъ меня какъ въ Губѣрнскомъ городѣ Калугѣ, такъ и въ протчихъ мѣстахъ; возложенною жъ на него должность исполняетъ съ отличьнымъ стараніемъ и успѣхомъ, въ увѣреніе чего свидѣтельствую подписомъ моей руки и приложеніемъ печати герба моего Калужской Губѣрніи Архитекторъ Надворный Совѣтникъ Николай Федоровъ Соколовъ.

Съ подлиннымъ вѣрно Коллеж. Ассес. Гусевъ.

Свидѣтельство.

Дано сіе учителю рисованія Боровскаго Уѣзднаго Училища, Петру Иванову Гусеву въ томъ что онъ Гусевъ въ слѣдствіе Высочайшей воли состоявшейся въ 6-й день Октября 1836-го года командированъ былъ изъ Боровскаго Уѣзднаго Училища въ рисовальную школу основанную мною въ Москвѣ для усовѣршенствованія въ методѣ преподаванія рисовальнаго искуства въ которою

поступилъ 1-го Марта 1837 года, и въ продолженіе одного года занимался съ успѣхомъ и велъ себя хорошо. Марта 14-го дня 1838 года.

Присемъ печать школы. Генералъ Адьютантъ Графъ Строгановъ.
Професоръ А. Сухихъ.
Съ подлиннымъ вѣрно Коллежской Ассесоръ Гусевъ.

Имѣя много и другихъ аттестатовъ но щитаю излишнимъ въ писывать въ сію книгу.

Пословицы.

Лучше умный врагъ, чѣмъ неразумный другъ.

И у всякаго лжеца есть свои свидѣтели.

Чортъ не держитъ козъ, а сыръ продаетъ.

Раненый конь дрожитъ, увидѣвъ сѣдло.

Портной ошибся, а повара бьютъ.

Волкъ радъ, когда поднимается непогода.

Корми волка зимою, лѣтомъ онъ тебя съѣстъ.

У ненадежнаго должника бери и мѣшокъ съ соломою.

Выслушивай чужое мнѣніе, держись своего и слѣдуй тому которое тебѣ полѣзно.

Хотя бъ ты и былъ великъ, старайся казатся мѣньшимъ.

Пляши, да не забывай о домѣ.

Идучи въ монастырь, говори объ игуменѣ одно доброе (т. е. у кого я служу того и хвалю).

Кто замарается въ отрубяхъ, того заклюютъ куры (т. е. если ты что здѣлалъ худое и люди узнаютъ то тебя засмѣютъ).

Не привязанъ да визжишъ! Старость не радость, не красные дни!

Тотъ же Савка, да на другихъ санкахъ.

Шапка въ рубль а щи безъ крупъ.

Сію книгу я написалъ ни для свѣта а из уваженія къ моему роду, и кто его будетъ помнить, то и самъ почтенъ будетъ какъ и меня Господь почтилъ быть превыше первымъ представителемъ рода моего; сей книги окончаніе докажетъ, что дѣйстволи на пути моей жизни ни низкіи происки а заслуги извѣсные Богу и государямъ моимъ.

Замечательные постройки
Построенные подъ моимъ надзоромъ въ разныхъ городахъ и селеніяхъ
съ 1832-го года.

1-е. Въ городѣ Калугѣ домъ купца Богданова.

2. Колокольня достроена Женъ Мироносицъ.

3. Трапеза и колокольня Николы Казанской цѣркви съ иконостасами: вновь.

4. Домъ купца Богданова въ улицѣ Молотковской.

5. Перестройка дома купчихи Сивачевой съ прекрасною оградою и воротами, что на Жировкѣ.

6. Перестройка домовъ Генерала Рюмина.

7. Вновь построенъ домъ Ширгородцкаго на Николь.

8. Перестройка дома купца Даньшина.

9. Перестройка дома купчихи Прянишниковой.

10-е. Сооруженіе всего зданія Дворянскаго Собранія, что извѣстно многимъ, что оное зданіе произвѣдено подъ личнымъ моимъ надзоромъ въ теченіе одного года и семи мѣсяцовъ, при предводителѣ Губѣрнскомъ Его Превосходительствѣ Василіе Дмитріевичѣ Мѣщериновѣ въ 1850-хъ годахъ.

11. Въ селѣ Боболяхъ (Медынск.) Боровскаго уѣзда въ имѣніи Графини Потоцкой построенъ мною вѣликолепной храмъ трехъ престольной.

12. Въ г. Мещовскѣ построена мною трапеза при церкви Петра и Павла.

13. Въ селѣ Бобровѣ Калужскаго уѣзда построена трапеза о двухъ предѣлахъ съ иконостасами вѣликолепное зданіе.

14. Построенъ огромной домъ въ имѣніи Г. Чирикова въ сельцѣ Гурьевѣ.

15. Построенъ мною домъ у помѣщика Маковѣева при сельцѣ же Гурьевѣ.

16. Огромной домъ передѣланъ въ с. Кондровѣ Мещеринова.

17. Вновь построенъ мною домъ въ селѣ Курыничахъ генеральши Сельванъ съ вѣликолепною отъ дѣлкою.

Во многихъ имѣніяхъ Калужской губѣрніи перестроены мною домы какъ то: въ с. Ферзиковѣ въ Подборкахъ въ Новоселкахъ у Камынина и многія домы перестроены въ Калугѣ: домъ губернаторской въ 1834-мъ году.

Дорожныя записки, 1797 года.

Моя дорожная записка.

Увы! сердце мое томится; слезы ліются обильно изъ глазъ моихъ; и я стеню съ отчаянія, не видя впереди себя ничего кромѣ мрака.

Вертеръ, письмо тридцать второе.

Предисловіе.

Моя дорожная записка мнѣ нравится, можетъ быть для того что *моя,* и что я могу смотрѣтся въ нее какъ будто бы въ зеркало.

Судя объ сей запискѣ довольно выгодно, думаю что естьли она попадется въ руки постороннимъ людямъ, она будетъ имѣть критиковъ; и изъ предосторожности, также и сообразуясь модѣ дѣлаю къ ней предисловіе!

Можетъ быть найдутъ въ оной негладкость слога, граматическія погрѣшности, выраженія не самыя отборныя, худой размѣръ періодовъ. Не могу ли я сказать что я не озабочивалъ себя наблюденіемъ сихъ мѣлочныхъ подробностей, и чрезъ неисправность таковаго рода желалъ показать что сіе произведеніе есть не граматиста, но человѣка имѣющаго сердце? Подобное извиненіе приносилъ Лукуллъ *) въ предисловіи исторіи писанной имъ на Греческомъ языкѣ. Естьли вѣрить ему, онъ съ намѣреніемъ оставилъ въ своемъ сочиненіи погрѣшности противъ Греческаго діалекта дабы можно было узнать что творецъ онаго Римлянинъ.

Я хочу предупредить и другое обвиненіе: тонъ повѣствованія неодинаковъ; но оный не могъ и не долженствовалъ быть одинаковъ, поелику писалъ я журналъ а не романъ сочинялъ надосугѣ. Я начертывалъ на бумагѣ мои чувствія; я долженъ былъ чувствовать различно по обстоятельствамъ въ коихъ находился; кромѣ того движенію, теченью времени и даже погодѣ надлежало дѣйствовать сколько нибудь на мою душу. Сердце мое сокрушалось когда оставлялъ я Москву, оно отдохнуло немного въ Вонляровѣ, въ Минскѣ томная меланхолія овладѣла моими мыслями, и излилась на бумагу. Но потомъ, по мѣрѣ моего отдаленія отъ любезныхъ мѣстъ, тонъ мой началъ становится веселѣе, и посторонніе предметы не имѣющіе ко мнѣ никакова нравственнаго отношенія, начали привлекать мое вниманіе.

Я повторяю что моя дорожная записка не есть романъ; но естьли кто не захочетъ мнѣ въ томъ вѣрить и останется при мнѣніи что это выдуманная сказка, таковый долженъ будетъ по крайней мѣрѣ согласится что сія сказка имѣетъ всѣ примѣты истинной повѣсти, что составляетъ нарочитую похвалу.

Въ заключеніе скажу я что сіе предисловіе написано мною на всякій случай для постороннихъ людей, а не для моего друга. Сей по пристрастію своему и безъ предисловія въ дорожней моей запискѣ найдетъ много достойнаго его вниманія, и замѣтитъ весьма мало недостатковъ.

*) Лукуллъ былъ писатель, искусный полководецъ и великій сластолюбецъ. Огромность его столовъ, и роскошность его болѣе еще славны нежели побѣды одержанныя имъ надъ Митридатомъ царемъ Понтскимъ. Первое вишневое дерево которое видѣла Европа было вывезено Лукулломъ изъ владѣній побѣжденнаго имъ царя, съ береговъ Евксинскаго (Чернаго) моря. Я сообщаю сіе историческое извѣстіе въ угодность охотникамъ до вишенъ.

1797-го Года
Генваря 23-е число.

Я ѣду туда куда зоветъ меня должность. Должность мучительная сердцу моему, поелику разлучаетъ она меня съ родными и съ милою. Увы! Прежде нежели кончится день сей, я оставлю Москву, оставлю городъ который ** украшаетъ своимъ присутствіемъ. Мнѣ долго не пользоватся вечерами, подобными тѣмъ тремъ вечерамъ, въ которые имѣлъ я щастіе видѣть прекрасную, разговаривать съ нею и узнать любезныя свойства души ея! Лишенному всего, мнѣ останется только надежда — надежда отдаленная, надежда невѣрная возвращенія дней моего благополучія!

Часъ отъѣзда моего, часъ разлученій наступаетъ. Простите, ближніе мои! Помните благодарность мою и привязанность къ вамъ, такъ какъ я буду вѣчно помнить всѣ ваши благодѣянія.

И съ тобою прощаюсь заочно, другъ сердца моего! Не судилъ Богъ тебѣ увидѣть меня въ Москвѣ или мнѣ посѣтить тебя въ Казани!—Ты который всегда читалъ въ душѣ моей, ты которому извѣстны столько же сколько мнѣ самому мои чувствія, мои расположенія, ты отъ котораго не умѣлъ я таить и погрѣшностей моихъ, прости! Прости и ты, милая **! Сей вздохъ изъ самой глубины моего сердца, посвящаю тебѣ! Увы! Я ласкался сего дня увидить тебя, ласкался, но тщетно, вкусить еще минуту радости!.. Вспомни когда нибудь того который не престанетъ заниматся тобою. Прости! еще разъ прости!.....

Генваря 24-е число.

Я оставилъ городъ милый сердцу моему, въ 12-м часу вечера. Странствованіе мое было не совсѣмъ благополучно: мой извощикъ сбился съ дороги: вмѣсто Можайки попали мы на Звенигородку; и сія ошибка прибавила намъ около пятнадцати верстъ лишнихъ. Я воснѣ наслаждался благополучіемъ которымъ долго не пользоватся мнѣ наяву: видѣлъ любезную, прогуливался съ нею, обращалъ къ ней рѣчь, и она отвѣчала мнѣ благосклонно; она удивляла меня своимъ разумомъ и своею скромностію, такъ какъ это было въ три незабвенныя для меня вечера.

Мы кормили лошадей въ Перхушковѣ, селѣ въ 28 верстахъ отъ Москвы. Наша подмосковная деревня въ приходѣ онаго. Перхушковскій священникъ удостоилъ меня своего посѣщенія: я думаю что онъ моимъ пріемомъ былъ доволенъ. Мы вмѣстѣ пили чай и обѣдали. Онъ говорилъ мнѣ объ покойной моей матери, и давалъ ей великія похвалы: съ какимъ удовольствіемъ я слушалъ оныя!— Мой ночлегъ былъ въ Нарѣ, деревнѣ экономическаго вѣдомства въ 66 верстахъ отъ Москвы и въ 33-х отъ Можайска.

Генваря 25-е число.

Изъ Нары поѣхалъ я въ самую дурную погоду. Но Богъ сжалился надо мною и къ утру выяснѣло и подморозило. Въ 9 часовъ прибылъ я въ Можайскъ. Сколько разъ въ Можайскѣ вспомнилъ я родныхъ моихъ, друга, и ту которую сердце мое успѣло полюбить такъ нѣжно и такъ горячо въ краткое время пребыванія моего въ Москвѣ! Я привелъ въ удивленіе десятилѣтнюю дѣвочку показавъ ей мои пожитки, кошельки, карманныя книжки съ ихъ приборами и проч. Она была очень довольна моею щедростію когда получила отъ меня гривну. Но какое удовольствіе сдѣлалъ я ей, подаривъ еще семь гривенъ на ленту; и не только ей но и родителямъ ея! Они благодарили меня такъ какъ бы за большое благодѣяніе, называли меня добрымъ бариномъ и просили опять къ себѣ, когда поѣду назадъ!—когда поѣду назадъ! Весьма пріятно было бы мнѣ сдѣлать имъ посѣщеніе поскорѣе!

Выѣхавъ изъ Можайска, увидѣлся я съ знакомыми мнѣ особами: мнѣ встрѣтилась княгиня Волконская, дочь князя Репнина. Она ѣдетъ съ своими дѣтьми въ Москву, княгиня сама и сыновья ея обошлись со мною очень ласково.

Дурное время не дозволило мнѣ сдѣлать болѣе 21-й версты: я принужденъ былъ остановится въ Колоцкой слободѣ, заимствовавшей имя свое отъ Колоцкаго монастыря, въ коемъ есть сказываютъ явленный образъ Божія Матери.—Съ какою чувствительностію описывалъ мнѣ одинъ изъ колоцкихъ крестьянъ нужды всякаго рода которыя терпѣли поляки посланные въ послѣднюю революцію въ Казань и далѣе! Нельзя не имѣть къ нимъ сожалѣнія, говорилъ сей добрый человѣкъ! Хоть они были намъ и непріятели но всіо они люди!—Желая утѣшить его сострадательное сердце, я сказалъ ему что имъ всѣмъ по милости Императора возвращена свобода! Многіе изъ нихъ уже померли, отвѣчалъ онъ тономъ изъявляющимъ сколько ему прискорбно что не дождались сіи щастливой перемѣны въ своей участи.

Генваря 26-е число.

По причинѣ худой погоды выѣхалъ я не ранѣе какъ въ 8-м часу, и сдѣлавъ 17 верстъ остановился въ селѣ Дровнинѣ принадлежащемъ князю Василью Васильевичу Долгорукову. Неподалеку отъ онаго села любезная Москва-рѣка беретъ свое начало. Д*** монастырь на берегу Москвы-рѣки, жилище милой ** близко отъ монастыря!

Подъѣзжая къ Гжацкой пристани встрѣтилъ я княгиню Репнину, и имѣлъ честь отдать ей мое почтеніе. Я съ благодарностію помню, и помнить буду что она въ Гроднѣ обходилась съ нами прямо какъ родная!—Городъ выстроенъ

очень хорошо, пристань на рѣкѣ Гжачѣ, и изъ оной дѣлаютъ большія отправленія пеньки. Я имѣлъ здѣсь посѣщеніе отъ извощика который везъ меня три станціи отъ Семлева до Гжацка, когда ѣхалъ я изъ Гродны въ Москву. Онъ увидѣлся со мной какъ бы съ другомъ, и говорилъ съ благодарностію что онъ былъ очень доволенъ мною. Пріятно слышать благодарность отъ тѣхъ съ кѣмъ доходило имѣть дѣло!

Генваря 27-е число.

Я выѣхалъ изъ Гжацкой пристани во второмъ часу за полночь. Въ продолженіе ночи сонъ польстилъ любви моей явилъ мнѣ милую **. Она пѣла пѣсню, а я слушалъ... нужно ли примолвить: съ восхищеніемъ!—Я обѣдалъ въ селѣ Ѳедоровскомъ въ 47 верстахъ отъ прежней станціи. Во вторую упряжку сдѣлалъ я еще 23 версты и остановился въ постояломъ домѣ въ десяти верстахъ за Вязьмою. Въ то самое время какъ проѣзжалъ я чрезъ сей городъ, находился въ ономъ маіоръ Козловскаго пѣхотнаго полку Штеинъ, одинъ изъ лучшихъ моихъ гроденскихъ пріятелей. Онъ идетъ съ полкомъ своимъ на непремѣнныя квартиры въ Тверь. Мнѣ весьма жаль что я съ нимъ не могъ видѣтся; но я почелъ за должное увѣдомить его чрезъ письмецо что мы нѣсколько минутъ дышали однимъ съ нимъ воздухомъ. Въ карчмѣ нашелъ я человѣка который служилъ Московскаго гранодерскаго полку премiеръ маіору Ушакову. Онъ съ чувствіемъ говорилъ мнѣ о прежде-временной смерти своего господина, и съ великою похвалою о его достоинствахъ. Сему Ушакову было только 23 года; онъ ждалъ подполковничьяго чина, и креста,—и не дождался! Горячка прекратила жизнь его. Его любили, объ немъ сожалѣютъ: онъ недаромъ жилъ на свѣтѣ!

Генваря 28-е число.

Проѣхавъ въ ночь 30 верстъ, остановился я въ селѣ Чоботовѣ экономическаго вѣдомства, послѣ обѣда сдѣлалъ я еще столько же, и прибылъ въ Дорогобужъ. Я нашелъ тамъ покоецъ очень хорошій. Хозяйка довольно словоохотливая разсказывала мнѣ о своей заловкѣ которая испугавшись сѣченья, на двенатцатомъ году ушла изъ отцовскаго дому пѣшкомъ въ Смоленскъ. Отецъ отыскалъ ее тамъ, отдалъ учить грамотѣ, и назначилъ быть монахиней. Она была пострижена въ Смоленскѣ и названа Порфирою. Теперь находится въ Зачатейскомъ монастырѣ въ Москвѣ.

Генваря 29 число.

Мы кормили лошадей въ Коровникахъ, деревнѣ экономическаго вѣдомства въ 36 верстахъ отъ Дорогобужа, сдѣлали послѣ обѣда еще 25 верстъ, и

расположились для ночлега въ кармчѣ принадлежащей княгинѣ Катеринѣ Андреевнѣ Долгоруковой. При мнѣ пріѣхала туда же одна докторша. Я вошелъ съ нею въ разговоръ: она стала говорить о неудачныхъ замужествахъ, и я могъ догадатся изъ рѣчей ея что она сама не изъ числа щастливыхъ женъ. Моя догадка въ скорѣ была ею подтверждена: она разсудила за благо открытся мнѣ совершенно: я узналъ что она прежде имѣла мужемъ человѣка пьянаго, которому однако умѣла подладить; что вторый ея мужъ поживъ съ нею нѣсколько мѣсяцовъ, бросилъ ее и не хочетъ объ ней слышать; что сей ея мужъ есть докторомъ въ Рославлѣ, уѣздномъ городѣ Смоленской губерніи. Онъ учился съ успѣхомъ въ Англіи и могъ бы имѣть болѣе щастія, естли бъ былъ не столько самолюбивъ и не столько упрямъ. Упорность его столь велика, что онъ всегда лучше соглашался потерять у себя нежели признатся въ ошибкѣ и поправить оную. Мнѣ показалось странно, что онъ, естли вѣрить женѣ его, жаловался на нее нѣкоторымъ, что употребляетъ она на обрѣзываніе себѣ ногтей подаренныя ей отъ него англинскія ножницы. Какая причина негодовать на жену! Что принадлежитъ до нее, она очень неглупа, и мало женщинъ вышшаго званія которыя говорили бы такъ складно; но мало, думаю, и такихъ которыя бы столько же какъ она были довѣрчивы!

Генваря 30 число.

Къ утру пріѣхалъ я въ Смоленскъ. Сей городъ какъ извѣстно стоитъ на Днѣпрѣ и щитается между первѣйшими городами Россійской имперіи, по своей древности, по своему пространству, по числу и по богатству своихъ жителей. Его мѣстоположеніе весьма неровное. Соборная церковь есть старинное зданіе на высокой горѣ съ коей видѣнъ, сказываютъ, весь городъ. Въ Смоленскѣ много большихъ каменныхъ домовъ и цѣлыя улицы отстроены очень хорошо. Каменная стѣна вокругъ всего города, построенная царемъ Борисомъ Ѳеодоровичемъ Годуновымъ, и земляныя наружныя работы отъ польской стороны остаются отъ древныхъ укрѣпленій.

Смоленскъ славится въ нынѣшное время красавицами. Проѣзжая въ послѣдній разъ сей городъ, я сожалѣлъ, что не видалъ ни одной изъ нихъ, и особливо что не видалъ дѣвицъ Храповицкихъ. Но въ теперешній разъ я о томъ не сожалѣю: для меня въ цѣломъ свѣтѣ одна только красавица, одна только на которую взглянуть почелъ бы я благополучіемъ. Я отъ нее далеко... 374 версты, и каждый день прибавляетъ разстояніе между ей и мною! Я не увижу ее... годъ, можетъ быть и долѣе!

Я пріѣхалъ въ 4-м часу по полудни въ Вонлярово, деревню тетки моей Анны Петровны Вонлярлярской, въ 25 верстахъ отъ Смоленска. Весело пріѣхать въ такое мѣсто гдѣ увѣренъ быть принятъ ласково, и сдѣлать хозяину

удовольствіе собою! Я писалъ сегодня къ отцу моему, къ любезной теткѣ, которую обязанъ я почитать и любить какъ мать, къ моей сестрѣ, и къ моему другу: въ письмахъ къ сестрѣ и къ другу, имѣлъ я удовольствіе упоминать объ той которая занимаетъ первое мѣсто въ моемъ сердцѣ.

Генваря 31-е число.

Благодаря Бога я провелъ нынѣшній день у родной моей спокойно и весело—столько сколько могло для меня быть, тогда какъ я въ разлукѣ съ московскими моими ближними, и съ любезнымъ другомъ, и съ милою **! Общество наше составляли родственники тетки моей со стороны покойнаго ея мужа. Мнѣ не съ кѣмъ было промолвить объ той которую люблю, но въ замѣну я спрашивалъ господъ Вонлярлярскихъ пріѣхавшихъ недавно изъ Петербурга объ ея братьяхъ, которые служатъ въ гвардіи въ Измайловскомъ полку!

Пробьетъ 12 часовъ и я оставлю Вонлярово, я опять пущусь въ путь, буду болѣе и болѣе отдалятся отъ всѣхъ милыхъ моему сердцу, — пока достигну мѣстъ въ коихъ судьба осуждаетъ меня вести дни мои!

Февраля 1-е число.

Я проснулся въ Красномъ, маленькомъ городѣ въ 46 верстахъ отъ Смоленска. Граница Россіи была отъ Краснова въ 16 верстахъ въ то время какъ блаженныя памяти Императрица Екатерина Вторая приняла престолъ. Новая граница проведенная въ послѣдніе годы славнаго ея царствованія, болѣе нежели въ 500 верстахъ отъ старой! Въ Красномъ и въ томъ самомъ покоѣ въ которомъ я теперь нахожусь брату моему стало гораздо хуже!

Я къ вечеру пріѣхалъ въ Казьяны, мѣстечко Могилевской губерніи, принадлежащее князю Любомирскому и находящееся въ 33-х верстахъ отъ Краснова и въ 30 отъ Орши.

Февраля 2-е число.

Я и въ прошедшую ночь имѣлъ щастіе видѣть воснѣ милую ** ужинать гдѣ-то съ нею, и сидѣть за столомъ насупротивъ ея! Я проѣзжалъ ночью чрезъ Дубровну, большое мѣстечко купленное княземъ Любомирскимъ у покойнаго князя Потемкина-Таврическаго, прежъ сего славное своими фабриками. Къ утру прибылъ я въ Оршу, и не безъ опасности перевозился подъ симъ городомъ чрезъ Днѣпръ. Въ Оршѣ видѣлся я съ порутчикомъ Высоцкимъ, коего зналъ въ Гроднѣ. Онъ ѣдетъ изъ Казани къ своему полку въ Вильну. Я позавидовалъ ему что онъ былъ въ Казани, въ томъ городѣ въ которомъ живетъ мой Вельяшевъ! съ какимъ бы удовольствіемъ, съ какимъ бы восхищеніемъ обнялъ я моего друга!

Сдѣлавъ во вторую упряжку 30 верстъ пріѣхалъ я въ Коханово, большую деревню въ 17 верстахъ отъ Толочина. Толочинъ пересталъ быть пограничнымъ городомъ Россіи въ 1793 - м году, когда по второму раздѣлу Польши, Минская губернія и Краснорусія (Подолія и Волынь) достались Имперіи Россійской. Изъ Коханова писалъ я съ однимъ бомбандиромъ въ Вильну къ двоюродному моему брату князю Гагарину, я увѣдомлялъ его что я въ дорогѣ и въ скорѣ буду недалеко отъ тѣхъ мѣстъ въ которыхъ находится онъ.

Февраля 3-е число.

Дорога, которая на сихъ дняхъ очень поиспортилась по милости Божіей, становится лучше! Я къ утру пріѣхалъ въ Словень, деревню ксендза Корсака, въ 3-х миляхъ (15 верстахъ) за Толочинымъ. Одинъ изъ тамошнихъ крестьянъ не зная какъ меня почтить, безпрестанно называлъ меня „величествомъ“. Я не могъ растолковать ему что сей титулъ принадлежитъ только однѣмъ коронованнымъ особамъ!

Послѣ обѣда сдѣлалъ я семь миль почти всіо лѣсомъ; я нѣсколько разъ переѣзжалъ рѣку Бобръ. Солнце заходило очень хорошо; и какъ пріятно было видѣть пурпуръ мелькающій сквозь грубую зелень сосень и елей! Я остановился въ Начѣ, деревнѣ принадлежащей князю Радзивилу.

Февраля 4-е число.

Я проѣхалъ въ ночь 6 миль и проснулся въ Борисовѣ, городѣ весьма посредственномъ. Тамъ нашелъ я офицера Московскаго гранодерскаго полку, отъ коего узналъ что сей полкъ выступилъ уже изъ Вильны и что двоюродной мой братъ князь Гагаринъ долженъ быть теперь въ дорогѣ. Мнѣ будетъ очень прискорбно естьли мы съ нимъ разъѣдемся! Я получилъ также нѣкоторыя свѣденія касательно до Муромскаго полку въ коемъ самъ я нахожусь: можетъ статся оный уже въ Гроднѣ; и мнѣ надлежитъ ѣхать туда а не въ мѣстечко Рожану такъ какъ было прежнее мое расположеніе!

Послѣ обѣда переѣзжалъ я на паромѣ реку Березину, подъ Борисовымъ, и сдѣлавъ $5^1/_2$ миль, остановился въ Плисѣ, деревнѣ князя Радзивила, въ 8 миляхъ отъ Минска. Отъ мѣстечка Бобра я ѣду лѣсомъ, который сказываютъ, идетъ за Минскъ, и принадлежитъ весь Радзивилу.

Февраля 5-е число.

Я къ утру прибылъ въ Минскъ, губернскій городъ на рекѣ Свислочѣ. Сей городъ есть изъ числа большихъ городовъ; но не изъ числа хорошихъ: лучшее украшеніе дѣлаютъ ему монастыри, которые довольно огромны, и которыхъ

щитаютъ около дватцати. Въ Минскѣ можетъ быть пять тысячъ жителей или и болѣе.

Я писалъ отъ сюда къ роднымъ моимъ въ Москву и увѣдомлялъ ихъ о принятомъ мною намѣреніи ѣхать прямо въ Гродно.

Послѣ обѣда прохаживался я по городу, видѣлъ нѣсколько монастырей готической архитектуры, — видѣлъ нѣсколько большихъ домовъ и множество лачужекъ. Минскъ не есть городъ по моему вкусу!

Жидъ у котораго я остановился по моему виду заключилъ что я долженъ быть нездоровъ. Онъ не совсѣмъ ошибся: я боленъ духомъ: мнѣ грустно!

Хозяинъ мой докучаетъ мнѣ своею услужливостью, онъ поминутно является ко мнѣ; а я бы желалъ быть одинъ, чтобы мыслями быть съ тѣми которыхъ люблю! Я совѣщусь сказать ему что его присутствіе мнѣ въ тягость!

Можетъ статся есть люди которымъ минута уединенія несносна! Что принадлежитъ до меня, мнѣ пріятно быть съ самимъ собою. Я даю волю моему воображенію; оно переноситъ меня отъ сцены къ сценѣ, изображаетъ живо въ моей памяти прошедшіе годы моей жизни, представляетъ мнѣ отсутствующихъ любезныхъ, и въ то время какъ нахожусь я съ ними въ разлукѣ, его обольщеніе даетъ мнѣ вкушать пріятность свиданія!

Милая **! Сколь часто воображеніе льстя сильнѣйшей привязанности души моей, являетъ мнѣ тебя! Я изъ ясняю тебѣ мои чувствованія, ты выслушиваешь меня благосклонно. ты соглашаешся быть моею! И я внѣ себя отъ восхищенія! Но очарованіе не бываетъ продолжительно, призраки моего воображенія исчезаютъ, я престаю мечтать—чтобъ сожалѣть о сладостномъ изступленіи ума въ которомъ я находился! Вертеръ! Я не удивляюсь что конторщикъ отца твоей Шарлоты могъ говорить съ восторгомъ объ времени которое провелъ онъ на цѣпи въ безумномъ домѣ. Онъ не чувствовалъ что онъ лишенъ свободы: пружины его воображенія были натянуты, страсть занимала всю его способность мыслить; дни, недѣли и мѣсяцы протекали для него въ мечтаніяхъ, подобныхъ тѣмъ которыми наслаждаюсь я только по нѣскольку минутъ, и съ которыми нѣтъ въ свѣтѣ ничего сравнительнаго — кромѣ развѣ событій оныхъ въ самой вещи!

Февраля 6-е число.

Я оставилъ Минскъ въ 12 часу вечера, сдѣлалъ въ ночь пять добрыхъ миль, и прибылъ къ утру въ Кайдановo, большое мѣстечко князя Радзивила. Миля которую въ здѣшнихъ мѣстахъ называютъ доброю вѣрно не кажется такою дорожнымъ, поелику достоинство ея состоитъ въ томъ что она въ полтора а иногда и вдвое больше мѣрной пяти-верстной мили.

Во вторую упряжку проѣхалъ я еще пять очень добрыхъ миль до Столп-

цовъ, мѣстечка князя Черторижскаго. Въ семъ мѣстечкѣ есть доминиканскаго ордена монастырь и уніятская церковь. За милю отъ Столпцовъ оканчивается большой Радзивиловской лѣсъ.

Февраля 7-е число.

Подъ Столпцами перевозился я на паромѣ чрезъ Нѣманъ, который въ 6 миляхъ отъ туда беретъ свое начало. Миръ мѣстечко князя Радзивила находится отъ Столпцовъ въ 2-х миляхъ. Обвѣтшалый Мирскій замокъ съ башнями по угламъ его, и съ подъемными мостами приводитъ на память давно минувшіе дни злыхъ волшебниковъ и добродушныхъ рыцарей! Съ какимъ удовольствіемъ я всегда читаю чудныя похожденія Амабиговъ и Лизуартовъ, и пробѣгая слегка басни съ которыми перемѣшаны оныя, любуюсь милыми свойствами, коими отличался вѣкъ ихъ, вѣкъ столь несходный съ нашимъ! Мы не видимъ въ нынѣшнія времена подобныхъ имъ неустрашимыхъ защитниковъ невинности, подобныхъ имъ постоянныхъ любовниковъ, подобныхъ имъ строгихъ наблюдателей законовъ чести; и мы которые уступаемъ имъ во всѣхъ добродѣтеляхъ, мы смѣемъ самыя ихъ добродѣтели обращать въ посмѣяніе!

Дорога за Столпцами очень дурна, снѣгу совсѣмъ нѣтъ; и я съ великою трудностію могъ сдѣлать три мили, и дотащится до Волчьяго Болота, деревни графини Ходкевичевой.

Послѣ обѣда сдѣлалъ я не болѣе какъ одну семиверстную милю: сани подъ моей кибиткой изломались, и я долженъ былъ остановится въ мѣстечкѣ Турцѣ. Въ Турцовской волости которая принадлежитъ графинѣ Ходкевичевой щитаютъ два мѣстечка Турецъ и Еремичи, пристань на Нѣманѣ, осмнатцать селъ, и семь фольварковъ, или усадьбъ. Въ Турцѣ необходимость заставила меня купить себѣ польскую бричку: я заплатилъ за нее 25 рублей бумажками. Не очень я люблю эти брички: легки какъ польскіе умы, онѣ валки также какъ оные; и, думаю, не могутъ прослужить долго!

Февраля 8-е число.

Я сдѣлалъ въ ночь $4^1/_2$ мили и прибылъ къ утру въ Новогродекъ: сей городъ будучи польскимъ имѣлъ своихъ воеводъ. Онъ стоитъ на хребтѣ высокой горы и видѣнъ за 12 верстъ. Новогродекъ посредственно великъ и посредственно хорошъ, но мало городовъ которые дѣлали бы столько виду издалека. Дорогою со мною случилось нещастіе: отъ неприборчивости моего человѣка пропалъ мой сѣринькой англинской фракъ съ бѣлыми пуговицами, который былъ еще довольно новъ, и который я очень любилъ. Не предвѣщаетъ ли мнѣ сія потеря какой радости? Говорятъ будто бы небольшія бѣды бываютъ передъ большими благополучіями: примѣта коей справедливость доказана быть не мо-

жетъ! Но я совѣтую однако придерживатся оной: она полезна тѣмъ что заставляетъ сносить великодушно маленькія неприятности которыхъ въ жизни на часть каждаго достается довольно!

Послѣ обѣда я сдѣлалъ двѣ мили съ половиною (шестнатцать верстъ мѣрныхъ) и остановился въ карчмѣ принадлежащей къ Новинамъ, деревнѣ господина Салтана. Дорога отъ Новогрудка до Новинъ и отъ Новинъ до мѣстечка Бѣлицъ проходитъ сквозь лѣсъ.

Февраля 9-е число.

Отъѣхавъ около семи верстъ отъ Новинъ, мы имѣли нещастіе попасть въ лужу. Правыя колеса моей повозки увязли: но сама она всіо была еще на перевѣсѣ, и я лежалъ въ ней спокойно, ожидая чтобы люди мои, выпрягши лошадей, высвободили оную. Недолго находился я въ семъ безпечномъ состояніи, повозка моя стала опускатся ниже; и мнѣ самому быть бы въ лужѣ неминуемо, естьли бъ люди мои не подоспѣли ко мнѣ. Они вынули меня изъ брички и перенесли чрезъ воду на рукахъ. Это происходило, думаю, въ 4-м часу; ночь была темная, ни одной звѣздочки не блистало на небѣ, вѣтеръ шумѣлъ уныло въ сосновой рощѣ; и въ сію меланхолическую пору между тѣмъ какъ люди мои трудились около повозки — я сидѣлъ посреди рощи на льду... одинъ... и думалъ. Вы не угадаете, друзья мои, что занимало мои мысли. Я размышлялъ не о коловратностяхъ судьбы, не о помѣшательствахъ которыя встрѣчаются такъ часто человѣку въ исполненіи его намѣреній, хотя обстоятельство, время и мѣсто, казалось, позывали къ сему роду размышленій! Нѣтъ, милые! Я думалъ какъ живѣе и краснорѣчивѣе представить вамъ мое похожденіе! Богъ всегда помогаетъ въ нуждѣ: мы, по милости его, нашли оставленные кѣмъ-то шесты, и съ помощію оныхъ люди мои вытащили бричку. Лошади были снова запряжены; и мы поѣхали какъ будто бы съ ночлега, сдѣлали въ ночь двѣ мили съ половиною, и переправившись чрезъ Нѣманъ расположились въ Бѣлицахъ, мѣстечкѣ принадлежащемъ господину Муравскому.

Я здѣсь имѣлъ удовольствіе видѣть выученнаго медвѣдя; онъ плясалъ и исполнялъ очень хорошо все чего хозяинъ его отъ него требовалъ. Ну, естьли бы нѣкоторые изъ записныхъ нашихъ танцовщиковъ видѣли ловкость и искуство медвѣдя о коемъ я говорю! каково было бы ихъ самолюбію сдѣлать признаніе что и етотъ можетъ отличатся тѣмъ родомъ достоинства, безъ коего имъ самимъ не осталось бы совсѣмъ ничего?

Послѣ обѣда отъѣхавъ три добрыя мили остановился я въ Желудкѣ, мѣстечкѣ господина Тизенгаузена. Дорога очень нехороша; и я не смѣю надѣятся поспѣть завтра въ Гродно, такъ какъ имѣлъ бы я желаніе.

Февраля 10-е число.

Сдѣлавъ въ ночь 4 мили прибылъ я къ утру въ Каменку, небольшое мѣстечко того же господина Тизенгаузена. По дорогѣ ни о чемъ другомъ не говорятъ какъ объ мужественномъ видѣ, и объ вѣжливомъ обращеніи графа Орлова-Чесменскаго, который былъ проѣздомъ въ здѣшнихъ мѣстахъ, и объ королѣ польскомъ, который по приглашенію нашего Императора отправился на сихъ дняхъ изъ Гродны въ Петербургъ. Слышно что Ихъ Императорскія Высочества великія князья выѣдутъ навстрѣчу къ королю въ Ригу.

Послѣ обѣда отъѣхалъ я двѣ мили съ половиною и остановился въ Скидлѣ, мѣстечкѣ которое принадлежало королю польскому, и нынѣ состоитъ въ вѣдомствѣ литовской экономіи.

Февраля 11-е число.

Я проснулся въ деревнѣ Жидомлѣ, находящейся въ двухъ миляхъ съ половиною отъ послѣдней станціи, и въ трехъ миляхъ отъ Гродны. Сія деревня принадлежитъ генералъ-майору Тормасову, коему она была пожалована въ прошломъ 1796 году покойною Императрицею.

Я поѣхалъ изъ Жидомли въ 11-м часу. Ѣдучи видѣлъ я вдали или думалъ видѣть Кохановскія рощи, видѣлъ красивый павильонъ Понѣмунскій, видѣлъ въ правѣ отъ дороги веселый лѣсокъ который посѣщалъ я часто въ минувшее лѣто. Я вспомнилъ уединенныя мои прогулки, и приятныя часы проведенные мною въ собесѣдованіяхъ съ природою и съ самимъ собою! И сіе напоминаніе отдалило отъ меня на одну минуту чувствіе моихъ печалей!

Я теперь въ Гроднѣ! Въѣзжая въ сей городъ, я воздохнулъ по васъ, любезные! И мысль что я не съ вами сильнѣе нежели когда подѣйствовала на мою душу. Сколько дней, недѣль и мѣсяцовъ, — можетъ быть сколько лѣтъ пройдетъ прежде нежели васъ увижу! Но сердце мое, сердце коему вы столько милы, не престанетъ вами заниматся. Вы друзья мои! не забывайте меня, утѣшайте горесть мою частыми письменными увѣреніями что ваши чувствія ко мнѣ не перемѣнились!

И ты отъ меня далеко, очень далеко, ты которая мнѣ дороже всего въ свѣтѣ, ты которой ничто замѣнить мнѣ не можетъ! Увы въ сей сторонѣ чуждой сердцу моему, я буду жить не наслаждаясь никогда твоимъ присутствіемъ, и твое любезное имя не обрадуетъ моего слуха! Иногда... изрѣдка... друзья мои, тѣ коимъ ввѣрилъ я тайну моей къ тебѣ привязанности, отпишутъ ко мнѣ объ тебѣ, — щастливъ я естьли когда отпишутъ они что ты удостоила обо мнѣ вспомнить!

Письма В. Титовой Шишкинымъ, 1794-1796 гг.

Матушка милая и любезная сестрица Елизавета Петровна; писмо ваше имела удаволствие получить; тагжа и присланной гостинецъ пять банакъ варенья за все сие васъ моя милая пакорна благодарю; пишитя вы чтобъ уведомить васъ что носютъ; и шъютли битью круглыя платьи; то носютъ все тожа что и прежди адеваютца очень просто; галавныя уборы такъ дурны у мадамофъ что и поглядеть ненашта а битью шитыхъ, круглыхъ платьяфъ я еще ни на комъ не видала, а у мадамофъ есть в продажи круглыя платьи шитыя битью думаю что г зими та верна станутъ носить; а васъ моя милая прашу обходитца со мной бесцеремонии и ни писать етова что вы совеститесъ что меня абеспакоили я всегда рада вамъ служить и что для васъ будитъ угодна купить вы можете меня уведомить; я есть та каторая любитъ васъ чистосердечна и стараетца найти вашу дружбу; рада очень что платки вамъ полюбилисъ мадамъ вымала ихъ очень хорошо писала бы болше да Никалай Петровичь спешитъ отправлять писмы; затемъ проститя, впротчемъ пребуду покорная ко услугамъ много любящея васъ сестра

Отъ 14 октября 1794 года. Варвара Титова.

Государь мой Сергей Петровичь и матушка милая моя любезная сестрица Елизабета Петровна свидетелствую мое усердное почтение и приношу мою благодарность за любезное ваше писание; тагжа и за присланной отъ васъ мне платокъ; каторой сколка хорошъ неменее и любезенъ; получа отъ столь милыхъ для меня рукъ; посылаю к вамъ матушка обращики атласафъ; болше мне не дали купцы савсемъ не режутъ абрасцофъ; насила у знакомыхъ выпрасила цена онымъ 8 ру. 50 ко. можетъ несколка и уступятъ; на Милютинай фабрики есть прекрасныя атласы паласатыя по 3 ру. аръшинъ; тагжа писали вы матушка о табаке нигде и не у адной мадамы нетъ хорошева табаку; мы и съ кнежной ездили хорошева не нашли а которай у нее табакъ уже давно купленъ а таперь етокава нетъ нигде; а посылаю вамъ фунтъ табаку каторай я еще прошлаво году для себя купила не знаю полюбитца ли вамъ кажитца изъряднай; а я савсемъ не нюхаю табаку никакъ не магла себя приучить впротчемъ пожелафъ вамъ добраго здаровья и всякаго благополучия останусъ навсегда пакорная ко услугамъ сестра

Отъ 8 декабря 1794 года. Москва. Варвара Титова.

Матушка милая моя и любезная сестрица Елизавета Петровна;

Писмо ваше имела удаволствие получить; сердечно радуюсъ что вы здаровы; пишитя вы чтобъ уведомить васъ о Масковскихъ модахъ; то скажу вамъ моя жись на оное первое что головныя уборы очень нехороши наколачки самыя низинкия и немудреныя носютъ герлианды лентачки накалаваютъ волосъ почти не чешутъ, причесоваютъ одни толка локаны а передния вынутъ изъ бумажикъ да толка ращещутъ и наденутъ какой нибуть ласкутикъ тутъ и весь нарядъ. Платьи на всехъ круглыя и лифы короткия; пишитя вы что вышили платья то шъшеитя матушка с короткимъ лифомъ а что на подъклаткахъ носютъ менше нежели бесъ подъклатки потому что виднея будитъ что оно линовоя, однако можно и на подъклатки шъшить естли вамъ хочитца; еще носютъ платьи атъласнаи короткой лифъ з белами рукавами и к лифу надеваютъ белаю юпку лино или кисейная, а вместо кушека къ юпки пришитъ широкой рубецъ на подобия широково кушека и в нево вдеваютъ ленту которою назади нада завезать бантамъ толка етат нарятъ идетъ хъ худому человеку и для молодинкихъ; начинаютъ насить у насъ сарафаны а на галавахъ точно какъ зборники, толка этатъ нарятъ думаю недолга праносютъ потому что мала носютъ и многимъ ненравитца; я матушка еще в собрании не была а толка что зделала всемъ визиты приехавъ изъ деревни; а в будущей вторникъ збираюсъ ехать съ Елизавети Семеновни детми; то что увижу новинкова васъ уведомлю; итакъ на сей расъ не имея ничего болея писать, какъ толко пожелафъ вамъ добрава здоровья пребуду навсегда пакорная ко услугамъ верная вамъ

сестра Варвара Титова.

И вамъ государь мой Сергей Петровичь свидетелствую мое усердное почтение:

Тагжа и вамъ моя жись сестрица Варвара Петровна приношу мое почтение и за писаніе благодарю, желею очень моя милая что я с вами розна; безъ васъ и в клопъ не еждю, разве хто вызавитъ изъ деушикъ; приеждяй моя милая поскорея тота бы повиселилисъ не однаво бы собрания не пропустили.

Отъ 3 ноября
1795 года.
Москва.

Матушка милая моя сестрица Елизавета Петровна;

Благодарю васъ за любезное мне ваше писаніе я к вамъ затемъ не писала что не знала где вы находитесъ а таперь думаю что вы въ Ерославле; скажу вамъ матушка о себе мы слава Богу здоровы; толка со мной делаетца ташната и апетиту совсемъ нетъ, и я сума схажу думаю что брюхата первоя

что боюсъ родить хтому жа и в Питербурхе то наверноя збираюсъ умереть; Олгай Анъдревной я очень даволна всякой день мы вместе; а невестушку еще не понимаю она у меня не была а я ее дома не застаю; не знаю что у насъ будитъ Сергей Семеночь очень милъ да я ево редка вижу; была я матушка еще на хорахъ свадба была великова князя 15 числа и видила всю церемонию какъ ехали новобрачныя отъ Государыни в свой дворецъ с привеликой свитой и съ канвоемъ; познакомиласъ я с Ланскою и Щертковой видаемса я ими оченъ доволна; болше писать матушка нечиво тавары у насъ очень дороги лина почти нетъ кисеи в Москве дешевли а цветныхъ здесь савсемъ нетъ; Сергею Петровичу прашу сказать мое почтение любезныхъ детей прошу поцаловать; и всемъ вашимъ роднымъ прашу сказать мое почтение Катерине Клавдевни тагжа впротчемъ остаюсъ навсегда пакорная слуга и сестра

Отъ 18 февраля 1796 года С.Питербурхъ. Варвара Титова.

Письмо кн. И. Голицына С. П. Шишкину.

Милостивой Государь мой Сергей Петровичь

Приношу мою благодарность за сообщеніе новостей харошихъ, каторые мне сообщилъ Богданъ Михайловичь по приказанію вашему, Полшу разделили какъ кашку, и поляки шалуны своими дурацкими конфедераціями давели до онова, также и голой кароль сваими высокомерными мыслями, оному помогалъ кароль без королевства хуже всякова мещанина, с нимъ то зделали что делалъ князь Потемкинъ с генералами и полковниками, генералу не даетъ команды при арми держитъ, у полковника вазмютъ полкъ а в арми счисляется 34-го года въ царствованіе нонишней Императрицы, такіе важные зделалися перемены, что в прошедшіе столетніе веки такихъ не бывало, каралю и королеве голову отъ секли, кароля одново подстрелили какъ тетерева у третьева каролевство отъ няли, герцога с герцогства столкнули, хану крымскому голову отрубили таперя эти три пресилные государства, россіиская пруская и цесарская, хотя можно во оной щотъ и Англію но король тамъ всіо в опасности, потому што народъ тамъ силу болшую імеетъ. Гишпанія великое государство, но слабое правленіе, што они доказали противъ французовъ, прочіе государства боятся чтобъ ихъ не трогали, не только чтобъ имъ безпокоить.

Посылаю я къ вамъ двои часовъ адни впередъ уходютъ думаю что с

часъ вперіодъ, а другіе всіо астанавливаютца пращу васъ милостивой государь мой одолжить меня, пакудова мой земской будетъ въ Ярославлѣ, у себя аставить і паверить, а другіе показать часовому мастеру отчево астанавливаютца и какъ мой земской назадъ отъ правлятца будетъ, назадъ с нимъ прислать, а онъ думаю дни два пробудетъ, а что за те часы часовой мастеръ потребуетъ земской отдастъ.

Прошу засвидетельствовать искреннее мое почитаніе милостивой государыне моей Елисафете Петровнѣ.

Затемъ съ моимъ непременнымъ и должнымъ почитаниемъ имею честь пребыть
ваш Милостиваго Государя моего
пакорный слуга к. Иванъ Голицынъ.

P. S. Таперя этимъ тремъ государствамъ должно между собой жеребей кинуть, каму из нихъ ленты польскія раздавать ежели голому королю оставить превелегію оную, ему нечемъ платить за ордены и ленты, разве положатъ цену, кому дадутъ полскую ленту, то долженъ заплатить некоторую сумму голому королю польскому.

На оборотѣ письма:

Милостивому Государю моему
Сергѣю Петровичу
Его высокоблагородію Шишкину.
Въ Ярославлѣ.

Два письма Т. Борноволокова С. П. Шишкину, 19 и 26 іюня 1787 года.

Москва 787-го года Іюня 19-го дня.

Миластивой Гасударь
Сергей Петровичъ

Я хотя и въ нонѣшние родился времяна но не ставлю себѣ въ стыдъ придерживатся старины а наиболѣе помню пословицу я думаю известную и вамъ что (до слова крепись и пр:) но сия ещѣ не важнѣйшая есть притчина побуждающая меня написать къ вамъ сиі строки а болѣе меня къ оному понуждаетъ истинное мое къ вамъ почтение кое я здесъ хотя несравненно слабѣйшимъ нежели каково оно есть въ сущѣствѣ изъяснить приемлю смѣлость и уверить васъ что оное навсегда мною непремѣнно чувствуемо пребудетъ.

Теперь я зачну писать реляцию нашего путешествия кое продолжалосъ почти трои сутки ибо мы приехали 11-е число сего месяца то есть въ пятницу въ 9-мъ часу по полудни въ домъ Е: В: стоящѣй въ самомъ глухомъ местѣ изо всей Москвы а именно на Воронцовскомъ полѣ и мы тутъ живемъ будто внѣ Москвы потому что мимо насъ въ день едва проедутъ однѣ дроги съ бочкой за водой въ Андрониевъ монастырь и такъ по этому вы можѣтѣ судить съ коликимъ мы препровождаемъ время веселиемъ но со всемъ темъ могу сказать что Москва денги любитъ.

Прибытия ожидаютъ къ 22-му сего месяца и кажется что Москва принимаетъ совсемъ новой видъ ожидая въ себя столь великия монархини коей неусыпныя попечениі къ составлению обшественнаго или народнаго благоденствия побудили пренебречъ все трудности путешествия; что можетъ зделать одна несравненно Великая Екатерина.

Іхъ высочества ужѣ давно какъ вамъ известно прибыли въ Москву или въ Коломенское и ещѣ ихъ изъ масковскихъ почти никто не удастоился видеть.

На теперешнѣ случай вамъ более ничего новова доложить не знаю а что будетъ въ перед то за непременной почту долгъ васъ покорнейше уведомить теперишнее же мае писмо акончу маей нижайшей прозбой о продолженіі ко мне вашихъ милостей и о нелишеніі вашего писания чемъ къ себѣ благодарностию обяжетѣ пребывающаго съ искреннейшимъ пачтениемъ какъ къ вамъ такъ и къ Миластивой Государынѣ Елизаветъ Петровнѣ

Миластивый Гасударь
вашего покорнейшаго слугу
Тертия Борноволокова.

І вамъ Милостивый Гасударь Александръ Петровичъ свидетелствую мое пакорнейшее пачтение съ коимъ и пребыть честь имею вашимъ

Миластивый Гасударь мой
пакорнейшимъ слугою
Т. Борноволоковъ.

Миластивый Гасударь Сергей Петровичъ

Засвидетелствовавъ вамъ мое пакорнейшее почтение скажу о масковскихъ обстоятелствахъ кои суть таковыя что Ея Ім: Величество прибыла въ Коломенское 23-е число сего текущаго месяца и на другой же день то есть 24-е былъ допускъ 4-мъ классамъ а 27-е будетъ триомфалной въездъ въ Маскву и проедетъ прямо въ Успенской саборъ а отъ туда въ домъ Захара Григоръевича Чернышева гдѣ и прабудетъ 4 дни а отъ туда посетитъ Кусково и при дворѣ будетъ маскарад по прошествіі же 4-хъ днѣй возвратится опять въ

Коломенское а оттуда въ Петровской а оттуда отправится прямо въ С.П.бургъ проговариваютъ что намерение есть быть и у Троицы но это не верно более за короткостию времяни писать некогда а теперь при засвидетелствованиі маего пакорно нижайшаго пачтения Миластивой Гасударынѣ Элизаветъ Петровнѣ пребыть честь имею вашимъ

Миластивый Гасударь
пакорнейшимъ слугою
Тертиі Борноволоковъ.

$17\frac{26}{VI}87$.
Москва.

Два письма И. Ястребцова П. С. Шишкину, 30 іюля и 29 октября 1804 года.

Я виноватъ предъ Вами, любезной мой Павелъ Сергеевичь! Нечаянной отъѣздъ въ деревню лишилъ меня случая проститься съ Вами. Я называю это случаемъ, и во всякое другое время, случай подобной для меня непріятенъ, а этотъ — повѣрите ли? нѣсколько милъ!! Я называлъ — и вѣрно не ошибался — днемъ радости и удовольствія тотъ день, которой проводилъ съ Вами. Ваша бесѣда такъ мила, обхожденіе такъ любезно, откровенность такъ мнѣ по сердцу — — — однимъ словомъ, я былъ бы недоволенъ собою, естли бы нарочно пріѣхалъ къ Вамъ—*проститься*. Слово *прости* невесело. Оно всегда предполагаетъ отсутствіе, или разлуку: и кто рѣшительно скажетъ: на столько-то дней; до такого-то случая!... Увы! лучше имѣть печальное удовольствіе растаться безъ прощанья, утѣшая себя мыслію, что, коли не простились, такъ и не разставались; нежели съ тяжкимъ вздохомъ, съ полумертвою улыбкою, сказать: прости!!

Позвольте спросить себя, весело ли Вамъ въ деревнѣ? Я съ своей стороны предоволенъ ею. Маленькіе холмики, чистые ключи, тѣнистая роща, небольшой прудъ, на которомъ гуляютъ въ легкой лодочкѣ—все ето въ десяти шагахъ отъ моего уединеннаго домика. Ясное небо, веселые поселяне, золотая жатва, трудъ и удовольствіе дѣлаютъ картину интереснѣйшую. Я пріѣзжаю въ городъ только, на нѣсколько часовъ; только для того чтобы узнать, не пишутъ ли ко мнѣ отъ куда нибудь—и, представьте, возвращаюсь всегда съ досадою, что не получаю писемъ отъ того, кто взялъ и адресъ отъ меня... Не хочу подумать, чтобы онъ былъ затерянъ: или — почему же и не подумать такъ? Лучше видѣть адресъ затеряннымъ, чѣмъ себя въ памяти Вашей умершимъ... Это не сатира: однако и не панегирикъ. Судите, какъ можете!

Желая, сколько нибудь, возобновить имя свое въ душѣ Вашей, съ удовольствіемъ равнымъ моей претензіи на Васъ, посылаю вамъ имя сіе, чисто и внятно напечатанное на первомъ листѣ книжки, при семъ прилагаемой. Приношеніе ничего не значущее; но его цѣна зависитъ отъ характера приносящаго и пріемлющаго. Я увѣренъ въ Вашемъ хорошемъ расположеніи ко мнѣ: прошу Васъ быть увѣрену, что умѣю чувствовать и судить; что не хочу напрасно носить имя Вашего,

30-го Іюля любезной мой Телемакъ,
1804. покорнѣйшаго слуги
Иванъ Ястребцовъ.

P. S. Возвращаю *Генріетту* и *Едуарда* въ *Велькольмской* ихъ *замокъ*. Корсеры, или книгопродавцы Московскіе покушались на ихъ жизнь: я спасъ невинныхъ отъ погубленія, и отдаю ихъ вамъ на руки. Предоставляю также Вамъ извинить грубой и неучтивой отказъ книжниковъ предъ почтеннымъ Господиномъ переводчикомъ.

На оборотѣ:

Въ Ярославлѣ.
Его благородію
Павлу Сергеевичу
Шишкину.

Москва. 1804. Окт. 29 дня.

Утѣшитель мой!

Пріятнѣйшее письмо Ваше отъ 20 октября имѣлъ я удовольствіе получить—и въ какое время! Въ первую минуту, когда, послѣ утомительныхъ припадковъ лихорадки, свирѣпствующей въ столицѣ, разкрылъ померкшіе глаза насладиться еще нѣсколько зрѣлищемъ натуры. Долго душа моя, заключенная въ бренномъ тѣлѣ, изнемогала подъ тяжестію скорби. Улыбка радости не оживляетъ болѣе лица моего. Граціи бѣгутъ отъ мрачнаго взора меланхолика — бѣгутъ на встрѣчу цвѣтущей молодости!.. Хвала небу! начинаю дышать сводднѣе. Ваше письмо, то есть, изьявленіе вашей дружбы, вашего воспоминанія обо мнѣ, развеселяетъ грусть одиночества. Мысль о свиданіи личномъ — которое, какъ обѣщаете, не замедлится — подкрѣпляетъ во мнѣ чувство сего веселія.

Я въ такомъ положеніи, что въ состояніи плакать обо всемъ, по-Гераклитовски. Я вздохнулъ бы, по крайней мѣрѣ, лишнихъ раза два за Васъ, что невесело провели пріятнѣйшую часть года—лѣто, естлибы это не было слишкомъ безполезно. О томъ не скорбятъ, что скука миновалась!! Удивляюсь какъ Вы не нашли ни лѣсовъ, ни горъ, ни холмовъ романическихъ. Мы, жители столицы,

заключенные въ четырехъ стѣнахъ большаго небѣленаго дома, называемаго театромъ, гуляемъ—разумѣется, глазами—по бархатнымъ полямъ, по цвѣтущимъ долинамъ, по тѣнистымъ рощамъ и лѣсамъ дремучимъ — не смотря на суровости осени, на угрюмость косматой бѣловолосой старухи — всегда, какъ только захотѣлось. Теперь настало для насъ царство чародѣевъ и волшебниковъ. Все, что слышали Вы въ дѣтствѣ отъ нянюшекъ, въ рускихъ сказочкахъ, теперь можете видѣть въ дѣйствіи. Побывайте на представленіи Днѣпровской Русалки. Сколько чудесъ! оборотни, водяное царство, громы, бури, вдругъ тишина — — —

То черти на небо таскаютъ,
То въ тартаръ головой толкаютъ — —

Не выходишь изъ очарованія!

Препорученія Ваши съ удовольствіемъ исполняю. Желаемыя французкія книги будутъ доставлены сею же почтою—естли успѣю: въ противномъ случаѣ, прошу взять терпѣніе до будущей суботы. Почта отходитъ въ 11-ть часовъ; а теперь—когда еще не кончилъ письма — бьетъ девять! Денги 5 рублей будутъ доставлены Г-ну Лалье при первомъ случаѣ. Билетъ получите или отъ него, или отъ меня, ежели это нужно. *Московской Курьеръ*, возвѣщенный въ газетахъ, не много обѣщаетъ по своей вѣтрености. Подозрѣваю, чтобы въ *сумкѣ* его была хорошая поклажа. Время рѣшитъ подозрѣнія. Возмемъ терпѣніе до 1-го января: подписаться и тогда успѣемъ. Предваряю, однако, что М. Курьеръ великой *шутъ*. Естли онъ не *дуракъ*, на мои глаза не будетъ противенъ! — Къ слову о книгахъ.

Acheter quelque chose de joli — un petit roman, tendre et sentimental — pour deux roubles!! Et c'est pourtant pour Mademoiselle Votre Soeur! Какое искушеніе для моего самолюбія! — смиримся въ низкой долѣ своей и торжественно признаемся въ невѣжествѣ!.. Чувства мои столько ль нѣжны, умъ—на случай говорю, ежели онъ есть во мнѣ—столько ли проницателенъ, сужденіе столько ли вѣрно, чтобы я могъ гармонировать съ душею Вашей сестрицы? Потребно имѣть ту деликатную организацію, то чувство изящнаго, которыми отличается прекрасной полъ—чтобы умѣть отвѣчать ихъ требованіямъ, угадать ихъ вкусъ! Я ли, кабинетной ученикъ природы, профанъ большаго свѣта, смѣю указать предѣлы чувствительности Вашей сестрицы, и по своему выбору заставить читать книгу, которая могла бы мнѣ нравиться? Однимъ словомъ, сколько порученіе сіе для меня лестно, сколько счастливое исполненіе онаго могло бы сдѣлать мнѣ чести, столько же самолюбіе мое страшится униженія. Удовлетворяя однако требованію, пойду къ Riss et Saucet, прикажу читать ему всѣ „livres tendres et sentimentales“ — разумѣется, одни титулы, стану спрашивать о цѣнѣ каждой, и—которая попадется à deux roubles, та и Ваша.

Есмь съ истиннымъ моимъ почтеніемъ и усердіемъ Вашъ покорнѣйшій слуга

Иванъ Ястребцовъ.

Письма А. Кирѣевскаго П. С. Шишкину, 1809 и 1810 гг.

Любезной Другъ! сколь много меня утешило твое письмо, я думалъ что въ продолженіи сего времени что мы с тобой не видались ты меня забылъ бывъ окруженъ множествомъ разныхъ удавольствій. О себѣ тѣбе скажу что я послѣ твоево отезду скоро почуствовалъ что я остался одинъ, хотя и въ такомъ многолюдномъ городѣ какъ нашъ Питеръ, но коль скоро лишисься товарища всехъ удавольствій, то тѣ же удавольствіи кажуться иными, гдѣ тѣ прогулки каторыя мы с табой дѣлали, часто бывъ глазъ на глазъ, не видали какъ пролетали длинныя летнія дни какъ скоро проходили мрачьныя осеннія и зимнія ночи нѣтъ! таперь соглашусь съ Буало, que heureux est cet lui qui est inceparable avec son ami. Захожу въ Лондонъ, Парижъ и Бордо, думаю что не повстречаюсь ли съ милымъ Шишкинымъ, чтобъ поиграть и поспорить за биліяртомъ, но не тутъ-то было... Въ Питербурге нашелъ такъ весело что я тебѣ пересказать не могу, время стало прекрасное, все булевары и набережныя наполнѣны прогуливающимися, весна въ Петербургѣ есть прекрасное время, батюшка мой меня звалъ въ Москву по зимнему пути но променяю ли я ястреба на кукушку нетъ я себѣ далъ честное слово чтобъ не оставлять Питера какъ на три месяца а много на четыре и тово мне бы очинь не хотелось, ибо мне Петербургъ часъ отъ часу болѣе и болѣе нравиться, какъ я утешаю таперь себя будущимъ, думаю что на ту зиму мы с табой любезной другъ повеселимся. О политикѣ тебѣ только скажу то что Государь ездилъ съ графомъ Аракчеевымъ въ Швецію, и отъ туда какъ говорятъ возвратился съ миромъ, французы взяли Лисабонъ, вотъ что верно а протчимъ слухамъ верить никакъ нельзя, скажу тѣбѣ что Федоръ Шеремѣтьевъ здѣланъ переводчикомъ, суды приехалъ Павелъ Мещаниновъ, съ которымъ мы отъ суда въ апрелѣ вместѣ поедѣмъ в Москву, также и з Дуровымъ, каторой тѣбе кланеится. Интригъ братицъ у меня отъ роду не бывало, а пылкія мои желанія услаждаю я Аннушкой которая говоритъ что она беременна, ежели ето правда, и она родитъ то каковъ долженъ быть робенокъ, какая смесь, ето будѣтъ чудо въ природѣ, и я за удавольствіе почту посвятить такое чудо здешней кунсъ-камыры. Таперь пришли праздники, съ коими тебя поздравляю, но я ими не утешаюсь

потому что боленъ простудой, мы съ . . . . . ездили въ саняхъ въ Кронштатъ и тутъ то я и простудился, ничево тамъ не видали, а кромѣ что я ловко попилъ портеру конфискованнаго, которой тамъ славной; питергофской дороги я еще не имелъ духу быть слетственно, и ничего не могу тѣбе сказать; книги какія я могъ найти по твоеіи записки посылаю на сей почтѣ, в томъ числе одну Дурова, которою не забудь съ сабой привести суды. Затѣмъ пребуду тѣбе вечьно любящимъ и вернымъ другомъ.

1809: Апреля 1-го числа. Александръ Кирѣевской.

С.-Петербургъ 1809-го года Апреля 26-го числа.

Получилъ письмо твое безценный Другъ, я такъ щастливъ что магу тѣбя онымъ назвать, что можетъ мне принести болѣе удавольствія какъ получить отъ тѣбя письмо, знать о твоемъ здоровіи, о твоихъ удавольствіяхъ, словомъ о всемъ что до тебя косается, есть для меня чрезвычайное удавольствіе, такое котораго мне описать трудно, естлибы ты видѣлъ какъ я рвалъ конвертъ твой отъ нетерпенія, мне казалось что онъ склѣенъ, наконецъ разрываю и нахожу красноречіе въ первыхъ строкахъ твоего письма, иной бы прочелъ ето съ холоднымъ сердцемъ, но другъ твой читалъ ето с такимъ удавольствіемъ, какъ бы Гомѣрову Эліаду, но с тою только разницею что одинъ мне другъ, а другаго я въ глаза не зналъ, ты меня умарилъ со смеху описаніемъ своихъ тѣатрофъ, мне жаль что я не участникъ твоихъ зрелищъ, оне еіи Богу завидны. мне же с табой и дурное кажеться хорошимъ, а скушное весѣлымъ напрасно я бегаю съ тротуара на тротуаръ, съ набережной на набережную, нетъ радости нетъ удавольствія, сердце пусто, воображеніе занято тѣмъ каво нетъ со мною, весна показываеться во всей своей красотѣ, Нѣва давно уже вырвалась изъ льдѣныхъ оковъ своихъ, однимъ словомъ все веселиться, все приняло видъ радости, прошедшею весною и я радовался, и мне все нравилось потому что я былъ с табою, былъ съ другомъ съ коимъ дѣлилъ я моі чуства, кидалъ взоръ на будущее и смѣялся прошедшимъ, нынѣ же с кемъ раздѣлю сіе, и кто можетъ заменить мне тебя, тебя котораго я поклялся любить по послѣдній вздохъ моеіи жизни, клянусь тѣбѣ всѣмъ что есть святаго для меня, в семъ мирѣ что дружба моя к тѣбѣ не погаснетъ преждѣ какъ съ жизнію моеію, ежели ты найдѣшъ себѣ друга, которой будетъ имѣть характѣръ гораздо сходнѣе съ твоимъ нежели мой, ето можетъ быть, но чтобы онъ любилъ тебя столько сколько я, о томъ побожусь что нетъ, хоть бы ты искалъ съ диогѣновымъ фонаремъ, любовь не в силахъ такъ связать двухъ сердецъ какъ дружба, свитильникъ любви угасаетъ, но дружбы никогда, мы въ любляемся въ девушку когда она хороша, мила, невинна, молодость ея станетъ увядать, а любовь к ней гаснуть, но дружба нѣ требуетъ красоты и целомудренности,—но полно

болтать листъ скоро кончиться, и я не успею тебѣ сказать что въ торое маіе я отъ суда еду, и въ началѣ августа непременно возвращаюсь, и нахожу уже тѣбя здесь катающагося на борзыхъ коняхъ и на лихихъ московскихъ дрошкахъ, тутъ то мы покатаемься и коли не повеселились въ мѣстѣ лѣто, такъ повеселимся хоть осень; претставленія ни ваши, ни наши еще не вышли а съ часу на часъ ждутъ; Дуровъ носитъ пучекъ печатей, которой больше похожъ на мячекъ съ шитый изъ разноцветныхъ ласкутьевъ, но надо прибавить что мячикъ етотъ въ баранію голову; и такъ любезной другъ я долженъ с табой проститься. Съ лезы навертываються на глазахъ моихъ... адна из нихъ капнула на ету бумагу, пусть она напомнитъ тѣбѣ тово хто тѣбя всемъ седцемъ любитъ.

А. Кирѣевской.

Бѣседуя с табой я забылъ что шесть часовъ а я еще нѣ обѣдалъ.

Петербургъ. 1810-го 14 Іюля.

Наконецъ письмо отъ Шышкина отъ любезнаго моего друга хотя полное и упрековъ (коіи по правдѣ сказать я заслужилъ) но все весточька отъ тебя, и мне стало веселѣе и такъ-то веселѣе что мне кажеться я переродился, ты довольно знаешъ мой нещастной характеръ что я ничемъ недоволенъ, все скучаешъ, и ничьто не веселитъ; но когда воображеніе мое переселяетъ тебя ко мне, я с тобой беседую и въ воображеніи такъ приятно что скука проходитъ, и я начинаю ворчать французкія водвели, закуриваю трубку et la tristesse va au Diable. Полно тебѣ сердитца, ты уже уверинъ, и мне не нужно тебѣ петь о моеіи къ тебѣ дружбѣ, ты знаешъ что Кирѣевской тебя любитъ и никогда не перестанетъ любить; а что я к тебѣ не писалъ, то ето потому что я былъ занятъ, чемъ? Богъ знаетъ, только еіи Богу какимъ то ето образомъ только никакъ не удавалось мне к тебѣ писать какъ чортъ дорогу переедѣтъ. Ну что таперь тебѣ сказать, я живу довольно весело, почти каждой день на остравахъ и на дачахъ, пара моя мне служитъ верою правдою, только что я старую пристежную свою продалъ за 300 рублей а купилъ себѣ новою за 450 р. серую лошатка предорогая и хорошо скачетъ, и какъ запущу по Исакіевскому и Тучькову мосту то какъ изъ лука стрела, ето иногда меня веселитъ. Таперь збираюсь на праздникъ 22-го числа говорятъ что оный будѣтъ въ Павловскомъ и мы зговорились Съвиньинымъ П: ехать въ местѣ и тамъ ночевать, что бы судьбѣ здѣлать мне едакой праздникъ чтобъ Шышкинъ тамъ явился правду сказать я бъ за ето дорого далъ; новинькова здесь ничего нету я думаю ты о свадбѣ Кусовниковой слышалъ что она идѣтъ за Новасильцова, еще что Миллеръ бывшей шефъ какого то гусарскаго полка взятъ въ генералъ атъ-ютанты; молодая Государыня изволила отъ правитца къ Бальдонскимъ водамъ; вотъ

что я знаю затѣмъ прости любезной другъ будь здаровъ и веселъ тово тѣбе отъ всей души желаетъ

Александръ Кирѣевской.

Часы твоіи обоя на сей почьтѣ отъ правляю, а с моими печатками здѣлай что нибудь или ихъ тамъ продай или пришли ко мнѣ.

Вотъ мой адресъ. На Фонталкѣ въ домѣ Го-на Назимова.

Здѣлай одолженіе пиши ко мне на досугѣ ты мне здѣлаешъ большее удовольствіе.

Дуровенція уже здесь почти два месяца а я только видѣлъ одинъ разъ да и то у Строгонова в саду. Поклонись отъ меня твоему прелестному Павловскому; естлибы я не ехалъ с Мерлинымъ фъ Финляндію, я бъ к тебѣ на недельку прикатилъ.

Пистолетовъ твоихъ у меня нету я спрашивалъ у Михаилѣ и у Максимкѣ они мне сказали что Степанъ ихъ продалъ, а сопоги у Михаилѣ.

На оборотѣ письма:

Въ Ярославлѣ.
Его Высокоблагородію
Милостивому Государю
Павлу Сергеивичу Шишкину.
Въ собственномъ домѣ.

П:бургъ. 1810 Сентября 26-го.

Получилъ отъ тѣбя письмо отъ 12-го нынешняго месяца могу ли описать то удовольствіе которое мне оно принесло, конешно нетъ, j'ai beau chercher les expretions les plus recherchés, они все не будутъ достатошны; божусъ тѣбѣ надо разлучитца чтобъ знать всю цену дружбы, клянусъ тѣбе ты можешъ верить и не верить, хотя ты уже довольно знаешъ мое сердце, что с техъ поръ какъ я тебя не вижу, я не былъ ни минуты веселъ, хотя искалъ и имѣлъ всякаго роду рассеянности и удовольствія, но какъ не с кемъ ихъ раздѣлить то поверь мой другъ что они еще болѣе отягощаютъ бытіе наше. Я ездилъ какъ и с тобой въ Павловское, въ Петергофъ, Кронштатъ, Царское; словомъ всюды (с однимъ моимъ приятѣлемъ а именно Еркинымъ) но с кемъ я могъ быть такъ веселъ какъ с тобой; я не знаю отъ чего но когда я вспомню о тѣбѣ что почьти безпрестанно бываетъ, то мне кажетца что я таперь тебя больше люблю нежели когда либо, si je vous ment je veus que le ciel m'écrase. Какъ я ни старался приучить себя къ Годенну но никакъ в томъ не успелъ, видно сердце наше всехъ равно любить не можетъ. Что тѣбѣ сказать о себѣ, я здаровъ и довольно веселъ, жду своего батюшку сюды по первому пути, ибо дѣло решено,

я въ Генварѣ месяце еду въ *Парижъ* батюшка мне позволилъ и я скоро подамъ прозьбу об отставкѣ, мысль что я еду туды веселитъ меня несказанно, но опять какъ и вспомню что я еду одинъ, оставляю отечество и все что имѣю в сей жизни драгоценнаго, и вотъ еще тѣбе что скажу, что какъ мне говорили не езди, такъ я сходилъ с ума, а какъ сказали поезжай, то готовъ хоть бы и остатся, сердце, сердце хто знаетъ чего ты хочешъ, но я презираю все и еду непременно; Кусовъ мой родня перевелъ уже по батюшкиной прозьбѣ 8 тысячъ рублей въ Парижъ слетственно акроме моеіи смерти нетъ препятствія; одна франсуженка будетъ моимъ товарищемъ до Франкфурта. Она просила мою матушку чтобы я здѣлалъ одолженіе взялъ на себя трудъ ехать с ней, какъ не взять еіи 25-ть лстъ; ты позавидуешъ мне и скажишъ какъ онъ щастливъ, онъ исполняетъ чего столько желалъ, но ты ошибесся, я очинь очинь грустенъ, и естлибы я хоть немношко былъ щастливъ по моеіи службѣ то послалъ бы путешествіе к чорту. Отъ далившись отъ отечества я еще болѣе буду имѣть нужды в твоеіи дружбы, ибо сей залогъ вяще прилепляетъ насъ к тому месту гдѣ мы оной оставили. Пишишъ любезной другъ что ты надеешся быть у принца ето место прекрасное и видное дай Богъ чтобъ ты нашелъ в немъ много себѣ пользы, тѣбя судьба твоя никакъ не нежитъ идѣтъ противъ всехъ твоихъ претприятіевъ авослибо ты еіе переломишъ и поживешъ въ свое удовольствіе. Что тѣбѣ сказать о новостяхъ ихъ здесь очень мало, да и я жъ об нихъ знать не хочу, ты за ето на меня понегодуешъ, но ты знаешъ мой другъ что я всегда былъ таковъ, и видно и останусь такимъ, каковъ изъ колыбелки таковъ и въ могилку; дорого бы я далъ чтобъ тебя увидить до моеіи поезки и естлибы батюшка с матушкой не приехали бы суды то я бъ полетѣлъ къ тѣбѣ въ Ярославль ето бы утешеніе долго бы питало мое одиночество; но какъ мне кажетца сего не будитъ то замени мне ету потерю твоими драгоценными для меня письмами я к тѣбѣ хотя два раза въ месяцъ да буду писать непременно, я к тѣбѣ писалъ бы и чаще но хлапочу объ свидѣтельствѣ изъ дешняго Губернскаго Правленія что ни я ни отецъ мой не имѣемъ долговъ и люди не распутные, ето сущая бездѣлица но вотъ уже месяцъ какъ хлопочу, и думаю что еще два прохлопочу, таковы дѣла, а безъ сего нельзя получить пашпорта. О табакѣ скажу тѣбѣ что тотъ которой мы покупали по 6 ру. ныне 8 рублей картузъ; да напиши что ты здѣлалъ с моими печатками коли ихъ все за 100 рублей не продалъ то пришли оные ко мне ты меня много одолжишъ. У насъ осень стоитъ прекрасная, но все продукты в страшной ценѣ вообрази овесъ 12 рублей куль да и какъ не быть рубль серебреной ходитъ 4 рубли червонецъ 12, весело въ Петербургѣ зато какже и накладно карману. Прости любезной другъ не забывай истинно тебя любящаго друга твоего

Александръ Кирѣевскаго.

Я увѣринъ в твоеіи ко мне дружбѣ и потому не стану упоминать чтобъ ты обласкалъ моего родню живущаго в Костромѣ.

Письма Александра Максимовича Княжевича*) П. С. Шишкину, 1816, 1818, 1819 и 1820 гг.

Вѣна $^{8}/_{20}$ Декабря 1816.

Чувствительнѣйше благодарю васъ, почтеннѣйшій Павелъ Сергѣевичь, за пріятнѣйшее для меня писмо ваше изъ Флоренціи и за дружбу вашу, которую я очень цѣнить умѣю. Для меня весма бы пріятно было, если бы вы почаще увѣдомляли меня объ вашемъ путешествіи и о всемъ, что тамъ съ вами происходитъ; вы можете быть увѣрены, что все до васъ касающееся будетъ меня очень интересовать. Вложенное вами писмо къ Л. В. Давыдову я отдалъ ему тотчасъ же по полученіи; кажется однако же онъ уже отдумалъ ѣхать въ Италію, ибо здѣшніе доктора увѣряютъ его, что пуля начинаетъ сама выходить и онъ поѣхалъ теперь на нѣсколько дней въ Баденъ, чтобы тамъ брать души.

Весма радуюсь, что вамъ Италія такъ много понравилась, и вы такъ весело проводите время. Болѣе всего желаю, чтобы климатъ и дорога улучшили ваше здоровье. Мы же здѣсь живемъ все по старому: ни очень скучно, ни очень весело. Теперь и мы иногда имѣемъ случай мечтать объ Италіи; сюда пріѣхала Италіанская опера, въ коей есть двѣ весма хорошія пѣвицы: Sigra Valsov. Spada и Sigra Borgondio и пѣвецъ Sign. Taechinardi, какъ говорятъ, извѣстный во всей Италіи. На сихъ дняхъ также пріѣхалъ сюда и Роти, который однакоже по его словамъ нигдѣ съ вами не встрѣчался, хотя также сдѣлалъ кругъ по всей почти Италіи. Нарышкинъ, который увѣрялъ, что видѣлся съ вами въ Венеціи, недѣли съ полторы уѣхалъ отсюда въ Россію и наговорилъ намъ здѣсь чудеса объ Италіи и Франціи, а особенно о Парижѣ, о чемъ онъ вѣроятно и вамъ прожужжалъ уши, если только правда, что онъ васъ видѣлъ. Уваровы и Андреевскій уѣхали уже отсюда очень давно, если только не прежде васъ, чего я хорошенько не припомню. Впрочемъ послѣ ва-

*) Бывшаго потомъ министромъ финансовъ.

шего отсюда отъѣзда никто изъ Русскихъ здѣсь не жилъ, а только были нѣкоторые мимоѣздомъ, какъ то: Новосильцовъ, Графъ Заводовскій, В. С. Поповъ и Графъ Панинъ, который еще и теперь здѣсь.

Поклоновъ вашихъ прелестной M-lle Sterneck и M-me Balk я по сю пору еще не могъ засвидѣтельствовать, потому что не имѣлъ еще случая видѣть ихъ по полученіи вашего писма; при первомъ же случаѣ не замедлю исполнить ваше порученіе.

Я слышалъ, что вы путешествуете вмѣстѣ съ Генераломъ Чаплицомъ. Если это правда, то покорнѣйше васъ прошу засвидѣтельствовать ему мое почтеніе.

По случаю свадьбы Императора не было здѣсь при дворѣ никакихъ еще увеселеній; но на масляницу ожидаютъ сюда Баварскаго короля и мы надѣемся что нибудь увидѣть.

Къ сожалѣнію долженъ я вамъ сказать, что билетъ вашъ на лоттарею, такъ же точно какъ и два моихъ и десятки тысячь другихъ ничего не выигралъ.

Прощайте, почтеннѣйшій другъ! Братья мои свидѣтельствуютъ вамъ свое усерднѣйшее почтеніе и желаютъ, равно какъ и я, всевозможнѣйшихъ удовольствій, здоровья и благъ.

Преданнѣйшій вамъ навсегда
А. Княжевичь.

На оборотѣ письма:

A Monsieur
Monsieur Ferdinand de Politti,
Banquier
à Nâples

On est prié de remettre cette lettre à Mr. de Schichkin, Officier aux gardes de S. M. L'Empereur de toutes les Russies et Chevalier de plusieurs ordres.
Knésévich. Bauermarkt № 617 im 3-ten Stock.

Милостивый Государь
Павелъ Сергѣевичь!

Чувствительнѣйше благодарю васъ за воспоминаніе, которымъ съ матушки Россіи подарили вы насъ здѣсь на чужбинѣ. Вы теперь, какъ видно, совсѣмъ разпростились съ суетами мірскими и живете въ деревнѣ для себя; мы же безпрестанно еще вертимся въ кругу оныхъ. Вы однакоже ни слова не сказали вышли ли вы въ отставку или живете въ отпуску; но какъ вы ни слова не упомянули объ вашей службѣ, то я и полагаю, что вы взяли чистую. Мы же здѣсь съ утра до вечера работаемъ въ нашей Коммиссіи и въ рядъ ли ра-

нѣе полугода отдѣлаемся совершенно отъ нашихъ счетовъ. Всего лучше могу я доказать вамъ справедливость этаго, когда скажу, что вотъ уже два года какъ я не былъ въ Баденѣ ни на полчаса. Совершенное отторженіе отъ свѣта и отъ *милыхъ* не позволяетъ мнѣ сказать вамъ объ нихъ ничего интереснаго, иначе конечно послѣднія, узнавши, что я пишу къ вамъ, послали бы вамъ тысячи поцѣлуевъ. Изъ Русскихъ перебывало здѣсь нынѣшній годъ весма много, но только все не на долго; съ семействами были: Московскій Комендантъ Волковъ, Мальцовъ, Марченко и многіе другіе, а молодыхъ людей и не перещитаешь. Изъ старыхъ же еще живутъ здѣсь: Княгиня Меньщикова, Малышева (которой мужъ будетъ сюда въ концѣ Октября съ дѣтьми) и Уварова; онъ же такъ же поѣхалъ на время въ Россію и будетъ опять сюда. Бѣдный Хитровъ также еще здѣсь; онъ долженъ былъ снова выдержать такъ называемый grosse Cur (какой держалъ въ 1816-мъ году въ Баденѣ Герштенцвейгъ, которой въ нынѣшнемъ году былъ также ненадолго здѣсь); но кажется это ему не много помогло.

Что касается до вашихъ книгъ, то я съ большимъ удовольствіемъ готовъ взять ихъ во время моего проѣзда съ собою; удастся ли же мнѣ прежде какъ нибудь ихъ отправить, вѣрнаго слова вамъ дать не могу; ибо курьеры, пріѣзжающіе сюда прямо изъ Россіи или обратно ѣдутъ всегда не черезъ Радзивиловъ, а черезъ Брестъ-Литовской, да и таковыхъ даже найти не легко, ибо они всегда пріѣзжаютъ или уѣзжаютъ отсюда куда нибудь къ другому посланнику или въ Варшаву. Впрочемъ если представится къ тому какой случай, то можете быть увѣрены, что я имъ воспользуюсь; между тѣмъ перепишусь объ этомъ и съ Гречинскимъ.

Покорнѣйше васъ благодарю за доставленіе къ сему послѣднему нашего пакета съ деньгами; сожалѣемъ чрезвычайно о случившемся вамъ на дорогѣ нещастіи; отыскали ли вы хотя что нибудь изъ потерянаго? Впрочемъ здѣшняя полиція ни гроша не стоитъ; здѣсь только и слышишь, что о воровствахъ да о банкрутствахъ; двое изъ послѣднихъ убѣжали съ милліонами, такъ, что и духу ихъ не слышно. Человѣкъ Гажига съ 3500 ф. также пропалъ совсѣмъ. Одинъ изъ здѣшнихъ банкировъ Арнштейнеръ проспекулировавъ на курсѣ большія суммы, попробовалъ было зарѣзаться; но такъ неискусно, что его надѣятся совершенно вылѣчить и онъ даже обѣщался, какъ говорятъ, если совсѣмъ выздоровѣетъ, изъ Жида сдѣлаться Христіаниномъ. Вотъ вамъ здѣшнія наши новости. Посланникъ нашъ Графъ Головкинъ отправился третьяго-дня въ Аахенъ; Императоръ здѣшній также; только онъ проживетъ еще нѣсколько дней въ одномъ изъ своихъ помѣстьевъ. Вчера 30-го Августа были мы всѣ у обѣдни, а потомъ Коммиссія наша обѣдала у нашего Барона Бюлера, которой, равно какъ и все его семейство, вамъ кланяются. Белль также.

Свидѣтельствуя вамъ мое и брата моего истинное почтеніе и преданность, имѣю честь быть всегда

Вѣна. вашимъ покорнѣйшимъ слугою
31 Августа / 12 Сентября 1818. Александръ Княжевичь.

P. S. Это письмо было уже совсѣмъ окончено и я взялъ его только съ собою въ Коммиссію, чтобы запечатать, какъ пришелъ туда ко мнѣ Commis отъ Шаумбурга съ писмомъ вашимъ, гдѣ вы велите ему отдать купленныя вами у него книги въ отсутствіи Ивана Захаровича Малышева мнѣ, почему я и велѣлъ ихъ прислать ко мнѣ. По сю пору мнѣ еще ихъ не принесли. Желалъ бы я теперь знать, хотите ли вы имѣть ихъ поскорѣе или переслать ихъ вамъ вмѣстѣ съ прочими. Я перепишусь однако хорошенько съ Гречинскимъ и можетъ быть мы найдемъ средство ихъ вамъ какъ нибудь доставить.

Милостивый Государь
Павелъ Сергѣевичь!

На другой или на третій день по отправленіи къ вамъ моего писма получилъ я отъ Шаумбурга для доставленія къ вамъ слѣдующія книги:

1. Politique du peuple.
2. Mon plan de défense.
3. Le cri de la nation, par M-me Manson.
4. Memoires de M. Clémandot.
5. Lyon en 1817.
6. Cause célèbre. M. Fualdès.
7. Victoires, conquêtes etc. des Français. Tomes VII et VIII.
8. Annales des faits et des sciences militaires. Cahiers IV—VI.

et 9. Dictionnaire des étiquettes de la cour, par M-me Genlis. 2 Tomes.

Поелику вся занимательность первыхъ шести изъ сихъ книгъ состоитъ въ ихъ новости и по истеченіи времяни они конечно не будутъ имѣть для васъ той цѣны, то я воспользовался отъѣздомъ отсюда Г. Ланскаго, чтобы доставить вамъ оныя. Онъ обѣщался отдать ихъ на почту въ первомъ городѣ, гдѣ онъ остановится. Вѣроятно случится это въ Тамбовѣ, гдѣ онъ намѣревается пробыть съ недѣлю. Остальными книгами, по ихъ величинѣ, я не могъ обременить Ланскаго и теперь только ожидаю отъ Гречинскаго отвѣта на мое писмо, чтобы потомъ принять мѣры къ доставленію вамъ какъ сихъ, такъ и находящихся еще у него книгъ. Въ разсужденіи денегъ не сказалъ мнѣ Шаумбургъ ничего, почему я и полагаю, что вы уже съ нимъ или разплатились или ведете особенные счеты. Желаю, чтобы распоряженія мои въ семъ случаѣ получили

ваше одобреніе и я чрезъ то могъ бы хотя малѣйше доказать вамъ то истинное почтеніе и готовность къ вашимъ услугамъ, съ коими я имѣю честь пребыть навсегда

вашимъ покорнѣйшимъ слугою
Александръ Княжевичь.

Братъ мой свидѣтельствуетъ вамъ также свое почтеніе.

Вѣна, $\frac{15}{27}$ Сентября 1818.

На оборотѣ письма:

Его Высокоблагородію
Милостивому Государю
Павлу Сергѣевичу
Шишкину
въ Ярославль *).

Милостивый Государь
Павелъ Сергѣевичь!

Вы вѣрно не будете сердиться на меня за то, что я до сихъ поръ не отвѣчалъ на пріятнѣйшее письмо ваше отъ 8-го Октября (ибо конечно во всякомъ другомъ случаѣ молчаніе мое было бы непростительно), когда узнаете, что я получилъ оное только $^{7}/_{19}$ числа сего мѣсяца; Богъ знаетъ гдѣ оно такъ долго лежало. У насъ вообще что-то переписка наша затрудняется непредвидимыми обстоятельствами: послѣднее письмо мое къ вамъ братъ въ торопяхъ надписалъ на имя Гречинскаго и по сю пору мы еще не имѣемъ свѣденія размѣнялись ли вы оными. Всего нужнѣе было бы для насъ получить на оное отвѣтъ потому, что въ ономъ увѣдомляли мы васъ о книгахъ, посланныхъ нами къ вамъ чрезъ Ланскаго. Мы долго были въ нерѣшимости посылать ли ихъ съ нимъ или нѣтъ; наконецъ однако рѣшились потому, что эти книги были интересны только по своей новости и слѣдовательно все бы равно, что и пропали, если бы вы получили ихъ гораздо позже. Мы однакоже взяли всѣ предосторожности: Баронъ Бюлеръ отдалъ ему вашъ пакетъ самъ и взялъ съ него обѣщаніе отдать его на почту въ первомъ городѣ, гдѣ онъ остановится. Если же паче чаянія пакетъ этотъ и по сю пору до васъ не дошелъ, то адресуйтесь пожалуста чрезъ какого нибудь вашего Петербургскаго знакомаго къ Александру Сергѣевичу Ланскому, Поручику гвардейскаго конно-егерскаго полка и Адъютанту

*) Письмо написано на бумагѣ съ двумя водяными знаками въ видѣ овальныхъ медальоновъ: въ одномъ русскій двуглавый орелъ съ надписью вокругъ: „Богъ защити россійскаго императора“; въ другомъ—погрудное изображеніе въ профиль импер. Александра I и вокругъ надпись: „Александръ первои избавителіем Немеціи“.

при Генералѣ Васильчиковѣ. Если онъ его не отправилъ, то онъ безъ сомнѣнія долженъ быть еще у него. Не задолго до полученія вашего писма принесли къ намъ и еще связку книгъ отъ Шаумбурга; узнавши желаніе ваше, чтобы мы разквитались здѣсь за васъ съ Шаумбургомъ, мы поспѣшили это исполнить и посылаемъ вамъ при семъ квитированный имъ счетъ въ 91 гульденъ 2 крейцера серебромъ, или на наши деньги, полагая гульденъ въ шестьдесятъ копѣекъ, 54 рубли 62 копѣйки серебромъ. Деньги эти по курсу на ассигнаціи можете перевести къ брату нашему Владиславу въ Петербургъ, надписавши на адресѣ просто: такому-то въ Экспедиціи о Государственныхъ доходахъ. Я нынѣ же пишу о томъ къ брату и прошу васъ подождать прежде отъ него увѣдомленія, какъ о томъ, куда ихъ ему выслать (ибо онъ сбирается весною съѣздить въ Казань, только еще не совсѣмъ навѣрное), такъ и о петербургскомъ курсѣ серебра на ассигнаціи. Такимъ образомъ, если вамъ угодно можемъ мы и впредь дѣлать и мы почтемъ себѣ всегда за особенное удовольствіе исполнять всѣ возлагаемыя вами на насъ коммиссіи. Только въ разсужденіи книгъ я долгомъ почелъ вамъ еще замѣтить: я не знаю какъ выбираетъ для васъ Шаумбургъ книги; только нѣкоторыя изъ нихъ интересны единственно по своей новизнѣ, а какъ мы не можемъ ихъ доставить вамъ иначе какъ при оказіи или привезти сами, первыя же бываютъ весма рѣдки, а пріѣздъ нашъ въ Россію въ рядъ ли послѣдуетъ еще въ нынѣшнемъ году, то не лучше ли сдѣлаете вы, если предоставите мнѣ взять у Шаумбурга книгъ тогда только, когда я буду имѣть случай къ ихъ пересылкѣ и я постараюсь выбрать вамъ интереснѣйшихъ (увѣдомьте только меня занимаетесь ли вы еще и въ отставкѣ военными книгами), а чрезъ то и вы избавитесь какъ отъ ненужныхъ издержекъ, такъ и отъ скуки читать то, что вы уже можетъ быть прежде узнали изъ газетъ и изъ другихъ книгъ. Это первое; второе замѣтилъ я то, что нѣкоторыя книги Шаумбургъ поставилъ вамъ дороже, нежели какъ мы сами покупаемъ ихъ обыкновенно у нашего книгопродавца Герольда; такъ напримѣръ у сего послѣдняго стоятъ: Campagne de Gourgaud—2 fl. 15 kr., Mémoires de Las Casas —1 f. Sur la cour de Napoléon 3 f. 45; слѣдовательно сіи три книги можно бы уже было купить дешевлѣе тремя гульденами серебромъ; другихъ книгъ я не покупалъ, а потому и не знаю, что онѣ стоятъ у Герольда; только что-то Principes de Stratégie, которая печатана въ Вѣнѣ, кажется мнѣ весма дорого означена; вчера ввечеру я только получилъ счетъ отъ Шаумбурга и потому не успѣлъ еще справиться у Герольда; когда же найду, что она стоитъ дешевлѣе, то уже хотя и безъ вашего позволенія, отдамъ ее назадъ Шаумбургу подъ какимъ нибудь предлогомъ и возму у Герольда. Если же вы согласитесь на выше сдѣланное мною предложеніе въ разсужденіи покупки для васъ книгъ, то я всегда, прежде нежели возму ихъ у Шаумбурга, справлюсь о ихъ цѣнѣ въ другихъ лавкахъ

и куплю ихъ тамъ, гдѣ почту выгоднѣе. Я ожидаю теперь вашего на то рѣшенія. Что касается до присылки книгъ, то какъ я уже вамъ сказалъ, я не нахожу къ тому другаго случая, какъ какой нибудь окказіи или перевозки съ собою, ибо все другое можно бы было переслать къ вамъ прямо въ Ярославъ; съ книгами же еще чрезвычайно много хлопотъ, ибо онѣ должны напередъ идти въ Петербургъ на цензуру и легко могутъ быть тамъ и удержаны.

Чувствительно благодарю васъ за увѣдомленія ваши о себѣ и сожалѣю, что вы проводите время скучно. Но неужели прекрасныя Московитянки или Ярославлянки не могутъ изгладить изъ сердца вашего Вѣнокъ? Я право думалъ, что какая нибудь изъ нихъ прикуетъ васъ къ себѣ навсегда; жить совершенно въ отставкѣ совсѣмъ не годится; отъ этаго-то вамъ и скучно, надобно служить если не Государю, то по крайней мѣрѣ Амуру или и еще лучше Гимену; можетъ быть и не получили ли вы уже склонности къ послѣднему? Теперь опять настала зима; вы вѣроятно проведете ее въ Москвѣ или Ярославѣ, увидите какую нибудь прелестную, полюбите—и дѣло въ шляпѣ! Ежели предсказаніе мое сбудется, то желаю вамъ всевозможнѣйшаго щастія. Примите это желаніемъ моимъ къ новому году.

Мы теперь такъ заняты, что почти совершенно бросили всѣ знакомства, ибо съ утра до вечера сидимъ въ заперти въ Коммиссіи, а въ вечеру дома или иногда въ театрѣ, потому что совсѣмъ нѣтъ охоты одѣваться и таскаться по гостямъ. Поэтому не могу васъ утѣшить извѣстіемъ ни объ одной прекрасной. Я видаю ихъ только по праздникамъ на валу. Впрочемъ многія изъ тѣхъ, коихъ вы здѣсь видѣли, уже отцвѣли, за то распустились другія и если вы опять явитесь въ Вѣнѣ, то найдете много новыхъ, которыя загладятъ старыя ваши раны и нанесутъ свѣжіе удары въ ваше сердце. Пріѣзжайте только! Штернекша все еще въ дѣвкахъ, не смотря на страстное ея желаніе найти себѣ мужа, и блекнетъ ежеминутно болѣе и болѣе. Не знаю кто еще особенно васъ интересовалъ, иначе не замедлилъ бы утѣшить васъ извѣстіями объ нихъ.

Изъ Русскихъ здѣсь все еще живутъ Уваровы и Малышевы. Иванъ Захаровичь привезъ съ собою сюда дѣтей и сестру Елены Павловны, которая однакоже хуже ея лицемъ. Бѣдная Малышева все еще страждетъ: теперь опять начала харкать кровью. Хитровъ вамъ кланяется: онъ тихими стопами приближается къ могилѣ. Въ бытность здѣсь Государя, послалъ онъ къ Хитрову Вилье посмотрѣть его и спросить не имѣетъ ли онъ нужды въ деньгахъ. И вообразите: Вилье сказалъ ему прямо, что онъ не встанетъ, а потому онъ совѣтуетъ ему ѣхать поскорѣе въ Россію, чтобы по крайней мѣрѣ не оставить костей на чужей землѣ. Каково вамъ это покажется? Бѣдняшка очень было пріунылъ; но Мальфати, который его лѣчитъ, придалъ ему опять нѣсколько надежды, повидимому однакоже весма тщетной, ибо онъ теперь насилу сидитъ и пролежалъ

себѣ всѣ бока. Баронъ Бюлеръ, все его семейство, Белль и братъ мой свидѣтельствуютъ вамъ свое почтеніе и благодарятъ за то, что вы ихъ помните. Я же съ чувствомъ искренняго почтенія и преданности пребуду навсегда

Вѣна. вашимъ покорнѣйшимъ слугою

$^{14}/_{26}$ Генваря 1819. Александръ Княжевичъ.

Адресъ мой: такому-то in der Kaiserl: Russisch: Liquidations-Commission auf dem alten Fleischmarkt.

Милостивый Государь
Павелъ Сергѣевичъ!

Въ послѣднемъ моемъ къ Вамъ писмѣ я сказалъ, что если я найду, что Стратегія Эрцгерцога Карла стоитъ въ другихъ лавкахъ дешевлѣе 30 гульденовъ серебромъ, въ какую цѣну поставилъ вамъ оную Шаумбургъ, то я отдамъ ее назадъ и куплю въ другомъ мѣстѣ. Въ самомъ дѣлѣ справясь у Штраусса, гдѣ она печаталась, я узналъ, что она стоитъ только 60 гульденовъ шейнами, между тѣмъ какъ 30 гульд. серебромъ по теперешнему курсу равняются 75 гул. шейнами. Сначала я хотѣлъ было сказать у Шаумбурга въ лавкѣ, что я уже вамъ книгу эту переслалъ прежде, а потому и возвратить имъ ее назадъ; но подумавъ, что можетъ быть вы недавно ему о томъ писали и притомъ же будучи знакомъ съ прикащиками его, кои продаютъ обыкновенно книги, я побоялся солгать имъ, и рѣшился сказать правду, полагая, что они вѣрно назначали эту цѣну не зная напередъ каковъ будетъ курсъ въ то время, когда они получатъ отъ васъ деньги, а потому и взяли по вышшему курсу, дабы обезпечить себя на случай возвышенія онаго; чего однакоже не могло уже быть теперь, когда имъ деньги сей часъ заплачены. Но пришедъ въ лавку я не засталъ въ оной прикащиковъ, а самаго Шаумбурга, который сказалъ, что 60 гульд. есть цѣна этой книги въ Австріи; но что за границею она всегда продается по 30 f. серебромъ. Я хотѣлъ ему возразить, что онъ былъ бы правъ, если бы онъ самъ заплатилъ деньги и за пересылку, а теперь вышло все равно, какъ бы онъ ее продалъ мнѣ, ибо я сей часъ заплатилъ ему деньги; но онъ сказалъ мнѣ, что онъ уже писалъ о томъ къ вамъ самимъ; послѣ чего я долженъ былъ замолчать. И такимъ образомъ я по всей вѣроятности заключаю, что и при другихъ книгахъ, онъ вамъ также назначилъ свою заграничную цѣну и вы ни зачто ни прочто по двумъ счетамъ, мною къ вамъ пересланнымъ, переплатили ему по крайней мѣрѣ 50 гул. шейнами. Желалъ бы знать правда ли, что онъ объ этомъ къ вамъ писалъ и что имянно? Признаюсь, мнѣ весма досадно, что онъ такъ общитываетъ.

Въ одномъ изъ недавно полученныхъ нами отъ Гречинскаго изъ Бродовъ

писемъ пишетъ онъ отъ $^{14}/_{26}$ Генваря, что книги, вами у него оставленныя, должны уже быть въ Москвѣ. Итакъ увѣдомьте насъ, хорошо ли онѣ до васъ дошли, и если вамъ будетъ угодно, то такимъ образомъ мы можемъ доставить къ вамъ и остальныя книги.

Вотъ о чемъ я почелъ нужнымъ увѣдомить васъ, почтеннѣйшій Павелъ Сергѣевичь; впрочемъ право не знаю, что бы могъ еще къ тому прибавить. Развѣ нѣсколько словъ объ нашихъ знакомыхъ: Малышевы отправляются на сихъ дняхъ въ Италію; у бѣдной Олены Павловны открылась рана на ногѣ. Уваровы еще здѣсь и когда уѣдутъ сказать не могу. Бѣдному Хитрову идетъ нѣсколько дней опять хуже; впрочемъ ему безпрестанно то лучше, то хуже. Баронъ Бюлеръ съ семействомъ здоровы и вамъ кланяются. Я же былъ есмь и буду всегда

Сердечно преданнѣйшій вамъ
Александръ Княжевичь.

Братъ мой и Белль свидѣтельствуютъ вамъ свое почтеніе.

Вѣна.
$^{4}/_{16}$ Февраля 1819.

Вѣна $^{8}/_{20}$ Декабря 1819.

Милостивый Государь
Павелъ Сергѣевичь!

Чувствую, что я весма виноватъ передъ вами въ томъ, что позамѣшкался отвѣчать на пріятнѣйшее писмо ваше отъ $^{10}/_{22}$ Сентября; поспѣшная работа при окончаніи дѣлъ нашихъ была единственною тому причиною. Что же касается до того, будто я не отвѣчалъ вамъ на нѣсколько вашихъ писемъ, то я никакъ не понимаю, какъ бы это могло случиться и развѣ только мои отвѣты до васъ или ваши письма ко мнѣ не дошли, ибо я не оставлялъ ни одного писма вашего безъ отвѣта и всегда поставляю себѣ пріятнѣйшею обязанностію бесѣдовать съ вами и исполнять ваши коммиссіи. Касательно сихъ послѣднихъ я былъ у Шаумбурга и онъ подалъ мнѣ счетъ приготовленныхъ имъ для отсылки вамъ книгъ, изъ коихъ о большей части, по его увѣренію, онъ къ вамъ писалъ, всего на 190 гульденовъ серебромъ или съ небольшимъ на 42 червонца. Я сказалъ ему, чтобы онъ книги сіи отложилъ особо и что я ему вскорѣ оныя заплачу, ибо теперь я не очень при деньгахъ. Въ число сихъ книгъ я велѣлъ ему помѣстить и первыя двѣ части втораго изданія Histoire de campagnes de $18^{14}/_{15}$, какъ вы ко мнѣ о томъ писали. Отправить книгъ сихъ къ вамъ я совсѣмъ не нахожу никакой другой удобной окказіи, кромѣ какъ взять ихъ съ собою при нашемъ отъѣздѣ, который долженъ послѣдовать въ началѣ буду-

щаго года, ибо скоро дѣла наши будутъ приведены къ совершенному окончанію. А по пріѣздѣ моемъ въ Россію я уже перепишусь съ вами о томъ какъ лучше ихъ вамъ доставить. Шаумбургу я сказалъ, чтобы впредь онъ оставлялъ только тѣ книги для васъ, кои служатъ продолженіемъ къ тѣмъ, кои вы уже имѣете. Какъ скоро я заплачу ему деньги увѣдомлю о томъ и васъ.

Новаго здѣсь безъ васъ накопилось довольно; не знаю только дошло ли оно и до васъ, и имянно: дочь Барона Бюлера Дарья Федоровна вышла нынѣшнимъ лѣтомъ за Поручика гвардейскаго конно-егерскаго полка Графа Орурка, племянника Генерала и бывшаго адьютанта у Графа Ланжерона. Старшій братъ мой Дмитрій равнымъ образомъ женился на Баронессѣ Горѣ (Нога) дѣвушкѣ, съ коей онъ познакомился въ Прагѣ еще въ 1815-мъ году и съ того времяни велъ съ нею переписку. Свадьба его была играна $^{17}/_{29}$ Августа въ деревнѣ Нусдорфъ, гдѣ мы прожили все нынѣшнее лѣто. Бѣдная же M-lle Sternegg и по сю пору еще въ дѣвкахъ, несмотря на всѣ ея усилія запастись мужемъ: мужчины сдѣлались теперь такъ жестоки; ни здѣшнія, ни иностранцы надъ нею не сжалются. Я видаюсь съ нею очень рѣдко; но когда случается говорить вмѣстѣ, она всегда съ большимъ удовольствіемъ вспоминаетъ объ васъ. Старшая дочь Госмара (купца, у котораго Штернекша жила въ Баденѣ) также уже съ лишкомъ годъ вышла за Штифта, сына перваго здѣшняго Императорскаго лейб-медика и кажется имѣетъ уже и дитятю. Объ Чаплицѣ я уже весма давно ничего не слыхалъ; знаю только, что онъ все еще живетъ въ Италіи. Малышевы теперь въ Парижѣ; они тоже весма нещастливы: какъ сынъ, родившійся у нихъ здѣсь, такъ и старшая дочь померли, да и вторая дочь, какъ я недавно слышалъ, весма больна. О смерти любезнаго нашего А. С. Хитрова я уже къ вамъ писалъ. Изъ Русскихъ въ Вѣнѣ теперь почти никого нѣтъ: Княгиня Меньщикова одна живетъ только постоянно здѣсь. Весма сожалѣю, что я не зналъ прежде, что Г-жа Борщова ваша сестрица: я имѣлъ честь видѣть ее здѣсь у Барона Бюлера во время проѣзда Храповицкаго изъ Россіи. Семейство Бюлера и Отта (старикъ уже весма плохъ), Белль и братъ мой чувствительнѣйше благодарятъ васъ что вы ихъ помните и свидѣтельствуютъ вамъ свое почтеніе.

Вы говорите, что всѣ вамъ совѣтуютъ жениться, я того же мнѣнія. Вѣроятно на груди милой подруги вы перестанете зябнуть и позабудете объ Вѣнѣ и объ Италіи. Худая слава для нашихъ соотечественницъ, что они по сю пору не прикуютъ васъ къ ихъ колесницамъ. Увѣдомьте меня пожалуста пообстоятельнѣе, гдѣ можно будетъ васъ найти въ Ярославѣ или Москвѣ. По пріѣздѣ нашемъ въ Петербургъ, мы по всей вѣроятности съѣздимъ оттуда въ Казань повидаться съ нашими родными и въ такомъ случаѣ проѣдемъ чрезъ тотъ или другой городъ. Какъ бы пріятно было для насъ имѣть удовольствіе васъ видѣть!

Поздравляя васъ съ наступающими праздниками и новымъ годомъ, въ теченіи коего желаю вамъ исполненія всѣхъ вашихъ желаній, съ душевнымъ почтеніемъ и преданностію пребуду навсегда

вашимъ покорнѣйшимъ слугою
Александръ Княжевичъ.

Милостивый Государь
Павелъ Сергѣевичъ!

Если вы какими нибудь судьбами слышали о возвращеніи моемъ на родину, то безъ сомнѣнія сердитесь на меня за то, что я до сихъ поръ не увѣдомилъ о томъ васъ и не сказалъ по сю пору о вашихъ находящихся у меня книгахъ. Причинъ тому могъ бы я нащитать нѣсколько, какъ на примѣръ: разсѣянность по возвращеніи въ Питеръ послѣ пятилѣтней отлучки, свиданіе съ разными старыми друзьями и знакомыми, болѣзнь моя: распухшіе желѣзы, причемъ мнѣ нѣсколько разъ рѣзали шею и наконецъ куча дѣлъ, которыми завалили насъ по должности; все это конечно могло бы послужить достаточнымъ извиненіемъ, чтобы оправдаться предъ знакомымъ; но для дружбы они или совершенно недостаточны или излишни, ибо она прощаетъ все или ничего и я безъ всякихъ извиненій надѣюсь на ваше прощеніе, основываясь только единственно на непоколебимыхъ чувствованіяхъ душевной моей къ вамъ любви и почтенія. Но почему же я не писалъ къ вамъ по сю пору о книгахъ? спросите вы. Вотъ вамъ отвѣтъ: книги ваши вмѣстѣ съ нашими, были закупорены въ ужасномъ ящикѣ, находившемся съ зади фургона, въ которомъ везли мы ликвидаціонныя дѣла наши и вмѣстѣ съ сими прочими благополучно черезъ границу. Ящикъ этотъ однакоже тяжестію своею безпрестанно обламывалъ фургонъ, такъ что мы почти на каждой станціи должны были прикрѣплять его новыми и новыми желѣзными цѣпями, накладками, прутьями и проч. Напослѣдокъ на одной станціи онъ обломилъ уже его такъ, что никакія починки не могли быть дѣйствительны и потому мы должны были брать для него особую перекладную повозку. Такъ какъ однакоже по наличности нашихъ денегъ мы нашли расходъ сей весма отяготительнымъ, то пріѣхавъ къ одному изъ нашихъ родственниковъ, верстъ за 300 отсюда, мы оставили этотъ ящикъ у него съ тѣмъ, чтобы онъ доставилъ намъ его съ отправляющимися отъ него въ Петербургъ частными обозами по первому зимнему пути. При семъ случаѣ намъ всего болѣе было жаль замедленія въ привозѣ вашихъ книгъ, потому что въ нашихъ мы не имѣли столь большой нужды; но дѣлать было нечего, ибо съ имѣющимися у насъ деньгами мы кое-какъ могли доплесться до Питера. Теперь я ожидаю скоро привоза книгъ вашихъ и посылаю вамъ при семъ какъ списокъ онымъ, такъ и счетъ Шаумбурга, послѣдне мною уплаченный. Списокъ сей со-

ставлялъ я передъ отъѣздомъ въ торопяхъ и потому прошу васъ покорнѣйше справиться съ прежде доставленными мною вамъ счетами, всѣ ли ваши книги, кои должны у меня быть, въ ономъ заключаются или можетъ быть не позабылъ ли я внести какихъ нибудь. По препровождаемому при семъ счету заплатилъ я Шаумбургу 72 гульд. 5 крейцеровъ серебромъ, что полагая гульденъ въ 60 копѣекъ серебромъ, составитъ 43 ру. 25 коп. серебромъ же. Деньги сіи прошу васъ при случаѣ выслать на имя одного изъ моихъ братьевъ Дмитрія или Владислава сюда въ Петербургъ въ Экспедицію о Государственныхъ доходахъ, ибо я самъ думаю недѣли черезъ три отправиться въ Казань, чтобы навѣстить тамъ матушку. Путь мой будетъ лежать черезъ Москву и если только мнѣ можно будетъ остановиться тамъ денька на три, то я постараюсь отыскать домъ Барона Будберга и можетъ быть буду столько щастливъ, что найду и васъ въ Москвѣ, что будетъ для меня несказанно пріятно. Тогда поговорили бы мы въ доволь о незабвенной Вѣнѣ.

Что касается до книгъ вашихъ, то прошу васъ равнымъ образомъ увѣдомить моихъ братьевъ, что должны они будутъ дѣлать по полученіи ихъ и куда и какимъ образомъ ихъ къ вамъ переслать; ибо если это дѣлать по почтѣ, то пересылка обойдется во столько же, сколько стоятъ и самыя книги; вы знаете какъ велики теперь вѣсовыя деньги, да при томъ же я думаю и безъ того всѣхъ въ одинъ разъ не примутъ, а надобно будетъ ихъ раздѣлить на части. Вы же можетъ быть найдете какой нибудь другой случай переслать ихъ черезъ купцовъ или съ какимъ нибудь обозомъ. Братья мои будутъ ожидать вашего на то рѣшенія.

При отъѣздѣ моемъ изъ Вѣны всѣ прелестныя просили меня *сказать* вамъ по ихъ поцѣлую, ибо *передать* оныхъ черезъ меня онѣ никакъ не согласились. Штернекша кажется вышла за мужъ. Глазенапъ живетъ Богъ знаетъ за чѣмъ въ Вѣнѣ, а передъ отъѣздомъ моимъ былъ тамъ и Давыдовъ проѣздомъ кажется въ Карлсбадъ. Не думаете ли и вы снова навѣстить резиденцію Франца и конечно многихъ вашихъ пріятныхъ воспоминаній. Прощайте, почтеннѣйшій Павелъ Сергѣевичь! Будьте здоровы и веселы и примите увѣреніе въ сердечномъ къ вамъ почтеніи

С.П.бургъ. Душевно вамъ преданнѣйшаго
9-го Ноября 1820. Александра Княжевича.

Братья мои свидѣтельствуютъ вамъ свое почтеніе.

Письмо В. Ханыкова П. С. Шишкину, 26 іюня 1823 года.

Милостивый Государь
Павелъ Сергѣевичь!

Въ Собраніи ГГ. Предводителей 11-го числа сего мѣсяца разсуждали, что по случаю ожидаемаго вожделеннаго прибытія сюда Государя Императора въ первыхъ числахъ Августа,—приличьно Дворянству Ярославской Губерніи сдѣлать балъ на другой день радостнаго Его Императорскаго Величества сюда прибытія, пригласивъ къ оному и всѣ Дворянство, при семъ случаѣ предполагается ужинъ на 100 кувертовъ, освѣщеніе въ залѣ самое лутшее, портретъ Императора находящейся въ залѣ долженъ быть особенно украшенъ освѣщеніемъ, поставить щитъ на улицѣ противъ зала съ приличьными изображеніями и вѣсь домъ Собранія съ наружи освѣтить плошками, и чтобы всѣ оное сдѣлать приличьнымъ случаю, по таковому предположенію нужно имѣть для сего не мѣнее 15 т. рублей.

Я увѣренъ, что Вы Милостивый Государь не откажитесь пожаловать по сему случаю и не отречетесь соучавствовать суммою сколько по благоразположенію своему разсудите,—ибо мне извѣстно благомнѣніе Нашего Дворянства и зная усердіе его къ Государямъ своимъ.

О чемъ съ пріятнымъ удовольствіемъ имѣю честь къ Вамъ отнестись. Пребывая съ истиннымъ почитаніемъ и совѣршенною преданностію

№ 63.
26-го Іюня
1823 года.
Г. Ярославль.

Вамъ
Милостивый Государь
покорнеишимъ слугою
Владимиръ Ханыковъ.

Письмо С. Толбудина П. С. Шишкину.

Декабря 31-го дня.

Поздравляю васъ милой братъ съ новымъ годомъ, дай Богъ чтобы онъ былъ для васъ наисчастливѣйшій: прошу поздравить съ онымъ и тетушку и Прасковью Николаевну.

Не успѣли вы отъ сюды уѣхать какъ появились здѣсь новости: 1-я что

султанъ удавленъ, но эта требуетъ подтвержденія 2-я дочь Хрущовыхъ выходитъ замужъ за Нарышкина, сына Ивана Александрыча, которой изъ Семеновскаго полку переведенъ въ здѣшной армейской полкъ онъ маіоръ и малой прекрасной и предостойной, эта новость вѣрная ибо я поздравлялъ ихъ: впрочемъ всѣ по своимъ мѣстамъ.

Приложенное присемъ письмо мое прошу дать себѣ трудъ доставить его по адресу: оно пренужное, и требуетъ доставлено быть окуратно: есть фабрика одново купца Воробьева неподалеку отъ Ярославля: тамъ есть немѣцъ Брауеръ апретіорной мастеръ которой желаетъ быть у меня, и мы уже съ нимъ въ перепискѣ, но секретно, потому то я и желаю чтобы письмо не попалось въ руки хозяину: если нашъ повѣренной Яковъ еще у васъ въ Ярославлѣ, то пошлите за нимъ и письмо ему отдайте съ тѣмъ чтобы онъ какъ можно постарался его доставить, Яковъ уже дорогу туда знаетъ. Если же Яковъ уѣхалъ, то нельзя ли чрезъ ково нибудь: Деево Городищѣ всѣмъ извѣстно, и фабрика также: я увѣренъ что вы въ прозьбѣ моей мнѣ не откажете: простите мнѣ что я симъ васъ озабочиваю—братъ брату долженъ помогать: а затѣмъ да милуетъ васъ Богъ, помните и любите преданнаго вамъ душою

Сергѣя Толбудина.

Ваши всѣ сдоровы: и Николай Иванычь вчера былъ у Графа Маркова, разумѣется козыряли, и спорили съ хозяиномъ.

Увѣдомте не будетъ ли у васъ въ Ярославлѣ Князь Василій Николаевичъ я долженъ писать къ нему.

Письмо гр. К. Гудовича П. С. Шишкину, 5 января 1826 года.

Милостивый Государь мой!
Павелъ Сергѣевичъ!

Имѣлъ удовольствіе получить письмо ваше,—чувствительно благодарю васъ за ваше поздравленіе и съ искренностію пріемля оное—поздравляю и васъ съ своей стороны усерднѣйше съ наступившимъ Новымъ Годомъ, желая вамъ всякаго благополучія и всѣхъ земныхъ благъ, — а притомъ и съ новорожденной дочкой, которая желаю чтобы была здарова и росла въ ваше удовольствіе.

Столь неожиданное и столь внезапно конечно постигшее нещастіе всю Россію,—весьма велико, и потеря невозвратная. Вѣсть объ онóмъ дошла до насъ сюда въ самыхъ первыхъ числахъ минувшаго Декабря мѣсяца—и пора-

сила насъ невѣроятнымъ образомъ—какъ громовымъ ударомъ; сіе столь горестное событіе тѣмъ болѣе прискорбно, что вотъ уже на самыхъ первыхъ порахъ къ крайнему о томъ соболезнованію, по стеченію непостижимыхъ обстоятельствъ—и по нѣкоторымъ недоумѣніямъ,—послѣдовали уже нѣкоторые безпорядки и надѣлало временной тревоги какъ то оказалось по нещастному произшествію случившемуся въ Петербургѣ 14-го прошедшаго Декабря; дай Богъ чтобъ тѣмъ и кончилось—и чтобъ не было какихъ либо еще дальнѣйшихъ и непріятнѣйшихъ послѣдствій; отъ чего да сохранитъ насъ Богъ! Я уже здѣсь присягалъ Императору Константину, а теперь вдругъ опять перемѣна—и должны уже снова учинить новую присягу Императору Николаю, а это самое обстоятельство и надѣлало какъ говорятъ много толковъ и недоумѣній. Жаль что всѣ эти Государственные Акты не были своевремянно обьявлены всенародно,—и тогда бъ конечно не оставалось уже никакого недоумѣнія нащотъ настоящаго наслѣдства престола; тѣмъ то болѣе сія столь скоропостижная перемѣна разительна и непонятна была для всѣхъ при первомъ случаѣ; и въ Москвѣ какъ вы пишите, я нахожу что напрасно секретничали по началу о болѣзни Государя,—по крайности это можетъ быть сколько нибудь уже приготовило бы всѣхъ къ сему величайшему нещастію и менѣе бы встревожило. Тѣло покойнаго Государя по здѣшнимъ слухамъ уже въ дорогѣ и 22-го сего мѣсяца—какъ утверждаютъ должно прибыть въ Москву, гдѣ говорятъ положено пробыть оному въ Успѣнскомъ Соборѣ восѣмъ дней, и потомъ повезутъ далѣе въ Петербургъ. Благодарю васъ очень за доставленіе мнѣ разныхъ новостей Московскихъ которыми прошу и впредь насъ здѣсь снабжать, особенно при теперешнихъ столь интересныхъ и важныхъ обстоятельствахъ, — это все сдѣлаетъ намъ здѣсь большое развлеченіе въ нашемъ уединеніи. О дворянскихъ выборахъ буду также просить сообщить мнѣ ваши извѣстія, кто будетъ куда выбранъ. Погода у насъ теперь довольно умѣренная; днемъ на замерзаніи, а часто и ниже самаго замерзанія, а ночью по 7-ми и по 8-ми градусовъ морозу; и снѣгъ только что около новаго году подпалъ — и сдѣлалось всзможно ездить саньми, а по началу съ самыхъ перьвыхъ чиселъ Декабря, снѣгу почти ничего не было—а морозы изрядные были, доходило до 16-ти и 17-ти град. О чемъ сообща и въ ожиданіи дальнѣйшихъ вашихъ свѣдѣній, пребываю завсегда съ особливымъ моимъ къ вамъ почтеніемъ—

М. Сорочинцы.
Генваря 5-го дня.
1826-го года.

Милостиваго Государя моего!
всепокорнейшій слуга
Графъ Кирилъ Гудовичъ.

Письмо Малышева П. С. Шишкину.

15 Апреля.

Живъ ли ты любезный другъ, доѣхалъ ли ты до своей Итаки, или слоняешся еще по міру. Зачемъ нелегкая унесла тебя изъ Вѣны, здесь такъ хорошо такъ пріятно—такъ весело, что я всякой день больше ее люблю—мы живемъ по прежнему, я рисую больше чемъ когда, Головкинъ очень милъ, но видаемся очень рѣдко, Кароманъ почти ежедневный еще новый есть Португальскій Маріальва и прочіе—завтра мы ѣдимъ въ Ейзенштадъ отсюда 3 почты—лошади высланы—повара кондиторы все готово—для принятія; дамъ только 2—жена моя и Дегенфельтша съ которою я въ большой дружбѣ—но не дальше—я въ Баденѣ нанялъ прекрасную квартеру и очень недорого две тысячи до октября—мы переѣзжаемъ въ началѣ маія и до октября живемъ въ Баденѣ. Не знаю кто у тебя бралъ для фасону казацкой костюмъ въ прошлое воскресенье въ Пратеръ выѣхалъ юный немецъ съ довольною собою миною—на кургузомъ конѣ и за нимъ на сквѣрной лошади казакъ съ пикой и всѣ обрадовались узнавъ Шишкина, я признаюсь ничего глупѣе етого не видалъ, ты ни слова къ намъ не писалъ изъ Москвы—бывалъ ли ты у нашихъ, познакомился ли съ ними много ли они распрашивали объ насъ. Я къ тебѣ пишу третье письмо—съ симъ вмѣсти посылаю тебѣ книги отъ Шаумбурга—посылку ету довезетъ до Варшавы твой ливорнскій знакомецъ Гейдеке онъ жалуется на тебя что ты ни слова въ Италію не писалъ ни къ нему ни къ Чаплицу—вѣщи твои отправятся въ Петербургъ къ Ливіо. Уваровъ уѣхалъ—Хитровъ бѣдный больше боленъ чемъ прежде ему стали дѣлать фрикціи и отъ сальваціи распухъ ротъ и говорить почти не можетъ. Прелестная Бальми со вздохами вспоминаетъ объ тебѣ и всѣхъ увѣряетъ что она не равнодушна была къ твоей любви—пріятныя воспоминанія извини что я такъ дурно пишу спѣшу ѣхать вѣрьхомъ будь здоровъ и . . . . писать къ твоему преданному

Малышеву.

Жена хотѣла къ тебѣ писать до будущей почты.

На оборотѣ:

Его Высокоблагородію
Милостивому Государю
Павлу Сергѣевичу
Шишкину
въ Ярославлѣ.

Письмо изъ Дерпта, отъ 13 ноября 1844 года.

Дерптъ.
1844 года, 13-го Ноября, понед.
Письмо твое получилъ
въ воскресенье вечеромъ.

Милый Шишкинъ,

Жалко, очень жалко бѣднаго Голынскаго, но что дѣлать, всѣ мы когда нибудь отправимся къ нему въ гости. Если бы ты зналъ добрый Шишкинъ, что со мною сдѣлалось, когда я получилъ твое письмо,—скажу тебѣ непритворно, что я плакалъ какъ ребенокъ, и у меня наконецъ такъ голова разболѣлась, что я долженъ былъ прибѣгнуть къ пособію доктора. Если правда, что вы всѣ его очень жалѣли,—то добрые товарищи; я также уже сидѣлъ въ саняхъ, чтобъ ѣхать въ Петербургъ, но какъ подумалъ, что я тамъ найду,—то остался въ Дерптѣ, запивать свое горе (пуншемъ). Если ты не любитель театровъ, а любитель крѣпкихъ напитковъ, то пріѣзжай Шишкинъ въ Дерптъ, мы проведемъ время весело. Ты, я думаю, помнишь еще Степанова 2-го,—онъ въ Дерптѣ слушаетъ лекціи, и что за уморительный человѣкъ;—волосы лежатъ на плечахъ, всегда ѣздитъ съ большимъ пуделемъ, и вообрази себѣ позабылъ говорить по русски, — если онъ начинаетъ съ тобою говорить по русски, то кончаетъ ужъ непремѣнно по нѣмецки. Писать сегодня много не могу—нѣкогда.

Прощай душа Шишкинъ, скажи Веліо 2-му что пріѣду въ Нарву и чортъ знаетъ что надѣлаю, если немедлѣнно не напишетъ по русски или хоть по нѣмецки письмо.

Прошу никому не кланятся, ибо нестоитъ. Посовѣтуй Друцкому написать хоть одно слово.

Ну душа Трубниковъ, здоровъ ли, весело ли проводишь время. Знаешь ли что, я не вѣрю чтобы Кашкинъ читалъ Латинскій псалтырь смѣясь надъ тѣломъ добраго Голынскаго, ибо если это правда, то это подло, и должно быть стыдно вамъ всѣмъ, что вы позволили насмѣхаться надъ прахомъ вашего товарища; впрочемъ мнѣ кажется что ты немножко совралъ,—сознайся! Ну что писать новаго ничего нѣтъ, но напримѣръ сегодня всталъ въ 8 часовъ, умылся, помолился за тебя, влилъ въ себя цѣлыхъ двѣ чашки кофею, прочелъ одинъ № газеты Illustrirte Zeitung, выкурилъ трубку, и намѣреваюсь итти въ университетъ на лекціи, я былъ остановленъ въ дверяхъ человѣкомъ, несущимъ мнѣ

письмо отъ Кашкина и посылку отъ отца (только не деньги, а часы, служащіе къ пріобрѣтенію денегъ). Если хочешь душа, то пришлю тебѣ гривеникъ, ибо всего въ карманѣ 30 коп. сереб.—легко и пусто; но истинно скажу тебѣ, что на той недѣлѣ было у меня 300 руб. асс.—все ушло. Благодарю за лицейскія сплетни и прошу впредь всегда ихъ писать. Прощай душа Трубниковъ, цѣлую тебя.

Пиши немедлѣнно и пріѣзжай съ Шишкинымъ въ Дерптъ—будетъ весело. Скажи Уттехту, что ужъ пора бы что нибудь написать, также Кампенгаузену,—никому не кланяюсь, цѣлую тебя.

Письмо Е. Кологривовой П. Н. Шишкиной, 27 января 1825 г.

Ч. 27 генваря 1825-го.

Милостивая Государыня Сестрица
Прасковъя Николаевна

нарочно я к вамъ матушка прошлой разъ сама я приежала и желала я с вами лично аб ономъ переговорить нащетъ продажи моего повара но я васъ матушка дома не застала вы въ гостяхъ были васъ въ то въремя и въ тотъ день дома не было что мне весма прискорбно ето было; а и теперь я бы желала естлибы вы за мной своихъ лошедей прислали за мной хоша бы въ саняхъ адну лошеть то я бы могла у васъ поболее посидеть въремени чтобы для меня весма было приятно да и скарей мы магли аконьчить объшей нашъ с вами торгъ и я надеюсь что естли вы его у меня купите то вы онымъ всегда будите даволны: вопервыхъ что онъ кушанье гатовитъ въ лудьчемъ виде и въ лудьчемъ въкусе въ нонишномъ какъ нонче гатовютъ модные блюды онъ же у меня училса соверьшенно оконьчятелно поваренной должности у Лунина кухъмистра каторой зъдесь былъ по Москве перъвешей кухъмистеръ что и вамъ я думаю не безъсвестно было оное а начяло его было ученье онъ жилъ четыре года въ доме дядюшки князъ Якова Даниловича Бибаръсова онъ тутъ училъса да вотъ и нонишной годъ шесть месяцовъ онъ жилъ въ доме у дядюшки и тоже онъ продолъжалъ въсе то въремя онъ бывши у нихъ кушанье гатовилъ такъ же и съвойство его и поведенье дядющке изъвестно что какога онъ уже вотъ первое въ немъ дастоинъство что онъ человекъ кроткой и тихой не воръ и не пьяница ничего онъ не пьетъ ни вина ни пива что нонче ретъко можетъ быть кушанье онъ гатовитъ очень харашо а чтоже касается до етаго сестрица Прасковья Николаевна вы мне сами об ономъ проговаривали чтобы его на егъ-

заментъ и на пробу к вамъ прислать чтобы онъ у васъ въ доме наготовилъ то кажеца ето уже и не нужно совсемъ ето делать ето у насъ дело делаеца на известности знания родъства любовное и на известности человекъ етотъ мой поваръ уже очень харашо изъвестенъ и сведущъ об немъ дядюшка князь Яковъ Даниловичъ то вы изъволте на него во ономъ положица и быть уверены что я васъ па долъгу маего родства я етаго никагда не зъделаю я васъ ни подъ какимъ видомъ не объману и не зделаю я етаго перед вами будьте вы во ономъ уверены; и теперь дядюшка князь Яковъ Даниловичъ самъ ко мне приказывалъ что онъ его у меня с удаволъствиемъ и ахотно покупаетъ и даетъ онъ мне за него две тысечи асигнацыей и крепость покупъшикова же и дядюшка самъ мне съказалъ ето что онъ зная такъ харашо маего повара то онъ стоитъ трехъ тысечъ по его дастоинъству но я по родъству моему я уже одъдаю и продаю вамъ за две тысячи асигнацыей и крепость ваша на что буду ожидать себе вашего благосклоннаго отъвету себе что угодно ли вамъ . . . . . и пребуду ко услугамъ вамъ Елизавета Кологривова.

Дядюшка князь Яковъ Даниловичъ приказываетъ ко мне что естли вы его не купите маего повара вы отъкажитесь то онъ его наверное себе покупаетъ для себя его такъ какъ я знаю что вамъ надобенъ говоритъ харошей человекъ гаваритъ по родъству уже не перебиваю и у васъ не отънимаю харошего человека.

На оборотѣ:

Ея высокоблагородию
Милостивой государыни
Прасковье Николаевне
Шишкиной.

Письмо Ив. и Алекс. Дмитріевыхъ И. П. Бекетову.

Любезный братецъ Иванъ Петровичь!

Доношу о себѣ что 3 дня мы прибыли благополучно. Что жъ со мною по сей день произошло, о томъ начну увѣдомлять образомъ поденной записки.

Вчерась. Повѣщено было всѣхъ ротъ унтеръ аѳицерамъ быть на полковой дворъ. На смотръ къ графу. Я былъ въ числѣ визитіоровъ, поколику обо мнѣ не отдано было еще въ приказѣ. Его Сіятелство смотрѣлъ каждаго порознь иного отмѣчалъ въ гранодерской уборъ, инова во фрунтовыя инова въ негодяи дѣлая при томъ каждому по нѣсколку постороннихъ вопросовъ. При семъ слу-

чаѣ произошло весма достопамятное и достойное такого мужа каковъ Его С . . . . дѣло. Между прочими у. а. предсталъ предъ него одинъ ун: аф: сынъ барабанщиковой жены, котораго свободоязычники называли незаконнымъ порожденіемъ. Графъ осмотря его отпустилъ, потомъ поворотя опять сказалъ всему собранію слѣдующее: Господа афицеры! Многія почитаютъ будто етотъ у: а: есть плодъ моей фабрики, однакожъ я увѣряю васъ что порицаютъ меня етимъ напрасно. Вотъ прямой поступокъ искренной души, и приличный нынешнему времяни, т. е. великому посту въ который каждый христіянинъ имѣетъ долгъ исповѣдывать грѣхи свои и отъ нихъ очищатся!

Сего дня располагался я быть у Хвостова и у прочихъ знакомцовъ. Однакожъ разбужденъ былъ егаремъ, который принесъ мнѣ извѣстіе чтобъ я шелъ къ графу. Пришедши къ нему спрашивалъ онъ меня отколѣ я изъ помѣстья, долго ли гдѣ былъ въ отпуску потомъ назначилъ въ гранодерской уборъ.

Вотъ все что со мною по сей день произошло теперь пожелавъ вамъ благополучнаго въ низывыя предѣлы пути навсегда имѣю честь быть вашъ Милостиваго Государя покорный слуга и братъ

Иванъ Дмитріевъ.

Н: Ф: Гарсоно прошу засвидѣтельствовать усердное мое почтеніе.

Святки.

Въ Россіи лишъ узнали
Рожденіе Х . . . . .
Отвсюду поспѣшали
Въ священныя мѣста
Писателей толпы Х . . . на поклоненье
Иныя, чтобъ дитя узрѣть
Другія, чтобъ съ осломъ имѣть
Пріязнь и обхожденье.
Изъ первыхъ приближался
Съ посланіемъ Хвостовъ *)
Младенецъ испугался
Его обиняковъ—
Вскричалъ: не тронь меня! тебя я не замаю!
Не бось, вѣщалъ ему Хвостовъ
Я только лишъ однихъ скотовъ
Въ стихахъ моихъ караю.
Но только лишъ ввалился
Фонъ Визинъ вздернувъ носъ

*) Александръ Семеновичь.

Тотъ часъ отворотился
Заплакавши Хр . . . . .
И ангеламъ сказалъ: зачемъ ево пустили
Моимъ писаньемъ онъ шутилъ *)
Такъ вы бъ ево, лишъ онъ вступилъ
Къ ослу и проводили.

Потомъ стихотворитель
Микулинъ прибѣжалъ
Крича: тебѣ Спаситель
Я оду написалъ
Вели чтобъ къ оной всѣ вниманье приложили—
Но ахъ! лишъ началъ онъ читать
Оселъ такъ сильно сталъ визжать
Что ихъ не различили.

На визгъ осла святова
Капнистъ во хлевъ спѣшилъ
За брата онъ роднова
Осла давно ужъ чтилъ
И тутъ хотѣлъ отдать поклонъ ему усердной
Прочь, прочь! сказалъ ему оселъ
Визжаньемъ ты вредить хотѣлъ
А я оселъ безвредной.

За нимъ Арсеньевъ слѣдомъ
Прославится хотя
Съ украденнымъ обѣдомъ **)
Пришелъ передъ дитя.
Х . . . . ему сказалъ хоть ты имѣешъ пару
Мидасовыхъ мой другъ ушей
Однакожъ рукъ ево ей ей
Имѣть не можешъ дару. ***)

Арсеньевъ осердился
Ему смѣялся всякъ...
Но младшій появился
Хвостовъ ****) вѣщая такъ:
Я басенку скажу деитятѣ въ утѣшенье—

---

*) Ф. В. обыкновенно шутитъ въ комедіяхъ своихъ на щотъ Священнаго Писанія.
**) Онъ здѣлалъ подражаніе (Буало),
***) Мидасовы руки имѣли даръ превращать въ золото все, до чего бы онъ ни дотронулся.
****) Д: И.

Х . . . . былъ слушать басни радъ
Онъ зналъ творца хорошій складъ
И ихъ употребленье.
Спокойно всѣ сидѣли
Читать хотѣлъ Хвостовъ
Вдругъ двери заскрыпели
И входитъ Калычовъ ****)
Кричитъ: давно прочесть трагедію старался
Но толко молвилъ: Аделсонъ...
На всѣхъ напалъ ужасный сонъ
И онъ съ осломъ остался.
К: Дмитрей Горчаковъ.

Надпись къ дому великаго Ломоносова.

На мѣстѣ, гдѣ была Троянская столица
У бѣдныхъ рыбаковъ посѣяна пшеница
Въ той Капитоліи, судились гдѣ цари
Ужъ въ наши времена живутъ пономари
Домъ Ломоносова, безсмертнаго піиты
Жилищемъ здѣлался Демидова Никиты.

И я вамъ любезный братецъ Иванъ Петровичь свидѣтельствую мое почтеніе и о себѣ скажу что я право замученъ должностью черезъ 3 дни все хожу дневать, а съ вѣсною я думаю безпокойство еще усугубится. Графъ нашъ каждую нѣделю посѣщаетъ полковой дворъ но важнова еще ничево нѣтъ и всѣ ево визиты оконьчиваются пустяками или бранью на тѣхъ ково судьба приведетъ по нещастью перьвому ему на глаза попасться суди братецъ посему какъ весѣло намъ здѣсь жить прости любезной другъ и будь увѣренъ что я навсегда пребуду

вѣрнопокорнѣйшимъ слугою
Александръ Дмитрѣевъ.

На оборотѣ:

Милостивому Государю Ивану Петровичу
Его благородію
Бекетову.

Въ Москвѣ въ домѣ Господина Полковника Петра Аѳонасьевича Бекетова на Алексіевской улицѣ въ приходѣ Симіона Столпника.

Подателю 10 к:

*) Василей Петровичь. Сочинитель драмы Аделсонъ и пр. и пр.

Замѣтка о чугунныхъ дорогахъ въ Россіи.

Нѣсколько словъ о чугунныхъ дорогахъ въ Россіи.

Главный сухопутный торговый путь въ Россіи, на улучшеніи котораго съ надеждою можно бы основать обоюдныя выгоды учрежденія чугунныхъ дорогъ, лежитъ между Москвою и Петербургомъ. Прежде, въ лѣтнее время, онъ былъ весьма затруднителенъ и для проѣзжающихъ и для обозовъ; но съ тѣхъ поръ, какъ попеченіемъ правительства устроено по оному шоссе, неудобство сіе устранено, а зима попрежнему, въ продолженіи шести мѣсяцовъ, служитъ лучшимъ средствомъ сообщенія между обоими столицами.

Для чего жъ, когда уже есть прекрасное шоссе, пролагать еще подлѣ онаго чугунную дорогу? Захотятъ ли ѣздить по ней—даже и не крестьяне, если потребуется, можетъ быть, особое устройство экипажей, и платежъ, высшій того, который положенъ нынѣ за проѣздъ по шоссе? А зимою? сколько понадобится рукъ для вымѣтанія изъ колей снѣга, который цѣлыми сугробами заноситъ наши дороги, или для вырубленія льда во время заморозовъ? Но главное, какъ принудить нашихъ крестьянъ покинуть вѣковое употребленіе саней и замѣнить ихъ не по времени телегами, устроенными притомъ непремѣнно по одному размѣру? Если бъ даже и можно было успѣть въ томъ, то что будетъ крестьянинъ дѣлать съ телегою, когда прежде чѣмъ выѣдетъ на чугунную дорогу, ему придется верстъ сто или двѣсти проѣхать проселочными дорогами, занесенными снѣгомъ? Вѣрнѣе всего, что чугунная дорога будетъ существовать, а обозы потянутся подлѣ оной своею санною дорогою.

Важенъ также сухопутный торговый путь между Москвою и Нижнимъ-Новгородомъ, въ лѣтнюю пору, передъ тамошнею ярмаркою и послѣ оной. Тамъ нѣтъ еще шоссе; тамъ повидимому удобнѣе было бы приступить къ устройству чугунныхъ дорогъ; но затрудненія насчетъ единообразія экипажей останутся тѣ же. Какъ сей, такъ и далѣе идущій Сибирскій трактъ вторично дѣлается торговымъ, но уже исключительно зимою. По немъ идутъ обозы съ товарами на Ирбитскую ярмарку (бывающую въ февралѣ) и на Кяхту (и обратно). Пути, ведущіе изъ южныхъ губерній къ Одессѣ, безъ сомнѣнія представляютъ болѣе удобствъ къ учрежденію чугунныхъ дорогъ; но и тамъ предразсудки народа тѣ же, а зимы иногда бываютъ снѣжныя, холодныя и сопровождаемыя мятелями, вьюгами, которыя скроютъ и слѣдъ чугунной дороги.

Если предположить, что экипажи и возы съ товарами сами не пойдутъ по колеямъ, а будутъ влекомы паровою повозкою, которая одна только покатится

по колеѣ, то хотя въ семъ случаѣ народный обычай останется пощаженнымъ, но препятствія, полагаемыя суровостію нашихъ зимъ, будутъ и здѣсь таковы же, т. е. непреодолимы.

На все сіе конечно можно возразить, что если частные люди желаютъ пуститься въ подобное предпріятіе, не требуя отъ правительства никакихъ капиталовъ, то для чего мѣшать имъ въ томъ? Правда; но вопервыхъ, если правительство, разрѣшивъ устройство чугунныхъ дорогъ, увлечено будетъ настояніями компаніи къ принятію понудительныхъ мѣръ, т. е. потребуетъ, чтобы всѣ непремѣнно ѣздили по чугуннымъ дорогамъ, то это произведетъ важный ропотъ; вовторыхъ, если напередъ можно разсчесть, что предпріятіе несообразно съ географическимъ положеніемъ государства, его климатомъ, его малонаселенностью, его дѣйствительными нуждами, то для чего покровительствомъ такому предпріятію вовлекать предпріимчивыхъ людей въ вѣрные убытки? Это то же, что лотерея.

Но если по достаточномъ убѣжденіи въ пользѣ устройства у насъ чугунныхъ дорогъ, послѣдуетъ на то дозволеніе, то нѣтъ кажется надобности даромъ уступать потребное для проложенія оныхъ пространство земли: это была бы двойная для поселянъ потеря, у которыхъ, въ силу закона, взято уже подъ обыкновенныя дороги извѣстное количество земли; а объ удовлетвореніи ихъ въ другихъ мѣстахъ легче говорить, нежели исполнять. Равнымъ образомъ нѣтъ причины даромъ отводить мѣста подъ гостинницы. Мѣста сіи могутъ сдѣлаться оброчными статьями.

Во всякомъ случаѣ кажется лучше сдѣлать напередъ опытъ на небольшомъ, бойкомъ пространствѣ, не уничтожая и старой дороги. На выписку же изъ Англіи чугунныхъ полосъ никакъ согласиться нельзя. Требованіе сіе доказываетъ участіе въ семъ дѣлѣ заграничныхъ спекулантовъ.

Копія съ мнѣнія кн. П. Волконскаго о желѣзной дорогѣ, 13 января 1842 года.

*Копія съ мнѣнія представленнаго Кн: Волконскимъ въ комитетъ о железной дорогѣ въ присутствіи Государя Императора и Наслѣдника Цесаревича 13 Генваря 1842. *)*

*) Написано рукой кн. Волконскаго.

Быстрое съ нѣкоторыхъ поръ распространеніе въ Европѣ желѣзныхъ дорогъ заставляетъ думать, что онѣ, кромѣ пользы отъ скораго по нимъ сообщенія, могутъ современемъ приносить и выгоды; говорю современемъ, ибо донынѣ по процентамъ, получаемымъ съ капиталовъ, издержанныхъ на сіи дороги, (исключая нѣкоторыхъ) выгодъ еще не видно.

Извѣстно также, что вездѣ устройство желѣзныхъ дорогъ стоило гораздо дороже, нежели, по первоначальнымъ исчисленіямъ, было предполагаемо.

Во всѣхъ государствахъ, гдѣ уже существуютъ и вновь устроиваются желѣзныя дороги, имѣются сверхъ того и другія сообщенія: сухопутныя и водяныя, которыя связывая собою сообщенія съ желѣзными дорогами, весьма много вспомоществуютъ симъ послѣднимъ, и тѣмъ увеличиваютъ пользу ими приносимую.

Не спорю, что устройство желѣзной дороги между С.Петербургомъ и Москвою можетъ современемъ также принести пользу, даже выгоду, когда внутреннія сообщенія въ Россіи приведены будутъ въ положеніе, подобное существующему въ прочихъ государствахъ, и если сверхъ того эта дорога будетъ примыкать къ мѣстамъ значительнаго судоходства.

Представляемыхъ Коммиссіею исчисленій нельзя, кажется, признать достаточными, ибо они составлены примѣрно, безъ подробнаго изслѣдованія мѣстности, чрезъ которую предполагается провести желѣзную дорогу, долженствующую пересѣкать озера, болота и горы (хотя, впрочемъ, и небольшія). Исчисленія сіи частію взяты изъ сдѣланнаго для Московскаго шоссе и, по примѣрамъ иностраннымъ, съ увеличеніемъ суммы на каждый предметъ; но я думаю, что на эти исчисленія никакъ полагаться не должно безъ подробнаго изслѣдованія мѣста и грунта земли, часто измѣняющагося на весьма малыхъ разстояніяхъ.

Правда, что таковое подробное обозрѣніе поведетъ къ значительнымъ издержкамъ, но не лучше ли пожертвовать ими, чѣмъ рисковать, безъ сихъ свѣдѣній, огромными суммами, на устройство желѣзныхъ дорогъ потребными?

Не могу также одобрить постройки на желѣзной дорогѣ деревянныхъ мостовъ, по непрочности оныхъ; отъ чего, въ случаѣ поврежденія, должно нерѣдко останавливаться и самое сообщеніе по сей дорогѣ.

Выводимыя выгоды токмо примѣрныя, а потому, какъ онѣ, такъ и разсчетъ во времени перевозки товаровъ, идущихъ изъ внутреннихъ губерній, требуютъ предварительнаго и ближайшаго разсмотрѣнія, тѣмъ болѣе, что этимъ только и разрѣшится разногласіе въ мнѣніи разсматривавшихъ первоначальныя предположенія Коммиссіи.

Изъ представленія Коммиссіи не видно: откуда долженъ поступить огромный капиталъ, потребный на устройство желѣзной дороги между С.Петербургомъ и Москвою; кто будетъ располагать имъ; вести отчетность и потомъ по-

вѣрять оную? Предметъ же сей тѣсно связанъ съ окончательнымъ рѣшеніемъ объ устройствѣ у насъ желѣзной дороги.

Въ С. Петербургѣ. *Князь Волконской.*

13-го Генваря 1842.

Письмо графа Бенкендорфа Н. И. Кусову, 18 января 1842 года.

Милостивый Государь
Николай Ивановичъ!

Получивъ извѣстіе, что С.Петербургское купечество желало бы принести Его Императорскому Величеству изъявленіе чувства признательности, за утвержденіе проэкта, о сооруженіи между С.Петербургомъ и Москвой желѣзной дороги, я имѣлъ счастіе доводить о семъ до Высочайшаго свѣденія и Государь Императоръ отозваться соизволилъ, что Его Величество удостоитъ принять нѣкоторыхъ лицъ, которые для сего изъ среды купечества избраны будутъ.

О таковомъ Монаршемъ соизволеніи увѣдомляя Васъ, Милостивый Государь, имѣю честь покорнѣйше просить, не угодно ли Вамъ обратиться къ Г-ну Генералъ Губернатору Графу Эссену, для исходатайствованія съ его стороны у Государя Императора представленія означеннымъ членамъ купечества, по вышеупомянутому предмету.

Съ истиннымъ почтеніемъ и совершенною преданностію имѣю честь быть,

18 Января 1842. Милостивый Государь

Его В-дію Н. И. *вашъ покорнѣйшій слуга*

Кусову. *Графъ Бенкендорфъ.*

Мнѣніе кн. П. Волконскаго о дарованіи свободы помѣщичьимъ крестьянамъ. *)

Проэктъ Указа ясно доказываетъ желаніе Правительства даровать свободу помѣщичьимъ крестьянамъ.

Конечно всякой благомыслящій и просвѣщенный человѣкъ согласится, что направленіе умовъ въ настоящее время ведетъ къ сей мысли; но никто также не будетъ спорить и въ томъ, что приступить къ дѣлу толикой важности, отъ

*) Писано рукой кн. Волконскаго.

которой зависитъ спокойствіе и благоденствіе всего Государства, надлежитъ съ величайшею осторожностію, именно потому, что народъ нашъ не довольно еще образованъ и не созрѣлъ для того, чтобы могъ понимать благодѣтельныя мѣры правительства.

Въ Проэктѣ Указа между прочимъ говорится, что предполагаемою мѣрою болѣе упрочится крѣпостное право помѣщиковъ на принадлежащія имъ земли; но какъ ни одинъ помѣщичей крестьянинъ до сихъ поръ не оспаривалъ у Господина сей собственности, крѣпкой по закону по имѣющимся у него планамъ, межевымъ книгамъ, крѣпостямъ, и по самому духу безусловной зависимости вѣками вкорененной, то для чего подтверждать права сіи такимъ новымъ, чуждымъ народному понятію способомъ? Для чего наводить помѣщичьяго крестьянина на мысль, которая никогда не входила ему въ голову?

Дозволеніе помѣщикамъ заключать по желанію ихъ условія съ своими крестьянами навсегда ненарушимо, или на срочное время слишкомъ неопредѣлено, не даетъ яснаго понятія относительно исполненія обоюдныхъ обязанностей, и неминуемо произведетъ безпорядки, отъ коихъ судя по грубости, и можно сказать свирѣпости нравовъ нашего народа, легко переходящаго къ буйству могутъ произойти пагубныя послѣдствія.

По симъ уваженіямъ я съ моей стороны полагалъ бы:

1) Для прекращенія распространившихся слуховъ о вольности, въ предполагаемомъ циркулярномъ отношеніи Министра внутрѣнныхъ дѣлъ къ Губернаторамъ повторить статьи Манифеста 12 Мая 1826 года.

2) Заняться устройствомъ внутренняго управленія Государства.

3) Привести Государственныхъ крестьянъ въ такое положеніе, чтобы они благоденствіемъ своимъ могли служить примѣромъ для крестьянъ помѣщичьихъ, перенеся повинности ихъ съ душъ на землю для уравненія ихъ платежей и тогда уже по достиженіи сей цѣли, но не прежде, обратиться къ улутченію состоянія помѣщичьихъ крестьянъ дарованіемъ имъ условной свободы.

Князь Петръ Волконской.

Собственноручная записка Ив. Мих. Снегирева.

Послать въ подлинникѣ при письмѣ къ
Борису Павловичу Мансурову и просить
увѣдомить что изъ этого можетъ быть.

Дѣйствительный Статскій Совѣтникъ Иванъ Снегиревъ, бывшій 25 лѣтъ Профессоромъ въ Московскомъ Университетѣ и включительно около 40 лѣтъ

Ценсоромъ, теперь доведенъ до такого стѣсненнаго положенія, съ своимъ семействомъ, что находится вынужденнымъ открыться предъ Начальствомъ въ крайней нуждѣ своей и прибѣгнуть къ великодушной его помощи.

Хотя, по милости Государя Императора онъ и пользуется пенсіей за долговременную и усердную службу свою; но какъ ета пенсія вычитается, по взысканію отъ его кредиторовъ: то остатковъ ея не достаетъ на содержаніе (себя) сколько нибудь приличнымъ образомъ, даже на необходимое. Ето лишаетъ его средствъ, душевнаго покоя и отрады въ исходѣ жизни. Въ долги же Снегиревъ вовлеченъ не какими либо прихотями и пристрастіями, но воспитаніемъ и устроеніемъ дѣтей своихъ и неблагопріятными, отъ него независѣвшими, случайностями. Отцовской его домъ заложенъ, такъ какъ и деревенька, теперь не приносящая ему дохода. Если бъ все ето было продано съ аукціону, какъ водится, за безцѣнокъ: то онъ можетъ лишиться роднаго уголка и быть доведеннымъ до нищенскаго состоянія. Ему останется гробъ и яма.

Но если бъ благодѣтельное Начальство подало ему руку благовременной помощи ссудою на 10 лѣтъ безъ процентовъ 10 т. р., то разстроенныя его дѣла могли поправиться и онъ имѣлъ бы отраду спокойно и благословляя великодушнѣйшаго изъ Монарховъ, окончить остатки дней своихъ въ отцовскомъ уголку.

Письмо Василія Васильевича Варгина *), 9 іюня 1838 года **).

Шесть писемъ получилъ я отъ тебя, любезнѣйшій Другъ и братъ Василій Васильевичь! Ты сѣтуишь, что я до сихъ поръ не отвѣчалъ тебѣ на нихъ; но я не совсѣмъ виноватъ въ этомъ, потому что два письма мои, одно съ Карломъ Густавовичемъ Стаалемъ, а другое съ жильцомъ одного изъ нашихъ домовъ, посланныя, не дошли до тебя. Послѣ этихъ писемъ я со дня на день собирался писать, съ предположеніемъ чтобы ты собралъ свѣдѣнія о машинахъ для пряденія льна; но стеченіе разныхъ обстоятельствъ не допустило исполнить это предположеніе. Безъ надобности же, ты знаешь, я небольшой охотникъ писать; да и о чемъ? о томъ, развѣ, что живъ и здоровъ? Конечно если-бы я умеръ, тебя увѣдомили бы объ этомъ! Да что пользы вамъ въ моей жизни, когда она-то и есть одна изъ главнѣйшихъ причинъ всѣхъ вашихъ бѣдствій!

---

*) Это письмо, вмѣстѣ со слѣдующими за нимъ: письмомъ К. Полеваго и замѣткой о Варгинѣ— подарены мнѣ Аѳанасіемъ Аѳанасьевичемъ Астаповымъ. П. Щ.

**) См. „Сборникъ стар. бумагъ“, часть 10-я, стр. 183.

Это истина, противу которой и говорить нечего! Да, всѣ вы заняты теперь мыслію, что пока я живъ, дѣла наши устроятся, и груда камней, обольщающая васъ, очистится отъ проказъ чужихъ и собственно моихъ!.. Но кто можетъ сказать, что онъ не ошибался?... Но успокоитесь ли вы и тогда? желаніе естественно! Радъ бы жить для этого; къ несчастію, цѣль наша отдаляется тѣмъ, что 30 лѣтъ надобно удовлетворять казну капитальною суммою; неменѣе этого времени потребуется на платежъ процентовъ, если ихъ положатъ; всего же выйдетъ 60 лѣтъ. Въ продолженіе всѣхъ этихъ годовъ, постепенный платежъ, который будетъ производится кредиторамъ каждогодно, безъ сомнѣнія, почтутъ они въ видѣ процентовъ, и вправѣ будутъ полагать, что я все еще остаюсь должнымъ по ихъ претензіямъ капитальною суммою, и на уплату ея понадобится немалое время. Слѣдовательно, на удовлетвореніе обоихъ сихъ предметовъ, едва достанетъ 75 лѣтъ, которыхъ нѣтъ физической возможности никому изъ васъ пережить. Къ тому случиться можетъ еще и то что дѣло наше, прежде нежели придетъ въ лучшее положеніе, приметъ оборотъ рѣшительно для насъ пагубный, подобный продажѣ Театру... *) Что тогда вы будете дѣлать? Время, между тѣмъ, потеряется не возвратно; труды останутся безъ вознагражденія; способности въ однихъ изъ васъ ослабѣютъ, а въ другихъ и вовсѣ умрутъ, отъ того, что для ихъ развитія не будетъ случая. Не будь же вы увлечены грудами камней, необходимость обратила бы васъ къ занятіямъ по торговлѣ. Не отвергаю, что на новомъ поприщѣ придется боротся съ трудностями; при томъ, судьба не всѣмъ равно будетъ благопріятствовать; однакожъ можно надѣяться, что кого нибудь, хоть одного изъ цѣлаго семейства нашего, предпріимчивость увѣнчается успѣхомъ, и этотъ одинъ поддержитъ фамилію нашу. Я говорю: поддержитъ. Да! Это необходимо въ денежномъ отношеніи: деньги первый двигатель въ Мірѣ, безъ нихъ человѣкъ, какихъ бы онъ ни былъ возвышенныхъ чувствъ, ничего не значитъ; особенно въ нашемъ быту. Я въ полной мѣрѣ испыталъ это на себѣ. Пусть же будетъ урокомъ настоящимъ и будущимъ членамъ нашего дома, чтобы каждый изъ нихъ, на какую бы то ни было услугу или пожертвованіе, не иначе соглашался, какъ разсчитавъ хорошо, будетъ ли изъ того собственно для него польза. Словомъ, надобно всегда имѣть въ виду два значительные примѣра: первый, мои безкорыстныя заслуги, и слѣдствія ихъ; второй, благоразумные подвиги Строгоновыхъ и Демидова, сдѣланные: первыми при Царѣ Иванѣ Васильевичѣ, а послѣднимъ при Петрѣ Великомъ. Тѣ и другой, оказывая услуги свои, вмѣстѣ съ тѣмъ пріобрѣли себѣ такое достояніе, что потомки ихъ получаютъ нынѣ болѣе 10 милліоновъ годоваго дохода, что открываетъ имъ безпрепят-

*) Малый театръ въ Москвѣ.

ственный путь къ почестямъ и славѣ, которыми они и пользуются. Но сообразить надобно время и обстоятельства, въ которыхъ Строгоновы и Демидовъ способствовали Правительству въ удовлетвореніи его надобностей. Могутъ ли тѣ времена и обстоятельства равняться съ Эпохою, въ которую я безмолвно исполнялъ волю высшаго начальства, побуждавшаго меня къ тому Священнымъ именемъ покойнаго Государя Императора, съ увѣреніемъ, что заслуги мои ни когда не будутъ забыты. Я говорю о Эпохѣ самой знаменитой и критической для Россіи, именно: о вторженіи въ Россію Наполеона; Эпохѣ, какой не бывало; Полководцѣ, какого въ Мірѣ не существовало. Россія вооружала противъ него ополченія неслыханныя, и впослѣдствіи постоянно содержала ихъ, въ такомъ числѣ, какого ни одно Европейское Государство не имѣло еще, и для котораго я былъ, въ теченіе 20 лѣтъ главнѣйшимъ поставщикомъ. Во времена, по большей части трудныя и тяжкія, я доставлялъ Правительству вещи, на обмундированіе войскъ потребныя, съ быстротою, по цѣнамъ мѣнѣе чѣмъ умѣреннымъ, даже невѣроятнымъ. Судя по всему этому, я имѣлъ все право, беззазорно, отъ самыхъ ничтожныхъ выгодъ пріобрѣсти за труды и усердіе свое состояніе, болѣе чѣмъ пріобрѣли Демидовъ и Строгановы, и быть наряду первыхъ Европейскихъ капиталистовъ. Что-же выигралъ я за все это? 5000 р. скуднаго содержанія, вмѣстѣ съ вами, положеннаго изъ доходовъ собственнаго имѣнія, которое служитъ неболѣе какъ къ продолженію страданія! Казалось бы достаточно и однихъ перенесенныхъ мною!

Ты былъ свидѣтелемъ въ Выборгѣ, какъ неохотно соглашался я просить о разсрочкѣ насчитанной на меня недоимки. Я живо чувствовалъ, что просить о томъ, въ чемъ не я былъ причиной, и что ничего не значитъ въ сравненіи съ сдѣланнымъ мной на пользу общую, значило подвергать себя всякаго рода испытанію. Но вы требовали отъ меня того; я повиновался вамъ. Смотрите жъ на слѣдствіи.

Опека, за 8 лѣтнее управленіе свое, изъ доходовъ, за расходами и съ накопившимися въ теченіе тѣхъ лѣтъ процентами, представила въ казну 240.000 р., кругомъ по 30.000 р. въ годъ, передавъ имѣніе мнѣ во всѣхъ частяхъ разстроенное. Я въ короткое время успѣлъ привести его въ возможно лучшее положеніе, устроилъ, употребивъ на отстройку болѣе 200.000 р., и представилъ въ Департаментъ Военныхъ Поселеній, за прошедшіе два года, 200.000 р. Теперь имѣніе будетъ приносить постояннаго дохода, за всѣми расходами, болѣе 203.000 р., слѣдовательно лишняго въ годъ болѣе противъ опеки 173.000 р. По етому расчету и смѣтамъ, сдѣланнымъ на перестройки, опека причинила мнѣ убытковъ болѣе 1 м. 700.000 руб. Все это знаютъ, и какъ будто нарочно сговорились всѣ молчать. Въ тоже время, несмотря на очевидные успѣхи мои, противъ меня вооружаются самымъ несправедливымъ

образомъ, на примѣръ: Антипъ Павловъ жалуется Государю Императору, что не получаетъ платежа; Генералъ Губернаторъ предписываетъ мнѣ дать отчетъ Временному Суду о приходѣ и расходѣ суммъ; Максимъ Щегловъ проситъ взыскать деньги, и жертвуетъ изъ нихъ 2000 р. въ Приказъ Общественнаго Призренія; кто упрекаетъ, что скорей умретъ, чѣмъ дождется платежа; кто убѣждаетъ своею крайностію сдѣлать какую нибудь уплату; кто грозитъ чѣмъ вздумается. Все это, противъ воли, заставляетъ отписываться, оправдываться, увѣрять, давать и деньги. Да! не дамъ много, но какъ откажешь въ 10, 25, 50, 100 рубляхъ, пришедшимъ пѣшкомъ изъ Вологды, Костромы, Углича, выдающихъ дочерей въ замужство, или на погребеніе мужа, жены, сына, дочери, или на выкупъ сына изъ солдатства, короче сказать, отъ меня требуютъ, точно какъ будто я получаю нѣсколько милліоновъ дохода на свои безотчетные расходы! Ни кто вѣрить нехочетъ, что способы мои заключаются въ 5000 р., и что ихъ недостаточно на удовлетвореніе всѣхъ необходимыхъ нуждъ семейства. Признаюсь, всѣмъ этимъ доведенъ я до того, что съ каждымъ грошомъ разстаюсь какъ съ жизнію, потому что за всякую копѣйку долженъ отдать строгій отчетъ. Теперь понятно для тебя, отъ чего такъ долго не посылалъ я къ тебѣ денегъ; да и посылаемые теперь 200 рублей я слишкомъ много принуждалъ себя отправить къ Степану Ѳаддеевичу. Грустно мнѣ сознаваться въ этомъ, но ты самъ посуди, чтожъ дѣлать мнѣ? Какъ бы ни было однакожь въ Іюлѣ и не далѣе какъ въ Августѣ, я пришлю тебѣ 500 рублей.

Въ заключеніе скажу тебѣ, что я намѣренъ сдѣлать послѣднія соображенія къ развязкѣ дѣлъ моихъ, и если ихъ не уважатъ брошу все, ибо видно, что чѣмъ больше усиливаюсь я привести дѣла въ лучшее устройство, тѣмъ менѣе оказываютъ мнѣ снисхожденія. Для чего же по напрасну и безъ пользы тратить время? О предположеніяхъ моихъ я увѣдомлю тебя. Будь здоровъ и благополученъ, и не забывай много любящаго тебя *и покорнаго брата Василья Варгина.*

Іюня 9 дня
1838 года
Москва.

Письмо Ксенофонта Полеваго В. В. Варгину, 6 октября 1850 года.

6 Октября 1850 г. С.П.бургъ.

Давно я лишенъ удовольствія бесѣдовать съ вами, достопочтеннѣйшій другъ Василій Васильевичъ!.. Знаю вашу заботливую жизнь, вашъ обычай не отвѣчать на письма безъ особенной надобности, и только потому никогда не пишу

къ вамъ. Но сердце и душа моя попрежнему любятъ васъ, и я почелъ бы себя счастливымъ, еслибы могъ чѣмъ нибудь доказать вамъ это. Я много обязанъ вамъ нравственно и вещественно. Молю Бога, чтобы онъ далъ мнѣ возможность сколько нибудь вознаградить за все добро ваше мнѣ!.. Въ моей искренней преданности къ вамъ не можете вы сомнѣваться, и потому-то я рѣшаюсь передать вамъ мысль, внушенную мнѣ обстоятельствами, къ вамъ относящимися.

Въ Канцеляріи Военнаго Министра есть у меня искренніе, близкіе знакомые, люди столько же умные, сколько благородные. Я хотѣлъ знать, чѣмъ кончилось ваше дѣло по Контролю, и узналъ, что оно кончилось ничѣмъ, потому что Министръ указалъ на Высочайшія повелѣнія, и Государственный Контролеръ не посмѣетъ теперь пикнуть противъ него. Прочитавъ почти все дѣло, собравъ всѣ свѣдѣнія, я убѣдился, что вы жестоко обманывались въ людяхъ, которымъ ввѣряли свои пользы. Покойный Щенсновичъ былъ негодяй; Ушаковъ тоже; а Лерхе и негодяй и несправедливо-пользующійся славою юриста человѣкъ. Онъ даже не читалъ бумагъ, назначенныхъ въ облегченіе вашей судьбы, и ихъ писалъ другой, приказная строка. Даже странно видѣть, что въ его бумагахъ есть противъ васъ насмѣшки и крючки!.. Словомъ, васъ обманули, или по крайней мѣрѣ не умѣли взяться за дѣло, и только раздосадовали Министра.

Что́ теперь остается дѣлать?

Я совѣтовался съ людьми, знающими дѣла и лица, и вотъ ихъ мнѣніе. Министръ не столько предубѣжденъ противъ васъ, сколько вы полагаете. Еслибы обратиться къ нему, и съ должнымъ смиреніемъ изобразить ему ваше тяжкое положеніе, ваши прошедшія и нынѣшнія страданія, нѣтъ сомнѣнія, что онъ смѣнилъ бы гнѣвъ на милость и испросилъ бы у Государя окончанія вашего дѣла забвеніемъ всего что́ было и освобожденіемъ вашего имѣнія отъ дальнѣйшихъ взысканій. Но съ такою просьбою, или, лучше сказать, съ такимъ внушеніемъ можетъ обратиться къ нему только одинъ человѣкъ: нынѣшній Директоръ Канцеляріи, истинно-благородный, умный, хотя и при́дворный человѣкъ. Я лично знакомъ съ нимъ, и могъ бы просить его еще черезъ такого человѣка, которому онъ не откажетъ. А еслибы баронъ Вревскій взялся за это, то въ успѣхѣ нельзя сомнѣваться. Но я не могу приступить ни къ чему безъ вашего полнаго согласія, и сообщаю это вамъ какъ *глубочайшую тайну,* прося васъ не только совѣщаться о ней ни съ кѣмъ, но и письмо мое уничтожить немедленно по прочтеніи, ибо я именую въ немъ лица, а вы знаете какъ это страшно. Ввѣряю мое усердіе и предложеніе вашей дружбѣ: рѣшите своимъ умомъ и чувствомъ, пригодна ли вамъ моя мысль, основанная на близкомъ знаніи обстоятельствъ.

Письмо это посылаю черезъ мою тещу Елисавету Ивановну, которая ѣздила въ Ревель, и прогостила здѣсь больше мѣсяца. Черезъ нее же можете вы и отвѣчать мнѣ. Она перешлетъ мнѣ ваше письмо въ своемъ.

Я существую довольно спокойно, своими литературными трудами, которые однакожь едва даютъ насущный хлѣбъ. Теперь принялъ я на себя еще должность учителя по военно-учебнымъ заведеніямъ. Прошу Бога только продлить милосердіе свое и не подвергать меня новымъ испытаніямъ, которыя перенести былъ бы я не въ силахъ. Мы всѣ здоровы. Жена моя попрежнему любитъ и уважаетъ васъ. Вы часто бываете предметомъ нашихъ воспоминаній.

Примите мое усердіе какъ другъ, который принимаетъ его съ любовью и тогда, какъ оно неумѣстно.

Будьте здоровы и вѣрьте неизмѣнной, искренней моей преданности, съ какою всегда остаюсь

вашимъ усерднѣйшимъ слугою
Ксенофонтъ Полевой.

Замѣтка о В. В. Варгинѣ, 14 января 1859 года.

Въ извѣщеніи о кончинѣ Василія Васильевича Варгина, помѣщенномъ въ 10-м № Московскихъ Вѣдомостей вкралась опечатка. Тамъ сказано, что изъ положеннаго на Варгина казеннаго взысканія 2,000000 р. онъ уплатилъ 200,000 р. тогда какъ онъ уплатилъ по оффиціальнымъ свѣденіямъ 2000000 р. Въ подтвержденіе же его безкорыстнаго служенія отечеству въ качествѣ Коммиссаріатскаго Поставщика, долгомъ считаю привести три оффиціальныя свидѣтельства:

1. Бывшій Военный Министръ Князь Горчаковъ въ 1814 г. въ представленіи своемъ о заслугахъ Варгина говоритъ: „что Варгинъ производя въ те„ченіи 1812, 1813, и 1814 годовъ огромныя поставки на десятки милліоновъ „рублей въ каждый годъ, безъ условій писменныхъ и безъ залоговъ, забывая „о собственныхъ пользахъ, доставлялъ казнѣ прибыли милліоны рублей, изум„лялъ всѣхъ необыкновеннымъ искусствомъ и умѣньемъ поддерживать низкія „цѣны въ самое трудное время, при всеобщемъ разстройствѣ торговли и что „безкорыстіе и усердіе Варгина неограниченно“. По этому представленію послѣдовало въ 1814 году Высочайше утвержденное положеніе Комитета Г.Г. Минист. о награжденіи Варгина золотою медалью украшенною бриліантами на Андреевской лентѣ.

2. Въ 1819 г. послѣ произведенной Комитетомъ учрежденнымъ въ Москвѣ для подряда вещей на армію, окончательной переторжки на вещи по сроку

1820 года, подрядная сумма составилась противу прежней болѣе на 2,500000 р. Комитетъ не находилъ способовъ отвратить этотъ излишекъ. Бывшій Московскій Военный Генералъ Губернаторъ и Предсѣдатель Комитета Графъ Тормасовъ обратился къ Варгину, который не только согласился принять поставку по прежнимъ цѣнамъ, но предложилъ сдавать вещи не въ Москвѣ, а прямо въ каждую Коммиссаріатскую Коммиссію. Такимъ образомъ казна избѣгла передачи 2500000 и выиграла еще отъ провоза 350000 р. По представленію Графа Тормасова Комитетъ Гг. минист. принялъ въ основаніе, что мѣра эта приноситъ казнѣ выгоды 2,850,000 р. полагалъ допустить оную, испросивъ Высочайшее соизволеніе, которое и послѣдовало 7-го Мая 1819 г. Варгинъ для успѣха операціи усилилъ свои заведенія, арендовалъ въ Москвѣ девять кожевенныхъ заводовъ на выдѣлку подошвенныхъ кожъ, распространилъ въ Серпуховѣ собственный свой кожевенный заводъ на дубленіе мягкаго кожевеннаго товара, въ городахъ Костромѣ, Вязникахъ, Угличѣ, къ прежде арендованнымъ фабрикамъ вновь еще арендовалъ фабрики для выработки фламанскихъ полотенъ и равендуковъ; но всѣ эти заводскіе сырые матеріалы пріобрѣталъ въ отдаленныхъ частяхъ Россіи: кожи — въ Бессарабіи и Кавказской области, пряжу на полотна въ Западныхъ губерніяхъ. Быстрота дѣйствій Варгина по этой операціи подтверждается выданнымъ ему свидѣтельствомъ, что къ 20 Января 1820 г. на заведеніяхъ его оказалось 29,000 подошвенныхъ кожъ въ готовности, изъ коихъ выкроено было болѣе милліона паръ подошвъ, и въ Серпуховѣ выдублено было 100,000 юфтяныхъ кожъ, изъ коихъ выкроено было мягкаго сапожнаго товара болѣе 500,000 паръ; на фабрикахъ же приготовлена почти вся пропорція фламанскихъ полотенъ и равендуковъ, такъ что поставка сія на огромность ея и разномѣстность сдачи вещей кончена повсемѣстно прежде срока въ контрактахъ назначенныхъ. Комитетъ въ данномъ Варгину 27 Сентября 1821 г. аттестатѣ за подписаніемъ Г. Московскаго Военнаго Генералъ Губернатора Князя Голицына свидѣтельствуетъ: „что при подрядѣ вещей на армію по срокамъ 1817, 1818, 1819 и 1820 годовъ и для Балтійскаго и Черноморскаго флотовъ принято было Варгинымъ въ поставку на „многіе милліоны рублей, и что при подрядахъ сихъ, по собственному усердію „къ выгодѣ казенной, Варгинъ былъ главнымъ участникомъ въ пониженіи „цѣнъ на вещи и тѣмъ самымъ способствовалъ казнѣ къ сохраненію важнѣйшихъ суммъ“.

3. Во всеподданнѣйшемъ донесеніи бывшаго Военнаго Министра Графа Татищева отъ 29 Декабря 1826 года онъ говоритъ о Варгинѣ: „Сей рѣдкій „поставщикъ преисполненъ рвенія къ казенной пользѣ; онъ въ продолженіи „почти двадцати лѣтъ поставилъ въ Коммиссаріатъ вещей на сумму болѣе „300,000,000 р. По выгодѣ представленной поставщикамъ мудрымъ предкомъ

„Вашего Величества Петромъ Великимъ, Варгинъ долженъ бы воспользоваться „слишкомъ 30,000,000; но онъ въ такомъ находится положеніи, что безъ под- „держанія со стороны правительства, за удовлетвореніемъ кредиторовъ его, „останется ни съ чѣмъ. Вотъ доказательство его безкорыстія. Такъ по одному „слову моему, онъ приносилъ казнѣ большія жертвы, и я увѣренъ, что поддер- „жаніе Варгина послужитъ къ пользѣ правительства и самой казны; а съ укло- „неніемъ его отъ дѣлъ Коммиссаріата, цѣны на вещи немедленно возвысятся, „какъ были тому неоднократные опыты, когда только онъ объявилъ, что не „хотѣлъ принимать на себя поставки".

Этихъ трехъ свидѣтельствъ 1814, 1821, и 1826 годовъ кажется достаточно чтобъ судить о Варгинѣ не какъ о поставщикѣ, который видитъ въ поставкѣ торговое предпріятіе и расчитываетъ на барыши. Для Варгина избранное имъ поприще имѣло одну цѣль — пользу и сбереженіе казеннаго интереса и во всѣхъ своихъ двадцатилѣтнихъ поставкахъ удивлявшихъ современниковъ своею дешевизною, быстротою и громадностію, онъ достигалъ этой цѣли съ убыткомъ для себя и съ прибылью для казны въ нѣсколько десятковъ милліоновъ рублей. Его непризнанныя достоинства и заслуги передъ отечествомъ вызываютъ теперь къ гласному объ нихъ слову, которое не оскорбитъ уже его строгой скромности и смиренія.

Н . . . . .

14 Генв. 1859.

Взысканіе съ лицъ, не устроивавшихъ иллюминаціи въ царскіе дни, въ Архангельскѣ, 1794 года.

Въ 1794 году производилось въ Архангельскомъ городовомъ магистратѣ дѣло о томъ, что многіе изъ городскихъ обывателей купеческаго и мѣщанскаго сословія, въ царскіе дни, по вечерамъ не устраиваютъ иллюминаціи, то есть плошекъ не зажигаютъ или на окнахъ не ставятъ свѣчъ.

Дѣло началось по заявленію полиціи.

Такъ управа благочинія 25 октября сказаннаго года сообщила магистрату, что 14 числа этого мѣсяца „для дни торжества рожденія Ея Имп. Высочества В. Кн. Маріи Ѳеодоровны", обыватели, обязанные подписками ставить въ царскіе дни на всѣ окна по зажженной свѣчѣ или ставить плошки по улицѣ предъ домами, выставляли въ своихъ домахъ только по одной свѣчѣ въ цѣломъ домѣ, а иные и совсѣмъ ни одной, и посему, видя въ ихъ поступкѣ

только „пренебреженіе“, на основаніи устава благочинія 193 и 255 ст., *) и составивъ списокъ купцовъ здѣшнихъ и иностранныхъ, равно и мѣщанъ, приложила при томъ сообщеніи на законное опредѣленіе; присовокупивъ, что о чиновникахъ, равно о градскомъ головѣ Латышовѣ и бурмистрѣ Башмаковѣ отъ управы благочинія въ то же время представлено намѣстническому правленію рапортомъ.

Въ спискѣ поименованы слѣдующія лица, не выставлявшія свѣчъ въ окнахъ въ 14 Октября:

Выставили по одной свѣчкѣ:

Купцы: Матвѣй Стукачевъ.
Иванъ Бусиновъ.
Алексѣй Ерюхинъ.
Ефимъ Ершевъ.
Василій Шавцевъ.
Михайло Пругавинъ.
Алексѣй Поповъ.

Мѣщане: Алексѣй Митрофановъ.
Семенъ Шелониновъ.
Михайло Часовиковъ.
Михайло Шапошниковъ.

Вовсе не выставили:

Купцы: Нанфилъ Кудиновъ.
Василій Сидоровъ.
Кузма, Афанасій } Амосовы.
Ѳедоръ Сидоровъ.
Михайло Куницынъ.
Кузма Корнашевъ.

Купецкая вдова Анна Плотникова.
Датскій консулъ Брюстъ.
Голландскій консулъ Менсенденъ.
Петербургскіе купцы Соломонъ и Авраамъ Фонбрины.
Иванъ Истоминъ.

---

*) Ст. 193. Подтверждается запрещеніе всѣмъ и каждому учинить ослушаніе объявленію управы благочинія.

Ст. 255. Буде кто учинитъ ослушаніе объявленію управы благочинія, да отдастся, яко ослушникъ, подъ стражу и отошлется въ судъ и да накажется по мѣрѣ вины или преступленія, имъ учиненнаго, какъ въ законѣ написано.

Уставъ управы благочинія 1782 года.

Яковъ Лыжинъ.
Алексѣй Шадринъ.
Гаврило Ласкинъ.
Англійскій купецъ Блицындонъ.
Ревельскій купецъ Томасъ Блокеръ.
Мѣщане: Петръ Плотниковъ.
Николай Пругавинъ.

На это сообщеніе въ журналѣ городоваго магистрата 28 Октября 1794 года постановлено: „Хотя Архангельская управа благочинія требованіемъ своимъ и настоитъ о поступленіи съ купцами и мѣщанами, равно и съ иностранными консулами, изъясненными въ приложенномъ регистрѣ, якобы за неставленіе ими въ вечеру высокоторжественнаго дня, то есть 14 числа сего мѣсяца, на окна свѣчъ, для освѣщенія города, по законамъ, но поелику, по причинѣ сгорѣнія въ магистратѣ, во время бывшаго въ 26 день Іюня 1793 года пожара, дѣлъ и законныхъ книгъ, таковаго узаконенія, по коему велѣно поставлять въ высокоторжественные дни на окна свѣчи, магистратъ не находитъ, а посему и сужденіе надъ упоминаемыми людьми производить не осмѣливается, въ разсужденіи чего и благоволитъ оная управа благочинія, ежели имѣетъ таковое узаконеніе, доставить въ магистратъ съ надлежащимъ свидѣтельствомъ списокъ, почему тогда и къ сужденію по сему предмету приступить имѣетъ.“

Изъ дѣла не видно: получилъ ли магистратъ отъ управы благочинія требуемую копію съ узаконеній по этому предмету.

Пасквильныя табакерки въ Петербургѣ, 1743 года.

Въ первыхъ годахъ царствованія имп. Елизаветы Петровны, въ Петербургѣ появились въ продажѣ табакерки съ разными рисунками, частію политическаго содержанія, но преимущественно съ непристойными изображеніями полунагихъ фигуръ и съ неприличными надписями; въ оффиціальныхъ бумагахъ того времени онѣ назывались „табакерками съ пасквильными фигурами“; привозимы были онѣ въ Петербургъ изъ-за границы и продавались въ лавкахъ у инозем. цевъ. Особенно много появилось табакерокъ съ изображеніями пяти мужчинъ и одной полунагой женщины, которые между собой вели неприличный разговоръ на англійскомъ языкѣ.

О появленіи табакерокъ дошло до свѣдѣнія императрицы, которая распорядилась изъять ихъ изъ торговли. Именнымъ указомъ, 1743 года Января 3 дня

объявленнымъ сенату генералъ-прокуроромъ княземъ Н. Трубецкимъ, повелѣно: „Всепресвѣтлѣйшая, державнѣйшая, великая государыня императрица Елизавета Петровна, самодержица всероссійская, указать соизволила. Понеже въ С. Петербургѣ, на Гостиномъ дворѣ продаются желѣзныя табакерки, покрытыя лакомъ, у которыхъ на крышкѣ намалеванъ пашквиль: пять персонъ мужскихъ и одной женской въ одной рубашкѣ и половина оной нагая, въ коронѣ, съ надписью на аглинскомъ языкѣ тѣхъ персонъ неприличныхъ разговоровъ. А понеже такіе и подобные тому пашквили здѣсь весьма ненавидимы суть, того ради такихъ и подобныхъ тому табакерокъ и прочихъ съ таковыми пашквильными фигурами вещей впредь въ продажу отнюдь не употреблять, а которыя есть на Гостиномъ дворѣ и у прочихъ всякаго званія, кто таковыми товарами торгуетъ, купцовъ въ лавкахъ и на домахъ, оныя всѣ отъ коммерцъ-коллегіи тотчасъ собравъ, объявить при доношеніи въ правительствующій сенатъ, также кто такія табакерки или прочія вещи купя у себя въ рукахъ имѣетъ, тѣмъ немедленно жъ объявлять оныя въ полицеймейстерской канцеляріи, а той канцеляріи въ сенатъ, за которыя какъ купцамъ, такъ и тѣмъ людямъ, кто оныя принесетъ, заплачены будутъ, что надлежитъ, изъ казны деньги, о чемъ изъ полиціи въ Санктъ-Петербургѣ публиковать, такожъ ежели впредь въ Санктпетербургъ и въ прочіе россійскіе города, что съ такими пашквилями неприличное для продажи будутъ привозить, о томъ коммерцъ-коллегіи накрѣпко смотрѣть и того до продажи отнюдь не допускать, а отбирая оныя, всѣ представлять о томъ въ правительствующій сенатъ“.

Во исполненіе высочайшей воли, тотчасъ же были посланы указы изъ сената въ коммерцъ-коллегію и въ петербургскую полицеймейстерскую канцелярію. На эти указы коммерцъ-коллегія, при доношеніи 14 января 1743 года, представила въ сенатъ присланныя къ ней изъ с.петербургской портовой таможни три табакерки съ пашквилями, отысканныя таможеннымъ инспекторомъ Милемъ въ домахъ у иностранныхъ купцовъ, одна у Томаса Фоуль, цѣною 4 р. 50 к., а двѣ у француза Дернарда, цѣною по 3 р. каждая, съ объясненіемъ, что у другихъ иностранныхъ купцовъ, также и на Гостиномъ дворѣ въ лавкахъ таковыхъ табакерокъ тѣмъ инспекторомъ при осмотрѣ не найдено. Вскорѣ послѣ того, именно 1 Февраля того же 1743 года представлены были сенату отъ коммерцъ-коллегіи сорокъ табакерокъ лакированныхъ съ намалеванными на крышахъ лицами, присланныхъ отъ той же портовой таможни. Табакерки эти были отобраны у англичанина Сидора Крапа и относительно цѣны раздѣлены были на три сорта или нумера: къ № 1-му относились пять табакерокъ, цѣною по 50 к. каждая, къ № 2-му двадцать четыре табакерки, по 4 рубля дюжина, къ № 3-му двѣнадцать табакерокъ, цѣною за всѣ 4 рубля 50 копѣекъ. При дѣлѣ имѣется описаніе изображеній, имѣвшихся на табакер-

кахъ, въ переводѣ на русскій языкъ, слѣдующаго содержанія. „По переводѣ, на табакеркахъ явилось: № 1. Кардиналъ спя сидитъ на креслахъ, въ красномъ шлафоркѣ, подлѣ него стоитъ курфистръ Баварскій, на головѣ его императорская корона, на немъ епанча и прочее по надлежащему одѣяніе, только безъ штановъ; съ нимъ на ряду стоитъ дѣвица, служанка королевы Венгерской, а подлѣ ея и сама она королева Венгерская, въ желтомъ уборѣ и на головѣ у ней корона, надѣваетъ мужскіе штаны. № 2. Сидитъ Европа подъ балдахиномъ, въ печальной позитурѣ, лѣвою рукою подперши голову, въ правой рукѣ держитъ копье, у которой виситъ щитъ съ крестомъ, передъ нею поодаль стоитъ кардиналъ въ кардинальскомъ уборѣ, держитъ въ рукахъ вѣсы и наступаетъ правою ногою на листъ, на которомъ написано: балансъ Европеи. № 3. Стоитъ кардиналъ въ кардинальскомъ аломъ уборѣ, держа въ рукѣ своей трость, а передъ нимъ стоитъ столъ, на которомъ лежитъ ланкартъ и на немъ написано тако: Саксонія, Силезія, Баварія, Богемія, Венгрія, Австрія. И оный кардиналъ означенною тростію указываетъ на тотъ ланкартъ, на которомъ ланкартѣ внизу надпись такова: я раздѣляю имперіи“.

Сенатъ по разсмотрѣніи дѣла, опредѣленіемъ 28 Февраля 1743 года, постановилъ табакерки №№ 2-го и 3-го, признанныя имъ ничего пасквильнаго не заключающими, всѣ отослать обратно для отдачи купцу англичанину Сидору Крапу, а табакерки № 1-го объявить Ея Императорскому Величеству.

Какое послѣдовало по сему предмету высочайшее повелѣніе, изъ дѣла не видно.

Пасквильное письмо 1793 года.

1793 года Апрѣля 13 дня найдена была въ Архангельскѣ на улицѣ полицейскимъ солдатомъ записка на имя совѣтника Степана Кочерина *), въ которой было написано: „Степанъ Кочеринъ, готовь себѣ вѣчный домъ, смерть скоро будетъ“.

Записка была представлена въ управу благочинія; по розыску полиціи писавшій записку не розысканъ. Дѣло изъ управы поступило на рѣшеніе нижняго надворнаго суда, который опредѣлилъ: какъ по розыску полиціи писавшаго пасквиль не оказалось, „то, посилѣ военнаго 150 артикула, оное письмо чрезъ палача сжечь“.

Исполненіе экзекуціи поручено управѣ благочинія.

---

*) Гдѣ служилъ совѣтникъ Кочеринъ и что былъ за лицо, изъ дѣла не видно.

Управа благочинія, затрудняясь, на какомъ мѣстѣ сжечь пасквиль, обратилась за указаніемъ въ помянутый судъ, отъ котораго получила отвѣтъ, что въ этомъ случаѣ нужно поступить по 110-й статьѣ высочайшаго о губерніяхъ учрежденія.

20 Іюня того же года получено въ нижнемъ надворномъ судѣ увѣдомленіе отъ управы благочинія: „присланное изъ суда пасквильное письмо на имя господина совѣтника Кочерина, чрезъ профоса, по содержанію 110 статьи высочайшаго о губерніяхъ учрежденія, на мѣстѣ, гдѣ найдено, сожжено“.

Отношеніе гр. Салтыкова въ моск. управу благочинія, 23 марта 1803 года.

Московской Управѣ Благочинія.

Въ слѣдствіе отношенія ко мнѣ Г-на Министра Юстиціи рекомендую Управѣ объявить содержателямъ типографіи Мею и Кряжеву что на прошеніе ихъ о повелѣніи всѣмъ присутственнымъ мѣстамъ подписаться на книгу Указатель законовъ, высочайшаго соизволенія не послѣдовало для того, чтобы въ разсужденіи таковаго повелѣнія о подпискѣ на книгу сію не сочли оной за самой законъ и потому не стали бы выписывать изъ нее въ дѣла и тѣмъ ихъ запутывать; а притомъ и суммы на расходы по присутственнымъ мѣстамъ положено столь мало что имъ совсѣмъ не изъ чего покупать книгъ юридическихъ. *Г. Салтыковъ.*

№ 779.
Марта 23 дня
1803 года.
Москва.

О запрещенныхъ книгахъ въ 1825 году.

1825 года 17 Сентября, за № 185, управляющій министерствомъ внутреннихъ дѣлъ прислалъ къ моск. военному генералъ-губернатору списокъ запрещенныхъ св. синодомъ книгъ, для вынутія ихъ изъ обращенія въ Москвѣ.

Списокъ книгамъ, запрещеннымъ по указу св. прав. синода отъ 14 Мая 1825 года.

1. Печатанныя въ Петербургѣ.

1. Воззваніе къ человѣкамъ о послѣдованіи внутреннему влеченію духа Христова. 1820 г. 1 книга.

2. Таинство креста. 1820 г. 1 книга.

3. Путь ко Христу. І. Бема. 1815 г. 1 кн.

4. Побѣдная повѣсть Штиллинга. 1815 г. 1 кн.

5. Письма къ другу объ орденѣ свободныхъ каменщиковъ. 1816 г. 1 кн.

6. Сіонскій Вѣстникъ 1806, 1817 и 1818 годовъ. Восемь книгъ.

7. Краткія разсужденія о важнѣйшихъ предметахъ жизни христіанской. 1821 г. 1 кн.

8. Краткій и легчайшій способъ молиться. Соч. Г-жи Гіонъ. 1822 г.

2. Печатанныя въ Москвѣ.

9. Сочиненія той же Г-жи Гіонъ:

Толкованія на дѣянія и посланія св. апостоловъ 1820 и 1821 годовъ. 3 кн.

— на Апокалипсисъ 1821 г. 1 кн.

— на Евангеліе. 1822 г. 4 книги.

— на притчи Еклезіаста, Пѣснь Пѣсней, Премудрости царя Соломона и Іисуса сына Сирахова. 1825 г. 1 кн.

10. Божественная философія соч. Дютца. 1818 и 1819 г. 6 книгъ.

Копія съ опредѣленія пермской межевой конторы, 29 сентября 1831 года.

1831 года Сентября 29 дня въ Пермской Межевой Конторѣ въ журналѣ написано.

Сего числа прикомандированный къ присутствію за 3-го члена старшій землемѣръ Мѣльниковъ объявилъ, что онъ вчерашняго числа, по полудни въ половинѣ 2 часа, выходя изъ присутствія сей Конторы, встрѣтивши въ сѣняхъ землемѣра Иванова, спросилъ: есть ли кто, кромѣ него, изъ служащихъ членовъ въ чертежной при должности? На что Ивановъ отвѣтствовалъ, что изъ Чертежной всѣ вышли; но какъ они должны были сидѣть до 2-хъ часовъ, то онъ усомнившись въ семъ, желая удостовѣриться лично, зашелъ обще съ землемѣромъ Ивановымъ въ чертежную и подошедъ къ столу директорскому, усмотрѣли на столѣ лежащіе на двухъ листахъ написанные собственно землемѣра

Кудрявцева руки, какіе-то стихи; но какъ по содержанію ихъ можно почесть даже и за пасквиль, а если и не таковыми, то по крайней мѣрѣ, сіи партикулярныя и безполезныя бумаги при должности писать, или ихъ въ присудственномъ мѣстѣ оставлять, законами воспрещено. Въ слѣдствіе чего означенныя бумаги, давъ подписать дежурному Яковлеву и дневальному Михайлову, нынѣ въ оригиналѣ Конторѣ представилъ и просилъ взять какъ поступокъ землемѣра Кудрявцева, равно и смыслъ сочиненныхъ имъ стиховъ въ разсмотрѣніе, ибо они, по мнѣнію его, въ законопротивномъ духѣ писаны на нѣкоторыя государственныя заведенія и составляютъ упрекъ Педагогическому Институту. Изъ листковъ же взятыхъ имъ Мѣльниковымъ въ чертежной на директорскомъ столѣ, писанныхъ рукою Кудрявцева, видно: Фамусовъ. Ну вотъ великая бѣда, что выпьетъ лишнее мужчина. Ученье, вотъ чума! ученость, вотъ причина, что нынѣ, пуще чѣмъ когда, безумныхъ развелось людей, и дѣлъ и мнѣній. Хлестова. И впрямь съума сойдешь отъ этихъ отъ однихъ пансіоновъ, школъ, лицеевъ, какъ бишь ихъ, да, отъ ланкарточныхъ взаимныхъ обученій. Княжна. Нѣтъ въ С.Петербургѣ Институтъ Педагогическій, такъ кажется зовутъ, тамъ упражняются въ расколахъ и безвѣрьи профессоры: у нихъ учился нашъ родня и вышелъ хоть сейчасъ въ аптеку въ подмастерьи; отъ женщинъ бѣгаетъ и даже отъ меня! чиновъ не хочетъ знать, онъ химикъ, онъ ботаникъ, князь Ѳедоръ, мой племянникъ. Скалозубъ. Я васъ обрадую, всеобщая молва, что есть проэктъ насчетъ лицеевъ, школъ, гимназій: тамъ будутъ учить лишь по нашему: разъ, два! а книги сохранятъ такъ, для большихъ оказій. Фамусовъ. Сергѣй Сергѣевичъ, нѣтъ! ужъ коли зло пресѣчь забрать всѣ книги бы, да сжечь. Загорецкій. Нѣтъ-съ! книги книгамъ рознь, а еслибъ, между нами, былъ цензоромъ назначенъ я, на басни бы налегъ; ахъ! басни смерть моя; насмѣшки вѣчныя надъ львами, надъ орлами! Какъ что ни говори: они хоть и животныя, а всетаки цари. Хлестова. Отцы мои! ужъ кто въ умѣ разстроенъ, такъ все равно отъ книгъ ли, отъ питья ль, а Чатскаго мнѣ жаль; по христіански такъ, онъ жалости достоинъ, былъ острый человѣкъ, имѣлъ душъ сотни три. Фамусовъ. Четыре. Хлестова. Три, сударь! Фамусовъ. Четыреста! Хлестова. Нѣтъ триста! Фамусовъ. Въ иномъ календарѣ. Хлестова. Всѣ врутъ календари. Приказали: предписать землемѣру Кудрявцеву указомъ и велѣть подать въ сію Контору, не продолжая болѣе одного дня, объясненіе: 1, въ какомъ смыслѣ опредѣляетъ онъ будто бы „ученье есть чума и причина, что нынѣ, пуще чѣмъ когда, безумныхъ развелось людей и дѣлъ и мнѣній!“ и изъ какихъ имянно событій, дѣлъ и мнѣній онъ то заключаетъ; 2-е, почему онъ себѣ дозволилъ, вопреки мудрому распоряженію правительства и всѣхъ здравомыслящихъ людей, извѣтъ, что якобы „и впрямь съума сойдешь отъ этихъ отъ однихъ пансіоновъ, школъ и лицеевъ?“ Ибо всѣми благонамѣренными людьми утверждено, что они есть

разсадникъ образованія ума и нравственности, какъ и ланкарточное обученіе благодѣтельное занятіе упражняющихся въ географіи и прочихъ теорическихъ наукахъ, служащихъ къ счастію благоучрежденнаго государства; 3, кто его увѣрилъ что въ Педагогическомъ С.Петербургскомъ Институтѣ упражняются въ расколѣ и безвѣрьи профессора, и говоритъ это тогда, когда не безызвѣстно ему, что въ Педагогическомъ Институтѣ воспитывались начальники его: 1, членъ Прутковской и 2, членъ Коребелецкій; и на какую родню указываетъ, что будто бы, вышедъ изъ онаго, можетъ быть подмастерьемъ въ аптекѣ! ибо въ оный поступаютъ только для окончанія высшихъ наукъ и слѣдовательно таковымъ его выраженіемъ на чье либо лицо дѣлаетъ пасквильное порицаніе; 4, въ семъ смыслѣ наводитъ сомнѣніе и дальнѣйшее его опасеніе, чего ради обязанъ онъ неоспоримыми объяснить доводами: а) гдѣ и какъ дошла до него „всеобщая молва“ о таковомъ всеобщемъ разрушеніи учебныхъ заведеній, какъ онъ пишетъ, что „есть проэктъ насчетъ лицеевъ, школъ, гимназій, тамъ будутъ лишь учить по нашему: разъ, два! а книги сохранятъ такъ, для большихъ оказій;“ притомъ объяснить, какой въ себѣ заключаетъ смыслъ выраженіе „по нашему: разъ, два!“ b) какое онъ разумѣетъ зло, для пресѣченія коего потребно забрать всѣ книги да сжечь? c) съ какимъ намѣреніемъ онъ взложилъ въ уста нареченнаго имъ Загорецкаго, что еслибъ цензоромъ назначенъ онъ, на басни бы налегъ? будто басни смерть его; ибо якобы „насмѣшки вѣчныя надъ львами, надъ орлами, какъ что ни говори, а всетаки цари“, и прочее излагаемое чрезъ посредницу его наименованную имъ Г. Хлестову? 5, чѣмъ онъ руководствовался писать стихи при должности, что доказывается тѣмъ, что они еще не кончены и для чего онъ то свое сочиненіе оставилъ при должности, не съ тѣмъ ли намѣреніемъ, дабы внушить сіе прочимъ его сослуживцамъ.

Подлинная статья за подписаніемъ присутствующихъ 1, члена коллежскаго совѣтника Прутковскаго, прикомандированныхъ къ присудствію старшихъ землемѣровъ титулярныхъ совѣтниковъ Корсова и Мѣльникова за скрѣпою въ должности секретаря протоколиста Селенскаго подъ тою же статьею правящимъ должность прокурора 3-м членомъ титулярнымъ совѣтникомъ Азбукинымъ написано: читалъ 2 Октября.

Копія съ указа имп. Александра I министру духовныхъ дѣлъ, 25 апрѣля 1824 года.

Копія.

Г. Министру духовныхъ дѣлъ и Народнаго Просвѣщенія.

С.Петербургскій Военный Генералъ Губернаторъ довелъ до свѣдѣнія Моего о распространившейся въ здѣшней Столицѣ на Рускомъ языкѣ печатной книгѣ подъ заглавіемъ: о Евангеліи отъ Матфея, которая переведена съ сочиненія Пастора Римскокатолическаго исповѣданія Госнера, на Нѣмецкомъ языкѣ изданнаго, и пропущена къ напечатанію Ценсоромъ Статскимъ Совѣт. Бируковымъ.

Усмотрѣвъ, что книга сія содержитъ въ себѣ разныя произвольныя толкованія сочинителя на каждый текстъ Евангелія и изъясненія противныя понятіямъ всякаго исповѣдующаго Христіанскую Религію и самому Гражданскому благоустройству, Я поручилъ Комитету Министровъ обратить вниманіе на содержаніе сей книги и представить Мнѣ заключеніе по сему предмету.

По разсмотрѣніи въ Комитетѣ Министровъ признано единогласно, что толкованіе Пастора Госнера, кромѣ того, что противно правиламъ всѣхъ исповѣданій Христіанской религіи, оскорбительно для господствующей въ Государствѣ Нашемъ Греко-Россійской вѣры и содержитъ мнѣнія къ разрушенію общественнаго благоустройства.

Почему щитаю обязанностію обратить должную строгость какъ на сочинителя, который осмѣлился огласить публично такого рода умствованія, такъ равно и на Ценсора, дозволившаго напечатать оныя на Рускомъ языкѣ, Я повелеваю вамъ истребовать отъ послѣдняго объясненіе, по какимъ причинамъ могъ онъ пропустить означенную книгу и внести оное на разсмотрѣніе Комитета Министровъ.

Что принадлежитъ до Пастора Госнера, то поелику послѣ всѣхъ сдѣланныхъ Комитетомъ Министровъ замѣчаній и послѣ обнаруженнаго имъ въ сочиненіи своемъ образа мыслей, не остается уже никакого сомнѣнія въ предосудительности поступковъ его и въ самой чистотѣ преподаваемыхъ имъ поученій, Я признаю необходимымъ производившіяся до селѣ въ занимаемой имъ квартирѣ собранія для слушанія его проповѣдей воспретить и самаго его удалить заграницу на томъ же основаніи, какъ высланъ былъ изъ Одессы Пасторъ Линдель и съ такими же пособіями, какія оказаны были въ то время Линделю.

За симъ для отвращенія на будущее время, чтобы подобныя сочиненія и впредь не могли быть перепечатываемы на Рускомъ языкѣ, поручаю вамъ снестись съ Преосвященнымъ Митрополитомъ Серафимомъ, на какомъ основаніи признаетъ онъ соотвѣтственнѣйшимъ установить Цензуру всѣхъ сочиненій и переводовъ издаваемыхъ на рускомъ языкѣ по предметамъ, до вѣры относящимся, и мнѣніе его, совокупно съ собственнымъ вашимъ заключеніемъ внести въ Комитетъ Министровъ на разсмотрѣніе.

На подлинномъ подписано собственною Его Императорскаго Величества рукою:

Александръ.

Царское село.
25-го Апрѣля 1824.

Копія съ замѣчаній митрополита Серафима на книгу г-жи Гіонъ.

Замѣчанія на книгу, сочиненную Гж. Гіонъ „О послѣдованіи младенчеству Іисуса Христа“, выданную въ печать на рускомъ языкѣ 1823 года, по свѣтской Цензурѣ.

1-е Переводчикъ въ сей книжкѣ говоритъ, что она „писана такою особою, которая проходила собственнымъ опытомъ всѣ степени духовнаго возрастанія до самаго соединенія съ Богомъ“ (стр. 4). Такимъ образомъ онъ ставитъ писательницу неизвѣстную въ Православной Церкви на ряду съ самыми верховными Святыми.

2-ое Сама писательница въ посвященіи сей книжки своей Младенцу Іисусу говоритъ: a) что сочиненіе сіе образовалось по внушенію духа Христова. b) Что оно принадлежитъ Іисусу по своему происхожденію (стр. 1); что отъ него получило оно начало свое и проч. (стр. 11). Такимъ образомъ сочинительница равняетъ сію книжку свою съ Богодухновенными писаніями Пророковъ и Апостоловъ.

Между прочимъ въ сей книжкѣ помѣщено:

3-іе „Внутреннѣе покаяніе часто все совершаетъ безъ содѣйствія наружнаго“ (стр. 21). Симъ явно внушается, что внѣшнѣе покаяніе не нужно. Вотъ ересь.

4-ое. На какой бы степени молитвы мы не находились, не должно прине-

воливать или располагать себя къ оной собственными усиліями (стр. 36); но такъ святые Отцы Церкви никогда не учили.

Естьли Апостолъ Павелъ повелеваетъ непрестанно молиться; а самая большая часть людей увлекается чувственностію; то приневоливать или располагать себя къ молитвѣ всѣми усиліями своими, которыя не въ другомъ чемъ состоять могутъ, какъ только въ отвлеченіи ума и сердца своего отъ чувственныхъ предметовъ и въ благоговѣйномъ вознрщеніи оныхъ къ Господу Богу, яко Творцу, Спасителю и величайшему благодѣтелю нашему по истиннѣ необходимо есть нужно и полезно.

5-ое Далѣе продолжая наставленіе свое о Молитвѣ, говоритъ сочинительница книжки: моляся такимъ образомъ, т. е. повторяя одно какое либо выраженіе пріятное сердцу, напр.: о Богъ мой и мое все! — Ты соберешъ болѣе плода, нежели отъ безчисленныхъ словъ хорошо сочиненныхъ и выученныхъ, которыя ты будешъ читать предъ Богомъ (стр. 72). Изъ сего слѣдуетъ, что сочиненныя величайшими Церкви нашея Святыми подлинно всѣ степени духовнаго очищенія, просвѣщенія и освященія происшедшими, молитву и самую Псалтирь, которая есть ничто иное, какъ молитвенная книга, можно яко малоплодныя бросить; даже и самую молитву Господню: Отче нашъ, не нужно учить и читать предъ Богомъ.

6-е 25-е число мѣсяца Декабря должно быть для насъ днемъ торжества. „Сіе однако же не препятствуетъ людямъ должностнымъ и ремесленнымъ продолжать обыкновенныя свои занятія“ (стр. 150). Нѣтъ Госп. Гіонъ! IV-я заповѣдь Господня запрещаетъ дѣлать сіе.

Боже мой! Боже мой! до какихъ временъ мы дожили!. Католическая Церковь, къ коей принадлежала сочинительница сія, отвергла и осудила всѣ ея сочиненія какъ еретическія; у насъ же въ Православной Россіи они переводятся, печатаются и публично продаются, не токмо какъ содержащіе въ себѣ здравое ученіе; но и какъ Богодухновенныя! Хотите ли вы въ семъ увѣриться? Посмотрите заглавныя Евангелія отъ Матфея, переведеннаго изъ ея сочиненія листъ на оборотѣ и вы увидите, что текстъ (Дѣян. Гл. 2. ст. 17. 18. 19.) нарочно поставленъ переводчикомъ для того, чтобы читатель отнеся ее на Гж. Гіонъ и призналъ ее за рабыню Господню, на которую изліялъ онъ духъ Свой.

Но кто къ намъ призвалъ сію рабыню Господню?—Масоны!—Когда?—При самомъ началѣ Французской революціи! Тогда то цѣлые обозы сочиненій ея привозили въ Москву, что мнѣ довольно извѣстно; однако тогда печатать ихъ не смѣли; а напечатали уже избранныя изъ нихъ мѣста въ 1807-м году или около сего года, въ трехъ или 4-х томахъ; но книга сія тотчасъ запрещена была Святѣйшимъ Синодомъ. Когда же Масоны опять усилились, то и почли они первою и главною обязанностію своею распространить сочиненія сей Божествен-

ной, какою они почитаютъ, писательницы, почитая ихъ за наилучшее средство къ достиженію цѣли своей, т. е. къ разрушенію Церковнаго и Гражданскаго благоустройства. Но какъ теперь благодатію Божіею и прозорливою мудростію Государя Императора зловредная и пагубная для всего рода человѣческаго Масонская ложа разрушена; то и орудіе силы ея сочиненія Г. Гіонъ и другихъ премногихъ нечестивыхъ писателей, коими всѣ книжныя лавки наполнены необходимо нужно истребить и тѣмъ успокоить и утѣшить Православную Церковь нашу, чего она нетерпѣливо и ожидаетъ отъ Благочестивѣйшаго Монарха, яко защитника и Покровителя своего.

Подписалъ: Серафимъ, Митрополитъ Новогородс. и С.П.бургскій. 1824 года Маія 8-го дня.

Копія съ отношенія Магницкаго митрополиту Серафиму, 24 мая 1824 года

Списокъ съ отношенія Попечителя Казанскаго учебнаго округа къ Митрополиту Новгородскому, С.Петербургскому, Эстляндскому и Финдляндскому отъ 24 Маія 1824 года за № 679.

Ваше Высокопреосвященство изволите, я думаю, припомнить, что въ засѣданіяхъ Библейскаго Комитета два раза, была рѣчь о богохульномъ выраженіи поставленномъ въ Персидскомъ переводѣ Новаго Завѣта, котораго не смѣю и произнесть. Въ первый разъ просилъ я, чтобы важное дѣло сіе было основательно изслѣдовано, а во вторый, чтобы всѣ оставшіеся экземпляры сего перевода были сожжены.

Первое мнѣніе мое оставлено безъ вниманія, не знаю той же ли участи подвержено и второе; но знаю то, что чѣмъ болѣе воспоминаю страшное дѣло сіе, тѣмъ сильнѣе тревожитъ меня совѣсть слѣдующими разсужденіями:

1-е) Заключающій въ себѣ Богохульное выраженіе Персидской переводъ распространенъ въ Персіи и офиціяльно поднесенъ Шаху. Какъ увѣрить теперь Персіянъ, что въ подлинникѣ выраженія сего нѣтъ; а въ переводѣ ошибка?

2-е) Ежели въ преложеніи на Персидской языкъ одинъ изъ классическихъ восточныхъ, могло проскользнуть по ошибкѣ Богохульство; то чего не можетъ быть въ тѣхъ торопливыхъ переводахъ, на многіе языки дикихъ, у коихъ нѣтъ еще и письмянъ?

3-е) Послѣ сего величайшаго на землѣ нещастія для Библейскаго общества, можно ли еще думать, чтобъ на дѣлѣ его было Божіе благословеніе?

4-е) Каждый членъ общества не будетъ ли отвѣчать предъ Богомъ за всѣ дѣла его, учавствуя въ нихъ и деньгами и согласіемъ?

По всѣмъ симъ неоспоримымъ по чувству моему уваженіямъ обличающей меня совѣсти, готовился я просить увольненія меня отъ Библейскаго общества, но удержанъ былъ тѣмъ только, что надѣялся видѣть скорое его паденіе отъ другихъ причинъ.

Нынѣ Правленіе Императорскаго Казанскаго Университета представляя мнѣ о раздачѣ книгъ Св. писанія ученикамъ въ награду за успѣхи упоминаетъ и о Евангеліи на Персидскомъ языкѣ. Изъ сего вижу я, что книга сія не только не уничтожена, но еще и распространяется Библейскими Отдѣленіями.

Почитая сей случай вызовомъ меня согласно съ чувствомъ совѣсти моей на то дѣйствіе, отъ котораго одно благоприличіе до селѣ меня удерживало, пріемлю я смѣлость покорнѣйше просить ваше высокопреосв. принять торжественное отреченіе мое отъ всѣхъ Богопротивныхъ, по моему разумѣнію, дѣйствій Библейскаго общества и благоволить исходотайствовать мнѣ совершенное отъ онаго увольненіе. Магнитскій.

Два отношенія спб. митрополита Исидора спб. гражданск. губернатору Скарятину, 1864 года.

Ваше Превосходительство
Милостивый Государь!

Старшій помощникъ надзирателя 4 квартала, 3-й Адмиралтейской части на основаніи приказа по С.Петербургской полиціи отъ 26 Іюля, 1863 года, за № 207, при рапортѣ отъ 26 Октября, того жъ года, за № 1065, по производимому имъ дознанію о бывшихъ кражахъ въ платяной лавкѣ крестьянина Игнатія Захарова, препроводилъ на разсмотрѣніе С.Петербургской Д. Консисторіи найденныя между прочими вещами книги: 1, Житіе Василія Новаго изъ рукописной Чети-Минеи, 1732 года, 2, Боговдохновенный Цвѣтникъ Аввы Дороѳея 7286 года, 3-е, Часословъ Супрясльскій 7294 года, 4-е Поученія Святыхъ 7160 года, 5-е, Житіе Св. Ефрема 7295 года и 6-е, Типиконъ Уставъ 7322 года, съ прошеніемъ обозрѣть ихъ и, если не окажется препятствій, возвратить оныя книги ему, или же увѣдомить: не окажется ли въ нихъ чего-либо противнаго Св. православной церкви.

По разсмотрѣніи сихъ книгъ назначеннымъ мною духовнымъ лицомъ, ока-

залось, что: 1, Житіе Василія Новаго напечатано въ Почаевской типографіи въ $\frac{7302}{1794}$ году, но съ чьего дозволенія не сказано; 2, Боговдохновенный Цвѣтникъ Аввы Дороѳея напечатанъ въ той же типографіи въ $\frac{7286}{1778}$ году, но кѣмъ сдѣланъ переводъ, и съ чьего дозволенія напечатана эта книга, неизвѣстно; 3, Часословъ напечатанный въ ставропигіи Супрясльской (Гродненской Губерніи) въ $\frac{7294}{1786}$ году, съ чьего дозволенія неизвѣстно; 4, Учительное Евангеліе напечатанное въ Вильнѣ, въ типографіи Станислава Августа, Короля Польскаго въ $\frac{7290}{1782}$ году; 5-е, Житіе Преподобнаго Ефрема Сирина и Св. Дороѳея напечатанное въ Новгородъ-Сѣверскомъ намѣстничествѣ, въ Суражскомъ округѣ, въ типографіи купца Желѣзникова въ $\frac{7295}{1787}$ году, съ указнаго дозволенія, но съ чьего именно, не сказано; и 6-е Типиконъ или Уставъ напечатанный въ Москвѣ въ 1814 году съ благословенія Св. Сѵнода и употребляемый въ нашей православной церкви. Первыя пять книгъ содержатъ въ себѣ не только обыкновенныя разности между старопечатными и новопечатными таковыми же книгами, употребляемыми въ православной и единовѣрческой церкви, но и искаженія и зловредныя мысли. Почему книги сіи, посилѣ секретнаго Указа Святѣйшаго Сѵнода, отъ 30 Апрѣля, 1858 года, какъ недозволенныя къ употребленію ни въ какихъ церквахъ, по опредѣленію Консисторіи мною утвержденному, отосланы въ Правленіе С:Петербургской Духовной Семинаріи для употребленія въ учебное пособіе обучающимся въ Миссіонерскомъ Отдѣленіи оной; шестая же книга Типиконъ или Уставъ какъ печатанная въ Москвѣ съ благословенія Святѣйшаго Сѵнода и не имѣющая зловредныхъ искаженій, или приписокъ, отослана къ вышеозначенному помощнику надзирателя для возвращенія по принадлежности упомянутому крестьянину Захарову.

О чемъ, для свѣденія, на основаніи секретнаго Указа Святѣйшаго Сѵнода отъ 30 Апрѣля, 1858 года имѣю честь увѣдомить Ваше Превосходительство, присовокупляя, что на основаніи того же Указа о таковомъ распоряженіи мною, вмѣстѣ съ симъ донесено и Святѣйшему Правительствующему Сѵноду.

Съ совершеннымъ почтеніемъ и преданностію имѣю честь быть

Вашего Превосходительства

Покорнѣйшимъ слугою

Исидоръ М. Новгородскій и С.Петербургскій.

№ 1866.

Мая 13 дня, 1864 года.

Его Превосходительству

Г.С.Петербургскому Гражданскому Губернатору

Владиміру Яковлевичу

Скарятину.

Секретно.

Ваше Превосходительство,
Милостивый Государь!

С.Петербургскій Военный Генералъ-Губернаторъ, при отношеніи отъ 30 Января, 1863 года, за № 199, препроводивъ въ С.Петербургскую Духовную Консисторію для разсмотрѣнія, при описи, 24 старопечатныя и рукописныя книги духовнаго содержанія, описанныя мѣстною полиціею въ числѣ прочаго имущества купеческой сестры Анны Грузиновой за долгъ купцу Терентьеву,— просилъ о доставленіи ему свѣдѣнія: могутъ ли быть проданы тѣ книги съ аукціона для удовлетворенія предъявленныхъ на Грузинову долговыхъ претензій, и въ такомъ случаѣ возвратить ихъ къ нему для зависящаго по этому дѣлу распоряженія.

Въ слѣдствіе чего С.Петербургскою Духовною Консисторіею учинены слѣдующія распоряженія: 1. Печатныя книги, значущіяся подъ №№ 1, 6, 9, 12, 14 и 22 какъ изданныя дозволенными правительствомъ типографіями, и не имѣющія никакихъ вредныхъ вѣрѣ и благочестію приписокъ и поправокъ, и рукописныя подъ №№ 16, 18 и 19 именно житіе Царевича Іоасафа и двѣ крюковыя нотныя: служба дванадесяти праздникамъ и стихиры Евангельскія, какъ не содержащія въ себѣ ничего противнаго православію и единовѣрію, возвращены къ нему, Военному Генералъ-Губернатору, для надлежащаго распоряженія. 2. Книги, значущіяся подъ №№ 3, 8, 13 и 20, какъ печатанныя въ западныхъ типографіяхъ, подъ № 2, какъ не имѣющая заглавнаго листа, но печатанная, какъ видно по содержанію, до исправленія книгъ при патріархѣ Никонѣ, сего года Мая 15 числа отосланы въ Правленіе С.Петербургской Духовной Семинаріи для надлежащаго употребленія готовящимися къ миссіонерству лицами, десять же рукописныхъ, значущихся въ общей описи книгъ Грузиновой подъ №№ 4, 5, 7, 10, 11, 15, 17, 21, 23 и 24, какъ заключающія въ себѣ,—по отзыву членовъ Консисторіи, череднаго Архимандрита Никанора, Протоіерея Іоанна Яхонтова и Священника Петра Никитскаго, разсматривавшихъ оныя,—погрѣшности противу ученія раскольническаго, отосланы въ Правленіе Саратовской Духовной Семинаріи.

О чемъ на основаніи указа Святѣйшаго Сѵнода отъ 30 Апрѣля, 1858 года, имѣю честь увѣдомить Ваше Превосходительство, съ присовокупленіемъ, что о таковыхъ распоряженіяхъ мною вмѣстѣ съ симъ донесено Святѣйшему Сѵноду.

Съ совершеннымъ почтеніемъ и преданностію имѣю честь быть

№ 3675
Ноября 17 дня, 1864 года.

Вашего Превосходительства
Покорнѣйшимъ слугою
Исидоръ М. Новгородскій и
С.Петербургскій.

Его Превосходительству
Г.С.Петербургскому Гражданскому
Губернатору, Владиміру Яковлевичу
Скарятину.

Письмо кн. А. Шаховскаго.

Всеобщая увѣренность, въ благодушіи Вашего любезнѣйшего Превосходительства, побудила извѣстнаго вамъ Сергѣя Тимофеевича Аксакова, просить черезъ меня вашего покровительства, въ обстоятельствѣ, для него очень важномъ, но въ сущности довольно ничтожномъ. Вотъ оно: какая та, къ нещастью, очень плохая, и не очень приличная статья, напечатанная въ журналѣ Погодина, подъ названіемъ *Рекомендація Министру*, обратила на себя вниманіе правительства, цензора Глинку посадили подъ арестъ, спросили имя автора, и пріятель мой Сергѣй Тимофеевичь, тотчасъ назвался: съ нимъ ничего не сдѣлали, и я почти увѣренъ что и не сдѣлаютъ; но сочинитель дурно замѣченной статьи можетъ такъ остатся въ дурномъ замѣчаніи, не только какъ писатель, въ чемъ бы не было еще большой бѣды, но какъ человѣкъ, а это очень худо для всякого, но болѣе еще для обрѣмененнаго десетью малютками, которымъ онъ безъ службы не можетъ дать порядочного воспитанія. Мнѣ неизвѣстно коротко ли вы изволите знать Г-на Аксакова, и потому я почитаю долгомъ моимъ, увѣрить васъ, что онъ человѣкъ честный, благонамѣренный, другъ порядка и спокойствія, и потому вѣрно написалъ статью, которую бы конечно не долженъ былъ писать: не отъ вольнодумства, а кажеться, какъ говориться у насъ, *такъ:* то есть онъ услышалъ анекдотъ, который показался ему забавнымъ, разсказалъ его.... всѣ смѣялись; Погодинъ попросилъ у него, чего нибудь веселенькаго для журнала; онъ написалъ, журналистъ напѣчаталъ, Глинка пропустилъ, и каждый изъ трехъ виноватыхъ не воображалъ что онъ сдѣлалъ по крайней мѣрѣ глупость, извиняемую руской пословицей грѣхъ да бѣда на кого не живетъ. Но дѣло или лучше сказать бездѣлье сдѣлано, и если его поправить нельзя, то по крайнѣй мѣрѣ можно человѣку заслужившему Высочайшую довѣренность, возстановить доброе имя писателя, истинно безъ умысла подпадшаго подъ замѣчаніе, и вотъ о чемъ онъ и все семѣйство его просятъ ваше доброе Превосходительство. Не зная точно, до какой стѣпѣни мои непріятели могли подѣйствовать на ваше разположеніе ко мнѣ, и считая не столько на силу моего предстательства, какъ на великодушную справедливость и состраданіе вашего благотворнаго сердца, я взялся покорнѣйше просить васъ, о заступленіи за человѣка, въ честности и добрыхъ правилахъ котораго совѣршенно увѣренъ, и котораго будущая судьба можетъ зависить отъ оправданія его въ неумышленномъ и необдуманномъ проступкѣ.

Давишняя болѣзнь препятствовала мнѣ и прежде быть у васъ съ печат-

ными экземплярами моихъ воспоминаній, а теперь съ моею покорнѣйшею просьбою, но ничто въ свѣтѣ не воспрепятствуетъ мнѣ хранить къ вамъ то душевное почтеніе съ коимъ имѣю честь быть,

Вашего Превосходительства
покорнѣйшимъ слугою
Князь Александръ Шаховской.

15 Февраля

Я забылъ попросить у васъ, какъ водиться, прощенія за мои докуки, но послѣдняя такого рода, что не осмѣлясь на нее, я измѣнилъ бы довѣренности моего очень встревоженнаго, пріятеля, не только ко мнѣ, но даже и къ желанію вашему, быть полезнымъ всѣмъ честнымъ людямъ.

Прошеніе О. Сенковскаго предсѣдателю спб. цензурнаго комитета, 14 іюля 1855 года.

15 Іюля 1855.

Пред. Г. Мн. В. д. о разрѣшеніи Биб. для чтенія печатать военныя извѣстія какъ это Высочайше разрѣшено Современнику и Отеч. З.

Его Превосходительству
Господину Предсѣдателю Санктпетербургскаго
Ценсурнаго Комитета
Редактора журнала „Библіотека для Чтенія“

Прошеніе.

Отъ начала изданія моего журнала „Библіотека для Чтенія“, во все продолженіе существованія его, до послѣднихъ годовъ, были въ немъ помѣщаемы безпрепятственно статьи политическаго и патріотическаго содержанія, особенно по случаю новыхъ книгъ политическихъ или патріотическихъ. Сколько мнѣ извѣстно, никогда журналъ мой не навлекалъ на себя подозрѣнія въ сомнительномъ духѣ или противномъ видамъ Правительства направленіи: напротивъ, неоднократно духъ и направленіе его удостоивались одобрѣнія и отличія. Сопротивленіе новымъ, неумѣстнымъ или опаснымъ для обществъ и искусствъ ученіямъ, составляетъ, какъ извѣстно, постоянный его характеръ, и оно то часто возбуждало и ожесточенныя нападенія со стороны энтузіастовъ, увлекающихся необдуманно прелестями умственной новизны. При такомъ направленіи журнала, при такихъ убѣжденіяхъ его редакторовъ, разсужденія поли-

тическія и патріотическія, помѣщаемыя ими, не могутъ быть ни двусмысленными ни вредными: напротивъ, цѣль ихъ необходимо должна быть искренно благонамѣренная, совершенно консервативная, какъ и самый журналъ былъ всегда существенно консервативнымъ. Въ прошломъ году впервые разсужденія такого рода начали встрѣчать затрудненія со стороны Цензуры и были наконецъ прекращены совершенно въ „Библіотекѣ для Чтенія“. Между тѣмъ, когда всѣ патріотическія чувства возбуждены въ Россіи до высочайшей степени настоящими обстоятельствами, когда читатели только и ищутъ, только и требуютъ политическихъ разсужденій, могущихъ прояснить ихъ мысли, оживить и поддержать ихъ патріотическій энтузіазмъ, прекращеніе подобныхъ статей въ „Библіотекѣ для Чтенія“ и полное отсутствіе всякаго намека на современныя дѣла и чувства, на обстоятельства и задачи поглощающія все вниманіе публики, не только лишаютъ общественное мнѣніе той доли пользы, которую оно могло бы извлечь изъ этого журнала, въ кругу читателей имѣющихъ къ нему довѣріе, но и приносятъ ему, какъ изданію зависящему отъ благосклонности читателей и отъ удовлетворенія ихъ требованій или ожиданій, существенный убытокъ въ матеріальномъ отношеніи. Въ этомъ затруднительномъ положеніи я рѣшился прибѣгнуть къ просвѣщенному и благосклонному покровительству Вашего Превосходительства, какъ начальника и руководителя здѣшней гражданской Цензуры. Я увѣренъ, что по предложенію Вашему, если оно будетъ въ мою пользу, Санктпетербургскій Цензурный Комитетъ не найдетъ повода отказывать впередъ въ помѣщеніи въ „Библіотекѣ для Чтенія“ статей патріотическаго и политическаго содержанія, которыхъ настоятельно требуетъ публика и безъ которыхъ, въ настоящее время, невозможно существовать значительному журналу. Другимъ подобнымъ моему журналамъ статьи этого рода не воспрещаются. Въ „Библіотекѣ для Чтенія“ онѣ навѣрное вредными не будутъ, а могутъ, кромѣ удовольствія читателей, принести нѣкоторую пользу русскому уму и чувству.

Статскій совѣтникъ Осипъ Сенковскій.

Іюля 14, 1855.

Секретное отношеніе статсъ-секретаря Суковкина Н. А. Муханову, 14 декабря 1858 года.

Секретно.

Статсъ-Секретарь Суковкинъ, по Высочайшему повелѣнію, имѣетъ честь препроводить присемъ къ Его Превосходительству Николаю Алексѣевичу копію съ Высочайше утвержденнаго 11-го Декабря 1858 года Журнала Совѣта Министровъ по дѣлу о направленіи нашей литературы.

14-го Декабря 1858 г.

Его Пре-ву Н. А.

Муханову.

Въ послѣднее время періодическая литература преимущественно занялась изслѣдованіемъ общественныхъ вопросовъ. Безъ сомнѣнія нѣкоторые изъ нихъ обсуживаются можетъ быть не безъ пользы для поясненія понятій общественнаго мнѣнія, но, болѣе или менѣе, вездѣ въ статьяхъ журнальныхъ замѣчается отсутствіе умѣренности, раздраженіе противъ нѣкоторыхъ сословій, неопытность въ предполагаемомъ примѣненіи теорій къ дѣлу и неразумная ревность къ нововведеніямъ и преобразованіямъ, стремящаяся опережать виды и предположенія Правительства. Для устраненія подобныхъ важныхъ неудобствъ и препятствій и сообщенія болѣе правильности движенію литературному, признано было нужнымъ составить новое учрежденіе, цѣль котораго должна состоять въ томъ, чтобы посредствомъ издающихся журналовъ давать направленіе литературѣ и общественному мнѣнію, согласное съ пользою Государства, съ предначертаніями Правительства, и съ началами, служащими основаніемъ общественному благоустройству и порядку.

При образованіи сего учрежденія возникли вопросы: 1, какъ ему именоваться и 2, облечь ли его въ характеръ оффиціальный, напримѣръ наименовавъ его V Отдѣленіемъ Собственной Канцеляріи Государя Императора, или дать ему характеръ полуоффиціальный, назвавъ его Комитетомъ по дѣламъ книгопечатанія или Особымъ Комитетомъ? Въ случаѣ учрежденія V Отдѣленія долженъ послѣдовать Указъ Сенату, съ опредѣленіемъ цѣли его, что уже представляетъ нѣкоторое неудобство. Полагаю, что успѣхъ порученнаго дѣла требуетъ избѣжанія всякой оффиціальности и огласки. При свободѣ, которою пользуется нынѣ печать, всякое вліяніе на нее, по доходящимъ уже слухамъ, принимается неблагопріятно и какъ стѣсненіе.

Если же цѣль сего учрежденія обнародуется путемъ оффиціальнымъ, наприм: Указомъ, тогда по свойственному природѣ человѣческой огражденію отъ грозящаго ограниченія свободы, которою она уже пользуется, издатели и литераторы будутъ стараться, сколько возможно, не подчинять себя направленію и вліянію сего учрежденія.

Наименовать же новое учрежденіе V Отдѣленіемъ было бы объявить, что непосредственно отъ Государя Императора исходить будетъ направленіе литературы. Желательно отклонить подобное предположеніе, чтобы мѣра, неблагопріятно принимаемая публикою, не относилась къ Особѣ Монарха, окруженнаго съ самаго воцаренія Своего полнымъ сочувствіемъ народа, благодаря Его великодушнымъ и благимъ видамъ. Когда бываютъ нарѣканія, пускай падаютъ онѣ на исполнителей и подвергаютъ ихъ однихъ укоризнамъ и отвѣтственности за ихъ дѣйствія, а начало Монархическое должно всегда оставаться неприкосновеннымъ. И потому я полагалъ бы полезнымъ ограничиться слѣдующимъ распоряженіемъ относительно устройства сего учрежденія: 1, назвать его Комитетомъ по дѣламъ книгопечатанія, 2, дать знать объ учрежденіи онаго циркулярно Г.г. Министрамъ и Главноуправляющимъ, съ тѣмъ чтобы каждый изъ нихъ сообщалъ Комитету предположенія Правительства по ввѣренной ему части, и циркуляромъ Министра Народнаго Просвѣщенія предписать редакторамъ, издателямъ и цензорамъ журналовъ: однимъ помѣщать въ ихъ изданіяхъ статьи, которыя будутъ получать изъ Комитета, а другимъ безпрепятственно разрѣшать печатаніе оныхъ. Для достиженія указанной Комитету цѣли предстоятъ различные пути, но главные суть: постоянныя сношенія съ литераторами и особенно помѣщеніе въ журналахъ статей, которыя могутъ быть безъ имянныя, подписныя и сообщаемыя (articles communiqués). Безъ имянныя суть тѣ, которыя чаще другихъ должны печататься, какъ неимѣющія характера обязательнаго и могущія внушать болѣе довѣрія, дѣйствуя только путемъ убѣжденія, особенно если будутъ составлены съ знаніемъ дѣла и умѣньемъ. Подписныя статьи также могутъ печататься съ пользою но надо избѣгать повтореній однихъ и тѣхъ же именъ, подъ статьями извѣстнаго содержанія, ибо это можетъ внушить читателямъ сомнѣніе въ искренности убѣжденій авторовъ, коихъ произведенія, получа характеръ статей заказанныхъ, лишатся довѣрія публики. Что же касается до статей сообщаемыхъ, ихъ можно только печатать въ тѣхъ рѣдкихъ случаяхъ, когда Правительство найдетъ нужнымъ дать средство предугадать свою мысль по какому нибудь вопросу или высказать свое предположеніе полуоффиціальнымъ образомъ.

Списокъ періодическихъ изданій (декабрь 1858 г.).

А. Изданія, подчиненныя цензурѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія.

I. Журналы.

№	Названіе изданія.	Начало изданія.	Имя редактора или издателя.	
1.	Сынъ Отечества.	1812 (прекращался съ 1852 по 1856 годъ).	Коллежскій Секретарь А. Старчевскій.	Имѣетъ очень много подписчиковъ, по причинѣ дешевизны; въ редакціи ничего особенно предосудительнаго не замѣчается.
2.	Гирлянда.	1830.	Г-жа Ротчева.	Ничего особеннаго не представляетъ.
3.	Revue etrangère.	1831.	Книгопродавецъ Дюфуръ.	Замѣчателенъ полезными статьями.
4.	Журналъ Общеполезныхъ Свѣдѣній.	1833.	Надворный Совѣтникъ Перцовъ.	Хорошій журналъ, но редакція требуетъ наблюденія.
5.	Библіотека для Чтенія.	1834.	Редакторъ Коллежскій Асессоръ А. Дружининъ, издатель Инженеръ-Технологъ В. Печаткинъ.	Журналъ не блистательный, но редакторъ отличается благонамѣренностію.
6.	Современникъ.	1836.	Редакторъ Коллежскій Секретарь И. Панаевъ. Издатели: онъ же и дворянинъ Некрасовъ.	Журналъ, имѣющій много подписчиковъ, но редакція требуетъ большаго наблюденія со стороны Цензуры.
7.	Журналъ Садоводства (при немъ Хозяйственный Листокъ для крестьянъ). М	1838.	Надворный Совѣтникъ Пикулинъ.	Журналъ спеціальный.
8.	Отечественныя Записки.	1839. (Прежде того издавались Свиньинымъ).	Статскій Совѣтникъ А. Краевскій.	Журналъ имѣетъ много подписчиковъ, но редакція требуетъ особеннаго наблюденія со стороны Цензуры.

9.	Нувеллистъ.	1840.	М. Бернардъ, содержатель музыкальнаго магазина.	Журналъ спеціальный.
10.	Звѣздочка и Лучи.	1842.	Г-жа Ишимова.	Журналъ дѣтскій.
11.	Музыкальный Свѣтъ (Le Monde Musical).	1846.	Фракманъ (учитель музыки).	Журналы спеціальные.
12.	Московскій Врачебный Журналъ. М. Ваза.	1846.	Докторъ Медицины Полунинъ.	
13.		1847.	Вдова Титулярнаго Совѣтника Сафонова.	Не обращаетъ особеннаго вниманія.
14.	Чтеніе для солдатъ.	1847.	Полковникъ Гейротъ.	Журналы весьма мало извѣстные.
15.	Мода.	1851.	Г-жа Рюмина (жена гвардіи Штабсъ-Капитана).	
16.	Журналъ для дѣтей.	1851.	Статскій Совѣтникъ Чистяковъ.	Журналъ по содержанію и цѣли своей—полезный.
17.	Городской и Сельскій Строитель.	1852.	Коллежскій Совѣтникъ Николаевъ.	Журналы спеціальные.
18.	Записки Ветеринарной Медицины.	1852.	Ветеринарный врачъ Буссе.	
19.	Русскій Вѣстникъ. М.	1856.	Статскій Совѣтникъ М. Катковъ.	Журналъ, болѣе всѣхъ расходящійся по Россіи, содержитъ много отличныхъ статей; но редакція требуетъ особеннаго, бдительнаго надзора.
20.	Русская Бесѣда. М.	1856.	Надворный Совѣтникъ А. Кошелевъ.	Журналъ, имѣющій особенное направленіе, требующее наблюденія, но нелишенъ достоинствъ.
21.	Сѣверный Цвѣтокъ.	1856.	(Жена Капитана) г-жа Станюковичъ.	Почти неизвѣстенъ.
22.	Музыкальный и Театральный Вѣстникъ.	1856.	Титулярный Совѣтникъ М. Раппапортъ.	Спеціальный журналъ.
23.	Журналъ для Воспитанія.	1857.	Надворный Совѣтникъ А. Чумиковъ.	Журналъ полезный, но редакція требуетъ наблюденія.
24.	Русскій Педагогическій Вѣстникъ.	1857.	Статскій Совѣтникъ Гурьевъ.	Журналъ не блестящій, но полезный.
25.	Библіотека Медицинскихъ Наукъ.	1857.	Докторъ Медицины Ханъ.	Журналъ спеціальный.

26.	Указатель Политико-Экономическій (При немъ приложеніе): Экономистъ.	1857.	Статскій Совѣтникъ Вернадскій.	Редакція этого журнала требуетъ самаго бдительнаго наблюденія со стороны Цензуры.
27.	Общезанимательный Вѣстникъ.	1857.	Гвардіи Штабсъ Капитанъ Рюминъ.	Не представляютъ ничего особеннаго.
28.	Сандриліона М.	1857.	Г-жа Кошелевская.	
29.	Сѣверное Сіяніе (на армянскомъ языкѣ, М.).	1857.	Статскій Совѣтникъ Назарьянцъ.	Малоизвѣстенъ.
30.	Атеней. М.	1858.	Е. Коршъ.	Редакція этого журнала обращаетъ на себя особенное вниманіе отступленіемъ отъ правилъ Цензуры.
31.	Иллюстрація.	1858.	Редакторъ Надворный Совѣтникъ В. Зотовъ, издатель содержатель типографіи Бауманъ.	Художественная часть весьма хороша; но текстъ отличается неумѣстною рѣзкостью и неприличіемъ.
32.	Часъ Досуга.	1858.	Дочь Дѣйствительнаго Статскаго Совѣтника г-жа Бурнашева.	Весьма мало извѣстенъ.
33.	Свѣтопись.	1858.	Оже, художникъ.	Журналы спеціальные.
34.	Вѣстникъ Промышленности. М.	1858.	Надворный Совѣтникъ Ѳ. Чижовъ.	
35.	Семейный Кругъ.	1858.	Капитанъ Станюковичъ.	Малоизвѣстны.
36.	Весельчакъ.	1858.	Редакторъ почетный гражданинъ Козловъ, издатель Плюшаръ.	
37.	Подснѣжникъ.	1858.	Титулярный Совѣтникъ В. Майковъ.	Весьма полезный, дѣтскій журналъ.
38.	Библіографическія Записки. М.	1858.	Поручикъ Н. Щепкинъ.	Журналъ спеціальный редакція требуетъ надзора.
39.	Сельское Благоустройство (при Русской Бесѣдѣ). М.	1858.	А. Кошелевъ.	Журналы въ настоящее время весьма полезные; послѣдній изъ нихъ отличается особою благонамѣренностію.
40.	Журналъ для Землевладѣльцевъ. М.	1858.	Г. Желтухинъ.	

41.	Шехеразада.	1858.	Изд. Магистръ Полевой. Редакторъ Дѣйствительный Студентъ Сомовъ.	Безполезный и малодостойный и легкій журналъ.
42.	Меркурій Модъ.	1858.	Портной мастеръ Шеваръ.	Журналы спеціальные.
43.	Журналъ Охоты. М.	1858.	Титулярный Совѣтникъ Минъ.	
44.	Народное Чтеніе.	1858.	Полковникъ Щербачевъ и Коллежскій Секретарь Оболонскій.	Только что показавшійся журналъ. Требуетъ наблюденія.
45.	Солдатская Бесѣда.	1858.	Коллежскій Ассессоръ Погосскій.	Очень мало извѣстенъ.
46.	Заря. На Грузинскомъ языкѣ. Тифл.	1858.		Совершенно неизвѣстный журналъ.

II. Газеты.

47.	С.Петербургскія Вѣдомости (Академическія).	17....	Статскій Совѣтникъ А. Очкинъ.	Газета, имѣющая много подписчиковъ, дѣльная, но требующая надзора.
48.	S-t Petersburger Zeitung (тоже).	—	Докторъ Мейеръ.	Газета полезная.
49.	Вѣдомости С.Петербургской Городской Полиціи.	—	Титулярный Совѣтникъ Огородниковъ.	Имѣетъ особенную цѣль.
50.	Московскія Вѣдомости. М. (Университетскія.)	17....	Титулярный Совѣтникъ Коршъ.	Газета болѣе всѣхъ изданій распространена въ Россіи; находится подъ непосредственнымъ распоряженіемъ Университета.
51.	Сѣверная Пчела.	1824.	Дѣйствительные Статскіе Совѣтники Гречъ и Булгаринъ.	Газета не совсѣмъ удовлетворительная въ литерат. отношеніи, но отличающаяся консерватизмомъ.
52.	Другъ Здравія.	1832.	Докторъ Медицины Грумъ.	Полезная газета.
53.	Земледѣльческая Газета.	1834.		Достигаютъ своей цѣли.
54.	Посредникъ.	1840.	Статскій Совѣтникъ Усовъ.	

55.	Кавказъ, при немъ: Закавказскій Вѣстникъ (Тифлисъ).	1846.	Редакторъ и издатель Ѳ. Бобылевъ.	Полезная газета.
56.	Русскій Художественный Листокъ.	1851.	Художникъ В. Тиммъ.	Полезное изданіе.
57.	Золотое Руно.	1857.	Надворный Совѣтникъ Бочаровъ.	Едва ли достигаетъ своей цѣли.
58.	Журналъ для Акціонеровъ.	1857.	Губернскій Секретарь Трубниковъ.	Полезное изданіе.
59.	Пчела Арменіи. На Армянскомъ языкѣ (Тифлисъ).	1857.	Священникъ Мандеянцъ.	Неизвѣстно.
60.	Листокъ для всѣхъ.	1858.	Надворный Совѣтникъ Бурнашевъ.	По своему направленію требуетъ особеннаго и строгаго наблюденія.
61.	Московская Медицинская Газета. М.	1858.	Докторы Медицины Иноземцевъ и Смирновъ.	Весьма полезное изданіе.
62.	Промышленный Листокъ. М.	1858.	Профессоръ Киттары.	Изданіе полезное, но редакція требуетъ надзора.
63.	Русская Газета. М.	1858.	Капитанъ-Лейтенантъ Поль.	По недавнему изданію, ничего положительнаго сказать нельзя. Требуетъ строгаго надзора.
64.	Sonntags-Blatt.	1858.	Пасторъ Зебергъ.	Мало извѣстенъ.
65.	Вѣдомости Московской Городской Полиціи. М.	1858.		Ничего особеннаго не представляютъ.
66.	Medicinische Zeitung Russlands.		Докторы Медицины Гейне, Кребель и Тильманъ.	Спеціальная газета.
67.	Memorabilien der Veterinär Medicin in Russland.			Тоже.
68.	Виленскій Вѣстникъ. Kuryer Wilensky. На польскомъ и русскомъ языкахъ. (Вильно.)			Полу-официальная газета.
69.	Одесскій Вѣстникъ.		Съ 1859 г. Н. Сокальскій, въ вѣдѣніи Новороссійскаго и Бессарабскаго Генералъ-Губернатора.	Еще не выходила.

70.	Journal d'Odessa (при немъ Bolletino Commerciale).		Въ вѣдѣніи его же Генералъ-Губернатора.	Полу-официальная газета.
71.	Unterhaltungsblatt für deutsche Ansiedler im südl. Russland. Одесса.			Неизвѣстенъ по своему содержанію.
	Губернскія Вѣдомости. (неоффиціальная часть.)		N. B. Губернскія Вѣдомости издаются Губернскими Правленіями, на основаніи Высочайше утвержденнаго Положенія (Св. Зак. 1857 г., т. II.). Редакторомъ назначается одинъ изъ чиновниковъ Губернскаго Правленія, съ утвержденія начальника Губерніи. Цензированіе же Вѣдомостей въ губерніяхъ Сибирскихъ подчинено Гражданскимъ Губернаторамъ.	Изъ Губернскихъ вѣдомостей, имѣющихъ оффиціальный характеръ, въ литературномъ отношеніи, заслуживаютъ вниманія: Владимірскія, Саратовскія, Смоленскія и Воронежскія.

III. Изданія, не вошедшія въ первые два разряда.

125.	Живописный Сборникъ.	1852.	Французскій подданный А. Плюшаръ.	Изданіе хорошее.
126.	Живописная Русская Библіотека.	1856.	Коллежскій Ассессоръ К. Полевой.	Текстъ требуетъ особаго наблюденія.
127.	Указатель адресовъ жителей Россіи.	1856.	Коллежскій Совѣтникъ Котурницкій.	Спеціальное изданіе.
128.	Собраніе иностранныхъ романовъ и повѣстей.	1857.	Г-жа Ахматова (дворянка).	Не заслуживаетъ вниманія.

129.	Рисовальщикъ.	1857.	Мѣщанинъ Шрейдеръ.	Спеціальное изданіе.
130.	Кавказцы.	1858.	Полковникъ Новоселовъ.	Обѣщаетъ быть интереснымъ.
131.	Драматическій Сборникъ.	1858.	Вдова чиновника IX класса Г-жа Фролова.	Мало интересно.
132.	Школа Рисованія. М.	1858.	Художникъ Струковъ.	Спеціальное изданіе.

Изданія, одобряемыя къ печати мѣстными полицейскими властями.

Мѣсячная вѣдомость С.Петербургской Городской Распорядительной Думы о справочныхъ цѣнахъ.

Недѣльная, тожъ.

Листъ привозимымъ товарамъ. Кронштадтъ.

Liste der Importirten Waaren. Ibid.

Тоже, на англійскомъ языкѣ.

Schiffs Liste. Ibid.

Тоже, на англійскомъ языкѣ.

Изъ цензурной старины (1829-1851 гг.). *)

Копія.

Милостивый Государь мой Александръ Александровичь.

Въ 10 нумерѣ журнала: Московскій Телеграфъ на сей 1829 годъ, напечатана первая лекція Кузенева курса исторіи философіи. Кромѣ того что курсъ, изъ котораго заимствована сія лекція, не разрѣшенъ еще ценсурою иностранною ко всеобщему обращенію, самая переведенная лекція заключаетъ въ себѣ вредное ученіе о вѣрѣ и о философіи и такія начала, которыя по § 3-му Устава о Ценсурѣ не должно дозволять къ печатанію. Вслѣдствіе сего покорнѣйше прошу Ваше Превосходительство поставить сіе обстоятельство на видъ Московскому

*) См. „Щукинскій сборникъ“, вып. первый, стр. 296.

Цензурному Комитету и предложить оному наблюдать впредь строжайшую осмотрительность при одобреніи отрывковъ и статей, заимствуемыхъ изъ книгъ запрещенныхъ или коихъ ввозъ и обращеніе въ Россіи еще не разрѣшены.

№ 293. Подлинное подписалъ Кн. Карлъ Ливенъ.

С.-Петербургъ. Вѣрно. Секретарь А. Менщиковъ.

Іюля 17 1829 г.

1830 года Апрѣля 25 дня, въ журналѣ Московскаго Цензурнаго Комитета записано: по слушаніи объясненія книгопродавца Андрея Глазунова на требованіе Комитета отъ 27-го Марта за № 56-мъ, опредѣлено: позволительный билетъ на выпускъ въ свѣтъ книги подъ названіемъ: „Новый опытный практическій управитель и домоводецъ“ книгопродавцу Андрею Глазунову выдать, но вмѣстѣ съ симъ сдѣлать ему строгое замѣчаніе, дабы онъ впредь рукописей, поданныхъ въ разныя времена и отъ разныхъ лицъ, не соединялъ, и притомъ въ отрывкахъ, въ одну книгу и тѣмъ самымъ не нарушалъ бы правилъ порядка, установленнаго для Комитета, о чемъ отнесшись къ Г. Московскому Оберъ-Полицмейстеру, прося его приказать въ семъ случаѣ обязать подпискою всѣхъ книгопродавцевъ, въ Москвѣ находящихся, и дать знать о семъ всѣмъ типографіямъ Московскимъ, чтобы оныя не предавали тисненію книгъ, которыя составлены изъ совокупленныхъ рукописей, поступившихъ въ Комитетъ въ разныя времена, отъ разныхъ лицъ или одобренныхъ разными цензорами.

Секретарь А. Менщиковъ.

Выписка изъ Журнала Московскаго Цензурнаго Комитета отъ 22 Апрѣля 1832 года.

Слушали: Отношеніе Его Свѣтлости Г. Министра Народнаго Просвѣщенія отъ 14 Апрѣля сего года, за № 130-мъ, на имя Его Сіятельства Г. Попечителя, въ коемъ изъясняетъ, что Г. Московскій Военный Генералъ-Губернаторъ препроводилъ къ нему Г. Министру принесенную Коллежскимъ Совѣтникомъ Тростинымъ жалобу на пропущенную Цензоромъ Аксаковымъ въ Альманахѣ Елезіумъ на 1832 годъ статью, подъ названіемъ: „Магистръ или вотъ-те на“, въ которой сочинитель выводитъ самого его Тростина и жену его подъ настоящею ихъ фамиліею. Цензоръ, дозволившій къ напечатанію столь явное оскорбленіе личной чести честнаго человѣка, долженъ бы подвергнуться взысканію за оное, но какъ онъ при Цензурномъ Комитетѣ болѣе не состоитъ, то Его Свѣтлость, Г. Министръ Народнаго Просвѣщенія прилагая присемъ въ копіяхъ отношеніе къ нему Г. Московскаго Военнаго Генералъ-Губернатора и прошеніе Г. Тростина, проситъ Его Сіятельство Г. Попечителя поставить другимъ Г.Г. Цензорамъ Московскаго Цензурнаго Комитета въ обязанность наблюдать строжайшее

вниманіе за сочиненіями сего рода и не дозволять никакимъ образомъ статей, оскорбляющихъ личную честь не только наименованіемъ самаго лица, но и означеніемъ онаго другими намеками, въ противномъ случаѣ виновный подвергнется отвѣтственности по законамъ. Опредѣлено: принять къ свѣдѣнію и должному исполненію, для чего всѣмъ Г.Г. Цензорамъ дать выписки сей статьи изъ Журнала (что симъ и исполняется).

Секретныя статьи.

1. Powiesci z roznych autorow и пр. здѣсь находится одна повѣсть Марлинскаго Straszna wrożba начинающаяся съ оборота 17-й страницы до 56-й включительно.

2. Предписаніе Г. М. Н. Просвѣщенія Г. Уварова отъ 17-го Декабря 1834-го года о томъ чтобы сочиненія Бестужева, извѣстныя подъ именемъ Марлинскаго если будутъ перепечатываться, то представлять оныя Графу Бенкендорфу чрезъ Министра Народнаго Просвѣщенія.

3. Письмо Кн. Сергія Михайловича Дмитрію Павловичу Голохвастову о томъ, чтобы 3 повѣсти Павлова не дозволять перепечатывать.

4. Представленъ былъ романсъ: „Скажите мнѣ“, слова Марлинскаго, музыку посвящаетъ В. Н. Бурнашевой А. Заикинъ. Опредѣлено: означенный романсъ на основаніи предписанія Гл. Упр. Цензуры отъ 17-го Декабря 1834-го года, представить при донесеніи Его Высокопревосходительству Г. Министру Народнаго Просвѣщенія.

Рукопись, „два имама“ сочинена тѣмъ же самымъ авторомъ, который написалъ „продѣлки на Кавказѣ“, т. е. Е. Хамаръ Дабановымъ. Обѣ сіи рукописи представлены Г-жею Лачиновою, урожденною Шапошниковою.

Отъ „ “ мѣсяца „ „ года за №—„.

Г. М. Н. Пр. извѣстилъ, что отъ Лачиновой будетъ много рукописей и пр.

Сверхъ сего Г. Министръ Нар. Просв. отъ 20-го Апр. 1836-го года предписалъ М. Ц. Комитету—чтобы впредь ни одного произвѣденія кого либо изъ чиновниковъ жандармскаго корпуса, лейбъ-гвардіи Кавказско-Горскаго полуескадрона и собственнаго конвоя Государя Императора не было пропускаемо Цензурою безъ предварительнаго разрѣшенія Графа Бенкендорфа или начальника штаба Шефа Жандармовъ.

Министерство
Народнаго Просвѣщенія.
Санктпетербургскій
Ценсурный Комитетъ.
С.Петербургъ.
Сентября 7 дня 1836 года.
№ 173.

Копія.

Въ Московскій Ценсурный Комитетъ.

С.Петербургскій Ценсурный Комитетъ имѣетъ честь увѣдомить таковый же Московскій, что рукописи: 1, Іоанна Грей, перев. съ французскаго, на основаніи § 3 пункта 3 Устава о Ценсурѣ, 2, Тайны дѣторожденія и 3, Опыты гомеопатическаго лѣченія лошадей, согласно заключенію о нихъ конференціи Императорской Медико-Хирургической Академіи, пріобщены симъ Комитетомъ къ числу запрещенныхъ сочиненій.

Подлинную подписали: Ценсоръ А. Никитенко. Секретарь Семеновъ.

№ 1. О неупотребленіи словъ: Губерніи Бѣлорусскія и Литовскія. 12 Іюля 1840 г.

№ 2. О избѣжаніи излишней похвалы Пушкину. 1 Февр. 1837 г.

№ 3. О непечатаніи сочиненій Пушкина безъ согласія Опеки. 17-го Ноября 1841 г.

№ 4. а) О непозволеніи перепечатывать статью о письменныхъ сочиненіяхъ помѣщ. въ № 242, 243 и 244. Спб. Акад. вѣдомостей.

в) и о представленіи всѣхъ статей по почтовой части Г-ну Министру Н. Просв. предварительно. 9-го Ноября 1841 г.

№ 5. О недозволеніи перепечатывать ноты безъ согласія авторовъ. 17 Мая 1841 г.

№ 6. О сочиненіяхъ издаваемыхъ тетрадями (livraisons). 23 Сент. 1841 г.

№ 7. О дозволеніи печатать переложеніе Псалмовъ въ стихахъ Сумарокова. 23 Дек. 1837 г.

№ 8. О дѣяніяхъ Петра Великаго Голикова. 30 Іюня 1837 г.

№ 9. О недозволеніи никакимъ образомъ статей оскорбляющихъ личную честь не только наименованіемъ самаго лица, но и означеніемъ онаго другими намеками.

Выписка изъ Журн. Моск. Ценс. Ком. отъ 22 Апр. 1832 г. (§ 14 уст. о ценс.)

№ 10. О недозволеніи ставить на нѣкоторыхъ книгахъ и объявленіяхъ, что оныя приняты за руководство въ военноучебныхъ заведеніяхъ. 5 Окт. 1840.

№ 11. О ценсурованіи книгъ по ветеринарной части. 3 Сент. 1839 г.

№ 12. О недозволеніи повторять другимъ мастерамъ портретъ императрицы литограф. Палемъ. 11 Мая 1840 г.

№ 13. О недозволеніи помѣщать на афишкахъ и объявленіяхъ священныя изображенія. 25 Мая 1840 г.

№ 14. О недозволеніи перевода на русскій языкъ „Memoires du diable par Fr. Soulié“. Вып. изъ журн. М. Ц. Комитета отъ 13 Генв. 1839 г.

№ 15. Объ отсылкѣ всѣхъ сочиненій духовнаго содержанія, въ какой бы то мѣрѣ ни было, въ Духовную Цензуру. 3 Сент. 1839 г.

№ 16. О томъ, что одобреніе книгъ на иностранномъ языкѣ, не должно служить поводомъ позволенію печатать и переводъ оной на русскомъ, но что сей послѣдній долженъ быть разсматриваемъ съ надлежащею строгостію по правиламъ внутренней Цензуры. Вып. изъ журн. М. Ц. Комитета отъ 23 Авг. 1829 г. и еще отъ 29 Генв. 1832 г.

№ 17. О томъ, чтобы не пропускать никакихъ сужденій о представленіяхъ театральныхъ, бывающихъ при Высочайшемъ дворѣ. Вып. изъ журн. М. Ц. Комитета отъ 21 Февр. 1830 г.

№ 18. О томъ, что скромныя рецензіи и замѣчанія на журналы и газеты С.Пбургскіе (носящіе титло Императорскихъ) позволительны, а дерзкія запрещать. Вып. изъ журн. М. Ц. Комитета отъ 13 Февр. 1831 г.

№ 19. О томъ, что въ журналѣ литературномъ воспрещается (Высочайше) помѣщать что либо о политикѣ. Вып. изъ журн. М. Ц. Комитета отъ 22-го Февр. 1829 г.

№ 20. О недозволеніи печатать сатирическаго романа подъ заглавіемъ: „Фатюй, Адріанопольскій браминъ“. Вып. изъ журн. М. Ц. Комит. отъ 2 Сент. 1832 г.

№ 21. Разбирать сочиненія можно, но о самихъ сочинителяхъ говорить оскорбительно и дерзко запрещается. Вып. изъ журн. М. Ц. Комит. отъ 22 Дек. 1832 г. и еще отнош. Г. М. Н. Просвѣщ. отъ 22 Дек. 1832 г. за № 433.

№ 22. О недозволеніи къ печатанію никакихъ картъ безъ предварительнаго разсмотрѣнія въ военно-топографическомъ депо. Вып. изъ журн. М. Ц. Комитета отъ 25 Авг. 1833 г.

№ 23. Статьи о современныхъ военныхъ событіяхъ отсылать военному министру. Вып. изъ журн. М. Ц. Комит. отъ 6 Октяб. 1833 г.

№ 24. Объ обращеніи особеннаго вниманія на вновь издаваемыя сочиненія Н. Полеваго. Вып. изъ журн. М. Ц. Комитета отъ 13 Апр. 1834 г.

№ 25. О запрещеніи безъ согласія авторовъ перепечатывать ихъ сочиненія. Вып. изъ журн. М. Ц. Комит. отъ 7 Дек. 1834 г.

№ 26. О книгахъ напечатанныхъ съ дозволенія прежнихъ ценсоровъ. Вып. изъ журн. М. Ц. Комит. 11 Мая 1834 г.

№ 27. О воспрещеніи печатать въ журналахъ разборы игры дѣйствующихъ лицъ въ спектакляхъ, даваемыхъ въ Москвѣ въ пользу бѣдныхъ обществомъ благородныхъ особъ. Предп. Г. Мин. отъ 25 Мая 1831 г.

№ 28. О томъ, чтобы въ сочиненіяхъ о сельскомъ хозяйствѣ не ссылались

на покровительство или одобреніе Имп. Вольнаго Экономическаго Общества безъ письменнаго на то свидѣтельства. 1843 г. 24 Ноября, № 1474.

№ 29. О предварительномъ представленіи министру Двора всѣхъ статей о театрахъ.

№ 30. О неперепечатываніи краткаго обзора питейныхъ сборовъ съ 1839-го г. по 1843-й годъ. 1843 г. 30 Декабря, № 1673.

№ 31. О непечатаніи Высоч. повелѣнія объ уничтоженіи права ктиторовъ избирать священниковъ къ римско-католическимъ приходамъ. 1843 года 30 Сентября, № 16 (отъ попечителя).

Министерство
Народнаго Просвѣщенія.
Санктпетербургскій
Ценсурный Комитетъ.
С-тъ Петербургъ.
14 Іюня 1837 года.
№ 93.

Въ Московскій Ценсурный Комитетъ.

На отношеніе Московскаго Комитета, отъ 26 минувшаго Маія за № 180, о доставленіи свѣдѣнія о рукописи, подъ заглавіемъ: „Тайны дѣторожденія,“ сокращеніе сочиненія Мореля Рюбамире, С.Петербургскій Ценсурный Комитетъ имѣетъ честь отвѣтствовать, что рукопись эта представлена была на разсмотрѣніе Ценсуры, книгопродавцемъ Смирдинымъ, и подвергнута запрещенію, на основаніи отзыва о ней Конференціи Императорской Медико-Хирургической Академіи, по мнѣнію которой хотя и не содержится въ сочиненіи этомъ ничего противнаго правиламъ врачебной науки, но много заключаетъ предосудительнаго въ нравственномъ отношеніи, а что въ немъ есть полезнаго, то можно найти и въ другихъ сочиненіяхъ, уже имѣющихся на Русскомъ языкѣ.

Подлинную подписали. Ценсоръ А. Краевскій. Секретарь Семеновъ.

Министерство
Народнаго Просвѣщенія.
Главное
Управленіе Ценсуры.
Въ С.Петербургѣ.
30 Іюня 1837 года.
№ 224.

Московскому Ценсурному Комитету.

Въ разрѣшеніе представленія Комитета отъ 28 Мая № 185, касательно новаго изданія: „Дѣянія Петра Великаго“, предлагаю, что налагая на Московскій Ценсурный Комитетъ обязанность не допускать при новомъ изданіи: „Дѣянія Петра Великаго“ измѣненій въ текстѣ, цѣль Главнаго Управленія Ценсуры была предупредить такія прибавленія и передѣлки, которыя могли бы сообщить превратный смыслъ подлинному тексту Голикова. Не имѣвъ намѣренія сдѣлать для этой книги исключенія изъ общихъ Ценсурныхъ правилъ,

Главное Управленіе Цензуры предоставило Московскому Комитету, сообразуясь съ оными, не одобрять къ печатанію въ новомъ изданіи: „Дѣянія Петра Великаго“ того, что онъ находитъ противнымъ существующимъ нынѣ по Цензурѣ постановленіямъ и особенно въ томъ, что составляетъ не текстъ разныхъ историческихъ актовъ, изданныхъ Голиковымъ, а собственныя его разсужденія. Въ этомъ же смыслѣ можетъ быть допущено и перемѣщеніе нѣкоторыхъ статей и поправокъ изъ Дополненій въ соотвѣтствующіе томы Дѣяній. Подлинное подписалъ

Министръ Народнаго Просвѣщенія Сергій Уваровъ.

Министерство
Народнаго Просвѣщенія.
Отъ Попечителя
Московскаго Учебнаго
Округа.
5-го Генваря 1838.
№ 26.

Копія.

Московскому Цензурному Комитету.

Г. Министръ Народнаго Просвѣщенія отъ 29 Декабря прошедшаго года за № 443 увѣдомляетъ меня, что Главное Управленіе Цензуры подвергнувъ разсмотрѣнію повременныя изданія, которыя выходили въ свѣтъ въ теченіи 1837 года положило оставить дальнѣйшее ихъ существованіе.

Объ этомъ имѣю честь увѣдомить Московскій Цензурный Комитетъ предлагая вмѣстѣ съ симъ Г.Г. Цензорамъ, чтобы въ отношеніи къ литтературной полемикѣ они слѣдовали правиламъ Устава о Цензурѣ и позднѣйшимъ предписаніямъ на этотъ предметъ даннымъ.

Присемъ нужнымъ считаю покорнѣйше просить Цензурный Комитетъ сдѣлать соображеніе и представить мнѣ въ видѣ записки, какія въ прошломъ году въ издаваемыхъ въ Москвѣ журналахъ были полемическія статьи, литтературные критики и споры, которые бы принимали обидный и непристойный тонъ и перерождались въ личности оскорбительныя для писателей и противныя истинному вкусу и пользамъ словесности. Весьма бы желательно было, чтобы при этомъ сдѣлано было указаніе на подобныя статьи журналовъ и періодическихъ сочиненій, издаваемыхъ въ С.Петербургѣ, вынуждавшія первыхъ или служившія инымъ предлогомъ.

Подлинное подписалъ Попечитель Московскаго Учебнаго Округа Графъ Строгановъ.

Скрѣпилъ исправляющій должность Правителя Канцеляріи Фаворскій.

Симъ свидѣтельствую, что въ представленной мною рукописи подъ заглавіемъ: „Ночи въ анатомическомъ амфитеатрѣ“, не заключается никакого пасквиля, и что лица названы не собственными ихъ именами а вымышленными.

14-го Марта
1838-го года.

Лекарь Иванъ Алексѣевъ Громовъ.

Министерство
Народнаго Просвѣщенія.
Московскій
Ценсурный Комитетъ.
Въ Москвѣ.
18 Марта 1838 года
№ 79-й.

Копія.

Въ Главное Управленіе Ценсуры.

Г. Ценсоръ Флеровъ донесъ Комитету, что содержатели типографіи печатая для журнала какую нибудь длинную статью, присылаютъ Ценсору по одному листку, который въ случаѣ одобренія возвращается въ типографію и потомъ получаются слѣдующіе листки въ такомъ же порядкѣ. Ценсоръ занимаясь просматриваніемъ многихъ различныхъ по содержанію корректурныхъ листовъ и не имѣя возможности обнять вдругъ всю статью и сообразить связь предъидущаго листка съ послѣдующимъ, тѣмъ болѣе что отъ присылки одного листка до другаго проходитъ нѣсколько дней, — часто находится въ затрудненіи и опасеніи пропустить что либо. Посему весьма бы полезно было дабы содержатели типографій, по требованію Ценсора, представляли въ нѣкоторыхъ случаяхъ по два экземпляра тѣхъ въ особенности листовъ, кои заключаютъ въ себѣ критику. Таковая мѣра весьма бы облегчительна была для Ценсора; ибо представляя всю возможность къ должному объему цѣлой статьи, вмѣстѣ съ симъ служили бы при окончаніи года лучшимъ указателемъ того, что было иногда исключено въ журнальныхъ статьяхъ. Московскій Ценсурный Комитетъ одобривъ сіе предложеніе Г. Ценсора Флерова, честь имѣетъ представить оное на благоусмотрѣніе Главнаго Управленія Ценсуры.

Правящій должность Предсѣдателя Помощникъ Попечителя Московскаго Учебнаго Округа Голохвастовъ.

Скрѣпилъ Секретарь А. Чивилевъ.

Справилъ Губернскій Секретарь Ходневъ.

Копія.

Милостивый Государь
Дмитрій Павловичъ.

Господинъ Министръ Народнаго Просвѣщенія, разсмотрѣвъ представленіе Московскаго Ценсурнаго Комитета отъ 18-го Марта за № 79 призналъ, что

предполагаемая Г. Ценсоромъ Флеровымъ мѣра не требуетъ особаго разрѣшенія Его Высокопревосходительства или Главнаго Управленія Ценсуры, и что Комитетъ самъ по своему усмотрѣнію можетъ либо требовать отъ издателя журналовъ, чтобы разборы сочиненій и критическія статьи они представляли въ Ценсуру вполнѣ, либо принять мѣру предполагаемую Г. Флеровымъ.

Имѣя долгъ увѣдомить Ваше Превосходительство о семъ отзывѣ Его Высокопревосходительства Господина Министра, съ совершеннымъ почтеніемъ и таковою же преданностію имѣю честь быть

Вашего Превосходительства
покорнѣйшимъ слугою
В. Комовскій.

2 Апрѣля 1838.
Его Пре-ву Д. П.
Голохвастову.

Прежнѣе заглавіе рукописи Князя Михайла Андреевича Оболенскаго „Слово и слава; памятникъ минувшей жизни Богохранимаго племени Славянскаго“ перемѣнить на слѣдующее: *Сборникъ Князя Оболенскаго,* Московскій Ценсурный Комитетъ дозволяетъ. Августа 27 дня 1838 года.

Секретарь Комитета А. Чивилевъ.

Выписка изъ Журнала Московскаго Ценсурнаго Комитета состоявшагося Генваря 13 дня 1839 года.

Слушали.

Статья 2. Предложеніе Его Сіятельства Г. Попечителя Московскаго Учебнаго Округа, отъ 23 Декабря минувшаго 1838-го года за № 4256-мъ, коимъ по отношенію къ нему Г. Министра Народнаго Просвѣщенія, отъ 14-го числа Декабря мѣсяца по опредѣленію Главнаго Управленія Ценсуры предлагаетъ Московскому Ценсурному Комитету не дозволять перевода на Русскій языкъ книги, подъ названіемъ: „Memoires du diable par Fr. Soulié“. Опредѣлено: Принять къ свѣдѣнію и должному исполненію, для чего и дать Гг. Ценсорамъ выписки статьи сей изъ Журнала Комитета.

Секретарь А. Чивилевъ.

Его Высокоблагородію
Василію Павловичу
Флерову.
Генваря 31 дня 1839 года.
№ 51.

Я нижеподписавшійся далъ сію подписку въ томъ, что въ представленной мною въ Московскій Ценсурный Комитетъ рукописи, въ повѣсти: Вотъ какъ женятся уланы, не заключается никакой личности ни описаній подробностей домашней жизни какого либо извѣстнаго лица, однимъ словомъ ничего, что

§ 14 Высочайше утвержденнаго Устава о Цензурѣ воспрещено въ противномъ же случаѣ я обязуюсь отвѣчать предъ правительствомъ по всей силѣ законовъ о пасквиляхъ.

Серпуховскаго Уланскаго полка Штабсъ Ротмистръ Ник. Даниловъ.

Москва.

1839-го года Марта 10-го дня.

Министерство Народнаго Просвѣщенія. Канцелярія.

3 Мая 1839-го года.

№ 580.

Господину Помощнику Попечителя Московскаго Учебнаго Округа.

Въ 11 и 12 нумерахъ журнала „Галатея“ напечатаны два стихотворенія: „Царевы предложенія“ и „Жажду, пятое слово Спасителя на крестѣ“. Чисто духовное содержаніе сихъ стихотвореній подало поводъ къ замѣчаніямъ о неприличіи ихъ помѣщенія вмѣстѣ съ легкими статьями литтераттуры. Находя, что подобныя произведенія дѣйствительно не соотвѣтственны названію, ни содержанію журнала, въ которомъ они напечатаны, покорнѣйше прошу Ваше Превосходительство предложить Редактору „Галатеи“ не помѣщать въ семъ изданіи статей духовнаго содержанія.

Министръ Народнаго Просвѣщенія Уваровъ.

Директоръ В. Комовскій.

Министерство Народнаго Просвѣщенія. Отъ Попечителя Московскаго Учебнаго Округа. Въ Москвѣ.

11 Маія 1839 г.

№ 1451.

Копія.

Московскому Цензурному Комитету.

Г. Министръ Народнаго Просвѣщенія, отъ 3-го числа сего мѣсяца, изъясняетъ, что чисто духовное содержаніе напечатанныхъ въ 11 и 12 нумерахъ журнала „Галатея“, двухъ стихотвореній: „Царевы предложенія“ и „Жажду, пятое слово Спасителя на крестѣ“, подало поводъ къ замѣчаніямъ о неприличіи ихъ помѣщенія вмѣстѣ съ легкими статьями литературы. Посему онъ, находя, что подобныя произведенія дѣйствительно не соотвѣтственны ни названію, ни содержанію журнала, въ которомъ они помѣщены, проситъ, чтобы Редакторъ „Галатеи“ не помѣщалъ статей духовнаго содержанія.

О семъ имѣю честь Московскому Цензурному Комитету сообщить для свѣдѣнія. На подлинномъ подписали. Попечитель Московскаго Учебнаго Округа Графъ Строгановъ. Исправляющій должность Правителя Канцеляріи Фаворскій.

Министерство Народнаго Просвѣщенія.
Санктпетербургскій Ценсурный Комитетъ.
С. Петербургъ.
17 Октября 1839 года.
№ 416.

Копія.

Въ Московскій Ценсурный Комитетъ.

С. Петербургскій Ценсурный Комитетъ имѣетъ честь увѣдомить таковой же Московскій, что рукопись подъ заглавіемъ: „Проектъ учрежденія сохранныхъ суммъ въ помѣщичьихъ имѣніяхъ“, согласно съ мнѣніемъ Г. Министра Внутреннихъ Дѣлъ, на предварительное заключеніе котораго была посылаема эта рукопись, пріобщена Ценсурнымъ Комитетомъ къ числу запрещенныхъ сочиненій.

Подлинное подписали: Ценсоръ Ю. Шидловскій и Секретарь І. Семеновъ.
Вѣрно. Секретарь Ѳ. Буслаевъ.

Министерство Народнаго Просвѣщенія.
Отъ Помощника Попечителя Московскаго Учебнаго Округа.
Въ Москвѣ.
14 Мая 1840 года.
№ 1399.

Копія.

Московскому Ценсурному Комитету.

Г. Министръ Народнаго Просвѣщенія, отъ 28 минувшаго Апрѣля за № 4271-мъ, увѣдомляетъ, что Г. Статсъ-Секретарь Танѣевъ, отъ 14 Апрѣля объявилъ Комитету Министровъ, что Государь Императоръ изволилъ замѣтить, что представленія къ наградамъ за отличіе по службѣ нерѣдко основываются только на одной выслугѣ срока, установленнаго для награды за отличіе, а не на прямомъ отличіи, выходящемъ изъ круга общихъ служебныхъ обязанностей.

Замѣчаніе сіе относится въ особенности къ наградамъ орденами. Ордена по цѣли установленія ихъ должны служить справедливымъ воздаяніемъ особенныхъ заслугъ. Выслуга извѣстнаго срока со времени полученія послѣдней награды и другія правила, для сего установленныя, суть только второстепенныя условія, и одни, безъ прямаго отличія по службѣ, не даютъ права на награду орденами. Государь Императоръ изволитъ находить, что удостоеніе къ наградѣ орденами безъ особой заслуги, слѣдовательно безъ соблюденія главнаго условія, противно цѣли установленія орденовъ, ослабляетъ самое достоинство ихъ въ общемъ мнѣніи, и тѣмъ лишаетъ правительство способовъ къ должному вознагражденію истинныхъ заслугъ. Въ отвращеніе сего Его Императорскому Величеству благоугодно, чтобы Комитетъ Министровъ снова обратилъ вниманіе всѣхъ министровъ и главноуправляющихъ частями на сей важный предметъ и предписалъ къ исполненію слѣдующее:

1) Чтобы вообще предоставленія къ наградамъ за отличіе по службѣ дѣлались на точномъ основаніи существующихъ правилъ,

и 2) Чтобы въ представленіяхъ къ наградѣ орденами, даже въ тѣхъ случаяхъ, когда сіи представленія выходятъ не чрезъ Орденскія Думы, равно какъ и въ проэктахъ указовъ Капитулу Орденовъ, объясняемы были въ подробности особенныя заслуги, представляемымъ чиновникомъ оказанныя.

О таковой Высочайшей волѣ имѣю честь предложить Московскому Цензурному Комитету для надлежащаго и непремѣннаго исполненія. Подлинное подписали: Помощникъ Попечителя Московскаго Учебнаго Округа Голохвастовъ. Правитель Канцеляріи Фаворскій.

Министерство Народнаго Просвѣщенія.
Отъ Помощника Попечителя Московскаго Учебнаго Округа.
Въ Москвѣ.
25 Мая 1840.
№ 1554.

Копія.

Московскому Ценсурному Комитету.

Г. Министръ Народнаго Просвѣщенія. отъ 15 текущаго Мая, за № 156, увѣдомляетъ, что по поводу помѣщеннаго въ объявленіи о вышедшей въ С. Петербургѣ книгѣ: „Дни богослуженія православной восточной каѳолической церкви“—изображенія благословляющаго Іисуса Христа, Святѣйшій Синодъ, находя неприличнымъ изображеніе Спасителя на печатныхъ объявленіяхъ или афишахъ, раздаваемыхъ безъ всякаго ограниченія, проситъ о распоряженіи, чтобы подобныя объявленія или афиши съ священными изображеніями отнюдь не были дозволяемы къ напечатанію.

Объ этомъ честь имѣю предложить Московскому Ценсурному Комитету для наблюденія.

Подлинное подписали Помощникъ Попечителя Московскаго Учебнаго Округа Голохвастовъ. Правитель Канцеляріи Фаворскій.

Министерство Народнаго Просвѣщенія.
Канцелярія.
5 Октября 1840 г.
№ 1151.

Копія.

Московскому Ценсурному Комитету.

По Высочайшему повелѣнію для воспитанниковъ военно-учебныхъ заведеній составлены были учебныя руководства, сообразно съ Высочайше утвержденною для нихъ программою, причемъ каждое изъ нихъ

было разсмотрѣно и утверждено Его Императорскимъ Высочествомъ Главнымъ Начальникомъ военно-учебныхъ заведеній и на каждомъ помѣщены печать Штаба Его Императорскаго Высочества, виньета военно-учебныхъ заведеній и подпись начальника Штаба.

Его Императорское Высочество изволилъ нынѣ замѣтить, что нѣкоторымъ учебнымъ книгамъ, въ газетныхъ объявленіяхъ, присвояется издателями заглавіе: „Руководство для военно-учебныхъ заведеній“, тогда какъ оныя не входятъ въ составъ курса подвѣдомственныхъ Его Высочеству заведеній.

Въ слѣдствіе сего, я предлагаю Московскому Ценсурному Комитету, чтобы на будущее время въ учебныхъ книгахъ, которыя не приняты въ руководство для военно-учебныхъ заведеній, отнюдь но было допускаемо подобныхъ неправильныхъ заглавій. Подлинное подписали: Управляющій Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія Генералъ-Адьютантъ Графъ Протасовъ. Управляющій Канцеляріею Новосильскій.

Министерство Народнаго Просвѣщенія.
Канцелярія.
17 Мая 1841 года.
№ 430.

Копія.

Московскому Ценсурному Комитету.

На музыкальныхъ произведеніяхъ, перепечатываемыхъ въ С. Петербургѣ и въ Москвѣ часто безъ вѣдома и согласія авторовъ выставляется иногда подпись ценсора: обстоятельство, могущее ввести публику въ ошибочное мнѣніе, будто правительство само способствуетъ контрафакціи. Хотя въ положеніи 1830 года о правѣ литературной собственности и не говорится о музыкальныхъ произведеніяхъ и слѣдовательно они могутъ быть считаемы неподходящими подъ оное, но какъ нынѣ министерство встрѣчаетъ необходимость оградить на будущее время и права авторовъ музыки положительнымъ закономъ и имѣетъ въ виду представить оный въ скоромъ времени на утвержденіе, то считаю нужнымъ предложить Комитету къ исполненію, чтобы впредь не было дозволяемо перепечатаніе музыкальныхъ произведеній безъ предъявленія Ценсурѣ документа, доказывающаго позволеніе или согласіе на то самого автора.

На подлинномъ подписалъ Министръ Народнаго Просвѣщенія Уваровъ.

Секретарь Комитета В. Г....

Министерство
Народнаго Просвѣщенія.
Медицинскій Факультетъ
Императорскаго
Московскаго Университета.
Въ Москвѣ.
Декабря 11 дня 1841 года.
№ 125.

Копія.

Въ Московскій Цензурный Комитетъ.

Медицинскій Факультетъ, возвращая рукопись, подъ заглавіемъ: „О свойствахъ климата Валахіи и Молдавіи и такъ называемой Валахской язвѣ, соч. Христіана Витта“, имѣетъ честь извѣстить Московскій Цензурный Комитетъ, что Факультетъ усмотрѣвъ вездѣ въ сочиненіи де Витта о Валахской язвѣ большую способность автора наблюдать и описывать болѣзни, выводъ сужденій изъ достовѣрныхъ фактовъ, правильное изложеніе предметовъ, здравое сужденіе,—признаетъ съ своей стороны сочиненіе это образцовымъ въ своемъ родѣ и полезнымъ для всякаго образованнаго врача; относительно же медико-полицейской части этого сочиненія Медицинскій Факультетъ честь имѣетъ довести до свѣдѣнія Московскаго Цензурнаго Комитета, что авторъ упомянутаго сочиненія принадлежитъ къ т. н. антиконтагіонистамъ: самая восточная чума, а тѣмъ болѣе Валахская язва, коей тождественность съ чумою онъ отрицаетъ, распространяются по мнѣнію его исключительно какъ повѣтрія или міазмитическія болѣзни, и никогда не сообщаются чрезъ непосредственное прикосновеніе къ больному или проводнику болѣзнетворной матеріи. Отсюда объясняется взглядъ автора на медико-полицейскія мѣры противъ сихъ болѣзней вообще, на тѣ въ особенности, которыя были приняты впродолженіе Турецкой кампаніи 1828 года, и на карантинныя установленія, коихъ польза, при допущеніи незаразительности чумы, конечно должна показаться сомнительною. Строгія же и во многихъ отношеніяхъ тяжкія карантинныя мѣры до сего времени почитаются большею частію медиковъ необходимыми и вполнѣ оправданными, какъ единственное средство поставить предѣлы губительнымъ чумнымъ эпидеміямъ. Но такъ какъ мнѣніе одного или нѣсколькихъ ученыхъ не есть законъ; такъ какъ оно, стараясь оправдать себя критикою мнѣній противоположныхъ, само подвергается критикѣ просвѣщенныхъ и безпристрастныхъ судей; такъ какъ правительство, наконецъ, не престанетъ защищать своихъ гражданъ отъ угрожающихъ имъ болѣзней строжайшими карантинными мѣрами до тѣхъ поръ, пока излишество оныхъ не будетъ очевидно доказано и признано большинствомъ лицъ, имѣющихъ голосъ въ дѣлахъ государственной медицины, то Медицинскій Факультетъ и не находитъ никакого препятствія къ напечатанію упомянутаго сочиненія. Что же касается до сужденія Г. Дѣйствительнаго Статскаго Совѣтника Витта объ административныхъ и медицинскихъ распоряженіяхъ впродолженіе Турецкой кампаніи вообще, о причинахъ господствовавшихъ въ нашей арміи болѣзней, о содержаніи больныхъ

въ крѣпостяхъ Гирсовѣ, Матчинѣ и Варнѣ, а равно и до образа изложенія упомянутыхъ предметовъ, то все сіе, какъ неподлежащее цензурѣ факультетской, не могло имѣть никакого вліянія на вышеизложенное мнѣніе Факультета.

Подлинное подписали: За Декана Профессоръ Бунге.
Секретарь Топоровъ.
Письмоводитель Масловъ.
Съ подлиннымъ вѣрно Коллежскій Секретарь Бер....

Министерство Народнаго Просвѣщенія. С. Петербургскій Цензурный Комитетъ.
С. Петербургъ. Августа 4 дня 1842 года. № 121.

Копія.

Въ Московскій Цензурный Комитетъ.

С. Петербургскій Цензурный Комитетъ имѣетъ честь увѣдомить таковой же Московскій, что рукопись подъ названіемъ: „Опричникъ“, трагедія въ 5 дѣйствіяхъ, соч. Лажечникова, предназначавшаяся къ напечатанію въ „Библіотекѣ для Чтенія“, на основаніи предписанія Г. Министра Народнаго Просвѣщенія отъ 25 минувшаго Іюля за № 827, пріобщена симъ Комитетомъ къ числу запрещенныхъ сочиненій.

Подлинную подписали: Цензоръ А. Крыловъ.
Секретарь І. Семеновъ. Вѣрно. Секретарь А. Менщиковъ.

Министерство Народнаго Просвѣщенія Московскій Учебный Округъ. Въ Москвѣ. 27 Февраля 1843 г. № 9. Отъ Попечителя.

Копія.

Секретно.

Московскому Цензурному Комитету.

Г. Министръ Народнаго Просвѣщенія сообщаетъ, отъ 14 сего Февраля (№ 223), что по поводу помѣщаемыхъ иногда въ газетахъ описаній разныхъ празднествъ, устроиваемыхъ въ честь губернскихъ чиновниковъ, особенно при увольненіи ихъ отъ должностей, Г. Министръ Внутреннихъ Дѣлъ, принимая въ соображеніе, что статьи по таковымъ предметамъ могутъ часто не соотвѣтствовать распоряженіямъ и видамъ правительства, проситъ, чтобы всѣ подобныя статьи не были допускаемы къ печатанію безъ предварительнаго разсмотрѣнія оныхъ въ ввѣренномъ ему министерствѣ. Вслѣдствіе чего покорнѣйше прошу Московскій Цензурный Комитетъ, чтобы на будущее время всѣ вышеозначеннаго рода статьи представлялись ко мнѣ для препровожденія къ Г. Министру Народнаго Просвѣ-

щенія, для сообщенія на предварительное разсмотрѣніе Г. Министру Внутреннихъ Дѣлъ.

Подлинную подписалъ: Попечитель Московскаго Учебнаго Округа Графъ Строгановъ.

Вѣрно. Секретарь А. Менщиковъ.

Министерство Народнаго Просвѣщенія. Отъ Попечителя Московскаго Учебнаго Округа. Въ Москвѣ. 27 Февраля 1845. № 878.

Копія.

Московскому Ценсурному Комитету.

Г. Главноуправляющій Путями Сообщенія и публичными зданіями сообщилъ Г. Министру Народнаго Просвѣщенія о Высочайшемъ Его Императорскаго Величества повелѣніи, чтобы свѣдѣнія относящіяся до Главнаго Управленія Путей Сообщенія и публичныхъ зданій, не иначе дозволялось печатать, какъ по предварительному съ Г. Главноуправляющимъ сношенію и полученіи его одобренія.

О сей Высочайшей волѣ имѣю честь предложить Ценсурному Комитету къ должному исполненію.

Подлинное подписали: Попечитель Московскаго Учебнаго Округа Графъ Строгановъ. Правитель Канцеляріи М. Назимовъ.

Министерство Народнаго Просвѣщенія. Канцелярія Министра. 11 Іюля 1845 г. № 992. Отвѣтъ на № 140.

Копія.

Московскому Ценсурному Комитету.

Представленныя Комитетомъ, поступившія на разсмотрѣніе его и дозволеніе къ напечатанію, статьи, которыя заключаютъ въ себѣ отвѣтъ на задачу о цѣнахъ на хлѣбъ, предложенную отъ Императорскаго Московскаго Общества Сельскаго Хозяйства, я сообщалъ предварительно на усмотрѣніе Г. Министра Финансовъ. Получивъ отзывъ отъ него по этому предмету, предполагаю Комитету сообразоваться съ нимъ при разсмотрѣніи этихъ статей, которыя при семъ вмѣстѣ съ копіею съ отзыва Г. Министра Финансовъ препровождаю.

Подлинное подписали Министръ Народнаго Просвѣщенія Уваровъ. Директоръ Комовскій.

Вѣрно. Секретарь А. Менщиковъ.

Примѣчанія Министра Финансовъ къ отвѣтамъ на задачу Московскаго Общества Сельскаго Хозяйства, о цѣнахъ на хлѣбъ.

По запискѣ № 1.

Она не содержитъ въ себѣ ничего противнаго духу Правительства и общимъ распоряженіямъ Министерства Финансовъ.

По запискѣ № 2.

Здѣсь многое отзывается порицаніемъ принятыхъ у насъ, въ разное время, финансовыхъ мѣръ, какъ то: выпуска ассигнацій и прекращенія лажа, равно какъ желаніемъ показать, что нынѣшнее положеніе Россіи менѣе благопріятно вообще, чемъ было оно въ прежнія времена. Нѣкоторыя выраженія могутъ почесться не токмо неправильными, но даже дерзкими. Наприм. на стр. 8 относительно прекращенія лажа, сказано: „у насъ же въ Россіи, сверхъ этого, въ „послѣднее время значительно утратилось въ суммѣ обратныхъ капиталовъ „чрезъ уничтоженіе лажа, конечно, потеря временная, но не менѣе того ощути„тительная. Правительство не находило другаго средства, какъ зломъ уничто„жить зло и уничтожило къ пользѣ будущей торговли“.

Далѣе, на слѣдующей страницѣ, пониженіе цѣнъ на туземныя произведенія приписывается „чрезмѣрному выпуску бумажныхъ денегъ“. Нѣсколько ниже, на той же страницѣ, сказано: „въ отношеніи Россіи замѣчу, что и она извѣ„дала пагубное вліяніе непропорціональнаго количества выпущенныхъ бумажныхъ денегъ“.

Къ причинамъ пониженія цѣнъ сочинитель причисляетъ, на стр. 10-й огромные долги многихъ Европейскихъ государствъ, вынудившіе наложеніе на подданныхъ значительныхъ пошлинъ.

Хотя все это и не относится прямо къ Россіи и существующіе у насъ налоги выставляются какъ умѣреннѣйшіе въ Европѣ, но несмотря на сіе, подобныя выраженія могутъ дать поводъ къ превратнымъ толкамъ.

Сочинитель приписываетъ также пониженіе цѣнъ и происходящій отъ того упадокъ крестьянъ усилившейся у насъ роскоши и распространенію произведеній и товаровъ иноземныхъ. Средствами же къ улучшенію положенія земледѣльцевъ считаетъ онъ, между прочимъ, учрежденіе публичныхъ хлѣбныхъ магазиновъ отъ правительства и допущеніе пріема въ оные произведеній хлѣбопашества, въ замѣнъ нѣкоторой части подушнаго сбора, (стр. 16 и 17) а равно и введеніе выдѣлки спирта при свеклосахарныхъ заводахъ, къ чему сочинитель желаетъ содѣйствія правительства (стр. 33).

Прочія затѣмъ мѣста, представляющіяся равномѣрно неудобными къ напечатанію, отмѣчены въ самой рукописи.

По запискѣ № 3.

Изъ предлагаемыхъ средствъ, къ отвращенію упадка земледѣлія и къ поддержанію выгодныхъ для производителей цѣнъ, до министерства финансовъ относятся токмо:

1. Ограниченіе времени, въ которое винокуреніе можетъ быть дозволено, дабы заводчики, не стѣсняя народнаго продовольствія обращеніемъ на винокуреніе значительнаго количества хлѣба, напротивъ того, къ возвышенію цѣнъ во время изобильныхъ урожаевъ заготовленіемъ многочисленныхъ запасовъ для своего промысла.

2, Поощреніе торговцевъ—хлѣбомъ разными льготами и преимуществами къ составленію, при чрезмѣрномъ пониженіи цѣнъ, значительныхъ запасовъ.

3, Учрежденіе вспомогательныхъ кассъ, собственно для ссуды денегъ хлѣбопашцамъ подъ залогъ ихъ произведеній, въ то время, когда сбытъ таковыхъ для нихъ невыгоденъ.

Напечатаніе сей статьи можетъ быть дозволено, за исключеніемъ лишь того, что сказано объ ограниченіи времени винокуренія, какъ несогласнаго съ распоряженіями правительства по сему предмету.

По запискѣ № 4.

Не содержитъ въ себѣ ничего предосудительнаго.

По запискѣ № 4—9.

Въ этой запискѣ очень много выраженій неосторожныхъ и даже дерзкихъ.

Нынѣшнее положеніе класса земледѣльческаго выставляется въ самомъ плачевномъ видѣ, а будущность еще въ худшемъ, между тѣмъ какъ Россія, по словамъ сочинителя, должна бы была процвѣтать и быть богаче всякаго другаго государства въ мірѣ. Впрочемъ, мѣры правительства, для улучшенія земледѣлія, обезпеченія народнаго продовольствія и образованія хлѣбопашцевъ выхваляются; но за то отъ него же требуется отвращеніе всѣхъ неудобствъ; потому что оно одно въ состояніи это сдѣлать (стр. 9). Далѣе выражена мысль о необходимости увеличенія народнаго богатства и частныхъ доходовъ, отъ которыхъ зависитъ усиленіе и казеннаго дохода, ибо съ бѣднаго народа нельзя „надѣяться много получить“ (стр. 12).

На стр. 14 и 15 изложено желаніе, чтобы правительство не старалось понижать цѣны при заготовленіи продовольствія для войскъ и хлѣба для винокуренія, когда онѣ и безъ того уже умѣренны, ибо послѣднее въ особенности, принося временную выгоду, столько содѣйствуетъ къ обѣдненію земледѣльцевъ, что не согласуется съ существенными пользами государства.

На 20 стр. предполагается учрежденіе запасныхъ магазиновъ отъ казны въ городахъ, съ тѣмъ, чтобы земледѣльцы, не успѣвшіе продать свой хлѣбъ, могли сдавать его въ тѣ магазины по установленной цѣнѣ и получали бы зачетныя квитанціи за слѣдующія съ нихъ подати. Для учрежденія таковыхъ магазиновъ сочинитель полагаетъ не щадить издержекъ и отнести ихъ на земскія повинности.

На стр. 24 укоряются тѣ капиталисты, кои, оставляя деньги въ кредитныхъ установленіяхъ, наживаютъ себѣ богатство безъ всякаго труда, вмѣсто обращенія своихъ средствъ на торговлю хлѣбомъ для общей пользы.

Въ заключеніе же всего сказано. что послѣдствіемъ возвышенія цѣнъ „должно быть неминуемо преумноженіе государственнаго дохода, въ началѣ „отъ косвенныхъ налоговъ, а потомъ и отъ прямыхъ, которые правительство „найдетъ тогда возможность прибавить и народъ будетъ въ состояніи платить „бездоимочно и безъ тягости. Блаженъ тотъ народъ, гдѣ государственный до„ходъ извлекается не изъ нуждъ, а отъ избытка его“.

Выраженія сіи ведутъ къ заключенію, что нѣнышнія подати превышаютъ способы народа. Вообще казенныя повинности выставляются какъ самое тяжкое бремя для земледѣльца (стр. 17 и 18), а потому напечатаніе сей записки, отзывающейся духомъ укоризны и порицанія, представляется неудобнымъ.

Подлинное подписалъ: Ф. Вронченко.

Подлинную копію подписалъ Директоръ Канцеляріи Комовскій.

Вѣрно: Секретарь А. Менщиковъ.

NB. № 1-й.

Начально постигнуть, въ чемъ состоять должно благо-народное, а потомъ уже изыскать тѣ средства, которые бы доставляли ему это благо.

№ 2-й.

Объясненіе причинъ пониженія цѣнъ хлѣба и указаніе средствъ возвысить оныя. Россія богата не Сибирскимъ золотомъ, но количествомъ произведеній земли.

№ 3-й.

Спасибо тому кто научаетъ
Какъ лучше бы землю пахать
А вдвое тому кто вопрошаетъ
Какъ лучше бы хлѣбъ то сбывать.

Мнѣніе сельскаго хозяина, по поводу задачи, предложенной отъ Им. Моск. Общ. Сельскаго Хозяйства при годичномъ его собраніи прошлаго Января 29-го дня.

Ноября 1-го дня 1844 г. С. А. . . . а. Орловской Губерніи.

№ 4-й. Въ одинъ листъ начало: Им. Моск. Общ. Сел. Хоз. чрезъ Московскія Вѣдомости М. . . уѣзда помѣщикъ Надворный Совѣтникъ Любимъ . . . . 26 Ноября 1844 г.

Копія.

Министерство Народнаго Просвѣщенія.
Дерптскій Цензурный Комитетъ.
Дерптъ.
24 Октября 1846 года.
№ 244.

Въ Московскій Цензурный Комитетъ.

Дерптскій Цензурный Комитетъ имѣетъ честь увѣдомить, что поступившая въ оный рукопись ландрата Самсона, подъ заглавіемъ: „Zur Geschichte der Privilegien der Livländischen Ritterschaft“ подвергнута запрещенію, на основаніи Св. Зак. (изд. 1842 г.) т. 14 Уст. опред. и пресѣч. прест. прил. къ ст. 147. п. 3. (б.)

Подлинное подписали Предсѣдатель Генералъ-Лейтенантъ Ефстафій Крафстремъ. За секретаря Вильде. Вѣрно. Секретарь А. Менщиковъ.

Министерство Народнаго Просвѣщенія.
Дерптскій Цензурный Комитетъ.
Дерптъ
10-го Іюня 1847 года.
№ 109.

Копія.

Въ Московскій Цензурный Комитетъ.

Дерптскій Цензурный Комитетъ честь имѣетъ увѣдомить, что поступившія въ оный сочиненія 1, Ueber den Einfluss der Poesie auf die Jugendbildung von Elard Biskamp и 2, Die Schöpfung der Welt und der erste Sündenfall von einem Franzosen in Deutscher Mundart erzählt - подвергнуты запрещенію, первое на основаніи § 3. п. а. и в. прил. къ ст. 147 Св. Зак. (изд. 1842 г.) Т. 14 Уст. о предупр. преступленій, а послѣднее по силѣ того же § п. а.

Подлинное подписали: Предсѣдатель Генералъ-Лейтенантъ.

За Секретаря А. Вильде.

Съ подлиннымъ вѣрно. Членъ Комитета. . . . .

Министерство Народнаго Просвѣщенія.
Дерптскій Цензурный Комитетъ
Дерптъ.
№ 114.

Копія.

Въ Московскій Цензурный Комитетъ.

Дерптскій Цензурный Комитетъ имѣетъ честь увѣдомить Московскій Цензурный Комитетъ, что на основаніи предписанія Г. Министра Народнаго Просвѣщенія отъ 9 текущаго Мая за № 520 сдѣлано распоряженіе, чтобы поступившее въ Комитетъ на разсмотрѣніе сочиненіе Доктора Гука подъ заглавіемъ: „Umriss der landsvirthschaftlichen Verhältnisse in

Esth. Liw. und Curland“ — не было одобряемо къ изданію въ свѣтъ въ продолженіе нѣкотораго времени.

Подлинную подписали: Предсѣдатель Полковникъ И . . . . .

Секретарь

Вѣрно. Секретарь А. Менщиковъ.

Министерство Народнаго Просвѣщенія. Санктпетербургскій Цензурный Комитетъ. С-тъ Петербургъ. 11 Іюня 1847 года. № 206.

Копія.

Въ Московскій Цензурный Комитетъ.

С.Петербургскій Цензурный Комитетъ имѣетъ честь увѣдомить Московскій Цензурный Комитетъ, что переводъ поэмы Гейне подъ названіемъ: Атта Троль или сонъ въ лѣтнюю ночь, на основаніи пунктовъ 1-го и 3-го статьи 3-й Устава о Цензурѣ, приобщенъ симъ Комитетомъ къ числу запрещенныхъ рукописей.

Подлинное подписалъ: Цензоръ Очкинъ.

Скрѣпилъ Секретарь Семеновъ.

Съ подлиннымъ вѣрно. Членъ Комитета. . . . . .

Министерство Народнаго Просвѣщенія Попечителя Московскаго учебнаго Округа. Въ Москвѣ. 19 Ноября 1847 года. № 4118.

Московскому Цензурному Комитету.

Въ текущемъ году напечатано въ Германіи сочиненіе подъ названіемъ: „Studien über die innern Zustände, das Volksleben und ins besondere die ländlichen Einrichtungen Russlands von A. Freiherrn von Haxthausen Hannover. 1847“. По Высочайшему Государя Императора повелѣнію, книга эта допущена въ Нѣмецкомъ подлинникѣ: а какъ могутъ быть сдѣланы переводы этой книги на Русскій языкъ, то, вслѣдствіе предложенія Г. Министра Народнаго Просвѣщенія отъ 12 сего Ноября, покорнѣйше прошу Московскій Цензурный Комитетъ, согласно съ волею Его Императорскаго Величества, статью о раскольникахъ вовсе не дозволять и вообще наблюсти осторожность въ отношеніи къ нѣкоторымъ другимъ мѣстамъ въ этомъ сочиненіи. Подлинная статья по подписямъ Попечителя Московскаго Учебнаго Округа Графъ Строгановъ и Правитель Канцеляріи Филимоновъ. Вѣрно. Секретарь А. Менщиковъ.

Министерство
Народнаго Просвѣщенія.
Попечителя
Московскаго Учебнаго
Округа.
Въ Москвѣ.
17 Декабря 1847.
№ 4539.

Въ Московскій Ценсурный Комитетъ.

Г. Министръ Императорскаго Двора, на основаніи донесенія къ нему Главнаго Архитектора строенія Исакіевскаго собора, о томъ, что въ издаваемомъ въ С. Петербургѣ ежемѣсячномъ журналѣ, подъ названіемъ: „L'Artiste Russe", помѣщаются статьи, относящіяся до Исакіевскаго собора и въ особенности до произведеній живописи, и что статьи сіи не вполнѣ соотвѣтствуютъ существу дѣла, ибо нарушаютъ соревнованіе художниковъ, необходимое для пользы порученнаго имъ дѣла, проситъ Г. Министра Народнаго Просвѣщенія сдѣлать распоряженіе, дабы всѣ статьи о строеніи Исакіевскаго собора предполагаемыя къ помѣщенію въ журналахъ, были предварительно сообщаемы на разсмотрѣніе Коммиссіи о построеніи Исакіевскаго собора.

Объ этомъ, вслѣдствіе предложенія Его Сіятельства Г. Министра Народнаго Просвѣщенія, за № 1493, имѣю честь сообщить Московскому Ценсурному Комитету, для поступленія согласно съ желаніемъ Г. Министра Императорскаго Двора.

Попечитель Московскаго Учебнаго Округа Голохвастовъ.

Вѣрно. Секретарь А. Менщиковъ.

Правитель Канцеляріи Филиповъ.

Въ Московскій Ценсурный Комитетъ
Отъ Ценсора В. Флерова.

Въ слѣдствіе предписанія Его Сіятельства Г-на Министра Народнаго Просвѣщенія отъ „Декабря 1847-го года за №—честь имѣю донесть Московскому Ценсурному Комитету, что назначенныя мнѣ для просмотра двѣ рукописи отставнаго Штабсъ-Капитана Телегина—1-я подъ заглавіемъ: *Отрывки изъ моего журнала* и 2-я *Повѣсть о волшебницѣ Вивѣдѣ и маленькомъ принцѣ въ орешкѣ* — не одобрены мною къ напечатанію по слѣдующимъ причинамъ:

1.

Отрывки изъ моего журнала.

Письмо 1-е стр. 3—10.

Авторъ получивши отъ друга своего вопросы: 1) „достаточны ли законо-„положенія наши объ ограниченіи займовъ? 2) Какія слѣдуетъ принять мѣры „къ разрѣшенію сего предмета, столь опаснаго и вреднаго для всеобщаго довѣ-„рія? 3) Должны ли быть виновные подвергаемы наказаніямъ, и какимъ имянно?

„Отвѣтствую, говоритъ Г. Телегинъ, принявъ къ соображенію два символа „изъ книги о политикѣ, сочиненія Г. Магницкаго—1) чѣмъ больше правителей, „тѣмъ больше зла; 2) народъ тогда только бываетъ счастливъ, когда удаленъ „отъ правителей".

Потомъ говоритъ авторъ, „что до изданія бывшаго 1801 года Банкрот„скаго Устава, у насъ банкротовъ случалось гораздо менѣе; ибо правила были „строже, рѣшительнѣе, не имѣли по содержанію своему такихъ утонченныхъ из„воротовъ, усматривающихся въ томъ Уставѣ, въ коемъ какъ будто главная цѣль „состояла *сочинителя*, чтобъ разборъ банкротствъ производимъ былъ между „своихъ кредиторовъ и своими конкурсными судами. А чтобъ понять его (уставъ „или сочинителя?) въ совершенствѣ, то онъ первый показалъ надъ собою опытъ, „образовавши имъ своихъ послѣдователей. Съ того времяни возникъ весь упа„докъ въ довѣріи и пр.

Далѣе говоритъ авторъ, „что самое производство по разнымъ судебнымъ „мѣстамъ обременяетъ просителей въ искахъ своихъ.

Послѣ такого сужденія о Банкротскомъ Уставѣ 1801-го года и сочинителѣ его, Г. Телегинъ предлагаетъ въ 27-ми пунктахъ свое *Мнѣніе*: какимъ образомъ должно исправить существующее зло, искоренить банкротство и обезпечить кредиторовъ. Наконецъ авторъ въ заключеніи своего письма говоритъ: „я „буду ожидать отвѣта, найдешь ли ты полезнымъ *Мнѣніе* мое объ ограниченіи „займовъ, или о прекращеніи банкротствъ?"

Ценсоръ не могъ допустить произвольнаго толкованія Банкротскаго Устава 1801-го года и еще менѣе порицанія онаго. Не могъ дозволить вмѣсто Высочайше утвержденнаго Устава о банкротахъ, огласить 27 пунктовъ, составленныхъ Г. Телегинымъ. Сверхъ сего, дозволивши Г. Телегину напечатать это письмо, не было бы причины отказать его другу въ отвѣтѣ на оное. Такимъ образомъ законодательство сдѣлалось бы предметомъ спора и порицанія людей, не призванныхъ къ сему.

Письмо II, III, IV, V, VI, VII, VIII.

О сихъ письмахъ объявлено автору, что оныя могутъ быть пропущены не иначе, какъ по исправленіи и исключеніи нѣкоторыхъ мѣстъ, слишкомъ матеріально выраженныхъ.

Письмо IX.

Разсужденіе о холерѣ и о средствахъ, предлагаемыхъ Англинскими врачами, и *для шутки* самимъ авторомъ — къ излеченію отъ оной, должно быть разсмотрѣно предварительно въ медицинскомъ факультетѣ.

Письмо X.

Въ семъ письмѣ Г. Телегинъ возстаетъ противъ устройства въ Россіи желѣзныхъ дорогъ и въ Мнѣніи своемъ говоритъ Г. Геретнеру: „я не оспариваю

„что она (желѣзная дорога) для всѣхъ и всего показаннаго отъ васъ очень „выгодна, даже и тогда, когда бы цѣна за перевозъ была еще уменьшена. Но „не обращено вами М. Г. на тѣхъ лицъ вниманіе, кто будетъ терять выгоды? „Лица тѣ, о коихъ вы въ программѣ вашей ни мало не входили въ сужденіе „есть крестьяне, коихъ вы лишаете посредствомъ машинъ, всѣхъ пріобрѣтаю- „щихъ ими отъ перевозовъ пользъ. Сколько тысячь народа понесетъ убытковъ? „Кто за нихъ будетъ выплачивать государственныя разныя повинности, оброки „и поддерживать семейства ихъ?

Все письмо писано такимъ тономъ и состоитъ изъ доказательствъ, придуманныхъ Г. Телегинымъ, о вредѣ желѣзныхъ дорогъ въ Россіи. Между тѣмъ устройство оныхъ идетъ у насъ быстро. Въ слѣдствіе Высочайшаго повелѣнія, сообщ. Комитету отъ 27-го Февраля 1845 г. за № 878-м, чтобы свѣденія относящіяся до Главнаго Управленія Путей Сообщенія, не иначе дозволялось печатать, какъ по предварительному съ Главноуправляющимъ сношенію и полученіи его одобренія; объявлено автору, чтобъ обратился съ симъ письмомъ къ Г. Главноуправляющему Путями Сообщеній и публичныхъ зданій.

NB. Авторъ внизу этой статьи говоритъ, что 5-го мая 1847 г. онъ послалъ оную къ Графу Клейнмихелю, но и по сіе время не получалъ отвѣта.

Письмо XI-е.

Въ письмѣ семъ авторъ разсуждаетъ о рожденіи антихриста и *число звѣрино 666*, взятое изъ Апокалипсиса объясняетъ посредствомъ отысканнаго самимъ имъ звѣрка *хамяка*. Измѣнивъ это названіе въ *хамекъ*, Г. Телегинъ находитъ искомое число 666.

2-я рукопись.

Повѣсть о волшебницѣ Вивѣдѣ и маленькомъ принцѣ въ орешкѣ.

Въ вступленіи (стр. 4, на об.) авторъ говоритъ, что бабка его умоляетъ:

„Чтобъ сказку Рускую сказалъ,
„Чтобъ сказочка была загадкой,
„Другимъ служила бы отгадкой,
„Чтобъ можно было хохотать
„Когда не станутъ понимать.

Поговоривъ еще немного, авторъ начинаетъ самую сказку, которая есть ни что иное, какъ исторія Іоанна, сына Антона Ульриха, содержавшагося въ Шлиссельбургской крѣпости (у автора сохранено прежнее названіе: въ Орешкѣ), и погибшаго тамъ въ началѣ царствованія Екатерины II-й.

Г. Телегинъ заключаетъ свою сказку слѣдующимъ (см. стр. 11):

„Теперь что скажешь ты старушка,
„Вить повѣсть право не игрушка;

„Съ ума и всякаго сведетъ,
„Кто толкъ въ началѣ не найдетъ.

Послѣ сказки слѣдуетъ *Оракулъ на картахъ* (одобренный впрочемъ къ напечатанію). Таковое соединеніе двухъ піэсъ показываетъ, что читателями оныхъ будутъ люди вовсе необразованные, способные забавляться оракуломъ на картахъ, но не призванные къ разбору и сужденію о произшествіи историческомъ.

Обѣ сіи рукописи были своевременно представляемы мною на благоусмотрѣніе Московскаго Цензурнаго Комитета, и согласно заключенію онаго, по вышеизложеннымъ мною причинамъ, возвращены Г-ну Телегину съ тѣмъ, что первая его рукопись: *Отрывки изъ моего журнала*, заключающая въ себѣ статьи 1) о прекращеніи банкротствъ, 2) разсужденіе о холерѣ, 3) о желѣзныхъ дорогахъ и 4) объ антихристѣ—не можетъ быть пропущена Комитетомъ безъ Высочайшаго одобренія, которое и предоставлено ему самому отъискивать, на каждую статью, гдѣ слѣдуетъ. Ибо неумѣстныя сужденія Г-на Телегина о многихъ важныхъ предметахъ, не дозволяли Цензурному Комитету ходатайствовать о пропускѣ таковыхъ статей.

Вторая рукопись не одобрена по причинѣ вышеизложенной.

Что касается до Оракула на картахъ, то оный дозволено автору печатать.

Министерство
Народнаго Просвѣщенія
Попечителя
Московскаго Учебнаго
Округа
въ Москвѣ.
20 Генваря 1848 года.
№ 211.
По Высочайшему повѣленію.

Копія.

Московскому Цензурному Комитету.

Г. Генералъ-Адъютантъ Графъ Орловъ сообщилъ Г. Министру Народнаго Просвѣщенія, что Государь Императоръ Высочайше повѣлѣть соизволилъ *воспретить печатаніе въ переводѣ на Русскій языкъ романа Дюма Memoires d'un Medecin.*

Объ этой Высочайшей волѣ, вслѣдствіе предписанія Г. Министра Народнаго Просвѣщенія, отъ 14 сего Генваря за № 63, имѣю честь увѣдомить Московскій Цензурный Комитетъ, къ должному наблюдѣнію.

Попечитель Московскаго Учебнаго Округа Голохвастовъ.

Правитель Канцеляріи Филиповъ.

Вѣрно. Секретарь А. Менщиковъ.

Министерство Народнаго Просвѣщенія. Попечителя Московскаго Учебнаго Округа. Въ Москвѣ. 26 Января 1848. № 284.

Московскому Цензурному Комитету.

Г. Главноуправляющій Путями Сообщенія и Публичными Зданіями сообщилъ Г. Министру Народнаго Просвѣщенія, что по докладу его Государю Императору доставленныхъ Оберъ-Прокуроромъ Святѣйшаго Синода чертежей Архитектора Моргана на постройку каменныхъ и деревянныхъ церквей, которые отлитографированы съ дозволенія С. Петербургскаго Цензурнаго Комитета, Его Императорское Величество высочайше повелѣть соизволилъ подтвердить, чтобы всѣ вообще: планы, фасады, чертежи, рисунки и свѣдѣнія по части Строительной и Путей Сообщенія, представляемыя въ Цензурѣ, были предварительно разсматриваемы въ Главномъ Управленіи Путей Сообщенія и Публичныхъ Зданій и тѣ токмо дозволяемы были печатать, которые Главноуправляющимъ Путями Сообщеній и Публичными Зданіями будутъ одобрены.

О сей Высочайшей волѣ, вслѣдствіе предложенія Г. Министра Народнаго Просвѣщенія отъ 18 сего Января за № 104, имѣю честь сообщить Московскому Цензурному Комитету къ непремѣнному исполненію.

Попечитель Московскаго Учебнаго Округа Голохвастовъ.

Правитель Канцеляріи Филиповъ.

Министерство Народнаго Просвѣщенія. Канцелярія Министра. 12 Марта 1848 года. № 313. По Высочайшему повелѣнію.

Господину Попечителю Московскаго Учебнаго Округа.

Въ слѣдствіи обстоятельствъ, обратившихъ вниманіе Государя Императора на направленіе нѣкоторыхъ періодическихъ изданій, Его Императорское Величество Высочайше повелѣть соизволилъ.

1. Начальству Цензуры созвать Цензоровъ; объявить имъ, что правительство обратило вниманіе на предосудительный духъ многихъ статей, съ нѣкотораго времени появляющихся въ періодическихъ изданіяхъ, и предупредить ихъ, что за всякое дурное направленіе статей журналовъ, хотя бы оно выражалось въ косвенныхъ намекахъ, Цензура, сіи статьи пропустившая, подвергнется строгой отвѣтственности.

2. Главному Управленію строго взыскивать, по предоставленной начальству власти, за упущенія Цензоровъ въ этомъ случаѣ.

3. Теперь же поставить Цензорамъ въ непремѣнную обязанность не пропускать въ печать выраженій, заключающихъ въ себѣ намеки на строгость Цензуры.

4. Пояснить, что запрещеніе Цензурою впускать въ Россію нѣкоторыя иностранныя книги, заключаетъ въ себѣ и запрещеніе говорить объ ихъ содержаніи въ журналахъ, а тѣмъ болѣе печатать отрывки изъ нихъ въ подлинникѣ или переводѣ.

Предлагая о семъ Высочайшемъ повелѣніи, согласно съ опредѣленіемъ Главнаго Управленія Цензуры, Вашему Превосходительству, покорнѣйше просить объявить обо всемъ вышеизложенномъ Гг. Цензорамъ Московскаго Цензурнаго Комитета, къ точному съ ихъ стороны исполненію.

Подлинное подписали: Министръ Народнаго Просвѣщенія Уваровъ, Директоръ В. Комовскій.

Министерство Народнаго Просвѣщенія.
Попечителя Московскаго Учебнаго Округа.
Въ Москвѣ.
12 Марта 1848 г.
№ 758.
По Высочайшему повелѣнію.

Московскому Цензурному Комитету.

Государю Императору благоугодно было Высочайше повелѣть, чтобы всѣ издаваемыя въ газетахъ и журналахъ статьи, за исключеніемъ объявленій о подрядахъ, продажахъ, зрѣлищахъ и тому подобныхъ, были впредь за подписью сочинителей, напечатанною подъ самыми статьями, и чтобъ это правило немедленно приведено въ исполненіе.

О семъ Высочайшемъ повелѣніи, въ слѣдствіе предложенія Г. Министра Народнаго Просвѣщенія, отъ 8 сего Марта за № 287, имѣю честь увѣдомить Московскій Цензурный Комитетъ къ точному наблюденію.

Попечитель Московскаго Учебнаго Округа Голохвастовъ.
Правитель Канцеляріи Филиповъ.
Вѣрно. Секретарь А. Менщиковъ.

Министерство Народнаго Просвѣщенія.
Попечителя Московскаго Учебнаго Округа.
Въ Москвѣ.
29 Марта 1848.
№ 963.

Московскому Цензурному Комитету.

Г. Министръ Народнаго Просвѣщенія отъ 24-го сего Марта за № 383-мъ увѣдомилъ меня, что на основаніи послѣдовавшаго въ Январѣ сего года Высочайшаго повелѣнія, чтобы главное Управленіе Цензуры, разрѣшая пропускъ иностранныхъ романовъ въ Россію, опредѣляло, могутъ ли они быть переводимы на русскій языкъ, съ тѣмъ чтобы изъ романовъ, которые не будутъ разрѣшены къ переводу вполнѣ, не было дозволяемо печатать и отрывковъ въ русскомъ переводѣ, запрещено было Его Сіятельствомъ печатать въ Петербургскихъ журналахъ и газетахъ переводы романовъ, помѣщаемыхъ

въ фельетонахъ иностранныхъ газетъ, пока эти романы будутъ изданы въ цѣлости и пропущены для перевода.

Такъ какъ издаваемые въ Петербургѣ журналы „Revue étrangère“ и „Le messager de S-t Petersbourg“ могутъ послужить источникомъ для перевода на русскій языкъ французскихъ фельетонныхъ романовъ, то по всеподданнѣйшему докладу Его Сіятельства, вслѣдствіе заключенія Главнаго Управленія Цензуры, Его Императорское Величество въ 22 день сего Марта изъявилъ высочайшее согласіе на запрещеніе русскимъ журналамъ и газетамъ переводить изъ тѣхъ двухъ изданій повѣсти и романы отдѣльно еще неодобренные.

О сей Высочайшей волѣ, вслѣдствіе предложенія Его Сіятельства, имѣю честь сообщить Московскому Цензурному Комитету къ должному исполненію.

Попечитель Московскаго Учебнаго Округа Голохвастовъ.

Правитель Канцеляріи Филиповъ.

Министерство Народнаго Просвѣщенія
Попечителя Московскаго Учебнаго Округа
въ Москвѣ.
29 Марта 1848.
№ 965.

Московскому Цензурному Комитету.

Г. Министръ Народнаго Просвѣщенія отъ 22 сего Марта за № 357, на основаніи опредѣленія Главнаго Управленія Цензуры, проситъ сдѣлать распоряженіе редакціямъ журналовъ и газетъ, въ Москвѣ издаваемыхъ наблюдать подъ строжайшею ихъ отвѣтственностію, чтобы подъ всѣми статьями, какъ оригинальными, такъ и переводными, были выставляемы не вымышленныя, а подлинныя фамиліи сочинителей и переводчиковъ.

Объ этомъ имѣю честь сообщить Московскому Цензурному Комитету къ надлежащему исполненію, въ дополненіе къ предложенію моему отъ 12 Марта за № 758.

Попечитель Московскаго Учебнаго Округа Голохвастовъ.

Правитель Канцеляріи Филиповъ.

Министерство Народнаго Просвѣщенія.
Попечителя Московскаго Учебнаго Округа.
Въ Москвѣ.
29 Марта 1848 года
№ 966.

Московскому Цензурному Комитету.

Государь Императоръ Высочайше разрѣшить изволилъ: не печатать подъ статьями журналовъ и газетъ именъ сочинителей, если они сего не пожелаютъ, но съ тѣмъ чтобы имя автора каждой статьи извѣстно было редакторамъ и непремѣнно Цензурѣ, и чтобы редакторъ, по первому требованію Правитель-

ства, объявлялъ имя и мѣсто жительства автора, подъ опасеніемъ, за неисполненіе сего, строжайшаго наказанія, какъ ослушникъ Высочайшей воли.

Объ этомъ въ слѣдствіе предложенія Г. Министра Народнаго Просвѣщенія отъ 23 сего Марта за № 363, имѣю честь увѣдомить Московскій Ценсурный Комитетъ къ точному исполненію.

Попечитель Московскаго Учебнаго Округа Голохвастовъ.

Правитель Канцеляріи Филимоновъ.

Министерство Народнаго Просвѣщенія.
Попечителя Московскаго Учебнаго Округа.
Въ Москвѣ.
31 Марта 1848 года.
№ 9020.

Московскому Ценсурному Комитету.

Государь Императоръ изволилъ обратить вниманіе на появленіе въ нѣкоторыхъ періодическихъ изданіяхъ статей, въ которыхъ авторы переходятъ отъ сужденія о литературѣ къ намекамъ политическимъ, или въ которыхъ вымышленные разсказы имѣютъ направленіе предосудительное, оскорбляя правительственныя пренія, или заключая въ себѣ идеи и выраженія противныя нравственности и общественному порядку.

Вслѣдствіе сего, по Высочайшему повелѣнію, созваны были редакторы издаваемыхъ въ С.Петербургѣ періодическихъ изданій, и имъ объявлено, что долгъ ихъ не только отклонять всѣ статьи предосудительнаго направленія, но содѣйствовать своими журналами правительству въ охраненіи публики отъ заражения идеями вредными нравственности и общественному порядку. Его Императорское Величество повелѣлъ предупредить редакторовъ, что за всякое дурное направленіе статей изъ журналовъ, хотя бы оно выражалось косвенными намеками, они лично подвергнутся строгой отвѣтственности, независимо отъ отвѣтственности Ценсуры.

Вслѣдствіе предложенія Г. Министра Народнаго Просвѣщенія отъ 27 сего Марта за № 402, имѣю честь увѣдомить о семъ Ценсурный Комитетъ къ должному свѣденію и наблюденію со стороны Гг. Ценсоровъ, такъ же для объявленія Гг. Редакторамъ издаваемыхъ въ Москвѣ частныхъ повременныхъ сочиненій.

Попечитель Московскаго Учебнаго Округа Голохвастовъ.

Правитель Канцеляріи Филиповъ.

Министерство
Народн. Просв.
Попечитель Московскаго
Учебнаго Округа.
Въ Москвѣ.
18 Апр. 1848 г.
№ 13.
По Высочайшему
повелѣнію.

Секретно.

Въ Московскій Цензурный Комитетъ.

Государь Императоръ по разсмотрѣніи дѣйствій Цензуры періодическихъ изданій Высочайше изволилъ повелѣть:

Не запрещать періодическимъ изданіямъ, несмотря на то, что нѣкоторыя заключали въ себѣ число листовъ болѣе опредѣленнаго программами,—оставаться при теперешнемъ ихъ объемѣ, съ тѣмъ только, чтобы Цензура была какъ можно осмотрительнѣе при пропускѣ статей въ печать.

Статьи, назначаемыя для какого бы ни было повременнаго изданія, подвергать непремѣнно Общей Гражданской Цензурѣ, независимо отъ предварительнаго разсмотрѣнія особыми вѣдомствами тѣхъ статей, которыя по содержанію своему ихъ спеціально касаются.

Вслѣдствіе замѣченной неумѣстности статей, въ нѣкоторыхъ газетахъ перепечатанныхъ изъ другихъ сочиненій, гдѣ они могли быть умѣстны, какъ напримѣръ извѣстіе о заговорахъ, перешедшее изъ иностранныхъ газетъ въ русскія, или извѣстія о совершившихся злодѣйствахъ, помѣщаемыя въ русскихъ газетахъ отрывками изъ статистическихъ статей, спеціальныхъ журналовъ и книгъ, или полицейскихъ отчетовъ, дополнить инструкціи цензоровъ указаніемъ, что пропускъ какой либо статьи, въ книгѣ, или иностранной газетѣ: не подразумѣваетъ права перепечатывать ту же статью въ брошюрахъ, или въ русскихъ періодическихъ изданіяхъ безъ особаго разсмотрѣнія; но что цензоръ обязанъ дѣлать различіе между тѣми и другими, вслѣдствіе различія самаго класса читателей того или другаго рода изданій.

Не пропускать въ печать разсужденій о потребностяхъ и средствахъ къ улучшенію какой либо отрасли государственнаго хозяйства Имперіи; когда подъ средствами разумѣются мѣры, зависящія отъ правительства, и вообще сужденій о современныхъ правительственныхъ мѣрахъ.

О сей Высочайшей волѣ, вслѣдствіе предложенія Г. Министра Народнаго Просвѣщенія отъ 6-го текущаго Апрѣля за № 457, имѣю честь предложить Московскому Цензурному Комитету, къ строгому и непремѣнному наблюденію Гг. цензоровъ и для объявленія Гг. редакторамъ и издателямъ выходящихъ въ Москвѣ въ свѣтъ повременныхъ изданій, того, что относится къ исполненію съ ихъ стороны.

Попечитель Московскаго Учебнаго Округа Голохвастовъ.

Министерство
Народн. Просвѣщ.
Одесскій
Цензурный Комитетъ.
11 Іюня 1848 г.
№ 162.

Въ Московскій Цензурный Комитетъ.

Одесскій Цензурный Комитетъ имѣетъ честь увѣдомить Московскій Цензурный Комитетъ, что рукопись, подъ заглавіемъ: „Поэтъ и свѣтъ“ — трагедія въ пяти дѣйствіяхъ по донесенію читавшаго оную Цензора Зеленецкаго и заключенію сего Комитета, пріобщена къ числу запрещенныхъ сочиненій.

Членъ Комитета В. Пахманъ.
Секретарь А. Великановъ.

Министерство
Народнаго Просвѣщенія.
Одесскій
Цензурный Комитетъ.
№ 218.
Одесса.

Копія.

Въ Московскій Цензурный Комитетъ.

Одесскій Цензурный Комитетъ честь имѣетъ увѣдомить Московскій Цензурный Комитетъ, что рукопись, подъ заглавіемъ „О единствѣ духа въ дѣйствіяхъ мышленія и хотѣнія съ изложеніемъ организма ума человѣческаго,“ соч. Гриневича, согласно съ донесеніемъ Цензора Коллежскаго Совѣтника Соколова, пріобщена къ числу запрещенныхъ. Подлинное подписали: за отсутствіемъ Предсѣдателя Помощникъ Попечителя Статскій Совѣтникъ Петровъ, Цензоръ Дм. Синицынъ, Секретарь Михневичъ.

Вѣрно: Секретарь . . . . .

Въ Московскій Цензурный
Комитетъ.
Отъ Сторонняго Цензора В. Флерова.

Назначенная мнѣ для просмотра рукопись подъ заглавіемъ: „Современная патріотическая русская пѣснь“—по духу и направленію своему очень хороша и благонамѣренна. Съ другой же стороны не зная до какой степени подобныя патріотическія чувства могутъ быть допускаемы и будутъ ли оныя теперь своевременны; испрашиваю на сіе разрѣшенія Комитета.

11 Іюня
1848 г.

В. Флеровъ.

Министерство
Народнаго Просвѣщенія.
Канцелярія Министра.
20 Сентября 1848 г.
№ 1218.

Конфиденціально.
Господину Попечителю Московскаго Учебнаго Округа.

Въ № 169-м Вѣдомостей С.Петербургской Городской Полиціи (2 Августа) и въ № 188 С.Петербургскихъ Вѣдомостей (22 Августа) помѣщено окончаніе Отчета общества посѣщенія бѣдныхъ. При изложеніи дѣйствій общества по доставленію бѣднымъ работы и изслѣдованій о причинахъ, почему эта мѣра, повидимому столь благодѣтельная, не имѣла на самомъ дѣлѣ, тѣхъ успѣшныхъ послѣдствій, какихъ отъ нея ожидали, сказано между прочимъ: „это явленіе показываетъ, что въ Петербургѣ до сихъ поръ *милостыня выгоднѣе работы*“. Причиной сему явленію поставляется неразборчивость и небрежность, съ какою милостыня раздается частными лицами, и въ подтвержденіе приводится далѣе нѣсколько примѣровъ плутовства, коимъ ложные бѣдные исторгаютъ, такъ сказать, подаяніе.

Не останавливаясь на томъ, что въ дѣлаемыхъ обществомъ посѣщенія бѣдныхъ, для самаго себя и для правительства, замѣчаніяхъ и изслѣдованіяхъ можетъ заключаться благонамѣреннаго, справедливаго и полезнаго, едва ли полезно печатать въ газетахъ, обращающихся во всѣхъ классахъ народа, всѣ безъ изъятія упомянутыя замѣчанія и наблюденія. Такъ напримѣръ, между простолюдинами, держащимися болѣе буквы, неужели внутренняго смысла, упомянутое выше выраженіе: что *„въ С. Петербургѣ милостыня выгоднѣе работы“*, легко можетъ породить ложныя понятія и направленія, а приведенные въ отчетѣ общества примѣры замысловатыхъ и ловкихъ обмановъ, употребляемыхъ ложными бѣдными для полученія помощи, точно такъ же могутъ служить вреднымъ указаніемъ и завлеченіемъ для людей легкомысленныхъ и недобросовѣстныхъ.

Въ исполненіе Высочайшей воли по сему предмету воспослѣдовавшей, покорнѣйше прошу Ваше Превосходительство предложить Московскому Ценсурному Комитету, чтобы впредь, въ статьяхъ подобнаго рода, Ценсура поступала со всею осмотрительностію, дабы въ печать не могло прорываться ничего, могущаго имѣть даже и косвеннымъ образомъ, вредное на общественную нравственность вліяніе.

Товарищъ Министра Народнаго Просвѣщенія Князь Ширинскій-Шихматовъ.
Директоръ В. Комовскій.

Министерство
Народнаго Просвѣщенія.
Канцелярія Министра.
24 Октября 1848.
№ 1395.

Конфиденціально.
Господину Попечителю Московскаго Учебнаго Округа.

По поводу помѣщеннаго въ одной выходящей здѣсь газетѣ объявленія приславшему въ редакцію ея свои сочиненія автору, что статьи его не могутъ быть напечатаны по причинамъ отъ редакціи независящимъ, — имѣю честь, вслѣдствіе Высочайшаго Его Императорскаго Величества повелѣнія, покорнѣйше просить Ваше Превосходительство подтвердить вновь Московскому Ценсурному Комитету, чтобы впредь не были дозволяемы къ печатанію такія объявленія или статьи, которыя, двусмысленною формою своего выраженія, могли бы подать поводъ къ толкованію ихъ въ видѣ намека на строгость ценсуры. Его Императорское Величество высочайше признать соизволилъ сверхъ того, что отказы подобные вышеприведенному не слѣдуетъ и печатать, такъ какъ это дѣло частное между редакторомъ и сочинителемъ и отнюдь не касается до публики.

Министръ Народнаго Просвѣщенія Графъ Уваровъ.

Министерство
Народнаго Просвѣщенія.
Помощника Попечителя
Москов. Учебнаго Округа.
Въ Москвѣ.
3 Ноября 1848 г.
№ 3656.

Копія.
Московскому Ценсурному Комитету.

По отношенію Г. Министра Внутреннихъ Дѣлъ въ Іюнѣ мѣсяцѣ 1842 года сдѣлано было распоряженіе о томъ, чтобы „объявленія о секретныхъ врачебныхъ и косметическихъ, равно какъ и вообще о всѣхъ предметахъ имѣющихъ отношеніе къ народному здравію, не иначе были помѣщаемы въ Московскихъ Вѣдомостяхъ, какъ съ разрѣшенія медицинскаго начальства“. Нынѣ Г. Министръ Внутреннихъ Дѣлъ увѣдомилъ Г. Министра Народнаго Просвѣщенія, что въ публичныхъ вѣдомостяхъ нерѣдко допускаются отступленія отъ этого порядка, установленнаго Св. Зак. 1842 г. т. XIII, Учреж. Врачеб. ст. 274.

Объ этомъ, вслѣдствіе предложенія Г. Министра Народнаго Просвѣщенія отъ 28 минувшаго Октября за № 1435, имѣю честь подтвердить Московскому Ценсурному Комитету къ точному и непремѣнному на будущее время исполненію.

Помощникъ Попечителя Московскаго Учебнаго Округа Князь Щербатовъ.
Правитель Канцеляріи Филимоновъ.

Министерство
Народнаго Просвѣщенія.
Канцелярія Министра.
6 Ноября 1848.
№ 1496.

Конфиденціально.
Господину Попечителю Московскаго Учебнаго Округа.

По поводу помѣщенныхъ въ фельетонѣ 220 № Сѣверной Пчелы чрезмѣрныхъ похвалъ изобрѣтенію дворянина Шенгелидзева, названному имъ Самородомъ, Г. Министръ Внутреннихъ Дѣлъ сообщилъ мнѣ, что подобнаго рода преувеличенныя и безотчетныя похвалы изобрѣтеніямъ, въ достовѣрности коихъ нѣтъ еще достаточныхъ убѣжденій, вовлекая въ обманъ публику, имѣютъ самыя вредныя послѣдствія. Въ предотвращеніе вредныхъ обмановъ публики, я согласно съ мнѣніемъ Г. Дѣйствительнаго Тайнаго Совѣтника Перовскаго признаю полезнымъ, запретить помѣщеніе въ газетахъ подобныхъ похвалъ изобрѣтеніямъ, прежде нежели оныя будутъ изслѣдованы по правиламъ науки и признаны вполнѣ основательными.

Вслѣдствіе сего, покорнѣйше прошу Ваше Превосходительство, предложить о томъ Московскому Ценсурному Комитету къ наблюденію на будущее время.

Министръ Народнаго Просвѣщенія Графъ Уваровъ.

Министерство
Народнаго Просвѣщенія.
Канцелярія Министра.
16 Февраля 1849 г.
№ 212.
О соблюденіи Ценсурныхъ правилъ.

Господину Попечителю Московскаго Учебнаго Округа.

Въ С.Петербургѣ издана книга подъ названіемъ: „Poetische Schriften von Roedin“, состоящая изъ двухъ частей, изъ которыхъ только первая одобрена къ напечатанію Дерптскимъ Ценсурнымъ Комитетомъ, а вторая С.Петербургскимъ; но по выходѣ изъ печати обѣ части вмѣстѣ выпущены въ свѣтъ съ дозволенія одного С. Петербургскаго Комитета; одобреніе же на книгѣ выставлено одного Дерптскаго ценсора.

Вслѣдствіе сего покорнѣйше прошу Ваше Превосходительство предложить Московскому Ценсурному Комитету къ наблюденію, чтобы впредь отнюдь не допускались подобныя отступленія отъ Ценсурныхъ правилъ. Подлинное подписали Министръ Народнаго Просвѣщенія Графъ Уваровъ. Директоръ Комовскій.

Министерство
Народнаго Просвѣщенія.
Попечителя
Московскаго Учебнаго Округа.
Въ Москвѣ.
26 Марта 1849 г.
№ 995.

Московскому Ценсурному Комитету.

Во исполненіе Высочайшаго повелѣнія, послѣдовавшаго по поводу напечатаннаго въ Ригѣ листка, безъ означенія на немъ, вопреки Ценсурнымъ правиламъ, типографіи и дозволенія ценсора, и вслѣдствіе предложенія объ этомъ Г. Министра Народнаго Просвѣщенія, отъ 16 сего Марта, за № 375, покорнѣйше прошу Московскій Ценсурный Комитетъ принять къ долнжому наблюденію, чтобы никакое произведеніе книгопечатанія, въ какомъ объемѣ и съ какою бы цѣлью оно ни появлялось, не могло быть дозволяемо къ выпуску изъ типографіи безъ означенія на немъ мѣста и года напечатанія и дозволенія ценсора. Имѣю честь присовокупить, что все сіе, какъ и нынѣ, не должно распространяться на пригласительныя записки, частныя повѣстки, визитныя карточки и тому подобныя частныя повѣщенія.

Подлинное подписали: Попечитель Московскаго Учебнаго Округа Голохвастовъ. Попечитель Канцеляріи Филимоновъ.

Министерство
Нар. Просвѣщенія.
Канцелярія
Министра.
31 Марта.
1849 г.
№ 448.

Господину Попечителю Московскаго Учебнаго Округа.

Въ исполненіе Высочайшаго Его Императорскаго Величества повелѣнія, покорнѣйще прошу Ваше Превосходительство объявить ценсорамъ Московскаго Ценсурнаго Комитета, чтобы впредь они не пропускали ничего насчетъ нашихъ правительственныхъ учрежденій, а въ случаяхъ недоумѣній, испрашивали разрѣшенія.

Министръ Народнаго Просвѣщенія Графъ Уваровъ.
Директоръ В. Комовскій.

Министерство
Народнаго Просвѣщенія.
Канцелярія
Министра.
13 Апрѣля 1849.
№ 478.

Господину Попечителю Московскаго Учебнаго Округа.

Въ неоффиціальной части № 13 Смоленскихъ Губернскихъ Вѣдомостей напечатана статья о торжественномъ собраніи Смоленскаго Дворянства по случаю всемилостивѣйшихъ отзывовъ объ немъ Государя Императора.

Какъ въ сказанной статьѣ помѣщенъ въ подробности сдѣланный Его Величествомъ пріемъ Смоленскому Губернскому Предводителю Дворянства, то не имѣя свѣдѣнія было ли исполнено на напечатаніе этой статьи Высочайшее разрѣшеніе, на основаніи 9 п. прилож. къ 147 ст. Св. Зак. т. XIV, Устав. о предупрежд. и пресѣч. преступлен., я покорнѣйше прошу Ваше Превосходительство сдѣлать распоряженіе по Московскому Ценсурному Комитету и редакціи Московскихъ Вѣдомостей, чтобы помянутая статья не была перепечатываема въ другомъ какомъ либо періодическомъ изданіи. Подлинное подписали Министръ Народнаго Просвѣщенія Графъ Уваровъ. Директоръ Комовскій.

Министерство
Народнаго Просвѣщенія.
Канцелярія
Министра.
21 Апрѣля 1849.
№ 505.

Секретно.

Господину Попечителю Московскаго Учебнаго Округа.

По поводу напечатанной, въ № 7 Москвитянина, статьи подъ названіемъ: „Почетный гость на лекціяхъ университета“, и въ дополненіе къ Высочайшему повелѣнію, объявленному мною Вашему Превосходительству въ предложеніи отъ 24 Марта сего года за № 448, о непропускѣ ничего насчетъ нашихъ правительственныхъ учрежденій, Его Императорское Величество Высочайше повелѣть соизволилъ: рѣшительно запретить всѣ статьи въ журналахъ за университеты и противъ нихъ.

О сей Высочайшей волѣ покорнѣйше прошу Ваше Превосходительство предложить Московскому Ценсурному Комитету къ должному исполненію.

Подлинное подписалъ: Министръ Народнаго Просвѣщенія Графъ Уваровъ.

Министерство
Народнаго Просвѣщенія.
Канцелярія
Министра.
23 Апрѣля 1849.
№ 520.

Конфиденціально.

Господину Попечителю Московскаго Учебнаго Округа.

По поводу напечатанной въ Дерптѣ съ одобренія Университета диссертаціи, написанной однимъ изъ кандидатовъ для полученія степени магистра по предмету дѣйствующаго нынѣ въ Остзейскомъ краѣ слѣдственнаго судопроизводства послѣдовало Высочайшее Государя Императора повелѣніе, чтобы впредь не было пропускаемо къ напечатанію никакихъ разборовъ и порицаній существующаго законодательства.

О семъ покорнѣйше прошу Ваше Превосходительство предложить Москов-

скому Ценсурному Комитету къ должному наблюденію. Подлинное подписали Министръ Народнаго Просвѣщенія Графъ Уваровъ.

Министерство Народнаго Просвѣщенія.
Одесскій Ценсурный Комитетъ.
2 Мая 1849 года.
№ 124.

Въ Московскій Ценсурный Комитетъ.

Одесскій Ценсурный Комитетъ имѣетъ честь увѣдомить Московскій Ценсурный Комитетъ, что рукопись подъ заглавіемъ: „Размышленія и романы въ стихахъ Х. Н. Шкурина“, по донесенію читавшаго оную Ценсора Зеленецкаго и заключенію сего Комитета пріобщена къ числу запрещенныхъ сочиненій на основаніи § 13 Устава о Ценсурѣ. Подлинное подписали Исправляющій должность Члена Комитета М. Самсоновъ. Секретарь А. Великановъ.

Министерство Народнаго Просвѣщенія.
Санктпетербургскій Ценсурный Комитетъ.
С. Петербургъ.
25 Мая 1849 года.
№ 175.

Въ Московскій Ценсурный Комитетъ.

С. Петербургскій Ценсурный Комитетъ имѣетъ честь увѣдомить таковой же Московскій, что рукописи, подъ заглавіями: 1. „Семейство Покатиловыхъ или любовь по наслѣдству“, написанная въ прозѣ, и 2. „Сумскій“—въ стихахъ, обѣ соч. Татариновымъ по донесенію разсматривавшаго оныя исправляющаго должность Ценсора С. Петербургскаго Ценсурнаго Комитета, Статскаго Совѣтника, Лангера и опредѣленію сего Комитета, пріобщены къ числу запрещенныхъ сочиненій. Подлинное подписали Ценсоръ А. М. . . . . Исправляющій должность Секретаря Елизаровъ.

Министерство Нар. Просв.
Канцелярія Министра
31 Мая 1849 г.
№ 696-й.
О запрещеніи критикъ на неодобренныя книги.

Конфиденціально.

Господину Попечителю Московскаго Учебнаго Округа.

Государь Императоръ Высочайше повелѣть соизволилъ: самымъ рѣшительнымъ образомъ запретить, на какомъ бы языкѣ ни было, критики, какъ бы благонамѣренны ни были, на книги и сочиненія запрещенныя и потому не должныя быть извѣстными.

О сей Высочайшей волѣ покорнѣйше прошу Ваше Превосходительство предложить Московскому Ценсурному Комитету къ должному исполненію.

М. Н. П. Графъ Уваровъ.

Министерство Народнаго Просвѣщенія. Канцелярія Министра. 10 Іюня 1849 года. № 775.

Господину Попечителю Московскаго Учебнаго Округа.

Въ 98 нумерѣ Вѣдомостей С. Петербургской Полиціи 1849 года напечатано объявленіе книгопродавца Панькова, въ которомъ сказано, что Указатель законовъ Россійской Имперіи для купечества есть книга, одобренная II отдѣленіемъ Собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи. Г. Главноуправляющій симъ Отдѣленіемъ отнесся ко мнѣ, что на основаніи Высочайше утвержденныхъ 9 Марта 1844 г. правилъ, помѣщенныхъ въ XX томѣ Полнаго Собранія Законовъ за 1845 г. (приб. стр. 31) ценсурованія книгъ, относящихся къ законодательству, во II Отдѣленіи состоитъ только въ томъ, чтобы законы не были помѣщаемы въ превратномъ смыслѣ и затѣмъ оно не входитъ ни въ какія разсужденія о пользѣ предполагаемаго изданія, достоинствахъ или недостаткахъ принятаго въ нихъ плана, словомъ не одобряетъ и не охуждаетъ сихъ сочиненій. Посему Г. Статсъ-Секретарь Графъ Блудовъ проситъ сдѣлать распоряженіе о непомѣщеніи подобныхъ объявленій въ газетахъ, подлежащихъ разсмотрѣнію одной общей Ценсуры.

О семъ покорнѣйше прошу Ваше Превосходительство предложить Московскому Ценсурному Комитету къ наблюденію. Подлинное подписали Министръ Народнаго Просвѣщенія Графъ Уваровъ. Директоръ В. Комовскій.

Министерство Нар. Просв. Канцелярія Министра. 28 Іюня 1849 г. № 940.

Московскому Ценсурному Комитету.

Въ журналѣ Москвитянинъ печатается переводъ Чарльса Дикенса, подъ названіемъ „David Copperfield“, который и въ подлинникѣ, выходя ежемѣсячными выпусками, не изданъ еще вполнѣ. Въ Январѣ мѣсяцѣ прошлаго года сдѣлано распоряженіе, чтобы изъ иностранныхъ романовъ, которые не будутъ разрѣшены къ переводу вполнѣ, не было дозволяемо печатать и отрывковъ въ Русскомъ переводѣ; о чемъ дано мною предложеніе 24 Марта 1848 года за № 383. Вслѣдствіе сего предлагаю Московскому Ценсурному Комитету представить мнѣ объясненіе, на какомъ основаніи одобряется къ печатанію въ Москвитянинѣ романъ „David Copperfield.“

Мин. Нар. Просв. Графъ Уваровъ.

Директоръ В. Комовскій.

Министерство
Народнаго Просвѣщенія.
С. Петербургскій
Цензурный Комитетъ.
С. Петербургъ.
2 Іюля 1849 года.
№ 232.

Въ Московскій Цензурный Комитетъ.

С. Петербургскій Цензурный Комитетъ имѣетъ честь увѣдомить таковой же Московскій, что 2-е изданіе напечатанной въ 1835 году сказки, подъ заглавіемъ: „Иванушка дурачекъ“, по донесенію разсматривавшаго оное Цензора С. Петербургскаго Комитета Коллежскаго Ассесора Елагина и опредѣленію сего Комитета, пріобщено къ числу запрещенныхъ сочиненій. Подлинное подписали Цензоръ А. М. . . . . Исправляющій должность Секретаря О. Елизаровъ.

М. Нар. Пр.
Канцелярія
Министра.
5 Іюля 1849.
№ 859.

Секретно.

Господину Попечителю Московскаго Учебнаго Округа.

По Высочайшему Его Императорскаго Величества повелѣнію покорнѣйше прошу Ваше Превосходительство строжайшимъ образомъ подтвердить Цензорамъ, чтобы они напечатанныя книги, отдѣльныя сочиненія, брошюры, мелкіе листы и проч. позволяли къ выпуску въ свѣтъ отнюдь не иначе, какъ по самомъ подробномъ сличеніи ихъ съ одобренными рукописями.

М. Нар. Просв. Графъ Уваровъ.

Министерство
Народнаго Просвѣщенія.
С. Петербургскій
Цензурный Комитетъ.
С. Петербургъ.
23 Сентября 1849 года.
№ 364.

Копія.

Въ Московскій Цензурный Комитетъ.

С. Петербургскій Цензурный Комитетъ имѣетъ честь увѣдомить Московскій, что повѣсть „Неизбѣжный рокъ“, сочиненная Ипполитомъ Саричевымъ, по донесенію разсматривавшаго оную Цензора Коллежскаго Асессора Шидловскаго и заключенію С. Петербургскаго Цензурнаго Комитета, на основаніи стат. 3 пункта 3-го Устава о Цензурѣ, пріобщена къ числу запрещенныхъ сочиненій. Подлинное подписали Цензоръ И. Срезневскій и Секретарь І. Семеновъ.

Секретарь Ѳ. Буслаевъ.

Министерство
Народнаго Просвѣщенія.
Санктпетербургскій
Ценсурный Комитетъ.
С. Петербургъ.
17 Октября 1849 года.
№ 417.

Копія.

Въ Московскій Ценсурный Комитетъ.

С. Петербургскій Ценсурный Комитетъ имѣетъ честь увѣдомить, что статья „Une invention utile, promoteur de force, par Jean Chenquelidzeff“, согласно предписанію Г. Управляющаго Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія, отъ 6 текущаго Октября № 1975, пріобщена С. Петербургскимъ Ценсурнымъ Комитетомъ къ числу запрещенныхъ сочиненій.

Подлинное подписали Ценсоръ Ю. Шидловскій и Секретарь І. Семеновъ.

Вѣрно: Секретарь *Ѳ. Буслаевъ.*

Министерство
Народнаго Просвѣщенія.
Санктпетербургскій
Ценсурный Комитетъ.
С. Петербургъ.
31 Октября 1849 года.
№ 439.

Копія.

Въ Московскій Ценсурный Комитетъ.

С. Петербургскій Ценсурный Комитетъ имѣетъ честь увѣдомить таковой же Московскій, что повѣсть подъ названіемъ: „Степная идиллія“, предназначаемая къ помѣщенію въ Ноябрской книжкѣ Отечественныхъ записокъ, по донесенію разсматривавшихъ оную Ценсоровъ Коллежскаго Совѣтника Фрейганга и Коллежскаго Асессора Шидловскаго, на основаніи ст. 44 Устава о Ценсурѣ, пріобщена С. Петербургскимъ Ценсурнымъ Комитетомъ къ числу запрещенныхъ сочиненій. Подлинное подписали Ценсоръ И. Срезневскій. Секретарь І. Семеновъ.

Вѣрно. Секретарь Ѳ. Буслаевъ.

Министерство
Нар. Просв.
Канцелярія
Министра.
16 Ноября 1849.
№ 2152.

Конфиденціально.

Господину Попечителю Московскаго Учебнаго Округа.

По поводу напечатанной въ фельетонѣ № 228 Сѣверной Пчелы статьи, въ которой сверхъ порицаній и насмѣшекъ надъ литературною дѣятельностію одного изъ писателей, помѣщены разныя выходки оскорбляющія личную честь сего автора, вопреки Устава о Ценсурѣ (ст. 3 . . . . г.), Государь Императоръ Высочайше повелѣть соизволилъ: принять самыя строгія мѣры къ запрещенію подобнаго

рода нареканій, и въ особенности всякихъ перебранокъ въ какомъ бы то ни было журналѣ.

О сей Высочайшей волѣ имѣю честь сообщить Вашему Превосходительству, для предложенія Московскому Цензурному Комитету къ должному наблюденію.

Товарищъ Министра Народнаго Просвѣщенія Кн. Ширинскій Шихматовъ.

Министерство Народнаго Просвѣщенія. Санктпетербургскій Цензурный Комитетъ. С. Петербургъ. 23 Ноября 1849 года. № 499.

Копія.

Въ Московскій Цензурный Комитетъ.

С. Петербургскій Цензурный Комитетъ имѣетъ честь увѣдомить таковой же Московскій, что рукопись, подъ заглавіемъ „Гомеопатическій домашній лечебникъ“, состав. Г. Аргольдтомъ, на основаніи предписанія Г. Управляющаго Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія отъ 10 текущаго Ноября за № 2142, пріобщена С. Петербургскимъ Цензурнымъ Комитетомъ къ числу запрещенныхъ сочиненій.

Подлинное подписали Цензоръ И. Срезневскій и Секретарь І. Семеновъ.

Вѣрно. Секретарь Ѳ. Буслаевъ.

Министерство Народнаго Просвѣщенія. Санктпетербургскій Цензурный Комитетъ. С. Петербургъ. 30 Ноября 1849 года. № 526.

Копія.

Въ Московскій Цензурный Комитетъ.

Въ С. Петербургскій Цензурный Комитетъ поступила рукопись, подъ заглавіемъ: „Prècis de l'histoire de Russie par demandes et reponses par Louise Sophie“. По разсмотрѣніи этой рукописи, Комитетъ нашелъ что содержаніе ея составлено вовсе не для дѣтей и не примѣнено къ ихъ возрасту. Въ слѣдствіе сего опредѣленіемъ своимъ пріобщилъ означенную рукопись къ числу запрещенныхъ сочиненій, о чемъ и имѣетъ честь увѣдомить Московскій Цензурный Комитетъ.

Подлинное подписали Цензоръ А. Крыловъ и Секретарь І. Семеновъ.

Вѣрно. Секретарь Ѳ. Буслаевъ.

Министерство
Народнаго Просвѣщенія.
Санктпетербургскій
Ценсурный Комитетъ.
С-тъ Петербургъ.
20 Декабря 1849 года.
№ 557.

Въ Московскій Ценсурный Комитетъ.

С. Петербургскій Комитетъ для Ценсуры Духовныхъ книгъ, отношеніемъ отъ 7-го текущаго Декабря за № 377, увѣдомилъ С. Петербургскій Ценсурный Комитетъ, что разсмотрѣвъ препровожденную онымъ на предварительное разсмотрѣніе рукопись, подъ заглавіемъ „Церковныя поученія при молитвахъ воинскихъ чиновъ“, соч. священника Самурскаго пѣхотнаго полка Н. Котляровскаго, нашелъ что она, по силѣ § 55 Устава Духовной Ценсуры, не можетъ быть одобрена къ напечатанію, какъ заключающая въ себѣ много недостатковъ въ грамматическомъ и логическомъ отношеніяхъ, и потому опредѣлилъ возвратить ее автору безъ одобренія къ напечатанію. С. Петербургскій Ценсурный Комитетъ, сдѣлавъ согласно съ симъ заключеніемъ Комитета для Ценсуры Духовныхъ сочиненій надлежащее распоряженіе, имѣетъ честь довести о семъ до свѣденія Московскаго Ценсурнаго Комитета.

Подлинное подписали Ценсоръ И. Срезневскій, Секретарь І. Семеновъ.

Вѣрно. Секретарь Ѳ. Буслаевъ.

Министерство
Народнаго Просвѣщенія.
Санктпетербургскій
Ценсурный Комитетъ.
С. Петербургъ.
24 Декабря 1849 года.
№ 576.

Въ Московскій Ценсурный Комитетъ.

Канцелярія Г. Министра Народнаго Просвѣщенія, отношеніемъ отъ 12 текущаго Декабря за № 2312, увѣдомила С. Петербургскій Ценсурный Комитетъ, что Главное Управленіе Ценсуры признало, что рукопись сочиненія Мейера, подъ заглавіемъ: „Руководство для стенографіи на Русскомъ языкѣ“, содержащую въ себѣ правила стенографическаго искусства, которое не можетъ и не должно имѣть никакого примѣненія въ Россіи, не слѣдуетъ дозволять къ печатанію, а потому опредѣлило рукопись эту удержать при дѣлахъ С. Петербургскаго Ценсурнаго Комитета.

О таковомъ заключеніи Главнаго Управленія Ценсуры Комитетъ имѣетъ честь довести до свѣдѣнія Московскаго Ценсурнаго Комитета.

Подлинное подписали Ценсоръ Ю. Шидловскій. Секретарь І. Семеновъ.

Вѣрно. Секретарь Ѳ. Буслаевъ.

Министерство
Народнаго Просвѣщенія.
Санктпетербургскій
Ценсурный Комитетъ.
С. Петербургъ.
13 Января 1850 года.
№ 9.

Копія.

Московскому Ценсурному Комитету.

С. Петербургскій Комитетъ для Ценсуры Духовныхъ книгъ, отношеніемъ своимъ отъ 30 Декабря минувшаго 1849 г., увѣдомилъ С. Петербургскій Ценсурный Комитетъ, что препровожденная онымъ на предварительное заключеніе Духовной Ценсуры рукопись, подъ названіемъ: „О переворотахъ, происходящихъ отъ разрушеній первозданныхъ вулкановъ и проч.“, не можетъ быть одобрена къ напечатанію, частію потому, что авторъ не совсѣмъ дѣльно выражается, а частію и потому, что онъ толкуетъ Св. Писаніе не по духу и разумѣнію Св. Вселенской церкви, а по своему собственному произволу.

Вслѣдствіе таковаго отзыва Комитета Духовной Ценсуры, С. Петербургскій Ценсурный Комитетъ опредѣлилъ подвергнуть означенную рукопись запрещенію и удержать ее при дѣлахъ своихъ.

О чемъ имѣетъ честь довести до свѣдѣнія Московскаго Ценсурнаго Комитета.

Подлинное подписали: Ценсоръ И. Срезневскій. Секретарь І. Семеновъ.

Вѣрно. Секретарь Ѳ. Буслаевъ.

Министерство
Народнаго Просвѣщенія.
Одесскій
Ценсурный Комитетъ.
23 Генваря 1850 г.
№ 31.

Въ Московскій Ценсурный Комитетъ.

Одесскій Ценсурный Комитетъ имѣетъ честь увѣдомить, что изъ представленнаго въ оный сборника сочиненій Ѳ. Соколова (въ Кишиневѣ) подверглись запрещенію на основаніи ст. 44 Устава о Ценсурѣ, слѣдующія стихотворенія, могущія подать поводъ къ вреднымъ общественному порядку и религіи толкамъ: 1, Буря, твердь и солнце 2, Расправа, 3, Собаки, 4, Каковы бываютъ судьи, и 5, Къ Творцу и шестидневному его творенію.

Подлинное подписали Предсѣдатель Дѣйствительный Статскій Совѣтникъ Бугинскій, Членъ Комитета Д. Солнцовъ, Секретарь А. Великановъ.

Копія.

Министерство
Народнаго Просвѣщенія.
Санктпетербургскій
Ценсурный Комитетъ.
С. Петербургъ.
28 Генваря 1850 года.
№ 47.

Въ Московскій Ценсурный Комитетъ.

С. Петербургскій Комитетъ для Ценсуры Духовныхъ книгъ, отношеніемъ отъ 16 текущаго Января за № 17, увѣдомилъ С. Петербургскій Ценсурный Комитетъ, что въ доставленной онымъ на предварительное разсмотрѣніе Духовной Ценсуры рукописи, подъ заглавіемъ: „Всемірная программа для усовершенствованія Сельскаго Хозяйства“, заключается весьма много крайне нелѣпаго и безразсуднаго, какъ въ мысляхъ, такъ и въ изложеніи, и потому сочиненіе это, на точномъ основаніи § 55 Устава Духовной Ценсуры, къ печатанію одобрено быть не можетъ.

Въ слѣдствіи сего С. Петербургскій Ценсурный Комитетъ подвергнулъ означенную рукопись запрещенію и удержалъ ее при дѣлахъ своихъ о чемъ и имѣетъ честь увѣдомить Московскій Ценсурный Комитетъ.

Подлинное подписали Ценсоръ И. Срезневскій, Секретарь Семеновъ.

Министерство
Народнаго Просвѣщенія.
Санктпетербургскій
Ценсурный Комитетъ.
С-тъ Петербургъ.
13-го Февраля 1850 года.
№ 95.

Въ Московскій Ценсурный Комитетъ.

Г. Ценсоръ С. Петербургскаго Ценсурнаго Комитета Статскій Совѣтникъ Срезневскій донесъ Комитету, что порученная его разсмотрѣнію рукопись подъ заглавіемъ „Ассамблея“, часть 2-я какъ сборникъ статей непристойнаго содержанія, заслуживаетъ быть причисленною къ числу запрещенныхъ сочиненій. Въ слѣдствіе сего С. Петербургскій Ценсурный Комитетъ, на основаніи 3 пункта 3 статьи Устава о Ценсурѣ, подвергнулъ означенную рукопись запрещенію и удержалъ ее при дѣлахъ своихъ. О чемъ имѣетъ честь увѣдомить Московскій Ценсурный Комитетъ.

Подлинное подписали: Ценсоръ Елагинъ. Секретарь І. Семеновъ.

Министерство
Народнаго Просвѣщенія.
Виленскій
Ценсурный Комитетъ.
Въ Вильнѣ.
18 Февраля 1850 г.
№ 91.

Въ Московскій Ценсурный Комитетъ.

Виленскій Ценсурный Комитетъ имѣетъ честь увѣдомить, что рукопись на нѣмецкомъ языкѣ подъ заглавіемъ: „Dankbare Anerkennung“, содержащая описаніе домашней жизни Виленскаго купца Опатова и услугъ оказанныхъ имъ обществу въ званіи Предсѣдателя Совѣта Виленскихъ Еврейскихъ Депутатовъ,

согласно съ донесеніемъ бывшаго ценсора статскаго совѣтника Галлера и заключеніемъ бывшаго Генералъ-Губернатора Генералъ-Лейтенанта Мирковича, пріобщена къ числу запрещенныхъ сочиненій.

Подлинное подписали Членъ Комитета Мухинъ. Секретарь Виноградовъ.

Министерство
Народнаго Просвѣщенія.
Канцелярія
Министра.
28 Февраля 1850 года.
№ 373.

Копія.

Господину Попечителю Московскаго Учебнаго Округа.

Представленная Вашимъ Превосходительствомъ отъ 20 Января сего года за № 19 въ корректурныхъ листахъ рецензія Н. Анненкова на Ботанику В. Даля, была препровождена мною къ Г. Военному Министру для разсмотрѣнія въ Военно-Ценсурномъ Комитетѣ.

Въ слѣдствіе сего, Г. Генералъ Адъютантъ Князь Долгоруковъ увѣдомилъ меня, что Комитетъ, разсмотрѣвъ означенную рецензію, находитъ, что къ напечатанію оной препятствія не представляется, и только по смыслу Высочайшаго повелѣнія 18 Января 1847 года, казалось бы нужнымъ измѣнить нѣкоторыя выраженія (отмѣченныя въ самой статьѣ красными чернилами), заключающія въ себѣ слишкомъ рѣзкій приговоръ предметамъ, которые принадлежатъ ученому спору, но отнюдь не рѣшительному осужденію, особенно въ сочиненіи, просмотренномъ цѣлою ученою коммисіею, написанномъ съ особою цѣлію, и принятомъ съ одобренія высшаго начальства, за руководство въ военно-учебныхъ заведеніяхъ, гдѣ Ботаника преподается болѣе наглядно, какъ предметъ второстепенный, не столько для глубокаго изслѣдованія теоріи науки, сколько для нравственнаго назиданія, порождаемаго созерцаніемъ предметовъ науки. Эти основанія можетъ быть неизвѣстны автору статьи, но за то Ценсура должна оградить автора книги отъ обвиненій, падающихъ на объемъ и систему приспособленную къ особой цѣли. Конецъ статьи Военно-Ценсурный Комитетъ полагалъ бы совсѣмъ исключить потому, что онъ содержитъ въ себѣ по сущности повтореніе помянутаго выше рѣзкаго приговора.

О семъ заключеніи Военно-Ценсурнаго Комитета, имѣю честь увѣдомить Ваше Превосходительство, для предложенія Московскому Ценсурному Комитету съ возвращеніемъ упомянутой статьи.

Подлинное подписали Министръ Народнаго Просвѣщенія Кн. Ширинскій Шихматовъ, Директоръ Комовскій.

Министерство Нар. Просвѣщенія. Канцелярія Министра. 20 Марта 1850. № 502.

Господину Попечителю Московскаго Учебнаго Округа.

Помѣщаемыя въ повременныхъ изданіяхъ, въ продолженіе значительнаго времени, отрывками и частями, сочиненія издаются потомъ въ полномъ видѣ, отдѣльнымъ твореніемъ, безъ новаго ценсурнаго разсмотрѣнія. Такъ какъ статьи, которыя первоначально не представляли ничего противнаго ценсурнымъ правиламъ, могутъ иногда получить, въ соединеніи и сближеніи, направленіе предосудительное и непозволительное; то я считаю необходимымъ, чтобы ценсура не иначе позволяла къ напечатанію подобныя полныя изданія, какъ по новомъ разсмотрѣніи ихъ въ цѣлости, тѣмъ болѣе что по § 48 всякая перепечатываемая новымъ изданіемъ книга подлежитъ новому разсмотрѣнію и одобренію.

О семъ покорнѣйше прошу Ваше Превосходительство предложить Московскому Ценсурному Комитету къ должному наблюденію.

Мин. Нар. Пр. Кн. Ширинскій-Шихматовъ.

Директоръ В. Комовскій.

Попечитель Московскаго Учебнаго Округа. 28 Апрѣля 1850 года. № 19. Москва. По Высочайшему повелѣнію.

Копія.

Конфиденціально.

Московскому Ценсурному Комитету.

Государь Императоръ, относительно къ ценсурованію книгъ, назначаемыхъ для чтенія простаго народа, Высочайше повелѣть соизволилъ: принять въ руководство слѣдующія правила:

1) Разсматривая книги, назначаемыя для чтенія простаго народа, Ценсоръ наблюдаетъ съ особенною строгостію, чтобы въ нихъ не было не только никакого неблагопріятнаго, но даже и неосторожнаго прикосновенія къ Православной Церкви и установленіямъ ея, къ правительству и ко всѣмъ постановленнымъ отъ него властямъ и законамъ, онъ не дозволяетъ также соблазнительныхъ разсказовъ и неблагопристойныхъ выраженій, допуская впрочемъ соотвѣтствующія обычаямъ и образу жизни читателей, хотя и грубыя, но невинныя шутки.

2) Ценсоръ не долженъ дозволять описанія особенныхъ бѣдствій, или нуждъ того состоянія, къ которому принадлежитъ многочисленный классъ читателей этого рода книгъ, ни современныхъ происшествій, сильно дѣйствующихъ на

простонародье съ невыгодной стороны. Здѣсь онъ обязанъ мысленно ставить себя на мѣсто читателя и, примѣняясь къ его понятіямъ, опредѣлять, какое впечатлѣніе будетъ сдѣлано не только господствующимъ въ сочиненіи мнѣніемъ или чувствомъ, но и каждою отдѣльною мыслію и такъ сказать, каждымъ словомъ.

3) Охраняя семейственное согласіе, какъ залогъ общественнаго благополучія, Ценсоръ ни подъ какимъ видомъ не пропускаетъ ничего, что бы могло ослабить въ мнѣніи простолюдиновъ уваженіе къ святости браковъ и повиновеніе власти родительской.

4) Сочиненія, въ которыхъ изъявляется сожалѣніе о состояніи крѣпостныхъ крестьянъ, описываются злоупотребленія помѣщиковъ, или доказывается, что перемѣна въ отношеніяхъ первыхъ къ послѣднимъ принесла бы пользу, не должны быть вообще разрѣшаемы къ печатанію, а тѣмъ болѣе въ книгахъ предназначаемыхъ для чтенія простаго народа.

О сей Высочайшей волѣ, вслѣдствіе предложенія Г. Министра Народнаго Просвѣщенія, отъ 21 текущаго Апрѣля за № 676, имѣю честь предложить Московскому Ценсурному Комитету къ исполненію.

Подлинное подписалъ: Попечитель Московскаго Учебнаго Округа Генералъ Адъютантъ Назимовъ.

Министерство
Нар. Просвѣщенія.
Канцелярія Министра.
30 Мая 1850.
№ 921.
О комедіи Островскаго.

Конфиденціально.

Господину Попечителю Московскаго Учебнаго Округа.

Въ журналѣ „Москвитянинъ“ напечатана комедія „Свои люди сочтемся“, соч.. А. Островскаго, которая оттиснута также отдѣльною книжкою. Покорнѣйше прошу Ваше Превосходительство предложить Московскому Ценсурному Комитету не дозволять къ печатанію новаго изданія этой комедіи безъ представленія предварительно въ Главное Управленіе Ценсуры и безъ испрошенія его разрѣшенія.

Министръ Нар. Пр. Кн. Ширинскій Шихматовъ.

Министерство
Нар. Просвѣщенія.
Канцелярія Министра.
31 Мая 1850.
№ 944.

Конфиденціально.

Господину Попечителю Московскаго Учебнаго Округа.

Въ исполненіе Высочайшаго Государя Императора повелѣнія покорнѣйше прошу Ваше Превосходительство подтвердить Московскому Ценсурному Комитету къ неупустительному

исполненію постановленнаго Т. XIV. Продолж. VIII. прил. къ Ст. 147 Ст. 9 въ примѣч: правила, дабы печатаніе извѣстій объ Особѣ Его Императорскаго Величества и о Членахъ Императорской Фамиліи было допускаемо не иначе, какъ съ особаго каждый разъ Высочайшаго разрѣшенія, сообщаемаго отъ Министра Императорскаго Двора; не запрещая впрочемъ въ газетахъ, выходящихъ внѣ столицъ, всѣ извѣстія объ Августѣйшемъ Императорскомъ Домѣ перепечатывать изъ газетъ въ С. Петербургѣ появляющихся.

Министръ Нар. Пр. Кн. Ширинскій Шихматовъ.

Министерство Народнаго Просвѣщенія. Канцелярія Министра. 3 Іюня 1850 года. № 979. О врачебныхъ журналахъ.

Копія.

Господину Попечителю Московскаго Учебнаго Округа.

Въ 3 и 4 книжкахъ Тома III Московскаго врачебнаго журнала помѣщено описаніе способа приготовленія и употребленія лекарства изъ мѣдныхъ стружекъ, для пріема внутрь при разныхъ болѣзняхъ. Такъ какъ это средство въ рукахъ людей, не знающихъ врачебной науки, можетъ имѣть послѣдствія вредныя и даже гибельныя, а сверхъ того можетъ быть употреблено и во зло для совершенія преступныхъ намѣреній: то, для избѣжанія подобныхъ вредныхъ или даже опасныхъ послѣдствій, въ исполненіе послѣдовавшаго Высочайшаго повелѣнія, покорнѣйше прошу Ваше Превосходительство предложить Московскому Ценсурному Комитету, чтобы всѣ журналы по части медицины и газеты, кои нынѣ издаются съ разсмотрѣнія Московскаго Ценсурнаго Комитета, или впредь издаваемы будутъ, частными лицами или и практическими врачами, сверхъ общей ценсуры подвергаемы были, на основаніи пункта К. § 23 Устава о Ценсурѣ, еще особому въ медицинскомъ отношеніи разсмотрѣнію въ Медицинскомъ Факультетѣ Московскаго Университета.

Подлинное подписали Министръ Народнаго Просвѣщенія Кн. Ширинскій Шихматовъ. Директоръ Комовскій.

М. Н. П. Кіевскій Ценсурный Комитетъ. 6 Іюня 1850 г. № 143. Кіевъ.

Въ Московскій Ценсурный Комитетъ.

Представленная въ Кіевскій Ценсурный Комитетъ для одобренія къ напечатанію рукопись подъ заглавіемъ: „Литераторы наизнанку и поэтъ Кисличкинъ (сцены изъ провинціальныхъ наблюденій)“ соч. Б. Пелрашкевича, на основаніи §§ 37 и 13 Уст. о Ценсурѣ, по опредѣленію сего Комитета пріобщена къ числу запрещенныхъ.

О чемъ Кіевскій Цензурный Комитетъ имѣетъ честь увѣдомить таковой же Московскій.

Подлинное подписали: Цензоръ А. Ѳедотовъ-Чеховскій. Секретарь А. Лазовъ.

Московскій Учебный Округъ. Канцелярія Попечителя. Столъ 1. 19 Сентября 1850 года. № 3324. Москва.

Копія.

Московскому Цензурному Комитету.

Государь Императоръ Высочайше повелѣть соизволилъ печатать въ газетахъ на будущее время извѣстія о пріѣздѣ и отъѣздѣ Членовъ Императорской Фамиліи, безъ особаго Высочайшаго разрѣшенія, упоминаемаго въ § 9 Уст. о Ценс. (прилож. къ ст. 147 т. XIV Св. Зак. Уст. о предуп. и пр. прест.)

О сей Высочайшей волѣ, сообщенной Г. Товарищу Министра Народнаго Просвѣщенія Министромъ Императорскаго Двора и вслѣдствіе предложенія Его Превосходительства отъ 10 сего Сентября за № 1661 увѣдомляю Московскій Цензурный Комитетъ для зависящихъ распоряженій.

Подлинное подписали Помощникъ Попечителя Московскаго Учебнаго Округа В. Муравьевъ, Правитель Канцеляріи Филимоновъ.

Московскій Учебный Округъ. Канцелярія Попечителя. Столъ 1. 6 Ноября 1850 г. № 4015. Москва.

Московскому Цензурному Комитету.

Вслѣдствіе предписанія Г. Министра Народнаго Просвѣщенія отъ 24-го минувшаго Октября за № 1944, послѣдовавшаго по поводу напечатанной въ № 222 Сѣверной Пчелы статьи о Дѣтскомъ Пріютѣ въ Ростовѣ на Дону, имѣю честь предложить Московскому Цензурному Комитету не дозволять на будущее время печатать въ журналахъ и газетахъ никакихъ статей о Дѣтскихъ Пріютахъ, безъ разрѣшенія на то со стороны Управленія дѣлами Комитета Главнаго Попечительства.

Попечитель Московскаго Учебнаго Округа Генералъ-Адъютантъ Назимовъ

Московскій
Учебный Округъ.
Канцерярія
Попечителя.
Столъ 1.
6 Ноября 1850 г.
№ 4017.
Москва.

Московскому Цензурному Комитету.

Вслѣдствіе предписанія Г. Министра Народнаго Просвѣщенія, отъ 24 минувшаго Октября за № 1949-мъ, имѣю честь предложить Московскому Цензурному Комитету къ наблюденію, чтобы на будущее время всѣ извѣстія о военныхъ дѣйствіяхъ войскъ нашихъ не были помѣщаемы въ газетахъ и журналахъ, доколѣ они не будутъ напечатаны въ Русскомъ Инвалидѣ.

Попечитель Московскаго Учебнаго Округа Генералъ-Адъютантъ Назимовъ.

М. Н. П.
Одесскій
Цензурный Комитетъ.
14 Ноября 1850 г.
№ 365.

Копія.

Въ Московскій Цензурный Комитетъ.

Одесскій Цензурный Комитетъ имѣетъ честь увѣдомить Московскій Комитетъ, что статья, предназначенная къ напечатанію въ запискахъ Одесскаго Общества Исторіи и Древностей, подъ заглавіемъ „Мирный трактатъ, заключенный въ Адріанополѣ между Россіею и Оттоманскою Портою въ мѣсяцѣ Ребгулъ-Эвела въ 1125 году Эгири 13 Іюня 1713“, переведенная съ Турецкаго языка А. Негри; согласно донесенію разсматривавшаго оную Цензора Синицина, и на основаніи предписанія Г. Товарища Министра Народнаго Просвѣщенія (отъ 21 Октября № 1879), какъ содержащая въ себѣ нѣкоторыя несходства и прибавленія противъ текста, помѣщеннаго въ полномъ собраніи законовъ, пріобщена къ числу запрещенныхъ. Подлинное подписали: Предсѣдатель Дѣйствительный Статскій Совѣтникъ Бугайскій. Членъ Комитета Дм. Синицынъ. За Секретаря Братовскій.

Министерство
Народнаго Просвѣщенія.
Канцелярія
Министра.
18 Ноября 1849 года.
№ 2181.

Копія.

Господину Попечителю Московскаго Учебнаго Округа.

Главное Управленіе Цензуры, разсмотрѣвъ списокъ всѣхъ выходящихъ въ свѣтъ съ разрѣшенія Комитетовъ Цензуры Внутренней, въ теченіи 1849 года, повременныхъ изданій, положило оставить дальнѣйшее ихъ существованіе; но признало нужнымъ, дабы Комитеты усугубляли наблюденіе за духомъ и направленіемъ сихъ изданій, съ объявленіемъ редакторамъ, что правительство

обращаетъ особое вниманіе на ихъ повременныя изданія, и что ежели они подвергнутся замѣчаніямъ за помѣщенныя статьи, то слѣдствіемъ того можетъ быть прекращеніе на будущее время ихъ изданій.

О семъ покорнѣйше прошу Ваше Превосходительство предложить Московскому Цензурному Комитету къ должному исполненію.

Подлинное подписали. Товарищъ Министра Народнаго Просвѣщенія Князь Ширинскій Шихматовъ. Директоръ В. Комовскій.

Вѣрно. Секретарь Ѳ. Буслаевъ.

Господину Цензору Коллежскому Совѣтнику и Кавалеру Василію Павловичу Флерову.

Выписка изъ журнала Московскаго Цензурнаго Комитета отъ 1-го Декабря 1850 года.

Слушали: Словесное предложеніе Его Превосходительства Г. Предсѣдателя Комитета о томъ, чтобы для устраненія могущихъ встрѣтиться противорѣчій въ дѣйствіяхъ Г.г. Цензоровъ при разсматриваніи ими однихъ и тѣхъ же статей, назначаемыхъ иногда сочинителемъ къ напечатанію въ какомъ либо журналѣ, и представляемыхъ за тѣмъ, или прежде того въ рукописи къ разсмотрѣнію для дозволенія печатать отдѣльною брошюрою, Г.г. Цензоры о тѣхъ заслуживающихъ особаго вниманія мѣстахъ, которыя въ разсматриваемыхъ ими рукописяхъ и журнальныхъ статьяхъ они не дозволятъ къ напечатанію, докладывали Присутствію Комитета для свѣденія и однообразнаго дѣйствованія прочихъ Г.г Цензоровъ, о чемъ и записывать всякій разъ въ журналъ засѣданія.

Декабря 12. Вѣрно: Секретарь Филимоновъ.
1850 года.
№ 402.

Господину Цензору Коллежскому Совѣтнику Василію Павловичу Флерову.
Выписка изъ журнала Московскаго Цензурнаго Комитета отъ 19-го января 1851 года.

При отношеніи Санкт-петербургскаго Цензурнаго Комитета отъ 30 Декабря 1850 года, за №№ 734, 741 и 748, въ коихъ сообщается о запрещеніи статьи: „Бесѣда съ дѣтьми объ изящномъ“, соч. Александры Зражевской, комедіи написанной Г-ю Садковскою для дѣтей „Любимецъ“ и рукописи: „Сборникъ нравственнополезныхъ сужденій и мыслей благочестивыхъ мужей, для назиданія юношества“, изданіе Андрея Павлова согласно отношеніямъ Комитета учебныхъ руководствъ отъ 7 и 15 Декабря сего года, за №№ 241, 239 и 358. Опредѣлено: принять къ свѣдѣнію, а Г.г. Цензорамъ выдать копіи.

Вѣрно. Секретарь . . . . . .

Господину Цензору Коллежскому Совѣтнику Василію Павловичу Флерову. Выписка изъ журнала Московскаго Цензурнаго Комитета отъ 23 Февраля 1851 года.

Два отношенія Санктпетербургскаго Цензурнаго Комитета отъ 13 Февраля сего года за №№ 111 и 118, о причисленіи къ запрещеннымъ сочиненіямъ статьи: „Историческое развитіе вопросовъ о призрѣніи въ Россіи“, соч. Г. Аѳанасьева, и комедіи-водевиль, въ трехъ картинахъ, подъ заглавіемъ: „Ѳока Ѳокичъ Ѳокинъ, московскій купеческій сынъ“, соч. Николая Андреева. Опредѣлено: принять къ свѣдѣнію и сообщить Г.г. Цензорамъ выписками изъ журнала.

Вѣрно. Секретарь . . . . . .

Министерство Народнаго Просвѣщенія. Санктпетербургскій Цензурный Комитетъ. С-тъ Петербургъ. 27 Февраля 1851 г. № 165.

Копія.

Въ Московскій Цензурный Комитетъ.

С. Петербургскій Цензурный Комитетъ имѣетъ честь сообщить Московскому Цензурному Комитету что рукопись, подъ заглавіемъ „Разсказы о привидѣніяхъ, въ пользу боязливыхъ дѣтей“, переводъ съ нѣмецкаго В. Д—ва, согласно съ заключеніемъ Комитета разсмотрѣнія учебныхъ руководствъ, пріобщена къ числу запрещенныхъ сочиненій.

Подлинное подписали: Цензоръ Ал. Крыловъ, Секретарь А. Ярославцевъ.

Вѣрно. Секретарь . . . .

Министерство Народнаго Просвѣщенія. Санктпетербургскій Цензурный Комитетъ. С-тъ Петербургъ. 17 Апрѣля 1851 года. № 306.

Копія.

Въ Московскій Цензурный Комитетъ.

С. Петербургскій Цензурный Комитетъ имѣетъ честь сообщить Московскому Цензурному Комитету, что сочиненіе, подъ заглавіемъ: „Два историческіе разсказа для дѣтей: 1. Покореніе Казани и 2. Русскіе при рѣкѣ Прутѣ“, согласно опредѣленію Комитета разсмотрѣнія учебныхъ руководствъ, печатать воспрещается.

Подлинное подписали: Цензоръ. Секретарь А. Ярославцовъ.

Вѣрно. Секретарь . . . . .

М. Н. П.
Рижскій
Цензурный Комитетъ.
3 Мая 1851 г.
№ 282.

Въ Московскій Цензурный Комитетъ.

Рижскій Цензурный Комитетъ имѣетъ честь сообщить Московскому Цензурному Комитету, что рукопись подъ заглавіемъ: „Victor Cousin über das deutsche Schulwesen und was die deutschen dazu gemeint haben“, соч. Коллежскаго Совѣтника Тремера, бывшая на разсмотрѣніи Рижскаго Цензурнаго Комитета, пріобщена къ запрещеннымъ сочиненіямъ. Подлинное подписали: Предсѣдательствующій Кроль. За Секретаря Берхманъ.

Вѣрно. Секретарь . . . . . .

Копія.

Министерство
Народнаго Просвѣщенія.
Канцелярія
Министра.
31 Мая 1851 г.
№ 906.

Господину Попечителю Московскаго Учебнаго Округа.

Г. Министръ Внутреннихъ Дѣлъ, находя въ представленномъ ему генералъ-суперъ-интендентомъ С.Петербугскаго Лютеранскаго Консисторіальнаго Округа Флитнеромъ окружномъ посланіи къ духовенству, пропущенномъ къ печати С. Петербугскимъ Цензурнымъ Комитетомъ, нѣкоторыя разсужденія совершенно неумѣстными, отнесся ко мнѣ о воспрещеніи печатанія подобныхъ посланій иновѣрческому духовенству, безъ предварительнаго сношенія съ министерствомъ Внутреннихъ Дѣлъ.

Вслѣдствіе сего, я покорнѣйше прошу Ваше Превосходительство сдѣлать распоряженіе по Московскому Цензурному Комитету, чтобы всѣ подобнаго рода сочиненія, касающіяся иновѣрцевъ, препровождались предварительно на заключеніе въ Департаментъ Духовныхъ Дѣлъ иностранныхъ исповѣданій министерства Внутреннихъ Дѣлъ. Подлинное подписали: Министръ Народнаго Просвѣщенія Князь Ширинскій Шихматовъ. Директоръ В. Комовскій.

Вѣрно. Секретарь . . . . . .

Министерство
Народнаго Просвѣщенія.
Санктпетербургскій
Цензурный Комитетъ.
С-тъ Петербургъ.
4 Іюня 1851 года.
№ 422.

Копія.

Въ Московскій Цензурный Комитетъ.

С. Петербургскій Цензурный Комитетъ имѣетъ честь сообщить Московскому Цензурному Комитету, что рукопись, подъ заглавіемъ: „Версальскіе очерки“, пять картинъ XVIII столѣтія, соч. Г. Токарева, причислена къ запрещеннымъ сочиненіямъ.

Подлинное подписали: Цензоръ . . . . . Секретарь Ярославцовъ.

Вѣрно. Секретарь . . . . .

М. Н. П.
Одесскій
Цензурный Комитетъ.
14 Іюня 1851 г.
№ 250.
Одесса.

Копія.

Въ Московскій Цензурный Комитетъ.

Одесскій Цензурный Комитетъ имѣетъ честь увѣдомить Московскій Комитетъ, что рукопись, подъ заглавіемъ: „Retour recompensé et bonheur scene d'interieur, comedie en un acte I. de N., согласно съ донесеніемъ Цензора Надворнаго Совѣтника Синицына, пріобщена къ числу запрещенныхъ.

Подлинное подписали: за отсутствіемъ Предсѣдателя Помощникъ Попечителя Одесскаго Учебнаго Округа Петровъ. Цензоръ Палеологъ. Секретарь Михневичъ.

Вѣрно. Секретарь. . . . . .

М. Н. П.
Рижскій
Цензурный Комитетъ.
Рига.
4 Іюля 1851 г.
№ 517.

Копія.

Въ Московскій Цензурный Комитетъ.

Рижскій Цензурный Комитетъ имѣетъ честь сообщить Московскому Цензурному Комитету, что рукопись, подъ заглавіемъ: „Der Volksfreund vom Gestade der Ostsee Miniatur-Bibliotek für alle Stände Motto: mit den Menschen Friede Kampf mit ihren Lastern“, соч. Груля, бывшая на разсмотрѣніи Рижскаго Цензурнаго Комитета, пріобщена къ числу запрещенныхъ сочиненій. Подлинное подписали: Предсѣдательствующій Кроль. За Секретаря Берхманъ.

Вѣрно. Секретарь. . . . .

Министерство
Народнаго Просвѣщенія.
Канцелярія
Министра.
5 Іюля 1851 г.
№ 1146.

Копія.

Господину Попечителю Московскаго Учебнаго Округа.

Г. Начальникъ Штаба военноучебныхъ заведеній сообщилъ мнѣ, что на разсмотрѣніе С. Петербургскаго Цензурнаго Комитета представлена была Г. Л. Кузнецовымъ рукопись, подъ заглавіемъ:„ Географія Россіи“. Въ этомъ сочиненіи на заглавномъ листѣ было написано: „составлено на основаніи Высочай„ше утвержденнаго 24 Декабря 1848 года наставленія для образованія вос„питанниковъ военноучебныхъ заведеній“. Далѣе, на слѣдующей страницѣ, помѣщено посвященіе книги Его Императорскому Высочеству Государю Великому Князю Николаю Александровичу. За этимъ слѣдовало письмо на имя Его

Императорскаго Высочества Государя Наслѣдника Цесаревича, а за письмомъ программа „Географіи Россіи“ съ надписью: „утверждено Его Императорскимъ „Высочествомъ Главнымъ Начальникомъ до окончательнаго утвержденія кон„спекта. Начальникъ Штаба Генералъ-Адъютантъ Ростовцевъ. 8 Іюля 1849 г.“ Означенная рукопись была пропущена цензурою въ этомъ видѣ, придающемъ ей, для большинства читателей, значеніе учебнаго руководства военноучебныхъ, хотя она и не была на разсмотрѣніи въ учебномъ Комитетѣ и не принята руководствомъ или учебнымъ пособіемъ для сихъ заведеній.

Для предупрежденія на будущее время подобныхъ поддѣлокъ, какъ неумышленныхъ, такъ и умышленныхъ, согласно отношенію Генералъ-Адъютанта Ростовцева, покорнѣйше прошу Ваше Превосходительство предложить Московскому Цензурному Комитету, чтобы въ сочиненіяхъ и рукописяхъ, представляемыхъ въ Цензуру частными людьми, а не отъ Штаба военноучебныхъ заведеній, не были одобряемы Цензурою къ напечатанію внѣшніе аттрибуты руководствъ и учебныхъ пособій военноучебныхъ заведеній иначе, какъ по предварительному соглашенію о томъ со Штабомъ сихъ заведеній.

Подлинное подписали: Министръ Народнаго Просвѣщенія Князь Ширинскій Шихматовъ. Управляющій Канцеляріею Груберъ.

Вѣрно. Секретарь. . . . .

Господину Цензору Статскому Совѣтнику Ивану Михайловичу Снегиреву.
Выписка изъ журнала Московскаго Цензурнаго Комитета отъ 6 Іюля 1851 года.

Два увѣдомленія Санктпетербургскаго Цензурнаго Комитета отъ 26 и 30 минувшаго Іюня за №№ 492 и 509, о пріобщеніи онымъ Комитетомъ къ числу запрещенныхъ сочиненій двухъ рукописей: 1) Историческія и юмористическія были и мечты, для народной бесѣды, соч. П. И. Б., 2) Міроздание, поэма І. Сафонова, согласно съ заключеніями первая Комитета разсмотрѣнія учебныхъ руководствъ; а вторая С. Петербургскаго Комитета Духовной Цензуры. Опредѣлено: Принять къ свѣдѣнію, а Гг. Цензорамъ сообщить выписками изъ сей статьи.

Вѣрно. Секретарь. . . . .

М. Н. П.
Кіевскій
Цензурный Комитетъ.
12 Іюля 1851 г.
№ 238.
Кіевъ.

Копія.

Въ Московскій Цензурный Комитетъ.

Кіевскій Цензурный Комитетъ имѣетъ честь увѣдомить, что рукопись п. з.: „Нравственно-физическое пробужденіе канцелярскаго служителя“, статейка въ

прозѣ Бонифатія Пелрашкевича, по опредѣленію онаго пріобщена къ числу запрещенныхъ и удержана въ Комитетѣ. Подлинное подписали: Цензоръ Новицкій. Секретарь Сипягинъ.

Вѣрно. Секретарь . . . . .

Министерство
Народнаго Просвѣщенія.
Канцелярія Министра.
18 Іюля 1851 г.
№ 1226.

О томъ чтобы Высочайшія конфирмаціи по военносуднымъ дѣламъ не были перепечатываемы въ газетахъ литературнаго и политическаго содержанія.

Копія.

Господину Попечителю Московскаго Учебнаго Округа.

Высочайшія конфирмаціи, послѣдовавшія по военносуднымъ дѣламъ, по установленному порядку, объявляются обыкновенно въ Высочайшихъ Приказахъ, которые такимъ образомъ представляютъ собою окончательное выраженіе Монаршей воли. Приказы сіи, съ Высочайшаго разрѣшенія, всегда печатаются въ Русскомъ Инвалидѣ.

Независимо отъ сего, о тѣхъ Высочайшихъ конфирмаціяхъ, по коимъ подсудимые осуждаются къ лишенію дворянскаго достоинства, или имъ возбраняется вновь вступленіе на службу, доводится и до свѣдѣнія Правительствующаго Сената, по распоряженію коего сіи послѣднія конфирмаціи публикуются во всеобщее свѣдѣніе въ вѣдомостяхъ отъ онаго издаваемыхъ.

Между тѣмъ, изъ этихъ двухъ оффиціальныхъ газетъ, т. е. Русскаго Инвалида и Сенатскихъ вѣдомостей, всѣ означенныя Высочайшія конфирмаціи перепечатываются и въ другихъ газетахъ литературнаго и политическаго содержанія, издаваемыхъ частными лицами и отъ полиціи.

Такъ какъ Г. Военный Министръ признаетъ неудобнымъ таковое распубликованіе Высочайшихъ конфирмацій по военносуднымъ дѣламъ, то согласно его отношенію, я покорнѣйше прошу Ваше превосходительство предложить Московскому Цензурному Комитету, чтобы конфирмаціи сіи, на будущее время, не были дозволяемы къ перепечатыванію въ газетахъ литературнаго и политическаго содержанія, издаваемыхъ частными лицами.

Къ сему считаю нужнымъ присовокупить, что по увѣдомленію Г. Военнаго Министра, онъ вошелъ въ сношеніе и съ Г. Управляющимъ Министерствомъ Внутреннихъ Дѣлъ о сдѣланіи таковаго же распоряженія относительно полицейскихъ газетъ.

Подлинное подписали: Министръ Народнаго Просвѣщенія Кн. Ширинскій Шихматовъ. Управляющій Канцеляріею Груберъ.

Вѣрно. Секретарь . . . . .

Министерство
Народнаго Просвѣщенія.
Санктпетербургскій
Цензурный Комитетъ.
С-тъ Петербургъ.
21 Іюля 1851 года.
№ 540.

Копія.

Въ Московскій Цензурный Комитетъ.

С.Петербургскій Цензурный Комитетъ имѣетъ честь сообщить Московскому Цензурному Комитету, что рукопись, подъ заглавіемъ: Краткая Священная исторія Ветхаго и Новаго завѣта, изображенная въ 228 картинахъ, согласно отзыву С. Петербургскаго Комитета Духовной Цензуры, пріобщена къ числу сочиненій запрещенныхъ.

Подлинное подписали: Цензоръ А. Фрейгангъ. Секретарь А. Ярославцевъ.

Вѣрно. Секретарь . . . . .

Министерство
Народнаго Просвѣщенія.
Санктпетербургскій
Цензурный Комитетъ.
С. Петербургъ.
31 Іюля 1851 года.
№ 574.

Копія.

Въ Московскій Цензурный Комитетъ.

С. Петербургскій Цензурный Комитетъ имѣетъ честь сообщить Московскому Цензурному Комитету, что рукопись подъ заглавіемъ: „Московскія тайны“, соч. Ильина, бывшая на разсмотрѣніи С. Петербургскаго Цензурнаго Комитета, пріобщена къ числу сочиненій запрещенныхъ.

Подлинное подписали: Цензоръ Ал. Крыловъ. Секретарь А. Ярославцевъ.

Вѣрно. Секретарь . . . . .

Министерство
Народнаго Просвѣщенія.
Санктпетербургскій
Цензурный Комитетъ.
С. Петербургъ.
31 Августа 1851 года.
№ 630.

Копія.

Въ Московскій Цензурный Комитетъ.

С. Петербургскій Цензурный Комитетъ имѣетъ честь сообщить Московскому Цензурному Комитету, что рукопись, подъ заглавіемъ: „Письмо къ Россійской Академіи“, соч. А. Зражевской, пріобщена къ числу сочиненій запрещенныхъ.

Вѣрно. Секретарь . . . . . .

Министерство
Народнаго Просвѣщенія.
Санктпетербургскій
Цензурный Комитетъ.
С. Петербургъ.
31 Августа 1851 года.
№ 631.

Копія.

Въ Московскій Цензурный Комитетъ.

С. Петербургскій Цензурный Комитетъ имѣетъ честь сообщить Московскому Цензурному Комитету, что рукопись, подъ заглавіемъ: „Средство пріобрѣсть милліоны подданныхъ и дохода, безъ войны и кровопролитія“, соч. И. Шенгелидзева, пріобщена къ числу сочиненій запрещенныхъ.

Подлинное подписали: Цензоръ А. Ахмотовъ. Секретарь А. Ярославцовъ.

Вѣрно. Секретарь . . . . .

М. Н. П.
Одесскій
Цензурный Комитетъ.
4 Окт. 1851 г.
№ 391.

Копія.

Въ Московскій Цензурный Комитетъ.

Одесскій Цензурный Комитетъ имѣетъ честь увѣдомить Московскій Комитетъ, что рукопись подъ заглавіемъ: „Голосъ провинціала Новороссійскаго края на двадцатипятилѣтіи Монарха Николая“, бывшая на разсмотрѣніи въ семъ Комитетѣ, на основаніи предписанія Г. Министра Народнаго Просвѣщенія отъ 17 Ноября 1850 г. за № 2086, не одобрена къ напечатанію. Подлинное подписали: за Предводителя Помощникъ Попечителя Одесскаго Учебнаго Округа Петровъ. Цензоръ Синицынъ. Секретарь Михневичъ.

Вѣрно. Секретарь Фил . . . . .

Въ Московскій Цензурный Комитетъ отъ сторонняго цензора В. Флерова.

Императорское Московское Общество Сельскаго Хозяйства издавши три книжки подъ заглавіемъ: „о всенародномъ распространеніи грамотности въ Россіи на религіозно-нравственномъ основаніи“, — нынѣ окончило печатію IV-ю книжку о томъ же предметѣ.

Цѣлію всѣхъ 4-хъ книжекъ поставляется „необходимость распространенія въ народѣ церковной грамотности для познанія заповѣдей Божіихъ, для изученія молитвъ, приносимыхъ церковію, и для водворенія въ семейномъ быту нравственныхъ правилъ жизни, освященныхъ вѣрою“ (см. стр. 265). Въ первыхъ трехъ книжкахъ авторъ говорилъ къ людямъ ученымъ, помѣщикамъ и помѣщицамъ, отцамъ духовнымъ; въ послѣдней же книжкѣ обращаетъ слово свое къ трудолюбивымъ крестьянамъ (см. стр. 289).

Нынѣ Им. М. О. С. Х. изготовило 2-е изданіе всѣхъ четырехъ книжекъ вмѣстѣ въ числѣ 12-ти тысячь экземпляровъ. Не зная сообразно ли будетъ съ видами правительства выпустить въ настоящее время такое количество экземпляровъ, имѣю честь донести о семъ М. Ц. Комитету и вмѣстѣ испрашивать разрѣшенія на выдачу билета упомянутыхъ книжекъ.

Записка И. Лажечникова.

Я былъ нынѣ у графа С. Г. Строганова; онъ съ удовольствіемъ взялся поговорить въ пользу Опричника Д. Н. Блудову, лишь бы я не думалъ о постановкѣ *на сцену*. Что-то Богъ дастъ?

Кажется, у васъ должна быть брошюра о Кяхтинской торговлѣ. Пришлите мнѣ ее.

24 Окт. Преданный вамъ
И. Лажечниковъ.

Два циркуляра моск. оберъ-полиціймейстера, 1869 года.

Московскаго *)
Оберъ полицеймейстера
Канцелярія
Столъ С.
14 Октября 1869 года.
№ 2338.

Конфиденціально.
Циркулярно.

Г.г. Частнымъ Приставамъ и квартальнымъ надзирателямъ.

Въ виду свѣденій о томъ, что будто бы поляки не перестаютъ питать надежды на возстановленіе Польши путемъ интервенціи Западныхъ державъ, что они снова, какъ и предъ послѣднимъ возмущеніемъ стали въ нѣкоторыхъ городахъ Царства Польскаго и Западнаго Края обливать купоросным масломъ цвѣтныя платья у прохожихъ и будто открыли уже сборъ податей на новое возстаніе и что они ведутъ пропаганду о новомъ возстаніи преимущественно между воспитанниками учебныхъ заведеній привлекая между тѣмъ на свою сторону молодежъ изъ русскихъ, предписываю Вамъ строжайше слѣдить за всѣми проживающими здѣсь и въ особенности за временно пріѣзжающими сюда лицами изъ поляковъ, какъ

*) Циркуляръ литографированъ.

мужчинами, такъ и женщинами и непремѣнно дознавать о цѣли ихъ проживанія здѣсь, или прибытія сюда, а также строжайше наблюдать за всѣми сходками студентовъ изъ поляковъ и вообще молодежи при участіи поляковъ, за покупкою ими какого бы то ни было оружія и храненіемъ или передачею онаго и за появленіемъ здѣсь упомянутыхъ сборщиковъ, о замѣченномъ же по наблюденію, возбуждающемъ какое бы то ни было подозрѣніе, мнѣ тотчасъ же доносить.

Свиты Его Величества Генералъ Маіоръ Араповъ.

Правитель Канцеляріи Соболевъ.

Московскаго *)
оберъ-полицеймейстера.
Канцелярія.
Столъ С.
Октября 22 дня 1869 г.
№ 2391.

Конфиденціально.
Циркулярно.
Г.г. Частнымъ Приставамъ и Квартальнымъ Надзирателямъ.

Не получая донесенія по циркуляру моему за № 2338, а между тѣмъ получивъ свѣдѣніе, что здѣсь появились какія-то личности въ національныхъ польскихъ костюмахъ, съ кожаными поясами, имѣющими будто бы у поляковъ символъ освобожденія Польши чрезъ 100 лѣтъ, считая съ 1775 года, вновь предписываю Вамъ усилить наблюденіе за поляками, обративъ особое вниманіе на тѣхъ изъ нихъ, которые надѣваютъ національный костюмъ, а въ особенности, кто носитъ помянутый поясъ, и обо всѣхъ такихъ личностяхъ мнѣ немедленно доносить.

Подписалъ: Свиты Его Величества Генералъ-Маіоръ Араповъ.

Скрѣпилъ: Правитель Канцеляріи Соболевъ.

Вѣрно: столоначальникъ . . . . . .

Письмо голландскаго короля Вильгельма вел. княг. Аннѣ Ѳедоровнѣ, 12 іюня 1820 года.

Madame ma Cousine. Il m'est très pénible de me trouver dans la nécessité de faire part à Votre Altesse Impériale de la perte douloureuse, que je viens d'éprouver par le déces de mon Auguste Mère bien aimée Madame la Princesse Douarrière d'Orange Nassau née Princesse de Prusse, qui a terminé sa carrière au Chateau de Loo le 9 du courant à une heure de relevée, après une indisposition de

*) Циркуляръ печатанъ.

quelques jours. L'interet que Votre Altesse Impériale veut bien me témoigner en toutes occasions m'est un sur garant qu'Elle prendra quelque part à mon affliction d'autant plus profonde que les qualités éminentes de cette vénérable Princesse contribuaient essentiellement à mon bonheur et à celui de ma Famille. Je prie Votre Altesse Impériale de recevoir l'assurance rénouvellée des sentimens de haute estime et d'attachement inviolable avec lesquels je suis Madame ma Cousine

Au Chateau
de Loo, le 12
Juin 1820.

De Votre Altesse Impériale
le bon Cousin
Guillaume

(На конвертѣ: à Madame Ma Cousine
La Grande Duchesse Anne
Feodorowna.)

Письма вел. кн. Константина Павловича академику Пужанъ, 1826, 1828, 1829 и 1830 гг.

Copie de la lettre de S. A. Imp-le. M-gneur le Grand Duc Constantin à Charles Pougens en date de Varsovie 26 Avril 18 Mai 1826.

J'éprouve un sensible plaisir, Monsieur, à deférer au désir que Vous m'exprimez touchant votre élève et votre fils adoptif Mr. Lorin. Ce double titre lui tient lieu à mes yeux, et de recommandation, et d'éloge. Vous pouvez l'assurer que je le maintiendrai dans la correspondance que Vous lui léguez, avec les honoraires qui y sont attachés. Vous me permettez, sans doute, de former, à mon tour le voeu de n'accomplir que dans un avenir reculé les dispositions que vous m'avez manifestées, et qu'il m'a été si agréable d'accueillir.

Recevez, Monsieur, l'assurance de mes sentimens distingués.

St. Petersbourg ce $\frac{3}{15}$ fevrier 1828.

Ayant pris lecture de Votre revue littéraire, Monsieur, pour le mois de Décembre dr., j'y ai choisi les deux ouvrages notés au revers de cette feuille, et que je Vous prie de me faire tenir par la voie accoutumée.

Je remarque par Votre revue, que Vous avez bien voulu m'envoyer deux exemplaires de Vos „Contes en Vers et Poésies“, dont l'un pour moi et l'autre pour ma femme. Je Vous suis très obligé, Monsieur, de cette attention de Votre part, et je Vous en remercie également au nom de ma femme.

Recevez, Monsieur, les assurances de mes sentimens distingués.

à Mr le Chev-r Pougens *Constantin.*
à Paris.

Note

Refutation de l'Histoire de France Mr. l'abbé de Montgaillard par Mr. Uranelt de Leuze ..... 1. Exempl:

La Méthode ovalaire, ou nouvelle méthode pour amputer dans les articulations, par Mr. Scoutellen Aide-Major à l'hôpitale mil-re d'instruction de Metz..... .... 3 Exempl:

Varsovie ce $\frac{13}{25}$ Janvier 1829.

Dans Votre revue littéraire pour le mois de Décembre dernier, Vous me demandez, Monsieur, l'autorisation de pouvoir, m'envoyer, sans m'en faire part préalablement dans Vos revues mensuelles, celles des nouveautés que les circonstances du moment rendent intéressantes. L'étendue de Vos lumières étant généralement connue, ce n'est donc point une autorisation, mais bien une prière que je Vous adresse, à côté de mes remerciemens pour Votre offre, de vouloir bien me faire tenir tous les ouvrages de ce genre, dès qu'ils auront paru; quant à leur choix, je m'en rapporte entièrement à Vous, quel qu'en soit le prix.

Les ouvrages que j'ai choisis dans Votre revue de Décembre, sont marqués ci-contre; je Vous prie de me les envoyer par la voie accoutumée. Parmi les ouvrages que je demande aprèsent, Vous trouverez le Mélodrame „Tom Wild" ou le Bourreau, en 3 actes, par Mess: Antony et Anicet. Je me rappele qu'il y a une autre pièce de ce genre nommée „Polder". Curieux de voir à quoi peut porter la spéculation d'argent, je Vous serais bien obligé de me faire parvenir à la fois ces deux pièces de Comédie. Recevez, Monsieur, l'assurance de mes sentimens distingués.

Constantin.

à Mr. Pougens à Paris.

Varsovie ce $\frac{17}{29}$ Janvier 1829.

Dans le „Constitutionnel" du 17 Janvier courant, sous la rubrique des „Avis divers", il se trouve un article qui a pour titre: Corsets parfaits (brevet d'invention) et qui rappele aux Parisiennes l'établissement rue St. Nicolas Chaussée d'Antin № 56.

Comme il est possible que ces corsets soyent effectivement avantageux sous le rapport de la santé, ma femme désirerait en recevoir en attendant une couple de

pièces, et je m'adresse à Vous, Monsieur, avec la prière de vouloir bien Vous charger de cette commission.

Recevez, Monsieur, l'assurance de mes sentimens distingués.

Constantin.

à Mr. Pougens à Paris.

Varsovie ce $\frac{20 \text{ Mars}}{1 \text{ Avril}}$ 1829.

J'ai exactement reçu les deux corsets de femme que je Vous avais prié de m'envoyer, Monsieur, et m'empresse de Vous en remercier. Ils sont parfaitement de la taille de ma femme, qui Vous en remercie de même. Veuillez, Monsieur, prendre sur Vous l'obligeance de m'en faire tenir encore deux de la même grandeur. J'ai honte de Vous charger de pareilles commissions, Monsieur, et je me taxe même d'indiscret; mais la galanterie ayant été de tous tems le caracteristique des français, c'est sous son égide que je me refugie pour obtenir grâce de mon importunité.

Recevez, Monsieur, les assurances réitérées des sentimens distingués que je Vous porte.

Constantin.

à Mr. Pougens à Paris.

Varsovie le $\frac{5}{17}$ Avril 1829.

Désirant connaitre dans tous ses détails le procedé découvert en 1813 par le Sr. Darcet chimiste à Paris, pour amollir les os, et en extraire de la gelatine, je Vous prie Monsieur de vouloir bien me fournir à ce sujet les informations nécessaires, et me faire parvenir par la voie accoutumée, un modèle de la marmite à Papin employée à cette operation.

Recevez, Monsieur, l'assurance de mes sentimens distingués.

Constantin.

A Mr. le Chevalier Pougens à Paris.

Varsovie ce $\frac{15}{27}$ Avril 1829.

L'Article inséré dans le Journal des Débats du 15 Avril crt., concernant le „Mémoire de Mr. d'Arcet sur l'emploi des os de la viande de boucherie", a fixé mon attention particulière. Désirant posseder un exemplaire de cet ouvrage, je Vous prie beaucoup, Monsieur, de me le procurer, en y joignant également un exemplaire de celui de Mr. Foroment annoncé dans le Journal des Débats du 16 Avril et qui a pour titre: „La Police dévoilée, depuis la restauration et notamment sous M. M. Franchet et Delavau". Ce dernier ouvrage se vend au Palais-Royal, galerie vitrée

№ 216, chez Lerosay. Je Vous accuse à cette occasion l'exacte reception de Votre aimable lettre du 14 Avril.

Recevez, Monsieur, l'assurance réitérée de mes sentimens distingués.

Constantin.

à Mr. Pougens.

Varsovie le $\frac{6}{18}$ Mai 1829.

J'ai reçu, Monsieur, Votre revue littéraire pour le mois d'Avril dernier, et je Vous serai obligé de vouloir bien m'expédier par la voie accoutumée, les ouvrages marqués ci-contre.

Recevez, Monsieur, l'assurance de mes sentimens distingués.

Constantin.

P. S. Veuillez me faire connaitre, Monsieur, si les „Couleurs lucidoniques", inventées par Me. Cosseron, née Lagrenée, et dont Vous me parlez dans Votre lettre du 30 Avril, peuvent être transportées sans difficulté sous une forme solide et compacte, et dans ce cas avec quel liquide il faudrait les délayer, ou bien si dans leur état liquide, le transport ne leur fait subir aucune altération.

1. Exemplaire, de l'armée selon la Charte et d'après l'expérience desdernières guerres par le Cte. Morand, Lieutenant Général.

1. — id. — Mémoire sur les opérations de l'avant garde du 8-e. Corps de la Grande Armée, formée de troupes polonaises par un témoin occulaire.

1. — id. — Annuaire de l'Etat militaire de la France, pour l'année 1829.

1. — id. — Relation du Voyage de S. M. Charles X en Alsace par P. I. Farges Méricourt.

1. — id. — Histoire de la détention des Philosophes et des gens de lettres à la Bastille et à Vincenne.

3. — id. — Traité des moyens de reconnaître les Falsifications des drogues simples et composées et d'en constater le degré de pûreté par Bussy.

A Monsieur Pougens.

Varsovie ce $\frac{1}{13}$ Fevrier 1830.

Monsieur, Ayant pris connaissance de Votre revue littéraire pour le mois de Janvier dr., j'y ai choisi les ouvrages que Vous trouverez notés ci-contre et que je Vous prie de me faire tenir par la voie accoutumée.

Vous y faites mention, Monsieur, de l'ouvrage de Mme Caroline de Montigny, ainsi que de l'intention qu'elle Vous a témoignée de m'en offrir un exemplaire. Ve-

uillez donc faire savoir à Mme de Montigny, que je recevrai avec autant de plaisir que de reconnaissance cette marque d'attention de sa part.

Permettez moi de Vous rappeler à cette occasion, que jusqu'ici je ne suis point encore en possession de l'ouvrage du Maréchal de Camp Baron de Crossard. Je Vous serais très obligé de vouloir bien me l'envoyer au plus tôt.

Recevez, Monsieur, les assurances réitérées de mes sentimens très distingués.

Constantin.

Note.

1. Introduction à l'étude des grandes combinaisons de la stratégie et de la tactique, par le Gal. Bon. de Jomini..... 1 Exemplaire.
2. Fragmens historiques relatifs à la campagne de 1815, et à la bataille de Waterloo, par le Gal. Grouchy..... 1 id.
3. Conseils aux jeunes filles, par Mme Campan..... 1 id.
4. Mémorial de Sr. Hudson Lowe, relatif à la captivité de Napoléon à Ste Hélène..... 1 id.
5. Nouveau traité des hémorrhoïdes par C. S..... 3 id.
6. Des maladies nerveuses en général, de l'Epilepsie en particulier et des moyens de les combattre avantageusement, par Mr. le Dr. Borie..... 3 id.
7. Traité de la péritonite puerpérale, par A. C. Baudeloque.... 3 id.
8. Principaux monumens et vues pittoresques de la ville de Paris et de ses environs, par Mess. Civeton et Durau..... 1 id.

Mr. le Chevr. Pougens.

Varsovie ce $\frac{3}{15}$ Mars 1830.

Monsieur, Ayant pris connaissance de Votre revue littéraire pour le mois de Fevrier revolu, j'y ai choisi les ouvrages que Vous trouverez notés ci-contre et que je Vous prie de me faire tenir par la voie accoutumée.

Ma femme a été très sensible au souvenir que Vous voulez bien lui conserver, et elle me charge de Vous en remercier en son nom.

Recevez, Monsieur, les assurances réitérées de mes sentimens distingués.

Constantin.

Note.

1. De la crise présente et de celle qui se prépare, par Mr. le Cte. de Montlosier..... 1 Exemplaire.
2. Scènes contemporaines et scènes historiques, par Mme la comtesse de Chamilly..... 1 id.

3. Recherches expérimentales sur les fonctions du système nerveux ganglionaise et sur leur application à la pathologie, par I. L. Brachet ..... 3 id.

4. Du tempérament pituiteux ou glaireux, et de l'identité des vices goutteux et hémorroidal, par I. L. Doussin Dubreuil..... 3 id.

5. Traité sur la non existence des fièvres essentielles, par Quotard-Piorry..... 3 id.

6. Fastes de la pharmacie française Exposé des travaux scientifiques publiés depuis quarante années par les Pharmaciens français, publié, sous la direction de Mr. A. Chevalier, par Mr. M. P. Meze. 3 id.

à Mr. Pougens.

Varsovie ce $\frac{15}{27}$ Mars 1830.

Monsieur, En examinant les livres que Vous m'avez envoyés en dernier lieu, j'ai remarqué que les quatre exemplaires de l'ouvrage de Mr. I. Imbert, intitulé: Cours élémentaire de Fortification, manquaient des planches qui y appartienent. Veuillez par conséquent me les faire parvenir avec Votre envoi prochain, et recevez les assurances réitérées de mes sentimens distingués.

Constantin.

à Mr. Pougens à Paris.

Три письма Дарсэ академику Пужанъ, 15 и 19 мая и 29 октября 1829 года.

Monsieur,

J'aurais bien voulu pouvoir repondre plustôt à la lettre que vous m'avez ecrite mais il m'a fallu rassembler les differentes notes que je vous envoie et que je n'avais pas toutes à ma dispositon.

J'ai eu l'honneur d'être appelé auprès de S. M. L'empereur de Russie, en 1815, lors de son sejour à Paris, pour lui expliquer les procedés d'extraction de la gélatine des os relativement aux quels le Grand Duc Constantin vous demande des renseignements: je crois même me souvenir que ce prince etait present à l'audience que je reçus et à la suite de la quelle j'offris à S. M. L'empereur de Russie de recevoir dans ma fabrique quelques eleves Russes pour les mettre en etat de porter en Russie le nouvel art dont-il etait question. S. M. accepta, avec empressement, ma proposition; j'eus, à ce sujet, plusieurs conferences avec son premier Medecin

mais les choses en resterent là et je n'ai plus entendu parler de l'execution de ce projet.

Vous verrez, Monsieur, en parcourant les notes que je vous envoie que le travail dont-il s'agit est aujourd'hui plus complet qu'il ne l'etait en 1815 et vous serez, sans doute, disposé à engager votre noble correspondant à ne pas abandonner l'idée de s'occuper de cet objet qui tient, certainement, un rang très elevé parmi les questions administratives les plus utiles: quant à moi je ne puis que reiterer les offres que j'ai faites de communiquer ce que je sais à ce sujet aux personnes qui me seraient désignées par le gouvernement Russe pour recevoir ces renseignements.

J'ai l'honneur d'être, Monsieur, avec la plus haute consideration, votre très devoué serviteur

d'Arcet.

Ce 15 Mai 1829.

Monsieur Le Chevalier,

Je n'avais pas repondu à la partie de votre lettre pour la quelle vous me demandez de nouveaux renseignements parceque je l'avais interpretée dans le sens qui me parait le plus probable: ce qui suit vous expliquera ma pensée à ce sujet. J'ai proposé, en 1813 d'amollir les os au moyen de l'acide hydrochlorique mais, je ne fais usage que de la vapeur d'eau dans mes nouveaux procedés et c'est pour remplacer l'emploi de la marmite de Papin que j'ai fait construire l'appareil dont la place et tous les details se trouvent gravés dans la brochure que j'ai eu l'honneur de vous remettre.

S. A. demande-t-elle un modele de marmite de Papin ou veut-elle parler d'un modele de mon nouvel appareil? ici commence l'embarras: si vous envoyez une marmite de Papin on sera moins avancé que nous ne le sommes; c'est, cependant, cet ustensile qu'on demande mais, connaissant imparfaitement mes procedés, on a pu se tromper et cette hypothèse est, selon moi, très probable, voyez ce que vous voulez faire à ce sujet.

Si l'on desire un modèle de mon appareil il faut s'adresser à Mr. Talabot, Mécanicien, rue Blanche № 45 (bis); si c'est, au contraire, une marmite de Papin que l'on demande il faut la commander à Mr. Moulfarine qui demeure rue St. Pierre № 18 près le boulevard Amelot. Quelque soit le parti que vous prenniez je vous offre, Monsieur, de faire executer de mon mieux votre decision, je ne demande qu'a la connaitre pour bien remplir les intentions de S. A.

Veuillez, je vous prie, Monsieur, agreer l'expression de mes sentimens distingués et l'hommage de ma haute consideration

Ce 19 Mai 1829. d'Arcet.

(На оборотѣ письма: A Monsieur Monsieur Pougens membre de L'académie Royale des inscriptions et belles lettres etc, etc. Rue du Cherche midi № 15 faubourg St. Germain. à Paris.)

Monsieur,

J'ai reçu, hier, la visite de Mr. le capitaine Olive qui est venu me demander, de la part de S. A. le grand Duc Constantin, des renseignements relatifs à l'extraction de la gélatine des os et à son emploi comme substance alimentaire; ce message me fait craindre que le paquet et tous les documents que j'ai eu l'honneur de vous remettre à ce sujet ne soient pas parvenus à leur adresse: je vous serais fort obligé de me communiquer ce que vous avez appris à cet égard. Je crois, Monsieur, remplir vos vues en vous envoyant les notes ci-jointes dans les quelles la question dont il s'agit a été envisagée sous toutes les faces: ces notes feront rechercher les premieres envoyées et leur serviront de supplément.

J'ai honneur d'être, Monsieur, avec la plus haute consideration Votre très humble et très obeissant serviteur d'Arcet.

Ce 29—8-bre 1829.

Копія съ письма импер. Александра I, 15 ноября 1815 года.

Князь Николай Ивановичь! Безпорядки бывшія по продовольствію арміи въ границахъ нашихъ, вынудили меня предоставить указомъ 1-го Сентября особеннымъ, попеченію вашему исправное содержаніе оныхъ при теперешнемъ расположеніи по квартирамъ. Уполномочивъ васъ дѣйствовать непріемля отъ министерства отговорокъ, мнѣ оставалось быть только увѣреннымъ, что никакая жалоба на недостатокъ денегъ или на недостатокъ продовольствія, не дойдетъ болѣе до меня; но къ крайнему удивленію вижу нынѣ изъ копіи съ донесенія къ вамъ управляющаго военнымъ министерствомъ (копія съ которой прилагается при семъ) что по 21-е Октября ничего рѣшительнаго еще не сдѣлано; напротивъ министерство финансовъ подъ предлогомъ ожидаемаго отъ меня утвержденія съ Іюля мѣсяца не отпускаетъ военному министерству дополнительныхъ денегъ по опредѣленію Комитета финансовъ, и потому на заготовленіе путеваго даже продовольствія не имѣетъ провіантской департаментъ потребной суммы пяти милліоновъ восьми сотъ семидесяти девяти тысячь пятидесяти восьми рублей двадцати одной копѣйки.

Нельзя оставить безъ вниманія, что министерство наше теряя лишь время, входитъ съ докладами ко мнѣ объ отпускѣ суммъ, не взирая на полное разрѣшеніе данное мною вамъ, дѣйствовать рѣшительно по сему предмету и не уважая занятій моихъ заграницею, которыя рѣдко позволяютъ имѣть свободныя часы для дѣлъ текущихъ, особливо когда я полагаясь на уполномочіе данное вамъ, остаюсь въ твердомъ ожиданіи исправныхъ исполненій моихъ предписаній. Ежели самъ Комитетъ призналъ необходимымъ отпускъ денегъ, ежели войска безъ пропитанія,—то для чего нужно утвержденіе мое на денежный отпускъ?—утвержденіе, которое ежели бы послѣдовало и въ день пріезда фельегеря ко мнѣ, все не ранѣе мѣсяца получено бы могло быть обратно, и которое совершенно уже дѣлается ненужнымъ, послѣ рѣшительныхъ моихъ повелѣній вамъ по сему предмету.

Возложивъ 1-го Сентября на васъ порученіе о исправномъ арміи содержаніи продовольствіемъ, нахожу только нужнымъ прибавить къ оному, чтобы съ полученія сего указа распорядить отпускъ военному департаменту вопервыхъ пяти милліоновъ восьми сотъ семидесяти девяти тысячь пятидесяти восьми рублей двадцати одной копѣйки, для путеваго продовольствія и на заготовленіе мѣсячной пропорціи, а вовторыхъ одного миліона шести сотъ тысячь рублей на уплату полковыхъ претензій; послѣ же и остальной суммы, какая нужна для продовольствія войскъ въ Россіи.

Въ заключеніе обязываюсь сказать, что ежели и послѣ сего подтвержденія будетъ какая неисправность въ содержаніи арміи, то по всей строгости взыщу я съ виновныхъ, не взирая ни на какое лицо. О семъ повелѣваю обьявить Господамъ Министрамъ.

На подлинномъ подписано собственною Его Императорскаго Величества рукою тако:

Варшава. Александръ.
Ноября 15-го
1815.

Копія съ рапорта Алексѣя Петровича Ермолова импер. Александру I, 12 марта 1817 года.

Въ представленіяхъ моихъ о вознагражденіи чиновниковъ, никогда не обращалъ я вниманія на недостойныхъ, или особеннымъ усердіемъ и трудами, или похвальнымъ безкорыстіемъ онаго не заслуживающихъ. Здѣсь по недавнему моему пребыванію наиболѣе строгъ я въ выборѣ. Но Государь! безполезно

ободряю я трудящихся, не внимаитъ начальство моимъ представленіямъ, не достигаютъ они правосуднаго В. И. В. возрѣнія, и я по волѣ В. В. занимаю мѣсто, съ которымъ неразлучно должно быть довѣріе правительства. Въ первый разъ въ продолженіи службы моей, не смею ручаться подчиненнымъ, за справедливое воздаяніе трудовъ ихъ; а потому и доверія къ правительству внушить имъ не могу.

Управляющему министерствомъ полиціи представлялъ я о исходатайствованіи наградъ чиновникамъ за труды въ прекращеніи заразы. Я былъ свидетелемъ какихъ трудовъ стоитъ и самой опасности, тщательное исполненіе сихъ должностей, но мнѣ отвѣтствуютъ что высочайше повелѣно остановиться представленіями до назначенія времяни и формъ докладовъ по сему предмѣту. Въ то же время по министерству полиціи и по другимъ частямъ безпрестанно награждаемые чиновники утверждаютъ меня во мнѣніи, что нѣтъ формъ правосудію и милосердію.

Государь! здѣсь надежда на справедливое воздаяніе за вѣрность и усердіе должны вознаграждать лишеніе всѣхъ прочихъ выгодъ; родъ жизни служащихъ здѣсь, отреченіе всѣхъ удовольствій и отдаленность достойны особеннаго вниманія. Никто не служитъ здѣсь, кому сильныя связи и могущественныя правительства представляютъ выгоднѣйшее служеніе; въ другомъ мѣстѣ не требуютъ трудовъ, а здесь все надобно доставать трудами.

Къ милостямъ В. И. В. изливаемымъ присовокупи Государь! и ту, чтобы могъ я достойнымъ обещать достойное воздаяніе.

Замѣтка о графахъ Шереметевыхъ пономаря Алексѣя Иванова.

Въ Кусковѣ и Останкинѣ были великолѣпные театры: Графъ Петръ Борисов. жилъ въ Кусковѣ; а Г-фъ Николай Петр. сынъ его въ Останкинѣ, которое Херасковъ называлъ новыми Аѳинами, и гдѣ такъ роскошно угощалъ хозяинъ Принца Генриха Прусскаго, Короля Польскаго Станислава Августа и Импер. Павла. По воскресеньямъ вся Москва собиралась нѣкогда къ Шереметевымъ, и была радушно принимаема въ щегольскихъ садахъ, гдѣ росли вѣковые лавры и мирты, даромъ раздавали посѣтителямъ фрукты, мороженое, чай, пуншъ, вины, и безденежно публика допускаема была въ домашній театръ. Въ 1811 году Кусково и Останкино стояли уже осиротѣлыми, обширные пруды ихъ зарастали. Только великолѣпная мебель, статуи, роскошь полинялыхъ комнатъ и

залъ, и запущенные сады напоминали о минувшихъ весельяхъ, о томъ времени, когда Орловы, Разумовскіе, Шереметевы, Куракины, Остерманы, Дмитріевы-Мамоновы, Долгорукіе, богачи, вельможи, любимцы и баловни счастія и роскоши жили въ Москвѣ и доживали старый Екатерининскій вѣкъ.... Мы едва застали послѣдній вздохъ этого великолѣпнаго и уже чуждаго намъ вѣка.

Внукъ Г-фа Бориса Петровича Шереметева Г-фъ Николай Петровичь Государственный казначей, дѣйствительный т. совѣтникъ 1801 года Октября 11-го въ Симеоновской на Поварской церкви вѣнчанъ на крѣпостной своей Актрисѣ дѣвицѣ Прасковьѣ Ивановнѣ (которой Графъ выхлопоталъ въ Польшѣ дворянство давши ей фамилію: Ковалевская) оной церкви священникомъ Благочиннымъ Стефаномъ Никитичемъ. При чемъ были: Николо-Сапожковскіе священникъ съ діакономъ и я. Графъ за вѣнчаніе пожаловалъ свящ. Стефану 500 р., мнѣ 125 р.; а приходскимъ, Сапожковскимъ неизвѣстно сколько.

Письмо Александра Семеновича Шишкова родителямъ.

Слава Господу Богу! Насъ отправляютъ теперь на большую флотилію, которой часть теперь пот командой Месоедова дѣла никакова нету—сейчасъ иду къ Багратиону, онъ вчерась много со мной говорилъ и слишкомъ ласково прощайте много дѣла, благословите почтеные родители сына которому жизнь до техъ поръ приятна поколь вы его любите. Дѣло уже прошло. Дрались кажится хорошо. Сейчасъ идемъ къ главнокомандующему которой ѣдетъ на флотил. Неудивляйтесь что такъ разбросано писано; каждую минуту прибегаютъ ардинарцы то туда, то сюда,—самая главная моя беда что въ прошломъ дѣле оба мы потеряли много екипажу. Пожалуста благодарите Анну Ивановну. Петръ Петровичь слишкомъ много милостивъ. Цалую ваши ручки прося благословенія по гропъ покорной сынъ.

16-ое Августа. Снялись съ якорѣй и пошли къ островамъ Топсало, Судеало и Коурасало, съ коихъ велѣно было взять контрибуцію, усмирить жителей на оныхъ и привесть начинщиковъ возмущеній.

17-ое Авг: Шли на веслахъ и ночевали по восточную сторону острова Судеало. Мнѣ порученъ былъ авангардъ состоящій изъ шести лодокъ и я шолъ на переднѣй; Хвостовъ командовалъ первымъ отрядомъ нашей флотиліи, то есть 15-ью лодками.

18-ое Авг: Въ 10 часовъ утра крейсеры извѣстили, что видятъ многочисленный Шведской флотъ подъ парусами. Вскорѣ и я его увидѣлъ и поспѣ-

шилъ занять узкой проходъ между Судеало и маленькаго островка къ нему прилежащаго, дабы остановить непріятеля и не дать ему атаковать насъ на широкомъ проливѣ, гдѣ многочисленность его флота подала бы ему выгоды зайтить къ намъ въ тылъ, или во флангъ. Передніе его суда открыли жестокую канонаду, но авангардъ уже выстроился, открылъ огонь, остановилъ непріятеля и далъ время всей нашей флотиліи вытянутся. Сраженіе было чрезвычайно жаркое. Сей отрядъ былъ уже въ третьемъ дѣлѣ нынѣшняго лѣта; но по словамъ всѣхъ, тѣ два никакого сравненія съ симъ не имѣли. Хвостовъ дрался какъ чортъ и подъ сурдиною управлялъ всѣмъ дѣломъ, ибо Селивановъ (начальникъ нашъ) предобрѣйшій человѣкъ, но съ слабою головою. Полковники Горбунцовъ и Пышницкій, командующіе дессантными войсками, люди прехрабрые; на лѣвомъ флангѣ былъ Мякининъ. Всѣ офицеры содѣйствовали имъ и помогали сдерживать Шведовъ, кои имѣли конечно болѣе 50-ти лодокъ, шесть галеръ и нѣсколько парусныхъ судовъ. Сраженіе продолжалось съ 11-го утра до 8-ми часовъ вечера; но самое жестокое было отъ 3-го до 5-го часу: двѣ наши лодки (Хвостова и моя) были потоплены и семнадцать разстрѣлены; у Шведовъ двѣ взорвало, до десяти потопили и многіе чрезвычайно повредили. Однако они имѣя таковой противу насъ лишекъ въ лодкахъ, безпрестанно замѣнялись свѣжими; наши же должны были всѣ выдерживать цѣлое сраженіе. Флаги съ утопшихъ лодокъ спасены. Къ большему нашему несчастію, на цѣлой флотиліи оставалось провизіи на одинъ только день, пороху весьма мало, ядеръ также; почему съ наступившею темнотою мы отретировались въ добромъ порядкѣ. Шведы не смотря на превосходство свое, не имѣли видно желанія дратся болѣе и дали намъ ночевать покойно. Глупа шутка катать 24-хъ фунтовыми мячиками; худо видѣть какъ рветъ головы и обрызгиваетъ мозгомъ! Чортъ побери тѣхъ кои выдумали дратся.

19-ое Авг: Остановились близь Города Або, гдѣ должны были починить лодки, взять провизію и снаряды. Здѣсь сраженіе наше было слышно, хотя разстояніе отъ сюда до того мѣста по прямой линіи около 35-ти, или болѣе верстъ. Канонада заставляла ожидать рѣшительнаго дѣла, а извѣстность многочисленности Шведскаго флота понуждала Графа Буксгевдена и всѣхъ думать, что едва ли одна изъ нашихъ лодокъ спасется. Потому, когда сказали главнокомандующему, что наша флотилія идетъ сюда, то онъ чрезвычайно обрадовался; а Хвостова пріѣхавшаго съ раппортомъ принялъ отмѣнно хорошо. Должно сказать еще, что сильный вѣтръ дующій прямо отъ непріятеля, дѣлалъ намъ чрезвычайную помѣху; но можно быть увѣрену, что имѣй мы число ихъ флота, а они наше, то мы бы души Шведской не выпустили изъ рукъ своихъ.

24-ое Авг: Нынѣ получено извѣстіе, что Шведской флотъ съ коимъ мы дрались, состоялъ изъ 80 или 84 судовъ; что онъ сверхъ взорванныхъ и по-

топленныхъ лодокъ, принужденъ былъ бросить еще 13 на берегу и ретироватся къ Топсало; однако не видя за собою погони, починилъ ихъ послѣ и привелъ ко флоту. Потеря его состоитъ въ 16 или 17 офицерахъ и множествѣ людѣй. Естли все это справедливо, то остается только дивится сему.

Письмо А. Казначеева, 26 января 1829 года.

26 Генв. 1829. Θеодосія.

Давно, очень давно, ни ты ко мнѣ ни словечка, ни я къ тебѣ ни строчки не писалъ. Но вѣрно ты любишъ меня попрежнему, какъ я тебя люблю. На первой разъ не хочу отнимать у тебя время. Я радъ, что имѣю случай придраться сказать старому другу здраствуй и сдѣлать доброе дѣло: въ 1826 году по прозьбѣ моей Генералъ Киселевъ опредѣлилъ въ Тульчинскую военную школу молодаго человѣка Масалова. Въ послѣдствіи онъ выпущенъ кажется въ 33-й Егерьской полкъ. Теперь онъ служитъ портупей-юнкеромъ и находится въ окрестностяхъ Букареста. Пожалуста не оставь его своимъ покровительствомъ и при случаѣ ускори производство его въ офицеры, буде можно. Теперь есть къ тому случаи. Ты симъ вспомнишъ стариннаго твоего товарища и друга: А. Казначеевъ.

P. S. Я съ годъ тому назначенъ Θеодосійскимъ Градоначальникомъ. Въ настоящемъ своемъ мѣстѣ много могу сдѣлать полезнаго. Еслибъ я увѣренъ былъ тогда, что война будетъ, то перешелъ бы опять въ военную службу и теперь на то готовъ, если меня пригласятъ старые начальники или знакомые генералы. Куда желалъ бы я съ тобою увидѣться. Я доселѣ оплакиваю общаго друга нашего и брата Каменскаго! Ты не повѣришъ какъ странно оставилъ я военную службу: я даже ничего о томъ не зналъ. Графъ Вор—въ надѣясь на мою къ нему привязанность все ето сдѣлалъ, не сказавъ мнѣ ни слова. Онъ не ошибся въ моей привязанности; я его доселѣ люблю отъ всего сердца; но онъ не совсѣмъ хорошо со мною поступилъ. Оставь ето между нами! Поклонись Ген. Киселеву, можетъ быть онъ меня еще не забылъ. Да напиши хоть словечко, какъ ты поживаешъ и какого тебѣ?....

Письмо княгини Софіи Александровны Мадатовой, 20 февраля 1829 года.

Chère et bonne Comtesse,

Plus je réflechis à la necessité d'interresser vivement Monsieur le Compte à l'accomplissement du voeu irrévocable que mon coeur a formé, plus je vois que tout dépend de votre intercession.

Quoique le G: Krassovsky m'ait positivement promis de faire transporter en été les restes de mon pauvre mari, je crainds que la multiplicité de ses occupations ne lui fasse négliger ce dernier devoir envers son compagnon d'armes—à moins que le Maréchal ne veuille bien lui en reitérer l'ordre.

Vous avez été si bonne, chère Comtesse, et avez pris sur vous d'en parler au comte, pardonnez donc si j'ose encore vous supplier de lui exprimer mes craintes, si la chose n'est point executée avant qu'il ne *quitte le territoire Turc,* je n'aurai aucun espoir de savoir près de moi les cendres du pauvre Madatoff!

Jour et nuit je crois entendre sa voix, qui me dit „Oh Sophie pourquoi m'abandonne tu à Shoumla!“ Mon esprit est tellement frappé de cette idée que je n'aurai jamais de repos, si je ne remplis pas ce voeu. C'est une chose facile et que le Maréchal ne refusera pas au pauvre Madatoff qui lui était si dévoué.

Les dépenses du cercueil de plomb, du vaisseau marchand, enfin du transport, seront sans délai remises avec la plus profonde gratitude.

C'est sur vous que je fonde toute mon espérance, chère Comtesse, et c'est au Comte que je devrai encore la seule consolation.

Le 20 Février.

Votre toute dévouée
Sophie Madatoff.

Письмо изъ Бобруйской крѣпости, 28 мая 1831 года.

Іюля 3. Отд. 2.
Гн. Нач. Глав. Шт.
приказать изволилъ наказать
розгами 200 удар.

Ваше Превосходительство
Милостивый Государь,

Событіе само собою неважное, но въ другомъ отношеніи заслуживающее не быть оставленнымъ вовсѣ безъ вниманія, побуждаетъ меня довести о немъ до свѣденія Вашего Превосходительства.

2-го Сапернаго баталіона унтеръ-офицеръ Іоганъ Михель оставленный при баталіонныхъ тяжестяхъ въ Г. Рогачевѣ Могилевской Губерніи, въ 70 верстахъ отъ бригаднаго моего Штаба, 17-го числа настоящаго месяца получилъ письмо отъ товарища своего того же баталіона унтеръ-офицера Николая Михайлова изъ Брестъ-Литовска писанное 4-го Маія. Худо зная грамотѣ, онъ попросилъ другаго унтеръ-офицера своей команды, въ твердомъ предположеніи (какъ сіе обыкновенно бываетъ въ означенномъ классѣ людей) что письмо не заключаетъ ничего особеннаго, прочитать его въ слухъ. Между тѣмъ въ его квартирѣ было еще нѣсколько солдатъ и постороннихъ лицъ.

По прочтеніи содержанія, онъ показывалъ его спрашивавшему о немъ Секретарю Городской Полиціи. Наконецъ 22 числа Іогана Михеля позвали къ мѣстному исправнику, который спросивъ и взявъ отъ него письмо, передалъ его чиновнику прибывшему въ городъ съ особымъ порученіемъ отъ Губернатора и по полученіи письма тотъ часъ оставившему Рогачевъ.

Оно кромѣ дѣлъ собственныхъ, заключало расказъ о военныхъ дѣйствіяхъ: гдѣ въ глупыхъ выраженіяхъ пишетъ Михайловъ о совершенномъ разбитіи 1-го и 6-го пѣхотныхъ корпусовъ, прибавляя свое мнѣніе, что Варшава не покорена отъ измѣны высшихъ начальниковъ, что мятежники были прижаты къ Вислѣ и погибли бы неизбѣжно, но приказано было отступить, что одинъ изъ полковниковъ русскихъ, рѣшившійся сдѣлать по нимъ нѣсколько ружейныхъ выстрѣловъ при отступленіи былъ за сіе подвергнутъ отвѣтственности— и подобные нелѣпости.

По изъясненнымъ выше обстоятельствамъ я не читалъ письма его самъ, ибо прежде полученнаго мною о немъ извѣстія, оно уже было въ рукахъ гражданскаго начальства; а потому содержаніе его я почерпнулъ изъ сдѣлан-

наго мною секрѣтнаго допроса унтеръ-офицеру Михелю, который бывъ вовсѣ невиненъ, чистосердечно описалъ неведеніе свое при прочтеніи письма и сообщилъ все, что могъ упомнить изъ читаннаго.

Распространеніе подобныхъ слуховъ, (ничтожное для людей мыслящихъ) между простымъ народомъ неразсуждающимъ, но легковѣрно пріемлющимъ за истинну каждое извѣстіе ему сообщенное, не можетъ не произвести дурнаго впечатлѣнія, какъ на солдатъ въ одномъ, такъ въ другомъ отношеніи на жителей здѣшнихъ губерній. А потому не зная дальнѣйшихъ мѣръ принятыхъ Могилевскимъ губернскимъ начальствомъ, я всегда свято чтя общую пользу, полагая что заблаговремянное сообщеніе свѣденія о семъ въ Главную квартиру можетъ быть не безполезно на будущее время, рѣшился уведомить о семъ ваше Превосходительство, надеясь, что не огорчитъ васъ тѣмъ, имѣющій честь съ чувствомъ совершеннаго почтенія и преданности быть,

28 Маія 1831.
Кр. Бобруйскъ.

Ваше Превосходительство
Милостиваго Государя
Покорнейшей слуга
Вильгельмъ Р. . . . . .

Письмо Е. Головина барону А. Е. Врангелю, 3 августа 1839 года. *)

Милостивый Государь
Баронъ Александръ Евстафьевичь!

Вмѣстѣ съ извѣстіемъ о примѣрной храбрости оказанной вами на достопримѣчательномъ приступѣ 16-го минувшаго Іюля, къ укрѣпленному убѣжищу Шамиля, Ахульго, съ прискорбіемъ узналъ я о тяжелой ранѣ вашей, при этомъ случаѣ полученной.

Засвидѣтельствованіе Г-на Генералъ-Адъютанта Граббе, о неустрашимости, которою отличились всѣ чины ввѣреннаго вамъ полка, служитъ мнѣ вѣрнымъ доказательствомъ, что полкъ носящій имя столь знаменитаго Вождя, подъ начальствомъ вашимъ и одушевленный вашимъ примѣромъ, не уронилъ прежней своей славы и вполнѣ оправдалъ мое ожиданіе. Пріятно мнѣ было также узнать, что вы несмотря на тяжелую рану вашу, занимаетесь имъ и что большая часть раненыхъ Г.г. офицеровъ находятся въ рядахъ.

---

*) См. выше, стр. 90.

Мнѣ остается желать только, чтобы почетный знакъ личнаго мужества вашего, тяжелая рана вами полученная, не лишила полка вашего начальства, будучи увѣренъ, что оно откроетъ ему путь къ новымъ, столь же смѣлымъ, но болѣе удачнымъ подвигамъ. Истинно воинскій духъ долженъ возвышаться надъ невѣрностію жребія, которому событія подчиняются. Поблагодарите отъ меня всѣхъ Г.г. штабъ и оберъ офицеровъ, а также и нижнихъ чиновъ. Раздѣляю съ ними скорбь о потерѣ храбрыхъ ихъ товарищей.

Прошу видѣть во мнѣ справедливаго цѣнителя достоинствъ вашихъ и вѣрить искренности чувствъ моего къ вамъ уваженія, съ которыми имѣю честь быть

Его Высокобла. Б. А. Е. Врангелю,
Г-ну Полков. и Команд. Его Свѣт. Фелд.
Кн. Варшав. полка.
№ 215-й
3-го Августа 1839 года.
Тифлисъ.

Вашимъ покорнымъ слугою
Евгеній Головинъ.

Письмо П. Иванова, 12 января 1861 года.

Сіятельнѣйшій Графъ
Милостивѣйшій Государь!

Съ чувствомъ невыразимаго сердечнаго удовольствія получили мы свѣдѣніе о назначеніи Вашего Сіятельства Предсѣдательствующимъ въ Государственномъ Совѣтѣ и тотчасъ же первою и священнѣйшею для себя обязанностію поставляю повергнуть предъ Вашимъ Сіятельствомъ искреннѣйшее поздравленіе мое съ настоящимъ событіемъ при пожеланіи Вашему Сіятельству, со вступленія въ новую должность, обновленія силъ и долгихъ дней для пользы и славы отечества, которое навсегда останется признательнымъ Вамъ за тѣ великія заслуги какъ въ области наукъ, такъ и на поприщѣ государственномъ.

Вмѣстѣ съ симъ долгомъ для себя поставляю представить Вашему Сіятельству прилагаемый при семъ документъ, найденный мною въ дѣлахъ ввѣреннаго управленію моему Архива. Документъ этотъ, хотя и не имѣющій большаго значенія въ историческомъ отношеніи, тѣмъ не менѣе показался мнѣ любопытнымъ по отношенію къ домашней жизни Вѣнценосной Особы, а объ этой жизни царственныхъ лицъ мы слишкомъ мало имѣемъ свѣдѣній. Я почту себя

вполнѣ счастливымъ, если документъ этотъ обратитъ на себя хотя минутное вниманіе Вашего Сіятельства.

Съ глубочайшимъ почитаніемъ и особенною преданностію имѣю честь быть

Вашего Сіятельства
Милостивѣйшаго Государя
всепокорнѣйшимъ слугою
Петръ Ивановъ.

Января 12 дня
1861 года.

Государь мой Андрей Ивановичъ!

Понеже въ Тайную Контору изъ Дворцовой Слѣдственной Коммиссіи въ промеморіи написано: при разобраніи де села Дединова управителя Якова Шестакова писемъ явилось между протчимъ письмо черное на листу о бытіи въ Санктъ-Петербургѣ при домѣ Ея Императорскаго Величества Филатьевой дочери и о нѣкоторыхъ якобы разговорахъ, а оной де Шестаковъ въ означенной Коммиссіи допросомъ показалъ: вышеозначенное де письмо писано рукою жены его Настасьи Филатьевой дочери, а объ ономъ де ея бытіи слышалъ онъ на словахъ отъ помянутой жены своей, а письма де онъ Шестаковъ не видалъ, а оная де жена его нынѣ обрѣтается въ Санктъ-Петербургѣ и оное подлинное письмо при оной промеморіи прислано въ Тайную Контору, съ котораго письма точная копія для разсмотрѣнія посылаю къ Вашему Превосходительству при семъ.

Вашего Превосходительства Государя моего всегдашній слуга Семенъ Салтыковъ.

Марта 6 дня
1740 года.

1738-го Іюня 17-го дня. Мануила, Савелія, Измаила.

Божескою милостію и заступленіемъ Пресвятыя Богородицы и повелѣніемъ Ея Императорскаго Величества приведена была во Дворецъ лѣтній, и привели меня въ дежурную къ Андрею Ивановичу Ушакову; и Его Превосходительство велѣлъ меня проводить чрезъ садъ въ покои, гдѣ живетъ княгиня Аграфена Александровна Щербатая, и какъ шла садомъ стоялъ лакей на дорогѣ и спросилъ: не вы ли де Филатовна, и я о себѣ сказалась; и взялъ меня лакей и довелъ до крыльца передъ почивальную и привелъ къ княгинѣ и княгиня пошла и доложила обо мнѣ и изволила Ея Императорское Величество прислать Анну Ѳедоровну Юшкову, не скушно ль тебѣ Филатовна посиди и посадили со мною отъ скуки говорить Анну Ѳедоровну Волкову полковницу, а какъ пришло время обѣдать посадили меня за столъ съ княгинею Голицыною съ полковни-

цею Анною Васильевною, съ Акулиною Васильевною, съ Марьею Михайловною Возницыною, съ каморъ-юнфорою Матреною Естифеевною, съ Маргаритою Ѳедоровною съ матерью Александрою Григорьевною, а иныхъ не упомню. А какъ пришло часъ вечерни, изволила Ея Величество прислать Анну Ѳедоровну Юшкову ночуй де у меня Филатовна и я сказала воля Ея Императорскаго Величества; а какъ изволила откушать ввечеру и изволила раздѣться, то меня княгиня привела въ почивальну предъ Ея Величество и изволила меня къ ручкѣ пожаловать и тѣшилась, взяла меня за плечо такъ крѣпко, что съ тѣломъ захватила, ажно больно мнѣ было, и изволила привесть меня къ окну и изволила глядѣть мнѣ въ глаза, сказала стара очень ни такъ какъ была Филатовна, только пожелтѣла, и я сказала уже матушка запустила себя, прежде пачкивалась, бѣлилася, брови марала, румянилася, и Ея Величество изволила говорить румяниться не надобно, а брови марай, и много тѣшилась, и изволила про свое Величество спросить стара я стала Филатовна и я сказала никакъ матушка ни маленко старинки въ Вашемъ Величествѣ нѣтъ, какова же я толщиною съ Авдотьею Ивановною и я сказала нельзя матушка смѣнить Ваше Величество съ нею она вдвое толще, только изволила сказать вотъ вотъ видишь ли, а какъ закончу то изволитъ сказать: ну говори Филатовна, и я скажу: не знаю что матушка говорить, душа во мнѣ трепещется, дай отдохнуть, и Ея Величеству это смѣшно стало, изволила тѣшиться, поди ко мнѣ поближе и мнѣ стала Ея Величества милость и страшно и мило упала передъ ножками въ землю и цѣлую юпочку, а Ея Величество тѣшится, подымите ее, а княгиня меня тащитъ за рукавъ къ верху, я и пуще не умѣю встать; и такъ моя матушка свѣтла была что я отъ радости ночью плакала и спать не могла; ну Филатовна говори, не знаю матушка что говорить; разсказывай про разбойниковъ, меня уже горе взяло, я молъ съ разбойниками не живала, и изволила приказывать, что я дѣлаю, скажи Авдотьѣ Ивановнѣ и долго вечеромъ изволила сидѣть и пошла почивать, а меня княгиня опять взяла къ себѣ, а княгиня живетъ передъ почивальнею; а поутру опять меня привели въ почивальную передъ Ея Величество въ 10-мъ часу и первое слово изволила сказать: чаю тебѣ не мягко спать было, и я опять упала въ землю передъ Ея Величество и изволила тѣшиться, подымите ее, ну Филатовна разсказывай и я стала говорить: вчерася матушка день я сидѣла какъ къ исповѣди готовилась, сердце все во мнѣ трепеталось и Ея Величество тѣшилась, а нынѣ часто, а сегодня матушка къ причастью готовилась, и такъ изволила моя матушка свѣтла быть, что сказать не умѣю; ну Филатовна говори, и я скажу, не знаю уже что говорить всемилостивая, гдѣ твой мужъ и у какихъ дѣлъ, и я сказала въ селѣ Дединовѣ въ Коломенскомъ уѣздѣ управителемъ, матушка изволила вспамятовать, вы де были въ новогороцкихъ, тѣ молъ волости, государыня, отданы въ Невской монастырь, гдѣ жъ де вамъ лучше

въ новогородскихъ или въ коломенскихъ, и я сказала въ новогородскихъ лучше было государыня, и Ея Величество изволила сказать: да для тебя не отымать ихъ стать, а гдѣ вы живете богаты ли мужики? богаты матушка; для чего же вы отъ нихъ небогаты? у меня молъ мужъ, говоритъ всемилостивѣйшая Государыня какъ де я лягу спать, ничего не боюся и подушка въ головахъ не вертится, и Ея Величество изволила сказать: едакъ лучше Филатовна, не пользуетъ имѣніе въ день гнѣва, а правда избавляетъ отъ смерти и я въ землю поклонилася, а какъ замолчу, изволитъ сказать: ну Филатовна говори! и я скажу: матушка уже все высказала, еще не все, скажитка, стрѣляютъ ли дамы въ Москвѣ, видѣла Государыня князь Алексѣй Михайловичъ учитъ стрѣлять княжну изъ окна, а поставлена мишень на заборѣ; попадаетъ ли она? иное матушка попадетъ, а иное кривенько; а птицы стрѣляетъ ли? видѣла государыня, посадили голубя близко мишени и застрѣлили въ крыло и голубь ходилъ на кривобокъ, а въ другорядъ уже пристрѣлила; а другія дамы стрѣляютъ ли? не могу матушка донесть, не видывала; изволила мать моя милостиво распрашивать покамѣстъ кушать изволила пойти и при мнѣ убираться изволила, а какъ убраться изволила, то пожаловала меня къ ручкѣ, токмо прости Филатовна, а я опять по тебя пришлю, поклонись Григорью Петровичу Авдотьѣ Ивановнѣ, и изволила приказать Аннѣ Ѳедоровнѣ Юшковой, вели отвесть Филатовну на вереикѣ лакеямъ да и проводить и пожаловала мнѣ 100 рублевъ, изволила сказать: я де помню село Дѣдиново съ матушкою ѣздила молиться къ Николѣ, а я молвила нутка молъ матушка нынѣ пожалуй къ Николѣ то чудотворцу помолиться, и Ея Величество изволила: молись Богу Филатовна какъ миръ будетъ, изволила меня послать, чтобы я ходила по саду и погляди Филатовна моихъ птицъ, и какъ привели меня въ садъ и ходятъ двѣ птицы величиною и отъ копытъ вышиною въ большую лошадь; копыты коровьи, колѣнки лошадиныя, бедры лошадиныя а какъ подыметъ крыло, бедры голы, какъ тѣло птичье, а шея какъ у лебедя длинна, мѣръ въ семь или въ восемь, длинья лебежья и головка гусиная и носокъ меньше гусинова, а перья на ней такое, что на шляпахъ носятъ, и какъ я стала дивиться такой великой вещи, какъ-то ихъ зовутъ, то остановилъ меня лакей, постой, побѣжалъ отъ меня во дворецъ и прибѣжавъ ко мнѣ возвратно, изволила Государыня сказать: эту птицу зовутъ строфокамилъ, она де яицы несетъ, что въ церквахъ по паникадиламъ привѣшиваютъ.

Описаніе свадьбы (рукопись XVIII вѣка).

Церемония свадбы

24-го генваря пополуночи 11 часов маршал приехал своими шаѳерами в дом женіхов і принел от него трость з золотою булавою и со многими лентовыми банты і висящими лопасти. Маршалъ Петръ Есиповъ которому иметь трость болшую украшену лентами і на правой руке лентовой цветной бантъ.

Шаѳеры

Петръ Скобелцынъ Яковъ Сомовъ которым быть при всемъ домашнем смотреніи.

Петръ Зубаревъ Іванъ Ждановъ которые при маршиле всегда быть безотлучно.

Степанъ Каеровъ Василей Логинов которые были при невесте.

Пополудни во 2-м часу поехали к невесте с тем объявленіемъ что женіхъ ея приказал ей объявить что с нею завтрешней день будет венчатца в церкви соборной і она то слышав маршалу на правую руку привязала лентовой бантъ і целовала а шаѳерам при ней находящияся девицы привязали на левыя руки банты и целовали и два шаѳера осталосъ при невесте.

Маршал своею булавою і шаѳерами церемониею поехал звать ково надлежит быть в церемониі по всем улицам народа следовало немало і позвав донесть жениху хто будетъ.

День свадбы

25-го генваря жених долженъ былъ поутру отправить всеношное пение и молебенъ ибо онъ тот день был тезоіменит и такъ продолжалос даже какъ і кончилос обедня а после обедни некоторые пришли іменинника поздравлять и поставленъ был іменинной пирокъ і выпили по рюмки болшой вотки да по два пакала вина.

Пополудни во 2-м часу какъ со сторону женихову такъ і сторону невестину все собиралисъ хто куда был назначенъ.

Стороны жениховой отецъ посаженой господинъ брегадир и царицынской комендантъ Петръ Ѳедоровичь Колцов мать ево сожителница вначале 3-го часа благословили святым образом і отпустили к венцу а сами осталис в домѣ женіховом.

Маршал сел в свою корету з двумя шаѳерами а другие два шаѳера вер-

хами на убранных лошедях по сторон маршаловой кореты ехали а перед коретою скорохотъ.

Позади маршала корета женихова а с нимъ сидели два ковалера перед коретою скорохотъ цукъ.

Первы бояринъ Іванъ Аѳанасьевичъ с сожителницею следовал четвернею.

Дмитрей Андреяновичь съ Анною Петровною Есиповой четвернею.

Капитанъ Осволтъ съ женою капитана Сштенѳелта параю.

Штенѳелтъ з Зубаревою женою параю.

Ехали от квартиры женіховой прямя улицею даже до улицы Дмитрея Андреяновича і оную ехали на ніз и приехали в домъ невестинъ.

Стороны невестиной посаженой отецъ господинъ полковникъ Леополдъ Ісаковичь Дебеаусобриі а мат ево сожителница по приезде женихове в дом невестинъ шаѳеры ея і кавалеры встретили тогда жених селъ за стол с невестою которая была убрана в троне і посиде мало пока все убрались встали ізо стола і приняв от ея родной матери благословение жених невесту взявъ за руку и проводил до ея кареты и оная села с матерью посаженою и девицею Аѳимъею Митревною тогда жених пошелъ во свою карету і ехал тою же церемониею самою тихою ездою мимо своево двора до церкви.

Позади женіховой церемониі і невестина следовала.

Два ея шаѳера четвернею.

Корета невестина при ней мать посажена і девица цукомъ.

Полковникъ Леополдъ Ісаковичь четвернею маеор Дебокзберхъ з женою параю.

Цейхвартеръ Бересkинъ з женою парою.

Приехав к церкви маршал вышет іс кореты і при немъ шаѳеры встречали і принімали іс кореты жениха і жених дождався невестиной кореты принял ея за руку і пошел в церков а перед нимъ маршал і шаѳеры по обе стороны а за нимъ кавалеры і дамы следовали в церковъ а народа в то время такъ множество было что упователно которыя старики іли старухи с печи саіти не могли и те сожалели для чево не видали а которой ходить могъ тот не оставить чтоб не смотреть.

І егда святою церковъю обезалис і приняли благословенное венцаніе також пошли із церкви за маршаломъ і шаѳерами старою ж церемоніею і жених с невестою селъ в одну корету а напротив ихъ сели два кавалера.

Маршал следовал вперед а шаѳеры невестины за нимъ а потом жених с невестою а позади жениха і невесты ехали по чинамъ.

Приехали в домъ женихов маршал жениха і невесту принял ис кареты а самъ пошел наперетъ с шаѳерами а жених с невестою позади шел і спривступили в домъ то женихов отецъ і мать встретили святымъ образомъ і хле-

бомъ и солью і благословили потом сели за стол жених с невестою под убраннымъ балдахиномъ с алыми занавесы і золотою короною в средине и по сторонамъ зеркалами убрано было.

І над ними висели два лявровые венцы на алых лентахъ.

Перед ними на столе стояли две пиремиды убранныя все леврами и розами несколко было на одной яблакъ і помаранцов а на них стояла на первой красно жалей а на протчих местах сахарные и вызолоченые канѳеты на второй такожъ канѳеты в другой горнице был другой стол убранъ також с перемидаю і поставлено было кушанья на обеих столах шездесят петь блют разныхъ рыпъ маршал своими шаѳерами взяв музыку і пошел поднимать ѳоршнейдера и когда ѳоршнейдер вступил в двери тогда дѣвицы встретили онаго і привязали на обе руки банты и целовали и оной селъ против молодых а девицы по обе стороны подле ево і онъ долженъ былъ просить кушать а потомъ выпили по три пакала і выпалили із пушакъ одинъ разъ.

Маршал поднял жениха і невесту которые встав у отца і матери приняли благословение і простилис і маршал пошел с тростью танцовать полской танецъ а за ним жених с невестою за женихомъ дамы с ковалерами і тем танцомъ прямо пошли в брунцъ камору которая состояла въ верхнихъ покоях і коя была убита для тепла коврами і был убранъ стол с перемидаю і коѳей ізготовлена была і егда жених с невестою во оную вступили тогда ковалеры провожая своіх дам а сами пошли назадъ а дамы тогда при матерех посаженых невесту разобрав іс платья а матери положили на постель а сами коѳиі выпив по чашке і пошли в ніжныя покои оставя одново жениха и невесту и при них одинъ паж которой жениха разувалъ.

І по прошествиі совсемъ десети минут доказат маршалу таіно которой тотчас пришел к молодымъ і поздравил съ их благополучием і приказалъ палить іс пушакъ і зажигать луменацыю которая горела до полуночи а самъ приняв болшой пакал краснаго вина отца і мать проздравил і дамы к молодымъ все пришли і молодой в платье уже одет былъ і благодарил матерям потом пошел благодарить отцамъ і подносил по пакалу вина всемъ.

Маршал з двумя шаѳерами поехал к невестиной матери і ея ближнымъ ростьенникам объявить благополучие радости где принужденъ был выпить три бакала і назад возвратился а потом стали гости разъежатца по домамъ а маршал с шаѳерами поехал звать гостей к завтрешнему дни.

26-го генваря поутру молодыя с маршалом і шаѳерами поехали к отцамъ і матерям посаженымъ и к матери родной і отдав визит поехали в домъ болшой где ізготовлено быть к веселию і столы убраны о четырех пиремидах когда стали гости съяжатца тогда молодые должны были іхъ встретить а протчихъ маршал і шаѳеры.

Когда приспело время кушать тогда молодыя сели где убрано было имъ место под балдахином какъ і прежней а подле молодой садились дамы а подле молодова ковалеры а первенство імели дамы і ковалеры стороны невестиной і всех персон за столом присудствовало дамъ 15 ковалеров 46 стол состоял в дву пиремидахъ по 48 блютъ была перемена.

Какъ сели все за стол тогда молодой вскоча на стол і сорвал висящия над ним лявровыя венки оба вдрукъ і разорвал пополамъ с нареканиемъ на них полно вамъ венки над нами власть иметь я получил радость дражайшую разве разлучит смерть і бросил оные на пол і стали все кушать і покушав маршал подносил здоровьи вопервых милостивой государыни второе милостиваго государя третие молодых потомъ по чинамъ свадбы и всех за столом пакалов произошло 15 с палбою пушечною которая и дале полуночи продолжалас.

По окончаніі стола егда все стали і столы убрали тогда маршал поднял молодых тонцовать і молодые протонцовав должна молодая поднимать отцов потом і протчихъ кавалеров а молодой подносил и потчивалъ всех і такъ тотъ благополучной триумѳъ окончался со всякимъ счастиемъ не видав никакой ребели і ѳоута і потчти так веселы были все что некоторые принуждены были тут спать і окончав то розъехалис по домамъ благополучно а молодые поехали в прежней домъ для покою.

27-го генваря маршал с шаѳерами приехав к молодымъ і проздравили і молодые ихъ благодарили за ихъ услуженіе и труды і тротировали столомъ за которымъ находилосъ всех персонъ дватцеть пять і пакалы гремели нехудо ібо своя воля без самых болших і такъ тотъ день оконъчали благополучно.

28 генваря також многия приятили приезжали поздравлять і кушали у молодыхъ а пакаламъ дело было всегда.

29-го генваря молодые ездили з благодареніем кому подлежало а потомъ і масленицу прождали во всякомъ веселіі.

Памятная книжка поручика лейбъ-гвардіи Семеновскаго полка, Александра Алексѣевича Благово, 1739 и 1740 гг.

Присяги были в московскомъ государстве.

Первая 1740-го октября 17 дня Іоанну Антоновичу в Архангелском соборѣ присудствовал подполковник Іванъ Артемьѣвъ сынъ Раевской.

Вторая 1740-го октября 28 дня плуту регенту в Успенском соборѣ присудствовалъ Александръ Строгоновъ.

3—1740-го ноября 25-го дня принцессе Анне матере вышеписаннаго Івана Антоновича в Архангелском соборѣ присудствовал князь Михайла Івановъ сынъ Шеховской.

4—1741-го ноября 23 дня Государыне Імператрице Елісаветъ Петровне на площади подле Успенскова собора и рота гвардіи полъковъ командированная мною была приведена присудствовал гвардіи капитанъ Петръ Чаадаевъ.

5—1742-го ноября 8 дня Ея Імператорскаго Величества племяннику и наслѣднику Ея великому князю Петру Феодоровичу в церкви святыхъ Флора і Лавра которая у Мясницких воротъ присудствовал подполковникъ гвардіи господинъ Апраксинъ.

Помни въ 741-м году смотри в августе мѣсяце записка о пустоши Чермномъ от Алфимова мнѣ промѣнена въ 1703-м году.

1739-го году марта въ . . . день роспис старосты Софона Осипова что в приходѣ денег в нынѣшнем 739-м году.

Продана кожа коровья взято 13 ал. 2 де. Да продана кожа ш коровья палая взято 8 ал. 2 де. За творогъ взято 5 ал. 3 де. За палого теленка 1 ал. В селѣ Рогачевѣ продано украинских круп грѣшънѣвых взято 5 ал. 2 де.

Из вышеписанных денег в росходе дано Алексѣю Петровичю денегъ 8 ал. 2 де. От клатки жерѣбцов коновалу дано за работу 3 ал. 2 де. Куплено росады 2 ал. 4 де. Куплена дѣвкам грѣбенка дано 2 де. ладану 2 де. В Свѣтлое Христовѣ Воскресение в хоромы взято свѣч 3 де. Дано дехтярному мастеру з дву тапоров 5 ал. 2 де. Куплено на холсты мыла 2 ал. Маринѣ на масло коровья куплено соли 2 де.

По писму из Санктъ Питербурха от Александра Алексѣевича дано Якиму 3 ал.

Куплено огурцов дано 2 ал. 4 де. Куплено соли на огурцы на рыжики і на яблаки 2 ал. 4 де. Куплено соли ж на бѣлую капусту 8 де. Куплено бумаги пищеі дано 4 де.

Маия въ . . . день дано Алексѣю Петровичю на семяны жита 5 четвертей августа въ . . день дано ему ж Алексѣю Петровичю жита ж четверть ему же круп грѣшневых 2 четверика да прусяных четверикъ.

Клинской діякъ Микита Уваровъ сконча течение соверши и подви... 740-го году маіа 4 дня в Клине.

1739 год Генварь.

Денегъ привезено из двора 115 рублей.

9. Вторникъ волная и добраяпогода Ygzor priechala poutru rano. Запаса привезено: муки пшенишной 2 мѣшка 1 четверть 4 чет. муки ситной 3 четверти 3 чет. муки ячной мѣшокъ четверть овса 7 четвертей 2 чет. ячменя 6 чет. 4

легких свины. Вотки персиковой боченок 2 ведра анисовой полведра боченокъ вина простова 4 боченка 9 ведръ свинаго мяса свежаго 10 полтей говядины свежей целой быкъ 4 печени свиныхъ говядины соленой кадка целой быкъ посолен ветчины 6 полотъ козел соленой целой сала 3 коровая желудковъ 5 гусей 12 с потрохами утокъ 8 с потрохами кур индѣйских 15 рускихъ 30 3 головы свиных соленых 3 свѣжихъ поросятъ 20 3 спинки свиных соленыхъ куръ сухих 34 2 грудинки свиных соленых масла коровья 2 кадки 5 пуд масла ореховаго 2 ведра коноплянаго 4 ведра. Сѣраго сукна 16 ар. мыла шуйскаго полпуда простаго полпуда ж подошевъ 2 чапрака кожа сыромятная 1 2 кожи дубленыхъ пудъ смѣтаны 2 пуда творогу яицъ 600 3 кринки рыжиковъ кринка груздей сала говяжья пуд капусты кадка яблаковъ бочька большая хрѣну полпуда сухова холстовъ 150 ар. 2 холста ж целых посконных соли 5 пудъ солода арженова 3 мѣшка четверть 6 чет. солода ячнаго 2 мѣшка 2 четверти мѣшокъ толокна 3 чет мѣшокъ грешневой муки крупъ 2 мѣшка грешневыхъ крупъ 10 чет. 2 мѣшка грибовъ мѣшокъ ядеръ мѣшокъ ореховъ хмелю мѣшокъ 12 чет. мешокъ конопель 3 чет. мѣшокъ крупъ овсяныхъ 2 чет. 2 сита 13 горшковъ сковорода одна блюд оловянных 4 тарелокъ 6 солонка 6 паръ ножей поднос пуху 4 ѳунта тазъ мѣдной студеней говяжьихъ и свиных 5 рыбы свежей 60 щукъ галавлей и язей линей окуней 100 соленыхъ щукъ 10 потковъ 2 пары.

Вениковъ 2 де. на росход 2 де.

10. Среда мороз и погода добрая. Штапъ лекарю 1 ру. Алексашу лечилъ.

11. Четвертокъ мороз. Людей отпустил домой 11 лошадей на дорогу 1 ру. овса 2 чет. За мытье платья бѣлаго 40 ал. салдаткѣ. С людми послано что зри 14 дня сего мѣсяца.

12. Пятокъ мороз доброй. Семга сырая 20 ал. 30 фун. копченая 15 фун. 15 ал. дровъ 9 возовъ 1 ру. 20 ал. 4 де. по 6 ал. воз уксуса 4 де. на росход 4 де.

13. Субота мороз и снѣжокъ пополудни. Провианта денщику получено 2 чет. муки на сей генвар крупъ гарнецъ роздавал Рокотовъ.

От Ноева потопа 5005 год.

Неделя 42 по Пасцѣ глас во октае первый.

14. Воскресеніе волная погода. Послано домой с прикащиком седло новое хомутъ муштукъ узда коляска дроги 2 колеса задніе большіе на нихъ обручи и обоимицы и втулки 2 бочки винныхъ 5 боченковъ водочных 2 лагушки на масло 2 кубышки большіе на масло ж ценовокъ 7 веретевъ 3 саней 5. Кожа яловачная сырая зри 31-го дня сего мѣсяца пріемъ оному в деревни. 3 гнезда тетеревей глухих 15 ал. на росход 1 де. Дровъ куплено 4 возовъ дано 23 ал. 4 де.

15. Понеделникъ тепло и снѣгъ. Получено денежнаго жалованья окладнаго за прошлой 1738 годъ за сентябрьскую треть 45 ру. 32 ал. 1 де. Оной же трети за 4 раціи за 3 мѣсяца 11 ру. 13 ал. 2 де. Писарю и щетчику 5 ал. на росход 1 де. молока 4 де.

16. Вторникъ погода добрая. Инструкцею получил о шитье мундира.

Куплено кутня полосатая 7 ар. 3 ру. камлота 12 ар. 3 ру. стакан хрусталной болшой 10 ал. рюмочка хрусталная 10 де. на росход 1 де. санки 2 ал. 2 де.

Принял во 12 роту денежнаго и хлѣбнаго жалованья за 738 год сентябрьской трети ундеръ афіцером и салдатомъ 550 ру. 48 копеѣк и 3 чет. во оных я росписался.

17. Среда мороз и погода добрая.

18. Четвертокъ мороз доброй. Веникова на 1 де. дровъ 2 воза 8 ал. 2 де. мѣх лисей завойчетой 12 ру. Сей ден поздравляли Г. Им. и были у руки на престол возшествие. Обѣдалъ я у принца маэора Беверскаго.

19. Пятокъ мороз хорошай. Возшествіе на престол россискій государыни им. Анны Іоанновны въ 1730-м году. В строѣ были и обѣдали во дворце.

20. Субота мороз. Куплено сукна алаго 6 ар. дано 12 ру. мнѣ на шубу. Свѣчь салных въ 14 ѳун. 100 да въ 7 фун. 100 итого 200 дано 26 ал. 4 де. Икры 2 ѳунта 3 ал. 2 де. черной кренделей 2 де. веников 2 де.

Неделя 43 по Пасцѣ гласъ 2.

21 Воскресеніе мороз и погода добрая. Куплено сѣна 4 воза 3 ру. 8 ал. 4 де.

22. Понеделникъ погода предобрая. Куплено сукна алаго пол аршина 1 ру. на шубу ж стамѣда алаго аршин 15 ал. под шубу жъ.

Получено от квартермистра Стравекентьева позумента золотова 20 аршин за него вычету пуговицъ 6 портищъ за них вычету шляпа с плюмажем вычету стамѣда краснаго 5 ар. вычету стамѣда бѣлаго 4 ар. 9 вер. вычету. Григорей взял своих денегъ 6 рублей.

23. Вторникъ мороз и погода добрая. Штапъ лекарю 1 ру. ягод винных 2 ѳун. 4 ал. 4 де. Суетѣ за исповѣдь повара 10 де.

24. Среда мороз силной. Шлифы к строевым штанам 5 ал. снурку золотова 1 ар. и полпуговка волоченая петлица залатная плетеная один рубль. Снятковъ на 2 де. крашенины на 10 денег.

24. Шолку алаго на 2 ал. 2 де. клею на 4 де. крашенины красной полтора ар. 2 ал. синей крашенины полтора ар. 10 де.

25. Четвертокъ мороз великъ. Гранодерскую роту в новом мундирѣ представлялъ я на смотръ к принцу Беверскому к нашему маэору.

26. Пятокъ мороз. Снятковъ на 4 де. бѣлоезерскихъ.

27. Субота непогода съ снѣгом и студено. Поздравляли государыне импе-

ратрице днем рожденія ея 28-го дня. Сего мѣсяца в новом мундире кафтаны зеленые обшлога красные глухіе по одному позументу камзолы и штаны красные с позументомъ. Веникovъ на 2 де.

Неделя 44 по Пасцѣ гласъ во октае 3.

28. Воскресеніе морозъ хорошай и погода добрая. Полковой строй былъ палили по 3 патрона. Обѣдали во дворце. А день сей рожденіе государыни импе. Анны Іоанновны 46 год въ 1693-м году. Потѣха была и луменаціа.

Отъ вымышленія пороха 539 год.

29. Понеделникъ мороз великъ. Получено денщику денежнаго жалованья 2 ру. за 738-й год сентябрьской трети роздавал сержантъ Колюбакин. На росход 2 де. Куплено пола мѣху лисья хрептоваго мнѣ под шубу дано 3 ру. 8 ал. 2 де. Итого всякаго приклада сукна и мѣху стамѣду шолку клеѣнки по цене пошло 30 рублей мнѣ на шубу алую суконную.

30. Вторникъ морозы жестокіе. Молока на 4 де. масла деревяннаго на 6 де.

31. Среда теплѣе и снѣжокъ. Сѣна 2 воза 2 ру. 6 ал. 4 де. икры сиговой 3 ѳун. 3 ал. 5 сиговъ соленых 5 ал. 16 сижковъ свѣжих 10 де. пудъ судаковъ свѣжих 16 ал. 4 де. щетом 7 снятковъ свѣжих чет. псковских 6 алтынъ на росход 4 денги. Из деревни писмо получил писанное ген. 24 дня 739-го а в немъ пишетъ в селѣ з деревнею слава Богу обстоит здорово. Прикащикъ с товарыщи приехал ис Петербурха и с нимъ посланное староста принялъ а именно 6 лошадей кругомъ подкованы седло хомутъ муштукъ узда кожа яловачная сырая бочекъ винных 2 водоточныхъ боченковъ 5 лагушек 2 кубышекъ 2 цѣновокъ 7 веретевъ 3 пошевни пятеры коляска старая и дроги 2 колеса болших заднихъ.

Прикащикъ в новоторской деревни взялъ денегъ 3 ру. не донялъ полтины за сей год и дѣвку новоторку привезъ за Галышенка. Попъ печати от анбаровъ взял и старыя срѣзал и взялъ к себѣ жъ. Брат А. П. пишетъ о здоровье из Москвы и дѣти наши слава Богу живы у нево живутъ и обѣщается содержать какъ своихъ получил он посланной от меня сахар себѣ и дѣтям.

Вина кубик передвоен с полынемъ.

Сего генваря издержано денегъ 57 ру. 2 ал. 5 де. и пол.

От вымышленія печатанія книгъ 299 год. В Москвѣ построен Бѣлой Город при царе Федоре Іоанновиче въ 7095-м итого 153 год. Петербурхъ застроенъ въ 1704-м году на рекѣ Невѣ. В Москвѣ первый патріархъ Іевъ посвященъ въ 7096-м году от патріарха Іерусалимскаго Іереміи.

Росход овсу которой привезен водою 1738-го году 4 четверти 1 чет. привесъ Мартышка а послано с нимъ было 5 четвертей. Ноября от 15 дня 738 года февраля по 1 число 739-го году издержано 3 четверти 1 чет. Февраля 3 дня чет. 5 дня чет. 8 дня чет. 10 дня чет. 13 дня чет. поутру 16 дня чет. 19 дня

чет. 22 дня чет. 25 дня чет. 28 дня чет. Марта 4 дня чет. 6 дня чет. 8 дня чет. поутру 9 дня чет. последней сходно 16 дня чет.

1739 Февруарій или Лютый.
От сотворенія свѣта 7247 год.

Господи помилуй насъ во всяко время. Любите враги ваша добро творите ненавидящимъ васъ.

1. Четвертокъ непогода прежестокая и снѣгъ. Свинины посолено 14 полотъ 2 окорока 3 головы свиных же вывѣшено. Веникова на 2 де. дровъ 4 воза дано 25 ал. 2 де. Приказомъ от полку быть мнѣ при 7 роте.

2. Пятокъ морозъ хорошай. На росход 2 де. за обручи 4 де. Денегъ принял от Конищева 15 ру. 3 ал. 2 де. для роздачи портнымъ. Поздравляли Г. императрице и жаловала к руке.

3. Субота непогода и мороз съ стужею. Тезоименитство государыни императрицы. Строю не было за стужею. Обѣдали во дворце. Веникова на 2 денги. Люменація была.

Неделя 45 по Пасцѣ глас 4.

4. Воскресеніе мороз превеликой. Штапъ лекарю рубль. Гвозья медведице на 2 де. уксуса на 4 де.

5. Понеделникъ морозы жестокіе. Сей день минуло 19 лѣтъ какъ я женился въ 1720-м году в Москвѣ. Принято на биржи сукна ундеръ офіцерскаго зеленаго.

Ягод винныхъ ѳун. изюма ѳун. чернослива 3 ѳун. дано 6 ал. 4 де. лимоновъ 5 соленых 10 де. лошеди ногу подковать дано 2 ал. молока на 1 ал.

6. Вторникъ морозы прежестокіе. Молока на 1 ал. У Полударова я обѣдалъ. Календаръ сего года 5 алтын. Имяннымъ ея императорскаго величества указомъ пожалованъ я порутчикомъ на мѣсто Івана Павлова которой отставленъ въ 3-ю роту. Григорьевыхъ денегъ Дербеню 1 ру. дано.

7. Среда мороз великой же. Приказ был от полку быть мнѣ въ 3-й роте настоящим порутчикомъ. Куплено анкарокъ вина бѣлаго и краснаго дано 5 рублей бутылокъ 20 16 ал. 4 де. по 5 де. на росход 4 де. Принял я ис камисарской денегъ 3 ру. рекрутамъ 7 роты Михаилу Андрѣеву Петру Коробову Мирону Жиленку итого тремъ отдано им 12 дня и росписка взята. Возъ дровъ 5 ал. 2 де.

8. Четвертокъ мороз силной же. Благодарили государыню императрицу за перемѣну ранговъ и жаловала насъ к рукѣ.

Отъ сысканія Америки 248 год.

9. Пятокъ мороз полехче. Куплено пшена 2 фун. 3 ал. 2 де. изюма и каринки 2 фун. 4 ал. тарцынелю голубова ар. 26 ал. 4 де. сѣтки 3 золотника

и пол. 31 ал. 3 де. серебреной камардка на манжеты 5 вер. 19 алтын штопор 6 ал. 4 де. утюгъ 30 ал. стакановъ хрусталных дюжина рюмок полдюжины адин рубль чайник медной 4 фун. 60 ал. извощику 2 де. на росходъ 2 денги. За патентъ Алексѣя Дурнова послал х Конищеву денегъ 2 ру. въ прибавокъ к прежнимъ съ салдатомъ 5 роты Хотяинцовъ итого 3 рубли 67 копѣкъ.

10. Субота мороз силной. Патаки 11 ѳун. 11 ал. 4 де. икры черной 6 фун. 11 ал. 4 де. осетрины и бѣлужины пуд 30 ал. дровъ 2 воза 13 алтынъ 2 де. ..... 2 де. warit czenku веникова 2 де.

Отъ рожденія ея і ве. 46 годъ от коронованія 10 год.

Неделя 46 по Пасцѣ гласъ 5.

11. Воскресеніе мороз великой же и снѣжокъ. Пива на 4 ал. молока на 1 ал. на росход 1 де. Получено денщику провианта муки 2 чет. крупъ гарнецъ роздавал Рокотовъ на февраль.

Сплошная неделя.

12. Понеделникъ тепло и снѣгъ. Поздравляли Герцугини Курлянской днем рожденія ея.

13. Вторникъ волная погода и дождь. Сего дня приказ был от полку командовать мнѣ 8-ю ротою. Веникова на 2 де. Всю ночь дождь і вѣтръ превеликой.

14. Среда вѣтръ великой и теплой капѣли. Яблокъ на 10 де. молока на 1 ал. уксуса на 1 ал. Пива слито 2 анкѣрка солоду 3 чет. В Новгород послал 10 ал. на уксусъ.

15. Четвертокъ дождь и слякоть. Дровъ 5 возовъ 32 ал. 2 де.

От зачатія флота рускаго 42 год.

16. Пятокъ дождь и слякоть. Молока на 6 де.

17. Субота погода добрая. Веникова на 2 де. Сукна выдано ис Чадаевскаго двора зеленаго 21 половинка краснаго 20 ундер офицерскаго краснаго 2 каразеи 7 кусковъ покромей красных 6 пучковъ зеленыхъ 4 пучка. Портныхъ ис Кронштота принялъ 30 человѣкъ. От позолоты знака офицерскаго 3 ру. Григорей В. взял денегъ рубль.

Неделя 47 по Пасцѣ глас шестый.

18. Воскресение дождь и слякоть весь день. В Невской монастырь ездили Богу молитца. Молока на 7 де.

19. Понеделникъ непогода и тепло. Писма домовъ послал и к матушке съ Ярюхинскимъ мужичкомъ.

От побѣды над свинами под Полтавою 30.

20. Вторникъ дождь и слякоть. Дровъ 2 воза 13 ал. 4 де. Десять лимоновъ 10 денегъ соленых.

21. Среда погода волная. Дровъ 2 воза 13 ал. 2 де. В конфискаціи мате-

ріи серебреной китайской 8 ар. 4 ру. 20 ал. стамѣду дымчатаго 30 ар. 4 ру. 5 ал. Алексашке 10 де.

22. Четвертокъ погода добрая пополудни погода злая. Прянаго зелья на 7 ал. луку чет. 4 ал. 4 де. вениковъ на 2 де.

23. Пятокъ сіяние изрядное. Дровъ 3 воза 20 ал. 1. 2. 3. 4. 5-ю роты в новом мундире смотрѣл маэоръ принцъ Беверскій.

24. Субота тепло и слякоть. Дровъ 3 воза 20 ал. лѣнтъ запонокъ на 6 ал. 4 де. Отвезено в Чадаевской дом мундиру 1. 4. 5. ротъ сщетомъ первой 51 четвертой 51 пятой 57. Зри 1 роты салдату Лепехину мундиръ отданъ. Писма получил от шурина чрез человѣка ево Тонкова. Суконъ выдано ис Чадаевскаго дому зеленаго 10 половинокъ краснаго ундер аф. 1 салдацкаго 10 каразеи 6 кусковъ покромей зеленыхъ 6 пучковъ. Ис комисарской денегъ принял 3 ру. рекрутам которые были при осмой роте Афонасей Пивоваровъ Гарасимъ Овсяниковъ Андрѣй Плешановъ в которыхъ росписался я а ныне оные Пивоваровъ и Овсяниковъ въ 7 роте а Плешановъ при 5 роте а в приемѣ оных от меня денегъ даны мнѣ росписки от Максимовича и от прапорщика Камынина. У Коблукова росписки. От писма челобитной Щербакову 10 де. Молока на 4 де.

Неделя 48 по Пасцѣ глас седмый.

25. Воскресеніе злая погода до полудни. С Михайлы Аргамакова шуриновых денегъ взято 10 ру. и отданы человѣку ево Тонкому сегодня.

Масленая syrnaia.

26. Понеделникъ волная погода. Молока на 1 ал.

27. Вторникъ тепло и капѣли. Молока на 2 ал. вениковъ на 2 де. Подполковникъ Свечин поехал в полдни домовъ. Посуды хрусталной на 6 ал. 2 рюмки стаканъ кружечка. Дербеню за капусту 23 ал. 2 де. гвозья на 2 де.

28. Среда сіяніе с полудни. Сѣна 4 воза 3 рубли икры 10 фун. 16 ал. 4 де. осетрины плавной полпуда 13 ал. 2 де. яблокъ на 4 де. Палатка шуринова принята без столбиковъ и веревки оборваны многие. Николай Самарин денегъ шуриновых 5 рублей не отдал а сказал что де на мнѣ денегъ ево нѣтъ. Дербеню Григорьевых денегъ 2 ру.

Сего февраля издержано денегъ 39 ру. 10 ал. 4 де.

Февраль 1739 год. Помни смерть.

1. Церковь освящена въ Воронине 728-м году.

2. 1731-м году указ состоялся о недвижимомъ имѣніи по отеческой воли роздѣлять детямъ деревни.

3. Дѣла вотчинные и помѣстные перевезены в Москву ис Петербурха въ 1728-м году.

4. Азуевской поход последней был въ 7204-м году.

5. В Москвѣ возобновлены со кресты ходы въ 1732-м году.

6. Стрелцовъ за бунты казнили въ 1700-м году.

7. Судно морское называемое ботикъ привезенъ из Москвы въ Петеръ Бурхъ въ 1723-м году которой дѣлан былъ при царе Алексѣе Михайловиче.

8. В Дацком королевствѣ в Копенгагине я былъ въ 1716-м году і в Шоніи языков доставали в то жъ время а в протекціи оная Шоніа Свинскаго короля.

9. Въ 7134-м году в Москвѣ былъ болшой пожар и для того посланы были писцы во все городы тот же годъ понеже в приказѣхъ дѣла и писцовые книги все погорѣли.

10. Въ 1737-м году маіа 14 дня в Петербурхъ ис Персіи приведена слониха звѣрь от роду ей 25 лѣтъ сказывали те персіане которые привели а живутъ будто оные слоны и по 100 лѣтъ.

11. От начала полковъ Преображенскаго и Семеновскаго 57 лѣтъ въ 7191-м году и под Азуевъ походъ в томъ же году былъ а туркомъ Азуевъ былъ отданъ въ 1711-м году и паки у турковъ взятъ взятьемъ Азуевъ въ 1736-м году.

12. Въ 1704-м году начало поборовъ с крестьянъ в рекруты а поборовъ было по сей 1740 год 32 побора да поголовно браны во сте верстахъ от Москвы от меня взято 12 человѣк зъ 22-х дворовъ а по переписи 722-го со 150 душ а всехъ взято 58 человѣкъ.

13. Начало поборовъ подушных денег 1725-м.

14. Въ 7095-м году при царе Феодоре Іановиче построенъ в Москвѣ каменной Бѣлой Город.

15. Въ 7177-м году в Москвѣ построен каменной мостъ черезъ Москву рѣку а строил старецъ или чернецъ. (71 годъ.)

16. Въ 1709-м году застроен Петербурхъ каменнэй город и нынѣ строится а взятъ былъ 1704-м году на рекѣ Невѣ.

17. При Котлинѣ островѣ построен Кронъ Шлотъ или башня в морѣ 1705-м году от Петербурха 30 верстъ.

18. Въ 1708-м году построены в Москвѣ кругомъ Кремля болварки и роскаты.

19. С турки война началась въ 1736-м году.

20. 1739 года велено всякую недоимку правит какъ рекрутъ такъ и протчіе всякіе поборы съ 1719-го года и правят а кто на сроки не заплатил с такихъ правили вдвое.

Мартъ или Березозоль.

От сотворенія мира 7247 год.

Господи огради насъ святыми твоими ангелы.

Аще кто отдастъ и тѣло свое еже сожещие любве же не имать нѣсть спасенія.

1. Четвертокъ преизрядной ден и сіяніе вес ден. Шуриновъ человѣкъ Тонкой поехал домовъ а с нимъ послано вина церковнаго боченокъ в полведра дѣтямъ стамѣду 3 ар. 3 зеркала холста 4 ар. и пол. лѣнтъ 6 ар. чепецъ съ сѣткою серебреною 2 рубахи галанскова полотна. Тонкому сѣна дано 5 пудъ.

Молока на 1 ал. Посолено свинины окорокъ середка говядины съ сѣкъ да часть кур индѣйских 3 гусей 6 кур руских 8.

2. Пятокъ снѣгъ превеликой. Молока на 2 ал. возъ дровъ 4 ал. Выдано ис Чадаева двора суконъ зеленыхъ салдацких 10 половинокъ краснаго 10 половинокъ ундер офицерскаго краснаго 2 половинки каразеи 5 кусковъ.

3. Субота непогода злая вес день. Молока на 1 ал. яблокъ на 1 ал.

Неделя 49 по Пасцѣ глас осмый.

4. Воскресеніе преизрядная погода и сіяніе весь день а в ночи непогода. Молока на 1 ал. На Охту ездилъ.

Святый і великій постъ.

5. Понеделникъ непогода. Из двора писмо получил и от брата чрез почту ординарную. А в нем пишутъ февраля 25 дня дѣти наши і в селѣ з деревнею обстоитъ слава Богу здорово Иосифъ зачинает писать. С Украины привезено ржи 4 четверти самой плохой крупъ грешневых 4 ж четверти и тѣ гнилы і впредь де блюсть оные опасно.

Мерена буланова оставили в Воронине проса родилось де да не поспѣли здѣлать а что дѣ другаго всякаго хлѣба родилось о томъ никакова извѣстія оне украинцы не оставили и не сказали. (Своровано.)

Веникъвъ на 2 де.

6. Вторникъ непогода злая и тепло а с полудни хорошо.

7. Среда тепло і воды много очень. Извощику 10 де. льду 10 сажен. 26 ал. 4 де. кренделей на 6 де.

Кругъ солнцу 23.

8. Четвертокъ тепло и воды много сіяніе.

Куплено рыбы свѣжей бѣлуга 2 пуда 2 осетра 2 пуда 10 фун. по 24 ал. пуд. итого дано всехъ 3 рубли 2 ал. 2 де. Кренделей на 1 ал. Извощику 10 де. Лошад. перековат 1 ал.

9. Пятокъ утренничекъ а в ден тепло. За исповѣдь попу за всѣх 20 ал. Извощикам 10 де. Принял ис камисарской денегъ 20 ру. на покупку нитокъ игол воску мѣлу и протчего росписался я. Посолено бѣлуга и 2 осетра 56 звен. в томъ числе и головизны.

10. Субота утренникъ и сіяніе. На росход в церкви 6 ал. 4 денги. Богъ сподобилъ причаститися насъ сей день в церкви Андреа Первозваннаго.

В руце лѣто 7 кругъ луны 8 основаніе 1. Впакта 20. Литера пасхальная: Ѣ.

Неделя 50 по Пасцѣ глас 1.

11. Воскресеніе волная погода. За обручи 1 ал.

2 неделя.

12. Понеделникъ утренникъ на вѣтре и ден хорошай. Веникова на 2 де. за обручи 5 денегъ хмелю 2 фун. 2 ал. 4 де. Пива заварено 5 чет. а слито ... ушатов.

13. Вторникъ утренникъ и погода добрая сіяніе. Дровъ 5 возовъ 1 ру. Секундъ маэор Апраксин поехал в армѣю мы ево провожали въ ямскую болшую.

14. Среда утренникъ и погода дивная. Куплено атласа чернаго 7 ар. 7 ру. канифасъ бѣлой 6 ру. 23 ал. 2 де. Алексашке сапоги 20 ал. цевка серебра 1 ру. 16 ал. 4 де. мишуры 100 аршин 2 ал. 4 де. полотна галанскова 1 ар. 4 вер. 1 ру. пряшки к шлифам и запонки 5 ал. 2 де. карты 10 де. вяземской пряник 10 де. Парашке пряничковъ 2 де.

15. Четверток злая непогод съ снѣгом. Дровъ 8 возовъ 40 ал. 4 де. крашенины 4 ар. 5 ал. шолку чернаго золотникъ 2 ал. 4 де. сукна выдано из Чадаевскаго дому ундер офицерскаго краснаго половинка зеленаго остатокъ 14 ар. и пол.

Итого сего года куплено дровъ на 8 рублей 31 ал. 2 денги.

Писма из двора получил чрез почту а в нихъ пишетъ в деревнях обстоит слава Богу здорово. На Шошу отправлено муки аржаной 9 кулѣй вѣсом 71 пуд солоду ячнаго 2 куля да мѣшок 18 пуд овса 5 кулѣй 22 пуда 20 фунтовъ муки пшеничной мѣшокъ 3 пуда 25 фун. хмелю пуд. а рядили с пуда по 5 копѣекъ. Льну выдано дворовым бабам по пяти десятковъ пяти человѣкомъ. Кобылы еще не жеребилис.

Почтолиону 6 де. на росход полденги штапъ лекарю 1 ру. винных ягодъ изюма чернослива по фунту дано 5 ал. Пива заварено солоду ячнаго 5 чет. хмелю то ж число.

16. Пятокъ утренничекъ и непогодь съ снѣгом. За исповѣдь Медведице 2 ал. Тарцынелю полтара аршина 36 ал. 4 де.

17. Субота волная погода. Веникова на 2 де. на росход 5 де.

Неделя 51 по Пасцѣ глас 2.

18. Воскресеніе тепло. Миндальныхъ ореховъ ѳунтъ.

3 неделя поста.

19. Понеделникъ утренникъ. Получено денщикам провианта на сей мартъ и прошедшей феврал мѣсяцы четверть роздавал 3 роты солдатъ Баскаковъ и на апрель мѣсяцъ целой куль и 12 фун. и крупа. Выдано ис Чадаевскаго

дому суконъ зеленыхъ 13 половинокъ красных 10 половинок каразеи 5 кусковъ покромей красныхъ 8 пучковъ зеленыхъ 4 пучка.

20. Вторникъ тепло и сіяніе. Табака 5 картузовъ 13 ал. 2 де. Указ послан во все губѣрніи чтоб ехали к полкам наши офицеры гвардіи которые были посланы для набору рекрутъ. От сестры А. Алексѣевны писмо получилъ с крестьяны Алсуфьева да с ними жъ котелъ железной да ковшикъ. Кренделей на 1 ал.

21. Среда тепло и сіяніе воды много. Соли пуд бузуна 13 ал. 2 денги.

22. Четвертокъ поутру дождь. Григорей Васильевичь отпущен и поехал домовъ поутру на дорогу ему 2 ру.

Алексашке прикладу къ кафтану клеѣнки 4 ар. 4 ал. 2 де. гаруса 2 золот. 2 ал. 4 де. ситъ въ фалды 4 ал. байки 2 ар. 3 ал. 2 де. снятковъ свѣжихъ на 2 ал. 4 де.

Зъ Григорьем Васильевичем послал Вѣрушке штучку из арбата астраханскава зъ золотыми травочки лѣнтъ голубых шелковых 2 аршина.

23. Пятокъ тепло і воды множество вездѣ. Григорьевой муки отдано Александру Лихачеву четверть ветчины полоть да лопатка отдавал Левка а принял Архипъ Храмой. (Помни.)

24. Субота тепло. Меду полпуда 21 ал. 4 де. ведерка 10 де. икры 15 фун. 20 ал. луку чет. 6 ал. веников на 2 де. Писмо домовъ послал с Понамаревымъ.

Неделя 52 по Пасцѣ глас 3.

25 Воскресеніе тепло і воды вездѣ много.

Неделя четвертая поста.

26. Понеделникъ тепло ж. Парукъ Макару Пьяному 10 де.

27. Вторникъ тепло и дождикъ был временно. От камисара Комынина принял денегъ 2 ру. 26 ал. салдатом 8 роты Дементью Смирнову Василью Копосову за взятье Очакова города турецкаго и отдано им того ж числа. На полковом дворѣ пробовали заливную трубу и ничего не дѣйствовала. Принял во осмую роту ундер офіцеромъ позумента золотова 36 аршин отъ квартермистра Векентьева а именно сержантомъ двум по 7 ар. с половиною фуріеру адному 6 ар. капралом 2-м по 4 ар. с половиною писарю адному 6 аршин имъ же стамѣда 24 аршина во всем вышеписанномъ росписался я и роздано. Сержанту Протопопову позументъ и стамѣдъ послан в Москву росписался сержантъ Іван Протопоповъ. Пороху принято во осмую роту 20 фунтовъ исъ 11 роты.

28. Среда тепло і воды много. Лошеди ногу подковать 2 ал. 2 де. на росход 1 де. Алексаша занемогъ пополудни. Григорьева овса отдано в кадецкой домъ порутчику 2 четверти отдавал Левка. (Помни.)

Начало поборовъ в рекруты въ 704-м а поборовъ было 32 да поголовные.

29. Четвертокъ снѣгъ великой. 3 баталіон в новом мундире на смотръ представлял. Куплено на государевы денги свечь салных 6 пудъ дано 9 ру.

20 ал. и росписка есть в шнурованной книге продавцова. Бѣлых нитокъ на 1 де. обрасцовую шляпу обшить.

30. Пятокъ морозецъ.

31. Субота мороз и ден красной. Рыбы свежей ершей и окуней на 5 ал. Сукна зеленаго на мундиръ 7 ар. 14 ру. у аглицкихъ купцовъ шлифнѣра и волвару. 2 парика мнѣ да Алексаше 3 ру. (помни) да четвертная вина ладана роснова на 1 ал. веникова на 2 денги.

Сего дня пожалованъ имяннымъ указомъ прапорщикъ нашего полку князь Сергей Васильевъ сынъ Гагаринъ в комнату государыни принцессы каморъ юнкоромъ.

Сего марта издержано денегъ 47 ру. 19 ал. 1 де.

Начало подушнаго побору въ 725-м году.

От начала службы моей росискому престолу 29 лѣт въ 1710-м году.

Въ Воронине построены хоромы 1738-м а строили плотники мои Кѣкешонок с товарыщи.

Мѣсяцъ Апрель или Квѣтень. От сотворенія свѣта 7247 год.

Господи сохрани насъ от всякаго вреда. Аще кто і горы преставляетъ любве же не імать ничто же есть. Ев. (Лука 18.)

Неделя 53 по Пасцѣ гласъ 4.

1. Воскресеніе мороз.

Неделя 5 поста.

2. Понеделникъ мороз и сіяніе. Из двора писмо получил писанное фев. 15 дня а в немъ пишетъ в селѣ з деревнями обстоит слава Богу все здорово и дѣти наши живы ж. Дядя Василей Алексѣевичь болен. Ткачь половину красенъ выткал. Агѣевой дѣвке выдано 2 оброка. Плохова и Голышенка женили.

3. Вторникъ утренникъ. Кренделей на 2 денги. Вина кубикъ передвоен съ сосновыми шишки.

4. Среда утренничекъ и снѣжку подпало воды много. Ершей на 3 ал. 2 де. щетом 50. На росход 1 де.

Въ 1733-м году сего дня родился сын мой Іосіфъ итого 6 лѣт минуло седмой начался. Алексаша очень боленъ.

5. Четвертокъ превеликой снѣгъ. Веников на 2 де. Принято от камисара Комынина денегъ 6 ру. на покупку материаловъ к мундиру салдацкому.

6. Пятокъ слякоть до полудни а пополудни тепло і воды много и снѣгъ весь ростаял. Ендовицы 1 ал. на росход 2 де. Принял ис комисарской денегъ 6 ру. на покупку материаловъ на салдацкой мундиръ. Сего дня пожалованы имянным указом прапорщикъ Андрей Волковъ в подпорутчики на мѣсто Івана Воейкова а сержантъ князь Василей Несвицкой в прапорщики.

7. Субота тепло і воды много. Принял от камисара Камынина 8 роты салдату Якову Жегалову денегъ 3 ру. 2 ал. 2 де. за майскую треть 1738-го года за 2 мѣсяца и за 25 дней для того что был он в отпуску.

Ряпухи живой на 10 де. 25 щетомъ яблокъ на 5 де.

Взято с крестьянина Василья Лазаревича Григорья Іванова денегъ рубль 16 ал. 4 де. из оныхъ ему дана полтина. Из оных же Левки дано на сапоги 12 ал. 2 де. (Помни.) Мази пипилевой на 10 де.

Неделя 54 по Пасцѣ гласъ 5.

8. Воскресеніе морозецъ а ден съ сіяніем. Алексашу причастили и очен болен. Попу 3 ал. 2 де. Десятокъ яблокъ 10 де. снятковъ 2 де.

6 неделя поста.

9. Понеделникъ морозецъ а ден съ сіяніемъ. Рыбы свежей осетрины на 3 ал. 2 де. лѣнтъ черныхъ 5 алтын 5 де. пять аршин на росход 3 де. Принял я от камисара Камынина вновь написаннымъ из рекрутъ в салдаты денегъ 3 ру. 24 ал, 2 де. и пол. шести человѣком каждому по 20 ал. 4 де. с половиною а имянно кому 8 роты Афонасью Богавому Дмитрею Широкову Івану Абеленкину Василью Нестерову Филипу Андронову Степану Колобову. Я росписался.

10. Вторникъ утренничекъ и ростаяло воды много. Полотна галанскова на штиблеты 3 ар. 60 ал. сандала фун. 3 ал. 2 де. ершей на 4 де. коробочка лаковая на сахар Алексаше 5 ал. стремена мѣдные с путлищи 28 ал. 2 де. плетешка 10 аршин 10 де. крухмала фунтъ 10 де. почтолиону 1 ал. сапожнику 16 ал. 4 де. за работу башмачков дѣтиных.

11. Среда тепло і воды много. Громъ былъ в ночи. Рыбы на 10 де. кренделей на 2 де. запонокъ 2 пары 2 ал. 4 де. ноженки 3 ал. тесмы бѣлой под штиблеты 2 де. Принял от камисара Камынина денег 15 ру. на покупку к мундиру материаловъ. Левке дано на росход 17 ал. а он отдал работником (моихъ денегъ).

12. Четвертокъ утренничекъ и сіяние. Полотна галанскова 4 ар. 2 ру. 6 ал. 4 де. по 18 ал. 2 де. аршин. чулки гарусные красные мнѣ в сапоги 20 ал. кренделей на 2 де. Лошади подковат ногу а другую покрепить 3 ал. 2 де. Роздано в полкъ мундировъ а сколко в которую роту значитъ кафтановъ камзолов и штановъ в гранодерскую.

13. Пятокъ утренничек и ден изрядной съ сіяніем. Заступъ железной 3 ал.

14. Субота Лазарева утренничек и сіяніе. Луку чет. садилнаго 10 ал. вербы на 1 денгу.

Неделя 55 по Пасцѣ глас 6 вербная.

15. Воскресеніе утренничек и сіяніе. На росход 3 де. рыбы свежих ершей на 10 де.

Страстная неделя.

16. Понеделникъ утренничекъ и сіяніе. На рекѣ ледъ очень плохъ на лошадях не ѣздятъ. Помни сего дня зачали полкъ нашъ учит ротами артикула прусскаго я обучалъ осмою роту.

17. Вторникъ снѣгъ і вѣтръ с морозом по Невѣ с великою нуждою ходятъ. За оковку колесъ 5 ал. 2 де. вениковъ на 2 де.

18. Среда вѣтръ и мороз великой и снѣгъ. По Невѣ ходятъ с трудомъ великимъ. Из деревни 2 писма получил писанные марта 17 дня другое апреля 7 дня. А в них пишетъ в селѣ з деревнею обстоит слава Богу здорово. Посланное от меня церковное вино принято и отпись кубовая. Молодых ягнятъ 18 да яловых 8 овецъ. Ткачь красна выткал. Двѣ кобылы ожеребились гнедыя принесли жеребчика да кобылку ж гнедых же. Голубая кобыла принесла жеребчика коурова или рыжева. Подушные денги заплатили за сей годъ на первую половину. Заднею горницу и анбаръ срублены. Гусыни и утки несутца. Корова одна пала. Жеребцовъ буланыхъ двоих положили апреля 4 дня. Стадной козел положенъ. Болшая коза 2-х принесла козлятъ. Которая крупа украинская сего года привезена вся слежалась. Почтолиону за писма 1 ал.

19. Четвертокъ великой мороз великъ і вѣтръ холодной из ночи то значитъ и лѣто будетъ холодное а ден съ сіяніемъ. Горшковъ на 9 де. Алексаше новой кафтан здѣлан из моего кафтана.

20. Пятокъ мороз и по Невѣ ходятъ опасно. Ореховъ продано чет. взято 11 ал. 4 де. Чернослива 2 фун. 10 де. пудры 2 ѳунта 3 ал.

21. Субота морозъ. 6 роты салдату Шаврову дано взаймы денегъ 1 ру. Возвращены маіа 11 дня.

Свежаго мяса свинины и говядины на 18 ал. 4 де. крухмала синего на 1 ал. веникъ 2 де. ваксы на 2 де.

Неделя святыя Пасхи первая.

22. Воскресеніе мороз и снѣгъ мокрой. Через Нѣву ходятъ еще. Барабанщикомъ 3 ал. 2 де. на росходъ 6 ал. 4 де. попу Ермоланскому 10 де.

23. Понеделникъ великъ морозъ и сіяніе. На росходъ 1 ру. 16 ал. 4 денги.

24. Вторникъ мороз великъ же и сіяние. Дехтю на 1 ал. В галерную гавань ездилъ.

25. Среда мороз великъ же и сіяніе весь день. Черезъ Нѣву не ходят и от Московской стороны противъ церкви С. Исакіа поменше половины рѣки льду пронесло. От полковника попу крестовому 10 де. Меду на 5 ал. пива на 4 ал. молока на 5 де. молока ж на 4 де. Вечеру дождикъ теплой.

26. Четвертокъ дождикъ теплой. На Невѣ ледъ прошол и перевоз без нужды. Двои карты 5 ал. 2 де. полковому попу 6 ал. 4 де. на росход 1 рубль.

27. Пятокъ до полудни дождикъ а с полудни хорошо. Ледъ шолъ по Невѣ.

Во дворецъ ездилъ на вереикѣ поздравлят государыни императрице зъ завтрешним торжеством.

28. Субота мороз великъ и сіяніе вес ден изряднос. В строю были палили по 3 патрона. Коронаціи день въ 730-мъ году было.

Неделя вторая по Пасцѣ гласъ первый. Фомина неделя.

29. Воскресеніе морозецъ а ден изрядной. По Невѣ льду нѣту ничего. Обѣдал я у принца Беверскаго нашего полку у маэора. Молока на 4 де.

30. Понеделникъ утренничекъ а ден хорошай и тепло. Молока на 5 де.

Сего апреля издержано денегъ 12 ру. 33 ал. 1 де.

Роспись

сколко чего пошло на обрасцовой богатой габойской мундиръ которой передѣлованъ из старых а имянно. Стараго позумента на нем было широкаго 14 ар. узкого позумента 20 ар. на оной же кафтан с камзолом новаго приклада позумента широкаго 16 ар. золота на петли 10 ар. крашенины вмѣсто клеѣнки 7 ар. байки 4 ар. зеленаго сукна 7 вер. краснаго 1 вершокъ ситъ въ фалды 2 ценою на 6 ал. 4 де. А всѣх кафтановъ передѣлано 19 пар а на каждую пару пошло всякаго прикладу по толикому же числу.

Для памяти записано в чемъ обварить пенковую трубку 1. влить в горшечикъ преснова молока 2. 5 ложекъ масла конопляпаго 3. воску чистаго з денежную свѣчу и приставить к огню чтоб гораздо кипѣло і вынявъ оную трубку вымазать яишнымъ бѣлкомъ то будетъ весма крѣпка.

Репортъ.

Лейб гварди Семеновского полку коликое число пошло на шляпы галуну белого на обшивки и на банты и на пуговицы также и снурку нитяного которые принесены от рот для обрасца были о том значитъ ниже сего а имянно. 12 шляпъ на которые пошло на каждую шляпу галуну белого по 3 аршина по 6 вершковъ на обшивки на банты и на пуговицы снурку на каждую жъ шляпу по 4 аршина. Итого на 12 шляпъ пошло галуну белого шелковаго на обшивки на банты и на пуговицы 40 аршинъ 8 вершковъ снурку нитяного 48 аршинъ. Апреля 1-го дня 1739-го году.

Покромей в баталион 1800 ар красных отпущено.

Мѣсяцъ Маій или третій.

Господи угобзи нивы і вертограды наша. В ню же мѣру мѣрите возмѣрится і вам. Еванг.

1 Вторникъ тепло и сіяніе. Свинины свежей 3 фун. 2 ал.

2. Среда вѣтрено ночью дождь и холодно. Лѣто мочливо значитъ. Бориса и Глѣба С. муч. Сѣменъ огородных росады моркови свеклы рѣтьки на 1 ал.

5 денегъ. Рыбы свежей 20 на 1 ал. 8 роты салдату Ренголту принял я денегъ генвар. трети 739 года денежное и хлѣбное 4 рубли 39 копѣекъ и пол. а онъ в посылку послан.

Продано масла коровья 6 пуд. 28 фун. денегъ взято 9 ру. 12 ал. 4 де. брано за пудъ по 46 ал. 4 де.

Два утенка диких 4 ал. Зри росаду и лукъ посадили салат посѣнъ.

3. Четвертокъ мороз і вѣтръ и сіяние. Тыквы посадили.

4. Пятокъ мороз великъ і в день студено. 8 роты солдата Палитова штрафовал батоги перед роты за отлученіе своеволное и за пьянство. Куплено алаго сукна на камзолъ и штаны 4 ар. по 63 ал. 2 де. итого 7 ру. 20 ал. стамѣда алаго ж 4 ар. по 11 ал. 4 де. итого 1 ру. 13 ал. 2 де. золота золотникъ 10 алтынъ. Ярославской парчи полосатой мнѣ на шубу 15 ар. по 2 ал. итого 30 ал. Пуговицъ 8 к штанам 2 ал. 4 де. Салатнаго семя и росады на 2 де. рыбы на 1 ал. чашечка муравленая 2 де. лѣнтъ на 4 ал. Якову Голикову выдано 1 ру.

5. Субота мороз великой же и сіяние ночью дождь. Куплено приклада к строевому кафтану которой передѣлываетца из стараго а именно бѣлой крашенины 5 ар. 3 чет. 7 ал. 4 де. игол на 4 де. клеѣнки 3 ар. 4 ал. нитокъ зеленыхъ на 2 де. въ фалды 2 сита 6 ал. гаруса 2 палки 2 ал. 4 денги шолку алаго золот. 2 ал. 2 де. шлифы алые 4 ал. 4 де.

Ведение леиб гвардиі Семеновского полку 8 роты коликое число во оной роте вычтено у камисарских делъ у ундер аѳицеров и у салдат из приему денежного жалованья генварской 739-го году трети о том значит ниже сего маіа 6 дня 739-го.

А именно

За сукно і за стамед красной

У сержанта Андрея Пущина	7 р.	—
У ѳуриера Ѳедора Хомякова	6.	50.

У капралов

Андрея Ігнатьева Івана Алабѣрдѣева по 6 р. всего	25.	50.
У писаря Немирова	7.	50.
У гранодера Петра Юрьева	3.	58½.

У салдатъ которые написаны из рекрут у Аѳонасья Богавова Дмитрея Широкова Івана Абеленкина Василья Нестерова Ѳилипа Андронова Степана Колобова по 1 р. 62 к. ітого у шести человѣкъ всего | 9. | 72.

Всего вычтено у камисарскиіх дел	45.	70½.

Маия 11-го дня. 1739-го году

Неделя 3 по Пасцѣ Мироносицъ глас 2.

6. Воскресеніе пасмурно. По Невѣ льду много идетъ. Принял во 8-ю роту ундеръ офіцером и салдатом и другимъ чинам денежнаго и хлѣбнаго жалованья генварской трети 739 году и мясных 548 ру. 26 ал. 2 де. да из оных вычтено 45 ру. 70½ к. на 110 человѣкъ денежнаго и хлѣбнаго на 100 человѣкъ а окладных явствуютъ въ спискѣ росписном которой в моей архивѣ и реэстры вычетные при ономъ же спискѣ.

Получил денежнаго жалованья генварской трети сего 739 году от камисара Камынина по росчету за мѣсяцъ и 4 дни окладу подпорутчикова а за два мѣсяца и за 24 дни порутчикова трактамента 55 рублей 37 копѣек три четверти. Из оных вычтено за сукна зеленое и красное за стамѣдъ красной и бѣлой за позументъ за пуговицы за шляпу с плюмажемъ всего 28 ру. 58 копеѣк три четверти. Итого оставших налицо получил 26 ру. 79 копеѣкъ.

Того ж числа получил от него ж Камынина за 5 рацій также по росчету 17 ру. 89 к. и пол.

Писарямъ и щетчику 3 ал. 2 де.

Государыня императрица изволила перейти въ лѣтней домъ поутру.

7. Понеделникъ дождикъ теплой вес ден и ночь. Полковой строй был аднакож не училис для того по Невѣ льду идетъ очен много и нельзя было.... и 4 и 5 ротам переѣхать на островъ Васильевъ.

8. Вторникъ пасмурно. Взято с крестьянина Василья Лазаревича Григорья Іванова денегъ рубль 13 ал. 2 де. принесъ Василей Сергѣевъ и отданы Григорью. Каринки фунтъ 10 де.

Поземелных денегъ заплочено за дворъ Василья Лазаревича петербурской монхъ денегъ 3 ру. 30 ал. платил капрал Ушаковъ а квитанцію отдалъ Леонтью Артемьеву человѣку Василья Лазаревича. (Помни.)

Получено денщикам муки 4 чет. на сей май мѣсяцъ и крупа роздавал 3 роты салдат Баскаковъ.

9. Среда преизрядной ден зелень появляется. Рыбы живой 5 язей 5 платицъ 10 де. Получено денщикам денежнаго жалованья за генварскую треть сего года 3 ру. 42 к. и пол. роздавал 3 роты салдатъ Пилюгинъ. Винных ягодъ фунтъ 10 денегъ. Тыквы и лукъ в другой ряд посажено.

10. Четвертокъ мороз а ден изрядной. Луку чет. 6 ал. 4 де. гороха сахарнова ѳун. 8 де. сулея в погребѣцъ 1 ал. вмѣсто розбитой. Молока на 4 де. марковнова семя 2 де. укропа 1 де. Induica posazena.

11. Пятокъ дождикъ. Луку зеленаго на 2 де. Куплино кирпичей на 35 ал. здѣлать печь на дворѣ покупал Левка.

12. Субота ден преизрядной березка роскинулас и трава просѣла. Молока на 4 де.

Неделя 4 по Пасцѣ о разслабленном глас 3.

13. Воскресеніе день изрядной и теплой. Рындин былъ у меня. Поросятъ троих купил за 13 ал. 2 де. живых. Молока 4 де. студень говяжья 8 денегъ. Ruscaia kurica posazena. Утятъ гнездо дикихъ 3 ал. 2 де. Посѣено морковь макъ салатъ свекла лукъ.

14. Понеделникъ морозецъ і вѣтръ а ден изрядной. Принято пороха во 8-ю роту 6 пудъ 12 ѳун. и пол. принимал Коблуковъ. За работу печи надворной печникам 20 ал. четвертная вина.

15. Вторникъ погода изрядная. Полковой строй был учил впервые маэор принцъ Беверскій. Экзекуціа Бровкину была сѣкли ево кнутом да шпицрутен гонен Авсяниковъ.

Стамѣда алаго 10 вер. 6 ал. 4 де. От матушки и от сестры писма получены. Зри сѣмя огурешнова и тыковъ на 2 ал. 2 денги и посажены сей день огурцы первые.

16. Среда погода добрая. Щука живая 2 ал. плотвы 15 — 10 де луку на 2 де.

Сукна оставшаго в Чадаевском домѣ перемерено зеленаго 24 половинки остатковъ 2 во всех мѣрою 708 ар. 11 вер. краснаго 5 половинок остатковъ 2 во всех мѣрою краснаго 146 ар. 4 вер.

На Невѣ мостъ навели.

17. Четвертокъ день изрядной. Зри Алексашу отдалъ учитца по немецки ва сиансъ академию 2 азбуки ему латинская да немецкая даны 6 ал. 4 де. Лошади 2 ноги перековат 2 ал.

18. Пятокъ дождикъ поутру и днем и ночью и холодно. Щука живая и 20 язиковъ 3 ал. 2 де. Крашенины в рукава кафтану полтора аршина 2 ал. Луку на 2 де. молока 1 де. трубку обварилъ. Портным за отдѣлку строеваго кафтана 6 ал. 4 де.

19. Субота дождикъ и холодно. Молока на 4 де. говядины на 9 ал. 18 фун. Пряшки к шлифам 1 ал. За мостовое Калинке 2 де.

Неделя 5 по Пасцѣ о самарянынѣ гласъ 4.

20. Воскресеніе морозъ и стужа. Огурцовъ посѣсно 11 грядъ подле конюшни. Продано бѣлужины и осетрины соленой 2 пуда 24 фун. взято денегъ за пуд каждой по 21 ал. 4 де. донят. 1 ру. 9 ал. 4 де. взято 13 ал. 2 де.

Шпанскую муху на рукѣ поставилъ.

21. Понеделникъ великой мороз замерзли лужи а день съ сіяніемъ точію холодно. Луку на 1 де.

22. Вторникъ сіяніе а холодно. Тыквы еще посажены. Творогу на 4 де. дехтя на 1 ал. гужи вымазать.

23. Среда хорошо и сіяние изрядное. Рыбы на 10 де. окуней живых 10

луку 2 де. Зри ротами палили по 5 патроновъ я в строю не былъ рука болѣла. Ruskuiu kuricu p.

24. Четвертокъ предивной ден и жаркой. Молока 4 де. на росходъ 2 де. и пол. дехтю на 3 де.

25. Пятокъ жары. Рыбы на 10 де. луку 2 де. кренделей 2 де. Печнику за бѣленіе труб 10 денегъ решето 5 де. вертлугъ 10 денегъ.

26. Субота сіяніе токмо вѣтръ велик. Кренделей на 10 де. говядины 12 фун. 6 ал. 4 де. Полковой строй был палили по 11 патронов я в строю не былъ рука болѣла.

Неделя 6 по Пасцѣ о слѣпомъ глас 5.

27. Воскресеніе тепло точію вѣтрено. Яблони цвѣтутъ и огурцы взошли. 4 апельсина 2 ал.

28. Понеделникъ вѣтрено ж. За набивку обручей 2 ал. луку на 2 де. От сестры писмо получилъ и от Григорья.

29. Вторникъ мороз был и холодно. Сморчковъ на 3 ал. щевеля 2 де. молока 4 де. Зри от брата Алексѣя Пет. писмо получилъ писанное апреля 28 дня а в немъ пишет дѣти наши слава Богу живы Иосиф писать не учитца Демка учить не ходитъ попъ нашъ ставленую взялъ дѣтей ево 2-х у дьячка адново в школу взяли.

30. Среда дождя тучка доволно и з градом неболшим. На карауле был во дворце. За лошадь мостоваго 3 де. На росход 6 ал. 4 де. рыбы на 10 де. луку 1 де.

31. Четвертокъ Вознесеніе погода добрая. Молока 4 де. Памаранцовъ в патаки 2 фун. 3 ал. 2 де.

Сего маіа издержано денегъ 50 ру. 13 ал. 5 де.

Для памяти.

1. Хотящему блюсти здравіе свое всегда подобает памятоват смерть.

2. Кая старость лучши. Та которая подобна юности.

3. Хранящіися измлада имут старость легкую и подобну юности.

4. А которые изнурят здравіе свое избытками и прочіими случаями тіи всю старость свою во стенаніи проводятъ яко инъ хотѣл бы лучшіи умрети нежели быть полумертвым.

5. Что есть сщастіе отвѣщаю неумѣющій лекарь понеже многих обманываетъ.

Іюнь или четвертый от созданія мира 7247 год Червецъ.

Господи Боже нізпосли на землю во времена сіяніе и дождь.

Евангеліе. Яко же творят вам человѣцы і вы имъ творите такожде.

1. Пятокъ пасмурно и холодно и сіяніе было. Рыбы на 10 де. 3 окуня большіе луку на 2 де.

В конфискаціи куплено спорокъ епанечной дорожковой желтой с травачки серебреными 26 ал. 4 де. лацкин серебреной везеной 2 ру. (отдал Шишкину сержанту) палитин шит золотом по флеру подложен бархатом зеленымъ 20 ал. веѣр 10 ал. фузея приборъ мѣдной 1 ру. 8 ал. 2 де. на оное наддачи 3 ал. 2 де. меклеру.

Запасъ Алсуфьева отдан секретарю Авраму Хечъ и росписка взята ево руки.

Калинке кафтан выдан новой сѣрой.

2. Субота дождя тучка малая в полден. Веникъ на 2 де. 9 роты салдату Козлову 1 ру. послал с Хомяковымъ фуріеромъ платил он в казну.

Чернослива на 5 де. говядины 24 фун. 16 ал. 4 де.

Неделя 7 по Пасцѣ святых отецъ глас 6.

3. Воскресеніе ден предивной. В Невской монастырь ездил верхом и ногу вивихнул.

4. Понеделникъ тепло. Батиста поларшина 30 ал. платок бумажной 3 ал. 2 де. Ів. М. Орловъ приехал из Юрьева.

5. Вторникъ тепло. Получено денщикам муки 4 чет. круп 2 гар. на сей июнь роздавал 3 роты Баскаковъ.

Веникъ 2 денги росады сажены 4 ал. 2 де.

Из деревни писмо з Бѣлкиным писанное маіа 12 дня получил а в нем пишутъ рожъ в полях идет слава Богу противъ прежнихъ лѣтъ ероваго хлѣба никакова еще не сѣяли мелница починена стоялые и стадные лошади слава Богу все здоровы кобылы послѣдніе три ожеребилис всех 6. От птицъ молодые еще не выходили. Ткачь 2 постава толко выткал и лежит болен. Крестьянки 12 холстовъ выткали и отдали бѣлить. А украинская де крупа вся згнила.

6. Среда хорошо. Рыбы свежей щука 20 окуней 3 ал. луку 2 де. Рожъ около Новагорода выколосилас.

7. Четвертокъ пасмурно и тепло. Молока 4 де. Канал рытъ противъ двора моего.

8. Пятокъ ден предивной. Рыбы на 10 де.

9. Субота изрядно пополудни тучка дождя. Принято денегъ 46 ал. 4 де. с крестьянина В. Л. Лихачева з Григорья Іванова из оных дано Левки десят денегъ на подметки. Веникъ на 2 де. Куплено чайных чашекъ з блюдцы фарфоровых 16 паръ дано 4 ру. 21 ал. 4 де. От невѣстки Анны Але. писмо получилъ чрез Голикова на почте полковой присланное. Алексашке башмачки 10 ал.

Неделя 8 по Пасцѣ пятдесятницы глас 7. Троіцын день.

10. Воскресеніе добрая погода поутру дождя немножко.

11. Понеделникъ изрядно. Сплошная. Ретьки на 2 де. щукъ свежих 6 51 фун. 6 ал. говядины на 10 ал.

12. Вторникъ предивная погода. Полковой строй был палили по 7 патронов. Росады на 8 де. Домовъ писмо послал (с Колударовымъ) с Лобковым 6 роты салдатомъ.

13. Среда дождикъ маленко. Веникова 2 де.

14. Четвертокъ вѣтрено а красно и тепло. Понитку краснаго и чернаго 18 ар. 18 ал.

15. Пятокъ изрядно вечеру дождикъ. Кренделей на 4 денги. Г. А. были у меня. Полковой строй был палили по 11 патроновъ штрафовали 3 роты Козлова шпицъ рутенъ 9 роты Аничковскаго перед полком батоги.

16. Субота дождя доволно весь день. Молока 4 де. ершей живых болших 50—10 де. студен говяжья 8 де. веникова на 2 де. ретьки на 2 денги говядины на 3 ал. 2 де. Приказ был от полку отдать из 8 роты алое сукно 4 ар. въ 9-ю роту капралу князю Мышецкому и отдано.

Неделя 9 по Пасцѣ глас во октае 8.

17. Воскресеніе дождь вес ден и студено. Заговѣлись. Молока на 4 де.

Петровъ постъ.

18. Понеделникъ дождь вес ден временно.

19. Вторникъ хорошъ ден. Росады на 10 денегъ.

20. Среда дождь во весь ден временами.

21. Четвертокъ хорошо. Получил позумента золотова широкова 8 ар. узкаго 20 ар. вѣсом в обоих . . . от камисара Камынина. Зри із деревни съ Савостьяновым на баркѣ муки пшенишной мѣшок 3 пуда 25 фун. аржаной 9 кулей мѣрою 10 четвертей 7 чет. вѣсом 71 пуд. солода ячнаго 2 куля да мѣшок мѣрою 3 четверти вѣсом 18 пуд. авса 5 кулѣй мѣрою 5 четвертей вѣсом 22 пуда и пол. хмелю пуд мѣрою 3 четверти. Кобылы ожеребилис болшой гнедой жеребчик гнедой от меншой кобылка жъ гнедая от голубой украинской жеребчикъ рыжей или коурой от рыжей жеребчикъ буланой от гнедой молодой жеребчикъ буланой же.

Дехтю на 1 ал. чернослива на 2 де. купороса 2 де. Параше 10 де. За провоз вышеписаннаго припаса заплачено денегъ в Петербурхе 4 ру. 10 ал. да из деревни дано 1 ру. 16 ал. 4 де. ітого 5 ру. 26 ал. 4 де.

Зри сукон перевезено ис Чадаева двора на полковой дворъ зеленыхъ 23 половинки красныхъ 4 каразеи 5 кусковъ покромей...

22. Пятокъ ден преизрядной. 12 сиговъ живых 7 ал. 4 де. плотвы на 10 де. 2 чашки фарфоровые в конфіскаціи 11 ал. 4 де. чулки нитяные 5 ал. 4 де. Медное колцо к ружью на погон 4 де. Золота золотникъ на передѣлку строеваго кафтана 10 алтынъ. В конфискаціи лѣнтъ золотых и серебреныхъ на 2 рубли. Шнурованья Параше на усах 5 ал.

23. Субота дождя много было. Параше чюлки Катюшке башмачки 9 ал. Чернослива пол. 5 фунта 4 ал. 1 денга.

Неделя 10 по Пасцѣ глас во октае первый.

24. Воскресеніе ден преизрядной. Уксуса 4 де. Брат Петръ Яковлевичь Ржевской приехал. За провоз запаса подрятчику 4 ру. 10 ал. да на Шоши когда грузили ему ж 1 ру. 16 ал. 4 де. которой получен сего мѣсяца 21 дня.

25. Понеделникъ изрядно. Ретьки 1 де. кренделей 6 де.

26. Вторникъ изрядно. Гвозья на 4 ал. 4 де.

27. Среда изрядно. Из деревни съ Якимкою барскихъ старой баран молодых 3 переточка одна да с крестьян 25 барановъ всего тритцать корова быкъ. Гусей молодых вышло 16 утят 30 индѣйских цыплят 16 рускихъ 40.

Посѣяно яри авса 76 четвертей жита 9 четвертей 4 чет. пъшаницы четверть 6 чет. конопел четверть 3 чет. семя аллянаго 2 четверти 2 чет. грѣчи 4 чет. невѣяной четверть 2 чет. ярицы 7 чет.

Рыбы вяленой 10 щукъ 2 язя мѣлкой 12 рыб дѣланая козлина одна яицъ от барских кур 3000. Ткачь 3 постава выткал четвертые поставил. Анбаръ новой взобрали. Рожъ слава Богу идетъ хорошо и цвѣтет и еровые всходы хороши ж.

Якимке на дорогу дано 16 ал. 4 де. авса 6 чет. жита 2 чет.

28. Четвертокъ преизрядной ден. На карауле был во дворце. На росход 16 ал. 4 де. путры 2 фун. 3 ал. 2 де. за мостовое Калинке 4 де. ниток зеленых 1 де.

29. Пятокъ дождя много. Рыбы живой харіусъ лещь плотвы 10 – 5 ал.

30. Субота дождя туча в полдни. На карауле былъ во дворце. На росход 3 ал. 2 де.

Неделя 11 по Пасцѣ глас 2.

Воскресеніе дождь. Посолъ пришол цесарской. Сего июня издержано денегъ 24 ру. 25 ал. 4 де.

Росходъ баранамъ пригону сего года.

1739 году июня 27 дня пригнано 30 бык. корова.

1. Июня 28 шурину баранъ.

2. 3. 30 дня на росходъ убиты 2 барана из оныхъ Григорью 1.

4. 30 ж дня учителю Алексашину баранъ.

5. Июля 3 дня баран убит на росход.

6. 8 дня баран убитъ на росход.

7. 8. 12 дня баран убит на росход. Григорью баран 1 же.

9. 10. 16 дня баран на росход. 20 дня пропал баран.

11. 12. 21 дня баран на росход. 22 дня баранъ на росход.

13. 24 Вельяминову барана. 26 дня баран на росход,

14. 15. 21 ж дня пропал баран. 26 дня пропал баран.

16. 17. 28 дня пропал баран. 29 дня на росход баранъ.

18. Августа 16 дня баран на росходъ.

19. 18 дня баран людемъ.

19 дня быкъ убитъ и посолен.

20. 27 дня баран убитъ на росход.

21. Сентябрь 1-го дня баранъ на росход.

22. 23. 2-го дня баран на росход. 6 дня баран на росход убитъ.

24. 25. 9 дня баран на росход. 13 дня баран на росход.

26. 27. 16 дня баран на росход. 20 дня баран на росходъ.

28. 29. 23 дня баран на росход. 30 дня баран на росход. 6 дня баран на росходъ.

Все 30 в расходѣ.

Корова убита октября 29 дня сего жъ году.

Реэстръ кому роздано крестьяномъ на сѣмена хлѣба какова сей год.

В селѣ Воронине овса.

Ермаченку четверть 4 чет. Карпу четверть 2 чет. Барану четверть 4 чет. Голышу четверть 4 чет. Вялому четверть 4 чет. Урусу четверть 2 чет. Трифонову четверть. Сыроешкѣ четверть 4 чет. Юдину четверть 4 чет. Давыдову четверть 4 чет. Тананыке четверть 2 чет. Кекешенку 4 чет. Удоеву 4 чет. Филипу 2 чет. Копыленку 4 чет. Итого в селѣ 16 четвертей 6 чет.

В Плюсковѣ овса.

Лукину 4 чет. Котѣю 4 чет. Глухому Матвѣю 2 чет. Итого 10 чет.

В селѣ роздано ярицы.

Удоеву чет. Сыроегѣ чет. Давыдову чет. Голышу полчет. Итого 3 чет. и пол.

В селѣ роздано жита.

Ермаченку 6 чет. Карпу 9 чет. Голышу 6 чет. Вялому 3 чет. Урусу 4 чет. Трифонову 6 чет. Филипу 4 чет. Удоеву 4 чет. Сыроегѣ 3 чет. Пиминову 4 чет. Юдину 4 чет. Давыдову 6 чет. Тананыке 4 чет. Кекешонку 6 чет. Барану 4 чет.

В Плюсковѣ.

Лукину 2 чет. Якимову 2 чет. Котѣю 4 чет. Шелѣпу 2 чет.

Итого 10 четвертей.

Іюль или пятый или Ліпецъ.

Господи Боже благослови насъ собирати плоды земныя.

Еванг. Будите мудры яко змія і цѣли яко голубіе.

Неделя 11 по Пасцѣ гласъ 2.

1. Воскресеніе дождь до полудни. Посолъ пришол цесарской и была ему встреча гвардіи баталіонъ. Уксуса 4 де. на росход 2 де. и пол.

2. Понеделникъ преизрядной ден. Людей и крестьян домой отпустил и с ними лошадь на дорогу имъ 6 ал. 4 де. на мостовое сухарей 4 чет. крупъ полчет. сала 5 фун. котел железной новой.

Шляпникъ круглой да ларчикъ Алексаше 11 ал. 4 де.

3. Вторникъ предивной ден. Сей день женился маэоръ нашего полку принцъ Брауншвейгъ Волфенбителскій Антон Улрихъ на дочери царевны Екатерины Ивановны принцесѣ Анне а отецъ еѣ герцокъ Мекленбурской. Полкъ в собраніи былъ палили по патрону. (Помни.)

4. Среда изрядно. Ездили поздравлять маэора. Рыбы на 10 денегъ. За мостовое Калинке с лошадью 10 де. вчера.

5. Четвертокъ изрядно дождя немного в полдня и ночью. Соли полпуда бузуна 6 ал. 4 де. Алексаша занемогъ очень болно.

6. Пятокъ дождь великъ вес ден и ночь. Рыбы на 10 денегъ масла деревяннаго 5 де. винных ягод фун. 10 де.

7. Субота дождь великой вес ден. Лососины свежей 5 фун. 2 ал. 4 де. Получено денщикам провіанта муки 4 чет. крупъ 2 гарнца на сей июл мѣсяцъ роздавалъ 3 роты салдатъ Баскаковъ.

Неделя 12 по Пасцѣ гласъ 3.

8. Воскресеніе изрядной день в ночи дождь. На карауле был в зимнем дворцѣ. Потѣха была. Алексашу причастили Б. таінъ.

9. Понеделникъ дождь. Салата на 2 де. золота на передѣлку мундира золот. 10 ал. гаруса зеленаго золот. 8 денегъ. За мостовое Калинке 4 де.

10. Вторникъ поутру дождикъ был і вѣтръ великой. Земляницы на 4 де. На карауле был во дворце.

11. Среда вѣтръ. Рыбы на 1 ал. пуговицъ на штиблеты мнѣ мѣдныхъ плоскихъ 5 портищь 10 ал.

12. Четвертокъ поутру дождь а ден жаркой. Лошад подковать 2 ал. ягод 4 де. Яшнаго солода 4 чет. на пиво выдано хмелю 4 чет. Галеры съ салдаты пошли в Петергоѳъ.

13. Пятокъ жаръ великой и громъ. Рыбы на 10 денегъ харіусъ 12 плотицъ. Зри Алексѣю да Мусину Пушкину 2 ру. Пуговицъ принцмѣталных 4 портища на каѳтан 28 ал. старой строевой и на камзолъ алой.

14. Субота превеликой вѣтръ. Бревен 40 на дрова 1 ру. уксуса на 4 де. Зри Григорьевых денегъ за мостовое за животину Левке дано 5 ал.

Государыня им. из. поитит в Петергофъ пополудни.

Неделя 13 по Пасцѣ глас 4.

15. Воскресеніе хорошай ден. Братъ Іванъ Григорьевичь Нащокин был у меня.

16. Понеделникъ предивной ден. У литейнаго двора на Невѣ згорѣла барка с маслом и с овсомъ ходили на пожаръ. Коробочку смокви 6 ал. 4 денги.

17. Вторникъ ночью дождя туча. Денегъ отдал Григорью Васильевичю 12 ру. 22 ал. 2 де. которые браны съ крестьянина ево и за масло проданное.

18. Среда ден изрядной. Кофе фун. 7 ат. 2 де. Полдюжины чашекъ фарфоровыхъ послано к сестре А. Алексѣевне. На караул пришел в адмиралтейство сменил порутчика Нарышкина П. полку. Рыбы на 3 ал. 2 де. на росход 3 ал.

19. Четвертокъ поутру дождя тучка а ден изрядной. Параше башмачки 6 ал.

20. Пятокъ дождикъ временами во вес ден. Рыбы на 10 де. З Голиковым послано к Плохому на обувь 16 ал. 4 де.

21. Субота поутру дождя немного а ден хорошъ. На росход 3 де. чернослива 2 фун. 10 де. грибовъ свежих на 10 де. Зри сержантъ Шишкин отпущен домовъ.

Неделя 14 по Пасцѣ гласъ 5.

22. Воскресеніе хорошо.

23. Понеделникъ ветрено и дождя тучка. Изъ деревни писмо получилъ с Марьей Ан. а в немъ пишетъ июля 5 дня еровые хлѣбы слава Богу идутъ хороши а ранние лутче. Посылка с Лобковым дошла в целости. Яблокъ на 15 яблонях и то редко. Пашня попахана навозу навозили пол. 8 десятины. Дехтя высѣжено 26 ведръ. Лошади стоялые и протчие слава Богу все в добромъ здоровье. Храмому кафтанъ дан взят у старосты. Брат Алексѣй пишетъ о здоровье и дѣти наши слава Богу въ добромъ здоровье. Еровые хлѣбы и травы также пишетъ что хороши толко де в барском лугу трава плоха. Новоторской деревни крестьянин Семен Васильевъ бьет челом на старосту обидитъ землею и бьетъ завсегда.

24. Вторникъ изрядно. Фелшару за мостовое 8 де. В ночи горѣло у литейнаго двора подъяческой дворъ.

25. Среда изрядная погода. Рыбы на 10 де. стручья на 4 де. К шурину отпущено 2 куля муки с человѣком ево Михаиломъ да барана.

26. Четвертокъ вѣтрено. 2 платка работы Затрапезнова 21 ал. 4 де. Параше

лѣитъ на 3 ал. Сего дня въ 734-м году родилас Параша. Порутчикъ Будбѣрхъ умре в ночи скоропостижно.

27. Пятокъ дождикъ во вес день. Рыбы на 6 ал. 4 де. Задатку за покроми взято 20 ру. а сторговали 1000 ар. по 3 ру. по 75 копеѣк купил петербурскаго купца сидѣлецъ Яковъ Васильевъ а всехъ денегъ взято 93 рубли 75 копеѣкъ принял на щетъ салдатъ 10 роты Лунинъ за 25 тысящь.

Ореховъ грецких 50—10 де. На росход 1 ал. Алексаше граматика руская с немѣцким 16 ал. 4 де.

28. Субота вѣтрено. Полкъ учил маэор нашъ герцок Брауншвейнской палили изрядно по 15 патроновъ. Писма из деревни получил писанные июля 23 дня а в немъ пишетъ в селѣ обстоит слава Богу все здорово. Савастьяновъ домовъ с товарыщи приехали. Лошадь и протчеѣ все принято в целости. 1724-го году по роспискам заплачено в казну денегъ 70 ру. Ермаковы лошади бурая и темносѣрая мѣрою по 2 аршина. Гнедова жеребца немецкова берутся положит. Сѣна поставлено на мелнишном лугу 2 скирда за еровымъ к Иванкову 1 скирдъ на Михалевѣ 2 стога. Пустоши все покосили. Украинская крупа раздана в мѣсячину. Брат Алексѣй П. пишет дѣти наши живы. Иосифъ пишетъ глаголь.

Недѣля 15 по Пасцѣ глас 6 во октае.

29. Воскресеніе вѣтрено. На росход 10 денегъ.

30. Понеделникъ хорошо. За мостовое Калинке 4 денги. Меду 5 ал. уксуса на 3 ал.

31. Вторникъ преславной день. Глины на передѣлку печей в банѣ и в люцкой избѣ 2 куля 4 ал. 2 де. кирпича 150—11 ал. по 7 ал. 2 де. 100. За работу оныхъ печей печнику 36 ал. 4 де. платил и покупал на мои денги Дербень.

Теши виноградной 12 фун. 10 ал.

Сего июля издержано денег 8 ру. 35 ал. полденги.

Августъ или Серпень.

Господи помози імператрицѣ на враговъ креста Господня.

Скажи ми Господи кончину мою и число дней моихъ да разумѣю.

1. Среда изрядно ночью дождь. Огурцовъ на 2 ал. 40. Алексашину учителю 16 ал. 4 де.

2. Четвертокъ дождя туча. Снятковъ четвертка 2 ал. 5 де. Коня понуждать хлыстикъ 8 де.

3. Пятокъ жаръ. Урылникъ оловяной променен денегъ придано 16 ал. 4 де. вѣсом 3 фун. и пол. Рыбы матерой теши 13 фун. 10 ал. Пряшки шлифные

5 ал. Доска аспидная Алексаше 3 ал. 2 де. За мостовое 4 денги. Рыбы на 8 де. Кренделей на 3 денги.

4. Субота хорошо. Огурцовъ 67—2 ал. 5 де. кренделей 2 де.

Неделя 16 по Пасцѣ гласъ 7.

5. Воскресеніе дождя тучка. Получено денщиком правианта на сей мѣсяцъ муки 4 чет. крупъ 2 гарнца роздавал 3 роты салдатъ Баскаковъ. Brat P. Rzewskoi poechal domoi otstawlen ot sluzby.

6. Понеделникъ жаръ велик. На караулъ пришол в летней домъ сменил П. полку порутчика Кудрявцова. Калинке 10 де.

7. Вторникъ с полудни дождикъ. На росход 10 де.

8. Среда дождикъ временно. Огурцовъ на 10 де. 40.

9. Четвертокъ вѣтръ и дождикъ временно. На росход 6 ал. 4 де. на росход же 3 ал. 2 де.

10. Пятокъ пріятно. Смѣнился с караулу сей ден сменил Голицын. Вишен 200—2 ал. огурцовъ 10—2 де. Ночью дождь.

11. Субота дождикъ и холодно очень. Селдей на 4 денги веников на 2 де. И ночью дождь.

Неделя 17 по Пасцѣ глас во октае 8.

Воскресеніе дождь и студено очень. Зри сукна и покроми перенесены на погреб на полковом дворѣ. За мостовое 5 де.

Овчин отдано в дѣло бѣлых 8 черных 3 мерлин бѣлыхъ 2 черная 1 всѣх 14. За работу по 2 де. за овчину взял в дѣло крестьянин Галицкого уезду селца Бакланова Надежды Ивановой дочери Вельяминовой Иван Ивановъ сынъ Басаргин а стоит онъ у литейнаго двора у Норова на дворѣ.

Ягод черницы на 8 де. огурцовъ на 7 ал. 2 де. щетом 250 укропу на 1 де. обручь на кадачку 1 де.

13. Понеделникъ холодно очен и дождь временно. Огурцовъ 200 дано 6 алтын солить же. Клеѣнки полъар. 4 де. Алексашке под камзол. Полковой строй был на Васильевом островѣ палили по 15 патроновъ принцъ училъ палили нарочито дождь мѣшалъ ис пушекъ палили в минуту ис каждой пушки по 19 зарядовъ.

14. Вторникъ дождь временно. Рыбы ряпухи 20 крупной 3 ал. 4 де. штокъ фишъ 3 фун. 1 ал. За мостовое 4 де. Зри солода ячнаго на пиво 5 чет. хмелю 4 чет. Алексаше перщатки 3 ал. 4 де. На пивную бочку 5 обручей 8 де.

15. Среда ден хорошъ съ сіяніем. Яблокъ любскихъ 20—4 де.

16. Четвертокъ дождь вес ден. Розговѣлся въ Петербурхе дома. В Петергофъ поехал поздравлять принца маэора нашего днем рожденія его завтрешняго числа. За мостовое 4 де. с полковаго двора. В Петергофъ час ночи приехали. Зри зять Мусин Пушкин заплатил 3 ру. денегъ которые на нем были мои.

17. Пятокъ поутру дождя тучка а ден предивной. В Петербурхъ приехал час ночи. Извощику за лошад которая ходила до Петергофа 23 ал. 2 де. Овса полчет. 2 ал. Меду в Лиговѣ 1 ал. Дехтя на 1 ал.

18. Субота с полдни дождь и ночь всю. Чеснока на 2 де.

Неделя 18 по Пасцѣ глас во октае 1.

19. Воскресеніе дождь съ сіяніемъ. Поздравляли подполковника нашего Ушакова нынѣ он именинникъ. Быкъ убитъ и посоленъ сей день.

20. Понеделникъ дождь временно и сіяніе теплое. Былъ я у брата Ів. Григорье: Нащокина. Грибовъ на 1 ал. брусницы на 2 де.

21. Вторникъ изрядно. Полковой строй был палили по 2 патрона съ пышками. На росход 2 де.

22. Среда хорошая погода ночью дождикъ. Ряпухи на 1 ал. Вындомскому жита полчет. послал капитану порутчику лошадь кормить подсуша от насововъ.

23. Четвертокъ пріятно и хорошо. За мостовое 2 де.

24. Пятокъ хорошо. За мостовое 4 де. Рыбы на 10 де.

25. Субота поутру дождикъ и гром великъ и молніа. За обручи на бочку квасную 2 ал. 2 де. Ягод на 4 де. гонобобѣлю и брусницы. С вечера туманъ и ночью.

Неделя 19 по Пасцѣ гласъ 2.

26. Воскресеніе туман великой поутру и тепло. Грушъ любскихъ на 10 де. Калинке даны башмаки новые.

27. Понеделникъ преизрядной ден. 8 роты салдат Іван Івановъ сынъ Теглевъ умре племянничья оклада дворянинъ былъ новогороцкой помѣ. У Потулова былъ я. Зри от Василья Лазаревича писмо получено писанное от него сего мѣсяца 6 дня из мѣстечка Домантова близ Кіева.

28. Вторникъ преизрядной день. Гущи коровѣ на 4 ал. Ис Петеръ Гофа государыня императрица пришла в Петербурхъ пополудни. У Самарина порутчика былъ я.

29. Среда предивная погода. Гущи коровѣ на 10 де. Грибовъ на 8 де. Италіанцом за комедію 5 ал. 4 де. Гузею сапоги даны новые.

30. Четвертокъ изрядная погода. Парукъ Макару 1 ру. Крупъ чет. сухарей ситных чет. вина четвертная полбарана. Въ 1721-м году сего числа принесеніе святыхъ мощей благовѣрнаго князя Александръ Невскаго из Владимера града в Невской монастырь близ Петербурха на рекѣ Невѣ. Ермоланскому попу за славленье 10 де.

31. Пятокъ хорошо да вѣтрено. Рыбы на 10 денегъ 3 сига. От сестры Аграѳены Петровны писмо получил с крестьянином еѣ.

Сего августа издержано денегъ 5 ру. 29 ал. 5 де.

Сего года и мѣсяца 20 дня объявленъ указ о зборѣ рекрутъ въ 32 поборъ

со 120 душъ и съ ямщиковъ ростомъ от 18 до 20 лѣтъ въ 2 ар. в полтретья вершка а по самой крайнѣй нуждѣ въ 2 ар. і въ 2 вершка. А от 20 до 30 лѣтъ въ 2 аршина в полчетверта вер. і выше а по самой крайнѣй нуждѣ і въ 2 ар. 3 вер. А прошедшіе наряды были неравные желающей вѣдать да зритъ въ 1726-м году съ 200 душъ въ 727-м съ 305 въ 729-м съ 324-х въ 730-м съ 320 въ 732-м съ 288 с полу. въ 733-м со 102-х въ 734-м со 169 душ въ 736-м со 125 въ 737-м съ 98 душъ въ 738-м со 120 въ 739-м со 120 душъ.

Помни за патентъ прапорщика нашего полку Алексѣя Дурнова Конищевъ принялъ денегъ от меня 1 ру. 67 к. 738-го июня 6 дня отнесъ к нему оные денги 11 роты салдатъ Мотафтинъ. Да 739-го февраля 9 дня он же Конищевъ принял 2 ру. отнесъ к нему оные денги 5 роты салдатъ Хотяинцовъ. Да 739-го сентября 22 дня за приложенную печать ко оному патенту 8 ал. 2 де. а носилъ к печати 8 роты капрал Каблуковъ. Итого всех денегъ 3 ру. 30 ал. 4 де.

Помни смерть memento mori.

Кафіз 16: Начало премудрости страхъ Господень. Готово сердце мое уповати на Господа. Того ради и пищу даде боящимся Его.

Февраля 5 дня я Александръ Благово женился 1720-м году отъ роду моего 25 лѣт. А жена моя Ірина вышла за меня шестнатцети лѣтъ.

Сентябрь Вресень седмый. Отъ сотворенія свѣта 7248 год с сего дня.

Господи покори борющихся с нами православной імператрицѣ.

Псаломнікъ. Покрых постом душу мою і бысть в поношеніе мнѣ.

1. Субота дождикъ весь день и ночь. Веникова на 2 де. Коровѣ гущи на 3 ал. 2 де. веников на 2 де.

Неделя 20 по Пасцѣ глас во октае 3.

2. Воскресеніе дождь. Даркана чет. 10 денегъ. Изъ двора писмо получил зъ Запруднымъ писанное августа 20 дня а в немъ пишетъ в селѣ з деревнями обстоит слава Богу все здорово ржи посѣено къ 1740-му году 26 четвертей в полѣ к Ширяеву да Ондрѣевском 4 четверти. Итого 30 четвертей ржи посѣено. Сѣна в пустошах скирдъ да стоговъ 15. в барскомъ лугу 10 стоговъ на мелнишном лугу 2 скирда за еровым скирдъ. Рожъ зжата вся а несвожена за погодою. Подушных недоимки 724-го году 49 ру. 25 ал. заплатили в Клинѣ и квитанція взята а напреж плачено было въ 724-м же году по тремъ роспискам 70 ру. 8 ал. 2 де. Стоялые и езжалые лошади слава Богу все в добромъ здоровье. Малины орѣховъ рыжиковъ груздей нѣ родилос а грибовъ черемхи и брусницы много.

Из украинской деревни пишутъ Алексѣй Толстой старой умре июня 4

дня. Посѣяно яри сей год авса 9 четвертей 2 чет. ячменя 4 четверти 7 чет. конопель 4 чет. проса 2 чет. в гумнѣ хлѣба ржи 3 скирда гречи 2 скирда проса 500. Скота 9 лошадей езжалыхъ жеребенокъ лѣтошной 3 жеребенка нынѣшных да бурая кобыла ожеребилас которая из Воронина сослана. Овецъ старых 6 да молодых 3 ярки. Запрудному ямщику 10 де. С нимъ же и домовъ писалъ писмо.

От воплощенія Сына Божія 1739-й годъ.

3. Понеделникъ ден изрядной. Маэоръ Апраксин приехал из арміи со объявленіемъ побито турковъ в полон взято и городъ взятъ Хотин і вес лагерь их 100 полатокъ пушекъ мартиров. Августа 17 дня баталіа была. Поздравляли государыни императ. и были у руки.

4. Вторникъ дождь и ден и ночь. Полковой строй был на Васильевом островѣ. Принцъ изучить. Тесемокъ к штиблетам на 8 де.

5. Среда дождь временно во вес ден. Поздравляли государыне цесаревне днемъ тезоименитства ея. У маэоровъ обѣихъ был я. Получено денщикам провіанта муки 4 чет. крупъ гар. на сей мѣсяцъ роздавал 3 роты Баскаков. Рѣпы на 2 де.

6. Четвертокъ нарочито. На карауле былъ во дворце лѣтнем. Путры 2 фун. 3 ал. Калинке за мостовое 2 де.

7. Пятокъ изрядное сіяніе токмо холодно. Рыбы на 10 денегъ. За покромн взятые денги 93 ру. 75 к. отдал прапорщику Комынину и росписку взялъ (государевы). На Углечь Левка посланъ.

8. Субота дождь весь день и студено. Грушъ и яблокъ на 3 ал. 2 де.

Неделя 21 по Пасцѣ глас во октае 4.

9. Воскресеніе дождь во весь день временно. У Нащокина былъ.

10. Понеделникъ дождь. Куплено китайки 2 ар. 8 ал. черной. Яблокъ на 3 де. У Орлова был и у Свечина. Домовъ писмо послал съ Свечинымъ.

11. Вторникъ студено. Полковой строй был палили по 25 патроновъ принцъ учил изрядно. Коню ногу подковать 2 ал. 1 де.

Секундъ маэоръ Апраксинъ нашего полку вчерашняго дня пожалован въ нашъ же полъкъ в примѣръ маэоры и кавалерію красную лѣнту С. А. Невскаго и 6000 ру. ему ж.

12. Среда хорошая погода а холодно. Полъкъ нашъ государыня императрица изволила смотрѣть палили хорошо по 29 патроновъ жаловала к руке і вином. Яблокъ на 2 ал. рыбы на 9 де. 2 сига. Васинин сынъ умре которой в матрозах былъ.

13. Четвертокъ мороз великъ в ночи дождь. Картъ полдюжины 10 ал. Перца чет. өун. 2 ал. 4 де. карицы 3 золот. 2 ал. веников на 2 де. рыбы 4 сига окунь 2 ал. 4 де. 6 картузовъ табака 15 ал. по 3 ал.

14. Пятокъ пасмурно и дождь. На караул пришел в зимней дворецъ сменил Преображенскаго полку подпорутчика Аргамакова.

15. Субота пасмурно и холодно. Орлову 5 ал. Говядины на 6 ал. 4 де. яблокъ и грушъ на 2 ал.

Неделя 22 по Пасцѣ глас 5.

16. Воскресеніе холодно. Яблокъ на 1 ал. на росход 2 де.

17. Понеделникъ изрядно. К портупею петелька 16 де. Ареховъ свѣжихъ на 1 ал.

18. Вторникъ дождь пополудни. Дробинъ живности 11 ал. 4 де. да 10 де. дробинъ же в кадецком домѣ. Шеидякову сержанту дано на патентъ мой денегъ 3 ру. при капрале Каблуковѣ. Сменился с караула сменил Измайловской прапорщикъ Левъ Измайловъ.

19. Среда нарочито. Принято въ 8-ю роту денежнаго и хлѣбнаго жалованья за 739-й год майской трети 618 рублей 75 к. из оных вычтено 30 ру. 66 к. и пол. о которых значит присемъ щетчика Андрея Астафьева репортъ ево руки. Налицо принято 588 ру. 8 к. и пол. а за протчіе росписки есть.

Патентъ взял я ис полковой канцеляріи Алексѣя Дурнова и росписался в немъ.

Получено денщикам за майскую треть сего года денежнаго жалованья 4 ру. принесъ 3 роты салдат Баскаковъ.

20. Четвертокъ дождикъ и студено. Грушъ и яблокъ на 3 ал. За патентъ Дурнова от печати.... Из двора писмо получил писанное 10 дня сен. а в нем пишет дѣти слава Богу живы. Ржи молотят съ 300 сноповъ четверть 6 чет. навозная и нѣнавозная равно. Жита съ 300 сноповъ четверть 6 же чет. Пшаницы нажато 16 копен овинов 9. Ржи складено 4 скирда вкругъ по 25 сажен каждой скирдъ а овиновъ де по 30 будетъ. Лошади все слава Богу в добром здоровье. Гнедова жеребца положили. Дехтю нихто не купит для того что дешевъ. В рекруты ково де отдать. Яблоковъ обмочено 4 бочки. Рыжиковъ набрано 3 кринки. Яблоковъ же свѣжих всыпано в новой анбаръ 5 чет. Мелница состоит в добром состояніи. Анбаръ де мелнишной весною надлежит перестроить а бревны на оной анбаръ повещены вывозить. А избу мелнишную осенью будемъ строить. Вяленокъ бьет челомъ до весны на оброкъ а бревны положенные вывезетъ. Рожъ купят в Клину по 5 копеѣкъ чет. и на ягоды брусницу меняют и то не бѣрут овесъ купятъ также въ 5 копеѣк чет.

21. Пятокъ дождикъ временно и холодно очень. Рыбы на 10 де. 2 роты Рычкову салдату темнозеленаго сукна на кафтан 4 аршина каразеи пол. 3 ар. выдано. За дѣло овчин 14—4 ал. 4 де. которые были отданы в дѣло августа 12 дня.

22. Субота вѣтер и холодно. Лукьянова домовъ послал на мостовое ему

10 де. Патентъ запечатат Дурнова прапорщика 8 ал. 2 де. а носил к печати капрал Каблуковъ итого всех денегъ за оной патентъ я издержалъ 3 ру. 30 ал. 4 де. (Зри февраля 9 дня 1739-го года да 738-го июня 6 дня.)

Неделя по Пасцѣ 23 глас во октае 6.

23. Воскресеніе дождь поутру маленко. У Нащокина былъ и обѣдалъ.

24. Понеделникъ невесело и холодно и дождь ночью. Полковой строй былъ гоняли шпицъ рутенъ 12 роты салдата Иону Понамарева или Федорова дмитровской помѣщикъ.

25. Вторникъ хорошо ночью дождь. Квитанцію получилъ зарукою камисара Комынина о вычете за первой мундиръ и за протчеѣ 28 ру. 58 к. 3 четверти да за данной же на богатой мундиръ позументъ широкой и узкой 30 ру. 51 копейка с четвертью итого 59 ру. 10 копеѣкъ а оная квитанція вмѣсто денежнаго жалованья майской трети 739-го года а денегъ за оную треть ни копейки не дано служил без жалованья.

26. Среда пасмурно и дождикъ маленкой. Рыбы на 10 де.

Въ Воронине хоромы построены 738-м году строили плотники мои Кѣкешонокъ с товарыщи.

Указъ состоялся брать рекрут сего года августа 20 дня со 120 душъ и с ямщиковъ въ 32 поборъ.

27. Четвертокъ дождикъ поутру а ден нарочитъ. Веникъ на 2 де. Носки к чулкамъ 2 ал. Бѣлуга соленая коренная пуд 23 ал. 2 де. Солоду на пиво 5 чет. хмелю 3 чет. Тумашову отдано каразеи красной кусокъ мѣрою 25 аршинъ.

28. Пятокъ преизрядной день. На карауле во дворце въ 708-м году сей день была баталія с шведы под Лѣсным з генералом Левенгоптомъ. Лошад подковать ногу переднею 2 ал. За мостовое Калинке. Получена вѣдомость от фелтьмаршала Миниха взятъ турецкой протекціи город Ясы и миръ заключен. В ночи получена вѣдомость от него ж Миниха состоялся миръ с турки.

29. Субота хорошай день. За пастушню барановъ 10 де. 8 роты салдат Семенъ Тыртовъ умре племянничья оклада.

Алексашка зачал учитца по немецки маіа 17 дня 1739-го году.

Неделя 24 по Пасцѣ гласъ 7.

30. Воскресеніе нарочито. Яблокъ ранетъ барштапель ганштапель любских грановитых всѣх 50 дано 6 ал.

Сего сентября издержано денегъ 7 ру. 15 ал. 1 де.

Турецкой портовой город Очаковъ взятъ 1737-м а разоренъ въ 738-м году.

Морскаго флота порутчика Никиту Михайлова сына Желябовскаго пожалован в прокуроры в адмиралтейство сего года.

Турецкой город Хатимъ взят сего 1739 года августа 18 дня и турковъ побито много.

Сего года мѣсяца сентября 3 дня у цесаря турки взяли Бѣлъ город и помирились. А нашъ фелть маршал Миних взялъ городъ Ясы сентября 20 дня в котором живал господарь Волосской в турецкой державѣ.

Октябрь.

Господи прослави нами імя твое святое.

І положіх одѣяніе мое вретіще і бысть имъ в прітчу.

1. Понеделникъ дождь и день и ночь. Поздравляли принцу Курлянскому. У шурина былъ я. За мостовое 3 денги. От сестры Аграфены Петро: писмо получилъ.

2. Вторникъ дождь и день и нощь.

3. Среда дождь і снѣг весь ден дождь. Сундукъ новой 16 ал. 4 де. вина бутылка. Лошади ногу подковат моим подковом 1 ал. Калинке 4 де. за мостовое.

4. Четвертокъ мороз а ден дождь. Свечь салных 100 во 11 фун. да 100 въ 7-м фун. дано 24 алтына. От Боркова два писма получил.

5. Пятокъ нарочито. Принято на биржи от аглицких купцовъ Шифнера і Вольфа салдацкаго сукна краснаго 80 аршин 8 вершковъ въ ширину 1 ар. 14 вер. а умокло.

6. Субота мороз и ден нарочитъ. Принято от обознаго полковаго Морозова краснаго сукна салдатомъ на камзолы и штаны на обшлога и на воротники 60 ар. 13 вершков. Яблокъ на 3 де.

Неделя 25 по Пасцѣ глас во октае 8.

7. Воскресеніе дождикъ поутру. Яблокъ на 1 ал. любских 30. Подполковникъ нашъ Ушаковъ послан в посылку.

8. Понеделникъ нарочито. Обрасцевые сукна за печатью полковою взялъ от агличан Волфа и Шифнера. Пряжекъ к седлу на 9 де. Получено денщикам провиантъ муки 4 чет. крупъ на сей октябрь мѣсяцъ.

9. Вторникъ дождь. Веникова на 2 де. Алексаша зачал учить арифметику.

10. Среда мороз. Квартермистру список послан о квартерах на 19 дворахъ в них покоевъ 89 в них поставлено ундер офицеровъ и салдат и других чиновъ і ихъ женъ и дѣтей 158 при них хлопцовъ 13 человѣкъ. В колокол в полковую церковь собрано денегъ 8 роты 2 ру. 2 ал. 1 де. и отданы старосте с росписко.

Сего мѣсяца покупают сѣно в Петербурхе пуд по 3 ал. 2 де.

11. Четвертокъ дождь і вѣтръ. Щука 2 сига окунь живые 3 ал. 2 де.

12. Пятокъ морозъ и ден изрядной. Въ 728-м году сего дня родился сынъ нашъ Александръ болшой въ Воронине. Гаруса и клеѣнки Алексашке на камзолъ на 2 ал. 4 де. За мостовое Калинке 4 де.

13. Субота снѣжку подпало и мороз. Алексаше пуговицъ на камзолъ на 10 ал. принцмѣталныхъ.

Неделя 26 по Пасцѣ глас во октае 1-й.

14. Воскресеніе морозъ і вѣтръ. Kapul cukru poczel. Алексаше на мостовое 10 де. Сего дня пополудни сынъ мой родился мертвъ. Попу за молитву 10 де. В ночи снѣгу напало в оборникъ.

15. Понеделникъ мороз и на санях ездит зачали. Купленъ войлокъ коровей 2 ал. данъ. От брегадира Свечина писмо получилъ о исходатайстве патента ево. Алексѣю Даниловичю Мусину Пушкину дано рубль. Принято от него для сохраненія шкатулка за замкомъ пуховикъ подушекъ 3. Свинья убита сей ден вѣсу в ней 2 пуда. Меду на 5 ал. вениковъ на 2 де. Шурин Орловъ был у меня.

В Петербурхъ пришли полка Астраханской Нижегородцкой пехотные сего года и мѣсяца.

16. Вторникъ зимняя погода волная. Вениковъ на 2 де. Занемогъ я головою и правое ухо.

17. Среда волная погода. С полудни дождь. Живности корму на 3 ал. 2 де. Рыбы на 10 де. сигъ великой свежей. Порховскаго купца Мартына Зиновьева оставлено муки: мѣшковъ 5 да куль. Боченковъ порожжих 7 старых кулей 6 порожжих же.

18. Четвертокъ мороз а пополудни слякот и дождь. Рѣпы на 1 ал. прикладыват на ухо печеную. Чернослива 3 ф̃ун. масла деревянаго четверть ѳунта 3 ал. 2 де. В ночи снѣгу напало много. Государыня императрица в зимней дом перешла.

19. Пятокъ снѣгъ великой. Рыбы 2 сига 10 де. Гвоздей на 4 де. сани починить.

Святыя мощи Александра Невскаго принесены из града Володимера в Петеръбурхъ в Невской монастырь въ 1723-м октяб. мѣсяца.

20. Субота родительская. Морозъ велик дорога зимняя предобрая. Яицъ 10—1 ал. На росход 2 де. вениковъ 2 де. К санямъ вязъ 3 де.

Неделя 27 по Пасцѣ гласъ 2.

21. Воскресеніе мороз и дорога изрядная. Ездил я на полковой и на гостиной дворы. Купил бѣлой капусты 140 качней дано 13 ал. 2 де. Рыбы палья 6 ф̃ун. да 3 лодуги 5 ал. 2 де. За мостовое 7 де. по мосту в санях ездил. Мостъ розведенъ на Невѣ вечеру.

22. Понеделникъ морозъ и дорога предивная. По Невѣ льду много идет. Ночью еще снѣгу подпало.

Чрезъ рѣку Нѣву мостъ построенъ въ 1727-м при 2-м імператоре і государе на судахъ.

23. Вторникъ мороз и погода добрая. За 2 окончины в баню за починку 6 ал. 4 де. за окончины ж в хоромах за починку 8 ал. 2 де. По Невѣ льду много идетъ. Зри в ночи ледъ на Невѣ сталъ очень шароховато.

24. Среда мороз и погода изрядная и дорога.

25. Четвертокъ тепло. Через Неву ходят по нуждѣ крайней. Веникъ на 2 де.

26. Пятокъ тепло очен и капѣли были. На караул пошел во дворецъ по Невѣ по льду с великою нуждою лед худъ. Путры на 10 де. ѳунтъ. Писмо из двора получено писанное 8 дня сего мѣсяца а в немъ пишетъ дѣти наши і всѣ обстоит слава Богу здорово. Жеребѣцъ гнедой выходился и сытъ и полевые лошади сыти ж слава Богу. Обмолочено пьшаницы 9 четвертей 3 чет. конопел 6 четвертей 1 чет. ярицы 3 четверти 4 чет. грѣчи 3 четверти 2 чет. Овса молотят по 2 четверти 4 чет. а сколко сноповъ садят на овин не пишут. Анбаръ поставили и рож новую в нево сыплютъ. И заднею и на мѣлнишном дворѣ избу поставили жъ. Ленъ родился хорошъ а не мят еще. В рекруты въ нынѣшней наборъ 32 повезенъ Василей Даниловъ дворовой человѣкъ. Лукьяновъ ис Петербурха пришолъ. А рож молотят с овина по четверти по 6 чет. съ 300 сноповъ. И жита также. Сѣна поставлено на Дураковѣ 8 стоговъ на Меншиковѣ 2 на Михалевѣ 5 стоговъ да скирдъ. В барском лугу 10 стоговъ на мелнишном лугу 2 скирда за еровым к Иванкову скирдъ на Ондрѣевскомъ стогъ. Алексѣю брату Петровичу отдано 5 барановъ дѣтямъ.

Церковь святаго Ісакія в Петербурхе построена въ 1733-м или 4-м году а въ 735-м погорѣла от грозы.

В Кіѣвѣ я былъ 1738-м году и во многихъ городахъ малороссіискихъ значитъ в журнале того года.

27. Субота морозъ и сіяніе. С караула домовъ пришел чрез Нѣву по льду опасно вельми по льду. Зри Алексашину учителю 1 ру.

Неделя 28 по Пасцѣ гласъ 3.

28. Воскресеніе морозецъ по Невѣ ходят без нужды. Яицъ свѣжихъ 85—5 ал. 4 де. по 4 де. десятокъ. Яблокъ новогородцких 35 — 10 де. яблокъ же любских на 8 ал. 2 де. Сѣна занел 10 пуд. у подпорутчика Кутузова: отдано ноября 2 дня. Зри на лошадяхъ чрез Неву ездить почали вечеру.

29. Понеделникъ морозъ. Корова убита сей день. Променено сала 9 ѳунтовъ стараго перетопленаго свечь взято 9 же фунтовъ денегъ придано 3 алтына. В ночи горѣло у галерной гавани боцмановъ двор згорѣлъ и были на пожарѣ нашъ полкъ.

30. Вторникъ морозъ хорошай и дорога зимняя предивная.

Подпрапорщиком пожалован я 722-м году маіа 13 дня в Москвѣ командовал полкомъ подполковникъ Волъковъ. В каптенармусы 1722-м году нояб.

29 дня в Петеръбурхе командовал полкомъ господинъ полковникъ князь Голицынъ. В сержанты 1724-м году февраля 11 дня в Петеръбурхе командовал полкомъ господинъ маэор Дмитрѣевъ Мамоновъ во 2-ю роту. Прапорщиком въ 1730-м августа 10 дня в Москвѣ по імянному ея ім. величества указу нашего господина полковника. Подпорутчиком 1736-м февраля 27 дня въ Петеръбурхе по імянному ея ім. величества указу. Порутчиком 1739-м февраля 4 дня в Петеръбурхе по імянному жъ ея імператорскаго величества указу.

31. Среда тепло і изморось. Ездил через рѣку на лошади на полковой дворъ. Взялъ я у камисара Камынина в зачет жалованью 10 ру. сентябрьской трети сего года и росписку далъ. Лунину отдано каразеи 25 ар. 8 вер. Полковому кузнецу Алексѣю Кузнецову взаимы дано полтина денегъ. К чуланной двери петля да к сѣнным дверямъ скоба 2 ал. Алексашину учителю отпущено полать ветчины 34 ѳунта водки четвертная солода ячнаго 2 чет. ситной муки 2 чет. крупъ грешневыхъ 1 чет. денегъ рубль 27 дня сего мѣсяца оное самъ онъ и принял.

Сего мѣсяца издержано денегъ 6 ру. 10 ал. 1 де.

Реэстръ порутчикомъ хто котораго числа стоять будетъ на карауле въ троихъ суткахъ.

Александръ Благово стоял ноября 5. 6. 7. числа.

Василей Воейков ноября 15. 16. 17.

Іванъ Самарин ноября 25. 26. 27.

Селиверстовъ декабря 5. 6. 7. числа.

Александръ Благово стоял декабря 15. 16. 17.

Рославлевъ декабря 25. 26. 27. дни.

1740-го генваря 4. 5. 6. обозной Воейковъ 14. 15. 16. стоял в адмиралтеистве.

Самаринъ 25. 26. 27. стоялъ въ адмиралтеистве.

Преставися государь царь Іоаннъ Алексѣевичъ от создания мира 7204-м году а от воплощения Сына Божия въ 1695-м году генваря 29 дня.

Сего ж года ноября 21 дня родился я Александръ Благово итого по сей 1740-й год 44 года.

Ноябрь

Псаломникъ. О мнѣ глумляхуся сѣдящій во вратѣхъ і о мнѣ пояху піющій вино.

Спасе і Боже мой низпосли намъ святую свою милость в ловитвѣ рыбъ: молитвъ ради святаго князя Александръ Невскаго побѣдителя немецкаго.

1. Четвертокъ снѣгъ. От брата Алексѣя Петро. писмо получил из Твери

писанное октяб. 14 дня. Лошадь подковать кругом 7 ал. 2 де. Кожи на подметки на 8 денегъ. Зри команды моей 8 рота в новую квартеру вступила.

2. Пятокъ волная погода. Сѣна 5 возовъ дано 5 ру. Снятковъ свѣжихъ новогородцких на 4 де. 5 сиговъ соленых болших 6 ал. Луку полчет. 3 ал.

Гвардіи офіцерам мундиръ перемененъ темнозеленой вся пара была 739-мъ году а сего 739-го кафтаны темнозеленой камзолы и штаны алые с позументомъ многимъ.

3. Субота погода волняя. Веников на 2 денги. Молока на 2 денги. За дѣло шапки Алексашиной 3 ал. 2 де. Алексаша к Потапскому в клас.

Неделя 29 по Пасцѣ гласъ 4.

4. Воскресеніе мороз и сіяние. Уксуса на 2 де.

5. Понеделникъ хорошая погода. На караул пошел во адмиралтеиство сменил Преображенскова порутчика Нарышкина. Зри в полковую канцелярію репортъ подан о мундире Мясникова котораго из гранодерской роты не отдают.

6. Вторникъ добрая погода. На росход 10 де.

7. Среда погода добрая. Рыбы на 4 ал. 2 де. Зри из Москвы обозы приходит стали зимним путемъ.

8. Четвертокъ снѣгъ и мороз и доброй путь. С караула сменился из адмиралтейства сменил меня Измайловской порутчик Кочетов. За дѣло бобровой шапки 3 ал. 2 де. Ис турецкаго взятаго города Хотима полоненых турковъ привели.

9. Пятокъ изрядная погода. Рыбы на 10 денегъ. Мерлушка черная маленкая 1 ал. Яблокъ новогородцких 45—10 де. Свинина и говядина посолена щетом всехъ 21 часть. Провианта денщикамъ получено на сей мѣсяцъ муки 4 чет. крупъ 2 гарца роздавал 3 роты князь Львовъ.

Сего года приказано в полъку нашемъ строить ящики новые патронные полковому обозному.

Сего года на полъкъ строилъ я новой мундиръ.

10. Субота морозъ нарочитъ. Бѣлой капусты 5 кочешковъ 10 де.

Неделя 30 по Пасцѣ глас 5.

11. Воскресеніе мороз великой. Дровъ куплено 4 воза дано 20 ал. 4 де. На росход 10 денегъ. Порутчик Селиверстовъ женился.

12. Понеделникъ мороз изрядной. Герцоку Курлянскому поздравляли сей день родился он. Дровъ возъ 6 ал. У Селиверстова на свадбѣ былъ.

13. Вторникъ морозъ і иней и туман. Заговѣлись сей ден.

Постъ С. Апостола Филиппа.

14. Среда погода предивная. Рыбы свѣжей 102 судока 2 окуня 11 ал. 4 де. Снятковъ четвяртка 3 ал. сухихъ. Писмо домовъ послал з Будановым.

15. Четвертокъ волная погода. На караул пошелъ во дворецъ.

16. Пятокъ слякоть. От сестры Авдотьи Алексѣевны писмо получилъ с

Левкою ис Кашинской деревни. С караула сменился. Заплачено в полиціи за чищенье печныхъ трубъ 48 алтынъ. За работу сапоговъ Калинке дано сапожнику крупъ полчет. вина бутылка. За набойку обручей 2 ал. 2 де.

17. Субота тепло и дождикъ. Из деревни писмо получил чрез почту ординарную писанное ноября 8 дня. А в немъ пишетъ в деревни Плюсковѣ згорѣло 5 дворов Ермаковых Шарѣнковъ Якимовых 2 Глухова двор же итого 5 дворовъ а заронилъ Ермаковъ сынъ Петрушка притом же у всѣх багаж погорѣл у Ермаковых скота згорѣло 22 овцы свиней 15 у Шаренка лошадь. В рекруты отдали Осипа Трифонова сына ево Еремѣя въ 32 побор а оставшие 30 душъ отдали в складку к брату Алексѣю Петровичю по 23 ал. 2 де. з души итого будет 21 ру. а половину наперед отдали. Жита перемолочено все 65 четвертей 4 чет. Овса умолочено 55 четвертей а еще немолоченаго в остаткѣ 6 копенъ. Ржи скирдъ обмолотили которой менше былъ а намолотили 42 четверти. А сентября 20 дня писано 4 скирда все равные вкругъ по 25 сажен. Протчеѣ же все слава Богу обстоит здорово. Писмо ж пишет брат Алексѣй Петровичь о здоровье есть у него сынъ. Іосифъ сынъ мой пишет своею рукою а пишетъ с тетратей списывает присем и писмо ево руки. Почтолиону за писма 1 ал. Писмо получилъ от дяди Андрѣя Федотовича Воронова из Астрахан.

В полъки гвардіи зачали брать рекрутъ в салдаты съ 737-го года.

Гвардіи офіцеры набирали рекрут съ 736-го по 739-й год и отказано.

Шурин мой Іван М. Орловъ купилъ в Пе. бурхе двор 1739-го дал 450 ру. Булгакова.

Неделя 31 по Пасцѣ гласъ 6.

18. Воскресеніе непогод и снѣгъ. Куплено сѣна воз дано 28 ал. 4 де. Выдано солода ячнаго на пиво 5 чет. хмелю 3 чет.

19. Понеделникъ непогода и снѣгъ. Семга соленая 13 фун. 13 ал. 1-го привозу. Преображенскаго полку маэора Албрехта жена умерла.

20. Вторникъ мороз великой. Куплено дровъ 7 возовъ дано 40 ал. 2 де.

21. Среда великой мороз и сіяніе. Поздравляли государыне императрице и были у руки. Сей день праздникъ полку нашего и обѣдали во дворце. Въ 1695-м году сей день я родился итого будетъ лѣтъ 45. Уксуса на 2 де.

Князь Юрья Юрьевичь Трубѣцкой умре 739-м году в Петербурхе.

22. Четвертокъ мороз нарочитъ. Куплено полмѣха заячья черевья подъ фуфайку мнѣ дано 16 ал. 4 де. Алексашке чулки 6 ал. 4 де. Путры 2 фун. 3 ал. 2 де. Рыбы свежей 2 щуки окун болшой 3 ал. окуней 20 среднихъ 2 ал. 2 сига соленых 2 ал. 4 де. На росход полденги.

23. Пятокъ морозъ і вѣтръ.

24. Субота волная погода ночью дождь.

Росіской обѣръ каморгеръ Бирон объявленъ герцокомъ Курлянским въ 737-м году.

Неделя 32 по Пасцѣ глас 7.

25. Воскресеніе дождь и очен тепло. Ряпухи 100 2 ал. 4 де. Шолку желтаго обшить пѣтли у фуѳайки ползолотника 7 де. На росход 1 де. Снятковъ свѣжих 2 де.

26. Понеделникъ дождь.

27. Вторникъ дождь і воды вездѣ много. На карауле былъ во дворце.

28. Среда дождь и тепло ж. Уксуса на 2 де.

Полки гвардіи зимовали в Курляндіи въ 1715-м и 716-м годѣх пріі 1 императоре.

29. Четвертокъ тепло і воды множество. Нашего полку бывшаго секретаря Горохова повелено написать во армѣйскіе полки в салдаты до выслуги сей день ис кабинета указъ вышел зарукою государыни императрицы.

30. Пятокъ морозецъ а воды много вездѣ. Ордина С. Апостола Андрѣя росіиские ковалеры были в платье ковалерскомъ и обѣдали они все во дворце.

Сего ноября издержано денегъ 12 ру. 17 ал. 2 де. и пол.

Полку нашего на ундер офіцеровъ и салдатъ построенъ мундиръ с красными воротниками 739-м году строил я.

Копиа.

Всепресвѣтлѣишая д. в. г. и. А. Іо. са. в.

Бьет челом лейбъ гварди Семеновскаго полку порутчика Александра Алексѣева сына Благово жена ево Ирина Михайлова дочь а о чем мое прошение тому слѣдуют пункты.

1. В прошлых годех отецъ мой Михайло Васильевъ сынъ Орловъ при жизни своей отдал меня нижайшую в замужство за вышеписаннаго порутчика Александра Алексѣева сына Благово без награждения.

2. І в прошлыхъ же годехъ оной отецъ мой умре а нынѣ после ево брат мой родной лейб г. Пре. полку капитан порутчикъ Іван Михайловъ сынъ Орловъ поговоря со мною нижайшей полюбовно отдаетъ мнѣ в награждение из недвижимаго имения а что чего порознь о томъ подлинно значитъ в заручной брата моего челобитной.

3. И темъ данным мнѣ вышеписаннымъ недвижимымъ имениемъ от него брата моего я нижайшая во всем доволна и болше сего из недвижимаго ничего другаго мне не требовать і впред на него брата моего и на наследниковъ ево какъ мне так и по мне наследником же моимъ в движимом и недвижимом имени ни в чем не бить челом и не искат і вышеписанную заручную брата моего челобитную предъявляю при сем моемъ прошени и дабы указом вашего и. в. повелено было сие мое прошение и означенную брата моего челобитную въ вотчинную кантору принять и то недвижимое имение которое

писано во оной брата моего челобитной за мною справить и отказать и об отказе послать указ.

В. государыня прошу вашего и. в. о семъ моемъ прошени решение учинить декабря въ—день 1739-го прошение писал онаго ж полку салдат Алексѣй Бушуевъ к поданию надлежит в вотчинной канторе.

Не подана.

Керасирскіе полки в Россіи учреждены въ 1733-м на конях.

Деревня моя Плюсково згорѣла сего года и мѣсяца (ноября) 8 дня.

Сего года и мѣсяца (ноября) князей Долгорукихъ казнили смертію а именно: князь Івана Алексѣева сына пятерили; князь Василью Лукину сыну князь Сергѣю да князь Івану Григорьевым дѣтям головы отсѣкли в Новѣгородѣ. А казнил ихъ по указу Андрей Івановичь Ушаковъ.

Въ 1695-м году ноября 21 дня родился я Александръ Алексѣевъ сынъ Благово в Клинскомъ уезде в селѣ моем Воронине.

Декабрь.

Азъ же уповаю на милость твою вовѣкъ вѣка. Псал.

Господи Боже прослави насъ і буди прославленъ нами в послѣдніе дни сего года и во вся лѣта жизни нашея.

1. Субота морозъ. Куплено Параше алаго стамѣда 2 ар. на юпку дано 26 ал. 4 де. Туфли Ugzori 15 ал. Зеркало и два колца Параше 2 ал. 2 де. Рыбы 50 окуней свѣжих 3 ал. 2 де. икры красной 3 фун. 2 ал. 3 де.

Приказ был в полкъ по имянному ея императорскаго величества изустному указу велено чтоб господа гварди оборъ афицеры в домъ ея императорскаго величества на куртаки и на балы изволили конечно приезжать в каждое воскресение і в четвертокъ не дожидаяся никаких повестокъ а приезжали б в собственномъ богатом платье і в чулках шелковых а ежели у кого собственнаго богатаго платья не имѣетца то в строевыхъ богатыхъ мундирахъ і в щиблетахъ всегда пополудни въ 4-м часу.

Сего года и мѣсяца пришол посолъ французской в Петербурхъ.

Неделя 33 по Пасцѣ гласъ 8.

2. Воскресеніе мороз. Куплено рыбы 20 сиговъ свѣжих 3 ал. 4 де. 5 сиговъ соленыхъ 4 ал. 50 судачковъ свѣжих 2 ал. 5 де. и пол. Во дворце на куртакѣ был.

3. Понеделникъ морозъ волной.

4. Вторникъ волная погода и снѣжок былъ ночью.

5. Среда волная погода. Алексашке чулки навести 8 де. Веникова на 2 де. Головизна осетровая соленая 2 ал. От города Архангельскова от Свечина

писмо получил и семгу. Получено денщикам муки 4 чет. провиантской крупъ 2 гарнца роздавал 3 роты салдат Баскаковъ. Чернослива 3 ѳун. 2 ал. лимон 2 де.

6. Четвертокъ мороз силной. Поздравляли государыни принцессе.

7. Пятокъ силной мороз. На караул пошел во дворецъ.

8. Субота сильной мороз..... Поздравляли принцессе.

Неделя 34 по Пасцѣ глас 1.

9. Воскресеніе великіе все морозы. Поздравляли принцессе и были на бале.

10. Понеделникъ непогод и снѣгъ і вѣтръ. Ѳлорента ар. 4 де. Картин в рамках 7—7 ал.

11. Вторникъ волная погода. Патаки 10 ѳун. 11 ал. 4 де. Полбѣлужки соленой 7 ал. вѣсом 15 ѳунтовъ икры 3 ѳун. 2 ал. 3 де. Дуга обита мѣдью бутылка вина и 10 де. Сего дня Преображенскаго полку порутчика Матвея Кузмина сына Дубровина разстреляли перед полкомъ за взятки бывъ у набору рекрутъ и за протчие продерзости.

12. Среда волная погода. В ночи снѣжку подпало.

13. Четвертокъ волная погода да и снѣг. Палья свѣжая 10 де. Везиги ѳун. 3 ал. Тешка осетровая 3 ал. вѣсом 3 ѳун.

14. Пятокъ волная погода. Поздравляли г. императрице въ 731-м году сего числа объявить себя изволила полковником в полкъ нашъ и обѣдали во дворце нашего полку офицеры. Дровъ куплено 4 воза на 20 ал. 4 де. Послу персицкому аудиенціа была отъезжает в Персию. Сего числа приказ был в полкъ имянным ея и. в. указомъ пожалован в полкъ нашъ в секретари полковые ис прапорщиковъ Іван Хомутовъ.

15. Субота волная хорошая погода. На караул пришол во адмиралтеиство сменил Преображенскаго полку порпорутчика Суворова.

Неделя 35 по Пасцѣ глас 2.

16. Воскресение погода добрая. На росход 10 де.

17. Понеделникъ погода добрая. Кольцо к дуге и за точку ножницъ 10 де.

18. Вторникъ погода добрая и снѣгъ. С караула сменился из адмиралтеиства сменил Измайловской порутчикъ князь Борятинской. Поздравляли государыне цесаревне днемъ рождения ея а родилас въ 1709-м году. Яблокъ свѣжих барштапеля 60—2 ал.

19. Среда изрядная погода. Судакъ свѣжей 10 фун. дано 5 ал. Бѣлоезерских снятковъ полчет. 4 ал. снятковъ же на 4 де.

20. Четвертокъ изрядная погода. Луку на 2 де. уксуса на 2 денги.

21. Пятокъ погода волная. Чулки шелковые бѣлые 3 ру. 20 ал. Башмаки 30 ал. пряшки принцмѣталные 6 ал. 4 де. Алексаше сапожки 16 ал. 4 де. Параше серешки 3 ал. 4 де. Луку полчет. 3 ал. 2 де. Дровъ 2 воза 16 ал.

22. Субота волная погода. Дровъ 3 воза дано 21 ал. Взялъ у Камынина

под росписку денегъ из моего жалованья 10 ру. Веникovъ на 2 де. яблокъ на 2 де. Дѣтям на игрушки 3 ал. 2 де.

Неделя 36 по Пасцѣ гласъ 3.

23. Воскресеніе добрая погода.

24. Понеделникъ мороз силной и сіяніе. Пшаницы на 4 де. Говядины пуд 20 фун. 22 ал. 3 де. На росход 2 де. Посол французской пришол в Петербурхъ.

25. Вторникъ мороз и непогода. Дѣтямъ 2 ал. Из деревни писмо получил декаб. от 9 дня а в нем пишет в селѣ і в деревни обстоитъ слава Богу и дѣти здоровы. Еровой хлѣб перемолочен а нынѣ молотятъ рожъ. Зъ запасомъ ко мнѣ поедутъ за неделю Рожества Христова.

26. Среда мороз доброй. Поздравляли государыне императрице с праздником вчерашним и были у руки ея им. величест. Лошади ногу перековат 1 ал. Полковому попу за славленье 6 ал. 4 де.

Китайской посол в Москве былъ въ 1731-м году.

27. Четвертокъ мороз доброй. Сего дня была аудіенціа (приемъ) послу французскому а оной посол говорил нѣкоторые рѣчи а не все в шляпѣ и руки у государыни императрицы не цаловал.

28. Пятокъ мороз велик же. Ермоланскому попу 3 ал. 2 де.

29. Субота мороз и непогода. Яблокъ любских 7—10 де. Ваксы на 2 де. Пудра 2 ѳун. 3 ал.

Сего года здѣлан был дом леденой весь женить в нем князя Голицына а оной внукъ князь Василью Васильевичю.

Неделя 37 по Пасцѣ гласъ 4.

30. Воскресеніе морозы велики. Яблокъ любских на 4 ал. Меда на 1 ал. Уксуса на 2 де.

31. Понеделникъ непогода. Меду на 10 де.

Сего мѣсяца издержано денег 12 ру. 6 ал. 5 де и пол. Во весь годъ издержано 285 ру. 19 ал.

740-й годъ.

Боже вседержителю: даждь ми тѣло нескверное сердце чистое разум незаблудный Духа Святаго нашествіе к стяжанію и доволству истинны во Христѣ твоем.

Внуши Боже молитву мою и не презри моленія моего.

Боже великій Боже праведный Боже превѣчный помилуй грѣшнаго мужа и не омерзи мя нечистыя устнѣ имуща. И сподоби мя предстати божественнѣй славѣ твоей.

ѧѰм-й год 1740-й anno.

Записная книга или журналъ на 740-й год для моей плохой памяти. Зачался в Петербурхе ген. 1 дня.

На вѣнце образа Спасителева сіи слова: От: У: Н. что значатъ повѣждь ми се есть зри отческій умъ непостижимъ.

Іаннуарій мѣсяцъ.

Христе Боже всякъ надѣяися на тя не постыдится.

От сотворенія свѣта 7248 год от воплощенія Сына Божия 1740 anno. Roc.

Господи Боже благослови и ущедри всякимъ изобиліемъ христіанъ православных присемъ же молю тя царю и Господи спаси и помилуй ненавидящих и любящих мя і мое недостоинство грѣшное.

Сѣчень 1740-й год: генварь.

1. Вторникъ мороз и снѣжокъ д. погод. Потѣха была а написано было на щитѣ чрез тебе желаніе наше исполняется.

В Москвѣ построен Бѣлой городъ въ 7095-м году при царе Феодоре Іоанновиче.

2. Среда погода волная. Из деревни привезено овса 10 четвертей ситной муки 2 четверти 3 чет. пшанишной муки четверть солода аржанова четверть ячнаго четверть ячной муки 4 чет. ячменя 4 чет. крупъ грешневых 4 чет. конопель 2 чет. толокна 4 чет. яблокъ боченокъ яблок же мерзлых чет. грибовъ мѣлких 6 фун. грибовъ крупныхъ 2 чет. масла коноплянаго 2 ведра рыжыковъ соленых 3 кринки коровья масла пуд яицъ 2000 кадка бѣлой капусты вина 2 бочки 10 ведръ свинаго мяса 4 туши с потрохами гусей 6 с потрохами утятъ 16 с потрохами ж индѣйских куръ 8 руских кур 10 кур руских живых 12 рыбы 33 щуки окуней 300 кожа дубленая бѣлая 2 чепрака подошевъ сукна сѣраго 23 аршина 2 чет. холстъ ткацкой 2 оброшныхъ посконной 1 пенки 2 десятка одноколка бес колесъ меренъ немецкой гнедой хомутъ наборной и узда хомутъ же шлея шитая и узда попона новая. Ржи намолочено 80 четвертей немолочено еще 3 скирда. Овесъ перемолочен 107 четвертей 2 чет. Жита 65 четвертей. Денегъ привезено с новоторской деревни 14 рублей 5 ал. ис клинской 8 ру. 11 ал. 2 де.

Въ 7107-м Годуновъ похитил престол росиской в тѣх же годах рож покупали по 7 ру. четверть.

Царь Михайла Феодоровичь воцарился въ 7121-м году.

Преобра. и Семеновской полки сочинились въ 7191-м году при 1-м императоре.

Семга копченая 6 ал. 4 де. вѣсом 7 ѳун. Веникоѣ на 2 де.

3. Четвертокъ погода волная. Барабанщиком 10 де. Соли пудъ 13 ал. 2 де.

4. Пятокъ мороз доброй. Выбаики Ygzori и детям с пукѣты 8 ар. дано 2 ру. 16 ал. 4 де. Сахара голова 6 фун. 29 ал. Ygzori. Лѣнтъ ѳлорентовыхъ 5 ар. 3 ал. 2 де. Пудра 2 фунта 3 ал. 2 де. Возжи морскова зайца 6 ал. 4 де. Вѣрушке и Надежде лѣнтъ 3 аршина волнистых 8 алтынъ. Брату Алексѣю ценинных тарелокъ и чашечекъ з блюдцы чайныхъ по полдюжине на 26 ал. 4 де. На росход 2 де.

Война началасъ съ свины въ 700-м а миръ заключен въ 721-м году.

5. Субота непогода. Шнюфъ табаку дамскова на 3 ал. три золотника. Винныхъ ягод фун. изюма фун. чернослива 5 фун. 8 ал. 5 де. 5 лимоновъ 4 де.

Неделя 38 по Пасцѣ гласъ 5.

6. Воскресеніе морозъ доброй и непогод ночью. На водѣ стояли. Яблокъ на 11 денегъ. На росход 4 де.

Поборовъ рекруцких было по сей годъ 32 побора кромѣ волницы и поголовныхъ и в посоху работниковъ.

7. Понеделникъ мороз. Веникоѣ на 2 де.

8. Вторникъ мороз и снѣгъ великъ. Ygzor v derevniu poiechala poutru. В капитаны порутчики пожалован Іван Майковъ на Скворцово мѣсто. В порутчики пожалованы Кутузовъ меншой Максимовичь Короваевъ. В подпорутчики Телепневъ Колюбакин и протчіе. В прапорщики Саковнин Апостолъ Орловъ Уваровъ и протчие. Отставлены порутчики Черкаской князь Бабарыкин Алексѣй прапорщики Чичерин Теглевъ.

2 пряжки к возжам 4 де. Свинины посолено 8 полтей.

Начало службы моей престолу російскому въ 1710-м году.

9. Среда волная погода. За починку одноколъки 10 ал. да бутылка вина. Флорента аршин 4 де.

10. Четвертокъ мороз доброй.

11. Пятокъ волная погода добрая. Получилъ денежнаго жалованья прошлаго 1739 года сентябрской трети 59 ру. 3 ал. 2 де. из оных вычтено за позументъ на богатой мундиръ 18 ру. 14 ал. 4 де. итого вычтено всехъ денегъ за позументъ на богатой мундиръ 48 рублей 95 копеѣкъ а всехъ вычтено денегъ за мундиры в прошлом 1739-м году 106 рублевъ 12 копеѣк 3 четверти кромѣ сукна и протчего приклада на богатой мундиръ. За раціи получилъ денегъ 14 ру. 8 ал. 2 де. Оной же трети от камисара Камынина роздавалъ щетчикъ 8 роты салдат Исаевъ а налицо получил денегъ всех 34 ру. 30 ал. 2 де. понеже брал я в минувшемъ декабре под росписку 20 ру. Принято во 8-ю роту

денежнаго жалованья оной же трети ундер офицером и салдатом и протчимъ чинамъ 467 ру. 90 копѣкъ и пол. Хлѣбнаго той же трети 162 ру. 8 к. 3 четверти из оных вычтено у сержанта Пущина у фуриэра Хомякова у писаря Немерова 20 рублевъ у гранодера 8 роты у Юрьева 3 ру. 58 к. 1 чет. и квитанціи взяты. Присем значит щетчика Астафьева вѣдомость ево руки сколки он принял денегъ во 8-ю роту. Писарю Абакумову 3 ал. 2 де.

12. Субота погода съ снѣгом. Вару на 1 денгу. Получил денщикам жалованья 4 ру. двоим за прошлой 1739-й год сентябрскую треть роздавал 3 роты салдатъ Свиленевъ.

С турки война началась въ 1736-м помирились въ 1739-м году.

Въ 7115-м году бунтовали холопы и чернь съ посацкими украинцы.

Неделя 39 по Пасцѣ гласъ 6.

13. Воскресение мороз великъ. Дровъ воз 8 ал. На росход 2 де. Зри 12 роты съ салдата Ушакова взято денегъ 1 ру. которые у меня он занимал и писмо ему отдано. Яблокъ любских на 2 ал. 2 де. 20.

14. Понеделникъ мороз великой. На карауле былъ во дворце.

15. Вторникъ мороз доброй и снѣгъ.

16. Среда волная погода. Куплено канфоръ мѣдной 23 ал. 2 де. Чулки нитяные 11 ал. 4 де. носки 2 ал. 2 де. Алексаше чернилница 8 ал. 2 денги. Лимонной корки полфун. 1 ал. Ножикъ складной съ штопором 3 ал. 2 де. Трубка пенковая 13 ал. 2 де. Сахара голова 3 фун. с чет. 20 ал.

В Москвѣ началось печатаніе книгъ въ 7061-м году при царе Иоанне Васильевиче.

17. Четвертокъ волная погода. Сей день маэоръ нашъ принцъ Беверской сожител государыни принцессы именинник поздравляли ему.

18. Пятокъ добрая погода. Получено денщикам провианта муки 4 чет. крупъ 2 гарнца на сей генвар мѣсяцъ роздавалъ 3 роты салдатъ князь Львовъ.

19. Субота изрядная погода и мороз. Строй былъ палили по 3 патрона людей было в строю 61 человѣкъ. Календаръ на сей годъ 4 алтына.

Сего года былъ в Петербурхе посол французской. Сего года былъ в Петербурхе посолъ польской.

Неделя 40 по Пасцѣ гласъ 7.

20. Воскресеніе погода волная. Сѣна куплено 6 возовъ дано 6 ру. 3 ал. 2 де. дровъ 5 возовъ 36 ал. 4 де. Солонины пуд 5 фун. дано 15 ал. Бѣлое платья отдано мыть впервой.

21. Понеделникъ мороз. Дровъ 3 воза 20 ал. Серебренику Петру Дмитреѣву дано денегъ еще 7 рублей итого всех ему отдано денегъ 14 ру. за работу кіота ротнаго образа всемилостиваго Спаса моленія 8 роты а додать ему еще рубль. (Доданы послѣдніе 28 дня.) На росходъ 2 денги.

22. Вторникъ мороз великъ. Принято от комисара Камынина 8 роты салдату Софону Теглеву денежнаго жалованья и за хлѣбъ 4 ру. 39 к. с четвертью за прошлой 1739-й год за майскую треть понеже он Теглевъ былъ въ посылке и отданы ему сего ж числа при каптенармусе Друкорте и при фуриере Хомякове и при салдате Баранове а въ вышеозначенныхъ денгах у камисарства росписался я. На росход полденги веников 2 де.

23. Среда силной мороз великой. Лошеть подковать дано 6 ал. 4 де. Капусты на 10 де.

24. Четвертокъ пресилной мороз. Полскому послу аудіенціа была. На росходъ 1 ал. 5 денегъ.

25. Пятокъ превеликой мороз.

26. Субота морозъ великой и силной. На карауле былъ во дворце.

Баталіоны гвардіи пришли в Петеръ Бурхъ ис похода Крымскаго или из Молдавіи.

Неделя 41 по Пасцѣ гласъ 8. Сплошная неделя.

27. Воскресенья морозъ силной же. Баталіоны гвардіи ис похода вошли в Петербурхъ и мир с турки объявленъ. Из двора писмо получил писанное 16 дня а в немъ пишетъ жена и Параша доехали в домъ нашъ въ Воронино слава Богу в добромъ здоровье того ж числа. Куб старой послан в Москву починит. Братъ Алексѣй и дѣти наши в Москвѣ.

28. Понеделникъ непогод и стужа. Рожденіе г. императрицы сей ден въ 1693-м году итого сорокъ семь лѣтъ. Серебреннику за кіот дано 1 ру. денги 8 роты а всехъ дано ему 15 рублей.

Патріархъ Никон отставлен от патріаршества въ 7175-м году при царе Алексіе Михайловиче.

29. Вторникъ мороз нарочитъ. Приказ был от полку вчерашняго числа что быть мнѣ при настоящей своей 3 ротѣ. Бумаги ербовой листъ 1 ал.

30. Среда добрая погода. Подпорутчику Дурному патентъ отдалъ при сержанте 3 роты Алексѣе Булгаковѣ. Меду на 2 ал. 4 де.

31. Четвертокъ добрая погода. Капусты на 7 ал. 2 денги.

Сего генваря издержано денегъ 18 ру. 3 ал. 4 де. и пол.

Мѣсяцъ Февруарій. Өурматъ.

Государыня императрица Анна Іоанновна воспріяла престол росіскій въ 1730-м году послѣ втораго імператора а пришла ис Курляндіи вдовою.

1. Пятокъ волная погода добрая. Луку на 2 де. Лошад немецкова мерена гнедова продал адмиралтейской коллегіи аптекарю Христіану за 45 ру. которая была выменена у шурина на саврасова мерена домашняго въ 1734-м была 2-х

лѣтъ. Алексаше 1 ру. Калинке 3 ал. 2 де. Извощику 1 ал. Цесарскаго посла кучару 16 ал. 4 де.

2. Субота мороз и снѣжокъ. Извощику 2 ал. От брата Петра Яковлевича Ржевскаго и от Боркова писма получил чрез почту и присем оные значатъ.

Государыня принцесса Анна дочь царевны Екатерины Іоанновны вышла замуж за принца Брауншвейнскаго въ 1739-м году маэоръ Семеновскаго полку.

Неделя 42 по Пасцѣ гласъ 1.

3. Воскресеніе погода добрая. Купил лошед меренъ свѣтлобурой грива налѣво Измайловскаго полку у прапорщика Василья Загряскова денегъ заплатил 14 рублевъ. На оную лошад писмо ево руки у меня. Извощиком 2 ал. На росходъ 3 ал. 2 де. Сей ден тезоименитство государыни императ. в строю не были за стужею. Люменаціа была.

4. Понеделникъ мороз великъ и сіяние. Домовъ писмо послал с человѣком Нечаева 3 роты салдата. Алексаше под кафтанъ прикладу строевой стамѣда алаго 3 ар. 40 ал. клеѣнки 2 ал. гаруса 8 де. ниток 3 де.

5. Вторникъ мороз великой же. Въ 1720-м году сего числа я женился итого 20 лѣтъ. Куплено Алексаше свечь салных 100 въ 10 фун. дано 13 ал. 2 де. Хлыстик коня понуждать 3 ал. 2 де.

6. Среда непогодь студеная. Писмо послал домовъ с людми Орлова Льва Ильича. 8 роты салдата Черепанова отдал я денегъ камисару Терскому 2 ру. 19 ко. 3 чет. и квитанціа зарукою ево взята. Сей ден свадба была Кваснина (или Голицына князя внукъ князь Василья Васильевича) в леденом домѣ а ехал на слоне а протчие на верблюдах на свиньях на собаках и в поезду были странные народы. Писмо домов послал с людми Льва Орлова.

В Петербурхе построен дворецъ зимней въ 1732-м и нынѣ еще строится.

7. Четвертокъ морозы великіе и сіяние. 2 гнезда куропатокъ 3 ал. 2 де.

8. Пятокъ морозы великіе. Замокъ к цейхаузу 3 ал. 2 де. На росход 3 ал. 2 де. Икры черной 3 фунта 6 ал. бурачокъ 4 де. Масла деревяннаго на 10 де.

9. Субота мороз полехче. Дербеню 6 ал. 4 де. За шитье башмаковъ алаго гаруса на 8 де. Пива сварено из моего солода и слито. Куплено рыбы семга 9 фун. 9 алтын осетръ яицкой соленой 19 ал. 4 де. 29 фун. везиги 3 фун. 6 ал. 2 де. снятковъ свѣжих полчет. 3 ал. 4 де.

Неделя 43 по Пасцѣ гласъ 2. Сырная.

10. Воскресеніе морозъ нарочитъ. От брата П. Я. Ржевскаго и от Боркова писма получилъ. Почтолиону 3 ал. 2 де.

Масленая.

11. Понеделникъ мороз. Из двора писмо получилъ писанное фев. 2 дня а в немъ пишетъ жена з дѣтми слава Богу живы. Подушные последнею поло-

вину 739-го года заплатили сполна а которой овесъ брали в зачет подушныхъ зачли в подушные денги.

12. Вторникъ мороз силной і вѣтръ. За печать к патенту брата Петра Яковлевича Ржевскаго 8 ал. 2 де. Писмо получилъ от Алексѣя Даниловича Мусина Пушкина и челобитную об отсрочке которую сей ден и подал принцу. Почтолиону 1 ал.

13. Среда мороз нарочит. Снятковъ сухих на 10 де. Луку на 1 ал.

В полки гвардіи зачали рекрут брать в салдаты въ 1736-м году и чувашъ в Преображенской полкъ.

Куплена палатка с наметом и з древки яринная зеленая у капитана порутчика Скворцова дана 25 рублевъ. Образ святыя Троицы и протчих святыхъ моленіе 8 роты в окладѣ серебреномъ киотъ мѣдной вызолочены отдалъ во оную роту а принял от меня той роты капрал князь Гундуровъ и росписка ево руки у меня. Зри к Мусину Пушкину писмо послал на почте.

14. Четвертокъ мороз і вѣтръ. Викторіа о замиреніи с турки была в строю были полки палили по 3 патрона 3 роты салдатъ в строю было 110 человѣкъ. Кренделей на 4 де. Молока на 4 де. Писмо к Москве послано с почьтовова двора к Боркову и домой за него денегъ заплачено 4 ал. 2 де. Во Тверь к Мусину Пушкину писмо ж. Миръ с турки объявлен. Сего жъ числа фелтьмаршал Миних пожалованъ в подполковники в Преображенской полъкъ. А принца Брауншвейнскаго из маэоровъ в подполковники в тот же в Семеновской полъкъ і въ генералъ порутчики. (Кавалеръ А. Апостола Пер.).

Измайловской полкъ набранъ въ 1731-м году а набирал маэор Семеновскаго полку Хрущов из однодворцевъ.

15. Пятокъ морозъ и снѣгъ. От Карпа Григорьевича Свечина от города Архангельскаго писма получил и три рыбы морских величиною по аршину а видом схожи на язя а какъ называются не знаю.

Субота мороз и снѣгъ. Уксуса на 4 де.

Неделя 44 по Пасцѣ гласъ 3.

17. Воскресеніе волная погода и снѣг с вѣтром. Молока на 1 ал. Потѣха была великая и люменаціа медали бросали о мирѣ с турки и фантаны были и протчеѣ. Провиантъ денщикам получен на феврал муки 4 чет. крупъ.

В гвардіи полкахъ офицером мундиръ перемененъ въ 1739-м году а прежде бывал весь темнозеленой с позументом.

Святый великій постъ.

18. Понеделникъ морозецъ и сіяние. На росход 2 де. Приказ былъ в полкъ кто желаетъ в домы ехать оборъ и ундер офицеры а о салдатѣх приказу не было. Я написался.

19. Вторникъ тепло. Полкъ в собраніи был объявляли подполковника принца. За лазню 2 денги.

20. Среда тепло и слякоть. Сѣна 2 воза 2 ру. 26 ал. 4 де. Х Карпу Григорьевичу Свечину писмо послал велено ему в Новъ город быт от Архан. Лошать подковать дано 2 ал. Нитокъ красныхъ на денгу.

В Кіевѣ былъ я и в Китай городкѣ 1738-м а прежде бывал въ 1710-м и въ 1711-м годѣхъ и во многих черкаских городках и мѣстечкахъ.

21. Четвертокъ волная погода добрая. Сапоги мнѣ сафьянные 40 алтын. За толокно несѣяное 3 чет. 17 ал. Рыжиковъ кринка 6 ал. 4 де.

22. Пятокъ снѣгъ великъ. Богъ сподобилъ меня исповѣдатца попу 6 ал. 4 де. полковому. Сахара голова 6 фунтов 1 ру. Табака 5 картузовъ 13 ал. 2 де.

23. Субота волная и добрая погода. На караул пришол в одмиралтейство сменил Преображенскаго полку порутчика Юшкова.

Неделя 45 по Пасцѣ глас 4 во октае.

24. Воскресеніе мятелица.

Росходъ овсу которой привезенъ из двора 1740 году 10 четвертей.

Генваря 4 дня 2 чет. 7 дня 2 чет. 8 дня четверть 2 чет. лошадям на дорогу. Февраля 4 дня чет. 7 дня чет. 9 дня чет. 11 дня чет. 13 дня чет. 16 дня чет. 18 дня чет. поутру 20 дня чет. 22 дня чет. из другова закрама 26 дня чет. 28 дня чет. Марта 1 дня чет. вечеру 3 дня чет.

2 неделя поста.

25. Понеделникъ добрая погода. Табака турецкаго на 10 ал.

Февраля 14 дня принцъ маэоръ полку нашего пожалованъ в подполковники в Семеновской же полъкъ. Того жъ дня фелтьмаршалъ Минихъ в подполковники в Преображен. полъкъ.

26. Вторникъ волная погода. Смѣнился с караула из адмирателтейства смѣнил Измайловской порутчик Хрущовъ.

27. Среда изрядная погода. Куплено дровъ 2 воза дано 14 ал. 4 де. Полатку продал я мою зеленая яринная подложена крашениной и полы за которую у меня было вычтено из жалованья 36 ру. 23 ал. 2 де. ранга прапорщикова купил оную прапорщикъ Сукинъ за 15 ру.

28. Четвертокъ мороз и ізрядное сияніе. Икры куплено черной 5 ѳун. 8 ал. 2 де. буракъ 4 де. винных ягод и ізюма 8 фун. 11 ал.

29. Пятокъ вѣтръ теплой. Веникъ на 2 де.

Сего февраля издержано денегъ 52 ру. 1 де.

Родъ Благихъ Федор. Иванъ. Григорей убитъ. Калина. Борис в постриженіи Боголѣпъ. Афанасей. Василей убитъ. Іван. Алексѣй. Андрей. Василей которой пропал без вѣсти. Схимонах Аѳоній. Схимонахини Евпраксіи Ѳекла Анастасіи.

Конюшню срубить в Воронине в длину 3 сажени в жилье поперешникъ в жилье 3 сажени с локтямъ вышина до потолоку 4 аршина двер створчетая вышина пол. 3 аршина ширина 2 аршина. Наверху анбар без подволоки с навѣсом а вверху і внизу по чулану. Построен въ 1740-м году в ноябре мѣсяце а строили Кѣкешонокъ с товарыщи.

Сего года февраля дня объявленъ указ царедворцам хто служил 25 лѣт а пожелаетъ в отставку такихъ велено отставлять точію вмѣсто себя давать в службу людей или крестьянъ своих крѣпостныхъ со ста душъ по одному а за кѣм болше ста душъ то со всякова ста душъ по одному тож разумѣется и о тѣх которые и у дѣлъ. А дѣтей дворянских в службу не брать до дватцати лѣтъ токмо б оные умѣли грамотѣ и іностранных языков.

Мѣсяцъ мартъ.

1. Субота морозъ и сіяніе добрая погода. Приказ был от полку принять велено у меня оставшіе сукна и протчей припасъ мундирной порутчику Расловлеву.

Неделя 46 по Пасцѣ глас 5.

2. Воскресеніе изрядная погода. Луку на 10 де.

3 неделя поста.

3. Понеделникъ вѣтръ и снѣжокъ. Лошади ногу подковат 1 ал. Сахара голова 6 фун. $^{3}/_{4}$ 1 ру. кенаріи. Алексѣй Д. Мусин П. в Петербурхъ приехал.

4. Вторникъ погода добра. За мытье бѣлаго платья Колычова и Апраксина дѣвкам 1 ру. Припасы мундирные принял порутчик Расловлевъ у меня и росписку дал мнѣ. Лучки к саням 2 ал. Книги щетные о строеніи мундира отдал а принял Егоръ Іановъ при Хомутовѣ.

5. Среда непогод поутру а ден изрядной. Ис Петербурха поехал 3 часа пополудни. Григорью Васильевичу 5 ру. Іванушке 3 ал. 2 де. Ночевали на Ижоре. Сѣна на 1 ал.

6. Четвертокъ изрядная погода. Лошади ногу подковат 10 де. Пряниковъ 4 де. Калачь 2 де. Ночевали на пристани. Сѣна на 8 денегъ.

7. Пятокъ изрядная погода. Кормили у Антония сѣна на 2 де. Рыбы на 2 де. рыбы ж на 10 де. Ночевали в Бронницах. Калачей 2 де. кваса 2 де. Сѣна на 1 ал. авса чет. 2 ал. 4 де.

8. Субота преизрядная погода. Кормили на Винах сѣна 2 де. Лапти малчишке 2 де. На росход полденги. Ночевали в Рахине. 5 судаковъ 6 ал. 4 де. калачь 2 де. Сѣна на 4 де. кваса 2 де. Овса четверикъ 2 ал.

Неделя 47 по Пасцѣ глас 6.

9. Воскресение по сему времени жестокой мороз. Кваса в Бѣрезае 2 де.

Обѣдали на Валдае. Баранковъ 6 ал. 5 де. кваса 2 де. и пол. сѣна 2 денги на росход 2 де. Ночевал в Бѣрезае овса чет. 2 ал. 2 де. сѣна 2 де.

4 неделя.

3. Понеделникъ прежестокой мороз. Обѣдали в Коломне. Сѣна на 2 де. Ночевали на калаколнѣ. Авса чет. 2 ал. сѣна 3 де. кваса 1 де.

Миръ заключен с турки 1739-го сентября 5 дня.

11. Вторникъ прежестокие морозы. Кормили в Торжке сѣна 2 де. кваса 1 де. калачей на 2 де. Рукавицы 10 ал. Лошади хлѣба 1 де. Рукавицы ж малчишку 4 ал. На росход 1 де. Ночевали в Мѣдном. Лошади полчет. жита 8 де. сѣна 3 де. Кваса 1 де.

12. Среда пресилные морозы. Обѣдали во Твѣри. Сѣна 2 де. Кваса 1 де. Хлѣбъ 4 де. Сѣна 4 де. Рыбы 6 де. Пряниковъ 10 де. С. Г. Б. домой приехал 2 часа ночи. Извощику 8 ал. 2 де. с Шоши нанятому.

13. Четвертокъ стужа і вѣтръ с снѣгом. Обоз мой домой пришол поутру. Извощикам дано за три пары подводъ от Питербурха 7 ру. 16 ал. 4 де.

14. Пятокъ изрядная погода. В Клину былъ и указ воеводѣ отдалъ и репортъ в полковую канцелярию послалъ велено мнѣ набирать великорослыхъ в салдаты.

15. Субота утренник и ден изрядной. В Москву послал Лукьянова.

Неделя 48 по Пасцѣ гласъ 7 в октае.

16. Воскресеніе мороз. Из двора поехал в полночь в Торжокъ к дяди Василью Алексѣевичю. Обѣдал на Шоше. Ночевал во Твери калачей 3 де. Соли 2 пуда 16 ал. 4 де. Уксуса ведро 4 ал. Осетрины свежей 6 фун. 4 ал. Икры 5 фун. 8 ал. 4 де. з бурачкомъ. На росход 2 де.

5 неделя.

17. Понеделникъ непогод и снѣгъ. Обѣдал в Марьине. Ночевал во Ржевском уезде у Кузмы Демьяна на погостѣ.

18. Вторникъ волная погода добрая. К дяди Василью Алексѣевичу в Тысецкое приехал поутру. Конюшню рубить зачали.

19. Среда волная погода.

20. Четвертокъ волная погода. Из Тысецкова поехал Новторжку.

21. Пятокъ утренник а ден теплой и дорога пропадает. Обѣдали на Мѣдном сѣна на 6 де. На росход 4 де. Ночевали от Твери 9 верстъ. Сѣна на 6 де.

22. Субота тепло і воды много. Обѣдали в Городищи сѣна на . . . Домой приехал в полдня. За наем извощику 8 ал. 2 де. с Шоши до двора.

Неделя 49 по Пасцѣ глас 8.

23. Воскресение слякоть и тепло. Принято в церковь зборных денегъ збору Амельяна Осипова 4 ру. 30 ал. 2 де. и пол. Бѣлуга и три осетра вѣсом

5 пудъ дано 3 рубли 5 ал. Алексаше сапожки сѣть сандал 2 носки икры 2 фунта и протчеѣ дано 40 ал. Попу за молебны 5 ал. Пива слито 26 ушатовъ полпива 6 ушатовъ.

6 неделя поста.

24. Понеделник утренник а ден теплой і воды много. Брага заварена. Сѣна стогъ перевезен из барскаго луга. В Казарины посылал.

25. Вторникъ утренник а ден изрядной.

26. Среда мороз хорошай и сіяніе изрядное. Пиво заварено 4 четверти.

27. Четвертокъ утренник и ден теплой. До Широкой ездил. Бурмистръ был у меня.

28. Пятокъ вѣтръ и снѣгъ.

29. Субота слякоть и вѣтръ и солнце. Стан колес 17 ал. 2 де. да зад 10 ал. Железа пуд 10 фун. 1 ру. Уклада 7 де. Луку на 10 де. Пива слито вторая варя 26 ушатовъ полпива 7 ушатовъ.

Неделя 50 по Пасцѣ глас первый.

30. Воскресеніе утренник вѣтръ и солнце. Платон был у меня. К матушке писмо послал.

Страстная неделя.

31. Понеделникъ мороз и сіяние. Лодку в Рагачевѣ дали 17 ал. 2 де. Решето 4 де.

Сего марта издержано денегъ 24 ру. 29 ал. 4 де.

Марта 27 дня сего 1740-го розданы крестьяномъ лошади Ермаченку кобыла голубая украинская. Барану мерен каряй кашинской молодой. Голому кобыла гнедая домашняя молодая. Глухому Агѣеву мерен соловой домашней молодой. Юдину мерен голубой кургузой. Ноября 24 дня 10 лѣт. Трифонову мерен сѣрой кимерской 10 лѣт. за 4 ру. февраля 4 дня 1741-го.

Росход бараном.

27. Козелок нашъ убитъ. С крестьян взято: с Агѣева баран с Апсоновых с Волчатъ мѣсяца маіа въ 1 день 6 день 21 день с Удоевыхъ июня 29 дня с Кѣкешонка июля 1 дня с Амельяна Осипова июля 6 дня с Тананыки аминъ 12 дня съ Юдина аминъ 18 дня с Шутова одинъ 22 дня съ Ермаченка аминъ 26 дня. Ржевских два барана убиты 28 дня июля. Августа 16 дня с Филки баран с кузнеца баран с Пиминова баран итого трое. 18 дня с Вялова и с Карпа баранъ. 24 з Голыша баран. 30 дня с Великана баранъ. Пастухамъ баран барской здѣшней. Сентября 1-го дня взяты бараны съ Ермаковых баран сентября 4-го дня с Лукина баранъ 7 дня съ Якимова баранъ сен. 9 дня с Шелепа баран сен. 15 дня с Ывонина баран сентября 9 дня в Москву.

Сего года 1740-го августа 29 дня оставлено на племя овецъ и ярокъ и барановъ 29 да на убой 8 ярокъ да 8 барановъ стрижены да Плюсковских сентебря от 4-го дня 3 ярки. Сен. 21 дня убита ярка нестрижена. Сен. 23 дня баран убитъ стриженой. Сен. 28 дня баран убит стриженой. Октября 2 дня баран убит стриженой. Октября 4 дня в Клин барана 5 дня убит оба стрижены. 11 октября ярка стрижена убита. 12 дня баран стриженой убит. Октября в разных числех убиты бараны и ярки пятеры. Ноября 6 дня ярка убита. 10 дня ярка убита.

Апрель.

1. Вторникъ злая непогод і воды много. Алексаша очен болен сталъ.

2. Среда тепло. До Грознова ездил.

3. Четвертокъ утренничек а ден изрядной и тихой. Коновалу 3 ал. 2 де. гнедова жеребца положил.

4. Пятокъ утренник и ден изрядной. До Широкой ездилъ. Говядины на 26 ал. 2 де. На росход 3 ал. 2 де. Іосифу 7 лѣт. Савастьянову 40 ал. послан в Тысецкое.

5. Субота предивной ден и мороз. Вина висижено 7 вѣдръ с четвертью из нашего хлѣба исъ 4-х четвертей сидѣлъ Костя да Тананыка. Алексашу причастили.

Неделя святыя Пасхи первая.

6. Воскресеніе морозъ и сіяние и снѣгу много. Попу с причетники 4 ал. 2 де.

7. Понеделникъ тепло і вѣтръ. Писмо получил от брата Петра Яковлевича в котором пишет дяди Василья Алексѣевича Благова не стало сего мѣсяца 3 дня. Ночь всю дождь.

8. Вторникъ дождь і воды много в рѣках. До Грознова посылал. В ночи снѣгъ напал. Мосты разобрали.

9. Среда снѣгъ и мороз а воды много.

10. Четвертокъ мороз а воды много очень. Снѣжку подпало ночью.

11. Пятокъ мороз и дорога добрая воды убыло. Майдановскому попу с причетники 3 ал. 2 де.

12. Субота мороз і воды убыло много. Авса выдано коням чистаго четверть невѣенаго 2 четверти.

Неделя 2 о Фомѣ

13. Воскресеніе мороз великой і воды убыло.

14. Понеделникъ дождь и снѣгъ.

15. Вторникъ мороз а ден изрядной. В Казарины ездилъ. Мосты взобрали

16. Среда студено. Попу за молебен 3 ал. 2 де.

17. Четвертокъ мороз и ден изрядной снѣгу еще вездѣ много. Брегадир Свечин был у меня обѣдал.

18. Пятокъ снѣгъ і вѣтръ и стужа ночью снѣгъ и дождь.

19. Субота пасмурно и студено снѣгу вездѣ много.

Неделя 3 по Пасцѣ Мироносицъ глас 2.

20. Воскресеніе мороз ден хорошъ. Боже благослови пахать начали под еровое на Сорокинѣ.

21. Понеделникъ мороз і вѣтръ студеной и дождикъ слякоть. Вспахано 4 десятины да клинъ.

22. Вторникъ нарочито без сіянія. До Грознова посылал. Дождя тучка. Бочка вина простова почета.

23. Среда вѣтръ великой вода великая. Лошадей и скотъ выгнан в поля однакожъ травы ничего нѣтъ. Принято церковных денегъ у старосты церковнаго Якова Якимова 13 ру. Сего ж дня переменился оной староста церковной Яковъ а принял у него старство з Голикова крестьянинъ Илья Іановъ Клинскаго Успенскаго монастыря денегъ ему дано церковныхъ на завод рубль. Итого церковных денегъ у меня налицо сего числа 43 ру. 9 ал. Из оных росходъ присемъ. Іюля 14 дня за промѣну воска на свѣчи 4 ал. 3 де. Июля 15 дня себѣ я взял взаймы 6 ру. отдал сен. 2 дня. Колокол промѣнил придал 6 ру. 5 ал. подписать 5 ал. а вѣсом 36 ѳун. пуд по 8 ру. 26 ал. 4 де. а старой былъ 9 ѳунтовъ и пол. Галунокъ вина 6 ал. 4 де. ноября 29 дня. 741-го марта 18 дня вина церковнаго 4 ал. Оставшие отданы за колокол въ 1741-м июля.

24. Четвертокъ великая вода і вѣтръ а снѣгу много вездѣ.

25. Пятокъ вода убывает вѣтры великіе.

26. Субота великой вѣтръ и дождя тучка маленкая и ночью дождикъ и тепло первое. До Ярюхина ездили.

Неделя 4 по Пасцѣ о разслабленном глас 3.

27. Воскресеніе преизрядной ден и теплой. Воды убыло много в Лутосне.

28. Понеделникъ мороз а ден хорошъ. В Казарины ездили вода велика в Сестре рекѣ.

29. Вторник дождикъ и тепло зелень просѣдаетъ. До Чернаго озера ездили. В Сестре реке щука поимана вѣсом 25 фунтовъ противъ устья. Лукъ и чеснокъ посажен.

30. Среда дождикъ поутру и холодно. До заводи устной ездили. Горох бобы салат посѣен. Сморчки поспѣли. Малины и смородины посажено в саду.

Сего апреля издержано денегъ 2 ру. 5 ал. 4 де.

Маіа росход денгам о справке деревен. По духовной от дяди Василья Алексѣевича Благово за нами. А имянно в Торжку 22 дня за списованіе до-

просовъ 10 ал. подъячему Івану Богданову 3 ру. воеводѣ 5 ру. Вписать в протокол 6 ал. 4 де. Сторожу 10 де. В Москве июня 5 дня въ юстиціи доношеніе ис Торжка и допросы и на гербовую бумагу на выписку и на опредѣленіе дано 10 ал. Петру Семеновскому. Того ж числа въ юстиціи ж Семеновскому за справку всего дѣла и за отпускъ дано 4 ру. За списываніе всего онаго дѣла Петру Семеновскому 16 ал. 4 де. июня 9 дня. 12 июня Семеновскому Петру за оное ж дѣло и за выписку 16 ал. 4 де. Секретарю Івану Протопопову 2 ру. 13 дня бумаги гербовой 2 листа 10 де. на двѣ промѣморіи черная и бѣлая для допроса Львова в Кронштатъ. 14 дня челобитную написат и копію подана в помѣсном приказе о незаписке деревень за родственниковъ кромѣ нас учиненных наслѣдниковъ и тетки А. Фе. по духовной за бумагу и за писмо 3 ал. 2 де. Опредѣленіе написат на оную челобитную и записать в помѣсномъ приказѣ 3 ал. 2 де. В печатном приказѣ списат указ 10 де. которой прислан из сенацкой канторы въ юстицію о непроизведеніи в дѣйство духовной. 16 дня в военной канторе 10 де. подъячему за справку каким рангомъ отставлен братъ Алексѣй Благово: отставлен сержантом и пашпортъ дан за болезнію ногу свело у него. За копию с челобитной поданной от него въ юстиціи при указе из сенацкой канторы 5 ал. 4 де. 17 дня въ вотчинной коллеги секретарю 16 ал. 4 де. закрѣпил опредѣление чтоб принять челобитную спорную. Там же за протокол 3 ал. 2 де. 19 дня в помѣсномъ же за справу копіи с челобитной 3 ал. 2 де. Регистратору 3 ал. 2 де. В книгу записат 3 ал. 2 де. 20 дня в помѣсном приказе гербовой бумаги на копію с опредѣленія что принять челобитную листъ 4 де. за писмо что списал. Гербовой бумаги 2 листа 8 де. на подписку во всѣх столах подъячимъ и за работу 3 ал. 2 де. Кузмину. Ему ж июля 16 дня 3 ал. 2 де. ему ж 8 де. 21 дня секретарю Протопопову въ юстиціи рубль. 24 дня Петру Семеновскому 10 ал. написат бѣлое опредѣленіе. 25 дня в помѣсномъ приказе протоколисту за справу опредѣленія 3 ал. 2 де. 26 дня въ юстиціи протоколисту 16 ал. 4 де. Дмитрею Семеновскому рубль итого 20 ру. 12 копѣкъ. 13 іюля подносъ серебреной 9 ру. 23 ал. 14-го гайдуку 16 ал. 4 де. Семеновскому 9 ал. 2 де. Сергей давал. 15-го протоколисту Федору Васильеву 16 ал. 4 де. 16-го в протокол записать и на бумагу списать копію с опредѣленія Семену 3 ал. 2 де. да 10 ал. 18-го протоколисту 8 ал. 2 де. От меня еще протоколисту 16 ал. 4 де. Петру Семеновскому записать промѣморію в Кронштатъ 3 ал. 2 де. В печатном приказе пошлин от промѣморіи 1 ру. 25 копѣкъ накладных 2 де. за воскъ 2 де. Секретарю Протопопову трость дана червонной золотой. Таварищу Семенову за списываніе опредѣленія копіи намъ 3 ал. 2 де. 19-го в печатном от записки 3 ал. 2 де. от промемориі канцеляристу в помѣсном Кузмину 3 ал. 2 де. 21-го в печатномъ приказе от записки промѣморіи в Кронштатъ 6 ал. 4 де. подканцеляристу итого

15 ру. 99 копеѣк. Октября 20 дня въ юстиціи Семену Іванову 8 ал. 2 де. записать промеморію и допросъ Львова ис Кронштата. Петру Семеновскому на бумагу на выписку 6 ал. 4 де. 21 дня протоколисту Федору Васильеву рубль итого 1 ру. 45 копеѣкъ итого всех 37 ру. 56 к.

В Торжку подъячей у котораго дѣло наше о справке деревень по духовной от дяди Василья Алексѣевича за нами Іван Ермолаевъ сынъ Богдановъ.

В Москве юстицъ канторы подканцеляристъ Дмитрей Ивановъ сынъ Семеновской.

Въ вотчинной коллегіи повытчикъ Никита Ильин сынъ Сукмановъ.

Апреля 17 дня отдано Дурному пряжи четверной на вятири пол 4 фун. того ж числа принято на сѣт у Савастьянова тонких ниток 4 фун. с четвертью. Ис того числа Храмому отдано нитокъ 3 ѳунта.

Мѣсяцъ маій.

1. Четвертокъ дождь и студено. В Казарины ездили. Іосифъ зачал читать уложенье.

2. Пятокъ тепло и дождикъ временно во всю ночь дождь. Боронит начали. В новой амбаръ под гору перевезено старой ржи 60 четвертей і всыпана на правой сторонѣ в первой закрамъ в котором было 20 четвертей итого во оном закрамѣ 80 четвертей. А в другом закрамѣ на той же стороне—четвертей. Оная рож 739-го году. На лѣвой сторонѣ за дверью ржи 1739-го году—четвертей. Да сего дня перевезено в тот же закрам 21 четверть 2 чет. Итого во оном анбарѣ всѣй ржи—четвертей.

3. Субота снѣгъ и дождь студено.

Неделя 5 по Пасцѣ о самаряныне глас 4.

4. Воскресеніе мороз великъ и ден хорошъ.

5. Понеделникъ мороз і вѣтръ великъ. Мелнишной анбаръ разламали чинит.

6. Вторникъ пасмурно и холодно а ноч теплая первая и роса.

7. Среда преизрядной ден и жаркой зелен просѣла. Из двора поехал в полдни во Ржеву к тетке Аграфене Ѳедоровне. Ночевал в Завидовѣ. Сѣна полтора пуда 3 ал.

8. Четвертокъ поутру роса а ден жар. Обѣдал на Городне сѣна на 10 де. Молока 2 денги. Ночевал въ Твери сѣна на 2 ал. луку 1 де.

9. Пятокъ жар великая гроза и град дождь. Обѣдали на Мѣдном сѣна на 2 алтына. На росход 4 де. Ночевал в Торжке сѣна 3 ал. 4 де.

10. Субота жар. Обѣдали у Глебовой в деревни на лугу. Овса чет. 2 ал. сѣна на 10 де. молока на 2 де. кваса 1 де. Приехал в Романово к дяде Илье Григорьевичу ночеват.

Неделя по Пасцѣ 6 о слѣпом глас 5.

11. Воскресение изрядно. К брату Петру Яковлевичу приехалъ на Талажню.

12. Понеделникъ изрядно.

13. Вторникъ изрядно кормъ без нужды. Ездили х Карпу Григорьевичу Свечину. На росход 3 ал. 2 де. турчанке.

14. Среда роса холодна и сияние. В Тысецкое приехал вечеру.

15. Четвертокъ мороз великъ и сіяніе. Осматривали пустошей.

16. Пятокъ мороз великъ. На мою половину в новом анбаре овса смерено в каменном 40 четвертей на семена оставлено 30.

17. Субота мороз и тучка дождя. На росход 5 ал.

Неделя 7 по Пасцѣ гласъ 6.

18. Воскресение мороз а ден хорош. В новом анбаре ж ржи смѣрено в каменном 50 четвертей жита 15 четвертей авса 18 четвертей. Тананыка отпущенъ из Азова взят был в лопатники 738-го году. В маленком анбаре авса 21 четверть. 3 образа получилъ из дому дяди Василья Алексѣевича которыми он меня благословил сам Богородицы Казанскіе в окладѣ Спаса Нерукотвореннаго С. Пятницы в окладах.

19. Понеделник мороз великой и ден хорошъ. Ржи смѣрено в каменном 54 четверти 4 чет. итого ржи 104 четверти 4 чет. жита 15 четвертей на сѣмена оставлено 5 четвертей авса 58 четвертей на сѣмена 39 четвертей всего 212 четвертей 4 чет.

20. Вторникъ мороз а ден хорошъ. Артамону на избу скотную дано 1 ру. которую поставит в Баховкине. Из Тысецкаго поехал в полдня и был в Рамановѣ и ночевал у брата Петра Я. Ржевскаго.

21. Среда мороз а ден красной. Ис Талажни поехал и ночевал в Торжке.

22. Четвертокъ ден жаркой. Сапоги мнѣ 1 рубль. В монастыре в Торжку за понахиду и на протчей росходъ 8 ал. 2 де. Сѣна на 8 де. пуд. Табаку 10 де. Подметки 8 де. Пива 2 ал. 2 де. Ис Торжка допросы взял и росписался. Первой сѣвъ овса посѣено на Сорокинѣ 12 четвертей в Кулигѣ 1 четверть на Сорокинѣ пшаницы четверть.

23. Пятокъ хорошо. Ис Торжка поехал поутру обѣдал на Мѣдномъ сѣна на 10 денегъ. Ночевали во Твери сѣна на 3 ал.

24. Субота студено і вѣтрено слякот и снѣгъ. Обѣдал в Городнѣ сѣна на 2 ал. 2 де. Конопли посѣяны 9 четве. льна 10 чет. на Сорокине. Авса в Кулигѣ посѣено 5 чет. Снѣгу выпало в оборникъ всю ночь шолъ.

Неделя 8 по Пасцѣ глас 7 во октае.

25. Воскресеніе слякоть і вѣтръ великой а снѣгъ і вчерашней лежит и дождь до вечера. Домовъ приехал в обѣдню. Троицынъ день.

26. Понеделникъ дождя тучка.

27. Вторникъ дождикъ маленкой и хорошо. В Клину былъ у бурмистра обѣдал. Мелница наша замолола перестроивали.

28. Среда дождь великъ до полудни. Рожъ колоситца и яблони цвѣтутъ а хлѣба ероваго всходовъ не знать.

29. Четвертокъ громъ и дождь. Овса посѣено на Сорокинѣ ж 30 четвертей.

30. Пятокъ студено а пополудни нарочито. Овса посѣено на Сорокинѣ ж четверикъ.

31. Субота мороз а ден изрядной и дождикъ. Пшаницы посѣена 9 чет. ярицы четверть овса посѣено 15 четвертей 4 чет. жита 2 четверти 2 чет.

740 года июня 1 дня роздано на сѣмена овса и жита Івоничам на новой осмакъ четверть а осенью взять авса. Авса роздано Барану 2 четверти Карпу четверть 6 чет. Голышу четверть 6 чет. Ермаченку четверть 6 чет. Вялому четверть 4 чет. Урусу 4 чет. Удоеву четверть Сыроегѣ четверть 6 чет. Давыдову четверть 4 чет. Юдину 2 четверти Тананыкѣ четверть Кекешонку 6 четвериковъ. Въ Ярухино четверть. Жита Барану 2 чет. Карпу 4 чет. да 1 чет. Голому 2 чет. да 1 чет. Ермаченку 2 чет. Вялому 2 чет. Урусу 3 чет. да 1 чет. Удоеву 2 чет. Сыроегѣ 3 чет. Тананыке 4 чет. Сыроегѣ ржи 4 чет. августа 18 дня.

Для памяти записано сего 1740-го году Іюня мѣсяца въ Петербурхе казнены смертію министръ Артемей Петровъ сынъ Волынской отсѣчена ему рука и голова Андрѣю Федорову сыну Хрущову голова прочь Михайлову сыну Еропкину голова ж прочь. Сенаторъ Платон Івановъ сынъ Мусин Пушкин битъ кнутом и отрѣзан языкъ и послан в сылку.

Анашка сѣлъ на оброкъ сего 740-го году с Троицына дни. Копыленокъ сѣлъ на оброкъ с Петрова дни. Сноха Котѣева на оброкъ сѣла с Петрова дни. Степка Яковлевъ сѣл на оброк со всего осмака 740-го августа 18 дня взято 1 ру. а другой на немъ. Івонин сѣл на оброкъ со всего осмака 740-го сентября 1-го дня. Ермаковы сентября съ 1-го дня опять сѣли на оброкъ с обѣих доль 8 ру.

Меншой Іван Васильевъ сынъ Соковнинъ въ 733-м году написал духовную и учинил наследниками внука своего роднова Соковнина ж да племянниц своих родных которые замужем за Богдановым и Жилиным племянникам своим роднымъ сестриным сыновьям Воейковым и по той духовной дано всѣм оным въ 737-м году а другой ево внукъ Соковнин родной же бил челом чтоб и ему быт в том же наследником и порочил духовную аднакож оной отрешен въ 738-м году а оные и понынѣ владѣют тѣмъ наследством о чем он и бил челомъ в Москвѣ в сенацкой канторе въ 738-м но точию челобитья от него не принято и отказано а по духовной утвердили.

Іюнь.

Неделя 9 по Пасцѣ гласъ 8.

1. Воскресеніе дождь и вѣтръ временно и холодно. Заговѣлись. Принято с мелниковъ з Дурнова да с Кости денегъ 4 ру. за сей год а числится годъ с Покрова да за прошлой годъ доимочной рубль итого 5 ру.

2. Понеделникъ стужа а вечеру дождя тучка в Клину был у бурмистра обѣдалъ. Заплачено подушныхъ денегъ за 740-й год за первую половину за 150 душъ по 35 к. з души итого 52 ру. 50 к. и с того платежа накладные а в квитанціи написано съ семидесят пяти душъ по 70 к. итого то же число 52 ру. 50 к. а накладныхъ 35 ал. по 4 де. с рубля. За мелницу за сей же год 740-й 4 ру. 60 к. С куба винокуреннаго 1 ру.

3. Вторникъ студено и дождикъ. Посѣено авса 5 четвертей 4 чет. жита 2 четверти 2 чет. льну 10 чет. новоторскаго 1 чет. Всю ночь дождь великой.

4. Среда поутру дождь а ден изрядной. В Москву поехал пообѣдавъ. Ночевал на Пешкѣ сѣна на 2 ал. 2 де. На росход 6 де. Жита посѣено.

5. Четверток нарочито а холодно. Обѣдали въ новой деревни в полѣ. В Москву приехал после вечерни. Жита посѣено 5 четвертей последние.

6. Пятокъ нарочито холодно. Людей с лошадми домой отпустил. Пахви и ремни к олстрам 6 ал. 4 де. Чюлки нитяные 5 ал. На росход 2 де. Кувшинъ и кваса на 2 де.

7. Субота мороз а день нарочито холодно. Допросы дяди Василья Алексѣевича и свидѣтелскіе подал въ юстицію в Москве о наслѣдстве от него данном намъ в деревняхъ.

Куплено Алексаше сапожки 8 ал. 2 де. труду на 1 ал. Параше башмачки 4 ал. мыла на 10 де. снятковъ четвертка 3 ал. 2 де. соленых ѳлорента ар. 4 де. на росход 2 де. Указ печатной о прощеніи винных состоявшійся сего 740-го маіа 19 дня а в Москвѣ напечатан июня 3 дня 1 алтынъ.

Неделя 10 по Пасцѣ гласъ 1 во октае.

8. Воскресеніе студено и дождь. Дровъ на 2 ал. 2 де.

9. Понеделникъ морозъ нарочито. Рож выколосилась. Двои сапоги людем 21 ал. 4 де. Чай карандашъ трубка с чебуком 5 ал.

10. Вторникъ хорошъ день.

11. Среда нарочито. Коновалу 10 де. На росход 2 де.

12. Четвертокъ холодно. На росход 2 де.

13. Пятокъ дождь временно. Лошад перековать 4 де.

14. Субота холодно. Из двора писмо получилъ с Лукьяновымъ. Пива на 2 ал. 3 де.

Неделя 11 по Пасцѣ гласъ 2.

15. Воскресеніе нарочито. Микишке Данилову пашпортъ дан на год до сего ж числа 1741-го года. Пива на 10 де. Сѣна воз 2 ал. 4 де.

16. Понеделникъ тепло. Въ военной канторе за справку каким рангом отставлен брат Алексѣй Благово 10 де. сержантомъ отставленъ. За копію с челобитной въ юстиціи поданной при указе из сенацкой канторы 5 ал. 4 де. За починку ендовы 2 ал. 4 де. Двои перщатки 26 ал. 4 де. Фунтъ табаку турецкаго 6 ал. 4 де. На росходъ 2 де. и пол.

17. Вторникъ изрядно. Луку 1 де. Пудра фунтъ 8 де. Писмо домовъ послал с человѣком теткиным Аграѳе.

18. Среда изрядно. Плохому 10 де. Головина повару 2 чет. крупъ чет. вина которой учитъ Плохова.

19. Четвертокъ дождь весь день. Плохому каты 4 ал. Сѣры 4 де. На росход 1 де. Апраксинъ маэор в Москву приехал ис Петербурха едет в Астрахань посланъ по указу.

20. Пятокъ дождь великой и сту. Былъ я у маэора Апраксина. Рожъ в деревни зачала цвѣсть.

21. Субота дождь и ночь и день. У откупщика клинскаго былъ.

Неделя 12 по Пасцѣ гласъ 3 во октае.

22. Воскресеніе дождь и студено. Пива на 10 де. На росход 1 де. Выпись списал сей день на клинскіе деревни в одинъ день. Во всю нощь дождь великой.

23. Понеделникъ дождь великой вес ден. Ход со кресты в Москвѣ в Стретенской монастырь.

24. Вторникъ студеное сіяніе. Из деревни привезено Якимка привес 2 воза сѣна четверть авса рыбы 10 щукъ грибовъ соленых кринка. Саїдакъ отдан в починку і взятъ.

25. Среда нарочитой ден а поутру холодно было. Лѣнтъ алыхъ 3 ар. 6 ал. На росход 2 де. Сахара фунтъ 17 золот. 6 ал. 4 де.

26. Четвертокъ изрядно. Писмо домовъ послал. Свечь восковых фунтъ 6 ал. 2 де. Из Москвы поехал въ вечерни ночевал в Озерецком. Сѣна на 10 де.

27. Пятокъ изрядное очен время и тихо. Домовъ приехал въ вечерни с Кулпина.

28. Субота изрядной день токмо вѣтрено.

Неделя 13 по Пасцѣ глас 5 во октае.

29. Воскресеніе изрядная погода токмо вѣтръ. Оброчных денегъ взято съ Сапсоновых робят рубль. С Анашки Федотова 16 ал. 4 де. На росход 2 де. Ragozin priechal ko mnie. Копыленокъ на оброкъ сѣлъ.

30. Понеделникъ временно дождь. Оброчныхъ денегъ взято с Лукина 16 ал.

4 де. В Москвѣ издержано денегъ сего мѣсяца за справку деревень после дяди Василья Але. 13 ру. 22 ал. 4 де.

Сего июня издержано денегъ 76 ру. 2 ал. 3 де и пол.

Іюль.

1. Вторникъ вѣтрено съ сіянием. Ездили на Андрѣевское хлѣба смотрѣт в полях. Рагозин поехал домовъ. До Рыжкова ездили.

2. Среда вѣтръ великой. Рожъ отцвѣла. За Назимову мелницу посылал съ сѣтми. Алексаша принесъ из леса Муравьева масла 6 золотниковъ.

3. Четвертокъ вѣтръ и сіяніе. В церкве іканастасъ позолочен и выкрашен и іконы написаны в Дѣисусах сего мѣсяца.

4. Пятокъ изрядно и вѣтрено. На Еременской мелнице былъ.

5. Субота сіяніе ж а вѣтръ велик. Мелницу мою опустили ниже. До Паниной посылал съ сѣтми и з болтями. Сестра Авдотья Алексѣевна в Москву приехала.

Неделя 14 по Пасцѣ гласъ 6.

6. Воскресеніе изрядной ден.

7. Понеделникъ вѣтрено ж.

8. Вторникъ вѣтръ. Принято церковных денегъ мостовых у Амельяна Осипова 2 ру. 16 ал. 4 де. да зборных в колокол от него ж 1 ру. 16 ал. 4 де.

9. Среда изрядно жар. Принято у Демки в колокол денегъ 16 ал. 4 де. В Москву поехал в полдни ночевал на Пешке. Сѣна на 2 ал. Баню разломали на дворѣ поставит на рекѣ.

10. Четвертокъ жаръ. Обѣдали в Новой деревни. Сѣна на 1 ал. В Москву приехал въ вечерни. На лугу под мелницею косили траву.

11. Пятокъ жаръ. Огурцовъ 20 дано 8 де.

12. Субота жар и дождя туча. Сапоги мнѣ 25 ал. Огурцовъ 60—2 ал. 3 де. Подносъ серебреной 8 ру. вѣсом 44 золотника которой отданъ князь Алексѣю Шуховскому. Ножницы 3 алтына.

Неделя 15 по Пасцѣ глас во октае 7.

13. Воскресеніе дождь временно и тепло. Барышником 5 ал. за лошад которую купилъ сестрице. Пива на 10 де. ягод на 10 де.

14. Понеделникъ жар. Алексаше сапожки 10 ал. Хмелю 4 фун. 12 ал. Туфли Ygzori 8 ал. 2 де. Cohlear 2 ал. 2 де. За промѣну воска на свѣчи 2 ал. Гвозья двутеснаго 1500 одноteснаго 500 дано 1 рубль 16 алтынъ 4 денги. Гвоздей мѣлких на 10 денегъ. Чулки нитятые мнѣ Алексаше Параше да Катюше шерстяные 16 ал. 4 де. Огурцовъ на 10 де. 40 щетомъ. Из деревни сѣна 60 китъ баран цыплят 5 жита 4 чет.

15. Вторникъ жаръ. Заячей мѣхъ черевей 26 ал. 4 де. Соли 2 пуда 16 ал. Пива на 10 де. Огурцовъ сто 4 ал. 2 де. Продано холстовъ посконных 293 аршина взято за сто по 1 рублю 18 ал. 2 де. всех 4 ру. 28 ал.

16. Среда жар і вѣтръ. От починки часовника 3 ал. 2 де. На росход 4 де. Сестра Авдотья Алексѣевна в колоколъ положила 16 ал. 4 де.

17. Четвертокъ жаръ. Выжиги продано 50 золотниковъ взято 5 ру. 18 ал. 2 де. золот. по 3 ал. по 3 де.

18. Пятокъ жарко. Лѣнтъ разныхъ на 16 ал. 2 де. да на 10 де. Мѣх бѣлей чешуйчетой 3 рубли. Плохому за упоки 2 ал. На росход 2 де.

19. Субота жаръ. Железа сибирскаго полтора пуда 32 ал. 4 де.

Неделя 16 по Пасцѣ глас 7.

20. Воскресеніе жар і вѣтръ. На росход 2 денги.

21. Понеделникъ дождя туча велика. Промѣморію взял ис печатнаго приказу в Кронштат о допросѣ Львова в свидѣтелстве по духовной и послал съ Сергѣемъ. Лѣнтъ на 3 ал. 2 де. Сулея 2 ал. Уксуса 4 де. Икры паюсной 2 фун. 10 де. На росходъ 2 де. Клеѣнки 2 ар. 2 ал. Гаруса зеленаго 2 ал. 2 де. Пятокъ 2 де.

22. Вторникъ дождь до полудни. Чулки нитяные мнѣ 5 ал. серые ж.

23. Среда роса очень холодная а ден жаръ. Огурцовъ 200—6 ал. 2 де. Плохому 2 де. Табаку 2 де.

24. Четвертокъ жар. Из Москвы поехал в завтрени. Обѣдали на Черномъ. Сѣна на 1 ал. На росходъ 5 денегъ. Ночевал в Орлове у Ларіона Ів. Орлова.

25. Пятокъ жар и дождь. Из Москвы приехал домовъ поутру изо Ржевской деревни. Барановъ пригнали 18 да баранъ убитъ тамъ на Сорочины да баранъ с них не донятъ итого надлежит с нихъ брать по 20 барановъ.

26. Субота роса студеная очен а хорошо. За молебенъ 10 денегъ. Параше 6 лѣтъ. В пустошах травы покошены.

Неделя 17 по Пасцѣ глас 8.

27. Воскресеніе день изрядной тучка дождя. Говядины пуд. 13 ал. 2 де. В пустошах сѣна поставлено.

28. Понеделникъ ден изрядной и дождя тучка. Попу за молебенъ 3 ал. 2 де.

29. Вторникъ дождь временно.

30. Среда дождя много и тепло. Во Тверь послал по каляску на дорогу 3 ал. 20 де. Лугъ барской косить зачали.

31. Четвертокъ дождь весь день. Сего июля издержано денегъ 20 ру. Сего 1740-го августа 8 дня посѣяно ржи во Ржевской моей деревни в селце Баховкине на пустоши Чаще 3 четверти 5 чет. на Хоркине 2 четверти на Голупковѣ 4 четверти на Егорье 2 четверти 4 чет. всего 12 четвертей.

Октябрь.

1. Среда волная погода. До Грознова ездили на санях снѣгу множество. Рѣки и заводи покрылис льдомъ. Попу за молебен 10 де.

2. Четвертокъ мороз. Ржи обмолочено невѣеной 3 овина 7 четвертей да с тѣх же овиновъ на мелницу послано скотине четверть. Принято с мелниковъ з Дурнова и с Шутова денегъ досталныхъ 8 ру. до Покрова имъ годъ был итого за мелницу с них все взяты денги. А съ сего дни сѣл на мелницу Волкъ за 13 ру. в годъ. Брага заварена 4 четверти.

3. Пятокъ тепло и лужи были. До Ястюнинской ездили на санях ловили по лду. В Клин указ получен ехат нам в полкъ.

4. Субота тепло. Авса обмолочено 3 овина невѣенаго 19 четвертей всыпан к старосте в анбаръ в которой ходит он. До Широкой посылал. В Клину ночевал.

Неделя 27 по Пасцѣ глас 2.

5. Воскресение зла погода пред полуднем. Ярицы обмолочено 2 овина 2 четверти 3 чет. Авса овин невѣенаго 7 четвертей 2 чет. Брагу насѣли в вино 4 четверти было заварено.

6. Понеделникъ волная погода. К мелницѣ Бѣрезинской ездили і в Казарины.

7. Вторникъ тепло и дождь. Авса обмолочено 3 овина на росход в маленкой анбаръ в которомъ новая дверь 12 четвертей да в том же анбаре было прежняго умолота авса четвертей съ 6.

8. Среда мороз. Того жъ скирда прошлогоцкаго ржи обмолочено 3 овина невѣеной 7 четвертей 4 чет. Принято оброчных денегъ 2 ру. с кузнеца с одного осмака. Вина принято 2 ведра с четвертью 3 перепуска добраго вина.

9. Четвертокъ морозецъ. Ржи обмолочено невѣеной 3 овина 7 четвертей 6 чет. В Ялцовѣ обѣдал бурмистръ ночевал у меня.

10. Пятокъ морозецъ и ден изрядной. До Бѣрезинской мел. ездили. Ржи обмолочено невѣеной 3 овина десят четвертей. Настасьи Ивановне послано денегъ 8 ал. 20 де. взятые з Давыдова за корову.

11. Субота слякоть. Пшаницы ранней обмолочено 2 овина 2 четверти. Ржи овинъ невѣеной 2 четверти 4 чет. Капусты на 14 ал. в Рагачевѣ.

Неделя 28 по Пасцѣ глас 3.

12. Воскресеніе мороз и ден изрядной. Алексаше 12 лѣт родился 1729-м сей день. Воевода клинской обѣдал у меня Андрей Загряской. Вино отсидѣли сей ден всего 7 ведръ. Говядины на 3 ал. 2 де.

Сего мѣсяца 17 дня не стало 2 императрицы 1740-го года в Петеръбурхе.

13. Понеделникъ мороз нарочитъ. К Бѣрезинской мелницы ездили за ры-

бой. Поимано в одной тони 46 щукъ хорошихъ всякая болши аршина. Авса обмолочено 3 овина чистаго 9 четвертей 5 чет. в меншой анбар на росход.

14. Вторникъ мороз. Авса обмолочено 3 овина чистаго ж. На росход 8 четвертей 6 чет.

15. Среда мороз силной. Авса обмолочено 3 овина 9 четвертей 3 чет. Из двора поехал в Москву в полдни на санях ночевал в Дурыкинѣ дорога хороша была. На росход 2 де.

16. Четвертокъ снѣгъ великой. Обѣдали Всесвяцком. На росход 2 де. В Москву приехал в обѣдни. Свечь салныхъ 200—31 ал.

17. Пятокъ мороз и дорога добрая. Соли пуд 8 ал. 2 де. Мѣх заячей хрептовой да черевѣй 2 ру. 8 ал. 2 де. 2 узды и двѣ шлеи сыромятные удилы. 4 хомутины 30 ал. Шелку золотникъ 10 де. Образъ Живоноснаго Источника промѣну 13 ал. 2 де. За свѣчи восковые придачи 2 де. Мыла камскаго полпуда 26 ал. 4 де. Кулечикъ 1 де. Яблокъ на 6 де. Помады на 2 де. У присяги я был в Архангелском соборе приводил подполковникъ Іван Артемьевъ сынъ Раевской. Алексаша і Иосифъ у присяги были в Клину.

18. Субота тепло. На росход 2 де.

Неделя 29 по Пасцѣ глас 4.

19. Воскресеніе тепло и слякоть. У Друковцова был секретаря.

20. Понеделникъ тепло. Говядины на 10 де. Алексаше сапожки а Парашке башмачки 16 ал. 4 де. Лѣнты черной на косы к парикамъ 6 аршин 10 ал. Мнѣ двои носки к чулкам 3 ал. 2 де. Пудра 3 ѳун. 5 ал. Трубу запаять и кровлю с кубика 5 ал. дано.

21. Вторникъ тепло и дождь снѣгъ ростаялъ и гряз великая.

22. Среда тепло на санях нелзя ездить. Капусты бѣлой 100 качней 19 ал.

23. Четвертокъ тепло и великой дождь день и ночь всю. Говядины на 10 де. Полпуда тешекъ 20 ал. осетровых. Корки лимонной фунтъ 2 ал. Флорента 3 аршина чернаго 10 де. В помѣсном приказе подъячему за выписку ис книгъ клинскихъ деревен дачи 5 ал. которые значат въ сентябре мѣсяце сего года.

24. Пятокъ дождь и снѣгъ. В Москву получена вѣдомость о кончине 2 императрицы а скончалась сего мѣсяца 17 дня. Наслѣдник по ней внук ея им. 3 Іоаннъ сын государыни принцессы Анны и принца Брауншвейн Линебургскаго Антона Улриха і внук родной царевны Екатерины Іоанновны которая была за Мекленбурским княземъ а правителство московскаго государства определено содержат на 17 лѣт Курлянскому герцоку Іоанну Эрнсту. Регентъ пропал над нимъ и трясись. Ноября 9 дня 740 года.

25. Субота мороз. Турку рукавицы с вариги 3 ал. 2 де. Всю ночь злая непогод съ снѣгом.

Неделя 30 по Пасцѣ глас во октае 5.

26. Воскресеніе въюга и дождь. Гнездо утакъ 4 ал.

27. Понеделникъ дождь и туман.

28. Вторникъ туман и дождь. У присяги был в соборе Успенском при которой присудствовал Строгановъ Александръ.

29. Среда пасмурно и морозецъ.

30. Четвертокъ снѣжок и ростаял. Говядины на 10 де. Полусоконца пурпуроваго 10 аршин дано 3 ру. 16 ал. 4 де. Пух 11 ар. 20 ал. 3 кушака 6 ал. 4 де. 2 мѣха мерлущатых 1 ру. 20 ал. Оное мнѣ на шубу. Фунтъ пуль 2 ал. Башмаки мнѣ 11 ал. 4 де. Прянаго зелья и перцу на 14 ал. 4 де. На росход 1 де. В ночи снѣгу напало. Цыркуль и перо медные 16 ал. 4 де.

31. Пятокъ тепло и снѣгъ. Куплено полатна галендерскова 9 ар. и пол. дано 4 ру. 25 ал. по 16 ал. 4 де. аршин. Сулея 4 ал. уксуса на 9 де. полведра и бѣлужины и осетрины на 9 ал. 4 де. 4 платка 13 ал. 4 де. Яблокъ на 2 ал. 4 де. Сани 6 ал. 4 де. 2 кулька 3 де. дуга 5 де. Параше денегъ за нитки 8 де. и пол. В ночи снѣгу напало.

Сего октября издержано денегъ 21 ру. 32 ал. 5 де.

Сего года 1740-го в градѣ Клинѣ воевода Андрей Дмитревичь Загряской новоторской помѣщикъ.

Ноябрь.

1. Субота волная погода. Из Москвы поехал в деревню в завтрени. Ночевал на Мошницы. На росход 2 ал. В Москву послано 7 возов дровъ 2 воза сѣна гусь гнездо 1 утятъ.

Неделя 31 по Пасцѣ глас 6.

2. Воскресеніе морозецъ а ден теплой. Домовъ пріехал в ночи. Хмелю собрано с крестьян 6 четвертей.

3. Понеделникъ дождь. До Ястюнинской ездили вода превеліа. Снѣгу немного осталось.

4. Вторникъ тепло. В октябре мѣсяце обмолочено пшаницы 3 овина четверть 7 чет. овса 3 овина 9 четвертей 4 чет. жита 5 овиновъ 11 четвертей 1 чет. Вина принято у Тананыки ведро у Анашки ведро у Доевых ведро. Железа дано кузнецу на подковы и на гвозди 25 ѳунтовъ. Съ Степки Якимова оброчных денегъ принято 1 ру. а другой на немъ.

5. Среда слякоть и дождь и снѣгъ весь ростаял. К Березинской мелницы ездили и поимана в одной тони 57 щукъ болшихъ.

6. Четвертокъ морозецъ. Жита обмолочено 2 овина 4 четверти 4 чет. Из Москвы привезено капусты бѣлой 100 кочней гнездо утокъ желтых на заводъ.

7. Пятокъ морозецъ и снѣгу нет ничего. До Бѣрезинской мельницы ездили. Жита обмолочено 2 овина 4 четверти 4 чет.

8. Субота морозецъ. Жита обмолочено 3 овина 6 четвертей 4 чет. Юдину дана лошад голубой меренъ Алексашинъ бывал 12 лѣтъ.

Неделя 32 по Пасцѣ глас 7.

9. Восресеніе морозецъ. Регента Бирона збросили. Крестьяня женились Івонин внукъ. Въ 741-м году въ 34 поборъ Василей Марковъ в рекруты взятъ Алексѣя Тананыкина сын Тимофей. Вина принято з Голова ведро да за штрав с Уруса ведро хлѣба ему было не дано.

10. Понеделникъ мороз а с полудни дождь во всю ночь. Жита обмолочено 3 овина 6 четвертей 2 чет. Молодымъ за овощи 6 ал. 4 де. Из ржевских деревен ходокъ был с писмами а в них пишетъ ис Каменнова в Баховкино скотины переведено 2 лошади да жеребенок 3 коровы дойных да теленокъ 9 овецъ десятой баран 1 коза 2 козла гнездо гусей гнездо утятъ 2 свиньи. Хлеб собран весь которой был даван на сѣмена и на емены. На вино роздано хлѣба барскова на 35 ведръ съ половиною а на ведро давано хлѣба ржи чет. жита чет. авса 2 чет. Авса полеваго умолочено 35 четвертей да с пустоши Ванчуговой 19 четвертей. Сѣна на Тараскове копен с сорокъ.

11. Вторникъ дождь и снѣгу ничего нѣт. Говядины 8 ѳун. 8 де. К Бѣрезинской мелницы посылал.

Указ получен 14 дня ноября на половину сего года подушныхъ по 17 копѣкъ з души не брать.

Сего года в осень великой ловъ былъ рыбъ щукам в наших рекахъ.

12. Среда морозецъ. Жита обмолочено 3 овина 6 четвертей 5 чет. До Дорошевской ездили вода еще велика.

13. Четвертокъ морозецъ. Жита обмолочено 3 овина 6 четвертей 5 чет. Река Лутосня льдом покрылась.

14. Пятокъ мороз великъ. Постъ начался. Жита обмолочено 3 овина 6 четвертей 3 чет.

15. Субота великой мороз а снѣгу нет ничего. Жита обмолочено 3 овина 6 четвертей 4 чет. Сестря река льдом покрылас и крепка. До Широкой ездили.

Неделя 33 по Пасцѣ глас 8.

16. Воскресеніе дождь. Вина принято с Шутовых ведро. Пива заварено солода ячнаго 3 четверти 2 чет. аржанова 6 чет. Хмелю садоваго 10 фун. лѣснова тожъ обоего 20 фунтовъ. До Грознова ездилъ.

17. Понеделник снѣгъ и слякоть великая. Дѣтей в Клин послал к присяге и людей. Съ Юдина стогъ сѣна взятъ за лошад 4 возенки.

18. Вторник снѣгъ великой и дождь. Отдано в дѣло овчин 60.

19. Среда тепло и морозецъ. Пива слито 25 ушатовъ да полпива 5 уша-

товъ. Пивовару 8 ал. 2 де. Жита обмолочено 2 овина последние 4 четверти 6 чет. итого сего года обмолочено жита 63 четверти 6 чет. Принято с Удоева за прошлой годъ з бабы ево оброку 1 ру. С вечера до Бѣрезинской мел. ездилъ. Во всю ночь снѣгъ и слякоть.

20. Четвертокъ снѣгъ и дождь. Сего года ржи новой скирдъ почет обмолочено 3 овина первые взято невѣйкою 8 четвертей. Принято с Великана вина ведро. В ночи поехал въ Москву. Обѣдал на Пѣшке.

Бывшаго герцока Курлянскаго и обѣркамеръгѣра и регента россіскаго арестовали и сосланъ под карауломъ в Орешикъ з женою и дѣтьми и з братом меншимъ ноября 9 или 10 дня.

21. Пятокъ мороз доброй.

22. Субота тепло и слякот. В Москву приехал до свѣту. Лошад купил мерена голубова 7 лѣт дана 7 ру. от записки 3 ал. 2 де. подковат 3 ал. 2 де. За передѣлку парика 1 ру. 16 ал. 4 де. Параше башмачки 3 ал. 2 де. Калинке на подводу из Москвы до деревни 5 ал. на росход в дороге 10 де.

Неделя 34 по Пасцѣ глас во октае 1.

23. Воскресеніе тепло. Из церковных денегъ я взял 10 ру. себѣ в остатке оных 20 ру. Зри апреля 23 дня. Принято съ Естигнѣя Іванова денег на подушные 23 ал. 2 де. и пашпортъ ему дан на годъ до 1741 года. На росход 2 де.

24. Понеделникъ дождь великой и ночью. Алексаше чулки 5 ал. Снятковъ соленых полчет. 9 ал. Парикъ новой 3 ру. Зри у присяги былъ в Архангелском соборе присуствовал вотчинной коллеги судья князь Шеховской.

25. Вторникъ дождь. Свечь салных на 6 де. соли 2 де. Копіа з духовной послана из юстиціи в помѣсной приказъ по челобитью Ильи да Алексѣя Благихъ.

26. Среда дождь и снѣгу ничего нѣт. 2 кровли к хомутам дорожным 10 ал, 4 замка 13 ал. 2 де. Сапоги Калинке 9 ал. 2 де.

27. Четвертокъ слякоть. Конюшня и анбаръ совсем отдѣлан.

28. Пятокъ морозецъ. Алексаше сапоги 10 ал. башмаки 6 ал. 4 де. 2 чулки да носки 13 ал. 2 де. Катюше черевички 3 ал. 2 де. Вина голенокъ 6 ал. 4 де. Рукавицы Алексаше 5 ал. На росход 4 де. Указ о правосудіи 4 де. Занемогъ я очень. С Москвы поехал в завтрени. Дорога нарочита зимняя. Принято у Волчат ведро вина.

29 Субота морозецъ. Обѣдал на Чорной на росход 10 де. Ночевал на Солнечной.

Неделя 35 по Пасцѣ гласъ 2.

30. Воскресеніе вѣтръ. Домовъ приехал до свѣта.

В ноябрѣ ржи обмолочено в небытность мою 6 овиновъ невѣеной 14 четвертей 4 чет. Да 3 овина вывѣено 3 четверти 7 чет.

До Дорошевской ездили.

Сего мѣсяца издержано денегъ 15 ру. 14 ал. 1 денга.

Декабрь.

1. Понеделникъ тепло и снѣгу ничего не осталось и дождь былъ. 4 шлеи пенковые 4 ал.

2. Вторникъ тепло очен. Храмому отдано ниток на невод вѣсом пудъ. До Бѣрезинской мелницы ездили.

3. Среда мороз а ночь дождь былъ. Ржи обмолочено того жъ скирда 3 овина 4 четверти. Старосту Софона переменил Тананыка Кузка. Принято съ Ермаковых вина 2 ведра.

4. Четвертокъ тепло. Ржи обмолочено 3 овина 4 четверти 4 чет.

5. Пятокъ тепло снѣгу ничего нѣт. Ржи обмолочено 3 овина 4 четверти 2 чет. Принято церковных денегъ 3 ру. 16 ал. 4 де. у Амельяна Осипова. В Казарины ездили.

6. Субота тепло и гряз великая и снѣгу ничего нѣтъ. Попу за молебны 9 ал. 4 де. На росход 6 денегъ. Ночью вѣтръ слякот и дождь.

Неделя 36 по Пасцѣ глас 3.

7. Воскресеніе слякоть и тепло. Брата Василья Фе. Благово шпагу послал к нему с человѣком тетки Аграфены Федоровны съ Сергѣемъ которая была у меня в закладѣ въ—ру. а денегъ не взял у него. В ночи снѣгу напало мокрова ж.

8. Понеделникъ слякоть и дождь. Денегъ принято столовыхъ по 13 ал. 2 де. с каждой доли итого — ру.

9. Вторникъ снѣгъ и дорога добра. До Широкой ездили. Всю ночь превеликой снѣгъ.

10. Среда превеликая слякоть. До Бѣрезинской мел. ездили. Лошадям которымъ ити в Петербурхъ семерымъ авса выдано 5 четвертей 2 чет.

11. Четвертокъ мятелица. Ларіон Ів. Орловъ ночевал у меня и Бѣклемишева.

12. Пятокъ мороз и снѣгу много очен. Ордеръ получилъ зарукою господина подполковника Ушакова повелѣно быть мнѣ в Москвѣ при командированной роте. Принято с Ывоничевъ вина 2 ведра.

13. Субота морозецъ. Жеребца воронова учил немецкова 6 лѣтъ. Ржи обмолочено 3 овина того ж скирда 3 четверти 7 чет. Свиньи побиты сей ден.

Неделя 37 по Пасцѣ гласъ 4.

14. Воскресение непогод и снѣгу очень много. Вторичной ордеръ получил чтоб сменит порутчика Воейкова в Москвѣ а привесъ оной ордеръ салдат Синбухит ко мнѣ въ Воронино. Из двора поехал поутру ночевалъ у Ларіона Ів. Орлова.

15. Понеделникъ мороз і въюга. Из Орлова поехал в ночи. В Москву при-

ехал в вечерни на дворъ к Ларіону Ивановичу Орлову. Свечь на 2 де. На росход 6 де. Сѣна на 10 денегъ.

16. Вторникъ мороз нарочит. Лошадей домой отпустил на сѣно 10 де. на дрова 6 де. сѣна 5 де. Горшковъ 2 де. Сѣна на 1 ал. Калинке 6 де. Ордеръ получил от полку зарукою маэора Чечерина а в нем пишетъ подрядит по мундиры каразеи крашенины холста пуговицъ шнуру позументовъ шелковых бѣлыхъ и желтых крючковъ с петли къ епанчамъ.

Из деревни привезено сѣна возъ 25 китъ авса четверть дровъ 6 возовъ за два воза денегъ 13 ал. 2 де. итого 8 возовъ сажень. Семену Андрѣевичу Салтыкову явился сей день и приказал с Воейковым сменятца.

17. Среда непогод. Куплено ушатъ ведро кошель уполовникъ дано 3 ал. 2 де. Зри на полковомъ дворѣ принял денег у порутчика Воейкова.

Во ржевской деревни вина высѣжено 12 ведръ писал братъ Петръ Яковлевичь Ржевской.

18. Четвертокъ дождь великой. Писма послал чрез почту полковую первые а писал к Хомутову о дворе да к секретарю полковому Ветлицкому о позументах и о протчемъ.

19. Пятокъ непогод и снѣгъ. Кваса 2 де. Соли 2 де. Князь Дмитрея Голицына двору опись принял.

20. Субота въюга и тепло вечеру. Сапоги смазные для встречы посла турецкаго 23 ал. 2 де. Свечь салных 4 де. Кваса 1 де. Сулея с уксусомъ 2 ал. 3 де.

Неделя 38 по Пасцѣ гласъ в октае 5.

21. Воскресеніе волная погода. Списокъ ротной получил зарукою подполковника Василья Воейкова. Обѣдал я у Федора Ів. Головина. На росходъ 2 денги.

22. Понеделникъ волная добрая погода. Сковорода дана 6 ал. 4 де. Кваса 1 де.

23. Вторникъ мороз доброй. Из двора привезено водки ведро и пол. вина 3 ведра говядины 2 пуда свинины 2 пуда гусей утятъ кур индѣйских по гнезду 3 курицы руских баран битой желудокъ два и кишки яицъ 300 масла коровья с пол — таз мѣдной сапоги люцкие упаки повару шуба моя адѣяло камчатое попона новая скреблица книгъ артикул и уставъ синопсис журналъ от 735-го книжка записная денеж. жалованью шпоры мѣдные 6 овчинъ муки пшенишной чет. аржаной четверть капусты бѣлой и черной сѣна 6 возовъ 180 китъ авса 4 четверти горшковъ 6 возжи заичьи авса обмолочено 3 овина взято пушных 19 четвертей 4 чет.

Вечеру перѣехал я за Сухореву башню стоят на двор человѣка Адуевскаго. На росход и на свѣчи 6 де.

24. Среда мороз добръ. Куплено соли пуд 8 ал. 2 замка 3 ал. 2 де. свечь салных 50 — 9 ал. 1 де. въ 6 фун. квашня бочка решето 2 чаши 9 ал. кадка ендова лотокъ 6 ал. ухват сковородникъ 10 де. 2 шаички 4 де. солонка 2 де. ковшъ 3 де. кваса 2 де. хлѣб 1 денга на росход 2 де. масла деревянаго 1 ал. кровля на трубу и горшекъ 3 де. сахара фунтъ 7 алтынъ.

25. Четвертокъ мороз великъ же. Попу за славленье 2 ал. За квартеру заплатил денегъ 25 ал. зъ 23 дня декабря по первое число будущаго 1741-го году а взял оные денги Адоевскаго человѣкъ Данила Федоровъ.

26. Пятокъ непогод и снѣгъ. Капитан Ртищевъ был у меня.

27. Субота непогода.

Неделя 39 гласъ 6.

28. Воскресение изрядная погода. Плохому 1 ал. За мытье платья 1 ал.

29. Понеделникъ добрая погода. Принял я (у бывшаго порутчика Василья Воейкова которой нынѣ подполковникомъ) полковых денегъ налицо имѣющихся 52729 ру. 71 к. в томъ ему и росписку дал и в полкъ репортовалъ также и полковой дворъ и полковые припасы по описи за ево рукою. Пива на 10 денегъ.

30. Вторникъ изрядная погода. Пуговицу закрепить 2 де. За дворъ постоялой задатка 3 ал. 2 де.

Отрывки изъ воспоминаній Бекетова.

Перехожу къ тому, кто были сосѣди отца моего.

Ближайшимъ былъ С. Г. Селивановскій, о которомъ я уже упомянулъ и еще буду говорить не разъ. Затѣмъ помню отставнаго полковника, старика, довольно высокаго и плотнаго, Петра Симоновича Норманъ. Смутно еще помню семейство какихъ-то дворянъ Ѳедяшевыхъ. Затѣмъ сосѣдомъ съ другой стороны улицы, упиравшейся въ ворота дачи отца, былъ какой-то Чикунъ, кажется отставной солдатъ, занимавшійся корчемствомъ. Остальные немногочисленные обитатели слободы были штатные служители Симонова монастыря. О священникѣ и причтѣ церкви, что на старомъ Симоновѣ, упомяну впослѣдствіи, но о мѣстной полиціи своевременно будетъ сказать нѣсколько словъ теперь же. Составъ ея былъ замѣчателенъ: частный приставъ, помнится, Митрофановъ, былъ тучный человѣкъ съ красноватымъ полнымъ лицемъ, перекосившимся отъ удара. Квартальный, по прозвищу „дубовый“ былъ высокій и плотный человѣкъ съ лицомъ крайне тупымъ и грубымъ; онъ не могъ связно сказать трехъ словъ Будочникъ, по прозвищу „ворона“, былъ толстогубый идіотъ, очень смирный. Унтеръ-офицеръ, какъ тогда называли — „хожалый“, былъ иного свойства: лицо

его было серьезно и, еслибы не вглядѣться въ выраженіе глазъ его, показалось бы неглупымъ, но глаза выражали помѣшательство. Прозвище этому господину было громкое — „царь“. Его назвали такъ потому, что онъ считалъ себя и называлъ, что слышалъ я самъ, мужемъ императрицы Екатерины II-й. „Это все было мое, говорилъ онъ, указывая на деревни Котлы, Кожухово и т. д., но не на Москву. Онъ грубилъ квартальному и билъ будочника безнаказанно, пока однажды не перешелъ границъ: тутъ ужъ онъ побилъ квартальнаго (ужаснаго труса) и разрубилъ алебардою голову несчастному будочнику, но неглубоко. Прислано было нѣсколько казаковъ взять неистоваго; онъ хотѣлъ защищаться топоромъ, но пока онъ наклонялся за нимъ подъ лавку, казаки схватили его; онъ успѣлъ однакожъ ударить ногою одного изъ казаковъ въ лицо такъ сильно, что выбилъ нѣсколько зубовъ. Имъ овладѣли и увезли; дальнѣйшая участь его мнѣ неизвѣстна.

Едва не пропустилъ совсѣмъ еще одного изъ числа жившихъ въ домѣ отца моего, въ качествѣ чего не припомню, кажется въ качествѣ старшаго ветерана на покоѣ. Это былъ дѣйствительно старый ветеранъ,—Исай Семеновичъ, сухой и бодрый старикъ, средняго роста, съ котлетообразными бакенбардами, безъ усовъ. Кажется, онъ служилъ въ Фанагорійскомъ полку; знаковъ отличій было у него съ дюжину: и очаковская медаль, и георгіевскій крестъ, и не помню что еще, но много, много медалей. И. С. дѣлалъ съ Суворовымъ если не всѣ, то большую часть походовъ; участвовалъ въ походѣ 1799 г. въ Италію и въ Швейцарію. Исай Семеновичъ любилъ дары Вакха, и знаки отличія рѣдко украшали грудь старага ветерана, находясь большею частію у какого нибудь шинкаря, въ обезпеченіе долга. Бѣдный будочникъ „ворона“ нерѣдко подвергался побоямъ отъ стараго забіяки; но лишь однажды, когда тотъ прибилъ его уже очень исправно, рѣшился явиться съ жалобой къ отцу моему. Куда дѣвался Исай—рѣшительно не помню.

Изъ числа лицъ, посѣщавшихъ отца, память прежде всего рисуетъ мнѣ колоссальный образъ главнаго доктора Павловской больницы, Ильи Богдановича Охерналя. Это былъ плотный господинъ, вершковъ 12, если не болѣе, ростомъ, среднихъ лѣтъ. Нѣсколько лѣтъ онъ былъ постояннымъ медикомъ моего отца и, какъ я слышалъ, спасъ меня отъ смерти, когда мнѣ было около шести недѣль. Спасеніе мое приписывалось назначенной имъ ваннѣ изъ теплой воды съ примѣсью извѣстнаго количества мадеры. Убѣжденіе, что я обязанъ спасеніемъ вину, повело къ тому, что съ ранняго дѣтства, какъ я запомню, мнѣ за обѣдомъ давалась рюмка легкаго вина. Говорили, что лѣтъ до двухъ я очень боялся Охерналя, потому что онъ совершилъ надо мною операцію оспопрививанія. Впослѣдствіи я къ нему привыкъ и полюбилъ его.

Отецъ мой иногда подшучивалъ надъ опасливостью и излишнею осто-

рожностью почтеннаго Ильи Богдановича, храбрость котораго, повидимому, не была пропорціональна его тѣлосложенію. Онъ, напр., съ опасеніемъ переѣзжалъ на лодкѣ черезъ рѣку, которая обыкновенно въ этомъ мѣстѣ была такъ мелка, что не могла бы никакъ поглотить такого гиганта: вода не достала бы ему и до пояса; отъ перевоза никогда не приходилъ къ намъ одинъ, но въ сопровожденіи мальчика лѣтъ 12—13, котораго бралъ съ собой „на всякій случай“. Оговариваюсь, что вышесказанное не есть мое мнѣніе объ Охерналѣ, а лишь отголосокъ слышаннаго.

Послѣ Охерналя первый изъ числа посѣщавшихъ отца моего И. И. Дмитріевъ: я помню его уже, бывъ еще пятилѣтнимъ ребенкомъ, но видавъ его несравненно рѣже, не могъ такъ твердо запомнить. Какъ теперь смотрю на его высокую, величавую фигуру, на его спокойное, умное лицо, внушавшее уваженіе. Онъ былъ всегда ровенъ, нельзя сказать сдержанъ, нѣтъ, но сдержанность и самообладаніе настолько выработали его характеръ, настолько сдѣлались его второю природою, что въ преклонныхъ лѣтахъ онъ, кажется, не имѣлъ уже надобности себя сдерживать. Въ двухъ случаяхъ я коснусь еще этого, а теперь возвращусь къ его наружности, которой далеко еще не описалъ. Черепъ Дмитріева, хорошо развитый, былъ почти совершенно обнаженъ, и И. И. носилъ густой парикъ, сѣдой, но не бѣлый, съ короткими, зачесанными кверху, волосами надо лбомъ и приглаженными впередъ на вискахъ. Цвѣтъ лица его былъ немного красноватъ, глаза сѣро-голубые, умные, холодные; Дмитріевъ имѣлъ привычку прищуривать одинъ глазъ, чтобы по возможности скрыть косоглазіе, довольно сильное, что видно на портретѣ, рисованномъ Тончи. Живописный портретъ Дмитріева, работы Кинеля, въ свое время навѣрно былъ очень похожъ. Носъ И. И. былъ великъ, но недурной формы; губы тонки и нѣсколько сжаты. Держался онъ прямо и сановито, но безъ всякой натяжки. Одѣвался онъ тщательно, просто; чаще всего можно было видѣть его во фракѣ сѣраго цвѣта, точнѣе—грифельнаго. Звѣзды носилъ онъ, какъ и всѣ тогда, постоянно.

Такова была внѣшность Дмитр. Въ свое время онъ пользовался значительною литературною извѣстностью, съ полнымъ на то правомъ, весьма несправедливо теперь оспариваемымъ. Всякій безпристрастный цѣнитель, стоя на исторической почвѣ, согласится со мною, зная, въ какое время началъ свое литературное поприще Дмитріевъ, и какъ писали его современники, по крайней мѣрѣ большинство. „Чужой толкъ“, „Модная жена“ и т. д. и теперь еще не покажутся безпристрастному читателю слишкомъ устарѣвшими. Оды его — другое дѣло.

Описывая наружность Дмитріева, я забылъ упомянуть о томъ, что гдѣ-то въ журналѣ, лѣтъ за 15 или больше, было сказано, что онъ былъ рябъ. М. А. Дмитріевъ возражалъ на это, возстановляя истину. И. И. не былъ рябъ, но М. А. былъ дѣйствительно нѣсколько рябоватъ.

Ив. Ив. служилъ въ военной службѣ до капитанскаго чина, потомъ родъ службы его измѣнился. При Александрѣ 1-мъ онъ занималъ нѣкоторое время должность министра юстиціи, а потомъ былъ сдѣланъ сенаторомъ.

Отецъ мой представлялъ меня не всѣмъ своимъ роднымъ: я не былъ представленъ даже Ивану Петровичу Бекетову, родному брату моего отца. Я тогда былъ еще малъ, и вѣроятно отецъ надѣялся представить меня впослѣдствіи, но И. П. былъ домосѣдъ, и потому ли, по другой ли причинѣ во второй разъ уже не былъ у отца, хотя жили они съ небольшимъ въ двухъ верстахъ И. П. лицомъ былъ похожъ нѣсколько на моего отца, но лицо его было краснѣе. Вотъ все, что я помню о его наружности.

Вначалѣ я упомянулъ о братьяхъ моего отца въ двухъ-трехъ словахъ; теперь слѣдовало бы описать ихъ, насколько нужно, но прежде чѣмъ приступлю къ этому, скажу нѣсколько словъ о моемъ дѣдушкѣ съ отцовской стороны и вообще о томъ и о тѣхъ, о комъ нахожу нелишнимъ.

Отецъ мой никогда не распространялся о своей родословной и только, т. ск., случайно упомянулъ однажды, что однимъ изъ стрѣлецкихъ сотниковъ, посланныхъ довершить покореніе Сибири по смерти Ермака, былъ родоначальникъ Бекетовыхъ „Баимъ“, (а онъ Петръ) какъ сказано было гдѣ то. Баимомъ называли его сибирскіе татары и другіе инородцы. Отсюда Бекетовы. Отецъ моего отца, Петръ Аѳанасьевичъ, вышелъ въ отставку съ чиномъ полковника, за ранами: въ семилѣтнюю войну ему пулею раздробило руку, если не ошибаюсь— правую. Онъ женился на дворянкѣ Репьевой, которая, подаривъ ему сына, моего отца, скончалась. П. А. вступилъ во второй бракъ съ Ириною Ивановною Мясниковою, дочерью колоссально богатаго заводчика, имѣвшаго до 80 т. душъ крестьянъ и заводовъ. Отсюда громадное состояніе Бекетовыхъ, которое дробясь еще обогатило многихъ. Отцу моему богатство это, до него не коснувшееся, было источникомъ многихъ неудобствъ. Сестры И. И. вышли замужъ: Екатерина Ивановна за Г. Козицкаго, а овдовѣвъ—за князя Бѣлосельскаго.

У П. А. былъ братъ, Никита Аѳанасьевичъ, очень красивый молодой человѣкъ. Онъ обратилъ было на себя благосклонное вниманіе императрицы Елисаветы, но по разсказу . . . . . .

Впослѣдствіи онъ былъ сдѣланъ астраханскимъ губернаторомъ.

У отца моего въ числѣ портретовъ былъ и его; онъ былъ, какъ и другіе, писанъ масляными красками, довольно плохо. На груди былъ шовъ въ $^3/_4$ вершка длиною. „Отчего это?“ спросилъ я однажды отца. „Вотъ отчего, сказалъ онъ: Пугачевъ съ своими шайками пришелъ въ имѣніе дяди Отраду, за Сарептою, и расположился въ его домѣ. Увидѣвъ портретъ, онъ подошелъ къ нему, посмотрѣлъ и сказавъ: „человѣкъ то онъ недурной, да другъ Орловыхъ!“—вынулъ саблю и прокололъ портретъ“.

Объ Иринѣ Ивановнѣ Бекетовой я уже упомянулъ вначалѣ моего разсказа. Къ ней отецъ мой ѣздилъ часто, если не ежедневно; тамъ видался онъ съ братьями и иногда, вѣроятно, и съ другими родственниками. Выѣзжалъ онъ постоянно. Не помню, была ли больна И. Ив., или кончила существованіе просто физіологическимъ актомъ угасанія, какъ угасаетъ лампада, изъ которой выгорѣло все масло, но отецъ привезъ однажды извѣстіе о ея кончинѣ. Между братьями моего отца долженъ былъ произойти раздѣлъ, и посредникомъ (медіаторомъ, какъ выражались тогда) былъ избранъ мой отецъ, какъ человѣкъ честный и безпристрастный. Раздѣлъ не обошелся безъ нѣкоторыхъ непріятностей. Наслѣдство было значительно: около 15 т. душъ крестьянъ и два завода: мѣдиплавильный и желѣзодѣлательный, дававшіе дохода, по тогдашнему счету на ассигнаціи, приблизительно по полумилліону; къ нимъ приписано было по нѣскольку тысячъ заводскихъ рабочихъ; кромѣ того, дома, значительное количество мѣди, много серебра, цѣнныхъ вещей и около милліона наличныхъ денегъ.

Заводы слѣдовало раздѣлить, но кому какой? Иванъ Петровичъ, ясно понимая превосходство мѣднаго завода надъ желѣзнымъ, желалъ бы получить первый, но желать было недостаточно, нужно было устроить такъ, чтобы П. П. предпочелъ мѣдному заводу желѣзный. Этотъ послѣдній по бумагамъ могъ казаться пожалуй и выгоднѣе, и И. П. надѣялся, что братъ, не отличавшійся особенною проницательностью, увлечется и выберетъ желѣзный. На дѣлѣ вышло не такъ: П. П., несмотря на все своенравіе и упорство, вѣроятно по совѣту людей, понимавшихъ дѣло, выбралъ мѣдный заводъ. Для И. П. это было громовымъ ударомъ: онъ былъ, какъ говорили, дотого увѣренъ въ томъ, что заводъ этотъ достанется ему, что приписалъ къ нему нѣсколькихъ человѣкъ, которыми дорожилъ. Это было крайней неосторожностью со стороны такого умнаго человѣка и могло имѣть вліяніе на выборъ, показавъ П. П., что братъ считаетъ одинъ изъ заводовъ какъ бы своимъ. Какъ бы то ни было, фактъ совершился, и И. П., обманувшемуся въ разсчетахъ, пришлось еще просить и долго просить П. П. о позволеніи отписать отъ завода людей, такъ неосторожно къ нему прикрѣпленныхъ. П. П. не скоро согласился, но наконецъ уступилъ.

Далѣе раздѣлъ шелъ довольно мирно и безъ всякихъ столкновеній, исключая того момента, когда дѣло дошло до конверта съ билетами и деньгами, содержаніе котораго превышало сумму 900 т. р. Тутъ произошелъ довольно странный скандалъ, свидѣтелями которому—привлеченные криками—сдѣлались мой отецъ и еще нѣсколько человѣкъ, кто именно—не припомню, за исключеніемъ Круглова, бывшаго у Ирины Ивановны однимъ изъ довѣренныхъ лицъ, чѣмъ то вродѣ адвоката. При входѣ отца моего, Ив. и П. П., тянувшіе пакетъ

изъ рукъ одинъ у другаго, устыдясь выпустили его, и онъ упалъ на столъ. Раздѣлъ наконецъ пришелъ къ окончанію, и отецъ мой за свое посредничество получилъ подарокъ отъ братьевъ: двѣ тысячи серебряныхъ рублей.

Положеніе дѣлъ моего отца въ это время было печальное: состояніе его отъ матери и отца, простиравшееся до 900 душъ, теперь заключалось въ одномъ имѣніи, не припомню Пензенской губерніи или Симбирской, обремененномъ долгами.... Садъ въ Симбирскѣ, дававшій прежде 800 р. дохода, давалъ теперь лишь 25. Затѣмъ дача, библіотека, около 6 т. томовъ, не очень большое собраніе хорошихъ эстамповъ, да на нѣсколько тысячъ золотыхъ и серебряныхъ вещей—вотъ все, чѣмъ обладалъ въ это время мой отецъ. Кромѣ долговъ, лежавшихъ на имѣніи, отецъ былъ долженъ еще по заемнымъ письмамъ. Почти все упомянутое имущество отца моего было мертвымъ капиталомъ, оставаясь въ рукахъ его, а продать дачу, напримѣръ, онъ не желалъ, какъ свое, т. ск., созданіе и съ тѣмъ вмѣстѣ тихое убѣжище, которое естественно дорого старику, утомленному жизнью и желающему остатокъ дней провести въ своемъ старомъ привычномъ гнѣздѣ. Извѣстная Екатерина Владиміровна Новосильцова предлагала черезъ кого-то отцу уступить ей дачу за 25 т. р. асс., что съ лажемъ составляло въ то время болѣе 30 т. Отецъ отклонилъ предложеніе, сказавъ, что желалъ бы здѣсь кончить дни. Съ библіотекою отецъ не разстался бы безъ самой вопіющей крайности, да и нелегко продавать библіотеку: купить ее всю почти невозможно найти охотника; по частямъ—но тогда выберутъ лучшее, а остальное придется продавать едва ли не на вѣсъ. Оставались эстампы: правда, тогда любителей было болѣе, нежели теперь (я не говорю—знатоковъ), но и тутъ было бы то же, что съ книгами. Золотыхъ и серебряныхъ вещей у отца было немного, и продажею ихъ нельзя было ни поправить дѣлъ, ни существовать: этого не достало бы и на годъ. Итакъ, положеніе дѣлъ моего отца было плохо, очень плохо. Не знаю, перешло ли послѣднее имѣніе отца моего въ частныя руки за долгъ, было ли продано съ аукціона, но отецъ его лишился. Чтобы жить чѣмъ нибудь, онъ рѣшился прибѣгнуть къ займу, разумѣется съ обезпеченіемъ, и занялъ у Г. Г. В. нѣсколько тысячъ рублей, сколько именно—не припомню, обезпечивъ долгъ своимъ собраніемъ эстамповъ. Теперь, я увѣренъ, сдѣлать это было бы труднѣе. Такъ, на нѣсколько времени, конечно ненадолго, отецъ получилъ средства къ жизни.

Пора мнѣ возвратиться къ разсказу о самомъ себѣ, но впослѣдствіи я скажу, возможно короче, отчего произошло разстройство дѣлъ отца.

Вскорѣ послѣ прочтенія моего четверостишія о Зюльмѣ Дмитріевымъ, я получилъ въ подарокъ отъ Мих. Ал. русскую грамматику, новѣйшую и въ то время лучшую, съ слѣдующею надписью, сдѣланною рукою М. Алекс:

„Учись, познай языкъ обширныя державы:
Въ немъ Русскому открытъ источникъ новой славы.
Какъ знать, куда ведетъ тебя сей первый шагъ?
Быть можетъ, нѣкогда, слоговъ и буквъ читатель
Къ несчастью ль, къ счастію ли ты будешь и писатель.
Прими же опытный совѣтъ мой въ сихъ строкахъ.
Не бойся критиковъ; быть критикомъ—страшися:
Два слова истины опаснѣе стократъ
Чѣмъ злоба зависти, иль ненависти ядъ.
Для дружбы, для себя, въ молчаніи трудися,
И знай, что потонуть забвенія въ рѣкѣ
Спокойнѣе, чѣмъ быть у всѣхъ на языкѣ.“

Ив. Ив. подарилъ мнѣ томъ своихъ стихотвореній, прекрасно изданныхъ, въ хорошемъ переплетѣ, съ надписью: „милому Сашенькѣ“. „Литературный успѣхъ“ придалъ мнѣ новое усердіе къ занятіямъ стихотворствомъ, и въ свободное время я неутомимо кропалъ стихи. Время отъ времени отецъ спрашивалъ меня самъ объ новыхъ моихъ произведеніяхъ, иногда я приносилъ ему мои вирши самъ и читалъ усердно, стараясь придать выраженіе моему маранью. Отецъ, снисходительно и терпѣливо выслушавъ мое чтеніе, говорилъ обыкновенно: „ну, продолжай, продолжай, совершенствуйся“, или просто: „продолжай, продолжай“. Иногда впрочемъ прибавлялъ: „ну, хорошо, хорошо, продолжай“.

Учился я прилежно и — скажу безъ ложной скромности — успѣшно. Французскому языку только учился я не совсѣмъ-то охотно и безъ большаго успѣха, хотя училъ ему меня самъ отецъ, или, лучше сказать, именно потому, что онъ ему училъ меня. Отецъ зналъ языкъ этотъ въ совершенствѣ, со всѣми тончайшими оттѣнками, но что касается до умѣнья преподавать, оно далеко не равнялось у него знанію языка: преподавалъ онъ положительно плохо. Между тѣмъ мой почтенный наставникъ Воскресенскій получилъ выгодное мѣсто по своей спеціальности землемѣра и отправился туда. Онъ былъ замѣненъ другимъ, и замѣнъ этотъ былъ для меня благотворенъ.

Еще прежде этого замѣна отецъ пригласилъ давать мнѣ уроки рисованія Александра Петровича Некрасова, живописца, который уже прежде работалъ для отца: писалъ ему образа, написалъ съ меня два портрета, и т. д. Некрасовъ былъ живописецъ посредственный, но для начала и его было достаточно. Я уже рисовалъ и до него самостоятельно, и во мнѣ замѣчали очень порядочныя способности. Теперь началось уже ученье, болѣе или менѣе правильное. Я занялся имъ съ большимъ усердіемъ, съ жаромъ, и вскорѣ наставникъ мой, скупой на похвалы и выражавшій ихъ почти всегда въ отрицательной формѣ, напр.: „да, не гнусно! не совсѣмъ отвратительно!“ и т. п.—началъ

изрѣдка выражать ихъ въ формѣ положительной, хотя крайне сдержанно: „а вѣдь это пожалуй, можно сказать, изрядно, почти хорошо“, и т. п. Господинъ онъ былъ мало образованный и развитой еще менѣе, но любилъ чтеніе романовъ и относился къ нимъ строго, хотя не всегда вѣрно критически. Былъ онъ человѣкъ средняго роста и лѣтъ, съ кирпично-рыжими волосами, и всегда почти плохо выбритой бородой; одѣвался плохо. Онъ-то рекомендовалъ моему отцу новаго для меня учителя. Это былъ Иванъ Васильевичъ Богдановъ, чиновникъ дворцовой конторы или, какъ называли тогда, кремлевской экспедиціи. Человѣкъ онъ былъ лѣтъ 35-ти, хорошаго средняго роста, брюнетъ, съ красивымъ и, т. ск., степеннымъ лицемъ, съ мыслящимъ и добродушнымъ выраженіемъ, и пріятными темными глазами. Образованіе его было довольно основательное: онъ былъ семинаристомъ, а потомъ, кажется, студентомъ московскаго университета. Извѣстно, что изъ семинарій, лѣтъ за 50 тому назадъ, выходили люди лучше подготовленные, нежели въ ближайшее къ намъ время. Я говорю вообще: исключенія конечно есть всегда и вездѣ. Французскимъ лишь языкомъ Богдановъ владѣлъ очень плохо, за недостаткомъ какъ подготовки, такъ и практики.

Занятія мои съ нимъ пошли лучше, нежели съ Воскресенскимъ, какъ потому, что преподавалъ онъ несравненно лучше и серьезнѣе, такъ и потому, что я болѣе ему симпатизировалъ. При немъ и литературныя мои занятія пошли лучше: я показывалъ ихъ Богданову, онъ оцѣнивалъ ихъ критически, поправлялъ, давалъ мнѣ дѣльные совѣты.

Я не упомянулъ еще о томъ, что отецъ мой по смерти мачихи, вдругъ, послѣ раздѣла, пересталъ выѣзжать и сдѣлался совершеннымъ домосѣдомъ. Причиною было отчасти то, что теперь онъ не могъ видаться, какъ прежде, съ братьями и родными въ одномъ мѣстѣ. Но вѣроятно еще болѣе вліяло на это прекращеніе выѣздовъ дурное положеніе дѣлъ. Сколько помню, отецъ не говорилъ этого, но впослѣдствіи я сталъ догадываться, что онъ ожидалъ при раздѣлѣ, что братья, получая состояніе такое значительное и зная безвыходное положеніе его, догадаются удѣлить малую часть своихъ богатствъ на поддержаніе роднаго, хотя и не единоутробнаго брата. Они и удѣлили 2 т. рублей, но для поправленія дѣлъ отцу этого было недостаточно.

Отцу Богдановъ очень понравился; и сдѣлавшись домосѣдомъ, рѣдко кѣмъ либо посѣщаемый, онъ часто приглашалъ Богданова обѣдать, по окончаніи нашихъ занятій. Большею частію Богдановъ принималъ приглашеніе и лишь изрѣдка отказывался, ссылаясь на занятія служебныя.

Время отъ времени къ отцу моему пріѣзжалъ съ кипою книгъ Петръ Егоровичъ Котельниковъ, ремесломъ букинистъ, но, какъ говорили, занимавшійся кой-чемъ и другимъ: онъ состоялъ будто-бы агентомъ тайной полиціи. Былъ

ли онъ дѣйствительно или нѣтъ, не знаю, но впослѣдствіи, припоминая личность Котельникова, я не могъ не согласиться, что это по крайней мѣрѣ правдоподобно. Не могу не описать его наружности. Это былъ сухой, очень сухой человѣкъ, средняго роста, лѣтъ съ вида 45-ти, брюнетъ съ просѣдью. Лицо его было желтовато-смугло, морщинисто, густыя, темныя брови почти сходились, пронырливые глазки смотрѣли бойко и нахально изъ подъ нависшихъ бровей; орлиный сухой заостренный носъ спускался на впавшую верхнюю губу, а нижняя, сильно выдавшаяся, дѣлала его физіономію настоящ. casse-noisette; отъ носа и угловъ рта шли крупныя морщины. Когда-то этотъ господинъ былъ вѣроятно полонъ, потому что подъ заостреннымъ его подбородкомъ виднѣлись двѣ крупныя складки, намекавшія на былое существованіе двойнаго подбородка. Одѣтъ онъ былъ постоянно въ синій фракъ съ блестящими бронзовыми пуговицами. Бѣлье его постоянно было засыпано табакомъ и испещрено каплями коричневаго цвѣта, нерѣдко украшавшими острый кончикъ его носа. Таковъ былъ П. Е. Котельниковъ съ внѣшней стороны.

Духовныя качества его отчасти выражались уже на его физіономіи; онъ былъ хитеръ, лукавъ, дерзокъ, нахаленъ, хвастливъ, лживъ, не имѣлъ повидимому никакихъ убѣжденій, а еще менѣе вѣры. Когда-то онъ примыкалъ къ московскимъ масонамъ, но въ качествѣ чего? — этого я не могъ добиться ни отъ отца, ни отъ самого Котельникова. Всего вѣроятнѣе—въ качествѣ шпіона. Отецъ иногда спрашивалъ его о комъ нибудь изъ масоновъ, и почти всегда о Походяшинѣ, къ которому относился съ уваженіемъ, тогда какъ Котельниковъ едва удерживался отъ презрительныхъ насмѣшекъ надъ тѣмъ же лицомъ, вслѣдствіе того, что отецъ ему весьма серьезно сказалъ однажды, что въ его присутствіи проситъ П. Е. воздержаться отъ такихъ выходокъ. Извѣстно, что Походяшинъ, благоговѣя передъ извѣстнымъ масономъ Новиковымъ, отдалъ въ его распоряженіе почти все свое милліонное состояніе на дѣла благотворительныя и умеръ почти въ бѣдности, благоговѣйно созерцая портретъ Новикова, висѣвшій возлѣ его кровати.

Къ сожалѣнію я такъ смутно помню отрывочные разсказы Котельникова о масонахъ, что не могу ничего помѣстить, но лживость этого человѣка была такова, что вѣрить ему можно было лишь съ крайней осторожностью. Всѣ домашніе наши терпѣть его не могли и служили неохотно.

Теперь я долженъ упомянуть о двухъ человѣкахъ, которыми увеличилась прислуга отца. Одинъ былъ привезенъ еще изъ имѣнія, молодой крестьянинъ Лазарь, плотный, неуклюжій парень, притворявшійся нѣкоторое время глухимъ, чтобы избавиться отъ служительскихъ обязанностей. Другой, Козьма Іоновичъ Соколовъ, взятый отцомъ отъ П. П., который, прогнѣвавшись за что-то, хотѣлъ отправить Соколова на заводъ. Этотъ бросился къ отцу и умолялъ его изба-

вить отъ „каторги“. Отецъ выпросилъ его у брата, и на первое время Соколовъ велъ себя хорошо, ловко и расторопно исполняя всѣ порученія. Соколовъ по ремеслу былъ парикмахеръ и кажется недурной, но брался за все, что ему ни поручали. Это былъ человѣкъ лѣтъ уже подъ 60, но очень еще бодрый, проворный, крѣпкій, съ едва замѣтною просѣдью. Лицо его не отличалось никакими особенностями, но физіономія была недюжинная, по выраженію; — выработанное, сдержанное, не безъ примѣси нѣкотораго нахальства, но довольно хорошо замаскированнаго, лукавства, насмѣшливости, холодности; взглядъ зоркій и внимательный, губы тонкія; лицо всегда тщательно выбритое, моложавое. Таковъ былъ Соколовъ. Вскорѣ послѣ того, какъ началъ онъ считать себя довольно утвердившимся и пріобрѣвшимъ довѣріе, впрочемъ относительное, потому что отецъ зналъ его не съ лучшей стороны, онъ началъ обнаруживать одно за другимъ свои похвальныя качества. Ему поручено было (производить) покупать провизію для стола и другіе необходимые для домашняго употребленія предметы: онъ началъ отсчитывать себѣ за коммиссію процентовъ по 20, 30 и болѣе. Наконецъ отецъ вышелъ изъ терпѣнія и поручилъ другому покупки. С. поприсмирѣлъ, чувствуя, что Дамоклесовъ мечъ виситъ еще надъ его головою, и что стоитъ только отцу возвратить его П. П., — тотъ сошлетъ его на заводъ. Но довольно о Соколовѣ: я буду вынужденъ возвратиться къ нему еще не разъ.

Около этого же времени постояннымъ врачемъ отца моего сдѣлался случайно Ѳедоръ Даниловичъ Шнейдеръ. Помнится, что онъ былъ частнымъ лѣкаремъ Таганской части, но можетъ быть память меня и обманываетъ. Охерналь давно не посѣщалъ насъ, вслѣдствіе чего—не помню. Шнейдеръ былъ молодой человѣкъ пріятной наружности, хотя съ неправильными чертами, умный, дѣятельный, много читавшій. Онъ очень понравился моему отцу и часто бывалъ у насъ. Настала война съ турками. Однажды Шнейдеръ пріѣзжаетъ къ отцу, разстроенный, и со слезами на глазахъ говоритъ отцу: „прощайте, Платонъ Петровичъ! я ѣду въ Турцію!“ — „Какъ? почему?“ спросилъ отецъ, огорченный и изумленный этимъ неожиданнымъ отъѣздомъ. — „Вѣдь я казенно-коштный студентъ, вотъ и посылаютъ, и надобно ѣхать, продавать все: лошадей, мебель“. Отецъ изъявилъ искреннее сожалѣніе, но дѣлать было нечего. Мы разстались съ Шнейдеромъ, искренно огорченные. Даже прислуга сожалѣла его, потому что онъ былъ внимателенъ и гуманенъ, и я помню, какъ онъ однажды пускалъ кровь кому-то изъ больныхъ (что дѣлали тогда очень немногіе врачи); вообще былъ врачемъ, ничѣмъ не брезговавшимъ и не пренебрегавшимъ никого.

Какой нибудь гуманистъ-теоретикъ, прочтя предшествующія строки, можетъ сказать: „да это прямая обязанность врача, и нѣтъ тутъ никакой за-

слуги; поступать иначе—преступленіе". Совершенно вѣрно, да на дѣлѣ то мы видимъ и теперь очень нерѣдко, что врачи отворачиваются отъ такихъ больныхъ, отъ которыхъ нельзя ожидать приличнаго вознагражденія. Это теперь, когда безвозмездная помощь сдѣлалась дѣломъ обыкновеннымъ, а въ то время, т. е. за 45 лѣтъ назадъ, гуманный врачъ, увѣряю смѣло, встрѣчался очень, очень рѣдко

По отъѣздѣ Шнейдера врачемъ нашего дома сдѣлался Иванъ Алексѣевичъ Воскресенскій, красивый, высокій, еще молодой человѣкъ, знающій свое дѣло и имѣвшій большую практику.

Я невольно опять забѣжалъ впередъ и долженъ воротиться: живо помню, какъ интересовало меня греческое возстаніе, но не изъ газетъ, а по брошюрамъ о немъ, тогда выходившимъ; какъ сейчасъ гляжу на портреты героевъ борьбы за независимость: Канариса, Боцарма, Колокотрони, Мавромихали и другихъ. Помню, какъ волновалъ меня разсказъ о геройской защитѣ и славной гибели жителей Миссолонги. Помню битву Наваринскую, даже нѣкоторыя подробности.

Турецкая кампанія также мнѣ памятна, но такъ какъ объ ней я могъ узнавать лишь изъ газетъ, то помню главныя событія и одну только подробность: то, какъ в. князь Михаилъ Павловичъ, при осадѣ Шумлы, желая поближе осмотрѣть крѣпость, взялъ ружье у часоваго и сталъ на его мѣсто. Нѣсколько минутъ в. к. внимательно смотрѣлъ на укрѣпленія, потомъ отдалъ ружье солдату и пошелъ было прочь, какъ вдругъ часовой упалъ мертвымъ, пораженный ружейною пулею.

Ясно помню портреты Паскевича, Дибича: перваго съ глазами, поднятыми вверхъ, другаго съ умнымъ, но некрасивымъ лицомъ; но изъ событій войны ничто особенно рѣзко не выдѣляется. Но разсказъ объ убійствѣ Каподистрія помню очень хорошо, можетъ быть потому, что слышалъ его и слушалъ со вниманіемъ, какъ И. И. Дмитріевъ, лично знавшій Каподистріо, разсказывалъ отцу объ его смерти.

Въ памяти моей сохранилось многое, чего я не могу никакъ отнести къ извѣстному времени; такъ напримѣръ, когда въ первый разъ видѣлъ я Балашова, и въ этотъ ли или только во второй—отецъ меня представилъ ему, но помню живо слова отца: „mon fils," сказалъ онъ, подводя меня къ Ал. Дм., и прибавилъ: „единственный товарищъ мой въ уединеніи". Балашовъ погладилъ меня по головѣ, сказавъ протяжно: „хорошо, хорошо!" Помню какъ нельзя яснѣе его лицо, умное, энергическое; помню, что онъ былъ въ генеральскомъ мундирѣ, въ эполетахъ, красной лентѣ, звѣздахъ и орденахъ. Ростомъ онъ былъ невеликъ, плотенъ.

Помню, но не такъ ясно, Сергѣя Сергѣевича Кушникова: его я видѣлъ

лишь за нѣсколько шаговъ, при входѣ въ залъ: онъ былъ высокъ, много выше отца, совсѣмъ сѣдъ, безъ усовъ, какъ и Балашовъ, тоже въ мундирѣ, генеральскихъ эполетахъ, синей лентѣ, звѣздахъ и орденахъ. Отецъ ему меня не представлялъ, не знаю почему.

Къ какому времени относится то и другое—рѣшительно не припомню: не могу вспомнить также и того, когда пріѣзжалъ къ отцу Бантышъ-Каменскій, но совершенно ясно помню то, что при входѣ въ залъ, встрѣченный моимъ отцомъ, онъ, будучи ростомъ ниже отца, былъ закрытъ имъ отъ меня, и потому о его наружности я могу сказать лишь то, что онъ былъ нѣсколько ниже средняго роста, помнится, довольно плотенъ, лѣтъ среднихъ—вотъ и все. Но помню, что онъ разсказывалъ отцу о разрытіи, по его приказанію, могилы Меньшикова, или по крайней мѣрѣ могилы, считавшейся за ту, гдѣ погребенъ А. Д. Меньшиковъ. Помню ясно даже цвѣтъ матеріи, кусокъ которой Бантышъ-Каменскій отрѣзалъ отъ платья того, кого признавалъ за Меньшикова. Матерія была буролиловатаго цвѣта, тонкая, помнится, похожая на камлотъ. Послѣ я слышалъ, что Б. К. получилъ строгій выговоръ за разрытіе могилы. По словамъ Б. К., тѣло того, кого онъ признавалъ за Меньшикова, хорошо сохранилось, что и неудивительно при тамошнихъ морозахъ и постоянно мерзлой отъ нихъ почвѣ, на извѣстной глубинѣ, т. е. на той, гдѣ находился гробъ съ тѣломъ.

Точно также не могу припомнить, когда былъ у отца его сослуживецъ по гвардіи, князь Горчаковъ, человѣкъ очень старый, небольшаго роста, въ коричневомъ фракѣ. Они разговорились о старинѣ, и Горчаковъ (къ сожалѣнію, имени его не припомню) между прочимъ припомнилъ отцу разсказъ о видѣніи императрицы Анны Іоанновны, гдѣ-то имъ читанный, и съ которымъ онъ въ чемъ-то былъ несогласенъ; въ чемъ именно, я не припомню, но ясно помню его собственный разсказъ: отецъ Горчакова былъ въ это время во дворцѣ въ караулѣ; онъ былъ тогда еще сержантомъ. Въ полночь, или немного раньше, часовой, стоявшій у тронной залы, увидѣлъ императрицу, вошедшую въ залу; она начала ходить по ней. Удивленный часовой не зналъ что подумать о такомъ несвоевременномъ появленіи государыни. Было извѣстно, что она не совсѣмъ здорова и уже легла въ постель. Вскорѣ появился дежурный офицеръ; обходя часовыхъ и услышавъ о появленіи императрицы, посмотрѣлъ въ залу и, увидѣвъ ее, поспѣшилъ доложить о томъ Бирону, который въ свою очередь поспѣшно пришелъ, посмотрѣлъ и отправился къ императрицѣ. Наскоро одѣвшись и приказавъ взводу солдатъ зарядить ружья и слѣдовать за нею, императрица, въ сопровожденіи Бирона, офицера, командовавшаго взводомъ солдатъ, и еще кого-то, вошла въ тронную залу и обратилась къ своему двойнику съ вопросомъ: „кто ты?“ Двойникъ сидѣлъ уже въ это время на тронѣ. Не получивъ отвѣта на вопросъ, повторивъ его еще два раза, императрица обратилась

къ солдатамъ и приказала стрѣлять въ свой двойникъ, но едва тѣ успѣли приложиться, какъ призракъ, поднявъ руки и положивъ ихъ себѣ на голову, исчезъ. Осмотрѣли тронъ, но не нашли ничего, что могло бы объяснить исчезновеніе человѣка, который игралъ бы роль призрака. „Говорили, прибавилъ Горчаковъ, что императрица удаляясь сказала: „это смерть моя.“ Она дѣйствительно скончалась нѣсколько ..... спустя, и можетъ быть видѣніе и произведенное имъ впечатлѣніе еще ускорили ея кончину. Кн. Горчаковъ, отецъ разсказывавшаго, былъ, сколько помню, при взводѣ, сопровождавшемъ государыню. Я очень давно ничего не читалъ объ этомъ видѣніи, но читалъ когда-то не разъ, и, сколько помню, разсказъ кн. Горчакова мало разнится съ другими разсказами о томъ же.

Съ тѣхъ поръ какъ отецъ мой сдѣлался домосѣдомъ, я, конечно въ свободное отъ уроковъ и ихъ приготовленія время, бѣжалъ къ нему, и если онъ не былъ ничѣмъ занятъ, мы бесѣдовали съ нимъ, о чемъ могли — старикъ за шестьдесятъ пять лѣтъ съ восьми или десятилѣтнимъ ребенкомъ, но бесѣдовали и иногда долго.

Къ глубокому сожалѣнію моему, память сохранила немного разсказовъ моего отца въ такомъ видѣ, чтобы я могъ помѣстить ихъ въ мою автобіографію; большею частію это лишь отрывки, крайне запутанные, которые рѣшительно невозможно возстановить и освѣжить, какъ старую, совсѣмъ почти стертую, картину.

Припоминаю, что отецъ, по поводу ли прочтенныхъ газетъ или книги, начиналъ иногда разсказывать что нибудь. Вотъ два разсказа, которые были вызваны такимъ же образомъ и сохранились въ памяти моей удовлетворительно. По поводу газетнаго извѣстія о поимкѣ какихъ-то разбойниковъ, отецъ мой началъ мнѣ разсказывать о разбояхъ вначалѣ царствованія Екатерины II-й. Разбойничество развито было въ то время сильно, а преслѣдованіе его очень затруднительно, по недостатку путей сообщенія, малочисленности и разбросанности войскъ, громадности разстояній и обширности лѣсовъ. Разъ отецъ мой, еще мальчикъ лѣтъ 11-ти, поѣхалъ съ своимъ отцомъ и мачихою въ гости къ помѣщикамъ Путиловымъ, двумъ братьямъ холостякамъ, еще не старымъ. На обратномъ пути въ Симбирскъ, гдѣ П. А. былъ уже тогда (кажется) комендантомъ, они при въѣздѣ въ лѣсъ встрѣтились съ семью или 8-ю кибитками, наполненными людьми, вооруженными рогатинами, ружьями, саблями и т. п. Это были разбойники. П. А. Бекетова, человѣка въ то время уже очень богатаго, окружала многочисленная, хорошо вооруженная свита; она состояла изъ 12 гусаръ, набранныхъ изъ плѣнныхъ польскихъ конфедератовъ (ихъ раздавали сановникамъ, такъ же какъ калмыковъ), и 12 казаковъ изъ дворовыхъ людей. Тѣ и другіе были вооружены, какъ слѣдовало этому роду кавалеріи. Кромѣ

того было еще немало дворовыхъ, поваровъ и пр., тоже не безъ оружія. Разбойники, встрѣтясь такъ неожиданно съ многочисленною толпою вооруженныхъ людей, посторонились и дали проѣхать уже всѣмъ экипажамъ, за исключеніемъ повозки съ кухонными принадлежностями, слѣдовавшей сзади. Разбойничьи кибитки пронеслись, и одна изъ нихъ зацѣпила колесомъ за колесо повозки съ кухнею. Конвойный казакъ, увидѣвъ это, ударилъ нагайкою разбойника, правившаго кибиткою. „Проваливай, проваливай! спокойно сказали разбойники,— свита-то не по насъ!“ Разъѣхались, а на другой день узнали слѣдующее:

Разбойники ѣхали именно къ тѣмъ Путиловымъ, у которыхъ были въ гостяхъ Бекетовы, приглашенные туда пріемышемъ одного изъ братьевъ. Пріемышъ этотъ, мальчикъ лѣтъ 14 или 15-ти, оказался возрастая шалуномъ, повѣсой, а потомъ уже рѣшительно негодяемъ. Испытавъ мѣры кротости, Путиловъ, видя ихъ совершенную безуспѣшность, вышелъ наконецъ изъ терпѣнія и высѣкъ мальчика. Этотъ скрылся и черезъ нѣсколько времени привелъ разбойниковъ. Дѣло было къ вечеру; уже смеркалось. Разбойники, не встрѣчая сопротивленія, окружили домъ. Одинъ изъ Путиловыхъ былъ въ саду, или успѣлъ туда спастись; другой, ружейный охотникъ, ушелъ наверхъ, въ комнату, гдѣ помѣщался его арсеналъ. Съ нимъ же ушелъ было туда каменщикъ или печникъ, у него работавшій, заявляя желаніе съ нимъ вмѣстѣ защищаться, но Путиловъ не принялъ отъ него великодушной жертвы и уговорилъ спасаться, пока есть еще время. Можетъ быть онъ подозрѣвалъ измѣну. Тотъ спустился, кажется, изъ окна на веревкѣ и спасся. Путиловъ, имѣвшій много оружія и снарядовъ, сталъ надъ лѣстницею съ двухствольнымъ ружьемъ и пистолетами, рѣшившись встрѣтить нападающихъ и дорого продать жизнь. На узкой лѣстницѣ, ведшей въ оружейную комнату, появился пріемышъ его, сопровождаемый двумя разбойниками. Путиловъ встрѣтилъ ихъ мѣткими выстрѣлами и положилъ всѣхъ троихъ. Другіе разбойники, видя его рѣшимость и мѣткость выстрѣловъ, не рѣшились возобновить нападенія. Онъ баррикадировалъ лѣстницу и подошелъ къ окну. Разбойники стрѣляли въ него, но не попадали, а Путиловъ, отличный стрѣлокъ, ранилъ и убилъ еще четверыхъ или пятерыхъ. Разбойники, разграбивъ домъ, начали уговаривать Путилова сойти, увѣряя, что не сдѣлаютъ ему зла. Онъ отвѣчалъ выстрѣлами. Тогда разбойники зажгли домъ, и Путиловъ погибъ въ пламени, или застрѣлился — навѣрно неизвѣстно, потому что, когда огонь достигъ оружейной, раздалось нѣсколько выстрѣловъ изъ нагрѣвавшагося оружія. Вѣроятнѣе, что онъ задохнулся отъ дыма, потому что еслибы онъ въ самомъ дѣлѣ застрѣлился, то послышался бы прежде одинокій выстрѣлъ.

Другой братъ могъ бы спастись, но не слыша болѣе ни стрѣльбы, ни шума, заключилъ, что разбойники уже уѣхали, покинулъ свое убѣжище и былъ схва-

ченъ разбойниками. Они долго жарили его на медленномъ огнѣ, допытываясь, не спрятаны ли гдѣ нибудь деньги или дорогія вещи, въ саду или подпольяхъ. Несчастный Путиловъ погибъ въ ужасныхъ мученіяхъ.

Этотъ разсказъ относится, кажется, къ эпохѣ Пугачевской. Другой разсказъ отца моего о разбойникахъ относится къ позднѣйшему времени: отецъ былъ тогда уже человѣкомъ взрослымъ. Вѣроятно онъ пріѣзжалъ къ роднымъ въ отпускъ изъ Петербурга. Разсказъ этотъ, помню живо, былъ вызванъ разговоромъ о неосторожномъ обращеніи съ порохомъ. Неподалеку отъ Симбирска или отъ имѣнія П. А. Бекетова,—послѣднее вѣрнѣе, — жила старушка помѣщица, Марья Ивановна Стрѣлкова; женщина небогатая, но очень бережливая, она скопила около 20 т. рублей и изъ предосторожности держала деньги въ видѣ мѣдной монеты, которую не такъ легко увезти. Нужно прибавить, что тогдашняя мѣдная монета чеканилась такъ, что металломъ стоила дороже нарицательной цѣны своей. М. И. по недовѣрчивости не пускала денегъ въ оборотъ и не клала въ сохранную казну.

Однажды, вначалѣ ночи, въ отсутствіе Стрѣлковой, явилась къ ней въ имѣніе шайка разбойниковъ, числомъ около пятнадцати. Лица у всѣхъ были исправно вымазаны сажею. Какъ обыкновенно, ни крестьяне, ни дворовые не оказали ни малѣйшаго сопротивленія, но староста оказался исключеніемъ: преданный помѣщицѣ, смѣлый, атлетическаго сложенія, онъ попытался сопротивляться и отстоять барское добро отъ расхищенія. Безъ оружія, призывая на помощь, бросился онъ на одного изъ разбойниковъ, схватилъ и началъ душить. Разбойникъ не успѣлъ употребить въ дѣло оружія: такъ быстро и неожидано было нападеніе. Сдавленный могучими руками старосты, онъ захрипѣлъ и готовъ былъ упасть безъ чувствъ, а можетъ быть и безъ жизни, но одинъ изъ его товарищей успѣлъ во время приставить къ боку старосты ружье и выстрѣлить. Староста упалъ мертвымъ. . . . . .

Разбойники не успѣли поживиться многимъ: они увезли три или четыре воза мѣдной монеты, не больше. Предосторожность Стрѣлковой оказалась не безполезною. Разбойники впрочемъ очень спѣшили и не безъ основанія. Я уже сказалъ, что имѣніе Стрѣлковой находилось неподалеку отъ Бекетовскаго; тамъ узнали почему-то о нападеніи, сдѣланномъ разбойниками на усадьбу М. И., и распорядились немедленно послать туда отрядъ вооруженныхъ людей для отпора разбойникамъ и, если можно, ихъ поимки. Сборы начались поспѣшно: сѣдлали лошадей, заряжали оружіе. Отецъ мой пошелъ посмотрѣть туда, гдѣ заряжалось оружіе, и нашелъ, что нѣсколько человѣкъ, стоя около большаго стола, заряжали ружья и пистолеты. На столѣ была насыпана порядочная кучка пороха, въ нѣсколько фунтовъ, и горѣло двѣ или три свѣчи. Порохъ брали щепотьями, на глазъ, и сыпали въ дула. Отецъ былъ изумленъ той крайней неосторож-

ностью и безпечностью, съ какою обходились съ порохомъ, велѣлъ принести фонарей и распорядился дѣломъ съ большимъ порядкомъ.

Но когда посланные прибыли въ имѣніе Стрѣлковой, то уже не застали тамъ разбойниковъ, а нашли только слѣды грабежа и трупъ несчастнаго старосты, погибшаго жертвою вѣрности. Одинъ въ полѣ не воинъ!....

Впослѣдствіи сдѣлалось извѣстнымъ, что разбойники были дворовые люди Г.Г. Бобоѣдовыхъ, изъ которыхъ одинъ былъ въ это время уѣзднымъ судьею. Они сами предводительствовали шайкою. Это былъ не одиночный, хотя, къ счастію, и не часто повторявшійся на Руси случай „дворянскихъ“ разбоевъ. Нетрудно припомнить разсказы Г-жи Толычевой и др.

Отецъ мой любилъ собакъ и держалъ много разныхъ породъ, начиная отъ датскихъ и меделянскихъ (медіоланскихъ?) и кончая мопсами и шпицами. Говоря о собакахъ, ихъ привязанности къ человѣку и услугахъ, которыя они ему оказываютъ, нерѣдко даже спасаютъ ему жизнь, отецъ разсказалъ мнѣ случай, бывшій съ извѣстнымъ петербургскимъ генералъ-губернат., впослѣдствіи москов. оберъ-полиціймейстеромъ, при Екатеринѣ II, Архаровымъ.

Однажды, въ лѣтнюю ночь, Архаровъ, имѣвшій огромную датскую собаку, которая была при немъ почти безотлучно и ночевала въ его спальнѣ, проснувшись видитъ при слабомъ свѣтѣ начинающейся зари, что возлѣ его постели стоитъ человѣкъ, вооруженный длиннымъ ножомъ. Другой поспѣшно выбираетъ изъ комода или шифоньерки дорогія вещи и передаетъ въ отворенное окно третьему, стоявшему подъ окномъ. Собака спитъ подъ столомъ. Архаровъ съ свойственнымъ ему присутствіемъ духа закрылъ глаза и притворился спящимъ. „Вотъ, думалъ онъ, хорошъ вѣрный сторожъ, онъ спитъ себѣ преспокойно, въ то время какъ разбойники забираются въ спальню хозяина, грабятъ тамъ и въ заключеніе можетъ быть и зарѣжутъ меня!“

Прошло нѣсколько минутъ. Выбравъ что можно, разбойникъ вылѣзъ въ окно; тотъ, который стоялъ возлѣ Архарова, подошелъ также къ окну и занесъ уже ногу, какъ вдругъ собака выскочила изъ подъ стола, какъ тигръ бросилась на разбойника, схватила его за горло и ударивъ объ полъ, оставила замертво и бросилась въ окно. Послышались два крика; Архаровъ позвалъ прислугу; она сбѣжалась и нашла всѣхъ троихъ разбойниковъ замертво. Былъ ли кто изъ нихъ задушенъ, была ли ранена собака, не припомню.

Впослѣдствіи Архаровъ былъ вынужденъ отправить собаку эту въ ссылку за то, что она потрепала и едва не задушила любимую собачку императрицы Екатерины II.

Чтобы не возвращаться болѣе къ разбойникамъ и разбойничеству, прибавлю, что оно внушало такой страхъ, что въ губернскомъ городѣ Симбирскѣ нерѣдко подкидывались письма съ требованіемъ внести въ назначенное мѣсто

и время извѣстную сумму денегъ, съ угрозою, въ случаѣ неисполненія требованія,—сжечь домъ того, къ кому оно относилось. Нерѣдко требуемая сумма доставлялась по назначенію; нерѣдко также дома тѣхъ, кто рѣшался не исполнить разбойничьяго требованія, загорались, очевидно вслѣдствіе поджога. Это было при Екатеринѣ II. А флотилія на Волгѣ, спеціально назначенная для преслѣдованія разбойниковъ на Волгѣ, уничтожена по распоряженію правительства лишь въ.... году.

Въ страшную эпоху Пугачевщины отецъ мой былъ еще очень молодъ, ему было около 11 лѣтъ, но во всякомъ случаѣ и самъ онъ, конечно, кое-что помнилъ и, разумѣется, слышалъ много; но къ сожалѣнію, изъ разсказовъ его я не помню ничего настолько ясно, чтобы могъ привести что нибудь. Между тѣмъ, совершенно незначительный разсказъ бабушки моей, относящійся къ этому времени, уцѣлѣлъ какъ-то въ моей памяти. Она разсказала мнѣ однажды, что въ деревню, ея родину, явилась шайка пугачевскихъ разбойниковъ, что всѣ крестьяне были въ страхѣ за жизнь и имущество, частію разбѣжались и скрылись въ ближайшихъ лѣсахъ, частію спрятались, гдѣ кто успѣлъ. Одна крестьянская дѣвушка спряталась подъ опрокинутую кадку, но конецъ ленты, которая была вплетена въ ея косу, выставился изъ подъ кадки, и бабушка моя, дѣвочка лѣтъ семи, увидѣвъ кончикъ ленты, принялась тянуть ее. Дѣвушка шепотомъ просила бабушку отойти и спрятаться, грозя, что, если она этого не сдѣлаетъ, ихъ обѣихъ зарѣжутъ. Ленту она вытянула къ себѣ безъ труда изъ слабыхъ рукъ бабушки, которая послушалась и спряталась сама куда-то. Помнится, что сподвижники Пугачева не надѣлали въ этой деревнѣ особенныхъ бѣдъ.

Я уже сказалъ прежде, что одна изъ Мясниковыхъ вышла за Дурасова. Вслѣдствіе этого брака Дурасовы состояли въ свойствѣ съ Бекетовыми. Я не помню, пріѣзжалъ ли когда нибудь къ отцу моему Андрей Зиновьевичъ Дурасовъ: вообще объ немъ я мало слышалъ. Но о братѣ его, Михаилѣ Зиновьевичѣ, знаю слѣдующее.

Какъ большая часть дворянъ екатерининскаго времени, онъ служилъ въ военной службѣ и въ чинѣ генералъ..... участвовалъ въ несчастномъ походѣ русскихъ войскъ въ Швейцарію, подъ начальствомъ Римскаго-Корсакова. Оставленные, по обыкновенію, союзными австрійскими войсками въ жертву французамъ, предводимымъ Массеною, русскіе потерпѣли, какъ извѣстно, пораженіе во второмъ сраженіи при Цюрихѣ. Дурасову было поручено охранять одинъ изъ важныхъ, по мнѣнію главнокомандующаго, пунктовъ позиціи, на который Массена производилъ ложную аттаку. Дурасовъ исполнялъ возложенное на него порученіе, какъ могъ, и отражалъ нападеніе, но Массена, отвлекая такимъ образомъ вниманіе русскихъ отъ мѣста, куда намѣревался произвести дѣйствительное нападеніе, успѣлъ въ этомъ и разбилъ русское войско. Дурасовъ сохранилъ

пушки и отвелъ свой отрядъ, не потерпѣвшій большихъ потерь, въ удовлетворительномъ порядкѣ. Императоръ Павелъ, раздраженный неудачами нашихъ войскъ и поступками австрійцевъ, отнесся строго къ нѣкоторымъ лицамъ, участвовавшимъ въ кампаніи, и между прочими къ Дурасову. Онъ былъ исключенъ изъ службы.

Такимъ образомъ карьера Дурасова была разбита, честолюбіе уязвлено глубоко, и, что всего важнѣе, онъ самъ повидимому убѣдился въ томъ, что былъ причиною разбитія арміи и погибели многихъ соотечественниковъ. Все это сильно на него подѣйствовало и при его впечатлительномъ пылкомъ характерѣ довело его до мрачнаго настроенія, перешедшаго въ меланхолію. М. З. началъ по временамъ заговариваться: иногда онъ произносилъ: „отойдите, отойдите!“ хотя не къ кому было отнестись съ этими словами. Иногда также безпричинно онъ примѣшивалъ къ разговору что-то вродѣ вопроса: „тотъ что-ль? тотъ?“ и т. п. Наконецъ, взявъ съ собою двухъ слугъ, онъ уѣхалъ куда-то и исчезъ. Прошло довольно много времени, прежде нежели узнали, что Дурасовъ въ Соловецкомъ монастырѣ на послушаніи. Онъ изумлялъ соловецкихъ монаховъ строгостью жизни. Такъ прошло нѣсколько лѣтъ. Не припомню, вслѣдствіе чего онъ покинулъ Соловецкій монастырь и, испросивъ согласіе жены, (женатъ онъ былъ на графинѣ Толстой, родной сестрѣ графини Закревской) поступилъ въ Симоновъ монастырь, гдѣ и постригся. Въ Симоновомъ монастырѣ Дурасовъ принялъ схиму и съ этого времени сдѣлался невидимъ. Его слуга, приносившій ему кушанье, ставилъ его въ первой кельѣ и уходилъ. Тогда схимникъ бралъ пищу, уносилъ во вторую келью и запиралъ дверь. Въ церковь ходилъ онъ по корридору, проведенному изъ его кельи, и стоялъ въ церкви въ крытомъ помѣщеніи, за густою рѣшеткою, не позволявшею его видѣть. Такъ провелъ онъ нѣсколько лѣтъ. Однажды служитель, приносившій кушанье, увидѣлъ на другой день, что оно цѣло. Заключая изъ этого, что схимникъ боленъ, онъ отправился къ архимандриту Мельхиседеку и сообщилъ ему свои опасенія. Архимандритъ пошелъ въ сопровожденіи нѣсколькихъ монаховъ въ келью, постучался въ дверь, позвалъ схимника по имени, —нѣтъ отвѣта. Отперли дверь и нашли Дурасова уже охладѣвшимъ.

Бывшій попечителемъ московскаго университета А. А. Писаревъ былъ женатъ на дочери М. З. Дурасова и потому находился въ свойствѣ съ моимъ отцомъ, хотя уже отдаленномъ. Онъ бывалъ у отца очень рѣдко: я помню лишь одинъ разъ, какъ онъ пріѣхалъ къ отцу верхомъ, и очень смутно помню даже его наружность.

Изъ профессоровъ м. университета, посѣщавшихъ изрѣдка отца, я помню М. П. Погодина, А. Ѳ. Мерзлякова, И. А. Двигубскаго, И. М. Снегирева. Послѣдній, не знаю почему, бывалъ у отца чаще другихъ, хотя, сколько помню,

отецъ мой не очень ему симпатизировалъ. О немъ я впослѣдствіи скажу еще нѣсколько словъ.

Что касается до Михаила Петровича, то какъ современникъ онъ не нуждается въ описаніи.

Мерзляковъ, сколько помню, былъ человѣкъ небольшаго роста, плотный, съ красноватымъ лицомъ, брюнетъ; говорилъ съ жаромъ, когда дѣло касалось чего нибудь интересовавшаго его лично, или по отношенію къ поэзіи. И. А. Двигубскій былъ, помнится, средняго роста, полонъ, лимфатиченъ, съ добродушнымъ и умнымъ выраженіемъ лица. О Снегиревѣ скажу послѣ.

Помню Ловецкаго, Максимовича, Сахарова, Тромонина, Артёмова. Объ нихъ скажу впослѣдствіи нѣсколько словъ.

Между тѣмъ Ѳ. Д. Шнейдеръ возвратился изъ Турціи, съ медалью на георгіевской лентѣ, съ лицомъ загорѣлымъ и пріобрѣвшимъ выраженіе болѣе рѣшительное и мужественное. Всѣ мы очень ему обрадовались.

Учебныя занятія шли уже далеко не такъ хорошо, какъ прежде: я хуже приготовлялъ уроки, былъ менѣе внимателенъ въ классѣ, вообще учился слабѣе. Причиною тому было раннее занятіе „изящной словесностью“ и рисованіемъ: я слишкомъ много употреблялъ на нихъ времени, и его уже недоставало мнѣ для моихъ учебныхъ занятій; многія казались мнѣ уже нѣсколько скучны. Вскорѣ въ моихъ учебныхъ занятіяхъ произошелъ перерывъ, немало имъ повредившій.

Настала осень 1830-го года. Уже раньше слышалось, что приближается холера, болѣзнь неизвѣстная до того времени въ Россіи. Но слухи эти были нѣсколько смутны; отецъ старался, повидимому, если не скрывать того, что слышалось, то по крайней мѣрѣ выказывать дѣло въ видѣ не очень страшномъ, чтобы не произвести паники. Итакъ, настала осень. Былъ пасмурный, но не холодный день. Я пошелъ стрѣлять изъ лука въ цѣль, что дѣлалъ обыкновенно шагахъ во ста отъ дома, на газонѣ довольно обширномъ. Цѣль я прикрѣплялъ на холостомъ строеніи.

Сдѣлавъ нѣсколько выстрѣловъ, я собирался уже возвратиться, какъ вдругъ изъ темной липовой аллеи, въ это время уже полуобнаженной, показался вооруженный человѣкъ. Я остановился. Человѣкъ, вышедшій изъ аллеи, направился ко мнѣ; это былъ кавалеристъ; на правомъ боку висѣлъ у него карабинъ, на лѣвомъ кавалерійская сабля; въ рукѣ у него было пустое ведро. Я спросилъ его, что ему нужно, и онъ объяснилъ мнѣ, что они солдаты Ермоланскаго полка, (Ингерманландскаго) поставлены пикетомъ возлѣ нашей дачи, что ихъ трое при унтеръ-офицерѣ, и что онъ пришелъ просить чего нибудь съѣстнаго. Я повелъ его къ дому и сказавъ, чтобы онъ подождалъ, пошелъ къ отцу и разсказалъ ему объ этой встрѣчѣ. Отецъ, нѣсколько удивленный, велѣлъ позвать солдата, и

тотъ объяснилъ ему то же, что и мнѣ, прибавивъ, что къ сумеркамъ придетъ пѣхота и станетъ цѣпью около вала. Когда солдату дали всего, что нужно: щей, квасу и, помнится, водки, и послали съ нимъ слугу, чтобы помочь ему донести обѣдъ,—я отправился съ ними посмотрѣть „пикетъ“.

На концѣ нашей дачи, за заборомъ, между нимъ и валомъ, стояли дѣйствительно кавалеристы. Они были очень благодарны за обѣдъ, и унтеръ-офицеръ подтвердилъ мнѣ все сказанное солдатомъ.

Къ нимъ вскорѣ явился казакъ. Какъ сейчасъ вижу эту фигуру атлета, небольшаго роста, въ сѣромъ, съ саблею на боку и нагайкой въ рукѣ. Лицо казака, человѣка лѣтъ 45, выражало лукавство, увѣренность и грубость; цвѣтъ лица его былъ изжелта-смуглый; усы коротко подстрижены. Онъ заспорилъ съ унтеръ-офицеромъ о пропускѣ барокъ съ казеннымъ грузомъ. Унтеръ-офицеръ упорно и настойчиво говорилъ, что пропустить нельзя, а казакъ утверждалъ, что невозможно не пропустить барокъ съ казеннымъ грузомъ. „Покажи мнѣ предписаніе, и я пропущу“, говорилъ унтеръ-офицеръ. „Я самъ живое предписаніе“, возражалъ казакъ. Барокъ однакожъ не пропустили.

Къ вечеру, когда уже стемнѣло, подошла пѣхота и стала цѣпью за валомъ. Въ темнотѣ послышались ея оклики. Въ какомъ разстояніи расположены были солдаты, не припомню, хотя ясно помню цифру 50, но аршинъ или саженъ? Первое вѣроятнѣе.

Я помню, что было предписано или, правильнѣе сказать, предлагалось публикѣ курить въ комнатахъ уксусомъ съ мятою, можжевельникомъ, хлоровою водою, которую тогда называли большею частью „хлориновою“ водою. Совѣтовали пить дегтярную воду, которую приготовляли вливая, помнится, стаканъ кипятку на столовую ложку чистаго дегтя, помѣшивали нѣкоторое время, давали отстояться и остынуть и пили, оставляя осадокъ. Питье было очень непріятное, но я и другіе пили эту воду довольно долго. Носили на шеѣ луковку чесноку; люди со средствами употребляли вмѣсто этого уксусъ четырехъ разбойниковъ, небольшая скляночка котораго стоила довольно дорого. Помню, что запахъ этого уксуса былъ нѣсколько сходенъ съ запахомъ туалетнаго уксуса. Другихъ средствъ, которыя употреблялись какъ предохранительныя противъ холеры,— не припомню.

Начали печататься въ газетахъ извѣстія о ходѣ болѣзни; они были ужасны: заболѣвало огромное число людей; процентъ умирающихъ былъ неутѣшителенъ: около половины. Въ самый разгаръ холеры количество наличныхъ больныхъ доходило до..... Тяжелое было время: паника, усиливаемая карантинными мѣрами, была подавляющая, и хотя страшна была болѣзнь, но впечатлѣніе, ею производимое, было удвоено паникою. Преувеличенные разсказы о губительности холеры, о томъ, что въ газетныхъ извѣстіяхъ сообщается едва ли о поло-

винѣ заболѣвающихъ и еще менѣе о дѣйствительномъ числѣ умирающихъ, что холера если не такъ же, то почти такъ же смертельна, какъ чума,—наполняли ужасомъ и унынiемъ даже неробкія души. О себѣ впрочемъ я могу сказать, что не чувствовалъ особеннаго страха, даже очень мало боялся лично за себя, но какое-то смутное, тяжелое, подавляющее чувство, смѣшанное съ недоумѣнiемъ, при видѣ всего совершавшагося, тяготѣло надо мною..... Боязнь же если и закрадывалась въ душу мою, то не за себя, а за близкихъ сердцу.....

Сообщенія, за исключенiемъ необходимѣйшихъ, прекратились: всѣ сидѣли дома, какъ въ карантинѣ.

Нѣсколько недѣль прошло для меня безъ моихъ обычныхъ занятій ученьемъ: учители мои не ходили ко мнѣ; но потомъ, когда паника нѣсколько поутихла, сообщенія начали возстановляться, — они, предварительно снесясь съ моимъ отцомъ, начали къ намъ пріѣзжать, и ученье пошло попрежнему.

Надѣялись, что эпидемія начнетъ утихать съ наступленiемъ морозовъ, очищающихъ воздухъ отъ міазмовъ, но она начала ослабѣвать лишь въ.....

Когда была снята цѣпь — не помню.

Петръ Петровичъ Бекетовъ былъ въ это время подъ опекою, что крайне непріятно было моему отцу, не терпѣвшему ничего скандальнаго и принимавшему къ сердцу все, что касалось до родныхъ, тѣмъ болѣе братьевъ или другихъ близкихъ. Онъ былъ далеко неравнодушенъ и къ тому, что касалось до людей, для него совершенно постороннихъ.

Въ пользу пострадавшихъ отъ холеры семействъ на больницы и предохранительныя средства было сдѣлано много пожертвованій, въ числѣ которыхъ были весьма значительныя. Память моя сохранила имена лишь немногихъ изъ жертвовавшихъ, независимо отъ значительности или скромности ихъ пожертвованій.

Отецъ мой, хлопотавшій объ освобожденiи изъ подъ опеки Петра Петровича, подалъ ему совѣтъ: сдѣлать доброе дѣло—пожертвовать въ пользу семействъ, пострадавшихъ отъ холеры, и съ тѣмъ вмѣстѣ крупнымъ пожертвованiемъ достигнуть желаннаго результата—освобожденія изъ подъ опеки.

Извѣстный писатель того времени — впослѣдствiи цензоръ — Сергѣй Николаевичъ Глинка, взялся подать просьбу на высочайшее имя и съ подписаннымъ П. П. прошенiемъ отправился въ Петербургъ. П. П. просилъ государя дозволить ему пожертвовать изъ принадлежащихъ ему средствъ въ пользу семействъ, пострадавшихъ отъ холеры, въ Петербургѣ сто тысячъ и въ Москвѣ для той же цѣли двѣсти тысячъ руб. асс. Вмѣстѣ съ тѣмъ П. П. просилъ по собственному побужденiю сто тысячъ руб. асс. на ссуду заимообразно брату Пл. Петровичу.

Высочайшее соизволенiе на принятiе пожертвованія послѣдовало, и резуль-

татомъ было снятіе съ П. П. опеки. Изъ 100 т. р., испрошенныхъ имъ въ ссуду Пл. П., этотъ послѣдній получилъ 40 т. р.; остальные 60 т. р. П. П. нашелъ нужнымъ удержать на собственные расходы. Это фактъ, о которомъ я слышалъ, какъ говорили оба Дмитріевы, Глинка и, не помню, кто-то еще, съ негодованіемъ.

На пожертвованные П. П. для семействъ, пострадавшихъ отъ холеры въ Москвѣ, 200 т. руб. былъ купленъ домъ графа Апраксина, на Знаменкѣ, и въ немъ устроено „холерное заведеніе“, какъ называли тогда, теперешняя военная гимназія.

Холера, похитившая столько жертвъ, не скоро уступила морозамъ и, сколько помню, начала ослабѣвать только въ концѣ января. Когда была снята цѣпь— не помню. Симоновская слобода была пощажена холерою.

О возмущеніи новгородскихъ военныхъ поселеній я ничего не помню, хотя навѣрно отцу моему сообщали объ немъ и Дмитріевы, и Балашовъ, и вѣроятно кто нибудь еще. Не понимаю, какъ могло случиться, что я не слыхалъ объ этомъ событіи.

Первое извѣстіе объ Іюльской революціи сообщилъ отцу моему книгопродавецъ Салаевъ, состоявшій съ нимъ въ постоянныхъ сношеніяхъ: онъ доставлялъ ему книги, пріобрѣлъ отъ отца моего принадлежащее ему право на изданіе сочиненій Д. И. Фонъ-Визина. Живо помню, что Салаевъ привезъ чье-то письмо, въ которомъ описана была ожесточенная рѣзня въ Парижѣ, результатомъ которой было низверженіе Карла X-го. Чтеніе этого письма произвело на меня сильное впечатлѣніе. Какъ отголосокъ Іюльской революціи, вспыхнула польская: одно бѣдствіе за другимъ поражало Россію.

Отецъ мой постоянно читалъ газеты, но меня онѣ мало занимали, и только съ появленіемъ въ нихъ извѣстій о ходѣ военныхъ дѣйствій въ Польшѣ я началъ интересоваться ими, и несмотря на мой возрастъ, съ живымъ участіемъ и волненіемъ слѣдилъ за чтеніемъ реляцій. Нерѣдко, когда время, свободное отъ учебныхъ занятій, позволяло мнѣ, я читалъ отцу вѣдомости, и помню, съ какимъ волненіемъ прочитывалъ я извѣстія о сраженіяхъ при Сѣдлецѣ, Остролекѣ и др. упорныхъ и кровопролитныхъ битвахъ. Наконецъ, по смерти Дибича, начальство надъ дѣйствовавшею въ царствѣ Польскомъ арміею принялъ Паскевичъ, и послѣ упорной обороны Варшава сдалась. Помню даже пѣснь, съ которою колонны шли на штурмъ:

„Ахъ! зачѣмъ было городъ городить,
Для чего было капустку садить!“

Послѣдній актъ кровавой драмы настаетъ: остатки польскихъ войскъ слагаютъ оружіе, начинается кара.

Дача отца моего, какъ я уже сказалъ, находилась возлѣ Камеръ-Кол-

лежскаго вала, за которымъ пролегала дорога, выходившая на Владимірскую Живо помню, какъ по этой дорогѣ одна за другой потянулись партіи ссыльныхъ поляковъ. Съ балкона нашего дома я смотрѣлъ нерѣдко на проходившія значительныя партіи; нѣкоторыя изъ нихъ, повидимому, были не менѣе 600—700 человѣкъ, подъ конвоемъ, повидимому, цѣлой роты пѣхотныхъ солдатъ и 30—40 казаковъ.

Болѣзненно сжималось мое юное сердце при видѣ этихъ несчастныхъ, хотя и виновныхъ, которые, бряцая цѣпями, тащились въ дальній путь, въ страну суровую, на тяжкія работы. Партій этихъ прошло много: сколько помню, я насчиталъ до сорока, а я конечно не всѣ ихъ видѣлъ. При каждой почти партіи было по нѣскольку повозокъ, на которыхъ ѣхали женщины и больные, или почему либо не могшіе идти пѣшкомъ. Грустнымъ взглядомъ слѣдилъ я за удалявшимися, и не во мнѣ одномъ возбуждали они состраданіе: многіе объ нихъ жалѣли.

Я началъ учиться слабѣе, но не потому что лѣнился, а потому что слишкомъ разбрасывался: писалъ стихи, повѣсти, много занимался рисованіемъ, живописью, чтеніемъ—въ это время, какъ я уже сказалъ, газеты начали интересовать меня. Все это отнимало у меня время, котораго недоставало вслѣдствіе этого для учебныхъ занятій, а въ это время я учился языкамъ: латинскому, нѣмецкому и французскому, кромѣ отечественнаго, математикѣ, исторіи, географіи и статистикѣ; физикою и химіею я занимался нѣсколько позже, самоучкою, о чемъ скажу впослѣдствіи. Вскорѣ я началъ заниматься гравированіемъ крѣпкою водкой, и, что всего болѣе мѣшало потомъ моимъ полезнымъ занятіямъ, я началъ пострѣливать изъ ружья.

Верстахъ въ двухъ отъ дачи моего отца находились Крутицкія казармы, въ то время занимаемыя жандармами. Трое или четверо изъ числа тогдашнихъ жандармскихъ офицеровъ были любителями если не охоты, то прогулки съ ружьемъ и стрѣльбы. Они нерѣдко ходили мимо дачи отца моего по берегу Москвы рѣки, пострѣливая по голубямъ, чайкамъ, иногда по куличкамъ; потомъ заходили въ Тюфелеву рощу, гдѣ спеціально стрѣляли дятловъ, которыхъ было тамъ много, и изрѣдко стрѣляли по коршунамъ, съ пронзительнымъ крикомъ носившимся надъ вершинами сосенъ. Имена этихъ офицеровъ, за исключеніемъ двухъ, не сохранились въ моей памяти. Помню Абрамова, высокаго блондина, человѣка очень симпатичнаго; я встрѣчалъ его потомъ нѣсколько разъ въ театрѣ и бл. собраніи. Онъ былъ нѣсколько похожъ на извѣстнаго генерала Кухаренко. Помню еще Тихменева, плотнаго, небольшаго средняго роста, съ темными волосами. Этотъ, кажется, умеръ въ концѣ тридцатыхъ годовъ.

Я сначала, присоединяясь къ этимъ офицерамъ, сопровождалъ ихъ за полверсты отъ дачи, потомъ подальше, а наконецъ, когда самъ обзавелся ружьемъ.

началъ ходить съ ними въ Тюфелеву рощу, принадлежавшую тогда Балашову, и тоже истреблялъ дятловъ; но большее число выстрѣловъ моихъ было направлено противъ коршуновъ, безъ особенно непріятныхъ для нихъ послѣдствій.

Скажу нѣсколько словъ о томъ, какъ я началъ стрѣлять: ружейная охота сдѣлалась впослѣдствіи моею страстью, и потому-то я хочу упомянуть о первомъ моемъ знакомствѣ съ ружьемъ. Мнѣ было лѣтъ тринадцать, и при моемъ довольно высокомъ, по лѣтамъ, ростѣ, я казался мальчикомъ взрослымъ. На мою просьбу о покупкѣ ружья и позволеніи мнѣ стрѣлять, отецъ отвѣчалъ согласіемъ. Нашему фактотуму, Козьмѣ Іоновичу, поручено было купить для меня ружьецо, и онъ пріобрѣлъ какое-то коротенькое, обрѣзанное изъ французскаго кавалерійскаго, т. наз., карабина, орудіе съ стволомъ въ 10 вершковъ и кремневымъ замкомъ. О пистонахъ тогда если и было извѣстно, то развѣ незадолго дотого; я же объ нихъ не слыхалъ.

Первый урокъ въ стрѣльбѣ далъ мнѣ одинъ изъ слугъ моего отца, столяръ по ремеслу, отставной ратникъ московскаго ополченія, Тимоѳей Антиповичъ. Этотъ ветеранъ, съ гордостью повѣствовавшій иногда объ участіи своемъ въ осадѣ Данцига и другихъ военныхъ дѣйствіяхъ, важно и систематически зарядилъ мое ружьецо, прикрѣпилъ листъ бумаги, на которомъ углемъ изображенъ былъ кругъ, и выстрѣлилъ сначала самъ; потомъ, зарядивъ ружье послабѣе, далъ мнѣ, объяснивъ пріемъ. Я выстрѣлилъ мужественно и попалъ въ цѣль вполнѣ удовлетворительно. Съ живѣйшею радостью сорвавъ листъ бумаги, испещренный дробью, я показалъ его отцу, смотрѣвшему изъ окна на мою стрѣльбу. Онъ похвалилъ мой первый опытъ.

Я началъ стрѣлять! Послѣ нѣсколькихъ выстрѣловъ въ цѣль, я обратилъ свое оружіе противъ воронъ, галокъ, голубей, воробьевъ и другихъ пернатыхъ. Досталось имъ отъ меня! Только чайки, которыхъ приходилось стрѣлять на лету, или въ моментъ, когда онѣ опускались схватить рыбку, мало страдали отъ моихъ выстрѣловъ. Стрѣлять на лету выучился я не скоро, потому что цѣлилъ въ самую птицу, а не бралъ впередъ и не имѣлъ понятія о стрѣльбѣ на прикидку.

Страсть къ ружейной охотѣ имѣла большое вліяніе на многое въ моей жизни: много сдѣлало мнѣ вреда впослѣдствіи сближеніе съ людьми, съ которыми кромѣ охоты я не имѣлъ ничего общаго. Но объ этомъ скажу впослѣдствіи, а теперь замѣчу лишь то, что охота повредила моимъ учебнымъ и всѣмъ другимъ занятіямъ вообще, не исключая ни живописи, ни занятій изящною словесностью.

Я началъ посвящать своей новой забавѣ почти все свободное время, т. е. часовъ отъ 3—4 въ лѣтній день, а въ праздничные и болѣе. Наступила осень,

зима, но и она удерживала меня только сильными морозами и вьюгами отъ стрѣльбы по снѣгирямъ, воронамъ, воробьямъ и т. п. Напрасно мой учитель рисованія, Некрасовъ, видя, что я отдаю предпочтеніе ружью передъ кистью, обращался ко мнѣ съ воззваніемъ: „бросьте вы ваше егерство! занимайтесь живописью!“ Голосъ его оставался гласомъ вопіющаго въ пустынѣ.

Приближалась весна; мнѣ купили новое ружье, тоже кремневое, но которое впослѣдствіи передѣлано было на пистонное. Оно было много лучше прежняго, и трофеи моей стрѣльбы сдѣлались многочисленнѣе. Особенно памятенъ мнѣ удачный выстрѣлъ изъ этого ружья по двумъ чибисамъ, прилетѣвшимъ на болотистое мѣстечко на берегу рѣки: они сидѣли рядомъ, когда я подплылъ къ нимъ на лодкѣ, и боясь, чтобы они не улетѣли, выстрѣлилъ издалека, саженъ за двадцать, если не болѣе. Каковъ же былъ восторгъ мой, когда я увидѣлъ обоихъ чибисовъ, пораженныхъ моимъ выстрѣломъ наповалъ! Я едва не выпрыгнулъ изъ лодки! Съ тріумфомъ принесъ я домой эту первую дичь, пораженную мною.

Еще памятенъ мнѣ одинъ удачный выстрѣлъ по куличкамъ: въ пасмурное, туманное осеннее утро, идя по берегу Москвы рѣки, я услышалъ серебристый свистъ нѣсколькихъ куличковъ. Притаясь за глыбою отвалившейся отъ горы глинистой земли, я зорко посмотрѣлъ кругомъ и вдругъ увидѣлъ подлетающую къ мнѣ небольшую кучку куличковъ, которые сѣли на выстрѣлъ отъ меня. Едва они успѣли опуститься, какъ я выстрѣлилъ, и семь куличковъ остались на мѣстѣ. Съ какимъ волненіемъ, торопливостью и восторгомъ подбиралъ я убитыхъ и ловилъ подстрѣленныхъ!

Словомъ, я пристрастился къ слабому подобію охоты: настоящая охота была еще далеко, далеко!... Итакъ, новая страсть моя начала серьезно мѣшать всѣмъ другимъ моимъ занятіямъ, въ особенности учебнымъ. Бывали и прежде дни, когда я плохо приготовлялъ уроки: теперь это начало случаться чаще и чаще. Учитель мой, Н. В. Богдановъ, былъ довольно снисходителенъ, но, какъ добросовѣстный человѣкъ, не желая брать деньги за уроки, приносившіе такъ мало пользы учащемуся, началъ относиться ко мнѣ строже. Однажды, когда я приготовилъ плохо заданный мнѣ урокъ, да и въ классѣ былъ разсѣянъ и невнимателенъ, онъ написалъ въ отмѣткѣ: „безуспѣшно“. На бѣду мою, въ этотъ самый день послѣ классовъ я хотѣлъ отпроситься у отца въ Тюфелеву рощу, гдѣ по соглашенію съ жандармскими офицерами мы должны были сойтись. Это было отчасти причиной моей разсѣянности: дятлы, голуби, чайки и кулики занимали меня болѣе учебныхъ предметовъ

Видя аттестатъ, написанный Богдановымъ, я не сомнѣвался, что отецъ не позволитъ мнѣ отлучиться, и что вмѣсто всѣхъ предполагаемыхъ удовольствій, мнѣ придется сидѣть дома и заниматься приготовленіемъ новыхъ и повторе-

ніемъ прежнихъ уроковъ, плохо приготовленныхъ мною. Какъ выйти изъ такой дилеммы? Во мнѣ происходила борьба недолгая, но упорная. Я, говоря вообще, былъ мальчикъ честный, но соблазнъ былъ силенъ, и я не устоялъ; я рѣшился на мерзкую и глупую хитрость: обмакнувъ перо, я положилъ на несчастное „без“ крупную каплю чернилъ, и когда отецъ спросилъ у меня тетрадь съ отмѣтками,—подалъ ее ему съ смущеніемъ, чувствуя, что сдѣлалъ дурно. „Что это?“ спросилъ отецъ, указывая на чернильное пятно. Я запнулся.—„Что это?“ повторилъ отецъ, указывая на слово „успѣшно“.—„Успѣшно“, прочелъ я тихо, съ смущеніемъ. Обыкновенно кроткій и снисходительный отецъ мой разсердился: фальши и низости онъ не терпѣлъ. Онъ толкнулъ меня, почти ударилъ рукою, державшею тетрадь, и грозно произнесъ: „пошелъ вонъ!“ Я испугался, заплакалъ, упалъ на колѣни, прося прощенія... Прибѣжала мать.—„Возьми его, сказалъ отецъ,—и чтобы онъ не смѣлъ мнѣ показываться!“ Въ тонѣ голоса отца и выраженіи лица его, обыкновенно кроткихъ, было столько гнѣвнаго и непреклоннаго, что мать моя, ничего не возражая и не спрашивая, молча увела меня поскорѣе... Помнится, это было въ субботу; воскресенье я провелъ такъ же, какъ и вечеръ субботы, не показываясь отцу, и подавленный какъ его гнѣвомъ, такъ и пробудившимся сознаніемъ тяжести моей вины. До совершенія ея, увлекаемый желаніемъ удовлетворить своей страсти къ охотѣ, легкомысленно и разсѣянно относясь къ тому, что готовился сдѣлать, я всетаки чувствовалъ и сознавалъ, что дѣлаю дурное дѣло, и положилъ роковую каплю чернилъ, послѣ колебанія и нерѣшимости, съ отвращеніемъ. Но, повторяю, страстишка превозмогла, и скверное дѣло было сдѣлано. Теперь, оставаясь большею частью одинъ, безъ книгъ,—отецъ запретилъ давать ихъ мнѣ—я предавался на досугѣ моимъ грустнымъ и, могу сказать, мрачнымъ размышленіямъ о томъ, что сдѣлалъ.

Утромъ въ понедѣльникъ не было никого изъ учителей, не помню почему, по часу въ 4-мъ пріѣхалъ Некрасовъ, учитель рисованія. Отецъ принялъ его въ своей спальнѣ; я сидѣлъ въ сосѣдней комнатѣ и могъ отъ слова до слова слышать ихъ разговоръ. Отецъ сказалъ Некрасову, что прекращаетъ ученіе мое, котораго я недостоинъ. Я горько заплакалъ, услышавъ эти слова отца. Некрасовъ выразилъ, какъ умѣлъ, сожалѣніе о случившемся. Отецъ, по обыкновенію, пригласилъ его обѣдать. Я не присутствовалъ при ихъ обѣдѣ. На четвертый день или въ понедѣльникъ вечеромъ отецъ позвалъ мать и меня: „такъ какъ ты не стоишь того, чтобы сдѣлаться человѣкомъ образованнымъ, да и самъ того не хочешь, то отправляйся въ людскую.“ Мать взяла со стула сѣрый, крестьянскаго сукна, армякъ и сказала, чтобы я надѣлъ его. Я зарыдалъ, бросился на колѣни, началъ просить прощенія, мать присоединила свои просьбы къ моимъ, и наконецъ справедливый гнѣвъ отца моего смягчился; онъ простилъ

меня, но сказалъ съ твердостью: „на этотъ разъ я тебя прощаю, но смотри, чтобы ничего подобнаго впередъ не было; я могу прощать шалости, даже лѣнь, но низости не прощу. Мой сынъ долженъ быть честнымъ человѣкомъ, иначе онъ не сынъ мой“.

Это происшествіе оставило благопріятный слѣдъ: впечатлѣніе, имъ на меня сдѣланное, было сильно и глубоко. Если я на немъ остановился и разсказалъ возможно подробно, то потому, что случай этотъ характеризуетъ моего отца. То, что онъ отнесся къ поступку моему строго, было съ его стороны не фразою, а вытекало изъ искренняго убѣжденія.

Послѣ этого на нѣкоторое время учебныя занятія мои пошли лучше, но ненадолго; явилась новая помѣха моимъ занятіямъ: химія или лучше сказать алхимія заняла меня.

Если скромныя воспоминанія мои попадутся кому нибудь въ руки, и терпѣливый читатель дойдетъ до предшествующей страницы, ему покажется крайне смѣшно, что мальчикъ моихъ лѣтъ началъ заниматься алхиміей. Мнѣ и самому это казалось впослѣдствіи очень, очень смѣшнымъ, но въ то время я принялся за „дѣло“ съ усердіемъ и увлеченіемъ. На бѣду мою, въ библіотекѣ моего отца была книга: „Открытыя тайны древнихъ магиковъ“. Это былъ сборникъ въ нѣсколько томовъ, въ которомъ рядомъ съ кое-какими свѣдѣніями по части химіи и физики находились фокусы, не лишенные занимательности для дѣтей, и, кромѣ того, бредни алхимиковъ о философскомъ камнѣ и т. п. Вотъ это-то и понравилось мнѣ, это-то и подѣйствовало на мое воображеніе. Превращеніе „неблагородныхъ“ металловъ въ золото и др. „благородные“ металлы показалось мнѣ пріятнымъ и полезнымъ. Склонность, стремленіе къ необыкновенному, чудесному—удѣлъ не однихъ только дѣтей. Теофрастъ, Парацельзъ, Нострадамусъ и столько другихъ, несомнѣнно даровитыхъ людей, въ то время, когда естественныя науки стояли еще на очень низкой степени, и даже несравненно позднѣе, доказываютъ, что не одно только пылкое дѣтское воображеніе можетъ увлекаться химерами. Въ наше время появляются же люди, упорно отыскивающіе „вѣчное движеніе“. Неудивительно, что 13-лѣтній мальчикъ, начитавшійся „Открытыхъ тайнъ древнихъ магиковъ“, проникся желаніемъ открыть философскій камень, и принялся за работу Данаидъ и Сизифа. Не могу однако не замѣтить, что страсти, неудержимаго жара и увлеченія въ работахъ моихъ не было, отчасти потому, что мой ребяческій разумъ возставалъ противъ нелѣпости этого дѣла. Я разсуждалъ объ этомъ такъ: если тутъ есть доля правды, если нѣкоторые пріемы были правильны, цѣлесообразны, то почему же не было до сихъ поръ вполнѣ удовлетворительнаго результата? почему остановились на полдорогѣ? потому-ли, что убѣдились въ невозможности исполненія того, за что принимались? потому-ли, что не сумѣли докончить начатаго по недостатку на-

учныхъ свѣдѣній, скудныхъ въ тѣ времена? Всѣ эти вопросы бродили въ моей ребяческой головѣ, отчасти охлаждая, отчасти подстрекая меня. Какъ бы то ни было, но я принялся за опыты, по возможности секретно и осторожно, чтобы не выдать себя острымъ запахомъ какой нибудь кислоты или спирта. Это сильно мѣшало мнѣ въ моихъ занятіяхъ, но я сознавалъ, что если буду дѣлать мои опыты слишкомъ явно, отецъ запретитъ мнѣ, опасаясь моей неосторожности, пожара, или вреда для здоровья. Мнѣ было очень непріятно скрывать отъ отца мои занятія, но и здѣсь желаніе превозмогло. Я въ этомъ случаѣ утѣшалъ и оправдывалъ себя по крайней мѣрѣ тѣмъ, что если мнѣ удастся, то въ результатѣ будутъ слава и несмѣтное богатство.

Какъ ни былъ я молодъ, но понималъ, что въ химіи я совершенный невѣжда, какъ съ теоретической, такъ и съ практической стороны, почему и рѣшился начать съ чего нибудь легкаго, чтобы испытать свои способности въ новомъ для меня дѣлѣ. Не припомню, въ чемъ состояли мои первоначальные опыты, но помню, что они были удовлетворительны, и нѣкоторые даже увѣнчались полнымъ успѣхомъ. Порохъ, наприм., котораго я сдѣлалъ нѣсколько золотниковъ, въ видѣ порошка, былъ вполнѣ хорошъ, то есть силенъ; зернилъ я его плохо. Порохъ и выдалъ меня, какъ разскажу вскорѣ.

Снабжалъ меня химическими матеріалами Козьма Іоновичъ, о которомъ мнѣ придется упомянуть еще не разъ. Доставалъ онъ все для меня нужное у какого-то, по его словамъ, химика, Василія Ивановича, лица вѣроятно миѳическаго. Чтобы не распространяться безполезно о моихъ безполезныхъ занятіяхъ, скажу только, что никакого „открытія“ я не сдѣлалъ разумѣется, а потерялъ напрасно немало времени и отчасти здоровья, вдыхая вредныя испаренія. Не хочу однакожъ, изъ опасенія быть задопозрѣннымъ во лжи, умолчать объ одномъ полу-открытіи, сдѣланномъ мною совершенно случайно и потерянномъ, несмотря на всѣ старанія достигнуть того же результата. Я дѣлалъ нерѣдко опыты со ртутью и однажды получилъ часть ея въ видѣ твердомъ, средней твердости между свинцомъ и оловомъ. Я обрадовался; началъ повторять опыты — напрасно! Была ли ошибка въ количествѣ, во времени или послѣдовательности, въ какой я подмѣшивалъ одно къ другому—не знаю. Всѣхъ ингредіентовъ, сколько помню, было около шести. Впослѣдствіи я потерялъ и кусочекъ твердой ртути. Замѣчу при этомъ, что кромѣ ртути другихъ металловъ рудныхъ и даже никакихъ тутъ не было: это не была сортучка.

Разъ вечеромъ, сидя въ одной комнатѣ съ отцомъ, я открылъ шкатулку, въ которой лежалъ у меня кусокъ пороховой мякоти, величиною въ грецкій орѣхъ. Свѣтильня стоявшей на столѣ свѣчи нѣсколько нагорѣла, послышался слабый трескъ, и искра попала прямо на кусокъ пороховой мякоти, которая вспыхнула съ шумомъ, и огненный фонтанъ въ нѣсколько вершковъ вышиною

вылетѣлъ изъ шкатулки. Я поспѣшно захлопнулъ крышку, но измѣнница-мякоть все продолжала шипѣть, и пороховой дымъ распространился по комнатѣ. Отецъ, увидѣвъ вспышку мякоти, спросилъ, что случилось. Я отвѣчалъ искренно; отецъ „произвелъ слѣдствіе“ и отобралъ у меня всѣ мои химическіе матеріалы. Тѣмъ и кончились, къ счастію, мои занятія алхиміею, и я не успѣлъ надѣлать бѣдъ, что случилось бы, по всей вѣроятности, при болѣе продолжительныхъ занятіяхъ. Запрещая мнѣ мои нелѣпые опыты, отецъ въ утѣшеніе сказалъ мнѣ, что въ свое время я, если захочу, буду заниматься химіею, но научно, подъ руководствомъ человѣка, знающаго эту науку теоретически и практически. Это впрочемъ не осуществилось.

Я вынужденъ возвратиться на два года назадъ, чтобы упомянуть о томъ, что дѣлалъ я еще до начала моей стрѣльбы и, сколько помню, въ лѣто передъ холерою. Въ 5 или 6-стахъ шагахъ за дачею моего отца, нагорный берегъ Москвы рѣки изъ песчанаго дѣлался глинистымъ и представлялъ крутые, совершенно отвѣсные обрывы въ нѣсколько саженъ вышины. Такъ какъ дача отца моего и окружающая ее мѣстность составляли плоскую возвышенность около 12 саж. вышины, то я, рожденный здѣсь, вообразилъ себя горцемъ и въ качествѣ горца счелъ необходимымъ карабкаться по самымъ крутымъ обрывамъ берега. Я исполнялъ это съ успѣхомъ, иногда спрыгивалъ съ 3-хъ, 4-хъ аршинныхъ обрывовъ благополучно, потому что подъ ними былъ обыкновенно слой песку довольно толстый, что и спасало меня отъ ушибовъ и другихъ дурныхъ послѣдствій. Но этого показалось мнѣ мало. Горцы, воображалъ я, должны умѣть преодолѣвать всѣ препятствія, сходить, спускаться съ горъ и взбираться на нихъ гдѣ бы то ни было: препятствій для нихъ не должно существовать. Задавшись такимъ предположеніемъ или, вѣрнѣе сказать, убѣжденіемъ, я рѣшилъ, что необходимо умѣть взбираться на тѣ глинистые, отвѣсные обрывы, о которыхъ я упоминалъ. Но какъ это сдѣлать? Обрывы или положительно отвѣсны, или если и были уклоны, то не болѣе одного аршина на десять. Вотъ на эти то обрывы и рѣшился я вскарабкаться во что бы ни стало. Во многихъ случаяхъ я былъ настойчивъ до упорства. Нужно сказать, что присмотръ за мной былъ очень слабъ, и нерѣдко я бѣгалъ одинъ не только по саду, но и за предѣлами его. Вотъ я и началъ дѣлать опыты влѣзть на крутой обрывъ; но сначала это мнѣ рѣшительно не удавалось, потому что я не употреблялъ никакихъ вспомогательныхъ средствъ. Видя неуспѣхъ, я къ нимъ прибѣгнулъ: сначала я попробовалъ продѣлывать углубленіе, куда можно было бы поставить ногу, при помощи какой нибудь палочки, остраго камня; но дѣло шло плохо. Я придумалъ средство болѣе вѣрное: взялъ съ собою обоюдоострый кавказскій кинжалъ и при помощи этого орудія продѣлалъ углубленія вполнѣ удовлетворительныя, вставляя въ которыя ноги, началъ взбираться, послѣдовательно про-

дѣлывая углубленія и взбираясь все выше и выше. Такъ, на первый разъ я взобрался на высоту 3-хъ или 4-хъ аршинъ; выше показалось мнѣ на первый разъ „жутко“. Я спустился по тѣмъ же ступенькамъ, придерживаясь за кинжалъ, который вонзалъ глубоко въ глину. Во вторую и слѣдующія попытки я взбирался выше и наконецъ однажды, хотя и съ замираніемъ сердца, достигъ вершины „горы“. Я вздохнулъ свободно, когда вступилъ на плоскую вершину и съ радостью и гордостью посмотрѣлъ кругомъ, съ ощущеніемъ важности совершеннаго подвига, преодолѣнной трудности и геройства, которое нужно было для этого. Потомъ я еще не разъ повторилъ мое восхожденіе съ успѣхомъ, не сознавая ясно, что могъ поплатиться жизнью, если бы оборвался съ такой высоты, да еще съ кинжаломъ въ рукѣ.

Я разсказалъ одинъ изъ тѣхъ фактовъ, рядъ которыхъ, проходя черезъ всю мою жизнь, въ формахъ очень разнообразныхъ, привелъ меня къ твердому и глубокому убѣжденію, что еслибы люди внимательнѣе относились къ тому, сколькимъ опасностямъ подвергается человѣкъ и не погибаетъ, то выраженіе „Богъ спасъ“ не казалось бы для нихъ страннымъ. Кто читалъ внимательно историческія монографіи и біографіи людей замѣчательныхъ, тотъ не можетъ не знать, что нерѣдко люди, подвергавшіе жизнь свою опасностямъ, въ качествѣ военныхъ, моряковъ, охотниковъ за крупнымъ звѣремъ и т. п.—умирали въ глубокой старости, чудеснымъ образомъ сохранясь отъ смерти, угрожавшей имъ десятки разъ. Съ другой стороны, люди, кидавшіеся десятки разъ почти на вѣрную смерть, ни разу не раненые, какъ Милорадовичъ, Мюратъ и др. — гибли неожиданно такъ и тамъ, гдѣ менѣе всего ожидали. Вспомнимъ Дюмонъ-Дюрвиля, Клива и др., и невольно закрадется въ душу нѣчто, похожее на вѣру въ фатумъ.

. . . . . сказалъ однажды человѣкъ, весьма скептически относившійся ко многимъ вопросамъ религіознымъ. Я не скажу того же, потому что здѣсь, какъ и всегда почти у этого человѣка, выразилось опять-таки сомнѣніе. Человѣкъ не пѣшка въ рукахъ Провидѣнія; человѣку, очевидно, дана свободная воля, но въ извѣстныхъ предѣлахъ, а за ними — судьба, т. е. воля Провидѣнія. Къ этому вопросу я еще возвращусь въ свое время, когда говорить объ этомъ будетъ болѣе умѣстно, нежели теперь, а здѣсь приведу только два стиха изъ драматическаго произведенія гр. Е. Растопчиной, произведенія, заглавіе котораго, за давностью, я забылъ:

. . . . . „Провидѣніе предвидитъ—
„Но не рѣшаетъ ничего за насъ.“

Такъ ли, читатель? Какого вы мнѣнія о мысли, здѣсь высказанной?

Возвращаюсь къ моему разсказу. Я упомянулъ уже, что началъ заниматься гравированіемъ; наставникомъ моимъ въ этомъ искусствѣ былъ довольно хоро-

шій граверъ Осиповъ, работавшій много по заказамъ отца моего для его „собранія портретовъ Россіянъ знаменитыхъ.“ Портретъ отца моего, работы Осипова съ оригинала, писаннаго масляными красками извѣстнымъ портретистомъ начала царствованія Александра 1-го — Кинелемъ, хранится у меня, такъ же какъ оригинальный, карандашемъ нарисованный, портретъ отца, работы Кинеля же, и съ него гравированный на мѣди. Эта доска у меня; другая, работы Вендрамини, къ сожалѣнію, утратилась, но отпечатокъ уцѣлѣлъ.

Я награвировалъ подъ руководствомъ Осипова 18 гравюръ, изъ которыхъ 16 было „крѣпкой водой“, а 2 „карандашнымъ манеромъ“ — какъ называлъ мой наставникъ. Двѣ или три послѣднія были довольно удачны: видъ замка на небольшомъ возвышеніи, поросшемъ деревьями, и лежащая фигура молодаго человѣка—мнѣ памятнѣе другихъ. Прочія были слабы; карандашныя совсѣмъ не удались. Гравировалъ я впрочемъ мало, потому что Осиповъ бывалъ рѣдко. Я упомянулъ о томъ, что учился гравировать, не для того только, чтобы изъ пустаго тщеславія перечислять мои разнообразныя занятія, но потому что объ этомъ мнѣ придется еще коснуться въ свое время.

Время шло. Насталъ 1834-й годъ. Этотъ годъ памятенъ московскимъ старожиламъ. Съ половины мая или приблизительно съ этого времени началась продолжительная постоянная засуха и жары.

1832-й годъ ознаменованъ былъ для меня слѣдующими „событіями“. Отецъ мой пригласилъ однажды нотаріуса или маклера, не припомню, и по нѣкоторомъ совѣщаніи съ нимъ, при которомъ я не присутствовалъ, отпустилъ его, давъ ему какое-то порученіе. Черезъ нѣсколько дней нотаріусъ опять пріѣхалъ съ большою книгою. Отецъ мой, проведя съ нимъ нѣсколько минутъ, позвалъ меня и сказалъ, чтобы я писалъ, причемъ продиктовалъ мнѣ мою фамилію „Кетовъ“. „Кетовъ? какъ Кетовъ?“ спросилъ я изумленный, оборотясь къ отцу. „Да, да, скороговоркою проговорилъ отецъ,—пиши, пиши“. Я подписалъ. До этой минуты я считалъ себя Бекетовымъ.

Изъ этого одного видно, въ какой степени я не зналъ и не понималъ вещей самыхъ простыхъ, а въ то же время, будучи до такой степени непрактичнымъ, ребенкомъ, я, марая бумагу, воображалъ, что занимаюсь литературою.

Оказалось, что маклеръ привозилъ заемное письмо, написанное отцомъ на мое имя, въ шесть тысячъ руб. ас. Когда я спросилъ потомъ отца, для чего это,—онъ сказалъ, что по смерти его я получу эти деньги. Я очень огорчился и хотѣлъ разорвать заемное письмо, но отецъ остановилъ меня, сказавъ, что отъ этого заемнаго письма смерть его не ускорится, а что если я изорву документъ, то придется писать его вторично, вызывать маклера и т. д., словомъ, что это будетъ только причиною напрасныхъ двойныхъ расходовъ. Впрочемъ,

отецъ похвалилъ мой порывъ, погладилъ меня по головѣ, поцѣловалъ и сказалъ, что документъ всетаки нужно поберечь.

Здѣсь считаю нужнымъ и умѣстнымъ упомянуть, что отецъ хотѣлъ меня усыновить, что легко было сдѣлать при Александрѣ 1-мъ, когда препятствій къ этому почти не представлялось. Но намѣреніе отца осталось неисполненнымъ, что совершенно измѣнило мою будущность — къ лучшему или нѣтъ — знаетъ одинъ Богъ, но вѣроятно къ лучшему, потому что при моей страстности, получивъ большія средства, я вѣроятно погибъ бы жертвою страстей, имѣя средства къ ихъ удовлетворенію. Почему въ то время, когда дѣло усыновленія было легко, отецъ этого не сдѣлалъ — не знаю. Можетъ быть потому, что я былъ слишкомъ малъ и т. ск. не опредѣлился, или почему либо другому. При Александрѣ 1-мъ Балашовъ, зять моего отца, былъ въ большой силѣ, но захотѣлъ ли бы онъ содѣйствовать въ этомъ отцу? На это можно, кажется, отвѣчать отрицательно. Что наслѣдство Ивана Петровича Бекетова должно было перейти къ Балашовымъ и Кушниковымъ, въ этомъ не было сомнѣнія. Наслѣдство Петра Петровича, также не имѣвшаго законныхъ наслѣдниковъ, должно было равно перейти къ нимъ же,—слѣд. я, усыновленный, сдѣлался бы препятствіемъ. Отецъ съ нѣкоторою вѣроятностью могъ разсчитывать въ этомъ дѣлѣ лишь на помощь Дмитріева, ничѣмъ здѣсь не заинтересованнаго и находившагося съ отцомъ въ дружескихъ отношеніяхъ.

Не припомню, за сколько времени до этого года, на мѣсто бывшаго въ Москвѣ оберъ-полиціймейстеромъ Муханова, человѣка благонамѣреннаго, благороднаго и благовоспитаннаго, принявшаго должность не съ цѣлью „покормиться“, а напротивъ, съ желаніемъ облагородить эту должность,—былъ назначенъ свитскій генералъ-майоръ Цынскій. Вскорѣ по вступленіи его въ должность, къ отцу моему пріѣхалъ И. И. Дмитріевъ. За обѣдомъ разговоръ коснулся новаго оберъ-полиціймейстера. „Кто этотъ Цынскій? спросилъ отецъ: я въ первый разъ слышу эту фамилію“. Помнится, но не утверждаю навѣрно, что Дмитріевъ сказалъ о Цынскомъ, что онъ побочный сынъ актрисы Вѣтрацынской,—повторяю,—навѣрно не помню, но вотъ что я помню ясно: Дмитріевъ разсказалъ отцу моему, что при сдачѣ должности Мухановъ былъ вынужденъ заплатить за неисправность пожарныхъ инструментовъ, лошадей и т. п. около 80 т. руб. Въ данную минуту Мухановъ не имѣлъ налицо этой суммы и вынужденъ былъ обратиться къ дядѣ своему, сенатору Муханову, съ просьбою ссудить ему нѣсколько десятковъ тысячъ рублей, недостающихъ для уплаты 80 т. р. Сенаторъ Мухановъ, человѣкъ съ хорошимъ состояніемъ, не затруднился исполнить просьбу племянника, но высказалъ ему при этомъ слѣдующее: что не жалѣетъ о деньгахъ, которыя племянникъ вынужденъ заплатить своему преемнику, что это должное ему наказаніе за то, что принялъ такую должность, что Муханову

неприлично было идти въ „будочники“, и что это мѣсто, которое могутъ занимать подобные какому нибудь „Свинскому“, а не Муханову. Таково было воззрѣніе старыхъ баръ того времени, тузовъ, на полицейскія должности, не исключая оберъ-полицмейстерской. Много воды утекло съ тѣхъ поръ, измѣнилось и отношеніе общества къ этой должности, и она послѣ Цынскаго была занимаема людьми такими какъ Лужинъ, графъ Крейцъ, князь Крапоткинъ и др.

Цынскій былъ извѣстенъ впослѣдствіи какъ человѣкъ болѣе чѣмъ сомнительной честности, нахальный, грубый, злой и жестокій. Говорили, и не безъ основанія, что онъ нарочно пріѣзжалъ присутствовать при тѣлесныхъ наказаніяхъ, если они того заслуживали, т. е. если съ человѣка, какъ говорилось, спускали шкуру, и что видѣть подобныя экзекуціи составляло для него наслажденіе. Любилъ онъ, какъ разсказывали, и собственноручныя расправы, которыя, впрочемъ, не всегда оканчивались для Цынскаго успѣшно. Какой-то кавалерійскій офицеръ находился подъ судомъ и сидѣлъ въ тюремномъ замкѣ. Преступленіе его было таково, что осужденіе его не подлежало сомнѣнію. Цынскій, осматривая ли арестантовъ, или не помню почему, — зашелъ и въ его камеру; началъ ругать его площадными словами, а за рѣзкій отвѣтъ замахнулся, но прежде чѣмъ успѣлъ ударить, — арестантъ самъ далъ ему двѣ-три жестокія пощечины и сорвалъ эполетъ, вскричавъ: „ахъ, ты, ракалія! Я, пока еще не разжалованъ, такой же дворянинъ и офицеръ, какъ и ты, мерзавецъ!“ Въ другой разъ какой-то сорви-голова, мѣщанинъ, тоже въ тюремномъ замкѣ, подъ предлогомъ сообщенія оберъ-полиціймейстеру важной тайны, оставшись съ нимъ наединѣ, едва не задушилъ его, и Цынскаго не безъ труда вырвали изъ сильныхъ рукъ ожесточеннаго преступника. Кто читалъ оберъ-полиціймейстерскіе отчеты того времени, тотъ могъ безъ труда взвѣсить ту степень, до какой доходило казнокрадство Цынскаго. Чего стоила, напр., набивка льдомъ погребовъ въ казенныхъ домахъ, очищеніе отхожихъ мѣстъ и т. п. О поборахъ его съ откупщиковъ разсказывали за вѣрное слѣдующее: когда довѣренныя ихъ лица явились къ новому оберъ-п. съ обычнымъ приношеніемъ, Цынскій, принявъ поднесенные ему 30 т. руб., спросилъ, какую сумму жертвуютъ они на остальныхъ полицейскихъ чиновниковъ. „В. пр-во, отвѣчали ему, эта сумма ровна той, которую мы имѣли честь представить в. пр-ву“.— „Хорошо, сказалъ Цынскій, но такъ какъ мнѣ лучше извѣстно, кто изъ подвѣдомственныхъ мнѣ полицейскихъ чиновниковъ заслуживаетъ награды и въ какой мѣрѣ, то вы доставьте эту сумму мнѣ, а я распредѣлю награды сообразно заслугамъ и достоинствамъ полицейскихъ чиновниковъ между моими подчиненными“. Повѣренные не посмѣли возражать, предоставляя рѣшеніе дѣла самимъ откупщикамъ, а тѣ нашли неудобнымъ отказать Цынскому, и онъ вмѣсто 30 назначилъ получать ежегодно по 60 т. руб.

Мнѣ никогда не пришлось сказать двухъ словъ съ почтеннымъ оберъ-полиціймейстеромъ, хотя въ театрѣ, гдѣ большею частью я бралъ кресло въ первомъ ряду, мнѣ нерѣдко приходилось сидѣть отъ него черезъ два и одно кресло, нерѣдко пустое. Физіономія его была очень непріятная: изношенный, блѣдный, съ зеленоватымъ оттѣнкомъ, въ черномъ парикѣ, съ крашеными усами, морщинистый, съ злымъ и бездушнымъ выраженіемъ, онъ внушалъ всякому порядочному человѣку антипатію, доходившую до отвращенія. Въ своемъ мѣстѣ я еще скажу о Цынскомъ нѣсколько словъ, и даже вскорѣ мнѣ придется сказать объ одномъ его поступкѣ.

Страшная засуха, стоявшая въ 1834 г. съ половины или конца мая, способствовала пожарамъ и поджогамъ. Пожары начались. Они были многочисленны и нѣкоторые значительны по числу сгорѣвшихъ строеній: въ Лефортовѣ, гдѣ-то около Крестовской заставы и другіе, но самый ужасный былъ истребившій Рогожскую улицу. Изъ нашего дома или сада, съ возвышенія, видна была, какъ я сказалъ уже, вся Москва, и мы могли видѣть какъ днемъ, такъ и вечеромъ, каждый или почти каждый пожаръ. Не припомню котораго числа, и даже не увѣренъ въ іюнѣ ли, горѣла Рогожская, но живо помню, какъ теперь гляжу, что часовъ въ 9 утра пожаръ свирѣпствовалъ уже сильно. Рогожская, относительно мѣстности, гдѣ находилась дача моего отца, видна была въ профиль, почти безъ всякаго ракурса, и огонь, охватившій уже нѣсколько десятковъ домовъ, разливался рѣкою, и темный, густой дымъ клубился или разстилался надъ ними, гонимый по временамъ порывами восточнаго вѣтра. Картина была ужасная, но величавая. Казалось, что пожаръ съ неудержимою силою ворвется въ самый центръ Москвы и испепелитъ ее, какъ пожаръ 12-го года. При знойномъ днѣ жаръ отъ горѣвшихъ строеній былъ такъ нестерпимъ и распространялся такъ далеко, что препятствовалъ дѣйствію пожарныхъ командъ, и онѣ, по увѣренію очевидцевъ, ограничивались тѣмъ, что, стоя параллельно огненной рѣкѣ, отстаивали дома съ боковъ пожара и поливали тѣ, которые были на пути его, подъ вѣтромъ, гдѣ еще было возможно. Сгорѣло, помнится, около двухсотъ домовъ; не обошлось и безъ сгорѣвшихъ людей. Помню пожаръ Всесвятскаго, которое выгорѣло почти совершенно. Пожары были ежедневны: горѣло иногда въ разныхъ концахъ города, разомъ въ 4—5 мѣстахъ, что затрудняло чрезвычайно дѣйствіе пожарныхъ командъ. День, въ который сгорѣло два-три дома, считался уже почти благополучнымъ. Сначала пожары приписывали только неосторожности и засухѣ, но когда начали горѣть холостыя строенія, и съ нихъ начинались пожары, — заговорили о поджогахъ. Скоро слухи приняли характеръ утвердительный, настойчивый. Подозрѣнія въ зажигательствѣ зародились наконецъ въ умахъ, несклонныхъ къ паникѣ и пессимизму. Цынскій свирѣпствовалъ, выходилъ изъ себя, какъ потому, что пожары не давали ему покоя, такъ и по-

тому, что зажигатели, о которыхъ говорили всѣ, не попадались и продолжали свое дѣло, издѣваясь надъ усиліями полиціи. Однажды, не припомню на какой улицѣ, майоръ Сомовъ шелъ съ своею невѣстою, возвращаясь въ домъ будущаго тестя. Они были уже недалеко, когда загорѣлся еще недостроенный нежилой домъ; Сомовъ остановился посмотрѣть, и это было для него гибелью. Народъ, страшно раздраженный противъ зажигателей, которыхъ полиція не могла открыть, начиналъ уже самоуправствовать. Такъ случилось и теперь. Съ крикомъ: „вотъ зажигатель!“ — нѣсколько человѣкъ бросились на несчастнаго Сомова и начали его бить. Не припомню, упала ли невѣста его въ обморокъ, или начала звать на помощь. Толпа быстро возрастала, и вскорѣ показался скачущій на пожаръ Цынскій, бывшій гдѣ-то неподалеку. Услышавъ, что схватили зажигателя, онъ, вмѣсто того чтобы остановить самоуправство и разобрать въ чемъ дѣло, съ бѣшенствомъ закричалъ и безъ того разсвирѣпѣвшей толпѣ: „бейте его, бейте!“ Въ это время въ толпу втѣснился отецъ невѣсты Сомова и увидѣлъ, что безпощадно бьютъ, бьютъ на смерть жениха его дочери, обратился къ полиціи, къ оберъ-полиціймейстеру, и при помощи ихъ, къ сожалѣнію поздней, успѣлъ вырвать изъ рукъ ожесточенной толпы избитаго, едва живаго Сомова. Его перенесли въ домъ отца невѣсты, который слышалъ яростные возгласы Цынскаго. Раздраженный и взволнованный, онъ написалъ на Высочайшее имя прошеніе, въ которомъ излагалъ дѣло. Цынскій, зная, что этотъ господинъ—человѣкъ со связями, и узнавъ о намѣреніи его подать прошеніе на имя Государя, увидѣлъ, что дѣло можетъ принять оборотъ, для него невыгодный, — бросился въ домъ, гдѣ томился несчастный Сомовъ. Встрѣченный сурово отцомъ его невѣсты, Цынскій смирилъ свою обыкновенную гордость, началъ объясняться и оправдываться, но тотъ въ отвѣтъ показалъ ему прошеніе на Высочайшее имя. Увидѣвъ, какой оборотъ принимаетъ дѣло, оберъ-полиціймейстеръ униженно началъ просить прощенія, говорятъ, ползалъ на колѣняхъ, умоляя о прощеніи, и наконецъ умирающій простилъ его и упросилъ отца невѣсты не давать дальнѣйшаго хода дѣлу. Тѣмъ это и кончилось. Не ручаюсь за несомнѣнность приведеннаго разсказа, но говорили объ этомъ единогласно многіе, въ числѣ которыхъ были люди достойные вѣроятія.

Паника тяготѣла надъ жителями Москвы; многіе держали большую часть своего имущества уложенную какъ въ дорогу, въ чемоданахъ, сундукахъ, узлахъ, чтобы имѣть возможность выносить его при началѣ пожара. По ночамъ составлялись изъ жителей караулы, независимо отъ ночныхъ сторожей и полицейскихъ. Зорко слѣдили за подозрительными людьми, и не одинъ, подобно Сомову, поплатился жизнью, заподозрѣнный въ зажигательствѣ. Раздраженіе достигло такой степени, что самаго незначительнаго повода было достаточно, чтобы пасть жертвою народной ярости. Иногда поводы къ подозрѣнію были

крайне нелѣпы.—Какой-то несчастный лакей несъ пару подсвѣчниковъ, незавернутыхъ въ бумагу. Его схватили и избили, какъ зажигателя. Многіе поплатились за то, что имѣли при себѣ спички, трутъ, огниво...

Настала осень, пошли дожди, а пожары не прекращались. Стали говорить о пріѣздѣ въ Москву императора Николая, и жители ободрились. Надѣялись, что присутствіе Государя разомъ прекратитъ пожары, заставивъ полицію усилить бдительность и дѣятельность, но вначалѣ надежды не оправдались. Въ день пріѣзда Государя было 4 пожара въ разныхъ концахъ города, но это были уже если не послѣдніе пожары, то изъ послѣднихъ: они начали становиться рѣже и вскорѣ прекратились. Пріѣздъ Государя не остался безъ благопріятныхъ послѣдствій: начали поговаривать о поимкѣ зажигателей въ значительномъ числѣ. Не знаю, обманываетъ ли меня память или нѣтъ, но кажется, что въ газетахъ было объявленіе о поимкѣ шестидесяти зажигателей, судѣ надъ ними и наказаніи. Причиною поджоговъ было то, что пожары, производя смятеніе, способствовали воровству и грабежу. Повторяю, что не увѣренъ, было ли о томъ сообщено въ газетахъ, или это былъ лишь слухъ, но имѣвшій основаніе прочное. Съ прекращеніемъ пожаровъ всѣ вздохнули свободнѣе; жизнь вошла въ обычную колею.

Симоновская слобода, наша резиденція, была пощажена пожарами. Сколько могу припомнить, все пространство отъ пороховыхъ складовъ до Крутицкихъ казармъ также уцѣлѣло. Вѣроятно, надзоръ жандармовъ былъ здѣсь не безъ вліянія на дѣло.

Копія съ циркулярнаго предписанія министра внутр. дѣлъ графа Перовскаго, 15 апрѣля 1849 года.

Замѣчено, что съ недавняго времени нѣкоторые, въ особенности молодые Дворяне стали отпускать бороды. Государь Императоръ не обращалъ на это нововведеніе никакого вниманія, доколѣ оно было однимъ смѣшнымъ отличіемъ отъ принятаго обычая; но какъ дошло до высочайшаго свѣдѣнія, что новый обычай сей болѣе и болѣе распространяется и что у нѣкоторыхъ онъ происходитъ отъ страсти подражанія западнымъ привычкамъ, то Государь Императоръ повелѣть изволилъ, дабы я объявилъ всѣмъ Гг. Губернскимъ Предводителямъ Дворянства, что Его Величество почитаетъ недостойнымъ Русскаго Дворянина увлекаться подражаніями западнымъ затѣямъ такъ-называемой моды, и что ношеніе бороды тѣмъ болѣе неприлично, что всѣмъ Дворянамъ предо-

ставлено право ношенія мундира, при которомъ отнюдь не дозволено имѣть бороды.

О семъ, согласно высочайшей волѣ, имѣю честь сообщить Вашему Пре-ву для зависящаго распоряженія и наблюденія; присовокупляя для вашего свѣдѣнія, что сказанное повелѣніе не относится до тѣхъ изъ лицъ купеческаго и мѣщанскаго сословій, которымъ разрѣшено на основаніи Св. Зак. Т. 111. прилож. къ Ст. 935. Полож. мунд., носить вмѣсто мундира кафтаны съ шитьемъ.

Съ совершеннымъ почтеніемъ и преданностію имѣю честь быть.....

Разсказъ современника о кончинѣ императрицы Елизаветы Алексѣевны. (Черновая рукопись.)

3-го Маія въ 10 часовъ пополудни Императрица Елиз: Алек. изволила прибыть въ городъ Белевъ вышедъ изъ кареты она столь была слаба отъ испарины которая дорогою у ней была что всходя на лѣстницу три раза изволила останавливаться для отдыха взошедъ въ покои куда Ее провожалъ князь Волхонской въ ту же минуту отпустя его изволила сѣсть на постель спросила саго а потомъ чаю и одну чашку чаю кушала съ полчаса потомъ легла и отъ слабости не въ силахъ была безъ пособій камеръ медхенъ Г-жи Тиссо положить ноги на кровать а какъ Императрица вся была въ поту то сказала камеръ медхенъ „можно ли такъ потеть какъ я“—на что та отвѣчала не угодно ли в: в: перемѣнить бѣлье — не нужно оботри мнѣ лицо и поди успокойся — позвольте мнѣ остаться при вашемъ в: я буду очень тихо сидѣть и васъ никакъ не обезпокою— нѣтъ поди къ себѣ я засну. Г-жа Тиссо вышла; въ три часа Имп: позвонила и когда Г-жа Тиссо взошла такъ какъ она была тогда дежурная то она изволила ей сказать я чувствую себя нехорошо—не прикажете ли послать за Стофрегеномъ—который часъ—четвертый—пусть не трогайте его поди спать можетъ быть я засну. Г-жа Тиссо вышедъ изъ спальни прислушивалась и услышала стонъ (но какъ они были предъупреждены Имп: чтобъ не пугались когда она стонетъ ибо во время сіе чувствуетъ облегченіе) то она на сіе хотя и не обратила вниманія но послала за дежурнымъ докторомъ и спустя немного время взошла и увидѣла что Имп: почиваетъ а между тѣмъ докторъ Рейнгольдъ пришелъ которому она расказавъ что съ Имп: произходило пошла посмотрѣть и взойдя увидѣла что Имп: изволила лѣжать на спинѣ открывши ротъ и очень бѣла вышедъ расказала доктору который взошедъ началъ приглядываться на Имп: изъ за ширмъ и не примѣчая никакого движенія въ Имп: подошелъ къ

кровати и взявъ Ее за руку удостовѣрился въ горестномъ событіи Имп: была уже безъдыханна тогда было $5^{3}/_{4}$ часовъ пополуночи ту же минуту послали за К: П: М: который тотъ часъ отправилъ фельдъегеря къ вдовствующей Государынѣ фельдъегерь встрѣтилъ Ея в: на пути изъ Калуги къ Подъборкамъ куда пріѣхавъ Г-нъ Албедиль объявилъ Ея велич: о случившемся нещастіи. Ея в: изволила отправиться въ Бѣлевъ куда прибывъ 4-го числа въ 8 часовъ пополудни приказала прямо ѣхать во дворецъ по прибытіи нашла успшую лѣжащею еще на той самой дорожной кроватѣ на которой она скончалась и на которой скончался Имп. А: Пав. Она изволивъ придти къ тѣлу стала на колени и плакала. При вшествіи Ея священникъ читалъ Евангеліе пріиде Маріамъ во градъ Іудинъ чемъ поражены были всѣ присудствовавшіе. Потомъ началась панихида. Императрица пробывъ тутъ до половины десятаго изволила отправиться въ приготовленный для нее домъ на другой день такъ же посещала успшную а 6-го числа изволила отправиться въ обратный путь въ Москву. 16-го Маія былъ выносъ тѣла въ церьковь гробъ поставленный на печальную колѣсницу везло купечество—по прибытіи въ церьковь началась литургія потомъ панихида.

По вскрытіи тѣла оказалось сердцѣ и верьхняя его перепонка въ скважинахъ отъ чего не могла кровь обращаться правильно.

Разсказъ современника о кончинѣ императрицы Елизаветы Алексѣевны.

3-го числа Маія 1826, въ день путешествія Государыни Императрицы Елисаветы Алексѣевны изъ Орла въ Бѣлевъ, слабость въ Ея Величествѣ весьма увеличилась, да и дорога отъ Орла до Болхова отъ дождей и бывшаго на 3-е число во всю ночь, была чрезвычайно грязна и утомительна. Въ Болховѣ на обѣдѣ Государыня почти не кушала. Въ Бѣлевъ прибыла вечеромъ около 10 часовъ, прямо въ назначенный для ночлега домъ купцовъ Братьевъ Дорофѣевыхъ. На лѣстницѣ, во 2 этажъ ведущей, останавливалась отдыхать раза два. Князь Петръ Михайловичъ Волхонскій проводивъ Ея Величество до комнатъ Ея, оставилъ съ дежурною фрейлиною, камеръ-юнферою Гж. Малышевскою и камеръ-метхиною Гж. Тиссонъ; и сойдя въ низъ въ свои комнаты немедленно отправилъ въ Калугу фелдьегеря Гавеловскаго къ Государынѣ Императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ съ донесеніемъ что Государыня Елисавета Алексѣевна по слабости здоровья останется въ Бѣлевѣ для отдыха дня на три. Примѣтно было безпокойство. Г-жа Малышевская говорила, что Государыня по входѣ въ

спальну тотчасъ сѣла на пріуготовленную кровать и будучи въ сильномъ на лице поту, говорила что Она желала бы знать можетъ ли кто другой вспотѣть такъ какъ Она. На предложеніе Малышевской не угодно ли будетъ Ея Величеству переменить бѣлье сказала: „не нужно“ и приказала только обтереть себѣ лицо, шею и затылокъ; послѣ чего выкушала чашку чаю, который пила весьма медленно, и потомъ изволила скушать ложки 4 саго, дѣлая все сіе какъ бы принуждая себя. Говорила тихо но скоро и смотрѣла на все бѣгло. Причесавъ Ея Величеству косу, Малышевская оставила Ея съ дежурною въ тотъ день Гж. Тиссонъ, отъ которой слышалъ я, что слабость въ Ея Величествѣ дошла до такой степени, что она ложась въ постель не могла поднять на кровать ногъ. Въ ночь сію Государыня не почивала почти до 5 часа утра, принимала два раза капли и порошки и спросила около сего время Доктора. Когда Тиссонъ доложила что пошлетъ за нимъ, Государыня сказала, что посылать не нужно и подтвердивъ о семъ раза два, заключила тѣмъ, что Ей очень хорошо и что Она хочетъ уснуть, приказала итти спать и Тиссонъ. Всѣ убѣжденія сей дѣвицы позволить ей остаться были тщетны, Государыня настоятельно требовала Ее оставить одну, и Тиссонъ вышла. Спустя послѣ сего съ часъ времени не слыша призыву, (колокольчика) ибо рѣдко случалось что Государыня такъ долго къ себѣ не требовала, она по совѣту Малышевской рѣшилась войти въ спальну, но видя, что Государыня почивала, весьма была обрадована. Между тѣмъ пришелъ лейбъ медикъ Рейнголдъ, съ которомъ въ сужденіяхъ о слабости здравія Ея Величества прошло довольно времени, но призыву все не было. Хотя онъ и ободрялъ дѣвицъ сихъ, что сонъ можетъ подкрѣпить силы Ее, но Тиссонъ паки рѣшилась войти въ спальну и вышла оттуда встревоженная. Необыкновенная бѣлизна въ лице Государыни и открытый ротъ весьма ее испугали, что побудило войти въ спальну въ ту же минуту и Рейнгольда, который по довольномъ сначала разсматриваніи Государыни чрезъ ширмы подошелъ наконецъ къ кровати, но Монархиня покоилась уже вѣчнымъ сномъ. Въ ту же минуту (около 7 часа утра) извѣщены были о семъ князь П. М. Волконскій, супруга его княгиня Софья Григорьевна, фрейлины Катерина Петровна Валуева, княжны Варвара Михайловна и Александра Петровна Волконскія, д. с. с. Николай Мих. Лонгиновъ и лейбъ медикъ д. с. с. Штофрегенъ. Излишне говорить о чувствахъ горести, поразившей всѣхъ кончиною Обожаемой. Въ 9 часу того же утра (4 Маія) я входилъ въ спальну покойной Государыни. Она лежала на походной кровати своей одѣтая въ бѣлый капотъ и чепецъ. При тѣлѣ Ея находились княжны Варвара Михайловна, Александра Петровна и княгиня Софья Григорьевна Волконскіе. Съ позволенія ихъ поцѣловавъ ручку покойной, я довольно смотрѣлъ на лице Ея. Оно было весьма бѣло и съ такою ангельскою миною, что Государыня казалась покоющеюся въ пріятномъ снѣ. Разговаривая о семъ съ ка-

меръ-юнферами, я слышалъ отъ Тиссонъ, что при разсматриваніи покойной Государыни непримѣтно было ни малѣйшаго движенія, сдѣлала ли Она предъ кончиною; ибо найдена такъ, какъ она оставила Ее въ постѣлѣ. Въ 9 часовъ утра же отъ князя П. М. Волконскаго послано было къ Государынѣ Маріи Ѳеодоровнѣ донесеніе съ порутчикомъ фелдьегерскаго корпуса Петровскимъ, который встрѣтилъ Ея Величество на станціи Подборки, не доѣзжая Калуги 46 верстъ; ибо Государыня по полученіи перваго донесенія немедленно отправилась въ Бѣлевъ, куда и прибыла около 5 часовъ вечера прямо въ домъ покойной. Войдя въ комнату пала предъ нею на колѣни и слезы горести обильно оросили прахъ Ея. Ея Величество отправилась обратно въ Калугу 6 числа послѣ утренней панихиды, на которыхъ присутствовала 4-го вечеромъ и два раза 5 числа. Государыня въ бытность сію въ Бѣлевѣ занимала домъ купца Сорокина. Свиту Ея составляли: штатсъ-дама к. Александра Николаевна Волконская, фрейлина Кочетова, гофъ-маршалъ Албединъ, его пре-во Г. И. Вилламовъ и лейбъ-медикъ Рюль. Княгиня Волконская оставалась въ Бѣлевѣ до прибытія на смѣну Ея изъ Москвы штатсъ-дамы графини Каменской, которая сопровождала тѣло до Можайска, а оттуда сопровождала княгиня А. Н. Лопухина уже до С.Петербурга.

Церемоніалъ выноса тѣла императрицы Елизаветы Алексѣевны въ Бѣлевѣ. (Рукопись 1826 года.)

Для выноса тѣла Блаженной памяти въ бозѣ почивающей Государыни Императрицы Елисаветы Алексѣевны изъ дворца въ церковь.

1. Полиціймейстеръ верхомъ.
2. Отрядъ жандармовъ по два въ рядъ.
3. Комендантъ верхомъ.
4. Два взвода Конно Егерьскаго короля Виртенбергскаго полка.
5. Въ должности церемоніймейстера назначенный отъ губернатора чиновникъ порутчикъ Азбукинъ.
6. Гофъ-фурьеръ въ епаньчѣ.
7. Придворныя лакеи по два въ рядъ.
8. Офиціанты въ епаньчахъ.
9. Города Бѣлева купечество.
10. Города Бѣлева магистратъ, за нимъ градскій глава.

11. Уѣзднаго училища учители по два въ рядъ за ними смотритѣль, почтовыя чиновники съ почт-мейстеромъ.

12. Города Бѣлева гражданскіе чиновники по старшинству присудственныхъ мѣстъ.

13. Бѣлевское и иногородное дворянство.

14. Иногородные чиновники.

15. Чиновники губернатора.

16. Гражданскій губернаторъ.

17. 2 церковныхъ фонаря.

18. 6 церковныхъ хоругвій по 2 въ рядъ.

19. 2 церковныхъ фонаря.

20. Церковный крестъ.

21. Дьяконы по 2 врядъ.

22. Священники всѣхъ церквей и посторонніе по два въ рядъ младшіе въ переди.

23. Хоръ пѣвчихъ.

24. Преосвященный съ подьяконами и протодіяконами.

25. Въ должности церемоніймейстера назначенный отъ губернатора чиновникъ коллежскій ассесоръ Хрущовъ.

26. Орденъ Гишпанской Холойдовичъ.

27. Орденъ Малтійской несъ вицъ губернаторъ Васильевъ. Ассистенты: подпорутчикъ Труновъ и гвардіи подпорутчикъ К. Голицынъ.

28. Орденъ Анненской несъ въ должности церемоніймейстера Юшковъ. Ассистенты: титулярный совѣтникъ Тимяшевъ и штабсъ-ротмистръ Албычевъ.

29. Орденъ св. Александра Невскаго несъ дѣйствительный статскій совѣтникъ Булгаковъ. Ассистенты: капитанъ Хозиковъ и штабсъ-капитанъ Щелинъ.

30. Орденъ св. Екатерины дѣйствительной статской совѣтникъ Лонгиновъ. Ассистенты: надворный совѣтникъ Лихаревъ и маіоръ Ильинъ.

31. Орденъ св. Андрея Первозваннаго несъ генералъ-маіоръ Ивановъ. Ассистентъ коллежскій совѣтникъ Макеровскій.

32. 2 церковныхъ фонаря.

33. 4 хоругви церковныя по два въ рядъ.

34. 2 церковныхъ фонаря.

35. Церковный крестъ.

36. Духовный отецъ протоіерей Федотовъ съ образомъ при немъ протодіяконъ съ кадиломъ.

37. Гвардіи полковникъ Соломка верхомъ.

38. Колесница съ гробомъ запряженная 8 лошадьми, коихъ ведутъ 16 человѣкъ въ мантіяхъ и возлѣ ихъ 16 человѣкъ съ факелами.

39. Шнуры балдахина поддерживаютъ 2 камергера и 2 камеръ-юнкера и 8 штабъ офицеровъ: уѣздный предводитель полковникъ Игнатьевъ, подполковникъ Вороновскій, капитанъ 2 ранга Картавцовъ, подполковникъ Паре. . . . . надворный совѣтникъ Арбузовъ, Малиновскій и подполковникъ Фроловъ.

40. По сторонамъ колесницы 36 человѣкъ несли заженныя факелы.

41. Свита покойной Государыни Императрицы слѣдовала пешкомъ за гробомъ въ мантіяхъ, конюшенный офицеръ верхомъ.

42. Екипажъ Ея Императорскаго Величества.

43. Екипажъ фрейлинъ.

44. Два взвода Конно-Егерьскаго короля Виртембергскаго полка.

45. Команда полицейская наблюдаетъ за порядкомъ частныхъ екипажей.

46. Колокольный звонъ начался за полчаса до церемоніи какъ на панихиды и продолжился до конца оной.

47. Архимандритъ встретилъ печальную церемонію съ причетомъ и церковными хоругвями и фонарями впереди церкви.

48. Какъ скоро тѣло тронулось съ мѣста, то артиллерія стреляла всякую минуту по одной пушкѣ до тѣхъ поръ какъ пришли въ церковь.

49. Пѣхота и Конно-Егерьскій короля Виртемберсгскаго полкъ поставлены были по улицѣ отъ дома до церкви.

50. Инвалидной команды нижніе чины наряжаются для нѣсенія факеловъ впереди и вокругъ печальной колесницы въ епанчахъ.

51. Троурныя плащи и шляпы раздаваемы были отъ гофъ-фурьера Воробьева.

Квартировали: Императрица Елисавета Алексѣевна въ домѣ купца Дорофѣева.

Вдовствующая Марія Ѳеодоровна въ домѣ купца Сорокина.

Два письма Н. Аделунга графинѣ Ю. Ѳ. Барановой, 22 сентября 1849 г. и 20 марта 1850 года.

Stuttgart. le $\frac{22\ \text{Septembre}}{4\ \text{Octobre}}$ 1849.

Madame la Comtesse,

Madame La Grande Duchesse Olga Nicolayewna me charge de Vous prier de vouloir bien Lui envoyer un image de la Sainte-Vierge avec l'Enfant Jésus, juste comme ceux que Sa Majesté L'Impératrice daigne donner aux Demoiselles d'honneur

qui se marient. Son Altesse Impériale ayant destiné cet image à M - lle la Comtesse Moussine-Pouchkine pour sa noce qui doit avoir lieu au commencement du mois de Novembre nouveau style,Vous aurez sans doute soin, Madame la Comtesse, de l'expédier par la poste si avant le mois prochain il n'y avait pas d'occasion de courier.

C'est avec un véritable plaisir, Madame, que je saisis cette occasion de m'acquitter de devoir de Vous donner des nouvelles de Madame La Grande Duchesse. Si les journaux Vous ont appris que Leurs Altesses Impériale et Royale ont été solonnellement reçues à Leur retour à Stuttgart, je puis avec bonne conscience ajouter que cette réception était cordiale et n'émanait que de la joie générale de revoir ici, après une si longue absence, Celle qui durant Son séjour de $2^1/_2$ années dans le pays, avait sû gagner à si juste titre une vénération sincère dans toutes les classes de la société. Je ne crois pas que ce n'est que la versatilité de l'opinion publique qui ait poussé à cette preuve de dévoûment ceux même qui, il y a peu de tems encore, ont prêché ou écoutés prêcher des sentimens et des principes tout-à-fait contraires;—j'aime mieux croire que c'est un retour vers des sentimens plus réguliers et plus naturels après le déplorable vertige qui pendant tant de mois a dominé un grand nombre de têtes trop faibles pour discerner le mal et le bien. La misère est grande ici dans certaines classes de la société; le petit artisant surtout a souffert considérablement; et il n'y a pas de doute que cette misère a eu une grande et bienfaisante influence sur les esprits.

Madame La Grande Duchesse avec Sa sagesse accoutumée a sû dès Son arrivée Se réaccoutumer aux allures du pays. Elle habite avec Monseigneur Le Prince Royal les serres de la „Villa“ qui, dégarnie des échaffaudages, se présente aujourd'hui dans toute sa beauté. La végétation y est riche, l'air excellent, et Son Altesse Impériale y jouit d'une parfaite santé. Généralement on est frappé ici du changement favorable qui s'est opéré dans l'extérieur de Son Altesse Impériale.

La tranquillité dans tout le pays est complète et ne sera guère troublée de sitôt. Les calamités en Bade ont fourni un trop frappant exemple.

Veuillez, Madame la Comtesse, agréer l'expression sincère de mon inaltérable dévoument.

Nicolas d'Adelung.

à Mad. La C-sse de Baranow.

Stuttgart, le — $\frac{20 \text{ Mars}}{1 \text{ Avril}}$ — 1850.

Madame La Comtesse,

D'ordre de Madame La Grande Duchesse Olga Nicolayewna j'ai l'honneur de Vous informer du contenu du paquet adressé à Son Altesse Impériale, et portant

le timbre de Kaschau. C'était un petit ouvrage intitulé „Der Unterofficier im Felde“ d'un certain Hauer Capitaine du régiment № 56 de l'Infanterie des troupes Autrichiennes. Dans la lettre d'accompagnement il cite comme motif d'oser mettre aux pieds de Son Altesse Impériale un exemplaire de son ouvrage, qu'adjoint pendant la dernière campagne en Hongrie à l'armée Impériale il avait eu plus d'une fois l'occassion de voir et d'admirer le Régiment de Hussards qui a le bonheur de porter le nom de Son Altesse Impériale.

Je m'empresse de profiter de cette occasion de Vous donner sur Madame La Grande Duchesse les meilleures nouvelles. Elle jouit, grace en soit rendu au Ciel d'une parfaite santé, ce que trahissent et Son teint et la disposition sereine de Son âme.

Veuillez, Madame m'excuser avec Votre indulgence accoutumée, si j'ose joindre à cette lettre deux mots qui concernent mon bonheur domestique. Le $\frac{\text{27 Février}}{\text{11 Mars}}$ Dieu nous a donné une fille.

Agréez, Madame la Comtesse l'hommage de mon sincère et respectueux dévouement

de Votre Excellence le tout dévoué

Nicolas Adelung.

à S. Exc. Mad. la C-sse de Baranow.

Отрывки изъ дневника Н. Гилярова.

Мои мысли и чувствованія при окончаніи риторическаго курса.

Время, время! Какъ скоро ты летишь, крылатое время! Что ни дѣлаешь, а ты все обгоняешь. Иногда въ скучный зимный холодный день, когда слезы замерзаютъ на щекахъ отъ мороза, невольно говоришь самому себѣ: ахъ! скоро ли весна! Пора избавиться отъ этой несносной жестокой стужи. Не успѣешь оглянуться—и ужъ снѣгъ таетъ, зеленая травка покрываетъ землю, деревья опушаются листьями, залетныя птички зачирикаютъ въ воздухѣ. И весна прискучила, земледѣлецъ бѣдный, трудолюбивый, говоритъ: „скоро ли лѣто, скоро ли поспѣетъ хлѣбъ, плоды? ѣсть нечего“. Глядишь—лѣто какъ тутъ: нивы волнуются золотыми колосьями, спѣлые плоды красуются на деревьяхъ. Какой жаръ, поскорѣе бы осень; и осень не заставляетъ долго ждать себя, осенніе вѣтры забушуютъ въ лѣсахъ, засвистятъ въ городахъ, листья пожелтѣютъ, опадутъ; а тамъ также быстро, также незамѣтно приблизится зима, ледъ окуетъ воды, снѣгъ забѣлѣется на поляхъ, настанутъ трескучіе морозы. Такъ всегда летитъ время. Быстро летитъ пуля, пущенная изъ ружья, но время быстрѣе.

Видите вдалекѣ черную точку, едва замѣтную? Люди мало обращаютъ на нее вниманіе, но время несетъ ее на себѣ, и она течетъ, течетъ, и все ближе и ближе, и наконецъ вдругъ останавливается предъ нашими ногами. Это гробъ, холодная могила, а за ними вѣчность, гдѣ уже нѣтъ времени. Вотъ, друзья мои, первая мысль, представшаяся мнѣ при наступленіи лѣта 1840 года. Она нѣсколько обща, но простите, что взошло въ голову, того не выкинешь. Я помню—меня вывели въ семинарію, я жаждалъ скорѣе выучиться сочинять. Скоро ли, скоро ли я буду умѣть сочинять, какъ надо; скоро ли минутъ эти два года. И вотъ прошелъ годъ, приближается къ концу и другой. И это такъ быстро, такъ мимолетно, что произшедшее со мной за годъ и болѣе кажется мнѣ какимъ-то легкимъ сновидѣніемъ, только что кончившимся. И вся жизнь на смертномъ одрѣ не такъ ли же представляется сномъ?

Но прочь всѣ эти черныя, мрачныя мысли, невольно представляющіяся мнѣ, но навѣвающія какимъ то холодомъ, когда вспоминаешь о смерти. Я только что начинаю жить, къ чему же онѣ? Теперь надо радоваться, а не плакать, и если думать что нибудь, то все не такъ уныло. — Я оканчиваю курсъ риторики. Я кое-какъ выучился сочинять,—къ чему же послужитъ мнѣ мое знаніе? Зачѣмъ я учился? Какая для меня отъ того польза?—Ахъ, друзья мои! Пусть спрашиваетъ себя такимъ образомъ кто нибудь другой, а что касается до меня, то я давно уже отвѣтилъ себѣ на эти вопросы!... Но они теперь опять представились моему уму. Если я что нибудь знаю, и если я еще что нибудь пріобрѣту, еще сколько нибудь умѣнья говорить краснорѣчиво (а у меня его еще такъ мало!), то куда его употребить, какъ не на пользу ближнимъ? Какое удовольствіе будетъ для меня, если я своимъ словомъ хоть нѣсколько людей, хоть одного человѣка успѣю совратить съ пути криваго и навести на путь прямый, истинный! Какое удовольствіе! Если я обратилъ кого нибудь къ добродѣтели, значитъ я умѣю убѣдить. Убѣдить—пріятная мысль! Но въ чемъ убѣдить? Убѣдить не въ пустыхъ какихъ нибудь умозаключеніяхъ, сдѣлать впечатлѣніе не суетное или даже порочное, возбудить страсти не злыя и порочныя, какъ нѣкоторые писатели, хвастающіе своимъ умѣньемъ дѣйствовать на душу. О, нѣтъ! Это можетъ сдѣлать и всякій мало мальски смыслящій человѣкъ! Возбудить страсти! Къ нимъ люди и безъ того способны, и безъ того готовы предаться со всею силою, лишь укажи дорогу. Нѣтъ, увѣрить въ отвергаемой истинѣ и разувѣрить въ свято чтимомъ, внушить любовь къ ненавидимому и ненависть къ любимому, любовь къ добродѣтели и ненависть къ пороку—вотъ истинная и славная побѣда надъ умомъ и сердцемъ человѣческимъ, вотъ истинная слава краснорѣчія! Но кромѣ удовольствія собственнаго, награды земной, есть и другая награда, которая выше и важнѣе всѣхъ земныхъ наградъ, столько выше и важнѣе, сколько больше и свѣтлѣе солнце, возженное самимъ Богомъ,

предъ маленькимъ фонаремъ, зажженнымъ рукою человѣческою. Эта небесная награда — безконечное блаженство въ будущей жизни, которое, какъ говоритъ Апостолъ Іаковъ, дается тѣмъ, которые обратятъ грѣшника на путь истинный. Кто обратитъ грѣшника, говоритъ онъ, тотъ покроетъ множество грѣховъ своихъ.

Эти мысли пришли мнѣ въ голову при воззрѣніи на прошедшее, на мое изученіе риторики. Теперь посмотрю на будущее, на мое продолженіе наукъ. Меня будутъ учить тому, какъ правильно мыслить и разсуждать, будутъ учить, что такое Богъ и человѣкъ, а тамъ далѣе, какія обязанности человѣкъ имѣетъ къ Богу: прекрасныя науки, доставляющія драгоцѣнныя познанія! Пусть всякой толкуетъ о пользѣ наукъ, какъ ему угодно, пусть приводитъ на это какія угодно причины, но я ..... я вижу одну только пользу отъ наукъ, и для одной только цѣли, думаю, должно учиться. Эта цѣль—Богъ и добродѣтель. Все, что можетъ способствовать къ большему нашему познанію Бога и нашему приближенію къ Нему, то я считаю полезнымъ, а что служитъ только къ суетному надмѣванію ума нашего, то—вредъ, жестокій ядъ, который не только не принесетъ никакой пользы, кромѣ одного минутнаго суетнаго удовольствія отъ большихъ познаній (и то только удовольствіе, а не польза!), но и заставляетъ своимъ печальнымъ окончаніемъ въ будущей жизни, заставляетъ горько раскаеваться любителей земной мудрости. Я знаю только, что благочестіе и все ведущее къ нему вполнѣ полезно, а земное ученіе только вмалѣ, да и то только то, что не даромъ носитъ названіе *ученія*. А это развѣ не ученіе, что учитъ насъ здраво разсуждать, что учитъ нашъ умъ дѣйствовать прямо, не заблуждаться съ пути и не разсуждать ложно, вопреки священнѣйшимъ для человѣка истинамъ, какъ дѣлали нѣкоторые философы прошедшаго столѣтія. А что учитъ насъ нашимъ обязанностямъ къ Богу, то самымъ названіемъ своимъ вполнѣ показываетъ свою пользу.

Друзья мои! Хотѣлъ я высказать *всѣ* мои мысли и чувствованія при окончаніи риторическаго курса, но .... нѣтъ! Я не могу, не въ силахъ сдѣлать этого. Умъ мой преисполненъ многими, очень многими мыслями, но излить ихъ недостаетъ силъ. Я высказалъ только главнѣйшее.

Начну я, если Богъ дастъ, другой курсъ, курсъ философіи, и тогда... желать ли мнѣ, чтобъ онъ поскорѣе окончился? — О желать безъ сомнѣнія. Чѣмъ скорѣе онъ пройдетъ, тѣмъ скорѣе я могу быть кому нибудь полезнымъ. А тогда какъ окончу свое ученіе, тогда, если я буду хоть кому ни есть полезнымъ, я буду желать, чтобъ время шло тише, какъ можно тише, чтобъ дать мнѣ возможность быть болѣе и болѣе полезнымъ. Когда же я не буду въ состояніи принести кому нибудь пользу, не буду имѣть возможности (еслибы такъ случилось), тогда — о! тогда лети быстрѣе, не задерживай меня напрасно на пути

этой суетной жизни, лети, спѣши быстрѣе, неси меня къ гробу, къ вѣчности, чтобъ скорѣе унесть съ земли ненужнаго, безполезнаго и лишь напрасно тяготящаго ее человѣка!.....

Н. Гиляровъ.

27 Декабря, пятница.

Сегодня мнѣ пришло на умъ кое что о чудесахъ, разсказываемыхъ въ четьихъ минеяхъ и прологахъ. Люди, мечтающіе быть свободными отъ предразсудковъ суевѣрія, люди просвѣщенные обыкновенно не вѣрютъ этимъ сказаніямъ, и даже смѣются надъ тѣми, кто этому вѣритъ. Чудеса? подумалъ я. Эти люди вѣрятъ Библіи, вѣрятъ всѣму, что тамъ есть, а не хотятъ вѣрить сказаніямъ Св. Отцевъ. Отъ чего? Причина очень естественная. Библія дескать писана Духомъ святымъ, а писанія Св. Отцевъ непр. — Конечно Св. Отцы во многомъ ошибались, и что они не вездѣ правду говорили. Этому лучшимъ доказательствомъ служитъ то, что мнѣнія одного Отца противорѣчатъ другому. Поэтому-то и не должно во всемъ довѣрять имъ; на примѣръ смѣшно было бы вѣрить Дмитрію Ростовскому въ томъ, что есть на свѣтѣ такія животныя, подобные нашимъ сказочнымъ полканамъ, которыхъ не видалъ и вѣрно никогда не увидитъ ни одинъ естествоиспытатель. И это ничуть не опровергаетъ ихъ святости. Эти добрые старики молились Богу и дѣлали добро, и за это попали въ святые... А это вещь совершенно сторонняя отъ спасенія. Впрочемъ не должно впадать и въ другую крайность, будто бы вѣрить разсказамъ Св. Отцевъ надо вѣрить въ такой же степени, какъ сказкѣ о Добрынѣ Никитичѣ. Именно, что то, объ чемъ пишутъ Св. Отцы, случалось на землѣ, но подробности, обыкновенно сопровождающія описаніе жизни каждаго Отца, были.... частію сказки. Покажемъ же теперь, должно ли вѣрить Св. Отцамъ, и въ какой степени вѣрить сказ. о чуд. Св. Отцевъ.

Конечно никто не станетъ спорить, что Св. Отцы думали обманывать.....

1 Іюля понедѣльникъ.

Ровно полгода прошло съ тѣхъ поръ, какъ я началъ этотъ дневникъ.... Какое разстояніе—цѣлые полгода! Сколько въ это время случилось со мной произшествій смѣшныхъ и печальныхъ, радостныхъ и горестныхъ, и все презанимательныхъ. Тогда мнѣ было 15, а теперь шестнадцать лѣтъ, тогда былъ еще риторъ, а теперь уже готовлюсь въ философы. Въ продолженіе я успѣлъ ужъ съѣздить въ Коломну, повидаться съ родными.... Какъ много съ тѣхъ поръ утекло воды!... Но несмотря на все это я не написалъ до сихъ поръ ни одной строчки въ моемъ журналѣ. Неужели и этому бѣдному дневнику уничтожиться также какъ уничтожились тѣ три дневника? О нѣтъ, при начатіи его я принялъ

рѣшительное намѣреніе продолжить его, если можно до самаго конца моей жизни, такъ чтобы при самой смерти написать мои предсмертныя думы не на другой какой бумагѣ, но имянно въ этомъ журналѣ, написать что либо въ родѣ этихъ стиховъ Державина,.... предъ смертью на аспидной доскѣ.

Такъ чтоже мнѣ мѣшало продолжать мой журналъ? Братъ, который мѣшалъ мнѣ продолжать и январское нѣчто. Какъ теперь помню, я сидѣлъ въ кабинетѣ и писалъ начало своего дневника тихонько отъ всѣхъ. Пишу, пишу, авось не увидитъ.... А то вѣдь бѣда! И гдѣ бумагу взялъ, и какъ смѣлъ взять безъ спросу, и для чего взялъ, и такъ далѣе... Авось, авось... но какъ тщетна надежда человѣческая. „Никита, поди сюда“ раздался изъ дали этотъ грозный (!!!) голосъ, и я спѣшу тотчасъ забросать свой дневникъ бумагами и положить въ шкапъ, едва успѣвъ поставить на концѣ нѣсколько точекъ..... На другой день хотѣлъ было продолжать писать, но Петръ Александровичъ и Александръ Петровичъ опять помѣшали мнѣ.....

Такъ прошло полгода. Я ужъ забылъ о своемъ журналѣ. Однажды какъ то я увидѣлъ его у себя въ бумагахъ. „А! подумалъ я,—старый знакомецъ. Да нельзя ли мнѣ теперь начать другой сирѣчь пятый дневникъ“. Думалъ, думалъ, но захотѣлъ лучше продолжать начатый, нежели начинать новый.

2 Іюля вторникъ.

Сегодня у насъ былъ Черкизовскій дьяконъ, приходившій къ брату за Черкизовскими деньгами. Братца не было дома. Мы поговорили о томъ, о семъ, о землякахъ нашихъ, о коломенскихъ родныхъ, и я къ удивленію узналъ, что сестрица Душа родила сына Петра. Крестины были прошлаго воскресенья, т. е. 23 числа Іюня. Чтожъ они не пишутъ къ намъ о такомъ важномъ случаѣ, произшедшемъ въ нашей фамиліи. Право досадно подумать, что они какъ будто не считаютъ насъ своими родными.

Теперь всѣ мои помышленія занимаютъ два предмета: экзамены и Коломна. Я боюсь, чтобъ меня не вывели назадъ въ реторику, не снизили съ перваго мѣста, это первый и важнѣйшій для меня предметъ моихъ думъ. Нѣсколько разъ я не отвѣчалъ Николаю Ивановичу, на экстраординарныхъ предметахъ я не слишкомъ высоко, на священномъ писаніи можно сказать, что я не отвѣтилъ, инспекторъ и ректоръ обо мнѣ худаго мнѣнія. Вотъ что крушитъ меня!... Конечно не великая бѣда быть выведеннымъ вторымъ или третьимъ и даже 10, но стыдъ то какой!.. „Э, э! будутъ говорить ученики и мои родные, а былъ первымъ, и теперь къ выводу оказался недостойнымъ перваго мѣста!!!“ А это какъ ежели?... Поѣздка въ Коломну—вотъ вторый и ближайшій къ сердцу предметъ моихъ думъ. Братецъ послалъ въ Коломну уже два *обличительныхъ* письма. Будутъ ли они имѣть какой нибудь успѣхъ. Можетъ эта ..... дѣвка живетъ у

насъ до сихъ поръ и негодяи-пьяницы Ванька съ Алексѣемъ продолжаютъ посѣщать нашъ домъ.... Они тамъ объѣдаютъ тятеньку, а братъ не хочетъ держать меня долѣе вакаціи... Такъ надо съѣздить чтобъ устроить всѣхъ. Притомъ надо мнѣ платье кой какое сшить, преимущественно же шинель. А то пожалуй сошьютъ какую нибудь чуйку!!! Не говорю ужъ о томъ, что я буду посмѣщищемъ всей семинаріи, потому что въ риторахъ то во второй годъ носилъ чуйку одинъ только я, вотъ еще почему я желаю, чтобы мнѣ сшили шинель. Когда братъ не станетъ держать меня, то я разумѣется буду искать учительскаго мѣста. А въ худой одеженкѣ, извѣстно, меня никуда не примутъ. Итако вотъ причины, по которымъ я желаю ѣхать въ Коломну. Я не говорю уже о томъ, какъ пріятно послѣ полугодовой разлуки видѣться съ родными. Но что если братъ меня не отпуститъ подъ какимъ нибудь предлогомъ, хоть то напримѣръ, что на это нужно тятенькѣ истратить по крайней мѣрѣ 10 рублей. Тогда какъ Ванька съ Алексѣемъ навѣрное въ вакаціи больше съѣдятъ у тятеньки. Я бы уѣхалъ тогда самъ безъ его позволенія, потому что онъ ужъ обѣщался не держать меня долѣе вакаціи. Да вотъ бѣда на дорогу денегъ нѣтъ у меня. И то бы ничего. Я бы на дорогѣ обошелся безъ денегъ, но вотъ въ чемъ дѣло. Извощику надо задатокъ, по крайней мѣрѣ гривенникъ, хоть бы занять у кого нибудь пятиалтынный, пятакъ серебромъ пошелъ бы на.....

3 Іюля середа.

Поутру я заходилъ въ семинарію, оттуда пошелъ къ Василью Васильевичу, для того чтобъ отдать ему копію съ билета Сохранной Казны, но засталъ его въ постелѣ, онъ боленъ. Дѣлать нечего поворотивъ оглобли назадъ я зашелъ справиться, пріѣхалъ ли Иванъ Ива. Мѣщанинковъ въ Москву, и мнѣ сказали, что еще не бывалъ сюда. И слава Богу! Авось онъ не поѣдетъ до осени! Въ такомъ случаѣ я буду въ состояніи во время вакаціи прочитать много книгъ, полезныхъ и занимательныхъ.

Я иногда читая книги списывалъ изъ нихъ, что мнѣ нравилось, на особенные клочки бумаги. Теперь я хочу вписать въ мое нѣчто то, что осталось у меня изъ этихъ выписокъ. Вотъ напр. стихи. Давыдова, забылъ подъ какимъ заглавіемъ, кажется *Пѣсня нашего времени* изъ Библ. для Чтенія.

Былъ вѣкъ бурный, дивный вѣкъ (и т. д.)

4 Іюля четвергъ.

Вотъ еще выписка изъ Отечественныхъ Записокъ..... Грицька Основьяненка Пѣсня запорожцевъ, сложенная въ то время, когда у запорожцевъ отняли ихъ землю, не давая другой для поселенія.

Ой Боже жъ нашъ, Боже милостивый! (и т. д.)

Когда имъ дали землю для поселенія, они сложили пѣсню:

Ой когда жъ намъ журилось
Пора перестать... (и т. д.)

Вчера къ намъ принесли Библіотеку для Чтенія отъ Оппельши. Изъ нея надѣюсь сдѣлать нѣсколько выписокъ.

6 Іюля суббота.

Вчера поутру въ 7 часовъ я собралъ книги, какъ и всегда, пошелъ туда, куда всегда хожу, только не въ тотъ классъ, и не съ такимъ духомъ, какъ обыкновенно. Вчера у насъ былъ словесный экзаменъ, экзаменъ нечета прежнимъ словеснымъ экзаменамъ. Нѣтъ! это экзаменъ ревизорскій, который окончательно рѣшаетъ судьбу ученика—вывесть ли его, оставить ли или изключить, и какимъ вывесть, оставить, и, если надо, исключить. Я пришелъ въ классъ богословіи въ тревожномъ состояніи духа, хотя, разумѣется, старался, какъ и всѣ, показывать противное.

Пробило 9 часовъ. Немного спустя является къ намъ Ректоръ, сопровождаемый Инспекторомъ, Н. И. Надеждинымъ и Н. П. Чертковымъ. Прочитали молитву, ректоръ раскланялся и сѣлъ, его примѣру послѣдовали всѣ учители и ученики. Минуты съ двѣ царствовало глубокое молчаніе, пока ректоръ развертывалъ списокъ и осматривалъ перья. И въ эти двѣ минуты сколько разныхъ ощущеній волновало моихъ товарищей: одинъ блѣднѣетъ, другой краснѣетъ, третій смотритъ въ тетрадки..... Признаться, я тутъ..... вся давешняя робость или смущеніе, назовите какъ угодно..... Наконецъ О. Іосифъ громкимъ голосомъ по своему обыкновенію сказалъ: кто желаетъ остаться еще въ этомъ же классѣ? Желающіе вышли на средину, и экзаменъ начался.

Между тѣмъ инспекторъ далъ предложеніе для задачи экспромтомъ: modestia est optimum ornamentum iuvenis. Прошла четверть часа. Никто еще не говорилъ заданнаго экспромта. Вдругъ инспекторъ выкликаетъ меня „Никита Гиляровъ!“ Эй, ай! Я еще не приготовилъ ничего, но дѣлать было нечего. Я вышелъ.

„Сдѣлалъ ли экспромтъ?“ спросилъ инсп.

— Нѣтъ еще.

„Слышалъ предложеніе? Modestia est optimum ornamentum iuvenis. Что ты хочешь сказать?“

— Хрію порядочную.

„Ну чтожъ ты медлишь? говори.“

Я и такъ и сякъ. Да нѣтъ, отвертѣться никакъ было нельзя, и я ему сказалъ:

— Я хочу сказать превращенную хрію перваго рода.

„Говори.“

Нечего дѣлать, я сталъ говорить свой экспромтъ, экспромтъ въ полномъ смыслѣ, потому что я думалъ въ то же время какъ говорилъ. И что же я сказалъ? Какую глупость! Ну право стыдно мнѣ повторять здѣсь! Какую общую причину я привелъ!.... Потому де modestia est optimum ornamentum iuvenis, что illa in florente et decrepita aetate hominem felicem reddere potest!... Я такъ чувствовалъ тогда это. Но дѣлать было нечего. Утопающему не надо презирать и бревнушка маленькаго, а я хватался за соломенку. И въ торопяхъ, въ смущеніи я даже забылъ, что хріи превращенныя имѣютъ часть: связь—и сказалъ хрію безъ связи. Какой дуракъ!

Наконецъ въ полминуты—куда въ полминуты! въ двѣ секунды, я кончилъ экспромтъ. „Маловато,“ сказалъ мой аудиторъ. Кажется можно было..... Прошло уже четверть часа. Чтожъ дѣлать не разслыхалъ предложенія!... Сталъ спрашивать объ немъ, и пока спрашивалъ объ немъ у другихъ, уже прошло довольно времени..... Ну ступай.

Да впрочемъ и другіе не лучше меня. Сперанскій ушелъ отъ инспектора со слезами на глазахъ и сказалъ, что инспекторъ его не дослушалъ!.. Нѣкоторые однакожъ сказали хорошо, тѣмъ болѣе, что въ какое то испытаніе задавали намъ задачу на это же самое предложеніе только по руски.

Часу въ одинадцатомъ пріѣхалъ Виталій. Онъ спрашивалъ не по порядку. Между прочимъ спросилъ и меня объ ораторскомъ произношеніи. Я ему сказалъ. Выслушавъ мой отвѣтъ объ ораторскомъ произношеніи, ревизоръ сказалъ ну произнеси же мнѣ какую нибудь тираду мастерски по этимъ правиламъ, которыя ты читалъ. Что напримѣръ ты знаешь. Хотѣлъ ему сказать: ваше преосвященство, извольте я вамъ лекцію мастерски произнесу, но онъ самъ мнѣ назначилъ произнесть оду „Богъ.“ Я прочелъ ему первую строфу, (и старался читать что называется съ чувствомъ съ толкомъ съ разстановкой) на которой онъ остановилъ меня: „э, батюшка, сказалъ онъ, у тебя выраженія никакого нѣтъ, ступай.“ Хоть и досадно мнѣ было, но не спорить же съ нимъ. Я поклонился, какъ слѣдуетъ... И вотъ весь экзаменъ!

Я пришелъ домой, братецъ мнѣ далъ читать книгу: Житіе митрополита Платона, соч. Ив. Снегирева. Славная книга. Надѣюсь кое что выписать.

Ну а объ нынешнемъ днѣ что написать? Ничего. Ѣлъ, ходилъ, сидѣлъ, писалъ—вотъ и все!

7 іюля воскресенье.

О! какое тяжкое испытаніе послалъ на меня сегодни Богъ!..

Поутру сегодни пришедши отъ обѣдни, я услышалъ, что братъ что-то чи-

таетъ. Это было письмо изъ Коломны, отвѣтъ на послѣднее братнее письмо, которое служило продолженіемъ перваго письма, посланнаго отсюда въ Коломну съ Черкизовскими. Оба братнія письма содержали укоры тя. въ расточительности и неумѣньи жить. Вотъ отвѣтъ тятенькинъ на нихъ: Люб. дѣти здравствуйте! Мы слава Богу живы и здоровы, только душа.....

20 августа вторникъ.

Ге! оборвалось!... Какая странная судьба моего журнала.... Начавъ его, написалъ нѣсколько страницъ, и послѣ того онъ оставался нетронутымъ ровно полгода. Потомъ опять я написалъ въ немъ нѣсколько страницъ, и онъ снова пролежалъ въ бездѣйствіи цѣлый мѣсяцъ. Надо же какъ нибудь вознаградить это. Произшествій случившихся со мною съ Января 1840 года до Іюля я не могу припомнить; за то постараюсь хорошенько разсказать случившееся со мною съ седьмаго Іюля до 20 Августа.

Признаться со мной случилось таки дов. много важнаго. Я остановился на томъ, что тятенька прислалъ къ брату письмо. Тамъ между прочимъ сказано, что моя поѣздка въ Коломну отдается на произволъ Бога. Это было въ воскресенье. Предвидя, что mon très cher frère спроситъ, хочу ли я ѣхать въ Коломну, я заранѣе обдумалъ отвѣтъ за ранней обѣдней. Я угадалъ за чаемъ братъ спросилъ, я отвѣчалъ, что хочу. Онъ назвалъ меня дуракомъ свиньею, неблагодарною скотиною. „Я и прежде намекалъ тебѣ, говорилъ онъ что ты въ вакацію будешь заниматься съ Петромъ по французски и по гречески, ты не хочешь этого понять!“ Я себѣ наумѣ молчу. „Подумай, сказалъ онъ наконецъ.—Но мое намѣреніе было непоколебимо. Слѣдствіемъ этого было прежаркое письмо въ Коломну, въ которомъ братъ назвалъ меня безнравственнымъ школьникомъ, который развратилъ его сына и пр. и пр. въ такомъ же тонѣ и притомъ написалъ чтобъ тят. прежде двадцать осьмаго числа написалъ, что Катер. болѣе не живетъ у насъ а В. и Ал. не ходятъ.

Прошло спокойно нѣсколько дней о письмѣ не было и помину. Даже братъ далъ мнѣ изъ 15 ру. присла. тятенькою для покупки халата и жилета. Я пошелъ купилъ халатъ и атласный жилетъ, и сверхъ того кое что изъ лакомствъ (и оставилъ грив. для задатку въ случаѣ произвольной поѣздки въ Коломну). Теперь я объ этомъ сожалѣю тѣмъ болѣе, что когда я покупалъ сайку, меня при сдачѣ съ красненькой обочли цѣлымъ рублемъ. Отъ того само собою разумѣется жилетъ былъ купленъ изъ самыхъ дешевыхъ. Я пришелъ домой. Жилетъ, какъ и должно было ожидать, брату не понравился. Онъ велѣлъ купить суконный а я купилъ атласный. Впрочемъ и то надо сказать что суконныхъ по мнѣ не было, и притомъ очень дорогой цѣны. На другой день поутру мнѣ велѣли отнести жилетъ назадъ. Вотъ тутъ-то и пошла каша! Я купилъ то жилетъ рубля

за два а халатъ за 5 съ чѣмъ-то, а я сказалъ что халатъ купленъ за 6 р. 50 к. а жилетъ за 3 р. 50 к. Что дѣлать? Въ отчаяніи я спросилъ брата.

— Братецъ! отпустите вы меня въ Коломну!

— А вотъ какъ напишутъ изъ Коломны.

— Ну а если я уѣду безъ спросу?

— Таковы и послѣдствія будутъ.

И пошло и пошло!.. Я разгорячился, сказалъ что мнѣ надоѣло слушать безпрестанную брань и терпѣть побои, что слушать брата не хочу, что я ужъ не маленькій. Братъ кричитъ пуще. Я еще пуще. Онъ сказалъ мнѣ чтобы я тотчасъ же убирался съ двора его, и больше не казался ему на глаза. Я было сталъ собираться, взялъ лекціи; но онъ остановилъ меня, сказавъ: ну хорошо, оставайся здѣсь! Видно въ немъ боролись между собою два противоположныя чувства. Тутъ братъ видя что дѣло пошло не на шутку хотѣлъ успокоиться самъ, и сказалъ ну не мудри ступай перемени жилетъ.

Вмѣсто того чтобы остановиться я пошелъ дальше, и наговорилъ кучу грубостей. Братъ схватилъ за волоса и потрясъ довольно сильно, такъ что дня три на головѣ оставалась у меня большая шишка. Я вырвался, но бѣжавъ сказалъ: это ужъ слишкомъ подло. Frère догналъ меня на крыльцѣ повалилъ и началъ потчивать по русски кулаками, съ разными приговорками: вотъ тебѣ подло!.. Сестрица унимала его, прибавляя, что это вредитъ его здоровью, но онъ отвѣчалъ:

— Какъ матушка! онъ меня просто подлецомъ назвалъ.....

Я ушелъ въ слезахъ.

Какое пространное поле теперь открывалось для моихъ размышленій!.. И я размышлялъ, до тѣхъ поръ, какъ пришелъ къ Василью. Тамъ былъ праздникъ, по случаю посвященія Дмитрія Михайловича родственника Катер. Петр. Къ обѣду пришелъ Дмитрій Васильевичь. Послѣ обѣда я много сдѣлалъ дѣлъ о которыхъ не хочу упоминать. Весь день проведенъ былъ у Василья. Ночевалъ я въ Покровскомъ у Дмитрія Васильевича, въ его тѣсной лачугѣ. Поутру возвратился ..... къ экзамену.

Послѣ экзамена я обѣдалъ у Остермановъ, потомъ сходилъ къ Тимковскому который досталъ для меня мѣсто изъ хлѣба у Іоанновоинс. дьячка, который не видавъ меня обѣщалъ принять меня на вакаціи. Остальное время пробылъ въ прогулкѣ.

Я полагалъ ночевать у Василья Ва. И съ такимъ намѣреніемъ пришелъ къ нему вечеромъ, надѣясь найти все въ добромъ здоровьѣ, но каково жъ было мое удивленіе, когда я увидѣлъ у нихъ на столѣ мертваго младенца. Хозяина не было дома, хозяйка спала. Мнѣ стало какъ-то скучно. Я въ первый разъ почув. невыг. своего положе. Я пошелъ было назадъ, самъ не зная зачѣмъ и

куда, и пришелъ въ Кремлевскій садъ. Просидѣвъ здѣсь до сумерекъ, я сталъ думать, гдѣ мнѣ ночевать, и рѣшился остаться на ночь въ гротѣ но я услыхалъ отъ одного служащаго въ воен. министерствѣ, что тутъ ночью бывали частенько любовныя свиданія и потому полиція навѣщаетъ ночью это мѣсто. Притомъ огромныя тучи застилали небо громъ гремѣлъ въ отдаленіи, молнія сверкала въ разныхъ направленіяхъ, и все предвѣщало сильную грозу. Что дѣлать? Гдѣ найти пріютъ. Невольно мурашки подрали по всему тѣлу. Ити къ Василью Васильевичу мнѣ казалось страшно, и притомъ совѣстно. Я и до этого у него бывалъ слишкомъ часто. Не бѣжать ли въ Остермановъ? Но на дворѣ была уже ночь. Я не успѣю туда добѣжать, какъ тамъ всѣ уснутъ. Ужъ не ити ли назадъ Подъ Дѣвичей ночевать гдѣ нибудь въ огородахъ, не опасаясь полиціи, а гроза!!! Ну скрыться у брата въ сараѣ, на погребѣ.... Или бѣжать укрыться въ Богоявленскій монастырь, хотя у меня тамъ не было близкихъ знакомыхъ. Мысли одна другой мрачнѣе, одна другой печальнѣе стали пробѣгать въ моей головѣ. Участь моя, казавшаяся мнѣ недавно такъ занимательною, свобода такъ пріятною теперь казалась черезъ чуръ ужасно-романическою. Будущность представлялась мнѣ въ самой жалкой картинѣ! Я поѣду въ Коломну! Какъ меня встрѣтитъ тятенька? Пріятна ль ему будетъ моя размолвка съ братомъ, и что я выигралъ отъ этой ссоры!.... А тамъ, а тамъ я буду жить у чужихъ, у невѣждъ. Надо будетъ учить и учиться, надо будетъ бороться со многими нуждами, учиться будетъ труднѣе.... Что за жизнь!... Меня взяла тоска, сердце мое сжалось, и слезы покапали изъ глазъ... Пойду къ брату, буду просить прощенія.... Неужели онъ такъ жестокъ, что отвергнетъ меня?... Но постой! зачѣмъ же я бранился, зачѣмъ вытерпѣлъ побои, безпокойство.... Все это было изъ за ничего!... Нѣтъ недаромъ я вчера ходилъ ночевать въ Покр. хоть ночевать на улицѣ.... а ужъ поставлю на своемъ.... И я побѣжалъ въ Богоявленскій и провелъ тамъ ночь вмѣстѣ съ Румянцовыми. Прости до утра.

Поутру одѣвшись я пошелъ въ классъ на экзаменъ. Меня спросили самый первый награ. о оратор. краснорѣчіи. Послѣ экзамена я пообѣдалъ у Василья В. взялъ деньги за отданный назадъ въ лавку жилетъ и пошелъ къ брату за своимъ хламомъ, чтобы ѣхать въ Коломну.

Я пришелъ, просилъ, чтобъ мнѣ выдали мое именье братъ согласился съ тѣмъ чтобъ я взялъ все что ни было у него изъ моего хламу, для того, какъ говорилъ онъ, чтобъ мнѣ послѣ вакаціи не зачѣмъ было къ нему притти. Но можно ли было взять все? Не только мнѣ снесть даже на од. извощикѣ свезть всего было невозможно. Я переминался и такъ и сякъ, укладывалъ, намѣреваясь по частямъ снести сперва къ Лаврову, остав. на в. а послѣ взять назадъ. Между тѣмъ братъ сталъ меня кой о чемъ распрашив. Я отвѣчалъ..... слезы, и

его голосъ дрожалъ.... Я уже просто заплакалъ. Слово за слово, — въ моихъ отвѣтахъ не было грубости ни въ его вопр. гнѣва. Наконецъ онъ въ слезахъ подошелъ ко мнѣ, и сказалъ мнѣ погладивъ меня по головѣ: останься-ка братъ. Ну что тебѣ пользы въ Коломнѣ. Ты думаешь батюшка приметъ съ распростер. объятіями. Повѣрь мнѣ, что нѣтъ, ей Богу нѣтъ.... И дѣло было ясно.... теперь до августа я въ Москвѣ.

21 августа середа.

Вотъ отчетъ моихъ дѣйствій въ этотъ промежутокъ времени, въ который я ничего не писалъ въ своемъ журналѣ. Неправда ли что много замѣчательнаго и важнаго? Когда это бывало, чтобъ я говорилъ съ бр. такъ смѣло, ночевалъ то за семь верстъ отъ Москвы, то въ одномъ изъ монастырей откуда я вынесъ много блохъ, которые долго меня не оставляли, и пр. и пр.

А въ чемъ же я провелъ время съ 13 іюля до августа. До перваго августа я упраж. во ф. языкѣ а съ перваго августа каждый день съ Петромъ Алек. прочитывалъ нѣсколько страницъ изъ фр. хрестоматіи, чтобъ обучить его чтенію французскому.

Какъ же я занимался французскимъ языкомъ? А вотъ какъ.

Однажды я отъ нечего дѣлать пришелъ къ Лаврову. Послѣ нѣск. фразъ у насъ завязался разговоръ о франц. языкѣ. Онъ сталъ говорить, какъ онъ учился у того старика, который однажды встрѣтившись на полѣ сказалъ намъ parlez vous français, и какъ хорошо знаетъ по фр. этотъ старикъ.

— Вотъ если бы намъ у него учиться, сказалъ я.

— Чтожъ мѣшаетъ?

— Какъ что? Самое главное! денегъ у меня нѣтъ.

— Не безпокойся я за тебя буду платить. Мнѣ съ тобой учиться будетъ охотнѣе. Пойдемъ къ нему.

И мы пошли вечеромъ 24 іюля. Старикъ принялъ насъ съ радостію, согласясь брать съ насъ по 5 ру. за мѣсяцъ. Съ слѣдующаго дня мы начали посѣщать его два раза каждый день. Онъ задавалъ намъ нѣсколько урок. изъ грамм. упраж. Ломон. грам. отвѣчалъ на наши вопросы о франц. яз. и училъ насъ произношенію. Въ послѣдствіи стали ходить по одному разу въ день, а теперь вовсе перестали ходить. Отъ чего? Да объ этомъ долго разсказывать! Коротко скажу нашъ учитель оригиналъ! Онъ служилъ въ полку, вышелъ въ отставку, былъ богатъ а промотался и теперь sans culottes въ полнѣйшемъ смыслѣ этого слова оттого то мы и платили ему деньги.

Писать, писать безпрестанно, потому что письмо не можетъ мнѣ наскучить, не можетъ утомить меня, и я ихъ не сбываю куда нибудь,—если это пріятно

не только не тяготитъ меня, но еще облегчаетъ мою голову, наполненную разными мечтами и думами. Итакъ вотъ опредѣленіе моего нѣчто, и причина по которой я началъ его писать. Мое нѣчто есть сбродъ всѣхъ думъ и мечтаній тѣснящихся въ моей головѣ, которой отягощеніе въ случаѣ непріятія ихъ куда нибудь есть причина рожденія на свѣтъ моего нѣчто. Вотъ тебѣ самое настоящее, сухое, какъ . . . . . опредѣленіе этого нѣчто. И если бы я не былъ увѣренъ, что ты и безъ моихъ объясненій поймешь планъ моего нѣчто, то прибавилъ бы тебѣ, что нѣчто, *собраніе кое чего*, сбродъ кое какихъ мыслей, а если угодно, по моему опредѣленію, не можетъ имѣть строгаго плана, ни особенной цѣли или сознательной необходимости. Это такъ . . . . *нѣчто*.

Ужъ слишкомъ двѣ недѣли я въ Коломнѣ!... Сколько въ эти двѣ недѣли успѣлъ я испытать приключеній смѣшныхъ и ничего не значущихъ для иного, а для меня исполнен. великой важности.

Въ лѣто тысяща осмь сотъ девятое мѣсяца Іюля въ четырнатцатый день то есть въ пятницу стоялъ я предъ важнымъ собраніемъ моихъ наставниковъ, въ присутствіи нѣсколькихъ лицъ духовенства, и отвѣчалъ на вопросы задаваемые мнѣ моимъ профессоромъ словесности. Меня экзаменовалъ преосвященный Виталій бывшій главою этого ученаго собранія, во все продол. моихъ отвѣтовъ смотрѣвшій на меня во всѣ глаза, не смигнувъ ни разу до самаго конца моего от., и казалось, слушалъ меня съ напряженнымъ вниманіемъ. Полчаса спустя, вызвали другаго, и я, мысленно сказавъ adieu! всему почтенному собранію экзаменующихъ, уже мчался по Пречист. къ своему жилищу и не прошло часа, какъ я былъ уже дома. Съ какимъ біеніемъ сердца я приступилъ къ моему педагогу съ просьбою, объ от. меня на родину, въ Кол. онъ прежес. упорно отказывалъ! Слово было сказано, и.....

О, небо! О, восхищеніе! Я нынче ѣду на родину, я завтра же обниму родныхъ моихъ, всѣхъ, всѣхъ! Кто вообразитъ мою радость? Я самъ не могу этого описать, и по примѣру многихъ писателей сказалъ бы, что бросаю перо въ такую минуту, если бы не было мнѣ стыдно писать ложь предъ читателями, которые тотчасъ замѣтили бы, что послѣ самыхъ словъ бросаю перо—я начинаю продолжать. Часу во второмъ какой-то мальчикъ въ сильно изношен. сюртукѣ шелъ съ кулечкомъ по дорогѣ изъ Поддѣвича къ Рого. заставѣ. Кто это? Это я, я самъ, собствен. своею особою. Итакъ участь моя рѣшена и я не дождавшись роспуска, который долженъ быть завтрашній день, ѣду въ Коломну. Я подвергнусь опасности, завтра по увѣренію нѣкоторыхъ моихъ товарищей, будутъ читать имена отличившихся особенными успѣхами прилежанія или лѣности, и удостоютъ того и другаго отзыва, будутъ вызывать на средину, для полученія должной чести. Я напр. въ числѣ первыхъ! Воскликнутъ, а меня нѣтъ. Бѣда.

Но чтожъ дѣлать? Мнѣ нельзя было промедлить ни одного дня. Или сегодня или никогда! Въ воскресенье свадьба моей сестры, и я не могу къ ней поспѣть уѣхавъ завтра. А если я пріѣду послѣ свадьбы, чтожъ это? Ни то ни се! Ужъ лучше не ѣхать! Итакъ рѣшено! Чортъ съ ними съ похвалами! Лишь бы только быть на свадьбѣ. Аминь. И я былъ уже около цѣли моей ходьбы—около посто. двора въ котор. обы. останавливаются коломенскіе ямщики.

Надобно мнѣ теперь сказать, почему мой педагогъ прежде не пускалъ меня въ Коломну на свадьбу моей родной сестры, которой и онъ, если вѣрить метрикамъ коломенской церкви, доводится тоже чуть ли не родной братъ! Причина самая обыкновенная: недостатокъ денегъ. Такъ разсуждалъ мой педагогъ: теперь время дорогое, ямщики всѣ спѣш. вез. сѣд. на Нижегородскую, отъ чего они получаютъ много барыша, и потому задешево въ Коломну никто не повезетъ, пропуская драго. время, въ которое можетъ получить денегъ гораздо, гораздо болѣе, нежели сполна получитъ онъ отъ поѣзди въ Коломну. Положимъ будетъ пять седоковъ, онъ не возьметъ съ одного и десяти асс. а де. асс. немала шутка! Притомъ теперь въ Коломнѣ свадьба, деньги очень нужны, такъ еще конечно не очень пріятно будетъ платить за проѣздъ совершенно ненужнаго и лишняго челов., было бы пр. если бы я заплатилъ самъ, но у меня совершенная засуха въ деньгахъ. Такъ разсуж. мой педагогъ, и наконецъ онъ не велѣлъ. Посм. справедливы ли его разсужд . . . . .

Довольно хорошо. Пр. Н. Гиляровъ.

1839 года Іюля 30 дня. Профессоръ Никита Гиляровъ.

Pauvres aveugles que nous sommes!!!
Ciel, démasque les imposteurs,
Et force les barbares coeurs
A s'ouvrir aux regards des hommes.
$18\frac{1}{8}39.$

Старый холостякъ.
Чтобы чортъ тебя побралъ.
Беззубый старый адмиралъ.

Прочитавъ заглавіе, вы тотчасъ думаете, что я стану вамъ описывать скучную и холодную жизнь старыхъ холостяковъ, матерію избитую, истертую, перевернутую со всѣхъ сторонъ на лицо и на изнанку, описанную во всѣхъ ея отнош., во всѣхъ ея сост., матерію скучную, какъ самая жизнь старыхъ холостяковъ, старую, также какъ и старые холостяки, что я стану вамъ повторять все, что сказано и писано о старыхъ холостякахъ отъ сотворенія міра до текущаго 1839 года. Не правда ли? Вы думаете, что буду вамъ описывать какого нибудь запоздалаго франта, проведшаго цвѣтущую жизнь свою въ удо-

вольствіяхъ и вертопрашествѣ свѣта, и проснувшагося наконецъ, съ душею скучною и холодною, съ сердцемъ одинокимъ, старика скучающаго собою и всѣмъ свѣтомъ, что я разверну предъ вами его плачевную жизнь, объ которой такъ много писано, такъ много говорено, что вы приготовили уже улыбку холод. презрѣнія, которою наградите меня за выборъ такой истасканной матеріи? Не безпокойтесь, ничего этого не будетъ: я, просто, хочу описать жизнь одного стараго холостяка, моего знакомца, которому позавидовали бы можетъ быть и вы, цвѣтущ. молод., если бъ.....

Страненъ мой знакомецъ! Ему теперь уже подъ семдесять лѣтъ. Онъ сынъ купца—виноватъ!—именитаго гражданина, пожалованнаго такой честью за хорошій пріемъ императрицы Екатер.....

Страненъ мой знакомецъ! Одни считаютъ его просто гнуснымъ скаредомъ и лицемѣромъ, другіе напротивъ чувствительнымъ и непритворнымъ добрякомъ, а нѣкоторые просто — глупцемъ. Я его очень коротко знаю; и такъ какъ я ужасно люблю науку души, страстный охотникъ разбирать ощущенія сердца доискиваться причинъ разныхъ дѣйствій душевныхъ и нѣкот. пружины человѣческихъ страстей,— .....

Я думалъ видѣть одинъ театръ а нашелъ ихъ два. Первый, поменьше и покрасивѣе, былъ крытый; другой больше и убранъ великолѣпнѣе, но на открытомъ воздухѣ. На маленькомъ играли комическія и сатирическія пьэсы. Этотъ родъ театровъ назывался *одеумъ*. Въ нихъ собирались слушать музыку смотрѣть....., или присутствовать на преніяхъ поэтическихъ и философическихъ, гдѣ наградой побѣдителю всегда былъ треножникъ. И въ томъ и въ другомъ театрѣ находились мѣста высшихъ чиновниковъ. Для....

..... Никакихъ особенностей нѣтъ, только я съ бр. ходилъ къ Пв. Вас., который далъ мнѣ красную ассигнацію, чтобы отдать Душенькѣ, а братцу *Воскресное Чтеніе*. Мы пришли домой при свѣтѣ луны. Лучше дня!

Нынѣ бр. разсказывалъ анекдотъ. Одинъ священникъ, старикъ при Никольской, что на Хлыновѣ, церкви, на Никитской,—любилъ очень колокола. У нихъ былъ прежде маленькой колоколъ. Ну нѣтъ этотъ нехорошъ! Дай-ка пойду по прихожанамъ набирать на колоколъ! думаетъ свя., и сдѣлалъ. Замѣтить должно, что у него былъ въ приходѣ главнокомандующій. Вотъ приходитъ свящ. говоритъ: дай денегъ. Главн. далъ 100 рублей.—Ну какъ тебѣ не стыдно: вѣдь ты первый человѣкъ въ Москвѣ. Дай тысячу, а то брошу! — Дѣлать нечего, первый человѣкъ далъ тысячу. Вотъ священникъ набралъ на колоколъ; слили прекрасный; нѣтъ все малъ. 400 пудовъ, дрянь, разсуждалъ священникъ. Вотъ однажды онъ говоритъ пономарю: нельзя ли, братъ, какъ разбить колоколъ, мы

побольше сольемъ. Можно, сударь, отвѣчалъ пономарь. И вотъ вскорѣ послѣ этого пономарь изо всей силы разъ десять ударилъ въ колоколъ, и задребезжалъ колоколъ! Вотъ пономарь приходитъ въ церковь, говоритъ: батюшка! колоколъ разбилъ я!—Ахъ какое несчастіе! — потомъ тихонько говоритъ: не бойся ничего, спасибо!—Вотъ любитель колоколовъ идетъ опять по прихожанамъ, проситъ денегъ перелить разбитый колоколъ. Деньги собраны, но священникъ колок. мастеру наказалъ, чтобъ пудовъ 50 прибавилъ, обѣщая ему заплатить. Такъ и сдѣлалось. Нечего дѣлать! Не нарочно прибавлено мѣди, надобно мастеру заплатить, и опять все изъ сбору по прихожанамъ! Колоколъ былъ слитъ отличнаго звону. Священникъ дотого любовался имъ, что заставитъ иногда пономаря звонить, а самъ пойдетъ на Воробьевы горы слушать, каковъ колоколъ! Такъ-то не слышно тамъ, вотъ онъ приляжетъ къ землѣ, и слушаетъ: органъ!

Кстати вспомнилъ я еще анекдотъ. Графъ А. Г. Орловъ безденежно кормилъ ежедневно бѣдныхъ дворянъ, приходившихъ къ нему въ домъ обыкновенно къ обѣду. Между ими былъ одинъ малороссъ, который, если его спрашивали, что ему угодно? напр. водки или травнику, обыкновенно отвѣчалъ: *и того и другаго*. Графъ сталъ замѣчать, что его нѣтъ довольно уже времени за его столомъ; не зная большею частію своихъ гостей, онъ спрашиваетъ—гдѣ тотъ, что говорилъ *и того и другаго?* Боленъ отвѣчаютъ. — Отыщите его квартиру и носите ему отъ моего стола *и того и другаго*.

. . . Намъ сказали, что будутъ поднимать завтра поутру; мы пошли домой, оттуда на огороды, гдѣ набрали премножество шампиньіоновъ; послѣ чая пошли на рынокъ. Когда мы шли оттуда, бр. спрашивалъ о состояніи Коломны гдѣ хорошее строеніе; пришедши домой онъ говорилъ, что прекрасно бы было если бы на мѣстѣ крѣпости сдѣлать бульваръ, и домы изъ Кремля дрянные сбросить. Тутъ начали говорить о крѣпости. Братецъ помнитъ крѣпость разрушенную но не разобранную еще; въ двухъ воротахъ (ив. и кос.) не ѣздили а ѣздили въ проломахъ. Оттуда перешла рѣчь къ повѣрьямъ коломенскимъ, объ Ивановскомъ кладѣ, о Мотасѣ, о протодіаконѣ, о Николаѣ мѣща., о лунатикахъ. Вотъ и прошло 1-е сентября, а я въ Москвѣ! Пройдетъ и второе, я тутъ же!..

2 сент. четвергъ.

Мнѣ нынѣ пришло въ голову, что ученики про меня подумаютъ, что я здѣсь остался учиться. Охъ какъ больно это! если правда! вотъ какъ вредна ложь!

Я все въ Москвѣ! Удивительно! Когда пришлютъ капотъ, тогда и въ Коломну! Поутру я пошелъ было глядѣть, какъ будутъ поднимать камень, но его уже поставили наверху!

Сент. 3 пятн.

Нынѣ тоже ничего особеннаго. Поутру я слушалъ на полѣ музыку, былъ у казармъ. Послѣ обѣда и вечеромъ ходилъ за грибами (шампиньіонами). Чай пилъ у Маріамін. Крыша у часовни Лопухиной мнѣ не понравилась. Завтра постригаютъ монахиню, а нынѣ всенощная. Какъ не поглядѣть! Что же я не въ Коломнѣ? Сестра А. сказывала, что будто бр. говорилъ, что я поѣду непремѣнно въ воскресенье. Не вѣрю! А хорошо бы, если такъ! Вечеромъ много говорили о Лютеранахъ, Лютерѣ, католикахъ, грекахъ, армянахъ, гернгутахъ. Ахъ какъ Лютеране мерзки! вотъ исповѣданіе то! Нѣтъ не пойду я въ эту вѣру. Я кой что нашелъ въ шкафѣ, похожее на письма, послѣ разскажу, когда разсмотрю ихъ.

Сент. 4 субб.

Что я поутру дѣлалъ? Ничего, пилъ чай и послѣ думалъ было итти на поле, но пошелъ къ обѣдни, видѣлъ постриженіе. Новопостриженную прежде звали Татіана, а нынѣ Авенира. Не отстоя обѣдни, пошелъ на поле но ничего не засталъ.

Ужасная клятва! Клятва, подумалъ я, должна бы обратить сердце монахини къ Богу, если ей каждый день читать ее. Бѣлицамъ немудреное дѣло грѣшить а черницамъ?.....

Братецъ говоритъ: „митр. въ Коломнѣ, будетъ въ училищѣ, а Гилярова нѣтъ“. Я сказалъ „я боленъ“. Между тѣмъ внутренность моя поворотилась. Что теперь Коломна? Теперь Андрей Смирновъ краса училища, а кромѣ его? никто. Ужасно! Быть въ Москвѣ, когда митр. въ училищѣ!

Я обѣщалъ истолковать письма. Бра. къ кому то писалъ. На однихъ подписано: 1823-го года. Я думаю и мнѣ тоже это видно изъ писемъ. Къ кому онъ будучи студентомъ Богосл. писалъ? не понимаю.

Во всенощной встрѣтились мнѣ какіе-то люди похожіе на школяровъ, разговаривали со мной и пошли на Воробьевскую сторону по стѣнѣ. Я имъ открылся, когда ужъ вышелъ, но фамиліи не сказалъ. Они мнѣ показались подозрительными: потому что кому идти туда, гдѣ никто не живетъ? Странное дѣло! если завтра будутъ у обѣдни надобно узнать обстоятельнѣе. Нынѣ бр. пишетъ слово въ недѣлю 13 по пятдѣсятницѣ. Нынѣ какая недѣля не знаю а надобно бы знать мнѣ.

Сент. 5 воскр.

Пришло и воскресенье, ничего нѣтъ. И примѣчательнаго нѣтъ. Только что вечеромъ глядѣлъ я свадьбу въ Седьмо-Вселенской церкви, гдѣ мнѣ руку придавили. Не знаю! а пора бы домой, давно пора. Что теперь дѣлать. Бр. не

хвалитъ въ Новостр. то, что онъ не велитъ ученикамъ писать Іоаннъ, Захарій и проч. по той причинѣ, что они еще не заслужили такихъ именъ. Но сказать бы ректору, что эти ученики ужъ заслужили такія имена, которыя имъ при крещеніи еще даны.

Сент. 6 понед.

Нынѣ я пораженъ письмомъ бра. въ Коломну, въ которомъ онъ намѣренъ завтра послать со мной къ ямщику и проповѣдь. Я поѣду послѣ нашего праздника, когда пришлютъ теплое платье, а если самъ тят. не пріѣдетъ, то пусть прислалъ бы при удобномъ случаѣ это платье, а между тѣмъ мы займемся Риторикой. Завтра въ Рогожскую одинъ!

Сент. 7. втор.

Нынѣ я по написанному братцомъ тракту послѣ обѣда ходилъ въ Рогожскую, гдѣ отдалъ ямщику письмо, оттуда на Пречистенкѣ панялъ извощ. за 46 коп. и пріѣхалъ. Ужасно подумать: во время праздника быть въ Москвѣ! Въ Рогожскую я шелъ малой Царицынской, полемъ, Зубовымъ, Пречистенкой, Боровицкими воротами въ Кремль, оттуда Спасскими, здѣсь я было заблудился, но пошелъ на Ильинку въ Юшковъ переулокъ къ Н. Н. Мѣщанинову, чтобъ, если онъ здѣсь, онъ отослалъ письмо, но его не было, онъ не пріѣзжалъ. Оттуда опять на Красную площадь, мимо Василія Блаженнаго, на набережную, потомъ поворотилъ мимо Китайской стѣны; тутъ у Варварскихъ вор. направо, съ Варварской площади на Солянку, на каменный Яузскій мостъ, налѣво съ него на ямы, потомъ у Алексѣя Митр. направо. Тутъ и пашелъ. Оттуда также.

Сент. 8. середа.

Вотъ ужъ недѣля, а я въ Москвѣ! А я ни съ мѣста! Но авось Богъ поможетъ! Чудо что за пустяки! Это вздоръ, развѣ я потерялъ что отъ этого? Нимало. Не нахожусь ли еще въ барышахъ но, тише! Мнѣ пора написать литературное событіе, хотя оно и давно, однако я его не знаю. Г. Надеждинъ, какъ мнѣ было извѣстно, человѣкъ изъ духовнаго званія, издавалъ журналъ Телескопъ, родомъ изъ Бѣлосмута, свящ. сынъ, сосланъ въ Уссысольскъ за то, что назвалъ Русскихъ дураками. Но писалъ статью въ журналѣ не онъ, а Чадаевъ, котораго объявили сумасшедшимъ.

Поутру я слушалъ въ Смо. соборѣ бра. проповѣдь, а послѣ обѣда ходилъ на Изотовъ огородъ, гдѣ нашелъ 3 шампи. которые вынудили насъ гулять и вмѣстѣ искать ихъ. Мы ихъ мало нашли, но разговаривали кой о чемъ. Замѣтить: одежду серебряную на престолъ въ Смо. соборѣ иждивеніемъ Ахлебаева, впрочемъ небогатаго человѣка. Видѣлъ я памятникъ Абаза, очень хорошъ! Я

въ Библіотекѣ д. ч. читалъ повѣсти которыя мнѣ очень нравятся. *Елена Т-ская красавица*, Александрова (Дуровой) *Женскій умъ лучше всякихъ думъ*, и *Заживо погребенный*. Александровъ! Онъ становится въ ряды нашихъ писателей! Какъ она мило пишетъ! Хорошо бы было, еслибъ она болѣе писала. Еще мнѣ нравятся стихи *Договоры* Д. Давыдова. Вотъ еще прекрасно, и смѣшно, право! Это просто сатира на старыхъ мужей. Люблю Давыдова нечего сказать, люблю; жалѣю о смерти Пушкина и Марлинскаго!

Желательно, чтобъ бр. купилъ латинскихъ книгъ, которыя обѣщалъ! Хорошо бы, очень хорошо. Грамматикъ обѣщанныхъ!

Куплю, когда будутъ деньги, и пришлю въ Коломну. А. Гиляровъ. *)

Сент. 9 четв.

Журналъ братцевъ, въ которомъ есть анекдоты. Вотъ журналъ! Я думаю, что и лучшіе литтераторы пишутъ слогомъ, не лучше этого. **) Бр. вообще не любитъ студентовъ М. Академіи, и тутъ тоже говоритъ. Не хвалитъ! Удивительно пишетъ братецъ о студентахъ. Я не думалъ этого! Вотъ бра. анекдотъ. „Нѣкто Петръ Алексѣевичь Ивашкинъ спрашивалъ покойнаго Преосвященнаго Августина, какъ онъ въ такіе морозы, какіе бываютъ въ Крещенье, можетъ нести голыми руками крестъ и притомъ металлическій. Не удивляйтесь, отвѣчалъ Архіерей, потому что ихъ грѣетъ благодать. Какая, подхватилъ Ивашкинъ, благодать? Да та Петръ Алексѣевичь, которая у протодіакона въ муфтѣ. — Августинъ симъ отвѣтомъ достигъ своей цѣли, т. е. онъ хотѣлъ сказать что нибудь остренькое, и сказалъ. Но зачѣмъ жертвовать для остроты и притомъ Архіерею, соединеніемъ такого высокаго понятія съ столь обыкновенною и даже въ отношеніи къ благодати низкою вещію? Мнѣ кажется, что пастырь овцѣ сказалъ не слишкомъ хорошо.“

Вотъ еще: „я не зналъ что въ Россіи въ 40 лѣтъ, а не менѣе, дерево выростаетъ, чтобъ сдѣлаться годнымъ въ стройку. Нельзя ли отъ сего, подумалъ я, сдѣлать общаго заключенія и къ образованію какъ физическихъ такъ и нравственныхъ силъ обитателей Россіи, относительно того, во сколько времени можетъ оно совершиться? Какъ дерево выростаетъ въ теплыхъ климатахъ скорѣе, нежели въ холодныхъ: подобно сему и человѣкъ родясь и живя въ тепломъ климатѣ скорѣе созрѣваетъ въ своихъ какъ физическихъ, такъ и нравственныхъ силахъ. Арабка въ 10 лѣтъ можетъ рождать дѣтей, и Арабъ 12 или 13 лѣтъ способенъ быть и мужемъ и хозяиномъ дома. Но въ Россіи сего быть не можетъ.“ Но довольно выписывать!

*) Приписано другой рукой.

**) На поляхъ приписано другой рукой: „много чести“.

Нынѣшній день довольно выписывалъ изъ журнала бр. въ свой; но и своего у меня много. Былъ я у молебна, тутъ ничего. Примѣчательность началась съ тѣхъ поръ, какъ мы всею семьею пошли въ баню. Бр. говоритъ, что хочетъ сдѣлать духовное завѣщаніе. А. сказа. что и Сер. братъ тоже хочетъ. И хорошо, сказалъ братъ: если я вдругъ умру, то большая часть имѣнія въ руки сына, а дочерямъ и женѣ самая малая часть. Ахъ, если тят. умретъ не сдѣлавши завѣщанія, то вотъ мы вамъ ничего не дадимъ, сказалъ бр. съ усмѣшкой обращаясь къ Ак., завѣщаніе великое дѣло! Мы пошли въ Овраженскія бани, коихъ передѣлываютъ; еще бани прошли, потомъ пришли въ Лепехинскія, гдѣ и мылись въ дворянскихъ баняхъ. Я мылся что-то хуже прежняго. Бани каменныя, въ нихъ тѣснѣе и холоднѣе, нежели въ Овраженскихъ, а въ горячей очень жарко! Оттуда женскому полу нанявъ извощ. мы мужескаго пола пошли на рынокъ. Потомъ послѣ чаю только двое съ бр. пошли гулять. Я сказалъ братцу: вотъ одна звѣзда; да, сказ. бр. это Wenus, Венера а у насъ въ простомъ народѣ называютъ ее зарница; провозвѣстница солнца, она прежде всѣхъ появляется вечеромъ а послѣ всѣхъ остается утромъ ночью она не уходитъ отъ запада къ востоку. Велико твореніе Божіе: она не меньше или немного меньше земли, а мѣсяцъ меньше ея, но ближе отстоитъ отъ нея, нежели Венера. Потомъ мы пришли домой. Тамъ много говорили о воспитаніи, что полезно читать книги съ размышленіемъ и слушать умныхъ бесѣдъ. Я говорилъ, хорошо бы, еслибы была такая память что все бы прочитанное помнить. Братъ сказ. вотъ Николай Ивановичь Надеждинъ имѣетъ огромную память, но у него разсудокъ плохъ. Онъ что нынѣ писалъ, завтре тому противорѣчитъ. *Non multa, sed multum legere debemus.* Намъ попался въ банѣ А. П. Виноградскій, онъ живетъ подлѣ бани, сосѣдъ баньщику. Довольно писать, я брошусь теперь въ объятія Морфея! Сладко сладко уснуть послѣ бани.

Сент. 10 пятн.

Я ничего сегодня не сдѣлалъ. Мнѣ нынѣ досталась участь гусей Крылова. Я буду писать о другихъ а о себѣ ничего. Жалко потерять день понапрасну! Да, понапрасну! Болтать пустяки грѣхъ, а я читалъ *отъ нечего дѣлать* слѣдствен. пустяки! Ну да чтожъ? Я газеты читалъ. Чтожъ за бѣда! Ну да что я и здѣсь радъ попусту марать бумагу! Скажу откровенно: я ничего не дѣлалъ. Вечеромъ съ Григорьемъ дьячкомъ объ Коломнѣ говорилъ я, у него тамъ родня. Священникъ И. А. Никольскій что на посадѣ, да еще Архимандритъ Іосифъ. Тутъ я вздумалъ спросить: есть ли у него сынъ? Онъ сказалъ: есть, Михаилъ Ивановичь у Космы и Даміяна за Яузою. Тутъ его позвалъ бр. и мы потеряли разговоръ. Онъ ушелъ! Это потому мнѣ хотѣлось узнать, чтобъ узнать гдѣ живетъ И. Г. Рудневъ. Вечеромъ Д. А. Грѣшищевъ давалъ сороко-

вую молитву сестр. и долго сидѣлъ. Видите, какой пустяшной день, въ Коломнѣ, все не то бы! Чтоже дѣлать? Богъ милостивъ! Что-то будетъ завтра? Такой ли день пустяшной или дѣльной какой? Бр. говоритъ, что проѣхать по желѣзной дорогѣ верстъ тысячу стоить будетъ не болѣе пяти рублей. Каково же будетъ дешево въ Коломну.

*) *Старайся писать не такъ отрывисто, но болѣе въ періодическихъ формахъ.*

Нѣчто, собраніе кое-чего или мои мечты и думы.
1840.

Москва 1 Января 1840 года. Понедѣльникъ.

Уже давно погрузились въ сонъ всѣ жители моей родины. Ночь была ясная, звѣзды блистали на голубомъ покровѣ неба. Кое гдѣ еще мелькалъ огонекъ, съ которымъ, можетъ бытъ, бѣдный ремесленникъ доканчивалъ свою работу, чтобъ достать себѣ насущный хлѣбъ. Все молчало, какъ вдругъ среди всеобщаго безмолвія заиграли колокола на соборной колокольнѣ, и вслѣдъ затѣмъ торжественно загудѣлъ часовой колоколъ, двѣнадцать разъ повторяя свои удары. Это былъ голосъ времени, полагавшій рубежъ между прошедшимъ и будущимъ... Мѣдь еще звучала, и переимчивое эхо далеко разливало ея отголосокъ. Звукъ становился тише и тише, и наконецъ незамѣтно замеръ въ воздухѣ. Вслѣдъ за этимъ на сосѣднемъ дворѣ раздалось громкое ку-ку-ре-ку-у-у!.. Этому звуку откликнулся пѣтухъ и изъ нашего курятника въ свою очередь прохрипѣвъ сильнымъ своимъ голосомъ обычную пѣснь. За нимъ другой, тамъ третій; а тамъ далѣе и далѣе весь городъ огласился пѣтушинымъ пѣньемъ.

Въ это время, занятый чтеніемъ Калеба Вилліамса, я сидѣлъ дома на балконѣ и наслаждался прекрасною ночью. Пробило полночь, и я пересталъ читать. Торжественная тишина ночи, прерванная унылымъ гуломъ часовъ и разногласными криками пѣтелей, страданія Калеба, описанныя въ читанной мною книгѣ, томный свѣтъ луны и чуть брезжущее мерцаніе звѣздъ, все это внушило мнѣ грустныя думы.

Ужъ полночь! подумалъ я. Какъ скоро летитъ время; я не видалъ какъ прошелъ вечеръ. Да я и не замѣтилъ даже, какъ пролетѣла вакація!.. Завтра первое сентября, насталъ конецъ отдыха *Кончилось, конецъ* — какія несносныя слова! Они всегда напоминаютъ мнѣ тлѣнность всего земнаго.

Все здѣсь кончится; кончится и наша жизнь, и горе тому, кто не успѣлъ

*) Написано другой рукой.

надлежащимъ образомъ располагать временемъ, кто во всю жизнь собирался только жить, и просыпается лишь тогда какъ грозная коса засверкаетъ надъ его головою. Тогда все будетъ поздо, и лишь горькое раскаяніе сопроводитъ во гробъ несчастнаго. Боже мой, и теперь я не могу уже возвратить того времени, которое прожилъ, не могу возвратить даже прошлаго года, не могу возвратить и самыхъ этихъ минутъ, проводимыхъ теперь мною въ размышленіи!... Они канули въ вѣчность... Лишь Іисусъ Навинъ продолжилъ время вопреки его обыкновеннымъ законамъ!.. О безжалостное время! Ты глухо ко всѣмъ жалобамъ недовольныхъ твоею быстротою, и жалующихся на твою всеразрушительную силу. Я представляю себѣ теперь юношу, полнаго жизни и красы. Какимъ наслажденіемъ дышатъ всѣ его взоры! Какое удовольствіе выражаютъ всѣ его движенія! Наслаждайся, наслаждайся, прекрасный молодой человѣкъ, наслаждайся пока есть время! Ты еще только началъ пользоваться жизнію, только выступилъ въ свѣтъ, и не успѣлъ еще различить истинно добрыхъ людей отъ лицемѣровъ, честныхъ друзей отъ ложныхъ пріятелей, и со всѣмъ стремленіемъ юношества предался любви къ ближнему. Но пройдетъ время, оно раскроетъ тебѣ глаза, и твое очарованіе минуется. Ты будешь скучать свѣтомъ и онъ тобою, словомъ будешь такимъ же каковъ вотъ этотъ старикъ согнутый всесильнымъ временемъ въ дугу, потерявшій розовый отливъ ланитъ и испещренный морщинами, старикъ брюзгливый и скучный. Блаженъ ты, если при всемъ знаніи суеты здѣшняго міра будешь любить ближнихъ, и не ощутишь той горечи сердца, какую обыкновенно чувствуютъ старики разочаровавшіеся здѣшнею жизнію; но горе тебѣ, если ты, потерявъ любовь къ свѣту, забудешь люб. и ближ!..... не поможе. всѣ твои жалобы будутъ....., время невозвратимо.

Какъ любопытно бы было мнѣ писать исторію моего времени. Когда достигну я зрѣлаго возраста, то перечитывая свои записки о препровожденіи времени, при воспоминаніи о прошломъ, сердце исполнится удовольствіемъ. Пріятно вспомнить о старинѣ. Чтожъ? Что мѣшаетъ мнѣ начать мой дневникъ съ нынѣшняго же дня, тѣмъ болѣе, что съ перваго сентября въ старину начинался новый гражданскій годъ, а нынѣ начинается новый учебный и церковный. Итакъ—рѣшено!...

Я сошелъ съ балкона, и оставивъ книгу началъ скорыми шагами расхаживаться по двору. Всѣ мои мысли были заняты новою выдумкою, дневникомъ. Я думалъ, что мнѣ въ немъ писать и какъ писать. Дневникъ у меня дѣло не новое: сколько разъ я начиналъ вести и прекращать дневники свои, имѣвшіе разныя заглавія—журналовъ, дневниковъ, записокъ! Нерѣшительность, какую

я вообще замѣчаю въ своемъ характерѣ, всегда мѣшала мнѣ продолжать дневникъ. Чуть что не такъ, не по мнѣ написалось, и дневникъ разорванъ въ клочки!.. Однажды только я довелъ свой дневникъ до половины мѣсяца. Онъ прекратился самъ собою. Въ первый разъ бывши въ Москвѣ я затѣялъ записывать мои приключенія въ столицѣ, началъ съ 1 сентября, и кончилъ 10 числомъ: потому что около этого времени я возвратился въ Коломну, гдѣ нечего было записывать во время моей безцвѣтной тамошней жизни. Пріѣхавъ во второй разъ въ Москву, я по совѣту братца, для усовершенствованія своего въ письмѣ, началъ второй дневникъ тоже съ перваго сентября, но и этотъ продолжался не болѣе недѣли, по причинѣ тогдашнихъ безпрестанныхъ моихъ ученическихъ занятій. И вотъ теперь ровно чрезъ годъ затѣялъ четвертый дневникъ, потому что кромѣ двухъ сентябрьскихъ, былъ еще у меня журналъ апрѣльскій въ 1839 году, состоявшій изъ одного предисловія. Я ужъ не считаю тѣхъ дневниковъ, которые я бывало писывалъ въ Коломнѣ, бывши еще въ училищѣ: потому что они не заслуживаютъ названія дневниковъ.

Обдумавши планъ своего журнала, я легъ спать. На другой день, т.-е. 1 сентября, чѣмъ свѣтъ, я придумалъ заглавіе, и написалъ предисловіе. Вотъ оно.

Вторникъ 1 Августа 1839 года.

Pauvres aveugles que nous sommes!...
Ciel, démasque les imposteurs
Et force les barbares coeurs
A s'ouvrir aux regards des hommes.

Тебѣ, милый другъ мой, другъ единственный, посвящаю первыя строкъ моего *нѣчто*. Ты конечно желаешь знать, что такое это *нѣчто,* и что побудило меня писать его.

Другъ мой! Я теперь живу въ отдаленіи отъ Москвы, въ глуши, хотя въ городѣ, считающемся однимъ изъ лучшихъ городовъ имперіи, чему служитъ доказательствомъ календарь 183... года, при этомъ случаѣ насчитывающій въ немъ слишкомъ 13 тысячь жителей, которые теперь еще болѣе должны умножится, если принять въ расчетъ умноженіе ихъ въ теченіе послѣднихъ годовъ. Такъ, я живу въ глуши, гдѣ мнѣ нечѣмъ заняться, съ кѣмъ поговорить, гдѣ нѣтъ тебя, нѣтъ никого, съ кѣмъ бы я безъ скуки могъ раздѣлить время. Чтоже дѣлать? Неужели ѣхать назадъ изъ роднаго города, въ которомъ я провелъ свое дѣтство, и гдѣ все мнѣ дорого, изъ родины, въ которой я не былъ цѣлый годъ. Чтоже дѣлать здѣсь, спрашиваю я, что дѣлать въ теченіи шести недѣль, которыя я проживу въ Коломнѣ? Читать? Но ежели во всѣ шесть недѣль только тѣмъ и заниматься, что читать, читать да читать, то, право, хоть

кого тоска возьметъ. Этакъ пожалуй весь *изчитаешься!* Чтоже остается дѣлать? Чѣмъ разнообразить мои занятія въ чтеніи?.. Да, я не нашелъ другаго развлеченія, кромѣ письма. Итакъ я буду читать, потомъ писать, потомъ опять читать, послѣ чтенія снова писать; писать что придетъ на умъ, бросать на бумагу мысли и мечты, безпрестанно занимающія мою голову, всѣ чувства, кроющіяся подъ моимъ сердцемъ; писать то, что я вычиталъ въ книгахъ, дѣлать выписки и извлеченія изъ тѣхъ твореній, которыя особенно обратили на себя мое вниманіе, и дѣлать имъ оцѣнки. Вотъ мое *нѣчто!*.. Твой другъ.

Каково? Предисловіе хоть куда; жаль только, что все что я въ немъ написалъ — сущая ложь. Я тогда страдалъ ужасною любовію ко всему притворному, лицемѣрному, поддѣльному. Такимъ образомъ вмѣсто 1 сентября я выставилъ 1 августа для того, чтобы объяснить небывалую причину дневника. Такъ я выдумалъ какого то друга, и чтобъ поудобнѣе.....

ОПЕЧАТКИ.

Страница:	*Строка:*	*Напечатано:*	*Слѣдуетъ:*
9	21-я сверху	Валдгеймъ	Валдгеймъ
20	12-я „	Хмонинъ	Хлюпинъ
—	14-я „	Хмонина	Хлюпина
—	20-я „	Хмонина	Хлюпина
21	7-я „	Хмонинъ	Хлюпинъ
—	12-я „	Хмонинымъ	Хлюпинымъ
28	10-я снизу	Хмонина	Хлюпина
—	6-я „	Хмонинъ	Хлюпинъ
31	2-я сверху	от даленные	отдаленные
40	6-я „	Хмонину	Хлюпину
52	3-я снизу	абардѣ	Кабардѣ
58	16-я сверху	à	a
314	11-я „	но	не
336	9-я „	долнжому	должному
365	16-я „	desdernières	des dernières
467	3-я „	не нашлин нчего	не нашли ничего

UNIVERSITY OF ILLINOIS-URBANA
3 0112 074280998